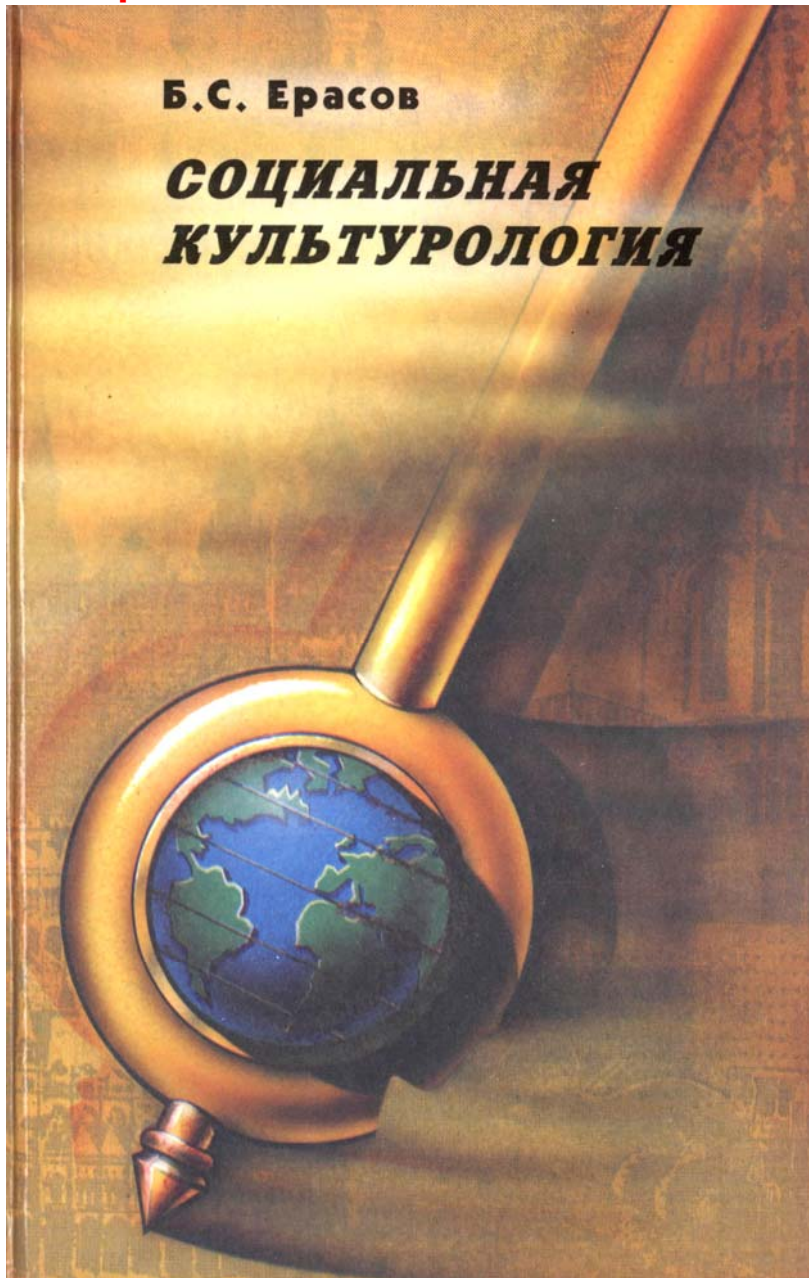

Сканирование и форматирование: Янко Слава (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru ||
yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исд# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу
update 18.12.06

Б.С.Ерасов
СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издание третье, дополненное и переработанное

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Социология», «Культурология»

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2000

УДК 373.167.1 ББК 60.5 Е69

Федеральная программа книгоиздания России

Е 69

Ерасов Б.С.

Социальная культурология: Учебник для студентов

высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

ISBN 5-7567-0132-X

Основная задача учебника — раскрыть содержание и принципы духовной деятельности как важного компонента социальной регуляции, наряду с экономикой, политикой и социальными отношениями. Пособие написано на основе обобщения и адаптации подходов к изучению социального функционирования культуры, получивших развитие как в зарубежной, так и в отечественной социологии и культурологии.

Для преподавателей и студентов университетов и колледжей, а также для всех тех, кто намерен разобраться в социальных механизмах культуры и ее влиянии на жизнь общества, в тех противоречивых процессах, которые происходят в нашем обществе и других странах.

УДК 373.167.1 ББК 60.5

ISBN 5-7567-0132-X

© «Аспект Пресс», 2000

Электронное оглавление

Электронное оглавление.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ВВЕДЕНИЕ. ОБЩИЕ ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	10
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	12
Часть I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ ...	13
Глава I. КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ	13
Основные темы.....	13
КУЛЬТУРА КАК УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ.....	13
КУЛЬТУРА КАК ТВОРЧЕСТВО И ОСОБАЯ СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	15
КУЛЬТУРА КАК СУММА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ.....	16
КУЛЬТУРА КАК МНОГООБРАЗИЕ И САМОБЫТНОСТЬ.....	17
КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ.....	18
КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ.....	18
ИТОГОВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	19
КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ.....	20
ГУМАНИТАРНОЕ КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	21
КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА.....	22
Структура наук о культуре.....	23
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	23
ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	25
ЗАДАЧИ И ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	25
Глава II. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	26
Основные темы.....	26
ВЫДЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	27
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД.....	28
ИДЕИ КРЕАЦИОНИЗМА, КАТАСТРОФИЗМА И ЭВОЛЮЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД И ТЕОРИИ ПРОГРЕССА	30
Критика эволюционизма.....	31
ДИФФУЗИОНИЗМ.....	32
ЗНАЧЕНИЕ Э. ДЮРКГЕЙМА ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ.....	32
ЗНАЧЕНИЕ М. ВЕБЕРА ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ.....	33
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД.....	34
Критика структурного функционализма.....	36
СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ.....	36
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЗАТОРСКИЙ подходы.....	37
ЛЕВО-РАДИКАЛЬНОЕ И АВАНГАРДИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ.....	38
ЗАПАД И ВОСТОК В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	39
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД.....	40
НЕЗАПАДНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	41
ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	41
Часть II. СРЕДСТВА И СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ	42
Глава III. КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ.....	42
Основные темы.....	42
КУЛЬТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МНОГООБРАЗИЕ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	43
КУЛЬТУРА КАК СФЕРА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	46
КУЛЬТУРА И ТЕХНИКА.....	51
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА.....	52
ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ И КУЛЬТУРА.....	53
ТИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРА.....	53
Взаимодействие типов социальности.....	55
Глава IV. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ОБЫЧАИ, НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ И ЗНАНИЯ	56
Основные темы.....	56
Аффективное и культурно-регулируемое поведение.....	56
АФФЕКТИВНОЕ И КУЛЬТУРНО-РЕГУЛИРУЕМОЕ ПОВЕДЕНИЕ.....	57
ОБЫЧАИ.....	58
НОРМЫ.....	59
Классификация норм.....	60
ЦЕННОСТИ.....	64
Классификация ценностей.....	65
Витальные:.....	65
Социальные:.....	65
Политические:.....	65
Моральные:.....	65

Религиозные:	65
Эстетические:	65
Семья, родственники, старшее поколение.	65
Межличностные отношения	65
Богатство	66
Труд как ценность	67
Практицизм (прагматизм)	69
Телесность как ценность	71
Механизм действия ценностей	72
Ценностные расхождения и полиморфизм культуры	73
ЗНАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ	77
Практическое знание	78
Духовное знание	79
Эмпирическое знание	79
Теоретическое знание	79
эзотерическое знание	79
Знание и вера	80
Знание и информация	81
ЗНАЧЕНИЯ*	82
Глава V. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МИФОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА	85
Основные темы	85
КУЛЬТУРА И МИФОЛОГИЯ	86
МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ	87
КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	89
Религиозное и светское в культуре	92
ОБЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ	93
Религиозное учение о спасении и его социологический смысл	94
Религия в функции социализации	94
Мистика	96
ПРОБЛЕМАТИКА РЕФОРМАЦИИ	96
Религия в современном мире	97
КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ	98
Идеология и массовое сознание	101
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА	101
НАУКА	103
Глава VI. ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ	105
Основные темы	105
ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ	106
ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА НОВЫХ НОРМ, ЦЕННОСТЕЙ, ЗНАЧЕНИЙ И ЗНАНИЙ И ДУХОВНОЕ ТВОРЧЕСТВО	107
ФУНКЦИЯ НАКОПЛЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРЫ	108
Воспроизводство духовного процесса. Преемственность и традиция	110
ФУНКЦИЯ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ	112
Специализированная культура	112
Рациональность — ценность — цель	114
Цель и средства	114
Аномия и отчуждение	115
КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ	116
СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ	118
КОМПЕНСАТОРНАЯ ФУНКЦИЯ	122
ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ	122
ФУНКЦИЯ - ДИСФУНКЦИЯ - ЛАТЕНТНАЯ (СКРЫТАЯ) ФУНКЦИЯ	123
Глава VII. КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ	125
Основные темы	125
СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЛИЧНОСТИ	126
ЛИЧНОСТЬ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ	128
ТИПЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	129
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ	131
Маргинальная личность	131
Глава VIII. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР	133
Основные темы	133
МНОГООБРАЗИЕ ТИПОЛОГИЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ	133
ФОРМАЦИОННЫЙ И КЛАССОВЫЙ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ	135
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СУБКУЛЬТУРЫ	136
КУЛЬТУРА И ЭТНОС	138
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛИЗМ	139
Национализм и история	142
ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ТИП СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ	143
Глава IX ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ	146
Основные темы	146
РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ОБЪЯСНЕНИЮ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ	146
МЕСТО КУЛЬТУРЫ: НАДСТРОЙКА, ТРАДИЦИЯ ИЛИ САМОБЫТНОСТЬ?	147

ТИПЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	148
Полиморфизм культурной динамики	152
ИСТОЧНИКИ И ФАКТОРЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ	153
Динамика цивилизаций Запада и Востока	157
Глава X. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ	158
Основные темы	158
РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В КУЛЬТУРЕ	159
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	159
ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА	160
ГОСУДАРСТВО И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ	161
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА, ЕЕ ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА	162
Органы управления культурой	164
КУЛЬТУРА И РЫНОК	165
Предпринимательство и культура	165
СТРУКТУРА САМОРЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ	167
Культурные учреждения и организации	167
Индустрия культуры и шоу-бизнес	167
ПРИНЦИПЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	168
ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА	169
ПРАЗДНИК КАК ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ	170
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ	171
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ВЕДУЩИЙ СЛОЙ В ДУХОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	171
Часть III. ТИПЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ	172
Глава XI. Доиндустриальный тип социальности и культурная регуляция	172
Основные темы	172
СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КОММУНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ	173
Социальная иерархия и система эксплуатации	174
Место достижительных ориентаций	174
ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	175
Структура и ценности традиционной культуры	175
Устойчивая мифологизация	175
Стыд и вина	176
Эгалитаризм и иерархизм	176
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ	179
ГОСУДАРСТВО В ДОИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ	179
Отношение к власти в традиционном массовом сознании	180
Глава XII. МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ	182
Основные темы	182
ТИПЫ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ	182
ДУХОВНЫЙ МЕХАНИЗМ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ	184
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕЛИГИОЗНОГО СПАСЕНИЯ	186
РЕЛИГИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	190
РЕЛИГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	190
МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВО	191
СВЕТСКАЯ ДУХОВНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ	192
ДУХОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ	193
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ	194
Глава XIII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	195
Основные темы	195
ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	196
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА	196
БАЗОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА	197
Рост просвещения	197
Формирование национальной культуры	197
Гражданское право как компонент социокультурной регуляции	198
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗРЕЛОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	198
Техника индустриального общества и культура	198
Массовость производства	199
Потребление энергии как критерий уровня жизни	199
Мир как функциональная предметность	199
Постоянный разрыв с традицией	199
Новые средства коммуникации (масс-медиа)	200
Модели мышления	200
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА	200
ЭТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*	202
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СПРОСА	204
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА	206
А. Социальное и духовное отчуждение	206
Б. Колониализм	207
В. Антагонизм человека и техники	207
Г. Экологические границы индустриализма	208
КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	208

КУЛЬТУРА МОДЕРНА	209
Глава XIV. МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА	209
Основные темы	209
ПРОИЗВОДСТВО И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ	210
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ	211
МЕХАНИЗМ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ	211
КРИТИКА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ	214
Глава XV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.....	215
Основные темы	215
ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	216
СТРУКТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР	217
УРОВНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР	217
Этнический уровень	217
Национальный уровень	218
Цивилизационный уровень	218
МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР	219
Колониализм и этнокультурные процессы	219
Критерии «цивилизованности»	220
Воздействие колониализма на культуру покоренных стран	221
Просветительство и реформаторство	222
Транснациональные корпорации и культурная экспансия	223
Массовая культура в системе воздействия	224
Роль средств массовой информации	224
Борьба за культурную независимость	225
ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОЙ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	225
ПРИНЦИПЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ*	227
Глава XVI. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	233
Основные темы	233
ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ	234
СУЩНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ	236
ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САМОБЫТНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ	238
СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗРЕЗЫ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА	240
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ	241
Глава XVII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	247
Основные темы	247
ЭТНИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ	248
ПРАВОСЛАВИЕ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	248
ПРОТИВОРЕЧИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	249
Бердяев о противоречиях русской культуры	250
Сложилось ли в русской культуре ценностно-смысловое ядро?	251
ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	251
ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ	252
ГОСУДАРСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ	252
КУЛЬТУРНО-ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*	254
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КУЛЬТУРА	257
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ	258
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	259
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ	260
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	263
Развитие или преемственность?	264
Развитие или социальная стабильность?	264
Заемствования или самобытность?	265
Этническое — общенациональное — мировое	266
Спор о верах	267
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	268
Глава XVIII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.....	269
Основные темы	269
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?	269
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА	271
ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ	273
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	274
ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ	274
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	275
ПОСТМОДЕРНИЗМ В КУЛЬТУРЕ	278
КРИТИКА НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ В КУЛЬТУРЕ	279
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	281
ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ИЛИ РЕФЕРАТОВ С ПРИМЕРНЫМИ ВОПРОСАМИ К НИМ И ЛИТЕРАТУРОЙ.....	281
ОБЩАЯ СПРАВОЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	282

Тема I. Социальная культурология как специальная дисциплина	282
Тема II. Этапы становления социальной культурологии (по вариантам)	282
ЛИТЕРАТУРА	282
Тема III. Концепция М. Вебера и ее значение для социальной культурологии	283
ЛИТЕРАТУРА	283
Тема IV. Социология и социологизаторство в изучении культуры	283
ЛИТЕРАТУРА	283
Тема V. Культура как система духовного производства	284
ЛИТЕРАТУРА	284
Тема VI. Культурные факторы хозяйственной деятельности	284
ЛИТЕРАТУРА	284
Тема VII. Значение культурных норм в социальной регуляции	285
Тема VIII. Ценности в системе социальной регуляции	285
Тема IX. Проблема преемственности в культуре	285
ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ VII-IX	285
Дискуссионная литература	286
Тема X. Культура и смыслы человеческого бытия	286
Тема XI. Роль культуры в процессах социализации	286
ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ X-XI	286
Тема XII. Знания как элемент культуры	286
ЛИТЕРАТУРА	286
Тема XIII. Телесность и культура. Эрос и культура	287
ЛИТЕРАТУРА	287
Тема XIV. Игровая функция культуры	287
ЛИТЕРАТУРА	287
Тема XV. Мифология в системе культурной регуляции	287
ЛИТЕРАТУРА	288
Дискуссионная литература	288
Тема XVI. Культура и религия	288
ЛИТЕРАТУРА	288
Тема XVII. Культура и идеология	289
ЛИТЕРАТУРА	289
Дискуссионная литература	289
Тема XVIII. Художественная культура как предмет социологического анализа	289
ЛИТЕРАТУРА	289
Тема XIX. Наука в системе культуры	289
ЛИТЕРАТУРА	290
Дискуссионная литература	290
Тема XX. Политическая культура в системе социальной регуляции	290
ЛИТЕРАТУРА	290
Тема XXI. Социокультурные основы власти и права	290
ЛИТЕРАТУРА	291
Тема XXII. Культурные факторы формирования личности	291
ЛИТЕРАТУРА	291
Тема XXIII. Культура как фактор этнической и национальной интеграции	291
ЛИТЕРАТУРА	291
Дискуссионная литература	292
Тема XXIV. Культурные основы мировых цивилизаций	292
ЛИТЕРАТУРА	292
Тема XXV. Динамика культуры	292
Тема XXVI. Эволюция и цикличность в культурной динамике	292
Тема XXVII. Культурное наследие и культурная эволюция	292
ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ XXV-XXVII	293
Тема XXVIII. Государство как социокультурный институт	293
ЛИТЕРАТУРА	293
Тема XXIX. Образование как социокультурный институт*	293
ЛИТЕРАТУРА	293
Тема XXX. Интеллигенция и духовное производство	293
ЛИТЕРАТУРА	293
Дискуссионная литература	294
Тема XXXI. Управление культурными процессами	294
ЛИТЕРАТУРА	294
Дискуссионная литература	294
Тема XXXII. Социокультурные принципы доиндустриального общества	294
Тема XXXIII. Социокультурная структура западной цивилизации	294
ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ XXXII-XXXIII	295
Тема XXXIV. Социокультурные характеристики индустриального общества	295
ЛИТЕРАТУРА	295
Тема XXXV. Массовая культура: содержание и социальные функции	295
ЛИТЕРАТУРА	295
Дискуссионная литература	296
Тема XXXVI. Взаимодействие культур	296
ЛИТЕРАТУРА	296
Тема XXXVII. Социокультурные факторы модернизации	296
ЛИТЕРАТУРА	297

Тема XXXVIII. Социокультурные характеристики России	297
ЛИТЕРАТУРА	297
Дискуссионная литература	298
Тема XXXIX. Социокультурные характеристики постиндустриального общества	298
ЛИТЕРАТУРА	298
Дискуссионная литература	298
РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПО ПРЕДМЕТУ «СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	299
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	300
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	305
ОГЛАВЛЕНИЕ	307

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная задача учебника — раскрыть содержание и принципы духовной деятельности как важного компонента социальной регуляции наряду с экономикой, политикой и социальными отношениями. Социальная культурология дополняет гуманитарное культуроведение в общем комплексе наук об обществе и культуре. Социологический подход позволяет выявить соотношение между нормой и действительностью, механизм реализации ценностных ориентаций и их роль в жизни общества, динамику и факторы культурных изменений, влияние культуры на социальные процессы и различные стороны жизни общества.

Вместе с тем культурология изучает и многообразие человеческого опыта, что делает настоящей задачей понимания принципов самобытности и взаимодействия культур на разных уровнях — этническом, национальном и цивилизационном, соотношения между преобладающей культурой и субкультурами. Социология культуры выявляет специфику «ответа» разных обществ на «вызов» современности, соотношение общемировых и локальных процессов в современном мире.

Данный учебник преследует не только общеобразовательные цели, т.е. знакомство с основами социального культуроведения как науки и его местом в системе других наук, введение в проблематику социокультурной жизни общества. Его концепция сложилась как ответ на духовную ситуацию в российском обществе. Освещая принципы функционирования культуры, учебник ориентирован также на то, чтобы помочь разобраться в процессах, присущих российскому обществу, в котором идут столь напряженные поиски идентичности и путей модернизации в сопоставлении с духовным устройством других регионов мира.

Задачей общего нормативного курса по социальной культурологии является и выявление тех исторических принципов, которые повлияли на складывание современных социокультурных систем, но вместе с тем и раскрытие новейших перспективных тенденций, формирующих облик постиндустриального общества.

3

При изложении конкретного материала в учебнике проводится сопоставительный анализ культур Запада и Востока, особое внимание уделяется России, чтобы раскрыть применение принципов культурологии к проблемам нашей страны и тем самым содействовать пониманию механизмов взаимодействия различных национальных культур и социальных слоев, особенности национального и цивилизационного устройства российского общества во взаимодействии с другими культурами.

Учебник написан на основе обобщения и адаптации подходов к изучению социального функционирования культуры, получивших развитие как в зарубежной, так и отечественной социологии и культурологии.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩИЕ ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Культурология — комплекс наук, все более упрочивающий свое место в теоретическом пространстве, образовавшемся после распада прежней ортодоксальной философско-идеологической системы, нацеленной на создание мировоззрения, в котором содержалось, казалось бы, целостное освещение характера природы, общества и человека. Вместо этой умозрительной системы в научном познании общества утверждается самостоятельность и взаимодействие различных наук, изучающих реальное общество, среди которых в качестве исходного и базисного принято деление на экономические, социологические, политологические и культурологические дисциплины. Конечно, в современном научном мышлении сложилась широкая диверсификация наук об обществе в соответствии со сложностью и многообразием изучаемого ими объекта. Каждая научная дисциплина имеет свой предмет изучения, т.е. сферу познания, которая отнюдь не охватывает весь объект. Это же относится и к культурологии, имеющей дело с обществом, но в особом измерении, в плане тех принципов и механизмов деятельности и регуляции, которые входят в духовную сферу во всем разнообразии этого термина.

Однако отличительной особенностью культурологии можно считать ее деление на два основных варианта, различающихся по своим целям, содержанию, методологии. Конечно, прежде всего культуроведение — гуманитарная наука, основанная на постижении внутренних закономерностей и структур культуры в ее различных «представительных» вариантах: литература, искусство, язык, мифология, религия, идеология, мораль и наука. В каждом из этих вариантов существует своя система «постижения» тех смыслов и знаний, которые необходимы для понимания текстов, образов, положений и принципов. Это предмет гуманитарного культуроведения, занимающий столь существенное место в просвещении, во всех ответвлениях филологического образования и в духовной жизни общества и человека.

5

Социальная культурология предполагает иную модальность в отношении к культуре, основанную на объективном и аналитическом, не «погруженном», а «отстраненном» взгляде на культурную жизнь общества. Это освоение не «идеалов», «вечных образцов», «внутренних смыслов» и «подлинных ценностей», а движущих мотивов реального поведения индивидов и групп или больших общностей, а также принципов духовной регуляции различных сфер социального бытия. Это обеспечивает возможность выявления социального значения культурных явлений в их соотносительности с другими сферами социальной жизнедеятельности, прежде всего экономикой, социальными отношениями и политикой.

Другое важное отличие социальной культурологии заключается в том, что социологический взгляд не ограничивается собственно духовными явлениями, и тем более проблемами художественной культуры, а проникает в культурный *подтекст* и смысл процессов и событий, происходящих в обществе, таких как смена технологий и социальных структур, политических систем, революции, реформы, войны и т.д. Более того, объектом внимания такой культурологии становится и повседневная жизнь общества.

Конечно, во многих отношениях такая культурология использует социологические принципы изучения общества и может рассматриваться как *социология культуры*. Тем не менее сложившаяся дифференциация научных дисциплин делает необходимым более широкое рассмотрение культуры, соотношения духовных факторов (норм, ценностей, смыслов и идей) с социальной регуляцией и социальным действием в разных культурно-исторических типах, существовавших в человеческой истории и продолжающих оказывать воздействие на социальные процессы. К сфере социологии культуры все больше относится анализ тех классовых и функциональных различий, которые существуют в городском и индустриальном обществе, включая и социокультурные процессы на микроуровне — в рамках групп, коллективов и в межгрупповом общении. К более широкой сфере социальной культурологии следует отнести анализ тех общих закономерностей, которые поддерживают целостность общества и его дифференциацию, социальное значение разнообразных проявлений духовной деятельности, включая мифологические и религиозные, повседневные и научные, сознательные и бессознательные. В сферу такой культурологии входит также изучение культурного наследия и авангарда, социальной памяти и состояния общественного сознания, генезиса и исторической трансформации духовных образований и социокультурных общностей, включая этнические, националь-

6

ные, цивилизационные и мировые.

Конечно, социальная культурология в таком освещении может рассматриваться как комплексная наука, подлежащая расчленению на различные дисциплины: социологию искусства и литературы,

религии и идеологии, знания, науки, информации, личности, межкультурного взаимодействия и т.д. Из этого же комплекса черпают свои истоки «культурная антропология», т.е. этнография, социология национализма, теория цивилизаций, теория модернизации, социология хозяйственной деятельности, досуга, потребления, масс-медиа и т.д.

Пришедшая вместе с гласностью открытость нашего общества привела к интенсивной плюрализации духовной жизни и стилей жизнеустройства, оформлению различных течений и субкультур, возрождению многообразного духовного достояния разных эпох и регионов, наплыву самых разнородных течений с Запада и Востока. Быстрая ломка прежних идеологических схем и духовных установок, «отмена» навязывавшегося ранее единого мировоззрения и официозной социалистической культуры привели к распространению состояния духовной неопределенности и дезориентации, в котором сталкиваются противоречивые или прямо антагонистические тенденции, что превращает духовную жизнь в размытое поле, чреватое напряженностью и срывами. Многие центры и институты культуры оказались ослабленными или дезорганизованными, важные средства распространения культуры (прежде всего масс-медиа) превратились в трансляторы манипуляторских и низкопробных образцов западной массовой культуры, рассчитанных на утверждение примитивных инстинктов, потребительства, социального равнодушия, презрения к низшим слоям. Такое положение снижает возможности различных социальных групп надежно разбираться в переплетении социокультурных тенденций, критически воспринимать идущие извне влияния, ориентироваться в сложной обстановке модернизации, введения рыночных отношений, перестройки государственных и социальных структур. В хозяйственной деятельности, социальных и национальных отношениях, политике и других сферах подрываются прежние нормативные и ценностные принципы — в отличие от «прагматических» соображений и «насуточных» интересов, диктуемых текущей ситуацией, но лишенных устойчивости и перспективы.

Учитывая новые запросы к общественной значимости науки, самые серьезные требования возникают перед науками о культуре. И первый из этих императивов — это признание реальности, а не выявление идеала, действительного процесса, а не только

7

духовного феномена, насколько бы значительным тот ни представал в сфере «собственно» культурной. Это означает, что социальная культурология разрабатывает и вводит в общественное сознание методы объективного анализа, «препарирования фактов», «диагностики» тех процессов жизнедеятельности, в которых не только происходит создание духовных или материальных ценностей, но и возникают застои, срывы, конфликты, массовые потрясения и крушения судеб обществ, классов, социальных и этнических групп или отдельных личностей. Важное значение приобретает знание процессов формирования практической культуры, обеспечивающей устойчивую регуляцию социального бытия, накопление и сохранение тех элементов, без которых эфемерными оказываются и высокие духовные ценности.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

1. Культура — это духовный компонент человеческой деятельности как составная часть и условие всей системы деятельности, обеспечивающей различные стороны жизни человека. Это означает, что культура «вездесуща», но вместе с тем в каждом конкретном виде деятельности она представляет лишь ее собственно духовную сторону — во всем разнообразии социально значимых проявлений.

Вместе с тем культура — это также процесс и результат духовного производства, что и делает ее существенной частью совокупного общественного производства и социальной регуляции наряду с экономикой, политикой и социальной структурой. Духовное производство и обеспечивает формирование, поддержание, распространение и внедрение культурных норм, ценностей, значений и знаний, воплощенных в различных компонентах культуры (мифы, религия, художественная культура, идеология, наука и т.д.). Как важный компонент совокупного производства культура не сводится к внепроизводственному потреблению или обслуживанию. Она является неременной предпосылкой всякого эффективного производства.

2. Культура раскрывает свое содержание через систему норм, ценностей, значений, идей и знаний, получающих выражение в системе морали и права, религии, в художественной сфере и науке. Вместе с тем о культуре общества, ее характеристиках, принципах и динамике с социологической точки зрения следует судить отнюдь не только по собственно «культурным» проявлениям: ху-

8

дожественная продукция, религия, право, наука и т.д. Культура существует и в практически действенной форме, в форме событий и процессов, в которых проявились установки и ориентации участников, т.е. различных слоев, групп и индивидов. Эти процессы и события, входящие в общую историю или связанные с какими-то проявлениями хозяйственной, социальной и политической жизни, имеют и культурную подоплеку, оказываются фактами и факторами культурной истории и культурного достояния данного общества. Зарождение или принятие религии, формирование государства, социальные смуты, нашествия и войны, политические реформы, освободительные течения, технологические перевороты и научные открытия — во всем этом проявляются и культурные закономерности, формирующие данное общество и международные отношения.

3. В культуре находит выражение богатство и дифференцированность общественной жизни, а вместе с тем ее системность, поддерживающая единство общества и преемственность его развития. Через социальные и профессиональные субкультуры происходит адаптация общества к потребностям сложной деятельности.

4. Важная сторона культурной жизни — плюрализм культур, который раскрывается через анализ проблематики самобытности и взаимодействия культур на этническом, национальном и цивилизационном уровнях. Эти уровни складываются в ходе адаптации общества к условиям среды, внутреннего общения и взаимодействия между разными народами.

5. Культуре присуща собственная внутренняя динамика, движущие силы которой не совпадают прямо с материальным производством (и формационными факторами) или политической борьбой (и классовыми импульсами). Эта динамика связана с особыми для культурного процесса закономерностями, находящими специфическое выражение в облике и судьбах каждой культуры.

6. Культура функционирует не только в духовной сфере смыслов, норм и ценностей. Ее поддержание обеспечивается постоянно действующими институтами, такими как семья, образование, государство, религиозные и творческие организации, патронаж и рынок. Как государство, так и бизнес вырабатывают специфические формы поддержки различных сфер культуры, оказывая в то же время на них соответствующее воздействие.

7. Функционирование культуры во многом отличается в разных типах цивилизации, в доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных обществах. Это сказывается на содержании

9

культурных ценностей и норм, дифференциации культурных сфер, типе личности, характере коммуникативных средств, динамике культуры и т.д.

8. В современном мире происходят процессы складывания и распространения общемировой культуры, связанной с современной индустрией культуры и информатикой. Тем не менее сохраняются этнические и национальные характеристики, сложившиеся в ходе исторического развития, которые накладываются на политические процессы и приводят к усилению националистических движений. Важной проблемой для культурологии стало формирование действенных принципов межкультурного взаимопонимания.

9. Как и всякая научная дисциплина, социальная культурология располагает своей системой научных категорий и понятий, собственной терминологией, адекватно выражающей сложившуюся систему понимания социокультурных явлений. Владение этими категориями и языком — существенный признак, отличающий профессиональное и аналитическое понимание соответ-

вующих явлений от публицистического или любительского описания. Хотя в этих описаниях можно найти нередко яркое интуитивное проникновение в существо тех или иных явлений, субъективизм и ситуативность (а может быть, и конъюнктурность) делают их скорее фактами «биографии эпохи», чем средством аналитического понимания. Наука — требовательный культурный инструмент познания и «изымает» из своего обращения субъективные и эмоциональные допущения.

Недостаток профессионализма в описании культурных явлений сказывается нередко в использовании случайных, произвольных, метафорических или чужеродных терминов, которые не в состоянии прикрыть смутность понимания предмета и несут информацию скорее о субъективных склонностях автора, чем о самом предмете.

Такой характер, например, имеют термины, заимствуемые из других наук: «мутация», «генотип», «иммунитет», «код», «алгоритм» и т.д. Вполне допустимы и эффективны могут быть экспрессивные духовные термины при описании культурных явлений: «душа», «драма», «трагедия», «загадка», «ирония» и т.д. Однако строгость научного мышления требует преодоления этих «экспрессивных соблазнов». Вот почему важно усвоение необходимой суммы понятий и терминов, без которых культурология не может быть наукой.

Часть I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Глава I. КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Основные темы.

Что такое культура? Культура и «некультура». Культура как уровень развития, достойного поведения и как занятие изящными искусствами. Распространение понятия «культура» на общую сферу духовной жизни.

Культура как творчество и особая сфера деятельности. Смена критериев приобщения к культуре: религиозность, изящные искусства, письменность, компьютеризация.

Культура как сумма человеческих достижений и субкультурные варианты поведения.

Культура как многообразие и самобытность различных обществ и как основа многообразия форм жизнедеятельности.

Культура и этническая общность.

Культура и время.

Культура как предмет изучения. Выделение культуры из комплекса религиозных или космологических представлений. Различие между обыденным и научным пониманием культуры. Что значит «быть культурным человеком», «понимать произведения культуры» и «знать принципы функционирования культуры», каковы различия этих смыслов?

Гуманитарное культуроведение и социальная культурология. «Вживание в смысл» и социологический анализ произведений культуры и ее процессов. Культуроведение как знание истории культуры, смыслового содержания и принципов функционирования видов искусства и различных жанров в каждом из них, как знакомство с творчеством деятелей культуры, с культурной жизнью различных эпох. Социальная культуро-

11

логия как особая наука о месте культуры в регуляции жизнедеятельности общества, группы и индивида.

Философия культуры и культурология. Для культурологии культура — сфера духовной деятельности и социальной регуляции, оказывающая воздействие и на другие сферы, в том числе на экономику, политику и социальные отношения.

Соотношение общей социологии культуры и социологий истории, религии, литературы, искусства, знания, образования, морали, средств массовой коммуникации, семиотики, социальной психологии и т.д.

Культурология как социальная наука.

Теория и эмпирические исследования.

Итоговые определения.

Задачи и применение социальной культурологии.

КУЛЬТУРА КАК УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ

Хотя никакое общество невозможно без сложившейся определенной культуры, лишь на позднем этапе развития общественного сознания она была признана как особая сфера регуляции отношений и формы деятельности в ходе трудного и постепенного оттеснения религии и власти. На протяжении большей части истории общество рассматривалось как сфера воздействия двух несводимых друг к другу начал: властного (государство, властитель) и божественного (религия), а человек, соответственно, как сочетание природного (витального) и божественного (или космического, т.е. как власти Верховного Закона или сверхприродных энергий). Поэтому человек — полуживотное, полуангел и орудие в руках Бога, соединение элементов и энергий, продукт географии, расы, своей судьбы или

кармы либо же подданный своего государя. В космогонических мифах человек и все земное предстают как порождение или как элемент космоса, стоящий на грани «вечного хаоса». На многих языках слово «мир» в одном из своих значений передает представление о всеобщей целостности («весь мир»), в которую включены космос, природа, общество и человек. И все это многообразие подчинено единому Началу и Сверхзакону.

Но уже в античном мире человек и общество начинают выделяться в особую сферу, создаваемую человеческой деятельностью, усилиями, направленными на исправление «первичного» материала. В Древнем Риме в латинском языке слово «культура» зазвучало вначале для обозначения возделывания почвы или предметов окружающего мира, а затем и самого человека, что должно выражаться в его поведении. Это значение вновь зазвучало в про-

12

свешенном европейском сознании с XV или XVI в. Однако устойчивое признание в общественном сознании культура получила лишь в XVIII и XIX вв., что было связано с глубокими сдвигами в общественной регуляции и осознанием огромной важности культуры как самостоятельного компонента этой регуляции.

Теперь «в миру» стало значить только «среди людей», а культура охватила то значимое начало в человеке и вокруг него, которое не существует само по себе, от природы, а появляется благодаря труду человека, его разуму и его деятельности в самом широком смысле.

Но с самого начала слово «культура» особенно настойчиво использовалось именно в просветительском духе как обозначение достижений человеческого разума и рук, а значит, и уровня человеческих свершений. Уже с периода древней истории в развитых обществах выделялись особая сфера деятельности и особый способ (стиль) поведения, отделенные или противопоставленные другим сферам как более высокие, достойные и престижные.

Еще знаменитая древнегреческая поэтесса Сафо (VI в. до н.э.) восклицала по чьему-то адресу:

... Деревенщина!

Не умеет она

платье обвить

Около щиколотки.

Следование высокой городской моде почти неизменно считалось признаком культурности, а тот, кто не понимает этого и не умеет придерживаться ее норм в своем поведении, — некультурен, «деревенщина», «невежда» или — еще хуже — «варвар»*. Противопоставление культуры и некультуры дало сюжеты и для многих известных произведений мировой литературы. Достаточно вспомнить пьесу Шекспира «Буря», в которой выведен Калибан как воплощение непокоренной дикости, пьесу Мольера «Мещанин во дворянстве» или пьесу Б. Шоу «Пигмалион». Впрочем, более тонкий анализ покажет нам, что во всех этих случаях объект приручения, научения или приобщения к «достойной публике»

* Конечно, в античной культуре присутствовало и уважительное отношение к «деревенским трудам» и развитое понимание других культур — персов или скифов, о чем свидетельствуют, например, труды знаменитых древнегреческих историков Геродота или Ксенофонта. Однако это не меняет положения о высоком «этноцентризме» культуры греческого полиса, утверждавшего свою особенность в противостоянии «варварскому» миру.

13

обладает своей субкультурой, хотя и не престижной в ее собственном мнении.

В таком употреблении слово «культура» означает сферу и способ более высокого и достойного поведения, приобщение к значимым духовным достижениям человечества, понимание художественных творений или знание научных истин и положений, свободное владение литературным языком и признанными иностранными языками, воспитанность и корректность в поведении, моральную ответственность, художественный вкус и т.д. Поэтому считается, что через приобщение к этой сфере человек может отойти от привычного и подчас утомительного существования и освоить более достойный образ бытия и стиль жизни. Для достижения такого состояния всякий человек проходит через длительный период воспитания и образования в семье, школе, университете, и именно эти институты определяют его сущность как человека. Для этого же он вчитывается в художественную литературу, посещает музеи и театры, смотрит кинофильмы, слушает музыку, приобщается к исполнительству в какой-то сфере.

Мы уже упомянули, что эта сфера приобрела особый престиж далеко не сразу. Длительное время высший статус отводился религиозной духовности и сакральное слово, образ или сюжет имели гораздо большее значение, чем «остальная культура». Собор, мечеть и монастырь представляли и гораздо большую художественную ценность, чем дворцы знати с их художественной атрибутикой. Храмы, соборы, мечети строились для «всего народа» и воплощали высшую и непреходящую ценность Спасения. Религия оценивалась как главный, стержневой, ведущий компонент, определяющий основной облик общества. По отношению к этим ценностям другие люди могли считаться хотя и не варварами, но «грешниками» или «погаными». Лишь духовное попечение могло

вызволить их из «мрака язычества».

Что касается культуры, т. е. «изящных искусств», то они служили в основном целям развлечения знати в периоды, когда она не занималась «основным» делом — управлением или войнами. Впрочем, и война была, как известно, не только «ратным делом», но и служила целям стяжания славы, проявлением геройства и чести. Война (а зачастую и разбой), как и культура, представляла способом выхода за пределы заурядного существования. Артистическая культура занимала явно подчиненное место: сказители и песенники приглашались в зал во время или после торжественного пира, а «разбойный» фольклор всегда составлял заметную часть художественной культуры.

И все же к Новому времени положение меняется и культур-

14

ная жизнь предстает как сложное многообразное и многослойное образование, охватывающее в той или иной степени все сферы жизни. И среди образованных кругов происходит постепенное признание нормативности культуры, отражающей возможности земного бытия. Прежнее «безмолвное большинство» предстало как носитель мощного устойчивого пласта народной культуры. Подвергавшаяся прежде осуждению и преследованиям со стороны религии, то допускавшаяся, то ограничиваемая официальными властями, народная культура становится частью признанного общественного достояния. Как мы увидим, уже в рамках Реформации в европейском менталитете получила признание и обыденная жизнедеятельность, хотя и строго регулируемая религиозными принципами. На протяжении XVIII—XIX вв. в общественном сознании упрочивается принцип реализма, что находит отражение и в признании этого принципа в художественной культуре: «низкая» повседневность становится достойным предметом изображения, причем, до поры до времени только предметом, подлежащим переосмыслению с точки зрения более высоких ценностей и перспективных ориентаций. В XIX и начале XX в. еще шла упорная борьба против «снижения культурного уровня» или смены установившихся стилей. Классические нормы постепенно отступали под давлением «чувства реальности» и признания ценности практицизма, утверждаемого упрочением рыночных отношений и их проникновением во все сферы жизни. В культуре происходит утверждение низких истин как ориентации в повседневной жизни.

В XX в. положение заметно изменилось и утвердилась «массовая культура», формируемая большей частью через явное противостояние «высокой» культуре или нарочитое снижение заимствуемых из нее сюжетов и смыслов. В ходе многочисленных дискуссий часто звучит острая критика по поводу «низменных вкусов», отвечающих потребностям рынка, но эта критика остается ценностным суждением со стороны художественной элиты, ревниво относящейся к пригодности такого искусства для более широких масс населения.

В созревающем индустриальном обществе, в котором важным принципом самоорганизации стало утверждение национальной культуры, все большее значение приобретала письменность. Хорошо знакомые каждому ребенку трудности овладения грамотой (и счетом) были непременным условием полноправного вхождения в общество. Успехи сопровождалась поощрениями, а неудачи наказаниями.

На грани XIX и XX вв. в созревшем индустриальном обществе таким критерием для «современного европейца» становится при-

15

общение к городской жизни и машинной технологии. В конце XX в. важным критерием вхождения в постиндустриальное общество становится «компьютерная грамотность», т.е. овладение информационной технологией. Вот как пишет об этом российский академик Н. Моисеев: «Подобно тому, как в прошлом веке после первой научно-технической революции люди, не умеющие читать, оказались лишенными «места под солнцем», так и сейчас, уже в наступающем десятилетии, лица, не владеющие элементарной компьютерной грамотностью, окажутся на обочине общественной жизни. Народы, не сумевшие овладеть информационными технологиями и использовать их, неизбежно окажутся на периферии исторического процесса»*.

Впрочем, как на заре античной истории, так и при наступлении «технотронного века» уровень развития какой-то одной из сфер деятельности или какого-то общества еще отнюдь не исключает разнообразия культурной среды и плюрализма культур стран и народов.

КУЛЬТУРА КАК ТВОРЧЕСТВО И ОСОБАЯ СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Культура — необходимое условие существования всякого общества и поэтому может рассматриваться как всеобщее достояние. Лишь крайняя патология или полная деградация индивида исключает его из культурного общения. Но, конечно, степень и характер такого общения и освоения культурного достояния весьма различны. В дальнейшем мы разберем характер культурной стратификации, складывающейся во всяком обществе. Но все же с самого начала следует выделить ту сферу, в которой культура находится «у себя самой», где обеспечивается ее формирование, сохранение и творческое развитие.

Уже на ранних этапах человеческой истории выделяется особая категория людей, которые профессионально заняты воспроизведением, поддержанием и обновлением культурных норм, ценностей и смыслов. Уже в племенных обществах это были шаманы и вожди, пользовавшиеся особым статусом. Длительное время тщательная и всесторонняя регуляция духовной жизни осуществлялась религией, всегда отделенной от светской сферы. Формирование национальных государств привело к тому, что и культурная жизнь складывается во многом в национальных рамках, что

* Моисеев Н. Информационное общество: Возможности и реальность // Политические исследования. — 1993. — № 3. — С. 13.

16

приводит к выделению особого слоя национальной интеллигенции. Это означает, что во всяком обществе образуются особый институт и профессиональные кадры, которые и заняты поддержанием и развитием культуры, оставляя хозяйство за «производительными классами», а власть за политиками. Хорошо известно, насколько редко встречается достойное признание сочетание успеха в этих разных сферах деятельности.

Итак, обобщая приведенные выше положения, мы можем заключить, что культура — это особая сфера и форма деятельности, имеющая свое содержание и свою структуру, а вместе с тем воздействующая на остальные сферы бытия, в том числе на социальные отношения и политику. Культура создает то поле и способ общения, в котором и формируется каждое отдельное общество со своей внутренней структурой, но отмеченное самобытностью, отделяющей это общество от других. Третья ипостась культуры — уровень жизнедеятельности, обеспечиваемый постоянной заботой о поддержании высоких образцов и «подтягивании» к ним реальной деятельности и поведения человека.

Но выявление различных сторон культурной деятельности еще не дает нам основания для определения сущности культуры как целостной системы и важного блока совокупной социальной регуляции наряду с экономикой, социальной системой и политикой. Эта сущность связана с духовным производством, в ходе которого создаются, сохраняются, распространяются и осваиваются нормы, ценности, смыслы и знания, — что и составляет исходный комплекс элементов культуры. Из этих элементов и складываются основные компоненты культуры: мифология, религия, идеология, художественная культура, физическая культура и т.д. Во взаимодействии с другими подсистемами социальной жизнедеятельности, в том числе материальным производством, культура осуществляет различные функции социальной регуляции.

КУЛЬТУРА КАК СУММА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

Теперь нам необходимо объяснить по поводу нередко встречающегося в теории культуры положения о том, что к культуре следует относить все то, что создано человеком, — в отличие от влияния природной среды обитания или его биологической природы. Такое определение включает, в сущности, всю жизнь общества, в том числе производство и технологию, экономические и семейно-брачные отношения, государственный строй, верования и т.д. Хотя достоинством такого подхода является выделение

17

общественной природы культуры, чрезмерно расширительное ее толкование стирает грань между различными сферами жизнедеятельности человека. С такого рода «экспансией» в сферу интересов других дисциплин вряд ли можно согласиться.

Подобное расширение происходит и в том случае, если культура определяется как «заученное поведение, разделяемое другими». В него включаются не только факторы и способы *регуляции* поведения, но и само поведение и деятельность, которые могут быть направлены на самые разнообразные цели. Сфера поведения (и деятельности) в целом слишком обширна, как мы увидим, обратившись к теоретической схематике Т. Парсонса (глава III), слишком многофакторна, чтобы подчинять ее одному сквозному принципу. Следует учитывать различие между поведением и деятельностью, направленными на удовлетворение хозяйственных нужд, т.е. трудом, на достижение политических целей, т.е. «борьбой за власть», на военные задачи и т.д. Конечно, в каждой форме поведения присутствует культурный компонент — и даже на войне не обойтись без символики и специфической художественной культуры, хотя бы для того, чтобы создать образ врага, а заодно научиться у него «искусству воевать». Но не следует считать это собственным полем культуры, это ответвления от нее, подчиненные принципиально иным типам детерминации.

Результатом «заученного поведения» может стать и участие в преступной деятельности, а групповая деградация создает то «дно» жизни, на котором люди оказываются за рамками какой-либо культуры.

Конечно, с точки зрения собственно социологии всякое поведение может иметь свои *субкультурные* характеристики. В криминальном мире существуют свои «понятия о чести», т.е. принятые в этой среде правила поведения и ценности. Криминальная субкультура создает свои

правила поведения прежде всего через снижение уровня ценностей и примитивизацию *большой* культуры. Хотя богатство и ранги имеют смысл в обеих сферах, они резко различаются своей направленностью — социальной или антисоциальной. Но эти вопросы мы рассмотрим подробнее в главе VIII, когда речь пойдет о социальном структурировании культуры.

Но уже на данном этапе может возникнуть вопрос о том, какой же смысл имеет столь частое и напряженное обращение культуры, в том числе художественной культуры, к проблеме и теме преступления и насилия, — и притом далеко не всегда, чтобы явно осудить эти «ненормативные» формы поведения. Можем сказать в предварительном порядке, что антисоциальные и бес-

18

человечные ситуации, которыми изобилуют литература и искусство, подвергаются стилевой и жанровой обработке в соответствии с некоторыми заданными критериями, что делает эти сюжеты предметом искусства, а не криминальной хроники.

Социология отклоняющегося поведения дает детальный анализ типов расхождения действительного поведения с теми нормами, которые признаны обществом, хотя оценка этого поведения производится в соответствии со всей системой значений, выработанных именно в культуре. Конечно, выправление такого поведения осуществляется методами, которые могут далеко выходить за рамки культуры.

Во всем том разнообразии человеческой деятельности, в которой и проявляется существование общества и его прошлый опыт, следует выделить совокупное общественное производство как целенаправленную деятельность, продуктом которой являются не только материальные факторы существования, но и все то, что обеспечивает это существование. В это производство следует включить моральные, эстетические и познавательные компоненты, связь с прошлым и перспективы на будущее, дифференциацию общества и его единство, его отношения с себе подобными и отличными от него общностями. Очевидно, что существенным компонентом такого совокупного производства является духовное производство, которое и создает культуру как существенную часть общей системы жизнедеятельности.

КУЛЬТУРА КАК МНОГООБРАЗИЕ И САМОБЫТНОСТЬ

Уже мифические строители Вавилонской башни столкнулись с разнообразием языков, а следовательно, и культур, которое и помешало им закончить проект, не учитывая важность «интеркоммуникации». Позднее христианство давало единую духовную систему, в которой снимались различия «между эллином и иудеем» и возникла устойчивая система общения. Такую же роль выполняли в других регионах такие мировые религии, как ислам, индуизм, буддизм и конфуцианство. На протяжении многих веков народы узнавали друг о друге прежде всего как о носителях иной веры, строителях храмов иного стиля. Величайший авторитет религии до поры до времени ограничивал рамки признания и даже допущения значения иной веры, носители которой порой представлялись все как «поганые», «дикари», «нехристи», и т.д. Наряду с религиозным различием друг друга все большее значение и распространение приобретают национально-этническая

19

дифференциация и идентификация. На протяжении XVI—XIX вв. просветительское деление народов на «цивилизованных» и «диких» в ходе великих географических открытий и экспансии европейского колониализма все больше уступает место сравнительному изучению культур, означающему их признание как самостоятельных, особых, по-своему ценных проявлений тех *универсалий*, которые присущи всем народам.

С именем крупного немецкого мыслителя Гердера связывают обычно обоснование многообразия человеческих культур. В своей книге «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) он отводил культуре решающее значение в формировании различных человеческих общностей. И именно культура, подчеркивает он, выраженная в языке, искусстве, науке, религии, ремеслах, семейных отношениях, придает своеобразие каждому обществу.

Образное выражение этого положения мы найдем в известном поэтическом завещании Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

В этих строках наряду с осознанием поэтом высокого значения художественной классики (в ее авторском исполнении) присутствует несомненная констатация разных культур, отличающихся самобытностью, которая одновременно отделяет каждую общность, но вместе с тем обеспечивает взаимное понимание.

Вопреки всем предсказаниям и ожиданиям «прогрессистов» XX в. увидел не угасание разнообразия и самобытности различных больших и малых культур, а их проявление, самоутвержде-

ние, сопровождаемое интенсивным стремлением к возрождению и преобразованию в соответствии с новыми вызовами времени, но при сохранении своей специфики. В значительной степени современная мировая культура, как мы увидим в главе XV, развивается через взаимодействие различных локальных и функциональных культур, в результате чего возникает сеть общения, поддерживающая огромное разнообразие не только стилей и типов менталитета* или поведения, но и ценностных

* *Менталитет* — глубинный уровень культуры, присущей тому или иному народу или социальному слою, на котором осознанное соединяется с бессознательным и который служит основой устойчивой системы смыслов и представлений, укорененных в сознании и поведении многих поколений.

20

ориентаций и национально-этнической самобытности. Это общение протекает через взаимное выяснение отношений, через распри и конфликты, но вместе с тем и через взаимную адаптацию и понимание своеобразия соседей или сожителей на единой территории.

КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

В принятом в этнологии языке очень часто под культурой понимается вся та небольшая общность, которая составляет данный этнос, и здесь культура охватывает все проявления социальной жизнедеятельности, без разделения на сферы хозяйства, политики, социальных отношений и культуры. Таким образом, здесь под культурой понимается общество в целом, а сам термин употребляется в значении, сходном с термином «общество». В результате долгого выяснения отношений между специалистами по культурной и социальной антропологии принято относить к «обществу» ту группу людей, которая живет и действует совместно, вступая в определенные отношения, а к культуре — их образ жизни, формы деятельности, как материальной, так и духовной. Конечно, провести четкую границу между этими двумя категориями невозможно и поэтому различие между культурной и социальной антропологией также условно. Обычно британские исследователи, занимающиеся этническими группами, относят себя к «социальной» антропологии, а американские — к «культурной».

Под влиянием такого рода антропологии в вербальном общении образованных людей в городской среде термин «культура» подчас становится применимым скорее к экзотическим стилям жизни примитивных обществ Тропической Африки, южной части Тихого океана или северной Сибири. Они могут удивиться, узнав, что и сами подлежат анализу как носители особой разновидности культуры, а не «мировой цивилизации».

Очевидно, что такое антропологическое понимание культуры принципиально отличается от придаваемого ей смысла как сферы только подлинно высокой духовности, противопоставленной всему обыденному, практическому и хозяйственному.

Вот часть воображаемого диалога между представителями разного понимания культуры, приводимого американскими культурологами К. Клакхоном и В. Келли:

Антрополог. Обыкновенный котелок для антрополога — такой же продукт культуры, как соната Бетховена.

21

Бизнесмен. Я рад слышать это. Для моей жены культурный человек лишь тот, кто может говорить о Дебюсси, Элиоте, Пикассо... *

Нам придется разойтись с обеими точками зрения, хотя каждая из них в определенной степени, как мы видели, оправдана. Культура не сводится к высоким образцам художественного творчества. Она действительно пронизывает все сферы человеческой деятельности. Но отнюдь не все эти сферы могут рассматриваться как относящиеся к собственно культуре. Каждая из них имеет свое содержание и регулируется собственными принципами, которые находятся в сложном взаимодействии, дополняя друг друга или вступая в противоречие. Отнюдь не все стороны «котелка» или любого другого продукта материального производства могут рассматриваться как продукт культуры. В гораздо большей степени это продукты хозяйственной деятельности и соответствующей технологии. И хотя для этих технологий необходимо соответствующее «культурное обеспечение», оно приходит из той сферы, где культура самостоятельна, где она «у себя дома» и формируется в соответствии с присущими ей принципами.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Важное измерение всякой культуры — время, которое именно в ней протекает, подвергается структурированию, накапливается или забывается. Организуя во времени протекание событий, сохраняя их в памяти общества, культура обеспечивает как поддержание информации, необходимой для выживания и развития общества, так и передачу ее во времени — на длительные отрезки. Время вносит важные коррективы в формирование самобытности, которая претерпевает неизбежные изменения, сохраняя присущую ей структуру и содержание. Оно может измеряться по-разному: по естественным или искусственным циклам, иметь линейную длительность, но во всех случаях

культура обеспечивает сохранение необходимого прошлого и определенное проникновение в будущее.

В наличных формах регуляции действуют те принципы, которые сложились в данной системе в прошлом и которые заложены в ее «памяти», «выходя на экран» тогда, когда регулятивная система обращается к «загруженному» в нее блоку. Идет ли речь о национальной жизни или о капитализме как социокультурной

* Клакхон К. и Келли В. Понятие культуры // Человек и социокультурная среда. — М, 1992. — Вып. II. — С. 16.

22

системе, при их рассмотрении нельзя обойтись без учета прошлого опыта. Становление современной системы духовной регуляции в целом или какой-то ее части в полной степени «высвечивается» только тогда, когда в достаточной степени проанализированы прошлые этапы становления этой системы.

Поэтому вновь и вновь классификация культур производится не только по уровням или типам общностей, но и по периодам. Хотя эти периоды во многом не совпадают в разных обществах, принято устанавливать некоторые общие типологии культур в зависимости от принятой периодизации: «культура древнего мира», «средневековье», «новое время», «культура эпохи Тан», «индийская культура при Моголах» и т.д.

В каждом обществе время подвергается институциональному и социальному структурированию. В средние века его держала под своим контролем церковь или государство, поэтому время измерялось либо от уникальных «откровений», либо по династическим периодам. Длительное время город и деревня жили «по разным часам», по своим временным циклам жили разные цивилизации. В индустриальном обществе время становится условием эффективного производства и подлежит единому точному (большей частью механическому) расчету — по часам и календарю и приспособлено к принципам крупного производства. И только в постиндустриальном обществе оно распадается на разные ритмы в соответствии с устойчивым плюрализмом социальной жизнедеятельности и разнообразием культурной жизни. Мы еще вернемся к рассмотрению этой важной характеристики культуры в главе о динамике культуры.

ИТОГОВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В научной литературе определений культуры выдвигается много. Подчас высказывается мнение, что найти адекватное общее определение, отвечающее задачам общетеоретического ее изучения, не представляется возможным. Это мнение особенно укрепилось после того, как в выпущенной в 1952 г. книге американских культурологов А. Крёбера и К. Клакхона «Культура. Критический обзор концепций и определений» было приведено более 150 определений культуры. Ссылка на эту книгу нередко используется для подтверждения чрезмерного многообразия используемых определений и неопределенности сколько-нибудь адекватного собственно научного определения. Однако это не так, сами американские авторы показали, что большинство определений укладывается в некото-

23

рую общую схему, в которой можно выделить очень немного вариантов в зависимости от того, на какой аспект делает акцент тот или иной исследователь. А это значит, что расхождения не следует считать необозримыми и непримиримыми.

Суммируя приведенные выше типы понимания культуры, выделим пять основных определений, раскрывающих те стороны культуры, к которым мы будем обращаться в последующих главах. (Оставляем в стороне исходное значение «культивирование земли, растений или животных».)

1. Культура как особая сфера и форма деятельности, связанная с мышлением, занятиями художественной культурой, принятыми нормами поведения и т.д.

2. Культура как общий уровень развития общества, его просвещенности и рациональности на пути «от дикости к цивилизованности».

3. Культура как сумма общественных достижений (включая технологии, отношения и представления), благодаря которым человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации.

4. Культура как специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающая одно общество от другого (или различные части общества — социально-статусные или профессиональные), способствующая его интеграции и придающая ему самобытность.

5. Культура как духовное измерение всякой деятельности, в котором формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности. В этом понимании культура предстает как духовный компонент совокупного производства, обеспечивающий поддержание и изменение этого производства и общественных отношений в целом. Как мы увидим в главе III, такое понимание культуры обеспечивает наиболее полноценный подход к ее рассмотрению в качестве составной части общего механизма социальной регуляции.

Итак, обобщая приведенные выше положения, мы можем заключить, что культура — это особая сфера и форма деятельности, имеющая свое содержание и свою структуру, а вместе с тем воздействующая на остальные сферы бытия, в том числе на социальные отношения и политику. Культура создает то поле и способ общения, в котором и формируется каждое отдельное общество со своей внутренней структурой, но отмеченное самобытностью, отделяющей это общество от других. Третья ипостась культуры — уровень жизнедеятельности, обеспечиваемый постоянной заботой о поддержании высоких образцов и «подтягивании» к ним реальной деятельности и поведения человека.

24

КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Как мы видели, культура выражает разные стороны жизни общества или деятельности человека, что и привело к формированию принципиально отличающихся между собой дисциплин, располагающих своими особыми методами, своим научным аппаратом и терминологией, своими авторитетами и школами. В значительной степени культура предстает как сфера особого внимания того гуманитарного культуроведения, которое обеспечивает глубокое *понимание* внутренних смыслов творений культуры, содержащихся в них образов и смыслов, формы и стиля. Именно через такое понимание обеспечивается более сознательное освоение культурного достояния, его сохранение и дальнейшее творческое развитие.

На протяжении всей своей жизни человек живет в мире культуры, через которую он формируется, обретает возможность понять принципы устройства окружающего мира и свое место в этом мире. Именно поэтому нужна широкая работа учителей, воспитателей, писателей и публицистов, художников и музыкантов, т.е. всего того значительного разряда деятелей культуры и художественной интеллигенции, научно-технической интеллигенции и организаторов «индустрии культуры» и «фабрик знаний», без которых культура не может функционировать. Раскрытие образного и понятийного смысла классических текстов или современных произведений, предметов старого и нового искусства, ритуалов и форм поведения, значения научных открытий и накопленной информации — непереносимое условие адекватной ориентации членов общества в окружающем мире. *Вживание* во внутренний смысл произведений культуры, освоение информации как знания об объективных условиях деятельности необходимы каждому образованному человеку, а в современном обществе образование имеет все население, хотя и в разной степени. Для этого и существуют книги, кинотеатры, современные масс-медиа, культурные центры, школы, музеи, концертные залы, библиотеки и т.д. Для этого существует также и *понимающее культуроведение*, располагающее хорошо разработанными методами толкования смыслов и раскрытия содержания культурных творений. Более специальное направление этого культуроведения получило развитие в *герменевтике* как науке о толковании текстов культуры.

При более конкретном рассмотрении в этом направлении можно выделить аксиологический подход как понимание ценностного содержания культурных явлений. К нему же примыкает и семиотический подход, имеющий дело с пониманием знаков и тек-

25

тов как «языков» мифологии, литературы, театра, кино и других видов искусства.

Наряду с *понимающим* вхождением в культуру необходимо и *познавательное* выяснение функций культуры в обществе. Необходим причинно-следственный анализ, соотнесенный с теоретической концепцией. Последовательное вживание в ту или иную систему культурных образов может означать превращение зрителя или исследователя в приверженца этой системы и тем самым лишение или, по крайней мере, снижение его способности к трезвому, критическому отношению к предмету восприятия, превращая его в англомана, франкофила, кришнаита и т.п.

Способность к критическому социальному анализу необходима, в частности, для адекватного понимания религиозных систем. Такой анализ поможет избежать бесплодных споров по поводу исключительных достоинств той или иной религии, а вместе с тем признать функциональную нагрузку тех или иных сакральных принципов в данной духовной системе. Так, признание боговдохновенной сущности Корана отражает не столько факт озарения, снизошедшего на пророка Мухаммеда, сколько настоятельную потребность данного общества в объективации того сверхпринципа, который через сакрализацию единого обязательного текста в огромной степени детерминировал сознание, волю и намерения людей, а значит, и нормы поведения, и ведущие институты общества.

Духовные тексты и памятники лишь опосредованно выражают реальную жизнь культуры. Поэтому нужно их осмысление, выходящее за рамки внутренней интерпретации. Как известно, признание сакрального статуса Корана было не всеобщим и оспаривание этого статуса свидетельствует опять-таки не о субъективности отрицающих умов, а о вполне объективных потребностях расширения волевого и творческого начала в духовной жизни.

Итак, мы видим, что для рационального восприятия человеком действительности необходимо не только усвоение культурных ценностей, но и их критическое осмысление, понимание места тех или иных духовных явлений в реальной жизни — как в период создания, так и в последующей истории. Критическое и аналитическое понимание культурных явлений и дает культурология как социальная дисциплина.

Каждый метод имеет свои достоинства, свою функцию в духовных процессах и свои ограничения. Понимание оказывается связанным в той или иной степени с ценностной позицией — позитивной или негативной — в отношении воспринимаемого явления. Объяснение может быть в принципе свободно от оцен-

26

ки (на чем настаивал М. Вебер), но его возможности ограничены, так как оно должно вывести культурное явление из конечного набора причин. Поэтому оно оказывается неполным и опять-таки подверженным идеологическим интерпретациям. Как мы увидим, в полной мере эти достоинства и недостатки сказались на отношении к концепции самого М. Вебера среди исследователей и идеологов разных стран.

ГУМАНИТАРНОЕ КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В мировых системах образования или академических структурах утвердилось общее разделение между двумя типами наук об обществе: а) гуманитарные дисциплины, к которым относятся прежде всего филологический комплекс, история и теория культуры, история религий, литературоведение, искусствоведение, философия, этика и т.д.; б) социальные науки, в число которых входят экономика, политология, этнология, социология, экология и т.д.

Между этими дисциплинами нет четкой границы, так как каждая из них в той или иной степени использует конкретный материал, факты и данные, взятые из действительности, а вместе с тем имеет и свой концептуальный аппарат, оперирует той или иной методологией. Тем не менее между ними имеется и существенное различие, заключающееся прежде всего в том, что для наук первого ряда основная задача — дать *индивидуализирующее описание исходного материала*, явлений и фактов культуры, воссоздать объект в его подлинности и уникальности, и поэтому обобщение для них — вторичная задача, диктуемая необходимостью систематизации суммы объяснений и интерпретаций рассматриваемого материала. Для социальных наук основная задача — отыскание законов и принципов, позволяющих от общих принципов перейти к пониманию частных явлений. Поэтому в этих науках отдельные факты и явления не имеют научной ценности, а выступают лишь как лишенные конкретной специфики примеры общих понятий, из которых и складывается концепция, сообщающая аналитический смысл фактам и объединяющая их со множеством других*.

* В общей социологии это определяется как различие между идиографическим и номотетическим методами, раскрытое в работах В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера и других ученых. Как полагал М. Вебер, социологическая наука должна пользоваться как методом объяснения, так и методом понимания. Процедуру, соединяющую их воедино, он называл «объясняющее понимание».

27

Именно проведение такого различия и позволило мыслителям — основателям социологии в конце XIX — начале XX в. выработать общие принципы этой науки. Всякая научная дисциплина включает в себя теорию (или ряд теорий) общего и среднего уровня, определенную сумму понятий, которыми оперируют ученые, методологию как логические процедуры, соединяющие теорию и факты, описания эмпирического материала и фактов, подлежащих интерпретации. В естественных науках это деление носит весьма строгий характер. Это объясняется характером самого предмета, в котором четко отделяется объект от субъекта (физика или геология). В социологии (а тем более социологии культуры) эти границы провести труднее ввиду того, что всякое исследование здесь затрагивает субъективные факторы, а любые выводы, сделанные наукой, могут так или иначе повлиять на интересы каких-то социальных групп и войти в рассогласование с их представлениями. Это означает также, что для социолога важная задача — адекватное преподнесение своих теорий и обследований общественному сознанию и мнению различных групп населения.

Дифференциация общественных наук делала все более трудным целостное, холистское понимание общества, функцию которого обычно брала на себя философия. Разрастание объема знаний об обществе, интенсивное развитие различных политологических, социально-психологических, социологических и культуроведческих дисциплин сделало задачу целостного понимания общества все более многомерной, а попытки редукции (сведения) общественной жизни к единому детерминирующему началу эвристически ограниченными или несостоятельными. Так, были ограничены «претензии» экономического детерминизма, усматривавшего в способе производства ведущий объясняющий фактор, действующий на все сферы жизни общества. Сократилась сфера влияния социологизаторского подхода, сторонники которого рассматривали духовные процессы как

функцию социального положения различных слоев населения. Пересмотру подвергся и исторический материализм, так как обнаружилось, что духовные факторы оказываются самостоятельно действующими, политика отнюдь не сводится к обеспечению интересов различных социальных слоев, а история отнюдь не уходит в прошлое с изменением обстоятельств.

Отход от монополии монистического объяснения привел к становлению самостоятельных научных дисциплин, рассматривающих различные сферы общественного бытия. Соответствующие сферы деятельности и сознания общества изучают политэкономия, политология, социология, правоведение и другие науки.

28

Их выделение в самостоятельные научные дисциплины происходило на протяжении XIX — начала XX в. Сначала социология определялась как общая наука о социальных отношениях и поведении. Однако потребность в изучении сферы, которая непосредственно занята выяснением содержания и принципов духовной деятельности, привела к формированию наряду с гуманитарным культуроведением и социального культуроведения. Разрастание гуманитарных наук привело к дальнейшей дифференциации между теорией и историей искусства, литературоведением, музыковедением, театроведением, теорией и историей архитектуры, киноведением, теорией дизайна и т.д. Общие принципы функционирования различных видов художественной деятельности с точки зрения чувственного отношения к действительности рассматривает эстетика. Особой сферой гуманитарного знания стала этика, интерпретирующая различные стороны нравственности с точки зрения моральных норм и идеалов. На протяжении нескольких веков складывалась сумма религиозно-духовных дисциплин, интерпретирующая различные стороны духовной жизни для потребностей религиозного института.

В социальных науках, продвигающихся от общего к частному, от общего понимания социальных закономерностей к анализу отдельных проявлений жизни общества, происходило становление своих принципов, методов и категорий.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

Как мы уже видели, представляемая в этом учебнике дисциплина основана на применении методов социальных наук к предмету, воплощающему, казалось бы, чисто гуманитарное содержание. Это обстоятельство подчас вызывает недоумение или нарекания со стороны культуроведов, сопротивляющихся отстраненному рассмотрению своего предмета или стремлению выявить культурное содержание «некультурных» сфер, например трудовой деятельности или политики. В самом деле, в социальном анализе все элементы духовной жизни «изымаются» из собственно духовной сферы и рассматриваются в контексте реально функционирующей системы социальных отношений, деятельности и производства. Впрочем, это относится ко всем прочим сферам, входящим в орбиту внимания социологии: политика (социология политики), организации (социология организаций), труд (социология труда), классовые отношения (социология рабочего класса, крестьянства, профессий, индустриальная) и т.д.

29

Социальная культурология рассматривает духовные факторы регуляции социальной жизнедеятельности как самостоятельную и специфическую сферу, хотя и находящуюся во взаимодействии с другими сферами и формами регуляции. Она объясняет социальное содержание, принципы и структуру духовной деятельности, воздействие культурных факторов на экономическую активность и политику, на типы социальной организации, место различных слоев и классов в духовной жизни общества, уровни и типы организации духовной жизни и т.д.

Уже в силу того обстоятельства, что важным измерением культуры является время и именно в культуре прежде всего обеспечивается «связь времен», решается проблема преемственности и выхода в будущее, социальная культурология является также и исторической социологией.

Но в таком расширенном виде культурология выходит за рамки собственно социологии, хотя и совпадает с ней по многим важнейшим параметрам. Она включает в себя и некоторые принципы социальной философии, раскрывая место духовных факторов в устройении общества. Она обращается к социальной антропологии при анализе культуры этнических общностей. Она смыкается с теорией цивилизаций при рассмотрении социокультурных суперсистем.

Как и другие социальные науки, социальная культурология во многом по-разному выглядит в зависимости от того, ведется ли исследование на макро- или микроуровне. Повседневное непосредственное поведение индивидов и групп в локальных рамках и конкретных ситуациях подлежит социологическому наблюдению, эксперименту и опросу, которые могут раскрыть нам внутренний облик индивидов или малых ячеек, нормативно-ценностные установки, действующие в конкретных ситуациях. Однако даже в рамках отдельного учреждения, предприятия или тем более современного города мы сталкиваемся со значительным и огромным разнообразием культурных проявлений и факторов, которые необходимо сравнивать и обобщать. С одной стороны, обилие представителей

иных культур в городе, а с другой — подчиненность действий членов любой организации некоторым общим принципам и нормам, источник которых находится где-то за ее пределами, — все это заставляет нас выходить за рамки конкретных наблюдений и опросов и ориентироваться на более общий уровень культурной жизни. Этот уровень формируется национальной культурой, религией, городской средой, наукой, государством, мировыми связями, а также культурным наследием и ориентациями на будущее. В этой познавательной ситуации мы

30

должны обращаться к тем познавательным моделям, которые вырабатываются в теоретической социологии, общей теории культуры и теории цивилизаций.

В общественных науках длительное время проявлялась тенденция рассматривать культуру как начало, подчиненное либо хозяйственным факторам, либо властным отношениям. Такая точка зрения подчас смыкалась с идеологической концепцией «двух культур в культуре каждой нации», разделенных по социально-политическим признакам. Естественно, что в противовес этой позиции культурологи стремились максимально дистанцировать свой предмет от этих признаков, что крайне затрудняло анализ социальных функций культуры. Однако совместные усилия философов, социологов и культурологов обеспечили возможность фундаментального и содержательного рассмотрения культуры как отдельной и самостоятельной сферы в общей системе социальной регуляции.

Структура наук о культуре

Исходя из приведенного выше деления наук о культуре, можно представить следующее основное деление тех источников, на основе которых формируются эти науки и те дисциплины, которые получают развитие в рамках каждого раздела.

Гуманитарное культуроведение черпает свой материал и исходные результаты анализа из: 1) общих гуманитарных наук как филология, эстетика, искусствознание, языкознание, педагогика и др., 2) исторических дисциплин: общая история культуры, история религии, история искусств, история литературы, история языка, история наук, история нравов, история физической культуры и т.д., 3) из вспомогательных и прикладных дисциплин: археология, текстология, информатика, этнография, сравнительное культуроведение, музееведение, архивоведение, библиотковедение, краеведение и т.д.

Социальная культурология основывается на исследованиях, проводимых в: 1) комплексе общих социальных наук: культурная антропология и этнология, теоретическое религиоведение, теория цивилизаций, науковедение, социология знаний; 2) исторических науках: теория истории, история философии, историческая культурология, история религии, востоковедение и т.д.; 3) специальных и прикладных культурологических дисциплинах: политическая культура, хозяйственная культура, административная культура, массовая культура, военная культура, индустрия культуры и т.д.

Конечно, такое разделение имеет до некоторой степени условный характер, так как в каждой дисциплине необходимо как выявление общих принципов функционирования данного компонента культуры и его места в общественной регуляции (рели-

31

гии, мифологии, науки), так и выявление сущности конкретных проявлений, направлений, жанров и вариантов культурного творчества и деятельности. Поэтому между этими дисциплинами устанавливается взаимодействие, которое обогащает смысл и содержание каждой из них.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В ряде существенных отношений культурология включается в социальную философию, которая использует общие философские, социологические подходы, а также и категории смежных дисциплин — политэкономии, антропологии, социальной психологии — для выявления общих принципов функционирования общества. Однако степень сформированности специфических методов изучения собственно культурных явлений и процессов, а также способность к эмпирическому анализу делают социологию культуры самостоятельной дисциплиной.

Социальные науки в нашей стране длительное время находились в тисках той общей философской теории, которая претендовала на создание мировоззрения как «общей картины» мира, общества и человека и выработку целостной и «сознательной» ориентации человеческой деятельности. Но функциональная задача мировоззрения заключается в том, чтобы утвердить наличие единообразного понимания принципов, управляющих миром в целом, не выделяя места для действия самостоятельных альтернативных закономерностей и принципов для разных сфер деятельности. Такой подход исключает допущение обоснованности выделения других «субъектов» социальной регуляции, в том числе экономики (рынок), политики (общественное самоуправление) и культуры. В системе социальной регуляции и управления, основанной на сочетании властных (через государство) и идеологических (через партию) факторов, важное место отводилось целенаправленному

конструированию общего мировоззрения как духовной основы государства, общества и всех составляющих его единиц (наций, этносов, групп и личностей). В методологическом плане этот подход приводил к снижению статуса специальных дисциплин, в том числе социологии и культурологии, которые не могли претендовать на выделение своего особого предмета исследований или же должны были признать вторичность своего предмета («надстройки») и подчиненность своей методологии как «частной» науки, ее выводимость из мировоззренческих предпосылок, а не из логики изучения своего собственного предмета.

32

Одна из влиятельных марксистских концепций исходила из того, что культура — это целостное качественное состояние общества на определенном этапе его развития. Другие философы полагали, что отнюдь не любой способ жизнедеятельности может быть признан в равной степени культурным. Культурная сторона этой жизнедеятельности — это «степень осуществления в ней подлинной, универсальной природы человека, подлинно общественной связи», в которой человек освобожден от всякого рода отчуждения и от самой овеществленности в своих связях с миром и обществом и в которой реализуется универсальность человеческих способностей, т.е. человек становится в полной мере активным субъектом своей деятельности. Поэтому культура — это то, что «должно быть», состояние, отвечающее «сущности» человека и постепенно реализуемое в ходе развития общественной практики.

Как предполагалось такой концепцией, в классово разделенных обществах социальные отношения так или иначе ограничивали и сковывали человека, становились средством угнетения, противостояли развитию трудящихся в своем обществе и сближению народов в международном масштабе. Лишь в преображенном коммунистическом обществе найдут полноценную реализацию те общечеловеческие ценности, которые были выработаны в ходе истории, и культура обретет возможность неограниченного развития.

Гуманистическое и антропологическое содержание этого подхода не может заслонить тех принципиальных недостатков, которые привели к упадку его научного статуса. Прежде всего это *отстраненность* от реальной жизни, которая могла рассматриваться лишь как «этап» на восходящем пути общечеловеческой эволюции, лишь с точки зрения высших и конечных ценностей и идеальных типов общественного бытия. Культура представляла прежде всего как *идеал*, осуществление которого ограничено на каждом конкретном этапе истории, но который все же должен в перспективе пробиться сквозь преграды, вызванные недостаточным развитием производительных сил и классовыми антагонизмами. Как известно, неизбежным результатом такого умозрительного подхода стала утопичность представлений об обществе, ограниченность критического восприятия действительности и постоянное стремление приукрасить ее, увидеть в ней «зримые черты» коммунизма.

Методологический недостаток этой концепции вытекал из ее *тотальности*, из предрасположенности к рассмотрению общественной деятельности в целом, в ее наиболее общих характеристиках, что крайне затрудняло аналитическое рассмотрение специфики самостоятельных сфер общественной регуляции, прин-

33

ципов хозяйственной или политической деятельности, социальных отношений и культуры.

Еще одна издержка такого подхода заключалась в непризнании ценности различных вариантов культуры, которые объявлялись «локальными», «ограниченными» и «традиционными», т.е. обреченными на постепенное изживание, а значит, и не заслуживающими особого места в ценностях проектируемой «коммунистической цивилизации».

Неизбежная «перегруженность» марксизма задачами оправдания существующей системы управления снижала его критические потенции. К тому же, вытеснив из общественного сознания религию, марксизм и отвечающая его принципам социалистическая культура вынуждены были взять на себя и те безусловно-нравственные принципы, конечные ценности и представления о «спасении» и реализации человека, которые обычно связаны с религией. Эта роль официально утвержденной идеологии и культуры была тем более велика, что этой безусловности, очевидно, не хватало правящей системе, несмотря на все меры по культу вождя, партии и государства.

Марксизму пришлось взять на себя функции сакрализации идеалов, ценностей и знаний, необходимых для создания «целостной картины мира». Если при обращении к прошлому марксизму приходилось «скрепя сердце» делить сферы влияния с классикой, то при обращении к настоящему и будущему он в своих построениях становился гегемоном, оставляя для всех соперников лишь временное и условное существование. Сакрализация социалистического строя и его культуры дополнялась утопией «построения коммунизма», в которой культура и должна была обрести свою подлинную и окончательную реализацию, а человек — как полноценный носитель и созидатель ценностей, смыслов, идеалов и знаний — «стать всесторонним», освобожденным от природных и социальных ограничений и способным к решительному «покорению природы».

Именно отстраненность культурологии от существенных задач понимания и устройства реальной жизни, ее погружение в идеальную «историю духовности» или проектирование желательных форм устройства общества приводят к «эстетизации» мировоззрения, а реальная жизнь остается подверженной болезненным и пагубным конвульсиям, сопровождаемым утратой накопленного опыта и долгим недоумением по поводу того, что «творится в жизни». Вопреки засилью официальной идеологии в советской общественной мысли шла активная критическая работа по выявлению подлинного характера происходящих в обществе

34

процессов. Это сопровождалось и «самоопределением» самостоятельных научных дисциплин, в том числе различных ответвлений социологии и культуроведения.

ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уже на ранних этапах своего становления социологический подход к культуре формировался как позитивная наука, способствующая раскрытию смысла реальных фактов действительности. Сами по себе эти факты собираются, описываются и систематизируются через различные эмпирические и статистические методы. На протяжении последнего века эти методы подвергались все большему усложнению и усовершенствованию, превратившись в профессиональную сферу для эмпирической социологии. В последние десятилетия на службу этой социологии поставлены мощные компьютерные и информационные системы, превратившие информатику в одну из наиболее динамичных наук и отраслей индустрии постиндустриального общества. Тем не менее сами по себе эти процессы еще не означают «триумфа факта» и отмирания теории. Факты остаются незначимыми, если они не получают значения, сформулированного исходя из некоторой концепции, увязанной с другими компонентами общей социальной теории.

Как и в других социальных науках, в социальной культурологии существует серьезная проблема соотношения между *пониманием эмпирической реальности* и *теоретическими конструкциями*. Как известно, реальные явления и процессы подчиняются закону причинности, в то время как теория конструируется по принципам логической непротиворечивости. Само по себе исследование конкретных причин тех или иных явлений еще не дает нам общего понимания этих явлений, так как сталкивает нас с огромным разнообразием фактов и тенденций.

Поэтому необходимы некоторые конструируемые (идеальные) понятия, которые абстрагируются от множества деталей реальности и ставят в логическую связь отдельные признаки и черты. Такая конструкция показывает, каким должен быть социальный объект или процесс, если бы они отвечали логически непротиворечивой схеме. Обобщения совершаются на основе абстракции, схематизации, идеализации и других подобных приемов, через которые те или иные существенные параметры изучаемого предмета соотносятся с общими принципами и построениями данной научной дисциплины. Культурология многим обязана в этом пла-

35

не М. Веберу, знаменитому немецкому социологу начала века, к которому мы более детально обратимся в следующей главе.

Конечно, после создания некоторой схемы необходимо сравнение с ней реально протекающего процесса, а значит, и отклонений фактического от должного. Эти отклонения сами по себе еще не подрывают обоснованности идеальной конструкции, а, напротив, могут быть объяснены через выяснение причин, обусловивших такие отклонения.

ЗАДАЧИ И ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Исходная задача социальной культурологии — общий социологический анализ тех разнообразных культурных явлений и процессов, которые входят не только в сферу художественной культуры или нравственности общества, но и присутствуют в хозяйственной или политической системе деятельности, отражаются в историческом развитии общества. За образами и символами, идеями и мотивами, но вместе с тем и за переменами в их интерпретации или их нарушении и разрушении стоят те более глубокие действующие факторы и причины, которые составляют объективную систему социальной регуляции. Социальная культурология способствует выявлению важной части этой системы.

Научное знание не только дает мировоззренческие ориентации, но и способствует практическому анализу жизненных явлений. Рассмотрим это на примере одного факта культурной жизни. Идет традиционный фестиваль народной музыки, сопровождающийся выступлением фольклорных хоров, музыкантов, танцоров и т.п. Каково отношение к нему публики? Обычно — это непосредственное участие в самом празднестве, отношение к нему как к зрелищу, во время которого публика сопереживает преподнесенной ей — сюжеты, образы, ритмы. Что представляет это мероприятие для искусствоведа? Богатый источник для изучения типов инструментов, костюмов, манер и школ

исполнения, используемой символики и т.д. Историк, побывав на народном празднестве, обратится к некоторым сюжетам для иллюстрации того, как события истории запечатлеваются в памяти народа, хотя и в соответствующей интерпретации. Экономист, если он подойдет к зрелищу как узкий специалист, подсчитает стоимость этого мероприятия. И все это будут разрозненные, односторонние оценки проведенного художественного фестиваля. Социолог же должен раскрыть социальный смысл данного культурного явления.

36

Это и те ценности, которые искусство фестиваля внедряет в зрителей: национальная самобытность или межнациональное взаимопонимание, приверженность историческому прошлому или перспективным ориентациям, религиозным, фольклорным или масскультурным устремлениям.

Среди основных задач, которые решает социальная культурология, следует перечислить следующие:

1. Раскрыть содержание системы культурных ценностей и норм, присущих данному обществу в целом и его отдельным социальным слоям и группам.

2. Показать соотношение различных структурных компонентов культуры и ее вариантов: мифологии, религии, художественной культуры, идеологии, науки, сакральных и светских ориентаций, классического наследия и современных течений.

3. Показать соотношение высокой культуры, повседневного уровня и массовой культуры, место культурной элиты в производстве и поддержании духовных ценностей, различных разрядов интеллигенции в поддержании, распространении и сохранении достижений культуры.

4. Раскрыть культурные факторы, необходимые для других сфер деятельности: этику труда и предпринимательства, отношение к богатству, накоплению, труду, знаниям, без чего эти сферы деятельности лишаются необходимого духовного обеспечения.

5. Показать роль культуры во взаимодействии различных общностей и социальных слоев: этнических групп и наций, трудящихся и предпринимателей, профессиональных, половозрастных групп.

6. Определить характер перемен, совершающихся в культуре различных социальных слоев города и деревни, общества в целом, связь этих перемен с процессами, происходящими в политической и производственно-хозяйственной деятельности.

7. Социальная культурология выявляет принципы понимания своего общества с его переплетением норм, ценностей и представлений и одновременно способствует восприятию людьми других обществ, с присущим им своеобразием в отношении к миру, целям человеческого бытия. Именно такое взаимное изучение должно обеспечить ту степень понимания и терпимости, которая необходима для налаживания гармоничных отношений и успешного развития различных обществ.

Социальная культурология — существенная часть культурологического комплекса, необходимого для всесторонней подготовки специалистов, которые возьмут на себя широкий комплекс функций по регуляции культурной деятельности.

37

Среди основных компонентов этой деятельности следует перечислить следующие:

— преподавание дисциплин культуроведческого комплекса в системе общеобразовательных и специальных учебных заведений, колледжах и университетах, различных учебных центрах;

— работа в органах территориального и отраслевого управления по линии культуры, охраны памятников, связи с общественными, национальными и религиозными организациями;

— работа в различного рода художественных и культурно-массовых организациях и центрах (культурные центры, театры, филармонии, выставочные центры, фестивали и т.п.);

— работа в организациях социологического профиля, изучающих культурно-этические аспекты бытовой, хозяйственной и политической практики, культурную мотивацию трудовой и предпринимательской деятельности, налаживание этики бизнеса и т.д.;

— работа в коммерческих структурах по рекламе и изучению потребительского спроса, налаживанию менеджмента и маркетинга и т.п.;

— работа в организациях, призванных налаживать общение и взаимопонимание между представителями различных субкультур, этнических, национальных и религиозных общностей и т.п.

— работа в структурах индустрии массовой культуры и туризма.

Глава II. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Основные темы.

Выделение и формирование социальной культурологии. Ценностные и позитивистские подходы к культуре. Социологический анализ как изучение реального функционирования культурных норм, ценностей и смыслов в социальной среде. Постепенное расширение сферы социального анализа духовной культуры, его распространение на художественную культуру, религию, народную и массовую культуру.

Просветительский подход. Просветительские концепции культуры как процесса постоянного распространения культуры и приобщения к ней населения. Образованная элита и массы в просветительской концепции. Последующая эволюция просветительства. Значение просветительства, его идейное влияние и его ограниченность.

Идеи креационизма, катастрофизма и эволюционистский подход и теории прогресса. Отношение к культуре как процессу постоянного усложне-

38

ния общества и его совершенствования, роста разумности и рациональности, развития морали, накопления знаний и т.д. Работы Л. Моргана, Э. Тайлора, Г. Спенсера и др.

Критика эволюционизма. Позднейшие варианты концепции эволюционизма.

Идея *диффузионизма* как распространения культуры и ее заимствования.

Значение Э. Дюркгейма для социологии культуры. Э. Дюркгейм о роли коллективных представлений и о типах социальности.

Значение М. Вебера для социологии культуры. Понятия идеального типа и рациональности как средств религиозной и культурной компаративистики и изучения цивилизационной динамики. М. Вебер о хозяйственной этике. Обращение к концепции М. Вебера в исследованиях социокультурной модернизации.

Структурно-функциональный подход к культуре и обществу как системе взаимосвязанных открытых и скрытых функций, определяющих место каждого элемента. Концепции А. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского, М. Мид. Основные положения функционализма Т. Парсонса. Поздний структурный функционализм Р. Мертона.

Критика структурного функционализма и его место в сложившейся методологии изучения культуры. Адаптивный подход в культурной антропологии и структурном функционализме и его столкновение с теорией «социального конфликта».

Символический интеракционизм и анализ связи между стимулом, знаком, мотивом, самосознанием. Роль символик в социальном общении. Психоаналитические концепции культуры. Работы З. Фрейда и К. Юнга.

Социологический и социологизаторский подходы. Принципы классового анализа искусства и литературы в марксистских работах первых десятилетий XX в. Школа вульгарного социологизаторства. Принципы классового искусства в «Пролеткульте». Основные положения работ Г. Плеханова, В. Ленина, А. Луначарского. Роль марксизма в развитии классового анализа культуры, выявлении роли труда и трудящихся масс в формировании духовной жизни, понимании классовой борьбы и революции в преобразовании общества. Марксистская концепция культуры как отражение классовой борьбы и поиска общечеловеческих ценностей. Редукционизм базисно-надстроечной концепции культуры. Смысл теории «двух культур в каждой нации» и «идеологической борьбы двух систем в культуре». Идеино-теоретическая обоснованность социально-классового анализа духовной жизни общества.

Лево-радикальное и авангардистское направления в социологии культуры современного Запада. Критика культуры как «орудия классовой манипуляции», «этнографичности» и «классикализма». Социальные источники идейного авангардизма в культуре.

Запад и Восток в социальной культурологии. Культуроведческая и религиозная компаративистика как метод культурно-исторического анализа. Культурная антиномия Запад — Восток. Достижения компаративистики и ее ограничения.

39

Цивилизационный подход. Цивилизационная школа как изучение культурных макрообщностей. Концепции О. Шпенглера, Н. Данилевского, П. Сорокина, А. Тойнби, современные исследования цивилизаций.

Незападная социальная культурология и ее роль в преодолении западоцентризма.

Эмпирические методы в социологии культуры. Значение эмпиризма и его критика. Новейшие достижения в эмпирических исследованиях.

ВЫДЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

На протяжении XIX в. происходило постепенное размежевание между гуманитарно-филологическим комплексом наук о духовной жизни общества и социальными науками, основанными на теоретическом осмыслении его закономерностей, структур и процессов. Важнейшим достижением этого сдвига в научном познании стало формирование социологии как науки, изучающей общество как объективную взаимосвязанную целостную систему отношений, процессов и институтов. Заметное размежевание происходило также между социальной философией и философией культуры, которые неизбежно были связаны с определенными мировоззренческими принципами и умозрительными формулами «сущности» истории, и собственно социологическим подходом к общественным явлениям. Интенсивное знакомство с культурами народов мира приводило к накоплению гуманитарного знания о религиях, языках, литературах, истории и т.д., что породило богатую компаративистику, привело к формированию комплекса ориенталистики, американистики, африканистики, исламоведения, индологии, буддологии и т.д. Однако наряду с ростом описательных и гуманитарных исследований происходило постепенное совершенствование социологического познания социальных и культурных явлений. При всех различиях в методах этого познания им присуща установка на анализ не внешнего, а внутреннего смысла явлений, т. е. той роли, которую играют те или иные культурные факты, тексты, образы и средства в социальной регуляции и социальных процессах.

Социология с самого начала обнаружила тенденцию к изучению реального общества, данные о котором могут быть почерпнуты не из умозрительных общих концепций и не из художественного творчества мастеров культуры, а на основе эмпирических методов. Конечно, и эти источники не могут отвергаться, так как и они выражают некоторые существенные стороны жизни

40

общества, но отнюдь их не исчерпывая и не перекрывая значения «низких истин» и обыденных ориентаций различных слоев и групп населения. На этом пути социологии приходилось бороться за самоопределение, так как исходная методология находилась в распоряжении «философского центра». Социологии пришлось расстаться или же удалиться на значительное расстояние от всеобщих категорий, от «материи», «сознания», «сущности религии», сферы идеального, метафизических оснований справедливого общества, представлений о всесторонне развитом человеке, непреходящих ценностях и т.д. Крупным мыслителям-социологам второй половины XIX — начала XX в. пришлось провести основательную работу по признанию первичности и специфичности социальной реальности, состоящей из отношений, в которые вступают люди в самых разных вариантах своей деятельности. Но в этой реальности существенным компонентом являются и представления, как тот комплекс духовных средств, которые создаются обществом для регуляции этих отношений. Поэтому уже в период становления социологии важным предметом анализа стали и те нормативно-ценностные представления и смыслы, через которые человек входит в окружающую его социальную среду.

По мере созревания социальных наук и дифференциации их состава все в большей степени происходило обособление социальной культурологии как самостоятельной дисциплины, а также растущая дифференциация этого комплекса на различные варианты — по содержанию того социокультурного компонента, который подлежал изучению (художественная культура, религия, наука и т.д.), по уровню анализа (макро-закономерности, средний или микро-уровень), по историческим периодам и регионам и т.д. Сфера социологического анализа расширялась, и уже с начала XX в. все более проявляется экспансия социологии, которую считали своей философия и гуманитарное культуроведение. Социология все больше занимается и устройством общества, и культурой, и религией, гносеологические вопросы стали предметом социологии знания, а проблематика свободы, демократии, счастья, любви, истины и красоты вошла в социальный анализ в рамках эмпирической и «понимающей» социологии. На долю философии все больше остаются вечные проблемы смысла бытия, а главное — вопросы метода, логики исследования. Философии пришлось отказаться от роли контролирующей инстанции, направляющей деятельность смежных наук. Социология оказалась способной к самоуправлению, располагать своим обширным методологическим аппаратом. Одновременно происходило «разбожествление» религии, представшей как одна из порожденных обществом систем социальной регуля-

41

ции. Этот процесс охватил и сферу художественной культуры, которая стала не только сферой постижения и приобщения к высоким культурным ценностям, но и сферой критического анализа реальных функций в общественной жизни.

Социологическое изучение культуры сформировалось уже после того, как в достаточной мере выявились возможности и пределы иных подходов к культуре как основному предмету гуманитарного знания. Как мы видели, своеобразие культуры состоит в том, что ее необходимо не только познать, но и освоить. Каждый человек, изучающий культуру в научном плане как существующий вне его объект, одновременно включен в собственную культурную среду. Это не только его непосредственное окружение, но и та нация или цивилизация, к которым он принадлежит. В этом качестве он становится в определенной степени продуктом воздействия культуры, ее носителем и представителем, а потому должен специально вырабатывать в себе профессиональную способность объективного анализа.

Рассмотрим основные подходы к культуре, развивавшиеся в мировой общественной мысли и находившие то или иное выражение в странах Запада и Востока.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

Представления о культуре как самостоятельной сфере духовной деятельности, имеющей высокое значение для общества, ранее всего развивались в русле европейского Просвещения на протяжении XVIII — начала XIX в. Европейские мыслители (А. Вольтер, Дж. Вико, Ш.Л. Монтескье, И.В. Гете, И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, Ф. Шиллер) рассматривали культуру как духовное богатство общества и внутреннее достояние человека, основанное на его постоянном стремлении к истине, добру и красоте. Через культуру человек преодолевает природную ограниченность и однократность своего существования, осознает свое единство с природой, обществом, другими людьми, с прошлым и будущим. Это было и антифеодальное течение в культуре, направленное на полноценное освобождение человека от сословных ограничений. Просветительское понимание культуры было гуманистическим по содержанию, но выражалось прежде всего в огромном внимании к этической и

эстетической проблематике. Разум и красота, превращаясь в содержательные цели человеческой деятельности, должны преобразить мир. Просветители отвергали религиозную схоластику, разоблачали нетерпимость, фанатизм церкви, косность

42

феодалных порядков. Они последовательно выявляли несостоятельность богословских и метафизических систем прошлого, безусловного авторитета церкви, традиционных моральных установок, героического эпоса, культа сословного аристократизма, отвергали государственный абсолютизм и т.д. Религиозное наследие прошлого в их обработке утрачивало свою непререкаемую значимость, что освобождало место для формирования новых жизненных ориентаций, необходимых для человека как разумного существа, способного самостоятельно определять свои поступки. Человеческий дух, сильный своим разумом, способностью создавать смысловой и ценностный порядок, избавленный от стеснительных ограничений, налагаемых корыстными интересами и невежеством, — вот что должно способствовать прогрессу общества. В наиболее полноценном виде это начало воплощено в высокой культуре.

Как в Европе, так и впоследствии в других странах просветительское отношение к культуре во многом обогатило духовную жизнь, способствовало развитию народного образования. Однако в идейном и научном планах оно обнаружило свою ограниченность. Просветители, претендуя на радикальное исправление общества, возлагали надежды лишь на разумную организацию жизни, оставляя без внимания экономические и социально-политические условия. Они не раскрывали противоречий общественной жизни, в которой чаще правят миром не добро и красота, а зло и порок. Ориентировавшийся на европейскую культуру просветительский подход показал свою явную ограниченность, когда стали известны качественно новые, своеобразные типы культуры других народов с их религиями, моралью, политическими и социальными порядками.

Главным слоем, производящим культурные ценности, просветители считали образованную элиту, независимую от системы материального производства, а потому, как им представлялось, и от сферы частных, эгоистических интересов, которые искажают процесс постижения истины, добра и красоты. Поэтому за этим слоем оставалась привилегия наставлять общество во всем, что касалось смыслов и ценностей бытия. Народная масса мыслилась просветителями как носительница предрассудков, однако вполне преодолимых — через образование, с помощью логического убеждения, наглядной демонстрации изящных образцов красоты и добродетельных нравов. Отсюда и присущее им ожидание того, что рост грамотности народных масс, увеличение досуга, распространение книг и доступных произведений искусства обеспечат приобщение широких слоев народа к культурным ценностям.

На протяжении XIX в. шло постепенное изживание иллюзий и чрезмерных надежд на просветительство как способ преобразо-

43

вания общества. Эти настроения выливались в романтический уход личности от несовершенства общества, его язв и пороков в мир одухотворенной природы и идеализированных отношений. И на смену романтизму пришел реализм, в котором утвердилась трезвая оценка реальной действительности.

Однако в широком смысле просветительство — неотъемлемая характеристика всякой сложной культуры, поскольку для ее поддержания необходим как длительный процесс приобщения новых поколений, так и распространение культуры на более широкие слои города и деревни, внедрение тех нормативных принципов и идей, через которые общественное сознание осваивает процесс своей саморегуляции. Почитание учения, потому что «ученье — свет, а неученье — тьма», — неперемнная черта таких обществ, в которых потенциально всем предъявляется требование осваивать знания. Это и приводит к устойчивому развитию общества, повышению уровня порядка и благосостояния, а самой личности придает больший престиж.

Это требование овладения знаниями, приобщения к нормам и ценностям по-разному выражалось в развитии культуры на протяжении XIX—XX вв., но оставалось ее постоянной чертой. Именно просветительство в значительной степени формировало те установки, которые служили основой развития системы образования и науки.

Просветительство — это и этап созревания общественной мысли каждой нации Запада, а затем и других регионов, означавший расширенное знакомство с достижениями мировой культуры, прежде всего в ее наиболее высоких гуманистических проявлениях. В ходе увлечения просветительством незападные общества (в Азии, Африке и Латинской Америке) перенимали те идеи прогресса, гражданских свобод, принципы политической саморегуляции, научного мировоззрения и распространения светского образования, которые было принято считать основой благосостояния широких слоев населения. Как мы увидим впоследствии, эти идеи проявили свою ограниченность и противоречивость и утратили прежний престиж, но они отложились в определенных компонентах духовной структуры.

ИДЕИ КРЕАЦИОНИЗМА, КАТАСТРОФИЗМА И ЭВОЛЮЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД И ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

Длительное время изменения в природе и обществе находили объяснения в общественной мысли в рамках идеи творения (кре-

44

ационизма), имеющего либо божественный характер, либо вытекающего из творческого озарения, связанного с выдающейся личностью пророка, вождя, мыслителя, художника, правителя и т.д. Конечно, наиболее убедительным примером такого рода событий для многих поколений была Библия, созданная пророками или апостолами, фиксировавшими великие события в истории, божественные деяния и слова.

Яркое художественное выражение этот подход нашел, например, в книге Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», который выделил типы обожествленного вождя языческого племени (Один), пророка (Мухаммед), поэта (Данте и Шекспир), священника (Лютер), писателя (Джонсон и Руссо) и правителя (Кромвель и Наполеон) как проявления творческого начала в обществе.

Позднее большое влияние получила теория катастроф. Рожденная на материале естественных наук, прежде всего биологии и геологии, она применялась и для объяснения социокультурных изменений: внезапного разрушения культуры в результате гибели общества, стихийных бедствий, нашествий, падения государств и гибели городов.

Теория катастроф стала необходимым коррелятом концепции творения. Возникшее неожиданно в результате вмешательства неуправляемых природных сил могло столь же неожиданно потерпеть катастрофу и погибнуть.

«Мягким» вариантом катастрофизма была теория регресса (деградации), происходящего в результате «антиразвития», упадка и примитивизации общества, под воздействием внутреннего разлада или вмешательства враждебных внешних сил.

Не следует думать, что эти концепции совершенно сошли со сцены исторического или культурологического мышления. Весьма содержательное развитие, хотя и в принципиально разном направлении, они получили, например, в работах А. Тойнби и Л. Гумилева. К концепциям такого рода прибегали разные историки для объяснения падения Римской империи, гибели Атлантиды, крито-микенской культуры, Вавилонского царства, цивилизаций Южной Америки и т.д.

Тем не менее в научном обороте и в истории культуры более принятым и разработанным является эволюционистский подход к динамике перемен*. Эволюция — понятие, употребляемое в

* Идеи эволюции в классической форме проявились в работах социологов Г. Спенсера, О. Конта, Э. Дюркгейма, этнографа Э. Тайлора, исследователя истории религии Д. Фрезера, историка и этнографа Л. Моргана и других крупных ученых второй половины XIX в.

45

сходном значении во многих естественных и общественных науках. В этом факте отражается как универсальность принципа, проявляющегося в различных явлениях природы, общества или внутреннего мира человека, так и те мировоззренческие установки, которые способствовали формированию самой теории. Происхождение и содержание этого подхода глубоко связано с социально-экономическими условиями, менталитетом и общекультурной атмосферой, которые сложились в странах Запада во второй половине XIX в. Поразительное развитие новой техники сопровождалось влиятельными сдвигами и в научном мышлении, особым влиянием в котором в этот период пользовался дарвинизм.

Основные идеи эволюционизма сводятся к следующему:

1. Как естественные, так и общественные явления подвержены постоянным, регулярным или частым изменениям.

2. В ходе этих изменений общество отходит от первоначального примитивного или упрощенного состояния (или от стадии зарождения) и приобретает более сложный и дифференцированный характер, в нем происходит рост рационального начала в обществе, т.е. его «разумности», усложнение, совмещающееся с упорядочиванием, а соответственно устранение хаоса, стихийности, конфликтов, предрассудков и слепой веры.

3. Стадии эволюции можно выстроить в шкалу от «дикости» и «варварства» до высшей ступени цивилизации, «от обезьяны к человеку», от «архаичного» или «традиционного» общества к «современному». В возникших позднее теориях модернизации эту высшую ступень неизменно воплощает в себе новейший Запад.

4. В ходе эволюции постоянно совершенствуются все стороны жизни общества, в том числе верования и культы, искусства, мораль, хотя это может происходить разными темпами и один вид искусства может отставать от другого, мораль от науки и т.д. Всякие перемены в морали, литературе, искусстве по логике эволюционизма идут по восходящей линии и означают развитие как усложнение, обогащение по содержанию, форме и т.д.

5. Те или иные элементы более раннего состояния могут до поры до времени сохраняться в качестве пережитков.

6. Источниками эволюции являются различные безличные силы, которые сами по себе не меняются и действуют постоянно. Это могут быть принципы «естественного отбора» и «выживания наиболее приспособленных» (что получило обоснование в учении Ч. Дарвина), «определяющая роль производительных сил», «классовая борьба» (у Ф. Энгельса), «столкновение противоречий» (у Гегеля), «процесс самоорганизации общества», «накопление знаний» и т.д.

46

7. Основное направление эволюции общества и его культуры на ранних этапах — это адаптация к внешним условиям, а позднее овладение этими условиями и их подчинение, переход на более высокий уровень существования.

Критика эволюционизма.

Уже в период нарастания эволюционистского подхода как влиятельного научного направления все громче звучала его критика. Она исходила с разных сторон. Религиозные мыслители и моралисты осуждали его за содержащееся в нем явное или имплицитное отрицание конечной цели и смысла не только в природе, но и в обществе. Если в силу слепой причинности выживают лишь сильнейшие и наиболее приспособленные по своим функциям, а не по содержанию и не по уровню ценностных устремлений, то моральная эволюция оказывается под сомнением. Напротив, эволюция оправдывает полезное и приспособленное, хотя это может оказаться вредным для другого. Моралистическая критика настаивала, что именно вера и мораль, ограничивающие эгоистические интересы, могут оказаться благотворными для общества в целом.

Кроме того, критики указывали на то, что отнюдь не все явления в обществе и культуре претерпевают эволюцию. В каждой культуре существуют вечные и неизменные ценности, которые связаны со священными и базисными принципами ее устройства. Как в светской культуре, так и особенно в религии фундаментальные принципы и ценности сохраняются неизменными сквозь все перестройки, даже если другие стороны жизни радикально обновляются.

В силу приведенных выше причин для поздней социологии характерно отторжение понятия «эволюция» и смежных терминов — «развитие», «прогресс». Все они связаны с ценностным отношением к тому или иному явлению или процессу. Особенно это следует отнести к концепции прогресса как целостного развития, осуществляющегося в направлении от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. В сущности, эта концепция питается постоянно просветительскими воззрениями, в которых частичное и локальное продвижение рассматривалось как подтверждение или предпосылка общего развития. Уже в XIX в. обращение общественной мысли к реальности показало всю противоречивость социальной и культурной динамики, наличие наряду с улучшением и ухудшением, с возвышением — упадком, с прогрессом — кризисом. Одним из наиболее влиятельных выражений такой противоречивости стало распространение социалистических концепций, в которых, с одной стороны, подвергались суровой критике растущие противоречия и неравно-

47

мерность развития различных сфер общественной жизни, а с другой — обосновывалась возможность ускорения общественного развития и гарантированного прогресса. Но эти концепции приводили к утопизации общественной мысли.

Эволюция самого эволюционизма и расширение рамок исследования привели к выделению некоторых направлений внутри него. В органическом и холистском подходах эволюция — процесс, через который проходит данное явление в целом, преодолевая ступени нарастающего усложнения. Партикуляристский подход выявлял процесс развития отдельных компонентов, изучаемого явления, выделяемых из целого. Материалистическая школа в эволюционизме обращала внимание на улучшение орудий труда и средств производства, а также форм хозяйства, техники и организации труда, рост городов, торговли и науки, что воплощает наиболее существенные базовые стороны общественного бытия. Идеалисты обращали внимание на развитие религии, морали, эстетики, политической идеологии. Детерминисты исходили из наличия ведущих и определяющих начал в эволюции — либо материальных, либо духовных. Плюралисты полагают необходимым учитывать взаимодействие разных факторов.

На протяжении XIX и XX вв. продолжалось противостояние эволюционистских или же прогрессистских концепций и подходов, утверждавших многообразие исторического развития. Сторонники первых опирались на свидетельства роста и совершенствования хозяйственных, технологических, научных и политических сторон жизни и отстаивали принципы универсальности и необратимости смены стилей и форм духовной жизни, отражающей поступательное развитие. Принципиально иная линия опиралась на свидетельства устойчивого разнообразия культур, отнюдь не сводимых к «пройденному этапу» единого образца, за который неизменно принималась западная

цивилизация. В этом подходе культура представляла как воплощение многообразия и как разные потоки истории, протекающие в «другое» время и по своим стадиям. Этот второй подход породил теорию цивилизаций, в рамках которой были созданы выдающиеся труды Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Эйзенштадта и др. Позднее, уже в 70—80-х гг. этот подход привел к созданию плодотворной теории *самобытности*, противостоящей концепции западного универсализма. Но и первый из указанных подходов отнюдь не сошел на нет, а был использован в концепции модернизации, а позднее в «миросистемной» теории, получившей развитие в 80-е гг. в работах Ф. Броделя, И. Уоллерстайна, Г. Франка и других западных ученых.

48

Таким образом, критика не опровергла существенных постулатов эволюционизма. На более позднем этапе сторонники эволюционизма, отрекаясь от целостного (холистского) понимания развития, формулируют положение о необходимости рассмотрения многообразия различного рода факторов, вступающих в противоречие друг с другом. Такой эволюционизм оказывается частным, «партикуляристским» и требует рассмотрения отдельных частей и компонентов культуры. Возникло и разделение между пониманием эволюции как процесса, обусловленного внутренними (эндогенными) либо внешними (экзогенными) причинами. Отвергая однофакторный детерминизм в развитии общества, неэволюционисты стали утверждать вероятностный (стохастический) подход, позволяющий определить суммарную тенденцию большого количества различных изменений.

Таким образом, логика развития этого подхода привела к ограничению его притязаний, в результате чего вполне принятым стало положение о том, что эволюция — это процесс, через который реализуется внутренняя мера, скрытый потенциал явления через его изменение при сохранении формообразующего начала. Такой подход означал переход к проблеме соотношения изменений и преемственности, роли традиций и самобытности в регуляции общества и его культуры, к чему мы обратимся в главах VI и X.

ДИФФУЗИОНИЗМ

В начале XX в. в противовес эволюционизму, замыкавшему рамки исследования рассмотрением внутренних изменений в отдельных обществах, ряд этнологов, социологов и культуроведов развивают концепцию диффузионизма, т. е. распространения культуры из одного центра в другой. Такой подход позволил обратиться к изучению взаимодействия между культурами, раскрыть механизм освоения достижений других народов, дающий возможность обществу не проходить «положенные» стадии развития. Основными средствами распространения чужой культуры диффузионизм признавал войны и завоевания, колонизацию, торговлю и миграции, добровольное подражание, взаимное признание и т.д.

В русле диффузионизма разрабатывались концепции культурных ареалов, или же сетей распространения, либо отдельных элементов культуры (знаков, денег, письменности, технологий и т.д.).

В рамках теории культурных центров распространение культу-

49

ры изображалось как потоки рассеивания изобретений из «колыбели цивилизации», на роль которой обычно выдвигали Шумер, Древний Египет, долину реки Хуанхэ и другие ареалы. В литературоведении убедительным примером диффузионизма служат «бродячие сюжеты», известным примером которых могут служить сказки «Тысячи и одной ночи», встречающиеся в литературных памятниках разных народов.

ЗНАЧЕНИЕ Э. ДЮРКГЕЙМА ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Французский социолог Э. Дюркгейм (1858—1917) оказал значительное влияние на всю последующую культурологию прежде всего через установление тесной связи между социальными связями, имеющими «материальный субстрат» (плотность населения, интенсивность общения, дифференциация труда и т.д.), и собственно духовными факторами, т.е. коллективными представлениями, зафиксированными в таких формах общественного сознания, как религия, мораль, право. В концепции Дюркгейма преодолевался тот психологический метод, через который общество объяснялось лишь как совокупность индивидов. Социокультурные факторы, утверждал Дюркгейм, имеют объективное существование, независимое от индивида, они обладают принудительной силой и поэтому становятся источниками формирования облика общества и характера личности.

Главным во всем творчестве Дюркгейма было выяснение соотношения между разделением труда в человеческом обществе и его солидарностью. В работах Дюркгейма основательно выявляется различие двух основных типов социальности, которые он назвал «механической» и «органической». Первая относилась им к докапиталистическому обществу, в котором над всеми различиями преобладает некоторый принцип сходства, на основании которого и формируются общественные связи.

Органическая социальность формируется через разделение труда, создающее взаимозависимость участников совокупного производства и обмен товарами. Она достигает своей зрелой формы лишь при капитализме. Усматривая в разделении труда источник всестороннего развития общественного производства, Дюркгейм тем не менее видел недостаточность этого фактора для поддержания солидарности общества. Поэтому решающую роль в интеграции всякого общества Дюркгейм отводил коллективным представлениям, т.е. идеалам и верованиям, носителями которых выступают религия и мораль.

50

Для Дюркгейма в идее Бога воплощалась сакрализация самого общества как той объективной реальности, которая и получает свое выражение в религиозных верованиях и обрядах. Из этого он выводил и огромное влияние религии на всю культуру и на характер всех человеческих отношений. Констатируя противоречивость буржуазного общества в классовом отношении, моральный кризис, возникающий в ходе разрыва значимых человеческих связей, Дюркгейм вместе с тем полагал возможным утвердить нормативные принципы поведения и без религиозного санкционирования, укрепить позитивные принципы морали и права, без которых общество обрекается на разлад.

ЗНАЧЕНИЕ М. ВЕБЕРА ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Макс Вебер (1864—1920) — один из крупнейших социологов, обычно характеризуемый как основоположник понимающей социологии и теории социального действия. Именно на него опирается в ряде существенных отношений общая социология, включая анализ хозяйственных, религиозных, политических и бюрократических реалий. Для социологии культуры его методология имеет особое значение по причине высокой аналитической ценности его основных методов.

1. Понятие идеального типа — познавательная модель, позволяющая выявить соотношение между религией как существенным компонентом социокультурной системы (прежде всего как системы этических установок) и хозяйственной деятельностью. Его широко известная работа «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) дала основу для сопоставления типов такого соотношения и в других религиях, прежде всего в индуизме, буддизме и конфуцианстве (работа «Хозяйство и общество», 1921).

Веберовское сравнительное изучение религий было основано на выделении идеального типа определенной религии, в котором эта религия предстает не как адекватное воспроизведение в его эмпирическом виде, обусловленном реальными обстоятельствами, а как системная, логически упорядоченная конструкция. Идеальный тип — это умозрительное построение, хотя и созданное на основе изучения эмпирической реальности. Но это не описание обозреваемых фактов, а намеренно упрощенное и доведенное до логически стройного типа, в котором множество элементов, существующих «дискретно и диффузно» в реальном объекте, соединяются в единую теоретическую модель.

51

Именно таким образом в веберовской методологии воссоздавались религиозные системы протестантизма, индуизма, буддизма, конфуцианства, иудаизма, которые в ряде отношений несомненно отличались от своих источников. Таким же образом М. Вебер формулировал различные типы пророчества (этическое и личного примера), религиозных организаций, ценностных ориентаций (ценностнорациональные и целерациональные).

За рамками его исследований оставались многие конкретные различия. Тем не менее веберовский подход позволял, с одной стороны, сопоставлять теоретическую конструкцию с объектом, а с другой — соотносить модель религии с хозяйственной системой.

Такой подход позволял раскрыть, каким образом срабатывают те субъективные этические мотивы, которые заложены в индивиду. Этот подход предстает как понимающий, но не потому, что он выявляет реализацию этих субъективных факторов (например, представлений о зле, страдании, смерти и спасении) в объективной деятельности.

2. Важнейшим понятием, введенным М. Вебером в методологию сопоставления различных религий, этических систем, в социологию управления, права и искусства, было понятие *рационализации*. Оно означает процесс вытеснения случайных, аффективных или рутинных действий или мотивов, преодоление отклонений (и противоречий) от основной линии действия и поведения и последовательное упорядочивание действий, их планирование и накопление результатов.

Рационализация действует в самых различных сферах, в том числе при кодификации права, систематизации религиозных систем или научных систем. Вместе с тем этому процессу подвержена и деятельность различных социальных групп, связанная с хозяйством, управлением или религиозной практикой. Как показывает М. Вебер, упорядочивание практики человеком связано с разделением между сферой *сущего*, т.е. эмпирически реального мира, и *должного*, т.е. отвечающего ценностно-нормативному порядку. Осознавая противоречие между этими сферами, индивид вынужден учитывать последствия своих действий, определять близкие и последующие цели и адекватные им

средства, руководствуясь адекватными им ценностями.

Рационализация имеет частный характер. Это означает, что сам процесс охватывает лишь определенные стороны культуры, приводит к их автономизации, оставляя отдельные сферы в стороне. Она всегда должна получать соответствующую институциональную основу (церковь, секта, образование, социальная струк-

52

тура, бюрократический аппарат и т.д.), которая и обеспечивает ее поддержание.

Конкретизируя понятие рациональности в применении к разным культурам и сферам деятельности, М. Вебер ввел деление на целерациональный и ценностнорациональный типы, которые будут рассмотрены в главе IV об элементах культуры.

3. С методологией М. Вебера принято связывать и еще одно важное достижение последующей социологической мысли. В ходе позитивистской критики того гуманитарного историзма, который предполагал наличие в истории некоторого субстанциального сверхначала, постепенно реализующегося в ходе «прогресса» общества и к тому же в русле общей направленности этой истории, стирающей различия между локальными общностями, утрачивалось представление о содержании исторического движения. «Очищенная» от человеческого субъективизма позитивистская методология оставляла без внимания и те «смыслы», которыми человек руководствовался в исторической деятельности, и те духовные системы, а значит, и культуру, в которых создавались и поддерживались эти смыслы.

М. Вебер совершил плодотворный отход от ортодоксального позитивизма и ввел принцип «понимания» человеческого действия, которое дается только если исследователь раскрывает значение смыслов, побуждающих человека действовать так, а не иначе. Эти смыслы имеют не индивидуальное или общеантропологическое значение, а складываются в конструкции, названные Вебером «идеальные типы». Именно благодаря этой конструкции в поле зрения социологии культуры вошла проблематика типологии обществ, религий и культур, а следовательно, их исторического сопоставления и их эволюции в ходе всемирной истории.

4. Еще один важный вклад М. Вебера в становление культурологии, социологии и религиоведения связан с его работой «Хозяйственная этика мировых религий», в которой рассматривается влияние различных религий на мотивацию хозяйственной деятельности и в особенности на возможность возникновения духовных предпосылок капитализма западного типа. Первой книгой из этого цикла была опубликованная в 1904 г. «Протестантская этика и дух капитализма», главной задачей которой было выяснение специфического влияния протестантизма на формирование духовных предпосылок капиталистической деятельности и специфического типа личности капиталистического предпринимателя. Затем в 1913—1917 гг. вышли работы «Религии Китая. Конфуцианство и даосизм» и «Религии Индии. Индуизм и буддизм», в которых М. Вебер поставил задачу показать отличие «духа»

53

восточных религий от протестантизма, которые обусловили их неспособность создать духовные стимулы для эндогенного капитализма западного типа. Фактически же М. Вебер создал базисный сравнительный метод, позволяющий выявить культурные основы хозяйственной деятельности в мировых цивилизациях.

Позднее вокруг работ Вебера развернулись широкие дискуссии и разработанная им методология во многом способствовала сравнительному изучению стадий и типов эволюции различных обществ. К концепции М. Вебера обращались многие ученые. Особенно возросло ее значение в 60—80-х гг., когда происходит настоящий «веберовский ренессанс»*. С одной стороны, разработанная им методология позволяла выяснить характер «человеческого измерения» в хозяйственной деятельности капиталистического общества. Внутреннее взаимодействие капитала и труда, мотивы взаимного принятия предпринимателями и трудящимися условий производства и организации социальной жизни — все это остается постоянной проблемой для капиталистического общества, для которой на каждом этапе необходимо надежное решение. С другой стороны, к учению М. Вебера стали широко обращаться мыслители из стран «третьего мира», стремившиеся понять духовные принципы функционирования своих обществ в условиях модернизации и выдвинуть наиболее успешные программы преобразования, отвечающие условиям этих стран. Складывается обширная «вебериана», в которой самому пристальному рассмотрению подвергаются характер восточных религий с точки зрения наличия в них духовных предпосылок модернизации или же противодействия процессам обновления. Поиски эти дали весьма разноречивые результаты, о чем мы подробнее поговорим в главе, посвященной социокультурным основам модернизации.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Структурно-функциональный метод формируется в начале XX в. в ходе расширяющегося взаимодействия западных обществ с культурами различных стран и народов. Методология эволюционизма оказалась непригодной для научного освоения того качественно нового эмпирического

материала, который стал в изобилии накапливаться антропологами в результате полевых исследова-

* См.: Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. — М., 1991.

54

ований. Идея рассмотрения объектов как интегрированных, взаимовлияющих, выполняющих жестко установленные функции, заданные целостностью систем, входила в обиход в общечеловеческих дисциплинах под названием функционализма.

Сторонники структурно-функционального подхода отказались от принципов историзма и эволюционизма в объяснении общественных явлений. Они рассматривали культуру как подсистему целостной социально-культурной структуры, каждый элемент которой выполняет как бы служебную роль в общей системе регуляции. В рамках этого направления англо-американская антропологическая школа (А. Кребер, Р. Бенедикт, М. Мид, Б. Эванс-Причард и др.) накопила большой материал, описывающий обычаи, нравы, образ жизни так называемых примитивных народов: индейцев Северной и Южной Америки, австралийских аборигенов, африканских племен. Позднее были проведены исследования малых народов Индии, стран Юго-Восточной Азии и т.д. в работах английских ученых: культуролога Б. Малиновского и этнографа А. Радклифф-Брауна и др. Обобщение этого материала выразилось в основных постулатах функционализма:

1. Существует общее функциональное единство общества как взаимосвязь социальных и культурных структур. Культура представляет собой интегрированную систему, в которой каждый элемент отвечает определенной потребности всей целостности (или тех или иных ее компонентов), выполняя конкретную часть работы.

2. Дифференциация функций обеспечивается дифференциацией социальных структур, складывающихся в упорядоченную систему.

3. Именно постоянное поддержание всех элементов культуры (производственные навыки, ритуалы, нормы, представления и т.д.) обеспечивает сохранение общества.

Эти положения разрабатывались в основном в рамках культурной антропологии, имевшей дело с обществами, которые, казалось, навеки застыли в своем социокультурном облике, постоянно воспроизводя, но не изменяя свою социальную организацию, формы поведения, материальные и духовные атрибуты быта.

Методология функционализма неизбежно вела к тому, что объект исследований (этническая общность или городская группа) рассматривался вне исторического времени, как замкнутая система, не изменяющаяся и не развивающаяся, а лишь постоянно воспроизводящая свою собственную структуру. На базе разработанных в культурной антропологии функционалистских моделей оказалось невозможным подняться до макроструктуры слож-

55

ных национальных обществ, от статического описания социальных связей и функций до теоретического охвата социальной динамики. Выявилось, что даже системы и связи родства, считавшиеся устойчивой основой социальной организации, сами претерпевают заметные изменения и все глубже интегрируются в систему более широких социально-экономических, политических или культурных отношений. Меняются также символы, нормы и представления.

Дальнейшая разработка общей системно-функциональной теории в применении к сложным социальным обществам считается заслугой в основном крупных американских теоретиков Т. Парсонса (1902—1979) и Р. Мертона (р. 1910) совместно с другими социологами. Конечно, целостное рассмотрение этих концепций сфера общей социологии, но ее существенным компонентом стал анализ нормативно-ценностных и символических средств регуляции социальной жизнедеятельности, т.е. того, что относится к сфере социологии культуры. Как мы увидим в дальнейшем, существенные стороны концепций Парсонса и Мертона встроены в общую теорию социологии культуры. Однако важно видеть, в каком направлении происходило совершенствование и усложнение функционального анализа.

Функционализм помог избавиться от того идеологического неприятия неевропейских культур, которое получало оправдание, характеризуя их как «примитивные» и «слаборазвитые», и давало тем самым оправдание для режима колониального управления. С «цивилизованной» точки зрения подлежали беспорному осуждению и устранению различные «предрассудки», «отжившие» нормы, «нелепые и вредные» ритуалы колдовства, преследования ведьм, кастовые ограничения и т.д. Избавление от всякого рода «пережитков» дает возможность введения иных, альтернативных и более действенных способов достижения реального эффекта. Развитие здравоохранения, просвещения, изменение быта и повышение статуса низших каст, отмена полигамии и паранджи должны оживить общество, придать ему цивилизованный характер.

В опровержение такого рода поверхностного подхода функционалисты показывали действительное значение различных факторов культурной регуляции. Обычным примером в культурной антропологии или религиоведении стали ритуалы, посвященные вызыванию дождя, повышению плодородия или исцелению от болезни, поклонение священным предметам или

преследования ведьм. С точки зрения здравого смысла, подобные верования и основанные на них действия — «пережитки» или «предрассудки», исчезающие при свете разума. Более того, они могут ока-

56

заться вредоносными (организуется травля невинных людей, крестные ходы и целования иконы во время эпидемии могут способствовать ее распространению и т.д.).

Однако для этнографа или религиоведа, рассуждающего по функционалистской методике, такого рода ритуалы и верования выполняют значимую функцию, так как укрепляют веру индивидов или различного рода общностей в избавление от напастей и невзгод, способствуют сплочению общины и т.д. Верования, кажущиеся иррациональными и не отвечающие практическим критериям, а имеющие лишь символический смысл, создают привычную осмысленность мира, в котором человек может ориентироваться и на который он сам или общность может оказывать некоторое воздействие путем координации поведения многих своих членов.

Критика структурного функционализма.

Несмотря на прочный статус в академической науке и в общественной мысли, структурный функционализм был подвергнут резкой критике и в 60—70-х гг. Она была направлена против присущего функционализму уподобления культуры органическим системам. Особенно возражали критики против идеологической ориентированности функционализма на рассмотрение общества как стабильной интегрированной целостности, неспособность дать адекватное описание и анализ противоречий и конфликтов. Зарождаясь в противостоянии эволюционизму, функционализм оставлял без содержательного рассмотрения процессы генезиса социальных норм и ценностей, механизмы их изменения или исторической преемственности. Поэтому при рассмотрении кризисных и меняющихся состояний в культуре функционализм уступает свое место другим подходам.

Развернутой критике функционализм Т. Парсонса подверг известный американский социолог Р. Миллс. Как он показал, в рамках этой теории не может быть эффективно сформулирована *идея конфликта*, нельзя понять механизм ценностных разногласий и структурных антагонизмов, оппозиционных движений и революций. Как предполагается, система, будучи однажды установленной, является не только устойчивой, но в сущности гармоничной, а нарушения тоже должны быть «введены в систему». Как писал Р. Миллс, идея нормативного порядка ведет нас к принятию гармонии интересов как естественной черты любого общества. Встроенное в общую теорию Парсонса положение о наличии исходного единства и примирения интересов, устранения противоречий и снятия конфликтов лишает эту теорию, по мнению Р. Миллса, возможности влиять на социальные и культурные изменения, т.е. историю.

57

Кроме того, принцип функциональности не позволяет выяснить, в какой степени узаконены социальные структуры и политические институты, каковы основы существования оппозиции и движений протеста. В нормативно регулируемых социальных структурах, как их замыслили представители Высокой Теории, не находит места коллективное поведение угнетенных масс или возбужденных толп, освободительные движения, которыми отмечена наша эпоха. Более того, любая систематическая концепция хода истории, ее механизмов и процессов плохо согласуется с этой теорией, так как в истории действуют многие разнородные факторы. Социальные общности отличаются друг от друга не только по степени, но и *по типам* единства. Как интеграция общества, так и его развитие происходят под воздействием разных причин (в том числе экономические связи, право, насилие и т.д.). Отвергая универсальные макросоциологические теории, Р. Миллс полагает, что плодотворность научного поиска может быть обеспечена только наличием многих подходов, сопоставляемых с эмпирическими данными.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Теория символов разрабатывается прежде всего в различных гуманитарных науках: филологии, эстетике, искусствознании, философии, социальной психологии (а также как особое направление в логике и математике). Особое значение для понимания роли символики в культуре сыграли работы немецкого философа Э. Кассирера, психоанализ З. Фрейда и К. Юнга.

Существует разработанная теория символических форм, через которые человеческое сознание поддерживает постоянную связь с окружающим миром. Для социологии эта сфера стала важным предметом изучения в силу того, что она выступает как посредник человеческой деятельности и общения. Для функционализма в основном достаточно объяснять субъективную сторону, исходя из *интересов* участников действия, направленного на достижение утилитарной цели. Но теория символического взаимодействия позволяет раскрыть значение широкого круга символов, которые стимулируют сложное сочетание мотивов, играющих столь большую роль в обеспечении деятельности и общения.

Все формы общественной деятельности пронизаны символикой. Но это происходит в разной степени, так как религия и политика подвержены символизации в большей степени, чем эко-

58

номика. Молитвы, кресты и ритуалы в одной сфере, флаги, лозунги и митинги в другой — обычные примеры проявления символического взаимодействия.

После работ Т. Парсонса стало принято расширять сферу символических средств, несущих важную нагрузку в социальном взаимодействии. В экономической сфере таким символическим посредником становятся деньги, а в политике — власть, но постольку, поскольку она опирается не на принуждение, а на добровольное вовлечение участников в политические действия, т. е. на политическую культуру.

В ходе *символического взаимодействия* (интеракционизма) индивид осваивает выработанные в обществе образы и смыслы, тем самым воспринимает мотивы и стремления других людей и формирует собственные. Возникает цепочка связей: стимул — знак — мотив — самосознание. При такой трактовке термин «интеракционизм» приобретает индивидуально-психологический смысл, обозначая процесс соотнесения индивида с большим или малым коллективом через подключение знаковых средств. При более широкой трактовке он может включать в себя такое важное измерение культуры в целом, как ее коммуникативная функция, включающая связь между различными горизонтальными и вертикальными группами, между поколениями, разными культурами и т.д.

Важной заслугой «интеракционистов» было изучение соотношения между символическими и функциональными сторонами социального процесса. Уже в этикетке, представляющем собой изначально соединение функции социализации с символикой общения, возникает расхождение между почтительно-аффективной символикой и реальным отношением. За внешними манерами, выражающими признание и почтение, могут скрываться нейтральные или прямо негативные отношения. И хотя этикет может способствовать поддержанию социально необходимого минимума приличий, они могут принимать характер лицемерия или скрытой внутренней враждебности.

Другим обычным примером подобного расхождения функции и символа служит принятая в образовании экзаменационная система или же защита диссертации, которую далеко не всегда можно оправдать с точки зрения целесообразности, так как ни то, ни другое не обеспечивает гарантии объективной оценки знаний. Но несмотря на все содержательные нововведения, эти процедуры сохраняют свое внешнее символическое значение как знак признания в научном сообществе.

Динамика социального процесса может привести к тому, что

59

либо функция, либо символ оказываются отжившими, утрачивают признание в общественном сознании. Соответственно, здесь возможны два варианта. Первый: если символ признается несоответствующим, он подвергается замене (так, Санкт-Петербург стал Петроградом, затем Ленинградом, а затем вновь Санкт-Петербургом). Второй: если реальное явление утрачивает свои реальные функции, связанная с ним символика может какое-то время поддерживаться, хотя и превратившись в пустую оболочку. Ритуалы, портреты, бюсты, лозунги, обсуждения и резолюции могут утратить значимое функциональное содержание и превратиться в условную форму.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЗАТОРСКИЙ ПОДХОДЫ

Мы уже видели в общих чертах разнообразие тех подходов, которые использует социология при объяснении культурных явлений и процессов. Однако существует влиятельное направление в изучении культуры, которое объясняет ее функции лишь с точки зрения конкретной целесообразности, отвечающей интересам тех или иных социальных слоев и среды. Принцип «бытие определяет сознание» использовался для разоблачения «иллюзий» или «внешних форм», за которыми скрываются лишь частные интересы господствующих классов либо прогрессивные устремления угнетенных слоев, но также подверженные историческим изменениям. При таком подходе к творчеству создание каждого мастера или художественное направление оцениваются с позиций принадлежности к тому или иному слою как выражение его «психоидеологии».

Заметное распространение социологизаторство имело в дореволюционной России и Советском Союзе вплоть до середины 30-х гг.*. Конечно, степень содержательности и широты охвата явлений духовной жизни была различна, но видными представителями этого направления стали В. Ленин, В. Плеханов, А. Богданов, В. Фриче, В. Переверзев, Н. Нусинов. Несмотря на тенденциозность и упрощение смысла литературы и искусства как отражения интересов тех или иных классов и конкретной истории, эти мыслители раскрыли важные социальные стороны, многое объясняющие в связи культуры с действительнос-

* См.: Лившиц М. Вульгарный социологизм // *Философская энциклопедия*. - М., 1983. - С. 96-98.

60

тью*. Следует учитывать эволюцию во взглядах В. Ленина и В. Плеханова на разных этапах их деятельности в период сложных революционных перемен в российском обществе. Так, В. Ленин в

поздних своих работах весьма высоко оценивал общечеловеческое значение классической западной культуры, всячески отстаивал необходимость ее всестороннего освоения для создания нового общества.

Социологизаторство стало устойчивой характеристикой «истматовского» направления в теории культуры, хотя вступало в своеобразный синтез с такими, казалось бы, противоречащими ему подходами, как эволюционизм, прогрессизм и катастрофизм. Не отвергая наличия исторической тенденции постепенного накопления позитивных изменений в различных сферах культуры (например, развитие революционно-демократической литературы и идеологии, усиление демократического содержания в искусстве, сдвиги в идеалах и ценностях трудящейся и эксплуатируемой массы, прогресс в научном познании общества и человека и т.д.), социологизаторская школа выявляла противоречивое содержание культурного процесса в целом. В нем происходят постоянное столкновение и борьба различных направлений, которые должны быть разделены на прогрессивные и реакционные, на демократические (или революционно-демократические) и буржуазные. Идеологическая направленность таких исследований состояла в неизменном подчеркивании нарастающего «кризиса буржуазной культуры», отмеченной «культом насилия и воинствующим иррационализмом», и необходимости радикального преобразования общества через «культурную революцию». Как предполагалось, «ломая и отбрасывая все реакционное, косное и устарелое в культуре», но сохраняя при этом «прогрессивное» наследие, культурная революция приводит к созданию качественно новой духовной системы, новой морали, новой литературы и искусства, новой интеллигенции и т.д. **.

Социологизаторство обычно становится идейно-теоретической базой различного рода левацких течений в Европе или стра-

* Содержательное представление о социологизаторском подходе к литературе и искусству дает «Литературная энциклопедия», изданная в шести томах в конце 20-х — начале 30-х гг. В качестве наиболее вульгарного и упрощенного подхода Принято приводить работы В. Шулятикова, подвергнутого критике еще В. Лениным как «пример безмерного опошления материализма».

** Очень поздний и «нормативный» пример такого подхода можно с полным основанием усмотреть в книге Л.Е. Кертмана «История культуры стран Европы и Америки в 1870—1917 гг.», допущенной в качестве учебного пособия для вузов в 1987 г.

61

нах других континентов в ходе развертывания идеологической борьбы против «буржуазной культуры». В рамках неомарксизма и фрейдомарксизма или радикальной марксистской социологии реанимировалась дихотомия базисно-надстроечного подхода к культуре, при котором явления духовного порядка оказываются чистыми отражениями, не имеющими собственных основ в системе социальной регуляции*.

Марксистский подход к социологическому анализу культуры, конечно, не сводится к тем вульгарным интерпретациям, которые получили утверждение в ранних лево-радикальных течениях или в более поздней официальной догматике. Важным достижением марксистских исследований стало глубокое раскрытие влияния способа производства на духовную жизнь общества, исторические сдвиги, происходившие в культуре в ходе изменения социальных отношений. Особое внимание в марксистских исследованиях уделялось влиянию классовых факторов на общественную мысль, борьбе трудящихся масс и передовых слоев за социальный прогресс. Вместе с тем в позднем марксизме широко утверждалось и признание за культурой самостоятельного реального содержания, заключающегося в развертывании гуманистических потенций культуры. К этому вопросу мы еще вернемся в главе III.

ЛЕВО-РАДИКАЛЬНОЕ И АВАНГАРДИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В последние десятилетия стало влиятельным направление, ведущее глобальную социокультурную и социоэкологическую критику современного западного общества. Оно представлено такими именами, как Ч. Рейч, Т. Роззак, Г. Маркузе, Ю. Хабермас. Это прежде всего концепции, направленные против сложившейся социальной структуры буржуазного общества и его культуры, против институциональной науки как манипуляторских и репрессивных начал, подчиняющих человека чуждым ему принципам. В них оспаривается совместимость нормативной культуры, науки и технологии с гуманистическими принципами и человеческими интересами. Основной их проблемой является отчуждение человека от природы, общества и самого себя. Вся сложившаяся культурная среда, включая саму социологию, рассматривается как сред-

* См.: Давыдов Ю. Н. Вульгарный социологизм // Современная западная социология: Словарь. — М., 1990. — С. 58—59.

62

ство социального контроля. Господствующая в западном обществе культура, черпающая начало в иудео-христианской традиции и постньютоновской науке, считается основой потребительского отношения к окружающей среде и репрессивной по отношению к человеку. Выход из того тотального

кризиса, в который, как предполагается, вползает не только западное, но и глобальное общество, мировая цивилизация в целом, представители радикальной социологии видят в духовном обновлении, которое создаст иное отношение человека к природе и другие отношения между людьми.

Как в нашей стране в период перестройки косной командно-административной системы, так и в других странах, которые сталкиваются с чрезмерной бюрократизацией общественной системы, возникает реакция общественного сознания, получающая отражение, в частности, в авангардистской критике бюрократизации и традиционализации культурной жизни. Для такого авангардистского представления о культуре не имеет значения система ценностей, сложившаяся в обществе как его культурное достояние, наследие и традиция. Все это может быть отнесено к «музеефицирующему» или «классикалистскому» представлению о культуре как замкнутом космосе культурных значений и объектов. Дополнением к нему, принципиально и функционально не отличающимся, являются патриотические конструкции духовности и народных традиций, утопии «почвы» и «крови», обращение к «скифству» или «евразийству», этнографически стилизованное и идеализированное крестьянство, простой люд. Сторонники такого подхода полагают, что культура находится в процессе постоянного изменения и смены своих форм. Попытки задержать эти перемены, навязать классические образцы и значения в качестве канонов приводят к замедлению культурного развития, эпигонству, тривиальному воспроизводству одних и тех же значений и образцов. Дополнением канонизированной классики становятся «секретарская» литература и искусство, создаваемые должностными лицами творческих организаций.

Сторонники авангардизма призывают устранить нормативную регуляцию культуры- и перейти к релятивистской, перед которой ничто не обладает бесспорной ценностью. Они полагают, что золотой фонд литературы и культуры меняется, подчиняясь определенным социальным ритмам, и эти ритмы отменяют классикализм как «метафизическую значимость» непревзойденных образцов, обычаев, сакральных символов и т.д. Все эти «архаические традиции и культурные мифы» поддерживаются не

столько об-

63
щественным сознанием, сколько застойной частью духовной элиты, оторванной от социальной динамики.

Архаизирующему классикализму авангардисты противопоставляют реальную культуру, постоянно формируемую в процессах технологического и социального обновления общества. Именно эта культура позволяет широким слоям активного населения ориентироваться в меняющейся обстановке, понимать свое место в дифференцированной, изменчивой и противоречивой среде, формируемой рыночными отношениями, индивидуализацией участия, потоком инноваций и т.д.

Разумеется, требования предъявляются не только к духовной, но и к институциональной среде культуры. Официальная система регуляции культуры подвергается жестокой критике по поводу казенного формализма, бюрократического зажима и подавления творчества. Как показывают критики-авангардисты, бюрократическая регуляция сковывает творческие тенденции в обществе и фактически превращается в обслуживание интересов господствующих и властных групп, в систему духовных санкций против подчиненных групп. По идее лево-радикальной социологии, устранение бюрократической регуляции должно сопровождаться свободной связью культуры с рынком и спонсорами.

ЗАПАД И ВОСТОК В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научное изучение культур, религий и цивилизаций других континентов имело на Западе длительную и прочную традицию. На протяжении веков Европа знакомилась и осваивала достижения других обществ, в немалой степени находя в них для себя недостающие элементы — либо через романтическое бегство от буржуазной повседневности, либо для мистических восхождений на вершины духа. В XIX и XX вв. шло интенсивное знакомство с различными незападными культурами, прежде всего в их «классическом» виде, изучение священных текстов памятников и т.д. Складываются различные школы общих и региональных востоковедческих исследований. Доминирующее значение в этих исследованиях получила сравнительно-историческая компаративистика. В огромном количестве работ по философии, религии, этике, эстетике, политической культуре, художественной культуре, науке и т.д. В них было содержательно раскрыто своеобразие культуры, специфика достижений сопоставимых обществ в соответствующих сферах. Длительное время такая компаративистика была отмечена *европоцентризмом*, означавшим

ценностное превозне-

64
сение европейской культуры по отношению ко всем прочим культурам. При этом Восток рассматривался как огромный регион, который при всем своем разнообразии подвержен принципам локальности, косности (человек еще не отделился вполне от общества, а общество от природы).

Согласно большинству исследователей (и Вебер стал одним из ведущих авторитетов такой концепции), восточные общества не обладают той внутренней динамикой, которая обеспечила бы их самостоятельность. Это касалось как принципов ведения хозяйства, так и организации политической жизни.

Постепенно положение менялось, и работы выдающихся востоковедов способствовали лучшему пониманию других культур. Как мы увидим впоследствии, эта компаративистика имела и имеет огромное значение для взаимного знакомства и освоения ценностей представителями разных культур. Она позволяет преодолеть *редукционизм*, проявляющийся в неправомерном распространении опыта и характеристик позднего Запада на остальное человечество, придании этому опыту универсального характера.

Вместе с тем следующие соображения ставят под сомнение плодотворность сравнительных исследований:

1. *Полиморфизм*, т.е. многообразие, присущее каждой культуре, располагающей набором гетерогенных (разнородных) вариантов, хотя и не получающих одинакового развития. Уже на этническом уровне культура достаточно разнообразна, чтобы по-разному реагировать на внешний вызов или потребности внутреннего устройства. Еще больше адаптивность и разнообразие культуры на национальном или цивилизационном уровне. В рамках национальных культур, как известно, существуют и классовые субкультуры, отношения между которыми носят противоречивый, а подчас и антиномичный характер.

2. Каждый культурный компонент (мифология, религия, наука, литература) выступает как подсистема, соотносимая с культурой в целом — национального или цивилизационного уровня — и с другими компонентами социального бытия.

3. В сопоставительных исследованиях весьма затруднительно учитывать подвижность духовных феноменов. Сравнение ранних вариантов христианства, буддизма, конфуцианства или ислама дает результаты, во многом отличные от тех, что мы получим при рассмотрении сложившихся систем или вариантов, проявившихся на более поздних этапах эволюции.

Все это означает, что компаративистские исследования должны быть дополнены социологическим анализом, а последний — учитывать исторические изменения культурной динамики.

65

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Цивилизационная школа формируется в начале XX в. прежде всего в ходе развития философии истории и изучения крупномасштабных закономерностей основных человеческих общностей. Впрочем, ее основателем по праву может считаться русский ученый Н. Данилевский, книга которого «Россия и Европа» была выпущена еще в 1869 г. Его идеи предвосхитили многое в построениях немецкого мыслителя О. Шпенглера, книга которого «Закат Европы» была издана в 1918 г. и своей глубокой эрудицией и ярким пророческим стилем привлекала внимание европейской общественности. В 20—30-х гг. цивилизационные исследования переплетались с геополитическими. Однако коренное отличие состояло в том, что «цивилизационщики» видели важнейший источник исторического развития общества в духовных факторах, оказывающих воздействие на всю систему организации общества. Геополитическая школа усматривала основные факторы общественного устройства в географии и политической силе.

Однако в дальнейшем основное формирующее влияние на теорию цивилизаций оказали работы английского историка А. Тойнби, прежде всего его «Постижение истории», вышедшее в 12 томах в 30—50-х гг. Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби интересовали прежде всего различия между основными макрообщностями человеческой истории и присущие им внутренние закономерности. В дальнейшем это направление сложилось во влиятельную школу, в которой изучение крупных культурно-исторических общностей — Европы, исламского региона, Индии, Китая, буддийского региона и др. — проводится на основе некоторых общих социокультурных принципов. Значительное развитие это направление получило в русской общественной мысли, представленной прежде всего именами Н. Бердяева, К. Леонтьева, Л. Карсавина, Г. Федотова, И. Ильина, а в 20—30-х гг. цивилизационный подход в применении к России получил широкое развитие в работах евразийской школы.

В советской общественной мысли теория цивилизаций постепенно утверждалась в ходе тех дискуссий по поводу соотношения формации и цивилизации, которые шли в отечественной науке на протяжении 80—90-х гг. и которые, в свою очередь, стали завершением длительной эволюции, а затем и разложения самой формационной теории. Важной предпосылкой ее утверждения стало и издание трудов основоположников, т.е. А. Тойнби, О. Шпенглера, М. Вебера, Ф. Броделя, хотя освоение этих трудов несомненно потребовало некоторого времени. Это относится в еще

66

большей степени к отечественным основоположникам и продолжателям цивилизационной теории.

Признание цивилизации как наиболее высокого социокультурного принципа общественного устройства, допускающего устойчивое разнообразие типов, способных вступать во взаимодействие друг с другом, создало необходимые предпосылки для разработки культурно-исторических типов общества, содержащие ответ на кардинальные вопросы и о сущности российского общества, его месте в мировых отношениях, исторических судьбах и перспективах. Эта проблематика будет освещена в третьей части данной книги.

НЕЗАПАДНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Двадцатое столетие отмечено массивным утверждением незападных культур. Процесс национально-освободительного движения означал не только политическое освобождение многих стран Азии и Африки. Оно сопровождалось массивным самоутверждением незападных культур, проявивших не только присущую им жизненность, но и своеобразие, способность к сохранению своей специфики, несмотря на экспансию современных индустриальных технологий и формирование новых социальных структур.

Отныне Запад утрачивал свой прежний приоритет не только в политической, но и в культурной сфере. Закат политического господства сопровождался отходом от идеи универсальности и бесспорности западной культуры. Восточные культуры стали не только предметом исторического и философского исследования, но и социологического анализа, направленного на выяснение их значения в современной жизни, в самоопределении и развитии стран третьего мира. Это потребовало изменения прежних принципов и подходов, которыми располагала культурология. В ней ослабевает влияние прежних структурно-функциональных методов, приспособленных к «нормальной», т.е. западной, культурной среде. Все большее значение приобретают компаративистика, как сопоставление разных вариантов и уровней культуры, и проблематика взаимодействия культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность. Ставится под сомнение или в целом отвергается однолинейная схема развития культуры — от простого к сложному, от мифа к логосу, от античности к современности, от локального к общечеловеческому, и эволюция культуры приобретает многофакторный и плюралистский характер, означающий сохранение и прежних уровней и различных специфических вариантов, вовсе не сводимых к одному типу глобальной культуры.

67

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

С 20-х гг. нашего века одним из ведущих направлений развития социологии стал эмпиризм, получивший применение и в социологии культуры. Под эмпирической социологией принято понимать исследования, связанные со сбором и анализом конкретных социальных фактов, использованием специальных методов опроса, социологического наблюдения, эксперимента, статистической обработки данных и т.д. Развитие эмпиризма происходило под влиянием успеха экономической науки и социальной статистики и диктовалось разочарованием в отвлеченном теоретизировании, характерном для социальной философии и идеологических построениях, ущербность которых усматривалась в том, что они отягощены моралью, подвержены приблизительным, политизированным оценкам и поэтому лишены объективности. Переходя в партийную пропаганду и «критический журнализм», эта идеология создает впечатление понимания, основанного на упорядоченном знании и широком охвате различных сторон социальной действительности. Идеологическая предвзятость или гуманитарная размытость таких построений приводит к тому, что часто используемые в общественной мысли понятия («прогресс», «цивилизация», «культурные ценности», «подлинная культура», «права человека», «право наций на самоопределение» и т.д.) оказываются связанными с идейно-политическими ориентациями и не способствуют объективному пониманию социальных или культурных процессов.

Однако уже на ранних этапах стал обнаруживаться присущий эмпиризму недостаток, заключавшийся в неизбежной разрозненности эмпирических данных. Конкретность точных исследований могла обеспечить вполне надежную информацию о каком-то аспекте социального поведения, например об общении в рамках локальной группы или производственной бригады, о восприятии моды или направления в искусстве, о посещаемости кинотеатров, музеев, дискотек и т.д. Выведение общей картины отношений или художественной жизни на основе эмпиризма оказалось невозможным. Сужение горизонтов исследования и сосредоточение на конкретных обозреваемых данных лишало эти данные аналитического значения при оценке более общих процессов. К тому же оказалось, что эти данные могут подвергаться разным толкованиям в соответствии с программой, сформированной за рамками эмпиризма и отвечающей другим принципам.

В эмпирической социологии научность отождествляется с ценностной нейтральностью и с соответствием знаний объективным

68

фактам, собранным с помощью специальных методов — опросов, статистики, анкетирования, интервьюирования и т.д. Успехи таких дисциплин, как моральная статистика (данные о моральном состоянии населения), контент-анализ, социолингвистика и т.п., также способствовали внедрению эмпирических методов в культурологические исследования.

Суровую критику эмпиризма в применении к моральным и нормативным факторам дал Р. Миллс. По его мнению, сам объект конкретного исследования нередко конструируется искусственно, оказывается специально подобранным, чтобы дать соответствующие результаты. Нередко тщательно разрабатываемые методики дают скудные результаты. Так, нравственный или политический выбор (при голосовании) может оказаться немотивированным в силу того, что субъект действовал «по привычке», без особого смысла, не придавая особенного значения своему поступку или голосованию. Изучение морального облика солдата разочарует всякого, кто захочет понять, почему было возможно выигрывать битвы с людьми такой «низкой морали». Всякие более или менее серьезные вопросы оказываются за пределами эмпиризма, так как уведут мысль в непрочную область «спекуляций». Поэтому отвлеченный эмпиризм, не состыкованный с детально разработанной общей теорией, не может разрешать значимых проблем и служит лишь подспорьем в процедурах, поддающихся статистической обработке. По мнению Р. Миллса, абстрактный эмпиризм исключает исследование основных социальных человеческих проблем. Человек, который захотел бы понять эти проблемы, обратился бы к другим теоретическим подходам.

В ответ на эту критику сторонники эмпирической социологии склонны усиливать призывы к «всеобъемлющим исследованиям», которые следует «собрать вместе» и получить, наконец, «репрезентативные результаты». Однако такого рода исследования обходятся слишком дорого и попытка их расширения доступна только крупным корпорациям или правительственным органам.

Благодаря работам таких крупнейших социологов XX в., как П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, удалось в ряде отношений сблизить теорию и эмпирические достижения. Теория стала более дифференцированной, в ее составе возникло деление на общую социологию и специальные теории среднего уровня, такие как системы знаний и методика изучения отдельных областей и явлений общественной жизни: социология города, деревни, труда, семьи, молодежи, массовых коммуникаций и т.д.

В свою очередь эмпирическая социология значительно продвинулась в своей способности создавать исследовательские про-

69

граммы, способствующие концептуализации изучаемых явлений на основе отработанных фактических данных.

Итак, как мы видели, потребовалась огромная работа мыслителей различных направлений и школ, чтобы раскрыть разные стороны функционирования культуры в системе социальной регуляции. Всякие попытки претендовать на монополию или даже выход за допустимые рамки, оправданные для определенной концепции, чреватые утратой реального объекта исследований и превращаются в идеологические построения. Соперничество разных типов культурологического знания, не допускающее исключаящего подхода, а предполагающее их взаимодополнительность, оказалось полезным как для социологии, так и для культурологии. Выросла дифференцированность, углубленность и точность общей теории, разделившейся на различные теории среднего уровня и специальные подходы. Вместе с тем возросла теоретическая обоснованность исторических описаний, герменевтического понимания и эмпиризма, усилилась степень теоретичности гуманитарных исследований культуры.

Часть II. СРЕДСТВА И СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Глава III. КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Основные темы.

Культура и деятельность. Многообразие видов деятельности. Соотношение человеческой деятельности и системы совокупного производства. Базисно-надстроечная концепция и ее редукционизм. Деятельность как общая антропологическая и философская категория. Многообразие и широта объема деятельности вообще. Деятельность к поведение. Психологические измерения поведения. Культура как особая, специально выработанная система регуляции деятельности и поведения. Производство как целенаправленная деятельность. Место культуры в совокупном производстве. Самостоятельность сферы культуры и ее взаимодействие с другими блоками совокупной системы социальной регуляции. Общество как суперсистема, дифференцированная на основные сферы жизнедеятельности: экономика, социальная регуляция, политика,

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье 42 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

культура. Проблема принудительности культуры.

Общая классификация культурных императивов в концепции Т. Парсонса: адаптация к среде, познание и оценка ситуации, целеполагание и обеспечение взаимодействия общества. Место культуры в реализации этих императивов.

Культура как сфера духовного производства. Различие между природными, технологическими, социальными и духовными аспектами совокупного производства. Духовное производство как создание, хранение, распространение и освоение духовных ценностей, норм, знаний, значений и представлений. Специфика духовного производства: роль уникальных образцов (авторское начало), значение субъективного фактора, сохранение прошлых образцов и произведений. Определенное и значи-

71

вание в духовном производстве. Материальное обеспечение духовного производства. Соотношение материальных и духовных факторов.

Система духовного производства: творчество, сохранение и репродуцирование, распространение, распределение и освоение. Формы сохранения культурных достижений.

Культурные факторы разделения труда: профессиональная дифференциация, оформление социальных различий, ценностное одобрение различных типов поведения (накопление имущества, капитала, поддержание отношений, профессионализм, сохранение моральных принципов и т.д.).

Социальная структура духовного производства и роль интеллигенции. Культурная деятельность элиты и народных масс. Культурные центры и периферия. Соотношение классовых структур и культуры. Институциональная структура культуры. Структура духовных потребностей: повседневные, групповые, общественные, государственные, высокие духовные потребности.

Взаимодействие культуры с другими сферами социальной жизнедеятельности: хозяйство, социальные отношения.

Культура и техника.

Культура и политика. Компоненты и виды политической культуры.

Легитимность власти и культура.

Типы социальности и культура. Доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная среда, их историческая смена и синхронное взаимодействие.

Взаимодействие типов социальности.

Рассмотренные в предшествующих главах подходы к культуре отражают различное понимание духовной жизни в зависимости от того, на какие ее стороны обращают внимание социологи и культуроведы: уровень или многообразие, коммуникативная роль или эстетические характеристики, ее вездесущность и влияние на регуляцию различных сфер или общества в целом, ее выделенность в особую художественную или религиозную сферу и т.д. Для задач, которые ставит перед собой социология, общие подходы изучаются на основе обращения к концепции деятельности и концепции духовного производства. Сопоставив эти концепции, мы выявим теоретическую логику, раскрывающую содержание определений культуры, приведенных в главе I.

КУЛЬТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. МНОГООБРАЗИЕ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Принцип деятельности предстает как собственно человеческий, а не природный или божественный источник происхождения разнообразных форм социальной жизни и продуктов культу-

72

ры. И даже само мышление, как показал еще Л.Виготский, предстает как результат умственного освоения практических действий и присущей им общей логики. Общность этой категории позволяет включить в нее как всякую целесообразную производственную деятельность, направленную на изменение окружающего мира, так и те компоненты поведения, которые делают возможным производство или же предстают как формы отвлечения от производства (в том числе досуг, отдых, игра).

Для эмпирических исследований могут быть выделены самые разнообразные виды деятельности (более ста), каждый из которых может быть охарактеризован через цель, бюджет времени, социальную направленность, частоту и т.п. Для наших целей необходимо выявить общую структуру деятельности и место в ней культурных факторов. И вновь следует подчеркнуть, что необоснованно отводить культуре лишь внепроизводственную деятельность и сводить ее к тому, чем человек занимается после работы или помимо работы. Вместе с тем неправомерно растворять культуру во всем объеме деятельности.

В этом случае нам придется принципиально разойтись с надстроечной концепцией культуры, согласно которой духовные факторы приобретают значение только после того, как удовлетворены основные материальные жизненные потребности. Согласно марксистскому учению, «реальный базис» создается совокупностью производственных отношений, возникающих на основе материальных производительных сил. Над этим базисом возвышается, но вместе с тем им и определяется надстройка, которая вмещает в себя все социополитические и культурно-идеологические отношения. Конечно, в марксизме признавалась относительная самостоятельность надстройки,

которая в определенной степени способна оказывать обратное влияние на социально-экономические процессы, однако лишь в сторону их ускорения или же блокирования, правда временного, пока ее не сметет революционное движение. В конечном счете надстройка должна быть приведена в соответствие с базисом, устаревшая — свергнута, а новая — сконструирована по потребности способа производства. Со сменой формации подлежит устранению и вся надстроечная структура. Марксизм допускает, что наряду с доминирующим типом политики и культуры во всех антагонистических обществах существуют и элементы политической и духовной организации подчиненных классов, но они проявляются как элементы и тенденции. Культура прошлых веков рассматривалась как подлежащая постепенному отмиранию, а новая культура должна функционально соответствовать доминирующему типу материального производства.

73

Такого рода монистический подход неизбежно приводил к социально-экономическому редуционизму и делал невозможным выявление многоуровневого и многостороннего взаимодействия разных компонентов в общественной жизнедеятельности. Вопреки определяющему воздействию материального производства, духовное производство, в которое входит и сознание, оказывается не менее самостоятельным началом, функционирующим по собственным закономерностям.

Отвергая истматовскую догматику, мы с полным основанием можем обратиться к самому К. Марксу, к тем положениям в его работах, в которых общественное производство отнюдь не сводится к собственно материальным компонентам. В своей совокупности это производство, по теории К. Маркса, охватывает в сложном соподчинении не только материально-технологические, но и социально-политические и духовные компоненты.

Иногда в упрощенных материалистических трактовках общественного процесса можно встретить доводы такого типа: «прежде чем заниматься политикой, наукой или философией, человек должен есть, пить, одеваться, строить жилище и т.д.». Это может быть и так, если говорить об элементарных человеческих потребностях. Но лишь на самом примитивном уровне существования, в экстремальных условиях выживания человек низводится до первичных инстинктов. Всякое собственно человеческое общество начинается с того, что человек *приучается правильно* есть, пить, одеваться, добывать средства к существованию и общаться с людьми. Все эти функции не могут осуществляться без овладения культурой, накопленной обществом, и без ее сохранения. Иначе каждому новому поколению придется заново овладевать навыками общения, добывания пищи, устройства жилища, устройством общества и т.д. По существу нормативная регуляция общества — необходимая предпосылка материального производства. Вместе с тем, как писал Э. Ильенков, «с правилами общения, с требованиями и ограничениями общественной жизни индивид с детства вынужден считаться гораздо более осмотрительно, чем с непосредственно воспринимаемым внешним обликом единичных вещей и ситуаций или с органическими желаниями, влечениями и потребностями своего тела»*.

Ни голод, ни жажда, ни построение жилища не удовлетворяются на уровне инстинктов и побуждений («драйвы»). Для их удовлетворения люди должны совершать действия намного более слож-

* Ильенков Э. Идеальное // Философская энциклопедия. — М., 1962. — Т. 2. - С. 220.

74

ные, чем это делают животные. Для утоления голода следует выбрать рецепт блюда, раздобыть деньги, пойти в магазин или на рынок, купить нужные продукты, приготовить пищу определенным образом, пригласить своих близких и, наконец, сесть за стол, не забывая при этом о соблюдении хороших манер. Без всего этого человек окажется отверженным. Таковы устойчивые нормы во всяком приличном обществе. Можно напомнить, что в индийской культуре критерии чистоты и нечистоты неизменно служили фактором социальной регуляции. Конечно, в экстремальных обстоятельствах (катастрофы, военные действия, террор) или в условиях социальной депривации (в местах заключения, в криминальной среде) нередко вступают в действие элементарные законы физического выживания, культурная оболочка исчезает, а инстинкты, сила и жестокость становятся доминантами поведения. Как известно, возникающий в таких ситуациях беспредел вынуждает оказавшихся в нем людей вырабатывать свои законы («законы войны», «воровские законы»), обеспечивающие хотя бы временную «стабилизацию» ситуации.

Роман Д. Дефо «Робинзон Крузо», на котором воспитывались поколения людей в разных культурах, может служить хорошей литературной иллюстрацией значения уже освоенных культурных навыков в воображаемой экстремальной ситуации (к этим навыкам Робинзон стремится приобщить и дикаря Пятницу). Но этот роман относится еще к эпохе Просвещения. Напротив, выпущенный в 1970 г. и получивший широкую известность роман Голдин-га «Повелитель мух» изображает процесс одичания, которому подвергается группа школьников, оказавшаяся без взрослых на необитаемом острове и начинающая вести себя по законам первобытного племени, для которого главное — умение добывать пищу и безусловное подчинение воле вождя.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье 44 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Овладевая культурой, знакомясь с достижениями прошлых и текущих поколений, человек формирует собственное субъектное начало. Но в силу того, что человек знакомится с культурой как с уже созданной, он должен подчиняться ее контролю, сдерживая свои неоправданные эмоции и бессмысленные поступки. Поэтому культура предстает как сфера, не зависящая от воли и сознания отдельных людей, и как установление некоего сверхначала (Бога, Высшего разума, Дхармы и т.д.). Это дало основание З. Фрейду назвать культуру *репрессивным началом*. Он описал конфликты между культурой и инстинктивными устремлениями человеческой природы. Действительно, культура подавляет некоторые наши побуждения, особенно сексуальные и агрессивные, слишком жестко их контролирует и направляет, допуская

75

лишь ограниченные рамки для удовлетворения этих побуждений, или же, напротив, стимулирует в каком-то направлении. Она диктует подходящее время, место и средства для удовлетворения человеческих потребностей. Однако никакая культура не стремится целиком «отменить» секс или агрессивность. Напротив, определенные правила предписывают людям, кого можно выбирать в качестве партнера для секса или же для спортивной борьбы и какое поведение допустимо в такого рода ситуациях. Как известно, нарушение принятых норм и правил в этих сферах карается подчас весьма жестко.

Эта принудительность культуры отмечалась многими мыслителями. Еще Э. Дюркгейм широко использовал термин «принуждение» для обозначения характера целесообразной деятельности и нормативной детерминации этой деятельности. Внедрение культуры, ее поддержание, приучение, включая многообразные формы воспитания и образования, — все эти формы культурной детерминации включают в себе и элементы принуждения. Изображение унижений, жестокости, подавления воли в школьных стенах — один из наиболее распространенных сюжетов мировой литературы (например, в романах Диккенса, Помяловского, Чехова, Горького и других писателей). Хорошо известно о том большом впечатлении, которое оказало на общественное сознание просвещенного Запада открытие З. Фрейдом механизмов подавления и вытеснения сокровенных мотивов и иррациональных стремлений человека. Хотя его концепция далеко не во всем считается оправданной, это положение о расхождении внутреннего мира человека и мира культуры принята как объяснение тех постоянных поисков, которые ведет общество для создания более гармоничных и приемлемых для человека принципов социокультурной регуляции.

Само собой разумеется, что культура отнюдь не сводится при этом к оперному театру, изящной словесности и хорошему воспитанию. Владение мастерством, умение копить деньги или пускать их в дело, торговать или покупать тоже требует определенных культурных предпосылок, практических ориентаций, желания заниматься делом, что принято не в каждой субкультуре.

Нельзя упускать из виду, что культура не ограничивается осознанной частью и поэтому не может рассматриваться только в составе сознания, соотносимого с материей. Существует и обширная сфера подсознательного или даже бессознательного, тесно переплетенная с условиями быта индивида и общества и формирующая то экзистенциальное поле, в котором сознание составляет лишь некоторую часть. Бессознательная активность —

76

важная составная часть истории, что ограничивает претензии разума, но оставляет значительное пространство за культурой.

Итак, сфера культуры предстает как важный компонент деятельности вообще, равно как и совокупного производства. Несомненно, что большая часть того, что связано с художественной культурой, не может быть отнесено к целесообразному производству. И творчество мастеров слова или образа, и исполнительское искусство, и различного рода праздники, зрелища, культурное времяпровождение восполняют человеческое бытие и становятся формой проявления разнообразной деятельности, отнюдь не обязательно связанной с совокупным общественным производством. Об этом свидетельствует и та нагрузка, которую несет вдохновение, талант и гениальность в создании произведений культуры, избыточность в духовных порывах, огромно значение интуиции, озарения, игрового начала в искусстве или даже науке. Все это свидетельства раскованности и той внутренней свободы, которая является столь важной предпосылкой высокой культуры. Но и на каждом уровне человек находит в культуре нечто большее, чем то, что необходимо включить в производственную деятельность в самом широком смысле.

Тем не менее все перечисленное выше какой-то своей стороной включается в общественно необходимое производство. И дело отнюдь не только в том, что написание книги, картины, музыкального произведения, создание спектакля, научного направления и т.д. — все это требует определенных социальных и предметных предпосылок, условий, материального обеспечения. Культура — важный механизм производства общества и человека в самых разных вариантах и на различных уровнях. Семья, племя, этническая общность, нация и цивилизация — все эти уровни человеческого бытия формируются совсем не только через совокупное материальное производство,

но и через поддержание духовных связей и через создание на каждом уровне и в каждом элементе структуры несущих культурных элементов — значений, норм, образцов и ценностей.

С точки зрения собственно материального производства культура в ее художественных измерениях предстает как преимущественно затратный тип деятельности, как неизбежное свободное время, уходящее на развлечения. Тем не менее не существует общества, в котором этот тип деятельности был бы отменен или даже целиком подчинен интересам производства. Материальное производство не может обойтись без наличия разработанной системы норм, ценностей, знаний и значений, без участников производства, в том числе управляющих и подчиненных, без соот-

77

ветствующего большого общества, в рамках которого оно и функционирует и на обслуживание разнообразных потребностей которого оно и направлено. А значительная часть этих потребностей имеет очевидный духовный характер. Историческими свидетельствами этого могут служить многочисленные памятники культуры и культа, начиная от египетских пирамид, грандиозных храмов и храмовых ансамблей, архитектура городов и другие зримые воплощения накопленного культурного наследия.

По некоторым подсчетам, до половины прибавочного продукта в развитых доиндустриальных обществах уходило на поддержание религиозного культа и народной культуры, другая половина могла уходить на поддержание межличностных отношений и превращаться в дары, сокровища, предметы престижного потребления и т.д. Однако и в последующие времена в индустриальном обществе затраты на духовную культуру, отвлекающую человека от материального производства, весьма значительны, и рыночные дилеры повышают ставки на престижные и уникальные произведения культуры.

В своей совокупности общество может рассматриваться как всеохватывающая суперсистема, состоящая из взаимосвязанных, но все же самостоятельных систем (или сфер) деятельности: экономико-хозяйственной, социальной, духовной и политической. Каждая из них, равно как и общество в целом, имеет свои характеристики и механизмы, структуры, функции, институты и т.д. Хозяйственная система обеспечивает материальную жизнедеятельность общества, социальная — структуру отношений между различными группами и слоями, не обязательно связанными с собственно материальным производством. Политическая система — механизм реализации власти, воли и интересов составных элементов общества и его совокупности. Духовная система воспроизводит нормативно-ценностные, информационные и коммуникативные компоненты социальной регуляции. Социально-политическая регуляция осуществляется политикой во всем многообразии ее компонентов: государство с его органами (законодательная, исполнительная и судебная власть, органы контроля, управления и подавления) и то, что обычно называется общественными организациями: партии, церковь и творческие союзы. Впрочем, последние относятся уже в большей степени к институтам культуры.

Системное рассмотрение места культуры в социальной регуляции содержит та общая теория действия, основным создателем которой был Т. Парсонс. В рамках этой теории в структуре деятельности следует выделить деятеля и ситуацию. Отношения между ними включают в себя: а) адаптационную ориентацию, тре-

78

бующую вычленения из окружающей среды отдельных объектов, их обозначения по свойствам, месту и т.п.; б) целеполагание как стремление к достижению значимых потребностей; в) оценочную ориентацию, предполагающую установление положительного или отрицательного значения объектов с точки зрения человеческих потребностей; г) взаимодействие и согласованность социальных субъектов, снятие напряженности между различными группами, поддержание дифференциации и стабильности общества. Образующиеся в обществе различные подсистемы (экономика, государство, семья, образование) обеспечивают необходимые функции в разных сферах. Так, функцию адаптации обеспечивает прежде всего экономика, но и культура содействует этому через формирование познавательных ориентаций. Целеполагание относится как к сфере политики, так и опять-таки культуры, а их взаимная связь и переводит ценность в ценностную ориентацию, без которой невозможно разумное действие. Интегративная функция осуществляется через общие верования, моральные нормы и правовые принципы. Однако хорошо известно, что важным, хотя и противоречивым средством обеспечения единства и интеграции общества является государство как властная структура. Таким образом, культура присутствует во всех сферах социальной деятельности и системах регуляции, но при этом она может рассматриваться как особая сфера, функционирующая как система духовного производства, дополняющая материальное производство.

КУЛЬТУРА КАК СФЕРА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В отличие от деятельности вообще производство имеет определенно целенаправленный характер и отвечает потребности общества в создании разнообразных систем жизнеобеспечения, только

благодаря которым и появляется возможность ведения разнообразной внепроизводственной деятельности. Однако производство отнюдь не следует представлять как сферу сугубо утилитарной работы по выпуску продуктов и созданию необходимых для этого производительных сил. Помимо материальной стороны, всякое совокупное производство требует обеспечения и духовной стороны, которая и составляет сущность духовной деятельности.

Именно в сфере духовного производства формируется культура, без которой не могут функционировать ни хозяйство, ни политика, ни социальные отношения. Культура составляет, таким образом, содержание духовного производства и его продукт.

79

В самом общем и сжатом виде культура — это *процесс и продукт духовного производства как системы по созданию, хранению, распространению и освоению духовных ценностей, норм, знаний, представлений, значений и символов*. Она формирует духовный мир общества и человека, обеспечивает общество в целом дифференцированной системой знаний и ориентаций, необходимых для осуществления всех видов деятельности, существующих в обществе. В ней вырабатываются те идеи, нормы, значения и цели, которыми руководствуется общество в регуляции всего разнообразия своей деятельности. Вместе с тем она способствует духовной интеграции общества и различных его групп. Продукты этого производства существуют не только в сфере сознания — в интеллектуальной или художественной форме. Они *обозначаются*, т.е. приобретают свойства знака или целой знаковой системы (язык, религия, мораль, идеология, стили искусства и литературы). Требуются значительные усилия каждого поколения, чтобы сохранить, воспроизвести, поддержать и отобрать ценности, знания и ориентации, обновить их или дать им новую интерпретацию и привести их в соответствие с меняющимися условиями бытия. Для этого нужны соответствующие институты, кадры — все то, что воплощают в себе система образования, религиозные институты и светская культура.

Чтобы *произвести* свой продукт, духовное производство включает в себя и материальные элементы (финансы, издательства, научное оборудование, школы, театры, храмы, музеи, средства массовой коммуникации и т.д.), кадры специалистов (духовенство и светская интеллигенция) и социальные институты (церковь, учебные заведения, научные центры). В каждом из перечисленных компонентов присутствует и вклад других сфер: нельзя строить храмы и переписывать книги без соответствующих материальных затрат. Но именно культура в данном случае является определяющим фактором.

Степень опредмеченной материальности духовного замысла может быть различной. В вербальном языке она как бы сводится к минимуму: казалось бы, небольшой набор условленных звуков (фонем) обеспечивает огромное разнообразие, содержательность и подвижность основного средства культуры. Музыка может исполняться на относительно несложных инструментах, для наскальной живописи нужны лишь заостренные кремни. Лишь впоследствии возникнут консерватории, симфонические оркестры с большим разнообразием сложных инструментов. Но с самого начала истории культуры особенно значительные материальные затраты требовала архитектура: храмы, дворцы, усыпальницы и простые

80

жилища — все это несло на своем внешнем облике и во внутреннем оформлении еще и знаковую выразительность.

Уже минимальный уровень развития материальных производительных сил влек за собой потребность в *окультуривании* материальных предметов, которыми человек пользовался. Кухня становится подчас не только средством жизнеобеспечения, но и частью ритуала, сплачивающего группу людей или же служащую средством этнодифференциации. Два соседних племени могут различать друг друга по характеру изготовления хлеба, приготовления мяса, по орнаментике посуды и т.д.

Особенно тесно связана со знаковой функцией одежда, жилище, погребения и т.д. (см. главу IV).

В качестве наиболее известного монументального воплощения некоторой духовной идеи принято приводить древнеегипетские пирамиды, служившие усыпальницами фараонов, но по замыслу осуществлявшие идею их личного бессмертия, для которого им были необходимы громадные сокровища, помещавшиеся в гигантские гробницы вместе с их мумиями. Как гласит известное выражение: «все на свете боится времени, но время боится пирамид»; памятники пережили не только своих «хозяев», институт фараоновой власти, саму страну и народ, но и саму породившую их идею, так как уже в XX в. разгорелись дискуссии: зачем же были построены сооружения, потребовавшие столь грандиозных затрат материалов и труда? Впрочем, социологический анализ прольет свет на характерную черту: насколько бы важной ни казалась строителям руководившая ими идея, далеко не все разделяли их убежденность и почти все пирамиды (и кладбища знати) были ограблены еще в глубокой древности, уже в эпоху строителей пирамид.

Однако в своем материальном воплощении культура переживает своего рода инобытие, лишь условно отражающее духовную сторону. Для ее сохранения требуется и *опредмечивание*, т.е. воплощение в материальной оболочке — и притом в «вечной», если каким-то ценностям придавалось

непреходящее, сакрализованное значение. Зачастую знаку придавалось гораздо большее значение, чем материальному воплощению. Храмы нередко восстанавливались по многу раз, если жива была духовная идея, требовавшая ее воплощения в камне. Метафорическое выражение этого положения мы найдем в известном стихотворении Державина «Памятник»:

Я памятник воздвиг себе чудесный, вечный.

Металлов тверже он и выше пирамид...

81

Хотя утраты рукописей и произведений искусства на протяжении истории всех обществ были огромными, тем не менее сохранность культурных ценностей в знаковом выражении оказалась гораздо выше, чем опредмеченных в материальном виде. Впрочем, это относится прежде всего к знакам особого типа, а именно тем, что подвергались сакрализации как процедуре возвышения над обыденностью или же возведению в ранг классического образца, для чего необходимы были соответствующие усилия критики. Сохранность предметов и знаков повседневной культуры неизменно оказывалась намного ниже.

Вместе с тем духовное производство — важная предпосылка как производства вообще, так и совокупных общественных отношений, подверженных влиянию тех ценностей, знаний и ориентаций, которые вырабатываются в культуре. В духовном производстве специфичны и те средства, с помощью которых создается его продукт. Здесь орудия труда могут подчас в принципе не отличаться от орудий материального производства, представляя собой предмет или комплекс предметов, которые человек ставит между собой и природой (например, в сфере науки). Но, скажем, орудием деятельности писателя или художника является не ручка с пером или кисть (это только вспомогательные средства), а выразительные *средства языка* или изобразительного искусства, благодаря которым создается художественный образ. Ученый и философ используют анализ и синтез, индукцию и дедукцию, гипотезы — все формы логического мышления, а также модели, концепции, научные направления.

Самостоятельность культуры как особой сферы детерминации означает, что ее нельзя свести к надстроечному или остаточному фактору в общей системе регуляции, где постоянный приоритет или конечное слово принадлежат способу материального производства. Эта самостоятельность и взаимозависимости обеих сторон могут проявляться на любом уровне регуляции социальной жизни: всего общества, его части или отдельной личности.

Как известно, активным началом в хозяйственном развитии общества большей частью выступает не все население, а какая-то особая часть, группа, отличающаяся своими социокультурными характеристиками. Это может быть и класс, относящийся в общем к той же самой национальной общности, но может быть и инокультурная группа — этнически или конфессионально отличающаяся от остального населения. Именно особое значение культурного фактора может объяснить как зарождение капитализма в ряде обществ Западной Европы, так и успех экономических меньшинств во многих странах Азии или Африки.

82

Как мы установили, культура отнюдь не сводится к изящным искусствам или культовым действиям. Духовное измерение присутствует не только в аскетических созерцаниях или литературных дискуссиях, но и в практической деятельности купца и предпринимателя, крестьянина, ремесленника или рабочего. Поэтому, в частности, неосновательны рассуждения о кризисе или исчерпанности культуры, упадке творчества, если под этим подразумевается снижение статуса сложившейся классической или признанной культуры с присущими ей смыслами и, конечно, с соответствующими институтами. Большой частью совершающийся при этом процесс заключается в достаточно заметном изменении характера и стиля культуры, ее переходе в новое качество, смене эпох, стилей, столиц — или внешних влияний.

Еще более важная сфера, выпадающая из внимания исследователя при узком понимании сферы культурологии, — *практически-действенная*, событийная история общества, фиксирующая накопление важнейшего опыта в исторической памяти о войнах и революциях, реформах и типах правления.

В духовном производстве *разделение труда* весьма отличается от того, которое существует в производстве материальном. Его продукт не обязательно является результатом непосредственной кооперации, совместного труда индивидов. Но в то же время именно в духовном производстве продукт труда наиболее отчетливо выступает как результат всеобщего труда, так как он синтезирует опыт не только современников, но и прошлых поколений, поддерживает связь с историей как прошлым опытом.

В процессе разделения труда формируются специализированные формы духовного производства, необходимые для поддержания совокупного общественного производства. В ходе общественно полезной деятельности создаются и сохраняются, поддерживаются и распространяются те нормы и ценности, знания и смыслы, которые обеспечивают процесс функционирования общества в целом. Эта специализация в немалой степени связана и с разделением труда в материальном производстве,

для поддержания которого нужны профессиональные знания, формируемые прежде всего в многообразной системе образования. Вместе с тем духовное производство в немалой степени формирует ту особую сферу социальной регуляции, которая обеспечивает поддержание социальной целостности во всей ее социально и культурно обусловленной дифференциации.

Произведения духовного творчества зачастую *уникальны* и поэтому персонифицированы. Уже в дописьменный период выделилось авторское начало — и эпические творения Гомера стали об-

83

разцом такой фиксации (хотя авторское единство «Одиссеи» и «Илиады» оспаривается специалистами). Введение письменности во многом облегчило авторскую фиксацию. Однако в таких видах искусства, как музыка и хореография, фиксация авторства более затруднительна, требует специальных знаний, экзерсиса в специализированных училищах. Даже воспроизведение уже созданных образцов очень часто связано с персонификацией исполнителя: актера, певца, музыканта, издателя. Это свидетельствует о большем значении субъектного фактора в духовной деятельности, чем это имеет место в материальном производстве, где авторство коллектива или предприятия в большей степени размыто наличием многих соучастников-смежников. Эта персонификация никоим образом не снимает проблемы социальной значимости произведений культурного творчества. Напротив, именно от состояния безличного и многоголового общества зависит и судьба деятеля культуры и признание — или забвение — его произведения.

Для того чтобы культурные творения стали достоянием многих, их необходимо *сохранять* и *репродуцировать*. Сохранению предметы культуры подлежат только после соответствующего отбора. Персонально эта функция отбора выполняется специалистами в различных сферах художественной культуры. Уже в ходе творческого процесса мастера культуры создают новое на основе имеющегося культурного достояния, отбирая те его элементы, которые соответствуют их замыслу и духу времени. Так появляются писатели, поэты, художники, истоки творчества которых прослеживаются к тем или иным предшественникам; режиссеры, хореографы, архитекторы, использующие стили, мотивы, образы, произведения, уже имеющие сложившуюся традицию в культуре данного общества или в мировой культуре, но дающие новую творческую интерпретацию этим образцам. Во всех видах художественной культуры не обойтись и без исполнителей — режиссеров, музыкантов, актеров, певцов, издателей и т.д. Влиятельным разрядом специалистов по отбору и принятию произведений для исполнения и тиражирования являются критики.

Каждый вид культуры имеет свою сложную и напряженную среду, обеспечивающую воспроизводство — литературы, архитектуры, музыки, хореографии и т.д. Содержание и принципы такой деятельности подлежат изучению в соответствующих дисциплинах: общей эстетики, литературоведения, искусствоведения, музыковедения и т.д. — и это выводит такую деятельность за рамки собственно социальной культурологии. Однако при более системном рассмотрении, как мы увидим, отбор культурного опыта — как

84

прошлого, так и нового, — определяется характером духовного производства в целом, который тесно связан с общими принципами социальной жизнедеятельности. Поэтому следует различать внутренний процесс, обеспечивающий отбор и сохранение тех или иных творений, и внешний, обеспечивающий поддержку данному творению или школы или, напротив, подвергающий их преследованиям. Хорошо известно, что даже высоко ценимые творения, воплощающие, казалось бы, бессмертные принципы и вечные ценности, могут быть либо уничтожены при очередном повороте общественных судеб, либо утратить свою привлекательность для новых поколений. Конечно, впоследствии их ценность может снова подвергнуться возрождению. Более подробно принципы отбора элементов культурного опыта будут рассмотрены в главе VI при изложении судеб культурного творчества.

Отбор — первая стадия процесса сохранения элементов и достижений культуры в ее духовном «теле». *Сохранение* духовных ценностей — это не только предотвращение их от физической гибели или забвения. Это также способ обеспечения преемственности в развитии духовной культуры, что подразумевает отбор духовных ценностей, распространение и обеспечение их функционирования в культурной среде новой эпохи. Как же сохраняются результаты культурного отбора духовной продукции?

Важнейшим средством сохранения культурного опыта является язык как наиболее совершенная и гибкая система знаков. Именно язык во многом поддерживает функционирование общества как дифференцированного, но единого организма, определяет его идентичность, т.е. его определенность по отношению к другим обществам. На протяжении истории культуры существенные изменения в хранении культуры происходили с переходом от устного общения к письменной и книжной культуре, а затем к современным информационным системам, обеспечивающим высокоэффективные и экономные способы хранения данных.

Сохранению отобранных культурных творений служат такие учреждения, как архивы, музеи,

библиотеки, картинные галереи. Для хранения духовных ценностей используются современные технические средства, благодаря которым уникальные произведения становятся менее подверженными разрушительной силе времени. Современная техника способствует воспроизведению раритетов: тиражируются редкие книги, репродукции картин. Тем самым широкие массы знакомятся с уникальными произведениями.

Впрочем, о принципах хранения и отыскания прошлых, уже, казалось бы, забытых и заброшенных культурных *артефактов* многое может рассказать археология, а этнография или истори-

85

ческая лингвистика восстанавливают для современности позабытое значение обрядов или происхождение слов.

В современной массовой культуре, как мы увидим в главе XIV, способ воспроизводства культуры снова во многом меняется. Происходит снижение значения авторского, индивидуального, уникального начала, а на первый план выходит массовость, доступность, всеобщность в потреблении, а также и коллективное начало в производственном процессе (хотя немало усилий тратится на имитацию авторского своеобразия). Массовая культура превращается в значительной степени в индустрию культуры, превосходящую по своей доле в валовом национальном продукте (ВНП) многие другие отрасли.

Распространение ценностей культуры осуществляется прежде всего через общественную систему образования (общего, специального, политического, художественного и т.д.). От количества учебных заведений, качества обучения, квалификации преподавательского состава, от доступности всех видов образования широким массам населения во многом зависит уровень духовной жизни общества и состояние кадров производства. Важную роль играют средства массовой информации, прежде всего радио и телевидение, а также театры, музеи, филармонии, клубы, библиотеки, лектории, выставки и т.д.

Важным механизмом распространения культуры является *тиражирование*, в ходе которого уникальный образец воспроизводится во многих экземплярах. Этот процесс отнюдь не обязательно является «опошлением» высокого и уникального (хотя потери здесь возможны и неизбежны). Согласно исследованиям искусствоведов, в современную эпоху знакомство с тиражированными творениями культуры никак не исключает глубокого проникновения в уникальную сущность оригиналов.

Распределение многообразной духовной деятельности членов общества по различным родам и видам делает необходимым обмен элементами культуры, сущностью которого является духовное общение людей, обмен производственным опытом, достижениями науки, продуктами научного поиска и художественного творчества. Индивиды, участвующие в научной деятельности, не могут обойтись без гуманитарных принципов, а научные знания, полученные учеными, так или иначе воздействуют на духовную атмосферу эпохи. Без такого взаимного обмена невозможно функционирование общества и его развитие.

Как и материальные блага, продукты духовного производства, ценности культуры предназначены для потребления, а вернее — для *освоения*. Это освоение существенно отличается от потре-

86

ния благ материальных, в процессе которого продукт либо уничтожается, либо изнашивается (одежда, обувь, мебель и т.п.). Духовными ценностями пользуются многократно многие люди. Они по своей природе не являются объектом монопольного индивидуального владения, хотя при определенных социальных условиях культурные ценности становятся достоянием узкой элиты или привилегированного класса. Освоение осуществляется в той или иной степени как передача, *трансляция культуры*, как ее распространение между группами и индивидами по уровням, т.е. от культурной элиты в широкие слои общества или же, наоборот, от народных низов — в высшие слои. Распространение культуры происходит также от центра к периферии, между различными центрами и т.д.

Освоение духовных благ может быть пассивным усвоением, но допускает и широкую амплитуду активного приобщения. Чтение художественной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма в какой-то степени всегда — диалог автора и зрителя, предпосылка общения публики и т.д. Спрос на данное произведение обусловлен прежде всего потребностями личности или социальной группы, и если этот спрос достаточно интенсивен, то он может преодолеть навязанную систему распределения культурной продукции, как об этом свидетельствует вся история борьбы с цензурой и существования самиздата.

Духовные потребности складываются в зависимости от ряда факторов, среди которых следует прежде всего выделить уровень общего цивилизационного развития общества, тип цивилизации, степень и характер формирования нации, характер экономического и политического строя, специфику социальной принадлежности. Особое значение имеют индивидуальные характеристики культурного субъекта, так как художественная культура в высокой степени направлена на

удовлетворение индивидуальных запросов.

Высокая степень выделенности художественной культуры из всей системы духовной деятельности приводит к тому, что зачастую именно с ней связывается представление о культуре как сфере подлинной духовности и творческих устремлений. Такое понимание сильно сужает культуру, отсекая от нее мировоззренческие ориентации широких слоев населения, находящие выражение в религии и идеологии, соционормативные компоненты, такие как политическая и правовая культура, мораль, а также специфическую познавательную систему науки.

Важное значение духовных мотиваций, вырабатываемых в культуре, заключается еще и в том, что они составляют необходимый

87

компонент *хозяйственной культуры*, без которой хозяйство может функционировать только в качестве разорительной и пагубной системы принудительного труда, порождающего реакцию отторжения и социального протеста. Духовные потребности, соединяясь с собственно хозяйственными принципами, оказывают воздействие и на экономическое поведение. В культуре вырабатывается отношение к хозяйству со стороны общества в целом и его различных социальных слоев.

В доиндустриальном обществе хозяйственная деятельность может представлять как вторичная, подчиненная каким-то более важным принципам социальной регуляции, исходящим из сакральных законов или из властных установлений. На шкале престижности в этом обществе наиболее высокое место занимала священническая деятельность по поддержанию «вечных» ценностей либо верховная власть, управлявшая обществом, либо война как выражение мощи и насилия. В буржуазной системе хозяйственная деятельность приобретает высокий статус важного источника социального статуса, хотя и на условии ее эффективности, измеряемой финансовыми критериями.

Культурные факторы входят в состав трудовых ориентаций, формируют отношение к накоплению и богатству, влияют и на потребности, формирующие спрос на продукт материального производства. Хорошо известно, что предметы потребления, то, что человек ест, пьет, во что одевается, как строит жилище и т.п., зависят не только от достигнутого уровня производства и характера технологии, но и от культурно обусловленных потребностей. К тому же создание, выбор или внедрение технологии обусловлено набором причин и факторов, среди которых важное место занимают духовные установки.

Об острой значимости духовных факторов производства мы можем составить впечатление не только из изучения «Протестантской этики» М. Вебера, но и из трудностей, возникающих в ходе хозяйственных реформ в России и других государствах на территории бывшего СССР. В немалой степени эти трудности вызваны явным рассогласованием между экономическими принципами хозяйственных изменений в том виде, как они сложились в зрелом западном обществе (прежде всего в евро-американском варианте), и социокультурной системой, веками складывавшейся в евразийском регионе. В результате такого рассогласования происходит отчуждение населения от навязываемых моделей, что вызывает неприятие или явное сопротивление реформам, не отвечающим запросам данного общества. Таковы бывают последствия форсированной модернизации, подрываю-

88

щей культурную самобытность. К этим проблемам мы обратимся в главе о модернизации.

КУЛЬТУРА И ТЕХНИКА

Существенным компонентом хозяйственной деятельности является техника, входящая в состав производительных сил общества. Она создается на основе опредмечивания в природном материале трудовых функций, опыта и знаний*.

Но как определить соотношение между техникой и культурой? Некоторые теоретики полагают возможным свести технику к сумме специальных средств, облегчающих труд и делающих его более производительным, но не имеющих отношения к собственно культуре. Другие, напротив, полагают возможным рассматривать технику как продукт человеческих идей и целей, формируемых в сфере культуры. В такого рода расхождениях в точках зрения и двойственном отношении к технике — как полезном изобретении или как дегуманизирующей силе — проявляется действительное противоречие в статусе техники в системе человеческой деятельности. С одной стороны, назначение техники и ее огромная роль для общества заключаются в том, что она обеспечивает удовлетворение человеческих потребностей и без нее само существование человека было бы ограничено самым примитивным уровнем. Но вместе с тем техника предстает как средство выхода человека за рамки первичных потребностей и создания новых возможностей бытия, которые и связаны с собственно культурой. За рамками собственно производственной необходимости, где решающее значение имеет техника, человек создает искусственную сферу бытия, имеющую особые духовные измерения, в которых он и реализует свои цели и программы.

В само содержание техники культура вносит свои особые требования и стимулы. Развитие техники стимулируется отнюдь не только стремлением к удовлетворению собственно витальных по-

требностей. Именно духовные потребности вели к созданию монументальной архитектуры или скульптуры, воплощенной в пирамидах, храмах, монастырях, дворцах, памятниках. Дороги и транспортные средства служили не только целям перевозки полезных товаров или для административного управления обширными странами, но и для общения между народами. В более позд-

* См.: Волков Г. Техника // Философская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 5. - С. 227-230.

89

ние времена хорошие дороги стали неременным критерием рациональности общей системы производства и жизнеобеспечения.

Но, с другой стороны, общество сталкивается с бесчеловечностью техники, воплотившей высокие достижения человеческого знания, но вместе с тем используемой для нанесения вреда самому человеку и ущерба окружающей природе. В главе XIII мы вернемся к рассмотрению этого противоречия.

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

Политика в своем сущностном содержании — это прежде всего реализация властных отношений. Политические системы и институты, через которые регулируются властные отношения, политическая воля, отражающая стремления тех или иных социальных слоев и элит, составляют политическую подсистему, взаимодействующую с хозяйственной системой, социальными структурами и культурной системой. В процессе взаимодействия политики с культурой складывается политическая культура. Хорошо известно, что между ними зачастую возникают сложные отношения, доходящие до взаимной неприязни и острых столкновений, в которых каждая сторона прибегает к своим средствам нападения и защиты. Тем не менее каждая из них нуждается друг в друге, и в общем ни одно общество не обходится без взаимного обеспечения этих подсистем. Даже самое авторитарное правительство не может обойтись без услуг хотя бы специально сформированного отряда деятелей культуры, способных выполнить властный заказ.

Политика опирается прежде всего на политические акции и средства мобилизации, имеет в своем распоряжении партии, госаппарат, суд, полицию, службу безопасности и тюрьмы. Культура же поддерживается через знания, нормы и ценности и действует преимущественно через систему образования, издательства, музеи и средства массовой коммуникации, произведения искусства, театра, празднества, язык и т.д.

Политические отношения определяются не только соотношением сил или характером социальной структуры, но и сложившимися в обществе духовными принципами, представлениями и ценностями. В политической деятельности проявляется также взаимодействие культурного наследия, в котором общество находит (или не находит) обоснование современной модели политического устройства, которое должно иметь свое оправдание (легитимность).

90

Взгляд на политику через призму культуры позволяет лучше понять, какая власть, в какой степени, когда и для кого является ценностью, а также каково взаимоотношение между различными ценностями, например между властью и собственностью, властью и престижем, властью и религиозной святостью, властью и моралью.

В рамках социальной культурологии необходимо рассмотреть и политическую культуру, которая непосредственно связана с функционированием политики, является средством ее обоснования в общественном сознании и реализации в поведение членов общества. К политической культуре относятся те ее элементы (нормы, ценности, знания и смыслы), которые включаются в сознании членов общества при определении ими своего отношения к политическим явлениям и реализации политических акций. «Политическую культуру, — пишет К.С. Гаджиев, — можно характеризовать как ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему, охватывает как политические идеи, ценности, так и действующие нормы политической практики. К ней можно также отнести принятые в обществе образцы и стереотипы политического поведения»*.

Тем не менее не стоит противопоставлять нечистую политику как «средоточие насилия и своеволия, систему господства и подчинения» и культуру как «средоточие моральных норм и духовных ценностей». Культура также может заключать в себе репрессивное начало, если она институционально сложилась так, что монопольное распространение имеют те нормы, ценности и знания, которые функционально привязаны к господствующему способу производства или же к господствующей политической системе. Эта ситуация возникает как в тоталитарных партийно-государственных режимах, так и в капиталистических обществах с чрезмерной монополизацией системы духовной регуляции. Борьба за демократизацию и плюрализацию культурной жизни — важная задача интеллигенции, которая видит в этом не только расширение своего поля деятельности, но и условие

оздоровления и устойчивого развития общества.

Следует указать и на то, что культура зачастую не совпадает с политикой и в территориальном отношении, если иметь в виду высшее проявление политической организации — государство.

* Политическая культура: Теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев. - М., 1994. - С. 56.

91

Вопреки тому высокому мнению, которое столь часто имеют политики о своей роли, именно разнородность культуры столь часто становится фактором распада государств в начале XX в.: Австро-Венгрия, Османская империя, Британская империя, а в конце XX в. настал черед Югославии, Чехословакии, СССР. Напротив, именно культура как интегративный фактор становится основой для национального воссоединения Италии и Германии в XIX в., снова Германии в XX в. Очевидную тягу друг к другу вопреки всем политическим различиям испытывают жители Северной и Южной Кореи, КНР и Тайваня. Культура в гораздо меньшей степени, чем государство, предполагает наличие устойчивых территориальных границ и политической независимости. Большинство народов оказываются широко разбросанными в современном мире, и хотя народ не сводится лишь к культуре, он длительное время сохраняет культурное единство, даже если его разбросало по разным странам и континентам.

Важным компонентом политической культуры является идеология как те мировоззренческие представления, которые разделяются большинством населения и на которые в той или иной степени опирается и власть. Впрочем, общественная идеология носит сложный и противоречивый характер, она зачастую представляет собой арену острой идейной борьбы, в которой сталкиваются и подвергают друг друга нещадной критике представители разных учений. Явной или скрытой целью этой борьбы является стремление утвердить приоритетное признание данного течения в общественной мысли, а тем самым внедрить его в массовую культуру.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ И КУЛЬТУРА

Деятельность государства и политических партий и организаций опирается на факторы власти, на авторитет, а также и на насилие, к которому могут прибегать как государство, так и оппозиционные партии. Однако устойчивая и влиятельная политика должна иметь легитимные основы, т. е. соответствовать принятым нормам и образцам поведения, ориентациям общественного сознания (или его влиятельной части). Соответственно, через политическую культуру создается тенденция поддержания, примирения с властью или же, напротив, сопротивления ей — пассивного или же через активный протест и противодействие. Порядок, основанный на легитимности, обладает большей устойчивостью по сравнению с порядком, основанным лишь на обычае, при-

92

вычке к определенному поведению или же на одних лишь рациональных мотивах (целерациональное действие). Легитимность может поддерживаться эмоциональной приверженностью вождю, режиму или данному порядку. Более высокий уровень легитимности обеспечивается ценностно-идеологическим обоснованием, создающим уверенность в непреложности общественного устройства как выражения высших ценностей и высшего блага, от которых зависит спасение людей. В современном мире легитимность обосновывается убеждением в разумности, справедливости и целесообразности данного порядка. В последнем случае именно критическое общественное обсуждение ценностей, узаконивающих социальный порядок, способствует достижению согласия и более эффективному приспособлению сознания индивидов к складывающейся в обществе политической ситуации и тенденциям. Обнаружившиеся в ходе развития пределы политического действия, потрясения, перевороты, крушения и тотальные перестройки политических систем, драматические неудачи в осуществлении авторитарных моделей модернизации проявили относительность и условность политики, нуждающейся, несмотря на свое видимое всевластие, в надежной связи с реальностью, во взаимодействии с другими компонентами социальной регуляции, в устойчивом признании. Оценить степень легитимности, а значит, и устойчивости государства, и эффективности его действий невозможно без выяснения характера сложившейся политической культуры.

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРА

Как мы уже видели в этой главе, духовное производство, продуктом которого и является культура, существует в тесном переплетении с производством вообще, включая его материально-технологическую базу, социальную и политическую структуры. Эти компоненты взаимодействуют друг с другом, порождая то сложное и многомерное образование, которое и называется обществом. В этом взаимодействии могут возникать в принципе различные варианты: взаимное согласование, расхождение и сосуществование разных типов. Все эти варианты могут встречаться почти в любом обществе, и даже в так называемом тоталитарном неизменно формируются внутренние структуры и

появляются какие-то инородные компоненты, подрывающие его кажущуюся монолитность. Однако в макросоциологическом плане принято выделять некоторые основные типы социальности, отвечающие ис-

93

ходному принципу согласования духовного производства с материальным, с соответствующей ему социальной структурой и политическим устройством. Обычно выделяют доиндустриально-традиционный, индустриально-капиталистический и постиндустриальный типы. Установление различий между этими типами на уровне базисных факторов позволит выявить отвечающие им варианты духовного производства, а значит, и возникающие в их рамках культурные ценности и представления.

Попробуем сопоставить это общее теоретическое положение с часто встречающимися в популярном научном дискурсе понятиями «Запад — Восток». Приходится констатировать метафоричность, а зачастую и путаницу, вытекающую в том числе и из-за того, что базисные социокультурные измерения общества получают географическую прописку и после этого идет длительное дискуссионное выяснение относительно того, что представляют из себя эти геокультурные сущности, существуют ли они вообще и как Запад проникает на Восток, а Восток на Запад. В историческом плане действительно «Запад» возник на Западе, а точнее, на узкой западной оконечности громадного Евразийского континента. Но еще Колумб отправился на Запад, чтобы достичь Востока, и хотя он до конца дней упорствовал в своей ошибке, настаивая на том, что он приплыл во владения Великого Хана, т. е. китайского императора, после него стало очевидно, что «земля — шар», а следовательно, что географические реалии не совпадают с социокультурными.

Это не отменило последующего глобального деления земного шара на Запад и Восток. Длительное время западная общественная мысль осваивала это деление как различие между «развитым, промышленным, урбанизированным, секуляризованным и гражданским обществом» и «неразвитым, аграрным, сельским, фанатичным, деспотичным или патриархальным» Востоком. Выработывались критерии оценки и отношения, служившие руководством к действию, политическим и экономическим акциям. Конечно, эти критерии складывались в рамках того типа менталитета, который мы рассматриваем как идеологию. Вокруг этих базисных стереотипных конструкций велись длительные идеологические и научные дискуссии, итогом которых стало выяснение той социальной нагрузки, которую несли эти понятия в духовной жизни и обосновании колониальной и империалистической политики Запада в незападных регионах.

Каковы бы ни были идеологические причины, вызывавшие к жизни обманчивые и оспариваемые стереотипы, научное мышление раскрывало и весомые социоэкономические и социокуль-

94

турные факторы, которые разделяли в общем плане два типа обществ, получавших модельное развитие на этих условных цивилизационных территориях.

Дихотомичное макромасштабное деление человеческих обществ на два основных типа — устойчивая конструкция в социологической и культуроведческой мысли. Хотя и в различных терминах, такой подход развивал Ф. Тённис, проводивший различие между органической и инстинктивной общностью и расчетливым и рационалистическим обществом. Э. Дюркгейм постоянно сопоставлял общества, основанные на «механической солидарности», возникающей на основе общих коллективных представлений, и «органической солидарности», порождаемой разделением труда. Но еще в работах К. Маркса получила основательную разработку классификация основных типов социальных отношений на межличностные и товарно-денежные. Так как вторые присущи только капиталистическому типу организации, то к первым в общем плане относятся все докапиталистические. Эта концепция использовалась рядом советских ученых в 70—90-х гг., хотя она так и не проникла в нормативную истматовскую школу, отстаивавшую формационное членение общественных типов. Между тем обращение к этой конструкции К. Маркса дает нам возможность ввести первичную классификацию социокультурных суперсистем, чтобы затем дать более подробное их деление.

В доиндустриальных структурах социальная регуляция основана на преобладании межличностных отношений над товарно-денежными. В научной литературе в применении к нерыночным связям принято употребление разных терминов: «коммунитарные», «коммунократические», «коммуналистские», «солидаристские», «коллективистские», «ассоциативные» отношения. Каждый из них в определенной степени оправдан, хотя и подразумевает специфический вариант таких отношений или какую-либо их сторону. Определение этих отношений как общинных или традиционных оказывается слишком размытым или частичным, не отражающим существа положения. В дальнейшем мы будем употреблять более нейтральный термин «коммунитарные».

Как показал еще К. Маркс, в структурах, не преобразованных товарным обменом, общественные связи проявляются для людей «как их собственные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»*. В рамках межличностных-солидаристских

отношений осуществляется взаимодействие индивидов и групп производителей, разделение труда и

•Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. - С.

95

кооперация, происходит соединение индивида с объективными предпосылками производства. Членство в сложившейся группе — семья, община, родственная группа, этнос, каста, клан — во многом обеспечивает доступ к средствам существования. Каждый получает то, что необходимо ему для выживания и для осуществления функций, отвечающих сложным потребностям всей группы или общества. Этот механизм поддерживает существование многих категорий населения, не имеющих земли или другой собственности и не занятых непосредственно производительным трудом, но так или иначе входящих в совокупную социокультурную организацию общества.

Анализ таких типов социальности систем, как в слаборазвитых странах, так и в индустриальных обществах, показывает, что здесь, как на первичном уровне, т.е. в рамках самого производственного хозяйства, так и в обществе в целом, огромное значение имеют формы *распределения*, связанные с межличностными отношениями. (Отчего и общество такого типа иногда получает определение «распределительного». Но такой термин не должен закрывать понимания других сторон регуляции и многофакторности общественной системы в целом.) Распределение, с одной стороны, обеспечивает поддержание различных групп населения, их жизнедеятельность и взаимодействие. Но с другой стороны, оно совпадает с системой трудовых обязанностей, повинностей, выплат, привилегий, деления добычи и т.д., что снижает возможности производителя распоряжаться своим продуктом. В отличие от буржуазного общества прибавочный продукт не используется в производственных целях, а идет на поддержание социальных отношений — через различного рода ритуалы (семейные, этнические, религиозные), празднества, пиры, подарки. Огромные траты на эти цели, представляющиеся нерациональными для европейского менталитета, оправданы с точки зрения жителей Азии или Африки, так как эти траты укрепляют солидаристские отношения — главное богатство этих жителей*.

Взаимодействие типов социальности.

Было бы ошибочно проводить резкую границу между этими типами социальности, так как каждое общество для своего полноценного существования нуждается и в достижениях, и в поддержании устойчивых отношений между своими членами. Поэтому наряду с дихотомичным

* На материале средневековой европейской культуры эти ориентации подробно раскрыты в книге А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» (М., 1984. — С. 228—247). Сравнительный анализ дается в книге Б.С. Ерасова «Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки» (М., 1982).

96

делением основных типов социальности принято выделять варианты этих отношений, присущих в той или иной степени всякому обществу. В такой классификации принято делить социальные отношения на *аскриптивные {предписанные}* и *достижительные*. Если первые предписывают человеку или группе нормы поведения и прописывают человека по родству, социальному происхождению, месту жительства, статусу, конфессиональной или национальной принадлежности, то вторые основаны на достижениях и заслугах. Во всяком достаточно развитом обществе эти типы оказываются функционально необходимыми, и только более обстоятельный анализ покажет нам, в каком соотношении они находятся друг с другом в каждом обществе. Воинские доблести, знания и мудрость, накапливаемые с жизненным опытом, искусство управления людьми, вербальное или живописное мастерство пользовались признанием во всяком обществе. Достижительные факторы способствовали подъему статуса, измерялись должностью, званием, чином, богатством и т.д. В античной Греции наиболее достойной наградой для победителя Олимпийских игр были лавровый венок и торжественный гимн. Но уже на заре человеческой истории зародились товарно-денежные отношения, в которых вызревало имущественное неравенство.

Вместе с тем в рамках даже зрелых капиталистических структур немалое значение имеют аскриптивные связи, в которых индивид в том или ином плане приписан к тому или иному месту в обществе независимо от собственно рыночных критериев или его достижений. Семейная, этническая, национальная или конфессиональная, а иногда и расовая принадлежность не стирается в полной мере богатством или профессионализмом. Этническая взаимовыручка становится важной формой консолидации предпринимательской деятельности не только в странах Азии и Африки, но и в Западной Европе и Америке или в межнациональном плане. Этнические китайцы держат в своих руках значительную часть торгового и банковского дела в странах Юго-Восточной Азии. На аскриптивных критериях основана во многом и бюрократическая система регуляции, в которой продвижение чиновника зависит в большей степени не от его компетентности, а от его лояльности и преданности по отношению к данной системе или к лицу, облеченному полномочиями. Хорошо известно, что такого рода критерии — в функциональном или же дисфункциональном значении — приняты и в различного рода других социальных и культурных средах, начиная от армии и

заканчивая, может быть, системой образования и наукой.

Однако эти базовые типы социальности могут вступить в ост-

97

рое противоречие друг с другом и именно через стремление к достижениям индивиды, группы и общества добивались изменения своего статуса в сети общих отношений. Естественно, что наиболее естественным способом добиться успеха, славы и богатства на протяжении всей человеческой истории была война. Поэтому культивирование воинских доблестей столь же постоянно было одной из важнейших задач искусства. Созданные часто в глубокой древности эпические произведения («Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Манас» и т.д.) на протяжении многих веков вдохновляли людей на свершение героических дел.

Однако постоянным соперником воинской славы, добытой в сражениях, было богатство, золото, деньги, обеспечивавшие возможность все купить. Богатство обнаруживало способность противопоставить свои критерии как сложившимся социальным связям, так и всем иным ценностям. Поэтому во всякой культуре, хотя и в очень разной степени, поддерживается критическое или прямо осуждающее отношение к богатству. Сетования по поводу разлагающего влияния денег раздавались уже в Древней Греции, и они же во многом способствовали подрыву общественных отношений в Римской империи. Варваризация Европы после падения античного мира на десять веков отодвинула власть денег на второй план, и презренным делом накопления занимались лишь ростовщики. Но к концу средневековья деньги вновь становятся влиятельной силой. Хорошо известны (хотя бы по их цитированию в труде К. Маркса «Капитал») строки Шекспира, в которых изображенный им античный герой Тимон Афинский обличает разлагающее влияние денег:

Тут золота довольно для того,

Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,

Все гнусное — прекрасным, всякий грех —

Правдивостью, все низкое — высоким,

Трусливого — отважным храбрецом,

А старика — и молодым и свежим!

Эта проблема занимала умы не только великих художников, но и крупнейших мыслителей и ученых. Для К. Маркса расхождение между властью денег, а вернее капитала, и истинными человеческими потенциями стало той основополагающей идеей, на основе которой он сформировал концепцию социализма и коммунизма. Ощущение громадных издержек и утрат, которые приходят с окончательным утверждением рыночных отношений и критериев, стало источником концепций М. Вебера и Э. Дюркгейма, породило огромную критическую литературу в адрес бур-

98

жуазного общества. Стремление избежать таких пагубных издержек породило социализм и другие течения, оппозиционные по отношению к тем принципам и отношениям, которые лежат в основе рыночных регуляторов.

В последующих главах третьей части мы рассмотрим основные характеристики как коммуналистской, так и рыночной социальности, которые тесно связаны и с характером духовного производства.

Глава IV. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ОБЫЧАИ, НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ И ЗНАНИЯ

Основные темы.

Аффективное и культурно-регулируемое поведение.

Соотношение социальной психологии и социологии. Сферы эмоционального поведения и способы его регуляции. Культурные и правовые критерии девиантного поведения. Может ли культура рассматриваться как репрессивное начало?

Обычаи как привычные и не подверженные рефлексии образцы поведения. Роль формирования привычек в жизнедеятельности индивида и социальной группы.

Нормы как средство добровольного и осознанного сотрудничества людей. Ожидаемое поведение. Классификация норм по сферам деятельности. Нормы в поведении, хозяйственной деятельности, политике, языке, художественной культуре. Ролевые функции и ролевые конфликты. Санкционирование норм. Нормы и право. Нормотворчество и предел нормативности. Нарушение норм и смена стереотипов. Отношение индивида к принятым нормам. Проблематика норм в художественной литературе.

Ценности как выбор объекта или состояния, имеющих особое позитивное значение, выходящее за рамки обыденности. Сходство и различие понятий: ценности, интересы, потребности, ориентации, мотивации, идеалы. Ценности как наиболее общий термин в этом ряду. Классификация ценностей: витальные, моральные, социальные, политические, религиозные и эстетические. Отдельные типы ценностей в разных культурах: семья, межличностные отношения, богатство, труд, красота и т.д. Двойственное отношение к богатству в мировых культурах. Практицизм как ценность в разных культурах. Моральные факторы предпринимательства.

Телесность, эрос и культура. Психофизические и социокультурные

99

факторы в отношении к телесности и сексу. Социальная, профессиональная и культурная обусловленность телесности и любовного поведения. Социокультурные механизмы дистанцирования полов и формирования любовных отношений: воспитание, нормирование, морализация, эстетизация. Обогащение любовных отношений как фактор возвышения культурных ценностей. Любовные мотивы в художественной культуре. Мотивы любви-секса в массовой культуре.

Механизм действия ценностей через возвышение статуса особых действий или состояний человека, качеств окружающего мира.

Ценностные расхождения и полиморфизм культуры. Антиномичные ориентации: быть — иметь, работа — досуг, богатство — солидарность, наука — мораль и т.д. Ценностный полиморфизм в разных культурах: «хризантема и меч» (о японской), «дворец, собор и костер» (о Европе эпохи Возрождения), «икона и топор» (о русской эпохе средневековья) и т.д.

Социальное распределение ценностных ориентаций. Существуют ли классовые ценности? Принципы упорядочивания ценностного полиморфизма и налаживания социальной коммуникации.

Срединная культура как устойчивый комплекс ценностей, разделяемых основной частью общества.

Обыденная культура.

Знание как элемент культуры, фиксирующий результат познавательной деятельности человека. Типы знаний: практическое, духовное, эмпирическое и теоретическое. Социальные и культурные факторы, влияющие на формирование сознания и функционирование знаний. Гносеологические и социальные аспекты познавательного процесса. Какая реальность получает выражение в знании? Проблема превращенности сознания как непрямого отражения действительности, его связи с социальным действием. Социология знания в системе культурологии. Знание и вера. Знание и информация. Гносеологическая и операциональная оценка информации. Социология знания и теория информации.

Значения (смыслы) как элемент культуры. Значения как специфически культурное средство соединения человека с миром и обществом. Роль культурных значений в ориентации человеческой жизнедеятельности. Основные сферы обозначивания: природная, предметная и духовная. Проблема сохранения и изменения значений. Механизм табуирования. Типы значений. Язык, знаковые системы, символы как средства обозначения фиксации и передачи значений. «Объективные» значения и «внутренние» смыслы человеческого бытия. Знаковые средства в разных сферах культуры.

АФФЕКТИВНОЕ И КУЛЬТУРНО-РЕГУЛИРУЕМОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В духовной жизни выделяются структурные элементы, обладающие специфическими свойствами и в силу этого по-разному направляющие социальную жизнь. Каждый человек, коллектив

100

или общество имеют тот или иной запас витальных сил, которые находят выражение в аффективных настроениях и действиях. Любовная страсть или ненависть, воодушевление, гнев или апатия, ужас или прилив отвращения, охватывая индивида, становятся источником соответствующих поступков. Но и общество в целом может приходить в состояние энтузиазма или апатии, негодования или удовлетворения, агрессивности или усталости. Это зависит от складывающейся ситуации, от тех вызовов, с которыми ему приходится сталкиваться и которые в том или ином плане затрагивают (или не затрагивают) его коренные интересы. Важной характеристикой таких настроений является потребность в незамедлительном (или максимально быстром) удовлетворении страсти, владеющей индивидом или обществом, желание снять напряжение или выразить его — через митинг, пикетирование, агитацию, шествие, стачку, погром, голосование и т.д.

Конечно, всякая полноценная социокультурная система включает в себя и специальную сферу, выделенную во времени или в пространстве, где допускается и даже поощряется аффективное поведение, нарушающее нормы и ценности, считаемые общепринятыми и нормальными, но обыденными. Таковы, в частности, многие проявления праздничной культуры, получающие, пожалуй, свое наиболее яркое выражение в карнавалах и народных гуляниях, принятых у всех народов. Таковы и многие проявления массовой культуры, широко внедрившиеся в современном мире, однако в сферах, четко отделенных от производства с его жесткой рациональностью и принципами эффективности. Подробнее эта тема будет рассмотрена в разделе о массовой культуре.

Вместе с тем регулятивная роль культуры заключается в том, что она ставит пределы, ограничивает естественные проявления человеческой природы или социальной группы, не уместяющейся в нормативных рамках. На протяжении многих веков основным средством такой регуляции была религия, подчиняющая поведение верующего ценностям и нормам, имеющим безусловную сакральную санкцию. Естественность была греховной и допускалась в ограниченном виде лишь на низших уровнях бытия. Детальный анализ таких влечений и состояний — сфера социальной психологии. Конечно, как социология культуры, так и социальная психология изучают в некоторой степени одно и то же поле — закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные присущими им внутренними мотивациями, убеждениями и привычками. Эти внутренние мотивации неизменно соотносятся с какими-то внешними духовными факторами, формируемыми как коллективное сознание или же как бессознательное начало. Однако

101

культура охватывает все же более *постоянно действующие или долговременные, устойчивые и упорядоченные способы* духовной регуляции. Если психология учитывает состояния и движения малых групп, временных объединений, толпы или индивидов, то культура определяет характер социальных слоев, этнических или национальных групп или цивилизаций на протяжении более длительных периодов времени. Конечно, и личность — существенная носительница культуры. Так, в явлении *моды* несомненно присутствует культурный компонент, определяющий общий стиль развития моды, ее национальное своеобразие. Но психология определяет ритмы смены деталей и орнаментики, степень их распространения, замедленную или ускоренную вариативность в одежде и внешнем облике. Конечно, влияние культуры сказывается и в том, что чем выше степень развития культуры, тем более дифференцированными становятся все ее элементы и компоненты, в том числе и мода. Этнические культуры обходятся набором постоянных вариантов одежды, вполне обозримым в хорошем музее этнографии. Столица обычно вмещает несколько домов моды, демонстрирующих новинки сезонов.

Еще М. Вебер формулировал свою концепцию преобразующего воздействия религии на человеческое поведение как преодоление тех экзотических и оргиастических состояний, которые оказываются временными и преходящими и приводят человека в состояние опустошения, что на религиозном языке обозначается как богооставленность, а на светском — бесцельность и бессмысленность бытия.

В более умеренных терминах описал эту позицию П. Сорокин, констатируя, что в естественных аффективных состояниях человека выявляются его переменчивые психологические характеристики, его непосредственные реакции на жизненные воздействия, подверженные ситуационным и преходящим настроениям. Однако культура преобразует эти аффективные состояния, регулирует их и направляет на достижение значимых и долговременных целей человеческого бытия. На разных этапах и уровнях развития общества, в разных его сферах и структурах соотношение аффективных и культурно-регулируемых факторов может быть различным. Но они непременно присутствуют в некотором соединении как возделывание человеческого материала.

Вслед за процессом «разбожествления» мира и уменьшения влияния религии наступила очередь и светской нормативной культуры в ее сложившемся, классическом виде. Эти сдвиги получили объяснение и оправдание в психоаналитическом направлении, представленном прежде всего работами З. Фрейда и Э. Фромма.

102

Они показали, что сложившийся тип культуры носит во многом репрессивный характер, подавляя индивидуальное «эго» в его весьма значимых витальных и личностных проявлениях. Обуздание инстинктов, с одной стороны, — необходимый принцип, так как иначе их разгул грозит обществу самоуничтожением. Различные формы контроля, включая мораль, религию, социальные санкции и государство, рассматривались Фрейдом в основе своей как результат компромисса между стихийными влечениями и требованиями реальности. Подвергаясь вытеснению в сферу бессознательного, эти влечения порождают психологические неврозы и конфликты личности с собой и обществом. *Сублимация* этих инстинктов является источником художественного и научного творчества, что и порождает высокие достижения религиозной или светской культуры. Развивая эти идеи в русле неопрейдизма, Э. Фромм подверг глубокой критике те социальные и культурные механизмы капиталистического общества, прежде всего его крайний техницизм, культ наживы и успеха, которые приводят к отчуждению человеческой сущности, утрате человеком самого себя в процессе социальной жизнедеятельности.

Однако освобождение человека от репрессивной культуры ограничено определенными социокультурными рамками. Аффективное поведение, отклоняющееся от нормативного, может принять характер девиантного с различной степенью асоциальности и криминальности. Изучение такого поведения составляет преимущественное достояние социальной психологии и социологии. Но и культурология не может обойти своим вниманием такое поведение, так как в нем также существуют свои довольно жесткие правила и принципы, регулирующие поведение индивидов в криминальной среде. Как мы увидим, в обществе существует сложное взаимодействие нормативной культуры и девиантных вариантов. Значительное распространение такого поведения требует специального рассмотрения причин дезорганизации социокультурной регуляции и деградации человеческой общности.

ОБЫЧАИ

Самые простые типы поведения складываются прежде всего на основе *целостных, привычных образцов поведения, совершаемого по установленному поводу в определенное время и в определенном месте*. Образец укладывается в какую-то часть деятельности, ее отрезок, не подверженный четкому делению, изменению или рефлексии. Термин «обычай» может отождествляться с терминами

«традиция», «обряд», «ритуал», «нравы». Однако традиция относится все же к более широкому кругу явлений и в применении к более дифференцированным формам регуляции деятельности, хотя и получает при этом семантическую перегрузку (о чем см. главу VI). Обряд и ритуал* — формализованное поведение или действие, имеющее прежде всего символическое значение, лишенное непосредственной целесообразности, но способствующее упрочению связей либо между постоянными членами группы, либо во взаимодействии между группами, снимая напряжение, недоверчивость и повышая уровень коммуникативности. К числу важнейших обрядов, имеющих универсальное распространение в каждой культуре, относятся бракосочетание и похороны.

Термин «нравы» обычно выражает сложившиеся формы регуляции массового поведения. Впрочем, в культурологическом контексте нравы могут обозначать более подвижный, изменчивый и не уходящий далеко в прошлое слой привычного поведения, подверженный дифференциации в зависимости от социальной среды, психологического состояния тех или иных слоев, исторической ситуации и т.д. («О времена! О нравы!»). Война и мир, революция, реформы, шоковая терапия, модернизация и т.п. — процессы, подразумевающие крупномасштабные перемены в нравах, которые и влекут за собой постепенный сдвиг в более широких сферах культуры, что отнюдь не означает утраты ею своей качественной определенности.

Хотя в качестве основного регулятора поведения обычай выступает лишь в примитивных этнографических обществах, в устойчивой бытовой среде, инертных социальных группах, он присутствует и на всех более продвинутых ступенях. Социально признанные образцы складываются в обычаи, по которым накопленный опыт передается из поколения в поколение и от индивида к индивиду. К обычаям можно отнести и традиционные трудовые приемы, формы поведения, жизненного уклада, воспитания. В повседневной жизни действуют привычные правила гигиены, сложившиеся варианты общежития. Обычаем регулируются часы и условия приема пищи, сна. Выбор пищи диктуется отнюдь не только потребностями организма. В России, например, не принято есть змей, собак, лягушек, кошек. Индусы не едят говядины, а мусульмане свинины. В обществах с традиционной кочевой культурой употребляют в пищу конину. Выбор в данном случае обус-

* Некоторые ученые обоснованно выделяют ритуал как особый элемент культуры, имеющий самостоятельное значение и несущий большую нагрузку в культурной регуляции. См. Л. Ионин «Социология культуры». — М., 1996.

ловлен не питательностью пищи, а традициями. При входе в жилище европеец первым делом непременно снимает головной убор, восточный человек прежде всего вспоминает об обуви. Не всегда можно прямо соотнести то и другое с ситуацией, но таков обычай. Обычаи общепризнаны и утверждены властью массовой привычки. Они большей частью не получают объяснения и могут не осознаваться самими членами коллектива. На вопрос «Почему вы так поступаете?» они отвечают: «Так принято».

Обычаи играют немалую роль в воспитании, способствуя приобщению к культуре ребенка или же взрослого человека в инокультурной среде. Включение в культурную деятельность в данном случае сводится к знакомству с определенными образцами: «Поступай так, как поступает такой-то взрослый или окружающие». Суть поведения не объясняют, а просто знакомят с обычаем, который выполняет функцию обязательного для исполнения *образца поведения*. Образец может быть положительным (так надо поступать) или отрицательным (так не надо поступать). Обычай может выступать как решительное вмешательство в жизнь индивида, резко поворачивающее его естественную или привычную жизнь. Такого рода формализованные обычаи, совершаемые в определенном месте и в положенное время по специальным поводам, называют *обрядами*. В выборе обряда человек еще менее свободен, чем в простом обычае, так как он связан с выполнением публичных действий, имеющих высокий знаковый статус в данном обществе. В каждом обществе существуют обряды посвящения индивида в данное общество или в возрастную группу (наречение имени, крещение, запись имени, инициации, выдача паспорта и т.д.), дни рождения и юбилеи, свадьбы и похороны и т.д. Существуют коллективные, общественные и государственные обряды, напоминающие о целостности общества, зафиксированной в юбилеях, памятных датах, днях общественного траура и т.д. Обряд утверждает преемственность нового со старым, его принятие как утвердившегося в обществе положения, что происходит, например, в случае утверждения нового главы государства: венчание на царство, клятва нового президента и т.п.

НОРМЫ

В отличие от обычая норма охватывает не весь отрезок деятельности, а какой-то *принцип, параметр деятельности*, что составляет определенную *меру вариативности* поведения и его *уложения*. Любое общество или отдельная социальная ячейка и

группа должны упорядочивать отношения в своей среде, ослаблять тенденции, ведущие к разладу и произволу, устранять влияние стихийных настроений. Оно должно также согласовывать действия отдельных личностей и групп, приводить их в соответствие с общими интересами данной ячейки или общества. Наведение порядка может быть достигнуто через насилие и принуждение, через политическое, идеологическое и психологическое манипулирование обществом, что выходит за рамки собственно культуры и влечет за собой ответную психологическую реакцию отторжения источника такого принуждения. Разоблачение манипулирования ведет к росту недоверия, двоемыслия и цинизма, что также разрушает социальное взаимодействие. Поэтому устойчивое и действенное регулирование отношений достигается через нормы, которые обеспечивают *устойчивое, добровольное и сознательное сотрудничество людей*, опираются на формализованные мотивы и потребности, соответствующие общественно одобряемым целям, стимулируют устойчивые отношения в коллективе, опирающиеся на привычные ожидания (экспектации).

Функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоятельств, психологических состояний, обеспечить надежность, предсказуемость, стандартность и общепонятность поведения. Норма формирует *ожидаемое поведение*, понятное окружающим.

Содержательная сторона норм определяется целями той конкретной сферы деятельности, к которой они относятся. При этом различные виды деятельности нормированы не в одинаковой степени, а содержание и способы нормирования различны в разных культурах. В сфере производства действуют технические нормы, обусловленные практическими интересами, устройством машин, свойством материалов. Сфера взаимоотношений между гражданами и социальными институтами регулируется юридическими нормами. В большинстве культур существуют довольно строгие нормы, касающиеся приема алкоголя и наркотиков, которые, правда, стираются в условиях городской массовой культуры. Нет обществ, в которых отсутствовали бы нормы, регулирующие сексуальные отношения. Более того, нет данных, указывающих, что такие общества вообще когда-либо существовали. Не произволен и выбор одежды. Допустимая степень обнаженности — объект строгого нормирования. Общество не безразлично к форме прически, длине волос, бороды, к манере ходить, говорить, пожимать руку, смеяться, смотреть на другого человека.

Классификация норм.

Целесообразно обратиться к классификации норм, данной Т. Парсонсом:

106

1. Нормы, поддерживающие формализованный порядок как в обществе в целом, так и в составляющих его группах. Во всяком обществе принято определенное разделение обязанностей, например мужчины должны выполнять сложные технические работы и служить в армии, а женщины — вести домашнее хозяйство и рожать детей. Как считают в некоторых восточных обществах, «муж должен заниматься делом, а жена — вести домашнее хозяйство».

2. Экономические нормы, дающие приемлемые критерии хозяйственной деятельности, целесообразности и профессионализма, практичности и эффективности. Они определяются как средняя величина, характеризующая принятую меру расхода ресурсов и выработки продукции, качество работы и т.д. Хотя в этой сфере норма зависит, конечно, прежде всего от состояния производительных сил; требования выполнения нормы, предъявляемые работнику, не допускают излишних расходов материала, времени, собственных сил и диктуют обязанность работать профессионально, т. е. производить вещи или услуги, отвечающие принятым требованиям.

3. Политические нормы, фиксирующие обязанность поддерживать общие принципы политической системы своей страны, вести борьбу «по правилам», соблюдая законы и конституцию.

4. Культурные нормы, поддерживающие устойчивые принципы коммуникации, взаимодействия между индивидами и различными группами. Так, принято говорить на «своем» языке, читать и писать, любить музыку своего народа, поддерживать стиль и символику своей культуры. Резкое выпадение из принятых норм может рассматриваться как ненормальное поведение, если, конечно, оно не получит статус оригинальности или талантливости.

В сложном урбанизированном обществе нормы имеют весьма дифференцированный и иерархизированный характер. Принято различать нормы общечеловеческие, национальные, классовые, групповые, межиндивидуальные. Требования, вытекающие из этой разновидности норм, нередко расходятся. Группа может требовать от своих членов действий, осуждаемых обществом. Два лица могут следовать в своих отношениях правилам, которые они отнюдь не считают общезначимыми и даже возражали бы против попыток возвести эти правила во всеобщий закон. Иногда группа проявляет терпимость к нарушениям норм, неукоснительное соблюдение которых требуется большим обществом.

Нормы дифференцированы по социальным структурам. Они поддерживают и классовое разделение, дистанцию между классами, профессиональными группами, сословиями, обеспечивая

ме-
107

ханизм распределения знаний и типов деятельности, а соответственно социального статуса и привилегий.

В таких случаях, когда совместная деятельность разных групп требует соблюдения социальной дистанции — как в отношениях между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, начальниками и подчиненными, рядовыми и командным составом, студентами и преподавателями, — существуют особые нормы поведения, обращения, ритуалы, приветствия, этикет, через которые формализуются требования к участникам общения, выделяемого из массовой и обыденной деятельности.

Нормы отличаются друг от друга *степенью обязательности*. Можно выделить побуждающие нормы (самосовершенствуйся!) и запрещающие нормы (не лги!). Некоторые нормы (например, в хозяйстве, в научно-технической деятельности) устанавливаются сознательно, на основе расчета или соглашения. Другие (в сфере общественных отношений и быта) поддерживаются многовековой традицией. По отношению к наиболее сильным чувствам, например эротическим и честолюбивым, нормы обладают большой степенью императивности. Они препятствуют возникновению враждебных чувств у тех, кто должен жить и работать вместе, а также интимных связей, могущих нарушить социально-необходимую дистанцию.

Определенность норм зависит от специфики объекта нормирования. Нормы определены в критериях грамотности и владения языком, в профессиональной деятельности. Более вариативна практика воспитания — от жесткой требовательности закрытого заведения до распушенной уличной среды, в которой действуют свои нормы.

Нормируется и духовно-психологическая активность. Объем памяти, типы аффектации и другие психические процессы, поскольку они протекают в конкретной социальной среде, всегда в той или иной степени нормированы. Их содержание, направленность, интенсивность обусловлены не только физиологической активностью психики и ситуацией, но и сложившимися нормами.

Устойчивые нормы сохраняются в течение многих поколений, получают нравственное обоснование, нередко освещаются авторитетом религии и поддерживаются законом. Нередко нормы сохраняются еще долгое время после того, как они потеряли свою эффективность, превращаясь в пустые ритуалы, в устаревший стиль и т.п.

Рольевые функции. Именно с нормативностью социального поведения связаны рольевые функции человека в обществе и группе, обусловленные его статусом в этой группе. Норма, внедряемая

108

как в поведение индивида, так и в менталитет группы и общества, диктует ожидаемое поведение, его стереотип, представление индивида о своем должном поведении. Детальное рассмотрение проблематики рольевых функций относится к сфере социальной психологии.

Нормы и право. Именно в сфере нормативного регулирования мы сталкиваемся с делением между моральной и правовой подсистемами культуры. И та, и другая действуют большей частью в одних и тех же сферах: в труде, быту, политике, семейных, личных, внутригрупповых, межклассовых и международных отношениях. Моральные нормы формируются большей частью в самой практике массового поведения, в процессах взаимного общения и отражают практический и исторический опыт. Выполнение требований морали может контролироваться всеми людьми без исключения и каждым в отдельности. Авторитет человека в области морали не связан с его официальными полномочиями, властью и богатством, но является авторитетом духовным, проявлением его общественного престижа и зависит от его способности адекватно выразить общий интерес, внутренне разделяемый всеми членами коллектива. Но мораль может быть и не связана с институциональным началом или персонифицирована кем-либо, а может существовать как общепринятое, как завет.

Моральные требования имеют в виду не достижение каких-то частных и ближайших целей, они не практичны, а указывают общие нормы и принципы поведения, оправдывающие себя лишь через состояние данной группы и общества в целом в какой-то перспективе. Мораль не может указать: чтобы достичь того-то, нужно поступать так-то. Она предстает как сумма требований, регулирующих состояние общества.

Нарушение норм и нормотворчество. Действенность норм, конечно, не абсолютна, так как все они так или иначе нарушаются. Однако их отнюдь нельзя считать среднестатистическими величинами. Они функционируют как морально или юридически признанные формы поведения или мышления, обладающие устойчивым признанием в обществе и пробивающиеся через все ситуационные препятствия и тенденции криминализации общества, через корыстное нарушение индивидами или группами. И все же значение всяких норм условно и зависит от их функциональности, от состояния самого общества. Изменение деятельности требует изменения прежних норм или введения новых. Преодолевая застывшие нормы, нарушая запреты, открывая новые варианты деятельности или поведения, личность или общество меняют свою деятельность. Иногда запреты

ломаются жестко и нормы вво-

109

дятся указом властей или центральным регулирующим органом того или иного института. Мало считался царь Петр I со сложившимися нормами поведения, когда он резал бороды боярам, вводил немецкое платье и устраивал шутовские ассамблеи, переворачивавшие наизнанку представления, сложившиеся в верхах российского общества. Но еще до него патриарх Никон провел церковную реформу и запретил двоеперстие. В 20-х гг. XX в. декретами советской власти была изменена алфавитная система у ряда народов СССР. Хотя в каждом из этих случаев нововведение сохранилось, оно вызвало у общества сопротивление, породившее устойчивые противоречия в духовной и социальной жизни, явные или скрытые расколы.

Даже весьма, казалось бы, необходимые нововведения или запреты, не согласованные со сложившейся в обществе нормативностью, не адаптированные к типу массовых ожиданий или не скомпенсированные какими-то заменами, терпят провал, приводят к обратным результатам или порождают явное отторжение. В качестве уже почти классических примеров нелепого запрета принято приводить опыт введения сухого закона в США в 20-х гг. и антиалкогольную компанию в СССР, начатую в 1986 г. Оба эти акта нормотворчества привели не к снижению уровня алкоголизма, как было задумано, а к громадному росту нелегального изготовления и продажи спиртных напитков.

Именно социологический анализ, учитывающий не только назревшую необходимость и функциональную целесообразность утверждаемой нормы, но и исторически сложившуюся систему социокультурной регуляции, в которую она вводится, помогает выявить ограниченность и противоречивость «указного» введения норм и те трудности, с которыми новая мера столкнется в социальной жизни. Возможности усвоения новых норм обусловлены типом культуры, историческими обстоятельствами, социальной структурой, наличными коммуникациями. Чаще всего старые и новые нормы сосуществуют — одни как ритуалы, другие как практические правила.

Для утверждения и защиты каждой нормы формируются критерии одобрения, поощрения, осуждения или запрета. Широта нормативности и тотальная потребность в ней приводят к тому, что *поощрение обычно менее ярко выражено, чем осуждение и запрет*.

В примитивной среде или обществах, где еще не выработаны достаточно дифференцированные и обдуманые формы регуляции поведения, существуют различные *табу* как непреложный и иррациональный запрет на совершение каких-либо действий. Даже

110

внешне абсурдные запреты (в отношении еды, каких-либо поступков, произнесения каких-то слов и т.д.) приобретают важное значение в системе социального контроля, снижая уровень напряженности и блокируя разрушительное поведение.

Чем сложнее общество, тем дифференцированной должна быть и принятая в нем нормативная система, тем необходимее и определеннее нормативы и органы, которые поддерживают и регулируют такую систему. Помимо общественного мнения, большое место в такой регуляции занимают системы образования, воспитания и государственного управления. Последнее имеет в своем распоряжении как административно-бюрократические, так и судебные органы, в том числе исправительные учреждения. В том случае, когда нарушение норм принимает насильственный и неуправляемый характер, в действие обычно вводится армия, призываемая для наведения порядка.

Вместе с тем обилие и жестокость запретов не только могут досаждают индивиду и сдерживать его инициативу. Они могут тем самым вредить и самому обществу, если они сковывают полезную инициативу. *Нормативная избыточность*, т. е. излишние запреты и ограничения, свойственна обществам с относительно бедной культурой, для которых внутренние расколы чреваты гибелью всего общества. Но избыточность такого рода часто сохраняется в той или иной среде и на стадии относительной развитости культуры. Для всякой армейской (казарма) или бюрократической среды необходима высокая нормативность, фиксируемая уставами, регламентом, правилами и т.д. В результате скрупулезной регламентации или чрезмерно жесткого нормирования поведения искусственно суживается и разнообразие действий и мыслей личности, тормозится культурное творчество, общество плохо приспосабливается к изменениям и приходит в состояние застоя.

Поэтому существует некоторый *предел нормативности* для всякого общества, даже того жесткого и ригористичного, которое подчас стремятся установить религиозные фундаменталисты. Без допущения отклонений, поощрения самостоятельности и предприимчивости, хотя бы в специально выделенных сферах и ограниченных свободных зонах, общество оказывается скованным в своих возможностях приспосабливаться к изменчивой обстановке.

Классическое художественное описание нормативного поведения мы находим в той «энциклопедии русской жизни», которой явилось произведение А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел,

111

Кто постепенно жизни холод
С годами вытерпеть сумел;

Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

Впрочем, весь драматический сюжет романа построен на том, что основной персонаж не может смириться с этой нормативностью, превращающей жизнь в томительный обряд и череду привычных событий. Евгений Онегин уже не разделяет общие мнения, а испытывает постоянную хандру от окружающего его общества, где бы он ни оказался: в бессердечном и пустом высшем свете или среди «мирной деревенской тишины» и даже в путешествиях, в которые он отправляется, совершив, казалось бы, крайне обременительный поступок, — «убив на поединке друга». Поступок был совершен в полном соответствии с правилами дуэли, а значит, тоже соответствовал принятым нормам. Главная интрига романа — двойная встреча Онегина и Татьяны Лариной — грозит подорвать нормативный ход событий. Но романтика, присущая на определенном этапе всей европейской культуре, быстро исчерпала себя и в России, уже в творчестве самого Пушкина. Сначала Онегин отвергает любовь Татьяны, опасаясь неизбежного превращения семейных связей в привычку, а затем роли меняются и он сам получает отказ — из-за опасения нарушить норму супружеской верности.

Принято вслед за Онегиным в ряду «лишних людей» перечислять лермонтовского Печорина, которому присуще еще более активное отвращение от обычной жизни. Но он нарушает эти нормы без особых внутренних затруднений, не преследуя при этом какой-либо серьезной цели.

Гораздо более серьезное нарушение норм допускают некоторые персонажи Достоевского, прежде всего Раскольников, который сознательно совершает убийство, оправдывая его высокими соображениями, но затем не выдерживает внутренних угрызений, позволяет раскрыть себя и отправляется на каторгу. Пагубные последствия разрушения простых человеческих норм — сюжеты таких романов Достоевского, как «Братья Карамазовы» и

112

«Бесы». Идея, которую вновь и вновь подчеркивает писатель, сводится к тому, что сознательный умысел против принятых моральных норм со стороны людей, не видящих их целесообразности, еще более опасен, чем прямое правонарушение.

Новый поворот проблема нормативности получает у Толстого. По существу Анна Каренина под влиянием внутреннего чувства нарушает нормы брака с человеком, к которому она не питает какой-либо привязанности. Однако выясняется, что с этими, казалось бы, обременительными условностями связаны слишком многие существенные отношения между людьми, из-за чего происходит ее отторжение от своей среды, приводящее героиню романа к гибели. Путь исправления последствий, вызванных нарушением нормы, Толстой утверждает в романе «Воскресение». Угрызения совести заставляют князя Нехлюдова предпринять массу усилий и потратить много средства на то, чтобы искупить свой поступок.

Конечно, художественная литература и искусство не сводятся к морализаторству по поводу недопустимости нарушения норм. Напротив, персонажи и ситуации с нормативными характеристиками всегда воспринимаются как ограниченные, скучные, сковывающие разнообразие жизни — в отличие от людей, живущих сильными страстями, в которых проявляются глубины человеческой натуры. Разоблачение лицемерия и мещанства, стремление выйти за рамки обыденности — вот частые сюжеты как классической, так и авангардной литературы, которые мы находим, например, в творчестве М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, М. Горького, В. Маяковского, М. Булгакова и других писателей России.

Но нарушение норм не может вызвать в литературе и искусстве классического периода несомненного одобрения. Как же справляется литература с этой проблемой? Хорошо известно, что в отличие от западной литературы критического реализма (Бальзак, Диккенс и т.д.), где многие персонажи на протяжении длительного времени судятся по различным поводам, в русской литературе на страже норм стояла прежде всего мораль, а отношение к праву было скептическим, как о том свидетельствует и творчество уже упомянутых писателей. Таким образом, выход за рамки нормативности не обязательно ведет к возвышению человеческого качества, но и чреват разрушением социальных отношений.

Впрочем, следует отметить, что такая постановка вопроса присуща, как правило, классической литературе. В массовой культуре сюжетом служит зачастую именно нарушение норм в прямо

антисоциальных целях для того, чтобы добиться некоторой лич-

113

ной выгоды. Противостоят девиантному поведению обычно другие, более положительные персонажи, берущие на себя задачу отмщения или разоблачения злодеяния.

Нарушение норм предстает как нравственные отклонения, аномалии, отклоняющееся поведение или сфера преступных действий. Каждое общество выполняет разносторонние формы контроля и имеет институты, которые должны соблюдать нормы и вести борьбу против их нарушения. То чрезвычайное состояние, когда обычные нормы не действуют и сознательно игнорируются, называется войной — межгосударственной или гражданской, в условиях которой стороны стремятся нанести наибольший ущерб противнику. «Законы войны» отменяют нормы, существующие в мирной жизни, хотя цивилизационные механизмы, возникавшие в различные века, стремились внедрить хоть какие-то нормы, ограничивающие степень жестокости.

Хорошо известно, насколько неоднозначным предстает нарушение норм и в правовой сфере, вводящей многие градации девиантного поведения, и в морали, которая может с несомненностью оправдать несправедливо осужденного.

Различие между нормой и ее нарушением оказывается весьма условным. Незаконный бизнес или теневой капитал не только в ряде существенных функций переплетаются с законным бизнесом и государственным сектором, дополняя друг друга. Они могут меняться местами, если общественно полезное предприятие оказывается экологически опасным, а считавшееся до сих пор незаконным частное предпринимательство получает законную основу для своего существования и необходимый престиж в обществе. Наркобизнес, азартные игры, проституция или наемничество могут считаться морально осуждаемыми профессиями, но от них зависит не только существование многих людей — поставщиков услуг, но и поставка на рынок этих самых услуг, столь необходимых потребителям. Это означает, что моральная и правовая антинорма может являться нормой в экономическом плане, находя в этом соответствующее утилитарное оправдание.

Это расхождение невозможно устранить, возводя в идеальную норму только один из противостоящих принципов. Абстрактное морализаторство не избавляет общество от порока, а загоняет его вглубь. С другой стороны, если считать единственно верным принцип «покупатель всегда прав» или же «рынок — это свобода покупать и продавать», то размываются границы между законной деятельностью и преступностью и наступает разлад, что заставляет общество прибегать к чрезвычайным авторитарным мерам. В нормально функционирующем обществе каждая сфера —

114

экономика, социальные структуры, политика и культура — создают специфические средства регуляции деятельности, которые дополняют друг друга. Нормативная сфера располагает своим набором средств для того, чтобы ограничить нарушения, воспрепятствовать им в наиболее важных сферах социальной жизни. Конечно, важнейшим фактором регуляции нормативности являются общественная мораль и право. Но в культурной сфере важным средством налаживания нормативности и выхода за ее пределы являются ценности.

ЦЕННОСТИ

На более продвинутом уровне культурная регуляция человеческой деятельности осуществляется через систему ценностей. В отличие от норм, которым следуют, ценности подразумевают *выбор* того или иного объекта, состояния, потребности, цели, которые имеют более высокое существование. Ценности помогают обществу и человеку отделить хорошее и плохое, идеальное или избегаемое состояние, истину и заблуждение, красоту или безобразие, справедливое и несправедливое, допустимое и запретное, существенное и несущественное и т.д.

Из сопутствующих понятий следует упомянуть «интерес», «потребность», «стремление», «долг», «идеал», «ориентация» и «мотивация». Однако объем этих понятий обычно уже, чем понятие «ценность». Под интересом или потребностью обычно понимаются социально обусловленные влечения, связанные с социально-экономическим положением различных слоев, групп или индивидов, и в этом случае остальные ценности (идеалы) — лишь отвлеченное отражение интересов. Мотивация скорее включает в себя те субъективные побуждения — разной направленности! — которые рассматриваются социальной психологией. Позитивные мотивации опираются на ценности, которые осваиваются индивидом и становятся *ценностными ориентациями*, направляющими его сознание и поведение.

Между ценностью и повседневными ориентациями может возникать разрыв, определяемый как расхождение между долгом и желанием, должным и практически реализуемым, идеально признаваемым состоянием и жизненными условиями, которые не дают шанса человеку. Но такое расхождение между признанием высокого значения какой-либо ценности и ее недостижимостью могут осваиваться человеком по-разному. Причина может усматриваться во внешних обстоятельствах («среда заела»), про-

115

исках соперников или врагов или же в недостаточной активности и эффективности деятельности самого человека. Классический пример драматического расхождения между ценностью и действием, ориентированным на ее достижение, мы находим в пьесе Шекспира «Гамлет». Почти до самого конца пьесы принц оттягивает свое действие (а если и действует, то ситуативно, по настроению) — и не только для того, чтобы удостовериться еще и еще раз в преступлении, совершенном королем, но и потому, что глубоко сомневается в необходимости действовать. В отличие от него герой романа Достоевского Раскольников не только убедил себя в том, что жизнь «вредной старушонки» не имеет ценности, но и в самом деле убивает ее, что влечет за собой глубокое раскаяние.

Важным средством снятия разрыва между ценностью и поведением является *воля*, снимающая колебания и неуверенность и заставляющая человека действовать. Воля может проявляться и как внутреннее побуждение, и как внешняя сильная мотивация в форме приказа.

Классификация ценностей.

Всякая классификация ценностей по типу и уровню неизменно условна в силу того, что в нее вносятся социальные и культурные значения. К тому же трудно вставить ту или другую ценность, имеющую свою многозначность (например, семья), в определенную графу. Тем не менее мы можем дать следующую условно упорядоченную классификацию ценностей.

Витальные:

жизнь, здоровье, телесность, безопасность, благосостояние, физическое состояние человека (сытость, покой, бодрость), сила, выносливость, качество жизни, природная среда (экологические ценности), практичность, потребление, комфорт, уровень потребления и т.д.

Социальные:

социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, труд, профессия, семья, патриотизм, терпимость, дисциплина, предприимчивость, склонность к риску, равенство социальное, равенство полов, способность к достижениям, личная независимость, справедливость, активное участие в жизни общества, ориентированность на прошлое или будущее, локальная (почвенная) или сверхлокальная (государственная, интернациональная) ориентация.

Политические:

права человека, свобода слова, государственность, законность, хороший правитель, порядок, конституция, гражданский мир.

Моральные:

добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, честность, бескорыстие, порядочность, верность, взаимопомощь, справедливость, уважение к старшим и любовь к детям.

116

Религиозные:

Бог, божественный закон, вера, спасение, благодать, ритуал, Священное Писание и Предание, церковь.

Эстетические:

красота (или, напротив, эстетика безобразного), идеал, стиль, гармония, эклектизм, следование традиции или новизна, эклектика, культурная самобытность или подражание престижной заимствованной моде.

Рассмотрим некоторые из ценностей более подробно, принимая во внимание, что деление по указанным категориям условно и одни и те же ценности могут быть приняты в разных сферах.

Семья, родственники, старшее поколение.

Во всех культурах существует большая или меньшая степень уважения к этим социальным элементам, что получает выражение как в поведении людей (уважение младших к старшим), так и в формах обращения. В азиатских и африканских культурах возраст почитается обычно как признак мудрости и опыта и становится подчас одним из стержней культуры. Идентификация индивида осуществляется в идентификации его с предками, хотя существует широкая вариативность в решении этого вопроса для различных культур. Если у ряда кочевых народов считается делом чести помнить о 9—12 предшествующих поколениях в разных ответвлениях, то в современном индустриальном обществе человек редко хранит память больше чем о двух поколениях предков по прямой линии.

Межличностные отношения.

Установка на равенство или иерархичность в отношениях с другими людьми является одним из критериев различия культур. То, что европеец воспринимает как покорность, послушание, отказ человека от своей свободы, для других культур означает признание права уважаемого и влиятельного человека на руководство. Ориентация на индивидуализм или солидаризм во многом различает Запад

и восточные культуры, что подробнее будет рассмотрено в последующих главах.

Богатство.

Ориентация на материальное богатство имеется не во всяком обществе, а лишь в том, которое отошло от примитивных солидаристских установок на солидарность и сносное существование. Отсутствие излишка дополнялось и отказом от излишка, и известным примером такого отказа служит поддерживавшийся некоторыми племенами обычай *потлатч*, включавший в себя ритуальное уничтожение в пламени костров всех излишков, накопленных за несколько лет. Однако сам предмет богатства зависит от характера хозяйства, а отношение к нему от социокультурных факторов, присущих данному обществу. Для кочевых Народов важнейшее богатство — скот, для оседлого крестьянина — земля, в феодальном обществе статус индивида был напрямую связан с богатством, демонстрируемым в образе жизни.

117

Мы уже видели (в главе III), что богатство как ценность может приходиться в противоречие с другими ориентациями. Во всей мировой художественной культуре постоянно присутствует амбивалентное или же прямо негативное моральное отношение к богатству. Неправедное богатство осуждается, и одобрению подлежат только богатые, расходующие свое достояние на общественные цели. Более того, богатство зачастую связывается с жадностью и жестокостью, а бедность — с взаимопомощью и душевностью. Яркой иллюстрацией такого положения могут служить две картины Брейгеля: «Кухня богатых» (непомерное изобилие, обжорство, непрошенных гостей грубо выталкивают за дверь) и «Кухня бедных» (убогая еда, общая кастрюля, дружная трапеза, где никто не обделен). Впрочем, по мере утверждения господства состоятельного класса моральная сторона все более отступает в отведенные ей ниши, а на первый план выходят чувственные наслаждения, упоение роскошью, богатая одежда, жилище и т.д. Богатство прямо связывается с витальными ценностями. Бедность как бы «уходит» с полотен художников и писателей, появляясь затем в период критического реализма как атрибут изнурительного и убогого существования, в котором человек стремится поддержать свое человеческое достоинство и не поступиться моральными принципами.

Можно привести много примеров такого амбивалентного или негативного отношения к богатству в классической русской литературе. Уже в пушкинской «Сказке о золотой рыбке» осуждается неумная жажда все большего обогащения и власти. У Некрасова, Достоевского, Толстого или Тургенева, Островского или Чехова богатство — прежде всего греховная или злая сила, подрывающая человеческие отношения. Такого рода детская и взрослая литература отражает устойчивые стереотипы в русской культуре, которые претерпевают процесс сложного и медленного изменения в последнее десятилетие. Зачастую различными средствами внушения внедряется тезис о том, что «теперь заповеди отменили, главное — деньги, доллары». Резкий разрыв между двумя типами ориентаций неизбежно приводит к разладу в общей системе культуры, отражающемуся и в психологии повседневной жизни и в стремлении к обогащению любыми способами. Как мы видели, богатство не выступает в культуре как самоцель, отменяя все остальные ценности. Во всей мировой социологии и культурологии (К. Маркс, М. Вебер, Э. Фромм и др.) всесторонне раскрыто, что во всякой устоявшейся культуре богатство подлежит одобрению лишь через его соединение с иными общественно значимыми или личностными ценностями (защита отечества, бла-

118

готовительность, спасение души, поощрение искусств, общественное строительство, расширение производства и т.д.). Непомерная страсть к богатству, безмерное накопление или прожигание жизни — неизменно осуждаемая ориентация в каждой культуре. Приведение в соответствие богатства и моральной стороны — важное условие создания стабильной *срединной* культуры (см. ниже).

Отношение к богатству зависит во многом от доминирующего фактора социальности. В доиндустриальном обществе демонстративное богатство играло важную роль, так как было наиболее очевидным свидетельством могущества и влияния его обладателей, их принадлежности к высшему классу. Накопление богатства, столь необходимое во всяком обществе, снижало статус владельца, если только оно не было предназначено для последующей раздачи или употребления на общее благо. Сословия, владеющие денежным богатством, — купцы и ростовщики — пользовались большей частью низким престижем, а особенно ростовщики, как люди, извлекающие пользу из затруднений других людей.

Положение радикально меняется в индустриальном обществе. По мере роста капитализма именно накопленный и «скрытый» капитал, пущенный в оборот, приобретает наибольшую ценность в общественном сознании. Влияние и мощь владельца зависят от движения капитала по невидимым финансовым каналам, хотя бы сам владелец вел относительно скромный образ жизни. На более позднем этапе, в период массового производства, наступает новый поворот, растет расширенное потребление, переходящее в демонстративное, при котором товары и услуги приобретаются не в силу их собственных свойств, а потому, что они дороги, т.е. доступны только состоятельным людям.

Обращение к демонстративному потреблению не только доставляет удовлетворение, но и повышает статус богатых во мнении и отношении окружающих. Эта тенденция проникает и в другие слои, которые могут испытывать удовлетворение от приобщения к престижному расточительству.

Труд как ценность.

Труд имеет отнюдь не только хозяйственное значение или служит фактором, определяющим социальные отношения. Труд еще и важная культурная ценность. Это всегда присутствует как в народной мудрости, так и в более сложных системах морали или идеологии. Так, во многих языках существуют сходные пословицы: «Терпение и труд все перетрут» (и наоборот: «Под лежащий камень вода не течет»). В художественной литературе изящно выразил свое отношение к труду Вольтер: «Труд Устраняет от нас три больших напасти: скуку, порок и нужду».

119

Правда, в духе своего аристократического круга он поставил на первое место скуку.

Конечно, отношение к труду, как и к другим ценностям, определяется не только духовными или моральными критериями, а оказывается противоречивым, зависимым во многом от других факторов, среди которых следует выделить следующие: а) производственные, т. е. классовый статус человека и его отношение к собственности, так как оценка своего положения для предпринимателя и работника по найму могут резко различаться; б) профессиональные, охватывающие престиж той или иной профессии; в) технологические, т. е. отношение человека к той или иной стороне производства: станку, конвейеру, компьютеру, которое может варьироваться от высокой заинтересованности до равнодушия и даже враждебности.

По перечисленным параметрам, очевидно, что отношение к труду может быть и негативным, как к источнику угнетения, зависимости, как к фактору, сковывающему личностное развитие и подавляющему жизненные силы. Еще в Древней Греции возник миф о Сизифе, обреченном выполнять тяжелый и бессмысленный труд. Это было отражением господствующей установки, согласно которой труд — тягость, страдание, несчастье, тяжелое и нечистое занятие, унижающее человека и поэтому составляющее удел несвободных и низших, рабов и слуг. Свободные граждане были избавлены от необходимости трудиться, что на закате Римской империи воплотилось в лозунг «Хлеба и зрелищ!»*. Подрыв стимулов к труду стал одним из источников крушения античной цивилизации.

Для христианства труд стал нормальным состоянием человека, хотя в христианском (или же мусульманском) раю человек навсегда был освобожден от труда и мог лишь предаваться чувственным или духовным радостям. Праздность подверглась осуждению как тяжкий грех. Все должны заниматься своим делом, чтобы быть угодными Богу, хотя и существует градация более и менее спасительных занятий. Впрочем, в дополнение к христианской градации существовала и социальная шкала достойной деятельности. Физический труд — занятие, недостойное дворянина и рыцаря. Им приличествуют военные, государственные, политические занятия, упражнение в добродетели или благородная праздность в виде спортивных и военных состязаний, занятий искусствами и философией, которые, однако, не должны пре-

* См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984. С. 225-228.

120

вращаться в профессиональную деятельность, приносящую доход. Аналогичную картину мы найдем и в других цивилизациях. Такое же отношение к труду отличает высококастового индуса или конфуцианского чиновника.

Двойственное отношение к труду можно найти в народных сказках, в которых зачастую ленивый дурак, лишенный алчности, но обладающий добрым сердцем, больше преуспевает, чем постоянно озабоченный и прижимистый накопитель. Описание тяжелого безрадостного и подневольного труда легко найти в русской литературе, например в произведениях Некрасова или Горького. Впрочем, у них же мы найдем и высокую оценку труда, приносящего отдачу человеку.

Во всякой классово дифференцированной системе субъективная незаинтересованность трудящихся в своей работе замещается принуждением, которое может носить характер прямого принуждения (работа «из-под палки», под угрозой наказания) или же чисто экономической необходимости, т. е. физического выживания и поддержания своей семьи.

Конечно, существует и общественно бесполезная и вредоносная трудовая деятельность, и то, что отвечает интересам отдельного человека, группы или коллектива, но может расходиться с интересами общества в целом. Поэтому регуляция трудовой деятельности требует соединения трудовых ориентаций с моральными мотивами, соотносимыми с системой общественно признанных ценностей.

Обращение к морально-ценностной ориентации — важная предпосылка успешного хозяйственного развития. Каждая мировая религия в той или иной степени поощряет труд, хотя и подчиняет его более высоким ценностям спасения. Но именно в этом находила свое разрешение ценностная двойственность труда, его основная масса направлялась в сферы, признаваемые

значимыми в данном обществе. Именно в освящении общественно полезного труда и стимулировании постоянной полезной деятельности состояло основное достижение религиозной реформации (см. главу XII). Но и в условиях секуляризации сохраняется этическая ориентация труда.

Труд принимает различное содержание в зависимости от положения человека в системе производства. Живой труд даже в его развитой профессиональной форме обычно имеет низший статус. По сравнению с управлением и организацией производства или предпринимательством (хотя бизнес в его морально неприемлемых формах, как правило, отторгается обществом). Но этические принципы применимы по обе стороны этого совокупного про-

121

цесса. От рабочего требуются добросовестность, дисциплина, сноровка, профессиональная ориентация. Вместе с тем важное значение имеет и этическая ориентация предпринимательства.

Вот что писал по этому поводу известный российский социолог Ю.А. Замошкин: «Хотя труд в сфере бизнеса открыто признается прежде всего средством обеспечения благосостояния, комфорта, богатства, однако немалое внимание уделялось и уделяется труду в сфере бизнеса как форме самовыражения личности, реализации ею своего внутреннего потенциала. Но этика бизнеса придает также большую социальную и моральную значимость труду бизнесмена, способствующему процветанию общины, города, страны, обустройству общества, созданию новых рабочих мест, а также необходимых людям продуктов и услуг и вообще более цивилизованных форм жизни. Труд во всех его проявлениях рассматривается как нравственный долг человека: долг перед Богом, страной, обществом, другими людьми и самим собой»*.

В эмпирических исследованиях находим такие варианты ценностных ориентаций в труде:

— через труд человек вступает в контакт с окружающим миром (всем космосом), выходит за рамки своих внутренних переживаний и непосредственного мира;

— труд - источник отношений вне рамок нукlearной семьи и непосредственного окружения, он обогащает рамки межличностных отношений, делает человека членом более широкого коллектива, сословия, класса. Через труд человек обретает чувство принадлежности, самооценку и самоощущение своего значения, а тем самым существенную часть своей сущности;

— труд — источник обязательной деятельности, регулятор и организатор личного поведения. Оставаясь без работы, люди могут проводить целые дни пассивно, предаваясь сну или мечтам наяву (вспомним образ Ильи Обломова из романа А. Гончарова «Обломов»). Такой образ жизни чреват понижением самооценки личности или приводит к попыткам компенсаторного самооправдания ссылками на обстоятельства;

— труд дает возможность развития творческих способностей и профессиональных навыков, что позволяет гордиться своими способностями, создает чувство уверенности и безопасности;

— работа структурирует психологическое время, заполняет и организует день — год — жизнь.

Конечно, эти факторы, как мы увидим, варьируются в разных

*Замошкин Ю. А. Бизнес и мораль // Философские исследования. — 1993.-№1-2.-С. ПО.

122

типах социальности и разных культурах. Наибольшее значение работа как источник идентичности имеет в индустриальном обществе, основанном на привязанности значительной части населения к промышленному производству. Потеря работы, безработица ведут в таком обществе к утрате рабочей идентичности, что воспринимается как беда и личное крушение. В доиндустриальном и постиндустриальном типах общества этот фактор менее значим, так как в первом случае преобладает родственная, клановая, сословная, религиозная идентичность, а во втором — создаются дифференцированные и гибкие структуры, замещающие рабочую идентичность.

Ценность труда утверждается некоторыми идеологическими учениями, прежде всего социалистическими; в религиозных учениях отношение к нему избирательное: он должен способствовать душевному спасению. Хорошо известен устойчивый лозунг социализма «Труд — дело чести, доблести и геройства». В советский период культ труда пронизывал всю идейную и художественную атмосферу. Центральным символом ранних лет советской власти считался «серп и молот», скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница» настолько же привычно фигурировала в монументальном искусстве, как в США статуя Свободы. Производственные мотивы и сюжеты настойчиво утверждались во многих произведениях литературы и искусства, особенно тех, которые предназначались для широких масс (например, в оформлении станций метрополитена в разных городах СССР). Однако, как хорошо известно, между провозглашаемыми нормативно-ценностными принципами и реальным положением трудящихся существует значительный разрыв, так как труд слишком часто оказывался отупляющим, безрадостным и бесперспективным. Зачастую прославлялся труд в экстремальной ситуации, как рекордное достижение, за которым следовали слава и почет. К тому же во всем искусстве соцреализма доминировала тема живого труда, становившегося на деле все менее существенным компонентом и собственно производственного процесса. По выражению одного из критиков, «ни одна выставка не обходилась без чугунных литейщиков, каменных каменщиков, деревянных лесорубов. Чем тяжелее был труд героя, тем герой становился

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье с доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

положительнее». Неэффективность такого простого, каждодневного труда подрывала и его ценностное оправдание, делала его непрестижным по сравнению с деятельностью «начальников» или интеллигенции.

Однако в постсоветских условиях реакция против прежнего чрезмерного культивирования самозабвенного труда сменилась тотальной критикой прежних трудовых ориентаций. Труд из по-

123

четного дела превратился в постыдное, потребление и праздность стали преподноситься в массовой культуре как цель существования, проявление достоинства и значимости человека. Как отмечают социологи, проявившееся в постсоветской культурно-идеологической жизни пренебрежение трудовыми и профессиональными ориентациями усиливает степень дезориентации населения, что подрывает способность общества к устойчивому саморазвитию.

Во всяком обществе существует ценностная иерархия видов труда. В доиндустриальном обществе искусный труд ценился гораздо выше простого, ведь благодаря первому создавались шедевры мастерства. Старинные часы, посуда, кружева, кинжалы или скрипки до сих пор имеют высокую рыночную цену и украшают многие музеи мира. Однако на формирование традиции мастерства уходило несколько поколений или же мастеров приходилось ввозить из других стран. В индустриальном обществе массовой ценностью становится трудовая профессия. Необходимая подготовка работника и его профессионализация, основанная на разделении труда на множество операций, достигались за пять лет и даже за меньший срок. Потомственные профессии утрачивают свою ценность, и следующему поколению приходится приобщаться к новому виду занятий. Научно-техническая революция резко повышает значение специальных знаний и квалификации, умение управлять сложными технологическими, информационными и социальными процессами становится критерием качества работника и оценки его труда. К концу XX в. развитие информационных технологий ускоряет процесс смены принципов и содержания труда. Происходит сбрасывание менее технологичных видов производства на иммигрантов или в развивающиеся страны. Ценностная иерархизация труда все больше зависит от мировой системы разделения труда.

Практицизм (прагматизм).

Хотя большая часть повседневной, конкретной деятельности человека регулируется обычаем и привычкой, поддержание этой деятельности, ее адаптация к меняющимся потребностям и условиям внешней среды, а тем более ее развитие требуют повышенного внимания и старания. Это превращает деятельность, направленную на добывание повседневных благ, в призванное ремесло и профессию, становящиеся делом чести, источником человеческого достоинства.

Обостренное сюжетное выражение, ценность практической деятельности мы находим в романе Тургенева «Отцы и дети», ведущий персонаж которого Базаров полагает, что главное — это практическое изменение жизненных условий, а поэтому «поря-

124

дочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта». Его принципы резко противостоят принятым в гуманитарной дворянской среде ориентациям на красоту или возвышенные идеалы служения человечеству, оказывающиеся на практике бесполезными, никак не способствующими улучшению положения крестьян или самих господ.

Практицизм направлен на достижение конкретных материальных результатов при использовании доступных человеку средств для получения реальной пользы и улучшения своего положения в повседневной жизни. Практицизм способствует расчленению ситуации на составляющие элементы, отстранению от возвышенных идеалов, от выполнения долга в пользу постепенного накопления благ, удовлетворяющего утилитарные потребности. Поэтому практицизм оказывается равнодушным к идеальным ценностям и отвергает их в идеологической полемике как ненужные, стеснительные и утопические.

Развернутое описание прагматизма как жизненной ориентации мы находим в книге известного американского теолога Х. Кокса «Мирской град»: «Под "прагматизмом" мы понимаем заинтересованность секулярного человека вопросом "Будет ли работа?". Секулярный человек не слишком озабочен тайнами. Его мало интересует то, во что нельзя вложить энергию и интеллект. Он судит об идеях — если воспользоваться словарным определением прагматизма — по "результатам, к которым они могут привести на практике". Мир при этом рассматривается не как единая метафизическая система, а как набор задач и целей... Городской секулярный человек — прагматик. Он озабочен решением конкретных проблем и выясняет, что для этого потребуется. Он не интересуется ни тем, что называется "последними вопросами", ни метафизическими рассуждениями. Так как религия в основном занимается именно этими вещами, то выходит, что он не задает религиозных вопросов»*.

Несомненно, что практицизм так или иначе присутствует в любой форме деятельности, направленной на получение материальных благ, хотя и остается большей частью подчиненным эле-

ментом. Как мы увидим, в доиндустриальном обществе эта ориентация была широко распространена как стремление к наживе, еще не получая морального оправдания. Как писал еще М. Вебер, во все времена в разных обществах алчность и «безумная жажда наживы» проявлялись в деятельности самых различных активных социальных групп — торговцев, ростовщиков, солдат, разбойни-

* К о к с Х. Мирской град // Знамя. - 1992. - № 9. - С. 208-209.

125

ков, чиновников-взяточников, посетителей игорных домов и нищих и т.д. Отторгаемая от общественной системы морали, эта деятельность, тем не менее, выполняла как полезные, так и антисоциальные функции. Но социально непризнанная или осуждаемая деятельность — ростовщичество, пиратство, воровство — становилась социально необходимым элементом в общей системе деятельности. В силу ограниченности своих задач или же антисоциальной направленности такой практицизм мог получить признание только как часть общего дела, связанного с достижением более высоких целей, взятых из другой сферы. Война, как известно, преподносится как «защита отечества», «отмщение врагу», «восстановление исторических прав», «как дело доблести и геройства». Торговля получает высокую оценку после того, как купец жертвует часть состояния на нужды города, искусство, церковь или школы. И даже знаменитый пират Дрейк может быть избавлен от виселицы и получить почетный титул и орден, если он морским разбоем содействует славе своей монархии.

Однако практицизм как ценность витальной или социальной сферы воспринимался негативно теми, кто придерживался иных ценностных ориентаций. А так как практицизм, связанный с хозяйственной или финансовой деятельностью, всегда становился сильной ориентацией, влиявшей на окружающую среду, он порождал противостояние различного типа — против корыстных элементов, ростовщиков и эксплуататоров, которые сосут кровь из «простого народа».

Практицизм — необходимая моральная установка в материальном производстве любого уровня: от налаживания быта до создания высоких технологий. Однако его содержание качественно меняется в зависимости от уровня. На ранних этапах он направлен на удовлетворение основных человеческих потребностей текущего или перспективного жизнеобеспечения. Его основная характеристика — приспособление непосредственной среды обитания (жилища, участка земли) к этим основным потребностям и психофизиологическая адаптация человека. На более продвинутых уровнях формируются разнообразные связи и обмен с близкими и дальними участками совокупного процесса производства, сеть взаимодействия. Практическая эффективность такого взаимодействия во многом зависит от налаженной дифференциации труда и обмена, т. е. движения товаров и денег. Именно с денежным обращением как наиболее гибкой формой обмена и связаны наиболее сложные системы хозяйства, получающего возможность далеко отделяться от всех других нормативно-ценностных факто-

126

ров и приобретать высокую степень самостоятельности. Метафорическим выражением такой самостоятельности можно считать пословицы: «Деньги не пахнут» и «Деньги счет любят». Однако ни в одном обществе такого рода утилитаризм не становится тотальной формой регуляции, он всегда остается встроенным в целостную цивилизационную систему регуляции.

В исследованиях В. Зомбарта, М. Вебера и других видных социологов раскрыто, каким образом в период первоначального накопления носителем утилитарных установок выступило мещанское сословие (бюргеры), которому присуща склонность экономить, беречь и ухаживать за богатствами, заботливо и строго смотреть за «приходом и расходом духа, силы, имущества и денег», стремление оценивать все с точки зрения пользы, рассчитывать все свои поступки и влечения, сосредоточенные на бережном отношении к накопленному достоянию, и чураться всех излишеств, любовных безрассудств и расточительства*.

Как хорошо известно, если практицизм не стеснен моральными соображениями, он может превращаться в злоупотребление по отношению к другим людям, мошенничество, что и вызывает необходимость поддержания правовых ограничений или использования разнообразных средств морального осуждения и предотвращения злоупотреблений.

Во все времена и во всех обществах существует противоречие между нечестивым богатством (или теневым капиталом) и моральными ценностями. Не менее распространено стремление такого капитала к отмыванию через употребление на морально оправдываемые цели. Как известно из истории русского предпринимательства, русские купцы и фабриканты после периода первоначального обогащения, нажив свои капиталы беззастенчивой эксплуатацией и закабалением зависимых от них людей и сталкиваясь с присутствующим в общественном сознании неприятием таких методов, нередко стремились искупить чувство вины через щедрую благотворительность — на церкви, больницы, музеи, театры. Для художественной литературы и искусства это постоянный источник драматических сюжетов, для религиозных и социальных учений — поле идейной борьбы и критики. Для социологии постоянной проблемой стало выяснение взаимодействия материальных интересов и духовных запросов бизнеса, этики нормативного и отклоняющегося в

предпринимательстве и хозяйственной деятельности вообще.

* См.: Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. - М., 1994.

127

На основе соединения трезвого практицизма и норм морали формировалась повседневная культура *мещанских добродетелей*, существовавшая с древнейших времен, успешно пережившая все буржуазные и антибуржуазные революции и продолжающая свое существование. Эти мещанские добродетели, противостоящие рыцарскому этосу, ориентируют человека на бережливость, рациональность, трудолюбие и скромный, но надежный достаток, защищаемый от превратностей жизни умеренностью, осторожностью и благоразумием труженика, который не гонится за сверхприбылью и не стремится выделиться, но и своего не упустит. Мещанские добродетели не рассматриваются исследователями как непосредственная основа капиталистической хозяйственной культуры, поскольку они лишены активного и творческого начала, ориентаций на риск и конкурентную борьбу, но они служат той культурной почвой, которая оказывается благоприятной для ростков истинного духа капитализма.

Телесность как ценность.

Во всякой культуре человеческая *телесность** образует важную ценностную сферу. Таким образом, телесные характеристики — отнюдь не только достойные антропологических исследований и обмеров (формы тела, рост, физические признаки и т.д.). Конечно, по этим признакам мы можем различить расовые и этнические детерминанты индивидуальности. Тем не менее социокультурные факторы во многом формируют человеческое тело и всю телесную культуру, т.е. поведение и отношения, связанные с соматическими характеристиками человека. При этом следует различать социальные условия как влияние конкретной среды, положения, статуса, профессии и целенаправленную деятельность, которая носит либо жизнеобеспечивающий характер (занятия физкультурой), либо соотносится с культурными факторами. «Культурное тело» как бы надстраивается над телом антропологическим и социальным, корректируя механизмы жизнеобеспечения. Образ «телесного Я» соотносится с культурными ориентациями, представлениями о достоинстве, силе, красоте, физической сноровке, социальной и культурной уместности или оригинальности.

Однако представления о нормативной или же идеальной телесности поразительно отличаются друг от друга в разных культурах. Даже при беглом знакомстве с историей культуры в залах какого-либо музея мы увидим полную жизни и энергии телес-

* В приведенных ниже положениях о роли телесности и эроса в культуре автор опирался на разработки и публикации И.М. Быховской, В. Розина и Р. Шапинской.

128

ность античных персонажей. В Древней Греции именно человеческое тело было носителем идеальной красоты, физической мощи и ловкости, хотя всякая внешняя угроза могла деформировать это тело. Но этот канон был заменен, центральным символом европейской культуры стало распятое тело страдающего Бога, преданного позорной смерти. В эпоху Возрождения мы вновь видим идеальные тела богов, богинь и героев, воплощающих различные телесные достоинства. Реформация вновь резко разделила высокоценное духовное бытие и греховное телесное начало в человеке, подлежащее критике, презрению или сожалению. Человек был разделен на бестелесную духовность, сопрягаемую с вечным спасением души, и бездуховную телесность, отягощающую человека своей бренностью. В эпоху европейского абсолютизма красивым считался человек, предназначенный к безделью, хотя и «занятый» галантными играми. В эпоху рококо он праздновал свой высший и всеми признанный триумф. В буржуазную эпоху утверждается тенденция сочетания физических достоинств, ума и душевной красоты. Вновь в искусстве выше всего ценят мужчину и женщину в полном расцвете сил. Реабилитация человеческого тела в европейской культуре XX в. породила разнообразные направления и школы культивирования соматического начала в человеке. Наиболее распространенной формой стал спорт, поглощающий внимание, время и средства огромного числа людей. Однако нужно подчеркнуть, что отличительной характеристикой всех видов спорта является деление на непосредственных участников и зрителей-болельщиков. И если первые действительно включены в практику телесной культуры, то вторые приобщаются к ней только опосредованно и далеко не всегда в собственно спортивных целях.

В современном мире возобладали единая мировая спортивная культура, основанная на международном соперничестве, олимпийских и других состязаниях, в которых участвуют спортсмены самых разных стран. Тем не менее за рамками этого единства сохраняется традиционное культивирование некоторых национальных спортивных школ (восточные единоборства, джигитовка у народов кочевых культур и т.д.).

Хотя телесность естественно соотносится с темой *эроса и секса*, в различных культурах между этими сферами проводится та или иная дистанция, и конечно, на сексуальные отношения во многом влияют и социальные факторы и важнейший из них — это постоянно существовавшее разделение труда

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье с доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

между полами: в семейных обязанностях, профессиональной деятельности. Очевидность половых различий делала гендерный фактор одним из

129

наиболее устойчивых в формировании социальных страт и субкультур. Различие в характере социализации, начиная с раннего детства и на протяжении всей жизни, и культурная дистанция между полами — характерный признак почти всех культур, за немногими исключениями. Почти во всех культурах доиндустриального периода и вплоть до зрелого индустриального общества женщине отводилось подчиненное положение, ограниченное как в правовом отношении, так и культурными нормами и ценностями. Механизм поддержания таких отношений включал в себя многообразный комплекс воздействий: воспитание, нормативность, моральное воздействие и правовые принципы. Но, конечно, важным фактором была и эстетизация соответствующих признаков, стиля поведения и душевных качеств, которые соотносились с идеалом или образцом мужчины или женщины. Положение меняется постепенно лишь в XX в. с развитием массовой культуры и ослаблением всех социальных перегородок.

Любовь, как один из наиболее сильных факторов в человеческих отношениях, была постоянным предметом регуляции через систему моральных норм, права и религии. Упорядочить любовь, ввести ее в социальные рамки, не допустить, чтобы аффективная сторона любви нарушала принципы нормативности, — такова была важная задача всякой социокультурной системы, но вместе с тем всякое общество не только допускало, но и культивировало в определенных сферах и формах любовные отношения, придавая им соответствующую аксиологическую форму. Идеальная платоническая любовь к Мадонне или Прекрасной даме, не только лишенная телесности, но и не ожидающая ответа, романтическая любовь в необычных условиях и к необычному объекту, галантные похождения аристократических бездельников, гаремные распорядки азиатских властителей, любовные похождения авантюристов, сентиментальная мещанская любовь, любовные крушения в реалистически изображаемой жизни — все эти варианты доставляли бесконечные сюжеты для художественной литературы и находили себе место в жизни, придавая ей огромное разнообразие*.

Механизм действия ценностей.

Ценности создают более гибкий уровень регуляции общества, подчиняя себе функционирование обычаев, норм и значений, особенно важных для общества. Наряду с обычными нормами, утверждавшимися силой при-

* Хорошим социологическим содержательным пособием по данной теме может служить книга Э. Фукса «Иллюстрированная история нравов» (в трех томах), переизданная в 1993-1994 гг.

130

вычки и обыденными средствами, которыми располагает, например, семья или соседская община, выделяются и особые нормы, получающие высшую санкцию через механизм религиозной сакрализации или правовое требование. Нормы «Не убий», «Не укради», «Не лги» становились священными запретами, нарушение которых обрекало человека на тяжелое наказание, отторжение от общества или муки совести. Предписания «Чти отца и мать», «Поклоняйся Богу единому», «Трудись в поте лица своего» становились теми позитивными заповедями, соблюдение которых повышало престиж человека в глазах окружающих и его самого.

Ценности не только преобразуют механизм нормативности. Они принципиально перестраивают и те системы значений, через которые человек познает окружающий мир. На обыденном уровне дуальность предстает как важная характеристика всего многообразия мира: небо — земля, солнце — луна, свет — тьма, день — ночь, мужское — женское, верх — низ, горячее — холодное и т.д. Эти оппозиционные начала и характеристики предметов и процессов выступали как равно необходимые для обеспечения органических процессов в природе, обществе и человеке. На обыденном уровне основным механизмом организации многообразных значений является градация оппозиций: высокое — среднее — низкое, день — сумерки — ночь, горячее — теплое — холодное, большое — среднее — малое, молодой — взрослый — старый и т.д. Впрочем, некоторые начала с трудом поддаются градации и устойчиво сохраняют свою дуальность: небо — земля, мужское — женское, солнце — луна, жизнь — смерть, хороший — плохой и т.д. Эти оппозиционные начала или градуированные характеристики предметов и процессов выступают как равно необходимые для обеспечения органичности и непрерывности процесса в целом в природе, обществе, человеке. В мифологии они подвергаются витализации и персонализации и могут действовать в постоянном соотношении или соперничестве между собой. Подвергаясь воздействию ценностных принципов, градация или дуализм принимают вертикальную структуру — иерархического или полярного типа, придающую разную степень достоинства и значения тем или иным элементам. Соответственно, все высокое и светлое получает более достойный статус. Во всех развитых религиях небо «ценится» больше, чем земля. На некоторой ступени развития мифологии главные боги делаются небесными или же само

небо приобретает божественный характер, как это было в Древнем Китае. Формируется ценностно-семантический комплекс: не-бо=верх=благо=власть=недостижимость=вечность и т.д. Быть на-

131

верху, высоко над другими означает править и достичь высокой степени блаженства*.

Даже в христианской символике Бог помещался на небе. Соответственно, где-то под землей находится царство мертвых, а на еще более низком уровне — в преисподней — царит Сатана как воплощение зла и погибели. Подвергаются ценностному разделению и другие дуальные пары, хотя и в разной степени. Если прежде свет сменялся тьмой, и наоборот, чередовались жизнь и смерть, то теперь между ними возникает противостояние, соперничество и непримиримая борьба — за «Вечную жизнь» и «Торжество света», «Победу Добра и Правды» и т.д.

Такого рода ценностная оппозиция создает в культуре поле напряженности, в котором формируется ориентация субъекта. Человек не может одинаково относиться к противоположностям, из которых состоит мир, он должен оказывать предпочтение позитивному началу: добру, а не злу, свету, а не тьме, правде, а не кривде, любви, а не ненависти, жизни, а не смерти и т.д. Во всякой зрелой, устойчивой культуре формируются различные механизмы внедрения ориентаций на достижение ценностей и отторжение неценностей как принципов, вносящих деструктивное начало в жизнь человека и общества. Конечно, разработанную систему такого внедрения воплощает в себе всякая религия (добродетель — грех). По мере секуляризации внедрение ценностей все больше берет на себя светская культура, допускающая значительно большую степень дифференциации ценностных ориентаций и более гибкую систему путей и средств их реализации.

Ценностные расхождения и полиморфизм культуры.

Чем сложнее общество, тем значительнее дифференциация присущих ему ценностей, что создает *полиморфизм культуры*, не сводимый к каким-либо однозначным характеристикам.

Это многообразие вытекает из нескольких источников:

— социальная разнородность общества (элита — народ, дворянство — духовенство — крестьяне, город — деревня, предприниматели — политики — интеллигенция и т.д.), а соответственно и его культурное разнообразие;

— различие в содержании деятельности каждого социокультурного компонента (разные элиты, разные этнические группы, конфессии, страты и т.д.);

— функциональное различие ценностей по уровням и сферам в зависимости от характера института... (в сфере образования,

* См. статью «Небо» // Мифы народов мира. - М., 1982. - Т. 2. - С. 208.

132

медицины, бюрократического управления, культурного творчества, науки и т.д.).

Символическим выражением такого расхождения для европейской культуры эпохи Возрождения и Реформации стала формула «дворец, собор, костер». Известная метафорическая формула для русской культуры определяет ее как «икона и топор»*, для японской «хризантема и меч»**, а для филиппинской «сампагита (местный цветок), крест и доллар»***.

Еще в античной культуре полиморфизм витальных ценностей выражался в поклонении различным богам и богиням, с которыми связывались разные начала и функции. Культ богини-матери Геи дополнялся культом любви, олицетворенном в Афродите, а наряду с ними почетное место отводилось властной и ревливой Гере и вечной девственнице Артемиде. В пантеоне каждой религии верующие могли обрести покровителей на самые разные жизненные ситуации.

Хорошо известны практические оппозиции, часто встречающиеся в жизни и получившие основательную разработку в философии и социологии: быть — иметь, работа — досуг, богатство — солидарность, наука — мораль и т.д. Эти оппозиции по-разному распределяются в зависимости от социальной принадлежности индивида, или от типа культуры, или от характера функциональной деятельности. Культивирование досуга — в большой степени привилегия богатых и знатных, а солидарность имеет более высокий статус, чем «бессердечный капитал» в среде с устойчивой религиозной регуляцией. Конечно, в каждой среде признаются так или иначе и другие ценности, что и служит одним из факторов той коммуникации, которая обеспечивает поддержание социального взаимодействия. Но когда эти различия переносятся в идейную сферу, возникает острая идеологическая борьба — «трудящихся» против «праздных», «мира» против «кулаков» (или «кровопийцев»), «высокой человеческой морали» против «бесчеловечной науки и техники» и т.д.

Одно и то же, казалось бы, явление может приобретать различное значение в зависимости от типа общества или социальной среды. В неразвитом традиционном обществе *красота* может не иметь Ценности, так как слишком ненадежны условия выживания отдельного индивида, семьи или коллектива. Подтверждение этого положения можно найти во многих этнографических наблюдениях. Из

* Так называется книга американского русиста Д. Биллингтона (1966).

** Таково название книги американской исследовательницы Р. Бенедикт (1946).

*** Название книги российского ученого И.В. Подберезского (1974).

133

художественных иллюстраций можно напомнить строки Некрасова из стихотворения, навеянного встречей с сельской красавицей:

Подвязавши под мышки передник,
 Перевяжешь уродливо грудь.
 Будет бить тебя муж-привередник
 И свекровь в три погибели гнуть.

В более развитом обществе красота может стать как предметом бескорыстного созерцания или идеализированной любви, так и предметом расчетливой коммерции, стимулом для расширенного потребления, способом сделать карьеру и т.д. Здесь возможно множество градаций в соответствии как с классовыми критериями, так и делением на субкультуры. Различные социальные страты вырабатывают специфические наборы ценностей, вступающие в сложное взаимодействие друг с другом и теми ценностями, которые утверждаются как общее достояние в национальных, цивилизационных или интернациональных рамках.

Но в рамках собственно духовной системы преданность ценностной ориентации может вступать в противоречие со сложившимися устоями. Всякое художественное новаторство, например, означает в той или иной степени нарочитое нарушение уже принятого стиля в стремлении к открытию новых вариантов эстетического или морального видения мира. На рубеже XIX—XX вв. во Франции и других европейских странах такие прорывы сопровождалась общественными скандалами вокруг импрессионистов, постимпрессионистов и т.д. Однако позднее перманентный авангардизм стал признанным явлением художественной жизни и общественное сознание спешило признать очередное необычное явление в искусстве.

Таким образом, при социологическом рассмотрении культуры ценности предстают как подвижная и зависимая сфера культурной регуляции, обусловленная общей динамикой, вовлекающей в свое движение и то, что утверждалось как бы бесспорным, нерушимым, однозначным, вечным и священным. Свидетельством тому могут служить не только разрушенные древние храмы и святилища, но и недавно ниспровергнутые культы, символы, верховные законы, снятые нерушимые границы и т.д. В условиях социальных потрясений как простые человеческие нормы, так и высокие ценности могут быть подвергнуты интеллектуальной критике и отменены.

Как мы увидим, в условиях резких сдвигов (революций) в обществе могут возникать тенденции к быстрому и радикальному

134

ниспровержению прежде высоко почитавшихся ценностей в пользу новых, подчас прямо противоположных. Однако в устойчивых культурах вырабатываются свои способы и механизмы преодоления противостояния разных ценностных мотиваций без их взаимного разрушительного столкновения.

В упорядочивании ценностного противостояния и разброса можно выделить три основных принципа. Первый основан на *иерархизации*, на выделении *доминантных* ценностей, по отношению к которым остальные выступают как вторичные. Тем самым образуется некоторая иерархия ценностей. Это помогает обществу или индивиду уладить проблему столкновения любви и долга, человеческого отношения с практичностью, общегосударственного и локального интересов, власти и личности и т.д. В разных культурных системах или средах такими доминантами выступают Бог, Власть, Богатство, Человек, Прогресс, Держава и т.д.

В полемике средневекового рыцаря и крестьянина по поводу того, идти или не идти в крестовый поход на неверных, второй собеседник выставляет достоинство своего труда, благо своей семьи и личную безопасность как аргументы против выполнения высокого долга, но в конце концов соглашается с рыцарем и идет в поход.

Другой способ упорядочивания ценностей, как и норм, состоит в их *распределении по разным сферам деятельности*. Жесткая рациональность профессиональной работы может смениться духовным восхождением через музыку, молитву или медитацию — или же игрой и развлечением, чтобы внутренне расслабиться.

В известном «деле Рушди» его «Сатанинские стихи» вызвали обвинение в религиозном кощунстве и заочный смертный приговор. Принятие в мировом общественном мнении разделения религиозных ценностей и моральных норм привело к резкому протесту со стороны многих людей в разных странах против такого фанатичного проявления религиозности. Оба суждения, вынесенные в разных системах ценностей, остаются в силе.

Принципиальное решение дает уже христианская формула «Богу богово, а Кесарю кесарево»: во властной и духовной сферах Должны действовать разные принципы, не устраняя друг друга.

Третий способ — *распределение ценностей по разным социальным слоям*. Так, даже господствующие элиты сами по себе не представляют собой единого слоя, а делятся на типы,

осуществляющие разные функции и придерживающиеся разных ориентаций. Для политической элиты главная ценность — власть, для военной — сила, для религиозной — моральные ценности, а для Интеллектуальной — знания. И хотя правильно организован-

135

ное общество нуждается во всех этих компонентах регуляции, между этими элитами неизменно возникают разногласия, отражающиеся в напряженных идеологических спорах относительно того, кто важнее.

Лишь в предельных толкованиях ценности, относящиеся к разным сферам, фигурируют независимо друг от друга (например, по принципу «морали нет, есть только красота»). Обычно они пересекаются друг с другом, хотя во всяком развитом обществе никогда не совпадают. Чем выше уровень ценностей, тем больше они связаны с сознательной верой в их значение. Именно поэтому необходима длительная и основательная работа по воспитанию и внедрению высших ценностей. Особенно велика здесь роль религиозных институтов и системы образования, принятой в обществе. В светской культуре возникает устойчивая система социальной и профессиональной дифференциации ценностных ориентаций: «физики» и «лирики», «естественники» и «гуманитарии», теоретики и практики, представители высокой культуры и масс-культуры и т.д.

Устойчивая и непротиворечивая совокупность ценностных ориентаций в обществе обуславливает единство и целостность его духовной жизни. Эта совокупность формирует ту *срединную культуру* (ядро культуры) общества в целом, которая снимает напряженность оппозиционных ценностей, устраняет угрозу раскола и радикальной инверсии (см. главу IX) в динамике общества. Именно в рамках срединной культуры формируется устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс населения на длительный период времени. В ее рамках снимаются крайности ценностных ориентаций: аскетизм — гедонизм, покорность — воля, свое — чужое, священное — бесовское, народное — антинародное, национальное — антинациональное, пролетарское — буржуазное и т.д. — и складывается устойчивый образ жизни, обеспечивающий умеренное благосостояние для широких слоев населения, доступные цели и средства реализации этих целей.

Как мы увидим в дальнейшем, существуют разные типы срединных культур, специфичные для той или иной цивилизации, а позднее для национальных общностей. Дополнением, а подчас и заменой общекультурной регуляции является государство, располагающее аппаратом власти и бюрократии для налаживания формального порядка в своих владениях. Рассмотрение стабилизирующих функций государства — задача политологии. Как мы увидим в третьей части книги, в классических цивилизациях Востока срединная культура формируется в рамках религиозной системы, дающей место самым широким слоям верующих. В индустриаль-

136

ном обществе такая культура создается на основе единства хозяйственной системы и рынка, которые и порождают средний класс. Сложные процессы перестройки срединной культуры возникают в ходе модернизации.

Весьма актуально стоит проблема формирования срединной культуры в российском обществе. Складывание российской цивилизации происходило через соединение весьма противоречивых социальных и культурных компонентов, в условиях постоянного натиска внешних соперников и слабости объединяющего духовного начала, которым обычно выступала религия. Поэтому для российской социокультурной среды весьма характерна антиномичность ценностей и смыслов, что приводит к постоянным и острым расколам в обществе. Постоянно ощущаемая необходимость вызревания срединной культуры прерывается столкновением противостоящих принципов и начал. И здесь, как и во всяком цивилизационном процессе, особое значение приобретает вызревание тех нормативных, ценностных и смысловых элементов, тенденций, которые только и могут создавать устойчивую сеть отношений, обеспечивающих стабильность и единство общества. В этой сети отношений создается то взаимодействие различного рода компонентов и структур, которое так или иначе включает всех, хотя и разводя по разным местам, уровням и блокам общественной регуляции. В нем и достигается взаимная адаптация социальных слов, этнических, национальных и конфессиональных компонентов, реализуется симбиоз и синтез разнородных структур, распределяются функции центра и периферии, формируется устойчивое региональное и местное самоуправление.

Срединная культура проникает, не сливаясь с ней, в *культуру повседневности*, или *обыденную культуру*, формируемую прежде всего обычаями и нормами. Конечно, повседневная жизнь не лишена и ценностных ориентаций, но прежде всего это витальные ценности — физического благосостояния и комфорта, умеренная приверженность таким социальным ценностям, как стабильность и порядок.

Вот какое ироническое описание дали ей советские писатели И. Ильф и Е. Петров: «Параллельно большому миру, в котором Живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизельмотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В

маленьком мире изобретен кричащий пузырь «Уйди-уйди», написана песня «Кирпичики» и построены брюки системы «Полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетель-

137

ствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода»*.

За последние десятилетия повседневность, обыденная жизнь стала предметом основательного изучения комплекса научных дисциплин, в том числе философии, социологии, социальной психологии и даже истории. В обращении к этой теме исследователи стремились выявить ту реальность, в которую постоянно погружен человек и которая ощущается как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, наполненная будничными событиями. Это состояние повторяющихся изо дня в день действий и контактов, признаваемых индивидом обычными и своими в отличие от внешних, объективированных, институциональных форм и правил взаимодействия, не зависящих от воли индивида, но воспринимаемых им как обязательное, официальное, а поэтому внешнее.

Более серьезное описание обыденной культуры на огромном материале разных цивилизаций мы найдем в книге Ф.Броделя «Структуры повседневности. Возможное и невозможное» (М., 1986). Французский ученый приводит тщательное описание таких сторон жизни общества, как пища и напитки, жилище, одежда и мода, технические приспособления, деньги. А особое внимание уделяет описанию городской жизни, путей сообщения и торговли. Через всю эту повседневность он дает подробное и многомерное изображение различных сторон жизни разных обществ в XV-XVIII вв.

Именно эта устойчивость повседневности позволяет ей содействовать поддержанию социокультурного микропорядка, в котором индивид может регулировать свою деятельность, расход энергетических и психических ресурсов. Кроме того, эта культура в наименьшей степени подвержена институциональной регуляции. Хотя в этой обыденности человек может быть более свободен, чем в остальных сферах, рамки этой свободы крайне ограничены. Через освоение культуры повседневности еще в раннем детстве человек входит в мир, приобретает необходимый индивидуальный опыт общения с привычной средой. На протяжении всей остальной жизни человек обретает в культуре повседневности ту микросреду, состояние которой во многом обеспечивает его жизненные потребности — по пословице «дома и стены лечат» (или, напротив, подрывают его состояние). И эта среда в современных условиях отличается высокой сложностью и вариативностью: дом,

*Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. - М., 1934. - С. 91.

138

семья, место учебы, рабочий коллектив, служебная обстановка, друзья, соседское окружение, городской транспорт, обслуживание и т.д. Как показали исследования повседневности, к ней относится широкая сфера реального социального опыта: бытовые привычки, первичная социализация в семье, на улице, производстве, привычное потребление и приобретение товаров, общение в городской или сельской среде и т.п. С повседневной культурой связано и жизнеобеспечение человека в различных формах деятельности, выходящих за рамки профессиональной деятельности, связанной с хозяйственными или политическими институтами. Поддержание жилища, покупка и потребление товаров внутри семьи, воспитание детей и поддержание отношений с соседями, друзьями и знакомыми — все это наполняет большую часть жизни человека. Именно эта сфера в полной мере подчинена регуляции через обычаи и нормы как сложившиеся стереотипы поведения, мало осознаваемые и поддерживаемые в силу привычки. На повседневном уровне, в привычной культурной среде человек находит модус первичного обеспечения своих витальных и психических потребностей, обеспечивает равновесие между социальными запросами и внутренними ресурсами. Постоянство такого опыта обуславливают его нерасчлененный характер и его устойчивость, глубокую субъективную укорененность.

Как показывают социологические исследования, сама по себе повседневность не образует единой упорядоченной системы, а распадается на конкретные и локальные сферы. Однако и более высокие уровни регуляции не могут функционировать без той соединяющей сети отношений, которая и образуется повседневностью*.

Конечно, и обыденный уровень культуры осваивается индивидом осознанно, начиная с детства, под влиянием неоднократных внушений ребенку («Думать надо!»). Впоследствии усвоенные в повседневной практике навыки и знания становятся привычными образцами поведения, *стереотипами*, не подвергающимися рефлексии и принимаемыми как незыблемые и несомненные, как обеспечивающие устойчивые, хорошо освоенные образцы бытия. Подчас лишь резкое изменение обстановки, экстремальная ситуация могут заставить индивида или группу поменять такие привычки. Однако усложнение социальной жизни приводит к значительному расширению сферы высокой культуры как существенной части общего образования и воспитания, с кото-

* См.: Х у д е н к о А.В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социс. 1993. - № 4.

139

рым приходит сознание неудовлетворенности скучной обыденностью.

По мере расширения сферы индустриального производства, способного охватить не только

производство готовых средств существования (вместо прежних полуфабрикатов), но и самых разнообразных услуг, а затем и разрастания индустрии массовой культуры и масс-медиа происходит постепенное замещение самовоспроизводящихся и традиционных образцов-обычаев на продукты специализированного производства. Производство товаров широкого потребления, подвергающихся постоянному обновлению с практическим применением науки, тиражирование популярной литературы, внедрение все новых аудиовизуальных средств, компьютерных игр и мульти-медиа — все это приводит к прогрессирующему преобразованию всей культуры повседневного уровня. Однако процесс этот отнюдь не односторонний. Обыденное сознание предъявляет свои требования к рынку. Витальные, эмоциональные и практические запросы стимулируют производство соответствующих товаров и услуг для удовлетворения (и дальнейшего поощрения) расширяющегося спроса.

Отношение индивида к такой обыденности может быть разным. Пушкинская героиня, увезенная из столицы в деревню, утешилась тем, что «привычка свыше нам дана, замена счастию она». Впрочем, ее повседневность была заполнена многочисленными помещичьими заботами. Именно неспособность вырваться из повседневности сгубила возможности и таланты Обломова — одного из наиболее «представительных» персонажей русской литературы. Повседневность была выразительно заклеяна М.Горьким в стихотворении «Буревестник» в образе гагар, которым «недоступно счастье битвы». Однако обыденная и низкая жизнь часто служила предметом не только реалистического (и критического) изображения (например, в полотнах русских передвижников), но и эстетического любования — например, в полотнах голландских мастеров XVIII в., импрессионистов или известного японского мастера Хокусая (1760—1849). Широкое развитие срединной культуры создавало основу для культивирования устойчивых ценностей повседневной жизни.

Между высокой культурой и повседневностью не обязательно существует непреодолимый разрыв. Элементы и фрагменты высокой культуры постепенно переходят в обыденную, заполняя досуг, привнося свой стиль в языковое общение, образ жизни и убранство жилища. Еще М. Вебер уделил много внимания процессу «рутинизации харизмы», «обмирщения» религиозных принципов, «оповседневнивания» нововведений, учений, пророчеств,

140

индивидуальных мировоззрений, новых смыслов истории и т.д. и их признания, освоения, принятия со стороны масс. Даже если лидеры и мыслители, пророки и поэты безразлично относятся к мнению толпы, низким истинам, связанным с повседневным существованием, и противятся низведению идеалов, именно эта повседневность так или иначе определяет судьбу нововведения. Хорошо известно, что обыденная культура нередко не справляется сама по себе с теми проблемами, которые возникают на первичном уровне регуляции. Поиски смысла жизни, решения межличностных или межгрупповых конфликтов, путей адаптации к изменившимся условиям или введения инноваций — все это возможно только через преодоление повседневности и обращение к иным вариантам бытия.

ЗНАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

Социологический подход к знанию генетически и логически примыкает к философской теории познания, в которой и выясняется соотношение человеческих знаний с реальностью. Проблема эта возникает еще с формированием начал философского мышления, в котором одной из первых задач было выявление условий истинности знаний, соотношения правды и заблуждения, ступеней этой правды и источника абсолютной истины, не подверженной превратностям человеческого разномыслия. Как известно, в течение многих веков решение этой проблемы брала на себя религия, полагавшая наличие непреходящей и абсолютной истины в божественном сознании.

В рамках философии, а затем и социологии происходит выяснение социальных предпосылок формирования знания, его отношения к реальности и практике. Вместе с тем социология отстраняется от выяснения собственно *гносеологической проблематики*, построенной на отношении материя — сознание, функциях мозга, свойствах разума, соотношениях субъекта и объекта, сопоставлении материалистических и идеалистических принципов в процессе познания и т.п.

Социологический подход принципиально отличается от того гносеологизма, в соответствии с которым сознание соотносится с материей как объективной реальностью, отражением которой оно становится или же не становится в силу каких-либо социальных факторов, искажающих познание объективной истины. Напротив, для социологии сознание — функция определенной деятельности и соотносится с экономическими, историческими, пси-

141

хологическими или социальными отношениями. Тем самым сознание и то знание, которым оно оперирует, получает объяснение как необходимая функция каких-то типов жизнедеятельности, а не просто как надстройка или иллюзия.

Значительный вклад в формирование социологии знания принадлежит марксизму, в рамках

которого формировалась концепция классовой обусловленности сознания, а с начала XX в. развернулась дискуссия о месте и формах идеологического сознания в жизни общества. Достижением этих дискуссий стало положение о том, что классовое сознание определяется местом класса в общей системе отношений и историческим процессом. В силу этих обстоятельств было вычленено буржуазное мировоззрение, имевшее прогрессивный характер на этапе восходящего развития и реакционный на этапе упадка капиталистической формации, а соответственно и мировоззрение трудящихся классов на этапах незрелости и классовой зрелости. К рассмотрению идеологии мы обратимся в следующей главе.

В рамках немарксистской социологии знания, наиболее крупными представителями которой стали Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маннгейм, П. Сорокин, проблематика социологии знания получила развитие под влиянием того интереса, который возник в общественной мысли Запада в ходе растущей функциональной дифференциации общества и необходимости налаживания взаимодействия и взаимопроникновения между разными классовыми, профессиональными, политическими, конфессиональными, этническими и расовыми стратами.

Социология формирует свой подход к знанию в русле позитивизма как метода, основанного на рассмотрении действительных явлений и процессов. Знание порождается не через абстрактное созерцание внешнего мира, а через познавательную деятельность, включенную во все разнообразие человеческой практики. Тем самым изучение содержания знания и процессов его функционирования получило эмпирическую базу, что постепенно привело к радикальному переосмыслению знания, которое идет не сверху — от Бога или от философской метафизики, а снизу — из осмысления жизненных проблем. Социология знания постепенно приобрела самостоятельный характер в рамках общей социологии и социологии культуры. В частности, совсем иначе предстало соотношение истины и заблуждения, теории и практики, знания и веры, науки и массового сознания. Знание предстало как проверенный общественно-исторической практикой результат процесса познания, зафиксированный в культуре в виде представлений, понятий, суждений и теорий. Однако объем этой практики и сферы

142

ее функциональности могут сильно варьироваться и вступать между собой в сложное соотношение в зависимости от многих социальных и исторических факторов. Это означает, что из сферы знаний нельзя исключить и тех форм сознания, таких как мифология и религия, которые иногда считаются хранилищем суеверий и предрассудков.

Как известно, не только в доисторический период, но и в век информатики большим спросом пользуются различного рода гадания, астрологические прогнозы, поставляющие определенной части людей вполне пригодные знания об окружающем мире, жизненных ситуациях и них самих. Некоторые из гадательных систем, например древнекитайская «Книга перемен», насчитывают тысячи лет. В этом плане алхимия, мифология, магия, астрология, мистика предстанут как определенные модальности знания, имеющие функциональное значение в определенной среде. В противном случае астрология, например, не выдержала бы сопоставления с астрономией, а магия — с современными технологиями и были бы отнесены в разряд вредных пережитков. Их вековое выживание и всплески интереса к поставляемым ими данным свидетельствуют о том, что эти формы сознания по-прежнему на протяжении веков выполняют важную функцию в личном поведении и общественной регуляции. Даже, казалось бы, в сугубо деловых газетах принято публиковать астрологические прогнозы, помогающие деловым людям ориентироваться в жизненных ситуациях.

Не только обыденное сознание нагружено магическими, религиозными, моральными, эстетическими символами и фактами. Научное познание также подвержено искажающему влиянию социокультурной среды, так как оно генерируется и функционирует лишь в рамках определенной культурной традиции и социальной среды, от которой оно усваивает в той или иной степени свои принципы. Поэтому можно лишь условно безоговорочно относить к знанию какие-то достоверные и логически-упорядоченные факты, отвергая остальное как незнание, как до- или ненаучное знание. Все его разновидности так или иначе функционально соотносимы с определенным типом и уровнем жизнедеятельности.

Практическое знание

Практическое знание формируется в ходе непосредственной вовлеченности человека в процесс деятельности и еще неотделимо строго от навыка и умения. Оно обслуживает определенный вид практики (возделывание земли, уход за ребенком, стадом, строительство дома, воспитание детей, лечение больных, управление механизмами, оперирование информацией и т.д.)

143

и еще не отрефлектировано, но существует в тесной связи с конкретной деятельностью.

Позднее в сложных видах практической деятельности это знание становится тем ноу-хау, которое столь необходимо для приведения в действие высоких технологий во всех сферах деятельности и получает высокий престиж (и стоимость).

Духовное знание

Духовное знание несет знание об общении и регуляции человеческих отношений (семейных, этнических, национальных, классовых, религиозных, групповых). Оно располагает огромным разнообразием средств, в том числе мифы и легенды, исторические памятники, художественные образы, священные тексты и т.п. и другие компоненты культуры, содержащие совокупную память данной группы, общества или человечества.

Эмпирическое знание

Эмпирическое знание (т. е. опытное) о естественных процессах в природе и обществе, формируемое на основе чувственного и экспериментального опыта и фиксируемое в специальных научных дисциплинах.

Теоретическое знание

Теоретическое знание, фиксируемое в учениях и теориях, формируется через отделение субъекта от объекта и осмысление не только практики, но самого знания. Это знание составляет не только предмет науки. Оно наполняет идеологию, социальные и религиозные учения и философию. Но начальное приобщение к этому знанию происходит уже через школу и популярную науку.

эзотерическое знание

Нередко выделяют как особый вариант и *эзотерическое знание*, т.е. мистику в ее познавательном раскладе, предназначенном для введения адептов в практику непосредственного соединения с высшим мистическим началом.

Социологическое рассмотрение знания приобретает широкое признание на этапе формирования массового общества с присущими ему типами политического и коммерческого общения. Все чаще оказывается, что не только нормы и ценности, но и идеи, типы мышления и содержание коммуникаций, присущие индивидам, группам и классам, резко расходятся между собой. Это подрывает взаимопонимание и нормальное общение между ними, приводит к нарастанию конфликтов и расколу общества. И дело не только в самих различиях, но и в том, что каждый тип сознания может оказаться претендентом на всеобщность, выражающуюся в определенной идеологии и мировоззрении, которые лишают оправдания социальную позицию других групп, а тем самым отказывают им в приемлемом месте в социальном устройении. 144

Характерной чертой сознания такого общества, по мнению Р. Мертона, становится взаимное недоверие, вытекающее из осознания реальности чужого частного интереса, скрывающегося за теми или иными суждениями*. Это и получает отражение в распространении выражений типа «А сколько им за это платят?», «А кому они принадлежат?», «Зомбирование публики» и т.п. Порождением политической пропаганды, официозных и коммерческих средств массовой информации (СМИ) и рекламы стало устойчивое сопротивление принятию высказываний за выражение истинного положения дел. Псевдоличные отношения стали средством достижения корыстных экономических или политических целей, что и зафиксировано в бестселлере Карнеги о том, как «завоевывать друзей» из нужных людей. Индивид рассматривает других людей с инструментальной точки зрения, как он может их использовать, или же для быстрого распознавания того, как они пытаются им манипулировать. Растущий цинизм приводит к дальнейшему отстранению индивида от значимых групповых отношений и внутреннему самоотчуждению. Осознание широкого разброса субъективных суждений заставляет человека все чаще оговариваться, что он высказывает свое личное мнение. Опасения тягостного разочарования заставляют вырабатывать в качестве защитной реакции снижение ожиданий искренности со стороны других, пытаться проникнуть в их мотивы и возможности.

В условиях растущей десекуляризации и плюрализации общественного сознания возникают самые различные варианты соотношения искренности, умолчания, полуправды, лукавства, лжи, самообмана и т.д. Каждая из сторон отыскивает факты, свидетельствующие в ее пользу, претендуя на обладание истиной. Систематизация фактов и концептуальных принципов — сфера социальной идеологии, возвышающейся над суммой знаний и мнений и представляющей их как целостное мировоззрение, учение и программу социального устройства. Социальная обусловленность идейных представлений превращает общественное сознание в арену не только острых дискуссий, но и упорной идеологической борьбы, смыкающейся с политическим действием за вытеснение идейных противников. Именно в таком обществе особенно уместным становится систематический анализ идеологии и разработка соответствующей социологии знания.

В задачи социологии знания не входит непосредственно рассмотрение содержания знаний, получивших выражение в идеях,

* M e r t o n R. *Social Theory and Social Structure*. - Glencoe. - 1957. - P. 459-60.

представлениях, идеологиях, суждениях, мнениях, художественном творчестве, для нее представляет интерес та реальность, которая является субстратом этих идей и которая порождает их через какой-то механизм оформления и вербализации. Таким субстратом могут выступать

производственные отношения, классовое положение, групповая, этническая или расовая принадлежность, психологические мотивы, чувства, личные отношения и т.д.

Социальная наука должна показать, как содержание тех или иных представлений связано с конкретным бытием тех или иных групп и обществом в целом, каковы те реальные проблемы, которые необходимо решить для поддержания устойчивой регуляции социальных отношений. Сознание предстало не как отражение действительности, а как превращение этой действительности в экономической, социальной, национальной или расовой среде*. Как уже упоминалось, необходимо учитывать и внутренние факторы бессознательного искажения реальности.

В общих чертах представляется вполне применимой схематика задач и принципов социологии знаний, предложенная Р.Мертоном еще в 1949 г.

1. Выяснение реального базиса умственных построений:

а) социальная основа: социальное положение, классовая принадлежность, возраст, пол, профессия, социальные процессы (конкуренция, экономический кризис, безработица, социальные и военные конфликты и т.д.);

б) социальные институты: структуры власти, университеты, бюрократия, научные академии, церковь, секты, политические партии, семья;

в) культурная основа: тип культуры, тип ценностей, умонастроение общества, национальный характер, менталитет, мировоззрение, «дух времени», субкультурные структуры и т.д.;

г) исторический период или ситуация;

д) психологическое состояние социальной среды.

2. Анализ социального содержания и действительности таких форм сознания, как моральные ценности, идеологии, идеи, мыслительные категории, философия, религиозные верования, социальные нормы, позитивная наука, технические знания и т.д.

3. Выявление типа и механизма соотношения продуктов сознания с реальными социальными процессами:

а) причинные или функциональные отношения (обусловленность, функциональная взаимосвязь, взаимодействие и т.д.), сим-

* См.: Мамардашвили М. Форма превращения // Философская энциклопедия. - М., 1979. - Т. 5. - С. 386-389.

146

волическое или смысловое отношение, отражение, реализация, стилистическое подобие и т.д.;

б) выяснение как явных, так и скрытых (латентных) функций Продуктов сознания: регуляция социальных отношений, сохранение власти, укрепление стабильности, ориентирование, прикрытие действительных социальных отношений, укрепление мотивации, регуляция поведения, отстранение критики, снятие или укрепление чувства ненависти, придание уверенности и т.д.

Знание и вера.

Знание и вера. Соотношение между знанием и верой прежде всего проблема философии, для которой столь существенно установить модусы отношения человека к внешнему миру и принципы познания этого мира. Исходный путь нормативной философии состоит в необходимом разграничении этих двух позиций и установок. Различие усматривалось в том, что знание — адекватное суждение о мире, проверенное практикой, в то время как вера — принятие установленных утверждений и решимость придерживаться этих взглядов. На протяжении длительного времени полемика велась между философией и теологией, и вера обычно представляла как предмет попечения теологии. Однако в этих спорах теология отнюдь не отказывалась от претензий на знание, подчеркивая, что одной веры недостаточно и нужно знание о Боге, о его Слове, о Деяниях пророков и святых, чтобы стать подлинно религиозным человеком. Тем не менее всякая религия ставила знанию определенные пределы, за которыми оно становилось излишним, нежелательным и даже вредным, если оно превращалось в орудие подрыва веры в религиозные принципы. Поэтому религия оперирует во многом *веро-знанием*, в котором нет четкого разделения этих двух компонентов и которое само отделено от ереси как ложного знания и заблуждения*.

Хотя в ходе развития просвещения философская установка на преимущество и предпочтительность знания по сравнению с верой одержала верх, во второй половине XIX в. ей пришлось во многом потесниться, уступив место социологии, обратившейся к изучению действительных функций религии, идеологии и культуры в целом.

Однако дело не только в собственно религиозной вере, связанной со знанием высших духовных сущностей. Во все времена общество оперирует и знаниями, сопряженными с низшими верованиями. К их числу следует отнести астрологию, хиромантию, Шаманство, прорицательство, колдовство, ведовство, гадания раз-

* См.: Фролова Е.А. Проблема веры и знания в арабской философии. — М., 1983.

147

ного рода. В новейшее время к этому перечню добавились спиритизм, экстрасенсорика, уфология, телепатия, полтергейстика и т.д. Содержащиеся в них элементы знания переплетены с пред-

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третьёе доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

ставлениями того уровня, который составляет содержание мифологии как компонента культуры, выполняющего определенные функции в регуляции духовной деятельности. К этой проблематике мы обратимся уже в следующей главе.

Знание — неперенная предпосылка хозяйственной деятельности, и значение этой предпосылки постоянно возрастает в истории хозяйства. Знание — условие не только технологических процессов, но и движения товаров и ресурсов.

В эпоху научно-технической революции оно опредмечивается в наукоемкие технологии, меняет или сокращает потребность в сырье, рабочей силе, времени и капитале, становясь важным ресурсом передовой экономики. Вот почему в зрелом индустриальном и тем более в постиндустриальном обществе разрастание научных и информационных отраслей приводит к тому, что количество занятых в них и объем производства в денежном отношении превосходит соответствующие данные для традиционных отраслей. По мнению многих ученых, основным ресурсом постиндустриального общества становится знание. Богатство такого общества в значительной степени определяется суммой накопленных знаний и умением продуктивно их использовать. Развитые страны в середине 90-х гг. XX в. уже около $\frac{1}{5}$ своего продукта тратят на производство и распространение знаний. Ежедневно во всем мире печатается около 1000 названий книг. Производство знаний становится определяющим фактором как в конкуренции компаний или отраслей промышленности, так и целых стран. А ведущей группой общества становятся люди знания, т. е. специалисты, которые располагают знаниями, вырабатывают, контролируют и применяют их на практике.

Знание и информация.

Казалось бы, знание по существу совпадает с информацией, в соответствии с которой человек и формирует свои взгляды и направляет свои действия. Однако логика развития социологии привела к тому, что две дисциплины — социология знания и социология информации (или же средств массовой коммуникации) заметно разошлись между собой как в предмете рассмотрения, так и в методах изучения. Предмет оказался различным уже потому, что знание, как зачастую считается, охватывает именно содержательные, значимые данные о мире, в то время как в информацию включаются сведения безотносительно к их значимости. Однако различие здесь не столько содержательное (информация может быть и крайне ценной для че-

148

ловека, групп и общества), сколько функциональное: информация — это прежде всего передача сообщений между двумя сторонами — передающей и принимающей. Таким образом, информация состоит прежде всего из сообщений, а принципы передачи и функционирования сообщений составляют теорию коммуникации. Впрочем, сообщение может и не состояться, а информация может накапливаться в «базах данных», в которых она подвергается организации и откуда она извлекается по мере необходимости.

Начиная примерно с 20-х гг. развитие массового производства и масс-медиа превратило и массовое общество в важнейший фактор социальной жизни. Важным и постоянно действующим средством регуляции отношений в этом обществе становится информация, производимая масс-медиа. Сочетая в себе элементы знания, веры и идеологии, информация отличается от всех их уже в силу того обстоятельства, что в ее состав непременно входит *общественное мнение*, складывающееся не только под влиянием фактических знаний, но и субъективных установок, эмоций и волевых факторов и именно поэтому становящееся влиятельным стимулом деятельности.

Информация необходима для функционирования в самых различных сферах деятельности. Власть не может обойтись без данных о состоянии общества, формируя свои источники информации, как открытые, так и закрытые. Информационные данные становятся важным инструментом управления обществом, а значит, выступают (наряду с властными институтами и силовыми структурами) и как важный источник власти. Они приобретают статус либо официальной правды, обосновывающей и объясняющей действия власти, либо тщательно охраняемого «государственного секрета», на узнавание которого могут быть направлены значительные усилия оппозиции или спецслужб противника. Превращаясь в информацию, поставляемую (или не поставляемую) средствами массовой коммуникации и пропаганды, оно служит интересам «четвертой власти», используемой теми или иными властными структурами. Современная индустрия информации производит огромное количество данных и сообщений, превратившись в одну из наиболее мощных областей индустрии. Объем информации, накопленной в мире, удваивается примерно каждые четыре года. Крупные газеты обычно выходят на многих десятках страниц, и более половины их объема занимает реклама, остальное — новости, комментарии и фотоиллюстрации. Но огромное количество информации низвергается на публику и через Радио и телевидение. Полезность и адекватность поставляемой

149

информации давно стала важной проблемой для современного общества, переходя в проблему информационного загрязнения, от которого надо очищать эфир и умы людей.

ЗНАЧЕНИЯ*

Значения — специфически культурное *средство соединения человека с окружающим миром или вообще субъекта с объектом через посредство знаков*. Если в экономической деятельности человек соединяется с внешним миром через ведение хозяйства, а в политике через властные отношения, то культура наделяет значениями факты, явления и процессы этого мира. Более того, культура формирует сложную и многообразную знаковую систему, через которую происходит накопление, поддержание и организация опыта. К числу знаковых систем относятся естественные и искусственные языки, различные системы сигнализации, языки изобразительных систем (образы, символика). Той специальной дисциплиной, которая изучает свойства знаковых систем, является семиотика.

Синонимом для термина «значения» выступает слово «смыслы». Впрочем, эти два термина не могут считаться полностью синонимичными в силу того, что понятие «смысл» обычно связывается с субъективным пониманием культурных средств, что и является предметом гуманитарного культуроведения, в отличие от рассмотрения объективированного «значения» культурных компонентов в системе культурной регуляции. Если «смысл» обозначает отношение знака (или выражения) к своему предмету, его смысловое содержание, то «значение» скорее раскрывает соотношение культурных компонентов (норм, ценностей, знаний) с другими средствами социальной регуляции**.

Теория значений и ее соотношение с процессом познания — важная проблема различных философских направлений, прежде всего аналитической философии, раскрывающей логические и семантические аспекты знаковых систем. Для культурологии важно раскрыть соотношение смыслового содержания различных зна-

* Содержательный анализ семиотической стороны культуры дают работы Ю.М. Лотмана, собранные в первом томе его «Избранных статей» (Таллинн, 1992), а также книга Э.В. Соколова «Культура и личность» (Л., 1972).

** Теоретический подход к изучению соотношения между системой значений и другими системами социальной регуляции получил развитие в рамках символического интеракционизма (см. главу II).

150

ковых систем с точки зрения их соотношения с социальными процессами и спецификой культурной среды.

Знаки сами по себе могут не содержать информации, они требуют расшифровки, т.е. доведения до сознания человека, их понимания. Это хорошо знакомо как всякому человеку, изучающему иностранный язык, так и ученому, расшифровывающему таинственные письмена. Процессы получения знаний, выработки значений и их передачи не совпадают, что можно продемонстрировать на множестве научных открытий. Невостребованность научных открытий, новых технологий или произведений искусства — явление хорошо знакомое по истории культуры и науки.

Чем обусловлена необходимость для человека вырабатывать значения, обозначать вещи, свои собственные поступки и переживания?

Вещи, действия людей, психологические процессы сами по себе культуры не составляют. Это лишь строительный материал для нее. Но будучи означены, они втягиваются в культуру, организуются в системы, включаются в функционирование социальных институтов и в жизнь отдельной личности. Культура придает значение определяющим, переломным моментам человеческой жизни: рождению, любви, смерти, борьбе, поражению, победе. Значения могут относиться как к природным явлениям (расположению звезд на небе, восходу и закату, радуге и урагану), так и к внутренним состояниям человека.

Во-первых, значения — средство, позволяющее человеку дистанцироваться от собственных переживаний и от наблюдаемых явлений, а значит, и вырабатывать совершенно особые формы деятельности. К тому же каждое явление в природе, обществе или культуре обладает гораздо большим количеством свойств, чем то, которое доступно непосредственному наблюдению. Значения позволяют вырабатывать гораздо более дифференцированные формы деятельности, соотносимые с объективными свойствами окружающего мира. Значения дают возможность мысленного моделирования явлений, с которыми предстоит иметь дело, и само поведение становится все более дифференцированным способом отношения человека к действительности.

Во-вторых, человек как существо социальное должен соотносить свои устремления с интересами других, а также культурными требованиями. Именно через систему значений происходит такое согласование.

В-третьих, общество должно закреплять свой опыт в общезначимых символах, которые могли бы быть соотношены друг с Другом, систематизированы и переданы следующим поколениям.

151

Средствами культуры создаются знаки, названия, имена, позволяющие воссоздать в воображении образы отсутствующих предметов, перечислять и сочетать их в любой последовательности. Благодаря ей рождается разветвленная система значений, с помощью которой можно отличить друг

от друга, дифференцировать тончайшие оттенки в переживаниях или явлениях видимого мира. Вырабатываемая сложная иерархия оценок концентрирует опыт многих поколений. Обозначая и оценивая явления, человек упорядочивает, истолковывает, осмысливает мир и свое бытие в нем, получает возможность ориентироваться в действительности. Дать имя предмету - значит сделать первый шаг на пути к его познанию. Название закрепляет место предмета в опыте, позволяет узнавать его при встрече. Так, вне системы культурных значений неопределима разница между королем и придворным, святым и грешником, красотой и безобразием. И в экстремальных ситуациях, когда ломаются культурные нормы и рушатся значения, прежняя разница стирается, что дало основание, например, Шекспиру вложить в уста Гамлета, оказавшегося на кладбище, горестные рассуждения о бренности человеческой жизни.

Хорошо известно, что значение слов не соотносится с действительными свойствами предметов, явлениями или процессами. Они вырабатываются культурой в ходе взаимодействия человека с природой и формирования предметной и символической среды его жизнедеятельности. Мифологическое «сотворение мира» включало в себя обозначивание всего того, с чем имеет дело человек, что брали на себя боги или культурные герои. Значение может иметь реальный источник в предметном мире (символизация грозы, землетрясения, солнца, луны, дерева и т.д.), но может и не иметь его, а, напротив, порождать воображаемую сущность в мире культурных явлений (боги, демоны, ангелы, русалки и т.п.), которые, как уже упоминалось, обладают в ряде важных отношений гораздо большим значением, чем, казалось бы, самые объективные предметы.

Как уже упоминалось, важнейшим человеческим носителем системы значений является язык как наиболее универсальное средство по сравнению с другими знаковыми системами. Так, язык в состоянии передать временные измерения (настоящее, прошедшее и будущее), модальность, лицо и т.д. Развитый язык обладает огромным запасом словесных значений, и притом дискретность его единиц и способность их комбинирования по многообразным правилам не устранили его системности и способности к адаптации и к передаче все новых значений.

152

Наряду с передачей словесных смыслов важное значение уже на ранних этапах культуры приобретают меры измерения. Первоначально для этого использовались наиболее естественные меры — части тела и действия частей тела (ладонь, вершок, ступня, шаг), природные ритмы (день, сутки, сезон, год). Позднее меры измерения потребовали введения многочисленных условных величин — в математике и других точных науках (цифры, формулы, графики, таблицы и т.д.).

Именно знаковые функции неизменно преобладают в художественной культуре. Сложный язык архитектуры, драмы, музыки, танца, формируемый соединением знакомых элементов и творчески переработанных или вносимых заново, создает особую сферу культуры, через которую человек постигает самые сложные и разнообразные формы социализации. Мы уже упоминали о высоком знаковом значении обрядов и ритуалов как формализованных вариантов специфического поведения, принятого в определенных частях совокупной структуры культурной регуляции. Ритуал как формализованное и специализированное поведение служит целям упрочения связей либо между постоянными членами групп, либо во взаимодействии между группами, снимая напряжение, недоверчивость и повышая уровень коммуникативности, ощущение общности. Свадьба, похороны, коронация или торжественный государственный юбилей, памятные дни и общественные и религиозные даты и праздники — все это занимает значительное место в жизни каждого человека, семьи, коллектива, государства или общества. Плюрализм и полиморфизм культурной жизни каждого сложного общества требует отлаженной регуляции локальных, культурно специфических и общих ритуалов, праздников и юбилеев.

Сами по себе значения могут быть и нейтральны, так как неимоверно широк потребный обществу круг обозначений. Однако, соединяясь с нормами и ценностями, некоторые из них могут обретать особый статус, возвышающий их над другими, обычными и повседневными. Ярким примером такого возвышения служит *табу*, т. е. категорический знаковый запрет на особо выделенные предметы, действия и слова, нарушение которого влечет за собой строгое наказание со стороны коллектива. Строгость запрета такова, что сам ослушник может покарать себя смертью. (Подробную классификацию табуированных вещей и действий Приводит известный английский религиовед Фрезер в своей Книге «Золотая ветвь».)

Табуирование может иметь иррациональный и даже абсурдный характер. Но видимая абсурдность лишь подтверждает осо-

153

бую роль этого средства в поддержании социокультурного порядка. Однако табуирование входит в набор средств регуляции относительно неразвитых обществ. В сложных религиозных системах оно обычно заменяется набором градуированных запретов (прогрешение, искупимый грех, смертный грех и т.п.) и «отложенных» санкций, которые допускают замаливание, покаяние, искупление и т.п. Вместе с тем создается широкая и вариативная сеть священных значений, выражаемых словом,

текстом (даже самой священной книгой), жестом, образом, фиксирующими сложную иерархию ценностей и норм данной религии.

Во всех культурах неизменным средством означивания, т. е. выражения знакового содержания, служат не только специальные символы, но и среда обитания, оформляемая через архитектуру и ландшафт, а также предметы бытового обихода, в том числе жилище, одежда, кухня и т.д. Конечно, знаковое содержание несет и внешний облик человека, присущие ему естественные черты — его генетический, этнический, возрастной облик. Как известно, эти естественные соматические признаки могут подвергаться значительным изменениям через культивирование желательных черт: в классической китайской культуре воплощением женского изящества считалась маленькая нога, для чего девочек заставляли бинтовать ноги; современные модницы в Японии считают, что большие глаза способствуют привлекательности, и поэтому делают операции, меняющие разрез глаз. Высокое знаковое значение имеет поведение человека, манера держать себя, разговаривать, общаться, в зависимости от чего его признают или не признают за «своего», за достойного или не достойного повышенного статуса в обществе.

Высокую знаковую функциональность имеет одежда, используемая человеком отнюдь не только в целях защиты от непогоды и среды. Почти всякая одежда обозначает также половую и возрастную роль человека, его статус, состоятельность и т.п. Если в культуре высокое значение придается утверждению самобытности — этнической, национальной, религиозной, — то принято использовать для этого те или иные элементы одежды (индийские дхоти и сари, узбекские халаты, японские кимоно, русские сарафаны и т.д.). Среди культурно значимых вариантов костюма принято выделять следующие: народный, этнический, сословный, праздничный, официальный, функциональный, модный, бытовой. И сюда, конечно, не входит все изощренное разнообразие современной модной одежды.

Большую нагрузку несет одежда как статусный знак в армии. Помимо того что во все времена каждая армия имела свою спе-

154

цифическую одежду, в ней неизменно различия рангов, родов оружия и т.п. оформлялись тщательно разработанными деталями одежды и форменными знаками. В армии важное значение придается и сигнальным системам — слуховым и зрительным: команды, огни, флаги. Впрочем, без этих сигналов не обойдется ни транспортная сеть, ни спорт, ни информационная система.

Наряду с одеждой знаковое содержание неизменно имеет и человеческое жилище, утварь, мебель, предметы быта и т.д.

Важным культурным знаком пола и возраста человека обычно служат такие естественные признаки, как цвет кожи, волосы, черты лица, строение тела и т.д. Но во всякой культуре эти признаки подвергаются дальнейшей культурной обработке. В большинстве случаев мужчины должны так или иначе стричь волосы или же, напротив, носить бороду. Женщины же, как правило, должны укладывать волосы в прическу, чтобы соответствовать знаковым требованиям, оформляющим гендерные отношения в обществе. Этот же естественный признак может подвергаться и вторичному переозначиванию, приобретая связь с сословной или конфессиональной принадлежностью. Почти обязательной принадлежностью знатного сословия в разных обществах была борода — вплоть до периодов ускоренной модернизации, когда, напротив, таким атрибутом стало бритое лицо. Петр I свою политику форсированной модернизации начал с указа для всей знати брить бороды и собственноручно резал их ножницами на дворцовых приемах, чтобы «процесс пошел». Борода была оставлена за низшими сословиями. Впрочем, взамен «искорененной» бороды особым предметом почитания мужчин из высших слоев стали парики, бакенбарды и усы.

Третий тип значения того же самого предмета — межкультурные различия, оформление внешней инаковости, когда прически и головные уборы фиксируют принадлежность к своей этнической группе или субкультуре, ее стремление отличаться от окружающих. Так, священной обязанностью сикхов становится отращивание бороды и длинных волос.

Важная сфера знаковой социализации подрастающего поколения — игры и игрушки. Игрушки выполняют немалую роль в самоидентификации подрастающего поколения и формировании его поведения в зрелом возрасте. Уже с ранних лет ребенок осваивает значения взрослого мира через игрушки, наглядно и практически воспринимая те предметы и отношения большого мира, с которыми ему впоследствии придется иметь дело. И конечно, Мальчики обычно осваивают значение солдатиков, машин и прочих механизмов, а девочки играют в куклы. И те и другие типы

155

игрушек чутко реагируют на изменения в стиле эпохи и способствуют этому изменению. На смену неподвижным и «стойким оловянным солдатикам» приходят роботы-трансформеры, меняющие свой облик, машинки «вообще» сменяются широким разнообразием функциональных машин, разбирающихся на части, а прежняя крупная, рыхлая, вялая, малоподвижная кукла Катя, охотно закрывающая глаза, уступает свое место стройной и гибкой Барби, имеющей вид подвижной,

тренированной девушки, соблюдающей диету и никогда не смыкающей глаз. И если Катя явно принадлежала своей хозяйке, то Барби сама предстает как собственница своего хорошо обставленного дома. Расширение круга выбора игровых образов может привести к сложной дилемме: кто предпочтительнее: Чебурашка, кот Леопольд, «добрый доктор Айболит» или, может быть, вечно невезучий Волк — или же Терминатор, Ультрамен и Киборг-убийца, обладающие сверхсовременным оружием уничтожения, способностью быстрого перемещения в пространстве и действующие стремительно, без особых размышлений? В том случае, если такого рода знаковый выбор сосуществует в одном и том же семиотическом поле, это создает в культуре неустойчивость, чреватую расширением и психической неустойчивостью, подрывом необходимой для общества степени нормативности поведения.

Важным знаком, используемым как посредник во многих действиях и отношениях во всяком обществе (кроме самых примитивных и первичных социальных структур и групп), являются деньги. Предметы, используемые в качестве денег, всегда связаны с уровнем развития общества и его культурой. При этом происходит все большая их дематериализация. Деньги аграрного общества были вполне материальными: количество голов скота или другого натурального продукта. Затем в этой функции стали использоваться драгоценные и полудрагоценные металлы. В индустриальном обществе они приобрели форму бумажных символов различного рода. Становление информационного общества связано с переходом к электронным импульсам, заключающим некую информацию о денежном богатстве в памяти компьютерной системы. Электронные деньги, как и электронная информация, вообще принципиально меняют всю технологию финансовых операций и воздействуют на многие формы деятельности и сам образ жизни граждан постиндустриального общества.

Глава V. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МИФОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА

Основные темы.

Принципы отбора компонентов. Место философии и телесной культуры.

Культура и мифология. Мифология в разные периоды развития культуры. Устойчивость мифологического сознания. Миф как неразделенность чувственного образа и идеи, вещи и символа. Мифологическая организация культурных смыслов. Познавательная функция мифа. Роль мифологии в религии, художественной культуре, политике, социальных отношениях и хозяйственной деятельности. Идеологизированные мифы XX в. Мифология в массовой культуре и рекламе. Квазинаучные мифологемы в истории и современном сознании.

Культура и религия. Преодоление атеистического и западно-центристского понимания религии. Культурологический подход к сущности религии. Связь религии с культурной средой. Соотношение между религиозным и светским началами в культуре. Градация священного — светского.

Культурные типы мировых религий: теистические и законнические (или космические) варианты религиозного сознания.

Религиозное и светское в культуре.

Общие социокультурные функции религии: расширение духовных и социальных горизонтов. Религиозный механизм рационализации поведения. Виды религиозного спасения. Компоненты религиозной системы: учение, культ, институт.

Религия как сакральная связь времен. Линейное и циклическое время. Священное прошлое и эсхатологическое будущее. Диахронная связь поколений в религиозной жизни. Религиозная организация основных событий жизненного цикла. Религия как средство рационализации поведения. Религия в функции социального интегратора. Структура религиозной интеграции.

Духовная и социальная структура религии. Большая и малая традиции в религиозной жизни. Санкционированные и допустимые варианты. Секты как сепаратный путь спасения.

Имманентное противоречие религиозной системы: расхождение между ориентацией на дифференцированное спасение и требованием интеграции всех верующих (антиномия «Христос и Великий инквизитор»).

Мистика.

Проблематика Реформации, ее содержание в разных религиях. Предпосылки и следствия Реформации. Антиреформаторские тенденции и содержание фундаментализма.

Религия в современном мире.

157

Культура и идеология. Антропологический и социологический подходы к идеологии. Идеология - источник заблуждений или отражение социальных потребностей и интересов различных общностей, слоев и групп населения? Анализ идеологии в марксизме и лево-радикальной социологии. Идеология и массовое сознание. Социокультурный подход к функциям идеологии. Функции идеологии в советском обществе.

Художественная культура как совокупная сфера различных форм искусства. Общие принципы социологического рассмотрения художественной культуры и частных вариантов искусства. Социальная функция художественной культуры — выработка ценностных и смысловых элементов культуры в образной

форме и их внедрение в отношения, образное освоение широких сфер социального бытия и внутреннего мира человека. Соотношение социальных и эстетических сторон в художественном творчестве. Художественная культура и религия. Влияние сакральных образов и мотивов и их использование в светском искусстве. Воздействие социальных и культурных факторов на художественный процесс. Структура художественной деятельности: творческая элита, критика, исполнители, публика.

Духовные факторы, влияющие на жанровое разнообразие и стилевую динамику культуры.

Наука как специфический способ познания мира, основанный на выработке и систематизации объективных знаний о действительности. Специфика научного познания по отношению к обыденному, гуманитарному, философскому знанию. Эмпирические источники научного знания. Понятийный аппарат науки. Дифференциация наук. Наука в соотношении с религией, моралью, художественной культурой. Социокультурные предпосылки науки. Наука в разном социальном и культурном контексте, в западной и незападных культурах. Структура научной деятельности.

КУЛЬТУРА И МИФОЛОГИЯ

В популярных работах по истории культуры или философии нередко рассуждения по сюжету о развитии общественного сознания от мифа к логосу, т.е. через постепенное освобождение сознания от наивных и примитивных форм мышления и переход к упорядоченному, объективному и рациональному пониманию мира. Что же касается мифологии, то за ней оставляется жанр античных, библейских и других старинных преданий о деятельности богов и героев, о сотворении мира, о происхождении животных и людей и т.п. Все это полезно знать для общего образования как проявление творческого воображения, питавшего искусство и литературу или же по-прежнему используемого в игровых и декоративных целях, но не пригодного для серьезной современной жизни.

Эволюционная школа предполагает, что миф — достояние традиционного общества и традиционного типа преемственности, так

158

как развитие цивилизации приводит к обесцениванию мифа как неадекватного, ненадежного и ограниченного способа социокультурной регуляции. Поэтому в определении мифа обычно подчеркивалось, что это «фантастическое представление, возникшее в результате одушевления природы и всего мира в первобытном сознании». Конечно, всегда признавалось значение мифологических мотивов в тех сказках, на которых воспитывается подрастающее поколение. Но лишь на этапе первоначального становления человека. Детские и народные игрушки — фольклорные или же «модерновые» — как правило, несут в своем облике и значениях мифологические элементы, возвращая человека в «первозданность» или же создавая воображаемое органическое соединение с новым сложным миром.

Такое определение может быть вполне лестным для философии, полагающей, что еще в древних обществах любовь к мудрости была отделена от мифологии, чтобы утвердить в дальнейшем свое влияние в общественном сознании. История духовной культуры не подтверждает таких претензий философского сознания, которое всегда остается достоянием лишь части интеллектуальной элиты. Развитие рациональности в системах социокультурной регуляции не отменяет тенденций мифологизации в культуре даже вполне современного уровня.

Исследования последних десятилетий показали устойчивость мифологии, проходящей через всю историю различных обществ. Мифология — принадлежность не только первобытных народов или же ранних, архаичных культур. Не замыкается она и в рамках того типа сознания и художественного творчества, которые относятся к классическим периодам и в которых мифология уже встроена в более развитую духовную систему. В этой системе она уже существует наряду с иными, демифологизированными формами сознания и дополняет более рациональные его варианты.

Живучесть и устойчивость мифологического сознания, проявляющего себя в более развитых построениях — религии, идеологии, философии и художественном творчестве, вызвала к жизни концепции, раскрывающие те глубинные основы человеческого бытия и психики, в которых и происходит формирование исходных элементов культуры. Это теории австрийского психиатра и психолога З. Фрейда, швейцарского философа К. Юнга, немецкого — Э. Кассирера, западного религиоведа М. Элиаде, французского социолога К. Леви-Стросса, а также российских ученых А-Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова. В их работах раскрывается механизм формирования символов и образов мифологии как носителя культурных значений и смыслов, присущих Разным человеческим обществам.

159

Общая характеристика мифологии состоит в том, что в ней осуществляется *совпадение чувственного образа, полученного от каких-то элементов внешнего мира, и общей идеи*. В мифологическом сознании эмоциональная сфера не отделена от рефлексивной, поэтому происходит совпадение природных и культурных (социальных) объектов, очеловечивание окружающей природной и социальной среды, предмет совпадает с символом, вещь со словом и жестом, существо с его именем, происхождение с сущностью. В мифе все идеальное и воображаемое вполне

тождественно с реальным, материальным и вещным, а все вещественное ведет себя так, как будто оно является чем-то идеальным.

Витальная функция мифологии. Мифология связана с регуляцией первичных витальных потребностей человека, с его устройством в этом, посюстороннем мире. — Или в «том», но как бы в этом, с сохранением его сущности. Миф утверждает контакт человека с природой и средой обитания. Миф актуализирует мир значений, придавая им витальность, превращая их в соучастника человеческой деятельности. Действия мифических персонажей расшифровывают для человека окружающий мир, объясняют его происхождение (этиологизм мифа) через деятельность первопредка, какое-либо событие, обозначение и т.д.*. Мифологические боги и герои вступают между собой в сложные отношения, что порождает контаминацию (смешение) мифов, в результате чего возникают пантеоны и циклы, дающие всестороннее объяснение мира.

Объяснительная функция мифологии. Мифологическое сознание по-своему организует и объясняет сложную и противоречивую действительность. Мифологические сюжеты строятся на противопоставлении оппозиционных значений: верх — низ, левый — правый, близкий — далекий, внутренний — внешний, большой — маленький, теплый — холодный, сухой — мокрый, светлый — темный и т.д. Эти оппозиции объективируются в пространственно-временных элементах (небо — земля, земля — подземный мир, север — юг, запад — восток, день — ночь, зима — лето, солнце — луна), в социальных отношениях (свой — чужой, мужской — женский, старший — младший, низший — высший), в соотношениях социального и природного (человек — космос, дом — лес, селение — пустыня), в абстрактных числовых противопоставлениях (чет — нечет) и жизненных антиномиях (жизнь — смерть, счастье — несчастье, удовольствие — страдание). Распространение

* См.: Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1980. - Т. 1; Токарев А. С. Религия И мифология // Там же. — Т. 2.

160

ны и классификационные схемы, основанные на комбинировании первоэлементов земля, вода, огонь, небо, солнце и т.д. Миф возникает через непосредственное вживание человека в мир, дополняемое субъективным воображением. Поэтому миф сам по себе еще не вера и не знание, а чувственно переживаемая действительность. В мифе человек переносит на внешний мир свои мотивы, Приписывая ему человеческие свойства.

Связь мифа со значением проявляется еще и в том обстоятельстве, что нередко имена богов, каких-то особо выделенных явлений или процессов становятся «заповедными», они отправляются в «спецхран», и только специальные жрецы или подготовленные хранители древних знаний могут знать эти имена.

Объяснительная функция мифа осуществляется и через введение *культурного героя*, который добывает или впервые создает для людей предметы культуры, учит их ремеслам и промыслам, вводит брачные правила, социальную организацию, ритуалы и праздники (Прометей, Гефест, Гильгамеш и т.д.).

Как показал в своих работах К. Леви-Стросс, миф можно рассматривать как упорядочивание коллективного восприятия мира и деятельности. Это упорядочивание, основанное на единстве чувственного и рационального, необходимо и для современного человека не менее, чем для первобытного. Миф устраняет противоположность оппозиций (например, жизнь — смерть, свет — тьма), вводя посредника, промежуточные состояния, цикличность, взаимодействие. Жизнь и смерть, высокое и низкое обратимы, свет и тьма сменяют друг друга. Огромное разнообразие мифологических метаморфоз снимает противоположности, создавая градации значений.

МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

Мифологическая организация мира происходит нередко ценой нарушения запретов, очевидных жестокостей, убийства соперников и родственников ради достижения жизненных целей или как проявление эмоционального состояния (сюжеты «Медея убивает своих детей», «Каин убивает Авеля», судьба царя в конце сказки «Конек-Горбунук»). Поэтому аксиологическое значение мифа может быть условным и подвижным. Миф используется как для подтверждения высокого статуса религиозных ценностей, так и для их ниспровержения, что проявлялось, например, в демонизме Романтической литературы, представленной Блейком, Байроном, Лермонтовым. Именно через мифологические сюжеты и мотивы велась в литературе борьба за снижение статуса религиозных уста-

161

новок и за утверждение иных, прямо им противостоящих. Этот принцип ревностно отстаивал Ф.Ницше, а воплощение он нашел в творчестве Р. Вагнера и других крупных мастеров. Образ Прометея в позднейшей идейной борьбе часто служил иллюстрацией превосходства мифологии над религией как иллюстрация способности человека покорять природу вопреки воле богов.

Хотя мифология — непререкаемый компонент всякой религиозной системы, миф не совпадает с

собственно религиозным настроением, так как религия предполагает наличие сверхчувственного мира и жизнь согласно высокой вере, ценности которой в той или иной степени выходят за посясторонние рамки. Мифология оперирует очеловеченными представлениями об окружающем мире — природе и обществе, поддерживая через эту очеловеченность конкретно-чувственные ориентации, подпитывая витальные побуждения в культуре, упорядочивая социальную практику. Поэтому мифология означает не только мифопоэтический взгляд на окружающий мир, но и включает в себя *магию* как способ практического воздействия на окружающую человека природную или социальную среду или же его телесный или душевный мир — с целью улучшения его положения или состояния в земных делах и отношениях либо нанесения ущерба и порчи сопернику. Конечно роль магии оказывается преимущественно компенсаторной, так как она создает иллюзию совершения практически действительных поступков, что не исключает ни возможности благого действия на самоощущение того, кто прибегает к этим актам, ни вполне реальной порчи отношения вследствие целенаправленного недоброжелательства. Как отмечают этнологи, во всех примитивных культурах существуют как разработанные обычаи магического воздействия на окружающий мир, так и преследование колдовства и антиведовские культы, направленные на пресечение «черной магии».

Эта нерасчлененность преодолевается в мировых религиях, которые изгоняют примитивные языческие мифы, но в свою очередь создают собственные, оправдывающие свою веру. Обе формы сознания — мифологическая и религиозная — достаточно самостоятельны, несмотря на их переплетение. Как в древности, так и в настоящее время мифология могла и может существовать, не проходя через религиозную сакрализацию, выполняя во многом объяснительную функцию. Мифологическое сознание питается не только стародавними, устоявшимися образами, но и новыми соками. Оно нередко выступает формой массового сознания новых явлений действительности, хода истории и национальных судеб. И в современный период в нацио-

162

нальных историях часто встречается преувеличенное описание достижений древних героев и царей, способствующих возвеличиванию нации и т.д. Как развитие национализма, так и распространение социалистических течений в XIX—XX вв. сопровождалось широким распространением мифологии с присущими ей установками на усиление потенций человека, социальной или национальной общности. Достаточно вспомнить ту апологию мифотворчества, с которой выступили во второй половине XIX в. в Германии Р. Вагнер и Ф. Ницше. В Советском Союзе сторонником творческой роли мифологии выступил М. Горький, полагавший, что миф выше религии, так как он утверждает способность человека быть активным преобразователем условий существования, не подчиняясь предустановленной воле богов.

Мифология участвует в формировании этнического, национального или классового самосознания, мифы могут сопровождаться и противопоставлением одной нации другой. Так же действуют и новейшие мифы XX в. Возникая как в лоне, так и за пределами религии, они не исключают наивных или пагубных представлений, очеловечивающих действительность. На массовом уровне культуры вновь и вновь — вопреки всем попыткам демифологизации — срабатывают принципы мировидения, связанные с исходными типами социальности и жизнедеятельности народных масс. Ремифологизация, охватившая в первой половине XX в. различные стороны европейской культуры, показала, что и в этом развитом регионе миф — отнюдь не архаика и не удел либо массового сознания, либо художественного творчества. Выяснение роли политического мифа в массовой культуре показало устойчивость мифологического мышления. Введенный К. Юнгом термин «архетип» стал емким обозначением отлаженного в коллективном подсознании предшествующего культурного опыта, из недр которого вновь и вновь выходят мифологические образы и символы.

Огромная роль мифологии для синкретического сознания объясняет значительность того места, которое отводится в нем словесной активности как важной форме воздействия на субъективные факторы и тем самым регуляции поведения индивидов. Эта активность питает в немалой степени устное творчество, в котором словесные восхваления (за храбрость, щедрость, верность и т.д.) — форма повышения престижа индивида, а словесные обвинения (в слабости, трусости, нарушении обещаний, бесчестности, незнатности предков, аморальности, привязанности к осуждаемым привычкам, таким, например, как поедание свинины, мяса собак, в занятии низкими профессиями и т.д.) — средства снижения морального и социального статуса противника. Слово здесь

163

служит действенным орудием социальной борьбы. Правящими классами оно используется для повышения своего престижа, низами — для посрамления владык и описания народных бедствий. Аналогичное использование словесной активности и мифической образности характерно и для современной культурной и политической жизни.

Искусство и литература на протяжении всей своей истории неизменно обращались к мифу, используя и переосмысляя сложившиеся мифические образы в художественных целях и создавая по их образцу свои собственные, вполне оригинальные фантастические образы. В таких произведениях,

как «Медный всадник» Пушкина, «Портрет» и «Нос» Гоголя, «Путешествия Гулливера» Свифта, «История одного города» Салтыкова-Щедрина, «Чевенгур» Платонова, «Волшебная гора» или «История Иосифа и его братьев» Томаса Манна, «Сто лет одиночества» Маркеса, и многих других произведениях даны мифические по своему характеру образы, выступающие в качестве сознательного художественного приема*.

Мифологизация широко поддерживается в массовой культуре, создавая образы суперменов, супершпионов, суперпреступников, носителей мирового зла или избавителей от него.

Но мифологизация имеет место и во вне художественных сферах культуры. Она может стать и вторичным порождением как религии, так и идеологии, если в них усиливается тенденция внушения в сознание общества превратного понимания действительности. Примеры такого рода внушения можно черпать не только в древности или средневековье. Новейшая политическая борьба дает достаточно таких примеров.

Один и тот же сюжет может стать материалом для мифа, религии и идеологии, хотя и представлять в разном обличье в каждой из этих духовных модальностей. Лучшим примером может стать образ золотого века, который во многих мифологиях воплощал идеальное состояние единства человека с природой, в христианстве стал временем и местом, где совершилось грехопадение, но куда человек вновь может вернуться в эсхатологическом будущем.

Один из самых стойких мифов XX в. был создан на основе идеологизированного марксизма, в котором капитализм изображался как строй, лишенный ценностного содержания и обреченный на гибель. Мифологеме «капитал» противопоставлялся идеал социаль-

* См.: Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М., 1982. — Т. 2.

164

ной справедливости, основанной на перераспределении всеобщего продукта. В общественном сознании тщательно насаждалось недоверчивое отношение к накоплению капитала как цели человеческой деятельности, к расчетливости в производстве и отношениях. Функции накопления целиком отводились государству, осуществлявшему всеобщее безличностное планирование и контроль над производством. Фетишизм государственного планирования на официальном уровне дополнялся «товарным фетишизмом» масс, но не в марксовом смысле этого термина, а напротив, как отражение неспособности увидеть в товаре стоимость, а в деньгах меру всеобщего труда. Товар сводился до его потребительских свойств, а деньги рассматривались как неизбежное, но временное зло.

Сознательное функциональное применение мифологизирующих методов есть и в культуре управления производством. При коммунистическом режиме в Советском Союзе официальная мифологизация использовалась при создании великих строек коммунизма, при освоении целины или строительстве БАМа. Каждый раз затраты труда и средств не соотносились непосредственно с функциональной полезностью этих предприятий в хозяйственном плане, но мифологизированная связь между «освоением природы» и «построением лучшего будущего» диктовала крупномасштабную деятельность.

Конечно, наиболее естественно возникает мифологизация космической промышленности, размах которой поощряется большой политикой, в которой доминировала сверхидея гонки мировых систем или же покорения космоса. Непременные издержки такой гонки заставили ведущие державы снизить масштабы этой промышленности и урезать ее финансирование. Ошибочно было бы думать, что высокорациональное капиталистическое хозяйство свободно от мифологизирующих элементов. Широкое применение мифологизация находит в рекламе. Но и деятельность большого бизнеса тоже подвержена таким тенденциям. Обычным примером служит автомобильная промышленность, которая, например, в Америке тесно увязана с «американской системой ценностей» и «американской мечтой», что приводило к поощрению выпуска больших и дорогих автомобилей, навязываемых потребителю как воплощение жизненного размаха. Но после проникновения более практичных японских автомобилей, резкого падения спроса на большие модели и крушения крупной компании «Крайслер» социологи сделали вывод о том, что и прежняя мечта потерпела крушение. Впрочем, реклама вновь и вновь внедряет в сознание людей миф-мечту как средство «успешного маркетинга».

165

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Сейчас уже редко можно встретить противопоставление культуры и религии, сведение последней к сумме «предвзвешенных, иллюзий и обмана, изничтожаемых светом разума». Сторонники такого противопоставления обычно ссылаются на те исторические прецеденты, когда религия сопротивлялась культурным нововведениям и в ходе борьбы с ересями подавляла культурное творчество. Упадок светского искусства, философии, науки в разных цивилизациях в средние века, жесткие ограничения на изобразительные сюжеты в разных религиях — все это действительные факты истории. А в наше время религиозный экстремизм также становится жестким противником не

одобряемых им направлений и сюжетов. Другое обвинение в адрес религии состоит в том, что она не способствует развитию гуманистического начала и творчества личности, утверждает вечность страдания и подчиняет человека стремлению к сверхначалу, а тем самым ограничивает и «принижает» человека.

Впрочем, сторонники религиозного мировоззрения могут привести не менее убедительные примеры варварского отношения нерелигиозной культуры к священным творениям, текстам, обрядам, доводы об уничтожении храмов и преследовании верующих. Что же касается нравственной стороны, то здесь религиозные деятели располагают обширной аргументацией относительно того, насколько пагубно и развращающе действует безрелигиозная среда на состояние морали, на отношения между людьми. Сами по себе факторы повышения образования и культуры, усиление правовых принципов регуляции отношений или идейно-политического воспитания не перекрывают необходимости в тех духовных и психологических средствах, которыми располагает религия.

В атеистической литературе среди причин, порождающих религию, принято приводить практическое бессилие людей перед лицом стихийных природных сил или социальных разладов либо подверженность «духовному обману», на который идут правящие классы, чтобы снизить социальное напряжение. Одновременно и гносеологический атеизм трактует религию как «иллюзорное сознание», возникающее в силу непонимания действительных закономерностей, как компенсацию неудовлетворенности людей своим бытием. Как предполагалось, это положение может и должно быть вытеснено с успехами научного познания и построением справедливого общества.

Следует подчеркнуть, что марксистскую трактовку религии нельзя сводить к вульгарному атеизму. Марксисты всегда подчер-

166

кивали, что религия питается реальными общественными отношениями, поддерживается отчуждением людей от тех общественных факторов, от которых зависит их бытие. Марксизм связывает устранение религии с переустройством общества на рациональных и справедливых началах, с прогрессом науки и гармонизацией человеческих отношений.

Однако действительная практика государственно-партийного режима была основана на жестком противостоянии всем религиям как конкурентам во влиянии на народные массы, что воплощалось в политике ограничения и преследования церкви, введения многочисленных запретов в расчете, что религиозные пережитки уйдут в прошлое. Но по существу деятельность государственно-партийной системы была направлена в идеологическом плане на утверждение принципиально иных мировоззренческих принципов. В оболочке научного коммунизма (и дополнявшего его научного атеизма) в общество внедрялась квазирелигиозная идеология, в которой на место теистического начала (Бог) были поставлены «всеобщие законы», сформулированные в сакрализованном учении «основоположников» и философско-идеологической доктрине. Конечно, задачу институционального обеспечения такой духовной системы выполняла государственно-партийная система.

Что же такое религия? Мы очень мало продвинемся в понимании этого важного компонента культуры, если будем исходить из тех заповедей, принципов и текстов, в которых излагается содержание вероучения, если ограничимся исторической критикой, направленной на выяснение того, «что было на самом деле». Тексты и заповеди могут получать разную трактовку, а споры об историчности Будды, Христа или Мухаммеда ничего не дадут для понимания действительной роли соответствующей религии. И сколь ни важно изучение истории религии для понимания ее содержания и роли в тот или иной период, необходимо некоторое общее понимание философии истории и культуры, чтобы выявить те социальные принципы, по которым формируется, развивается и приходит в состояние застоя религия как всякий социокультурный феномен.

Разнообразие религиозных верований и культов настолько велико, что попытки дать, общее определение религии каждый раз вызвали разногласия. На Западе или в России религию обычно связывают с верой в Бога — христианского, исламского или иудейского — как высшее существо, которое как-то распоряжается судьбами людей, повелевает им вести себя должным образом в земном существовании, чтобы дать воздаяние в загробной жизни. Однако ошибочность такого представления о религии связана не

167

только с его неполнотой, так как религия не только вера, но и дела, не только принципы, но и отношения, не только молитва, но и организация. Дело еще и в том, что и само описание вероисповедания оказывается культурно обусловленным и искаженным. Религия совсем не обязательно связана с верой в Бога или даже сверхъестественное начало, не обязательно означает монотеизм, т. е. веру в единого Бога, или даже политеизм, т. е. веру во многих богов. Заявление Ницше о том, что «Бог умер», имело смысл только в рамках христианского менталитета. Исламский Бог не родился и не мог умереть, а центральная фигура буддизма - Будда — действительно умер и перешел в состояние нирваны, означающее растворение в небытии. Поэтому буддизм может трактоваться как религия без Бога, т. е. как нетеистическая система верований. Если в ней и существует поклонение тому же Будде

и обожествляемым боддисаттвам, то как персонализированным духовным посредникам между верующими и верховным законом, который властвует над миром.

При всем изобилии богов разного уровня в индуизме, разнообразии культов, сект и толкований, при сохранении тех культов, которые принято связывать с язычеством, в этой религии существует несомненное духовное и организационное единство, восходящее к абсолютному монизму и сводящее все остальные уровни в упорядоченную иерархическую систему.

В Китае и других странах Дальнего Востока существует переплетение трех религий — конфуцианства, буддизма и даосизма, которое на протяжении веков перестало быть разноречивым, а сложилось в органичную систему, отводящую каждому компоненту соответствующее место.

Некоторые религиоведы полагают, что ведущим признаком религии является вера в сверхъестественное: нечто, стоящее выше законов материального мира, не повинующегося и противоречащего им. Сюда входит и вера в реальное бытие сверхъестественных существ (богов, духов), существование сверхъестественной связи между естественными явлениями («высший» сакральный закон), вера в сверхъестественные свойства материальных предметов (фетишизм). Хотя некоторые верования подобного рода связаны с мифологией, в религии формируется представление о существовании некоего сверхразумного мира, полного тайн и неподвластного рациональным объяснениям и регуляции со стороны человека, а, напротив, воздействующего на материальный и социальный мир.

Действительно, обычно каждая религия допускает некоторое чудо, непостижимое разумом, играющее важную роль в ее обо-

168

сновании веры или объяснении мира. Для христианства это Непорочное зачатие, Воскресение, Богоявление и т.д. Однако на протяжении веков в нем была выработана изощренная система рационального обоснования веры, что сильно уменьшило объем допускаемого сверхъестественного начала. Если взять для сравнения буддизм, то в его системе чудеса допускаются лишь на низшем уровне массового культа. А конфуцианство в принципе основано на тщательном недопущении необъяснимых чудес и на разумном обосновании социальных порядков и общественной морали. Магия и фетишизм допускаются в развитых религиях лишь на низших ступенях культа, и их последовательное изживание на более высоких уровнях религиозного сознания идет гораздо дальше обычного мирского сознания с его верой в приметы, гороскопы, астрологию или обожествление чего-то преходящего и эфемерного. В сущности все мировые религии непременно включают в себя, как мы видели в предшествующей главе, значительный комплекс знаний (или «веро-знания»).

Эти примеры показывают, насколько тип религиозной жизни связан с культурой данного региона и во многом зависит от нее. В свою очередь и культура в целом складывается и функционирует в значительной степени на основе данной религии. Но как мы увидим, эта степень весьма меняется с приближением к современности.

Социология религии — отдельная и самостоятельная, хорошо развитая ветвь социологии, в рамках которой работали многие крупные ученые. В общем плане сложились две основные тенденции социологического изучения религии. Одна из них восходит к Э. Дюркгейму, и в ней религия рассматривается как система коллективных представлений, выполняющая функцию сплочения общества, установления связи между индивидом и обществом или между группами и обществом. При таком рассмотрении религия предстает как система институционализированных норм, верований и ценностей, в той или иной степени разделяемых всеми членами общества, что и поддерживает его целостность. Не отвергая других факторов поддержания единства (хозяйственные связи, политика), сторонники такого подхода отводят религии доминирующее место. Такого рода функциональный подход избавляет исследователя от необходимости рассматривать вопрос об истинности или ложности религии, идейном содержании ее догматов и принципов.

В ином плане рассматривают религию последователи «понимающей» социологии, которая сложилась в русле веберовской методологии. Для них религия выступает прежде всего как мотив

169

социального действия, как ориентация, направляющая активность человека на те или иные жизненные цели, связанные с хозяйственными, социальными, политическими или психологическими факторами.

Все это подводит нас к тому, что содержание религии мы можем вывести, исходя не из принципов и смыслов каждой отдельной религии или же их совокупности (очень они разные), или же из трактовок идеологических противников, а из собственно социологического анализа.

В типологии мировых религий принято различать два основных типа мировых религий в соответствии с характером высшего начала, утверждаемого каждой из них: а) теистические: христианство и ислам (а также иудаизм, имеющий этническую привязанность) и б) космические, или законнические: индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство (также имеющее этническую привязанность). Такая классификация является условной в силу того обстоятельства, что в каждой

религии совмещаются оба начала — вера в Бога и принятие высшего закона. Однако место, отводимое соответственно каждому из этих начал, различно, что и накладывает отпечаток на структуру и содержание вероучения. Подробнее различие между этими типами религии будет рассмотрено в главе XII.

В рамках социологического анализа принято выделять в религии следующие компоненты:

1. Религиозное сознание, включающее учение о высшем духовном начале, зафиксированное как в Священном Писании, толкованиях и комментариях, так и в повериях разных социальных групп.

2. Культ (ритуал), поддерживающий привязанность верующего к данной религии и вырабатывающий в нем постоянство религиозного чувства: храмовые службы, молитвы, праздники. Культ создавал устойчивое семиотическое и поведенческое пространство, целиком отведенное сопричастности высшему началу, внедряющее в структуру личности и группового поведения обязательные общие смыслы и принципы поведения. Важной характеристикой культа является его единообразие — во времени и пространстве: одинаковость слов, жестов и распорядка воспринимается как основа для единства всех верующих в едином литургическом пространстве. По этой причине культ, с одной стороны, оказывается одним из самых консервативных компонентов религии, а с другой — источником раскола, так как расхождение по, казалось бы, незначительным деталям культа воспринимается как основание для взаимного отлучения от религиозной общины.

170

3. Церковь, т.е. религиозная организация, объединяющая всех верующих, но поддерживающая разделение на собственно служителей культа и массу. Этот институт основательно отличается в разных религиях, что обусловлено как историческим своеобразием его становления, так и общей структурой данной религии. Так, мусульмане полагают, что в их религии «нет церкви» как формального института, отделенного от паствы, и каждый может стать муллой, т.е. священнослужителем, если он хорошо знает Коран и пользуется авторитетом у других верующих. Однако существуют довольно жесткие требования к учености и святости, существует и отлаженная процедура признания оснований считаться муллой. В Индии священнослужителем может быть только «дваждырожденный», т.е. брахман, как член высшей касты, и его обязанность — с юных лет изучать священные книги «Веды» и хранить «священное знание».

Религиозное и светское в культуре.

Вопрос о соотношении культуры и религии осложняется в немалой степени из-за комплексности духовного содержания мировых религий и их структурной переплетенности с другими социальными институтами. Религии в той или иной степени связаны с духовной жизнью общества в целом: не только с конечными смыслами бытия (вопросами жизни и смерти), но и с регуляцией повседневного поведения. Поэтому выяснение социально-философского и идеологического содержания еще не раскрывает реального места христианства, ислама, буддизма, индуизма или язычества в жизни общества. Они заключают в себе систему верований, морали, права, образа жизни, а вместе с тем выступают как важный компонент социальной структуры и как социальный институт.

Основное различие между собственно религиозным и светским началом в культуре выявляется через парные понятия «священное — светское». Сначала М. Вебер и Э. Дюркгейм, а за ними и другие социологи и культуроведы использовали эти антитезные понятия для рассмотрения противоположных способов регуляции духовной жизни и социального поведения. Священное выделяется из общекультурного своим особым статусом и ролью ценностных принципов, некоторые из которых возводятся в разряд высших. Американский социолог Г. Беккер разработал градацию обоих принципов. Самую высокую ступень, по его мнению, занимает *святое*, которое выделяется по степени интенсивности эмоционального переживания, безусловности своего ценностного значения. Святое неизменно, несмотря на все жизненные перипетии и изменения состояния членов общества. За святым по нисходящей идут: 2) интимная священность, отмечаемая силь-

171

ной внутренней привязанностью к священному, которое, однако, ограничено субъективными состояниями; 3) лояльность, для которой присуща уже большая формализация этих признаков; 4) моралистическая священность, сводящаяся к моральному увещиванию и, наконец, 5) прилично-священное, отмеченное лишь внешним соблюдением предписаний.

Для светского, по Г. Беккеру, характерна большая условность и расплывчатость. Самую значительную роль играют общественные принципы, связанные с законами, изменение которых сопровождается сложной процедурой. Нормативные и ценностные критерии светского подвержены преобразованиям и интерпретациям в соответствии с динамикой общества в целом или социально-классовыми интересами.

Отнюдь не только собственно религиозные объекты и принципы могут подвергаться сакрализации. Еще Э. Дюркгейм подробно описал в своих работах по социологии, как общество, стремясь иногда избавиться от сковывающих его религиозных принципов, создает вместо прежних

богов новых. Как нельзя более очевидно это было продемонстрировано в период Великой французской революции. Ниспровергнув прежних богов и церковь, революционные власти провозгласили культ Верховного разума. Позднее сакральными объектами стали Отечество, Свобода, Разум, однако религия «вернулась» и вновь заняла определенное место в духовной жизни, и влияние католицизма (или протестантства) в Западной Европе сохраняется.

Соотношение сакрального и светского подвержено изменениям и колебаниям. Было бы упрощением рассматривать это соотношение как постепенную секуляризацию общества, что считается преобладающей тенденцией в современных условиях. С одной стороны, действительно все большие сферы общественного и индивидуального сознания, культурной и социальной жизни отходят от религиозного санкционирования и влияния. Уже на протяжении XVI—XVII вв. в Европе каноническое право, связанное с церковью, было заменено гражданским правом и религия отодвинута в сферу нравственной регуляции и внутренней жизни индивидов. Религия утратила свою прежнюю монополию на объяснение природной и социальной реальности, перестала быть всеобщим мировоззрением, институтом, интегрирующим различные слои. Основными интегрирующими факторами стали политика, право и рынок. Свои ценности, нормы и идеалы общество черпает в значительной степени из светской культуры. В западных странах заметно падает влияние церкви на политическую и гражданскую жизнь. Социологический анализ выявляет

172

более сложную картину. Опросы населения в западных странах показывают, что более 70—80% населения в той или иной степени верят в некоторое божественное начало. В тех же странах, особенно в США, в дополнение к традиционным церквям существуют и продолжают возникать сотни сект и религиозных групп. Римский папа совершает поездки по разным странам мира, и ему внемлют миллионы католиков, а католическая церковь располагает огромными богатствами, позволяющими ей вести широкую социальную работу.

ОБЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ

Всей системой своего воздействия на общество религия выполняет сложный и противоречивый комплекс задач по социокультурной регуляции общественной жизнедеятельности. Среди задач собственно духовного плана следует выделить прежде всего «вертикальное» упорядочивание тех совокупностей норм, ценностей, значений и знаний, которые вырабатываются в различных сферах деятельности. В этом мы можем видеть ее отличие от собственно мифологии, которая, как мы видели, производит «горизонтальное» упорядочивание норм и смыслов, создавая мифо-эпическую систему их взаимодействия. Религия оперирует средствами духовного «возвышения» специально выделенных норм и ценностей через придания им особого сакрального значения. Она значительно расширяет шкалу оценок, создавая поле духовной и моральной напряженности между Богом или Законом и обыденным миром, а заодно и антиномичным миром Зла. В этом поле совершаются некоторые «высшие» духовные операции, недоступные обыденному или мифологическому сознанию*.

1. Нарушается тесная связь субъекта и объекта, материальной и духовной сторон деятельности. Мировая религия «отстраняет» или ограничивает роль природы в сознании человека, подрывает мифологию или переподчиняет ее своим задачам, противопоставляет земное и трансцендентное, мирское и божественное, обыденное и священное.

2. Ослабляется (а в крайних вариантах мистицизма преодолевается) связь человека с конкретной природной и социальной средой, с тем, чтобы способствовать универсализации связи верующих между собой и мирозданием в целом с помощью единого «сверхобъекта», т. е. Бога или Космического закона.

* Это перечисление духовных функций религии опирается на социологический анализ Ю.А. Левады в его книге «Социальная природа религии» (М., 1965).

173

3. Снижается значение непосредственного эмоционального отношения к миру и излишнее доверие к нему и собственно мирским побуждениям и формируется способность вносить планирование, устойчивую рациональность, подчиняющих всю жизнь верующего избранным целям спасения.

4. Религия вводит (хотя и в разной степени) изменение исторического времени. Правда, историзм в рамках восточных религий большей частью ограничен циклами либо идеальным золотым веком, существовавшим в прошлом и должным вернуться в будущем.

5. Создается установка на преодоление непосредственного чувственного отношения к внешнему миру и излишнего доверия к нему. Главное отношение человека переносится на трансцендентный объект, выходящий за рамки человеческого бытия и понимания. Изменение внутреннего состояния человека подразумевает также лишение доверия человека к собственным мирским, внутренним побуждениям, низведение их до положения второстепенных в силу их греховности, ошибочности или иллюзорности.

Проблема соотношения высшего начала и индивида как субъекта мирового устройства решается через утверждение понятия судьбы и души. Судьба — жизненный путь индивида, в прохождении которого сказываются как внешние обстоятельства, так и совершаемые дела, накопленный опыт, который составляет не сиюминутное сочетание разных факторов, а достояние, в котором фиксируются добрые и злые дела, которые «взвешиваются» на шкале ценностей по степени греховности или заслуги.

Для мировой религии прежние ценности либо приобретают прямо негативный смысл, либо отодвигаются на задний план и подчиняются новому принципу. Физическая сила и выносливость хороши не сами по себе, а лишь тогда, когда они направлены на служение Богу, на аскетические подвиги или на противостояние силам зла. Плоть служит предметом бичевания и самоограничения (хотя бы в период поста). Исходные чувственные установки в индуизме подвергаются самоотрицанию в различных видах и ступенях йоги. Популярные версии чувственного мусульманского рая трансформируются мистическим течением в исламе — суфизмом в его ступенях самоочищения. Сверхчувственные ценности религии, вынесенные за пределы непосредственного земного или вообще всякого бытия, должны означать торжество духа над плотью, эсхатологического* будущего над настоящим. Выделяя некоторые высшие нормы и ценности («не убий», «не укради»,

* *Эсхатология* - религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

174

«возлюби ближнего» и т.д.), религия возводит их на уровень священных заповедей, от соблюдения которых зависит спасение верующих. Конечно, всякая развитая религия содержит в себе разработанную классификацию грехов и заслуг, неизбежно получающих последующее наказание или воздаяние, для чего существуют специальные сверхсоциальные и чисто духовные сферы — ад, рай или же череда плохих или хороших перерождений.

Конечно, в религиозных функциях содержался и собственно социально-классовый смысл. Религия снижает уровень притязаний на реальные земные блага, отодвигая их на будущее, в загробное существование (или в следующее рождение), либо отрицая их значимость. Вместе с тем она создавала механизм частичного перераспределения как духовных, так и материальных благ, понуждая верующих содержать обширный и общедоступный религиозный институт, который заботится об устройении всех, кто к нему относится, хотя это устройство по большей части отодвигается «по ту сторону жизни», на эсхатологическую дистанцию.

Религиозное учение о спасении и его социологический смысл.

Та исходная функция религии, которая служила ее основным формирующим принципам и носителем которой она выступает в социальной деятельности, обычно определяется в религиозной терминологии как спасение. По определению С. Аверинцева, спасение — «предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла — как морального, так и физического — полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога»*.

Но в социологической терминологии эта функция может быть определена в соответствии с веберовской методологией как *рационализация* человеческой жизнедеятельности. Эта рационализация подразумевает не конечное состояние, а ту постоянную регуляцию поведения, которая становится существенным фактором, влияющим на земные судьбы верующего или общество в целом. Поэтому те формы спасения, которые выделял в своей классификации М. Вебер, могут рассматриваться в социологическом плане как типы рационализации поведения, соотношенного с другими сторонами жизни общества — хозяйством, политикой и социальными отношениями.

Среди общих типов спасения М. Вебер особо выделяет следующие: моральное совершенствование, ритуализм, выполнение

*Аверинцев С. С. Спасение // *Философская энциклопедия*. — М., 1970. — Т. 5. - С. 100.

175

долга, знание и вера, любовное благочестие, мистицизм и институциональное спасение через церковь. И как сепаратный путь спасения выделяется сектантство, в том или ином плане расходящееся с ортодоксальными учениями и ортодоксией.

Так как в наиболее полной степени эти функции религии сформировались в обществах доиндустриального типа, то мы и рассмотрим их подробнее в главе XII.

Религия в функции социализации.

Помимо организации жизни верующих на дело спасения, всякая религия выполняет и другую важнейшую функцию — объединения верующих в некоторую крупномасштабную общность, превосходящую все остальные аскриптивные связи человека. Между этими двумя функциями существует определенное противоречие, которое очень драматично было представлено Достоевским

в романе «Братья Карамазовы». Обвинение Великого инквизитора Испании, брошенное им в лицо сошедшего на землю Иисуса Христа, заключалось в том, что он «приходил лишь к избранным и для избранных, но для основной массы людей свобода выбора того, что добро и что зло, оборачивается смятением, разладом и взаимным истреблением». Великая и вековечная потребность людей — *общность* преклонения и всемирного единения, что и обеспечивает религия и церковь*.

Следуя той логике, которую столь разоблачительно прояснил Великий инквизитор, духовное руководство неизменно выступало — и не только в христианстве, но и в других мировых религиях — как преемник и продолжатель дела Основателя (или хранителей Великих заветов), но в действительности они «исправили» подвиг Основателя и создали единую организацию и культ, духовный механизм единения, избавляющий людей от всего, что есть «необычайного, гадательного и неопределенного», от неразрешимых задач, возникающих у людей в условиях свободы совести. Хорошо известные средства заключались в «чуде, тайне и авторитете», на которых и зиждется власть духовных правителей.

Этот художественный сюжет лишь иллюстрирует настоятельность понимания механизма религиозной интеграции. В русле дюркгеймовской традиции и на материале различных мировых религий был раскрыт механизм интеграции, который вырабатывается на основе этих религий. Наряду с поддержанием социокультурной дифференциации каждая религия внедряла и принципы универсализации, в которой в той или иной степени преодолевались локальность и изолированность, разнородность и

•Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. - М., 1963. — Т. 1. — С. 323— 324.

176

противоречивость ячеек и структур, входивших в состав большого общества. Не устраняя такого рода разнородность и не избавляя в принципе общество от различного рода внутренних и внешних потрясений, религия способствовала поддержанию стабильности, взаимодействия различных частей и групп, восстановлению нарушенной устойчивости и продлению культурной традиции, а также сохранению социальных структур. Даже когда государство оказывалось ослабленным, парализованным или разрушенным в периоды политического упадка, завоеваний и раздробленности, религия способствовала восстановлению стабильности, беря на себя функции правопорядка и социальной интеграции.

Каждая мировая религия формирует свою сложную и многообразную *структуру интеграции*, но в том или ином плане, варианте в ней присутствуют некоторые основные элементы:

1. Пророк, или Основатель, который определяется М. Вебером как харизматическая личность, берущая на себя миссию возвещения религиозного учения. Именно культ Пророка, или Основателя, становится важнейшей составной частью системы консолидации.

2. Священное Писание и Предание. Не столько само по себе содержание, сколько факт наличия общеобязательного священного текста, заключающего в себе те основные словесные символы, образы и значения, которые надлежит знать и признавать всем верующим, становился важным компонентом консолидации, настолько важным, что на протяжении многих веков именно Священный текст (христианская Библия, мусульманский Коран, индуистские Веды, буддийская Трипитака, конфуцианское Пятикнижие, даосский Даодэцзин и т.д.) служил основным источником знаний, значений, норм и ценностей.

Конечно, всякое Священное Писание было неполным и неопределенным и его необходимо было дополнить огромной «святоотеческой» литературой, священными преданиями и просто комментариями различной степени обязательности и признанности, что отвечало и задаче обоснования дифференциации поведения на путях спасения.

Непременным содержательным элементом всякой религии является знание как умопостижение тех высших смыслов, которые воплощены в сверхначале и зафиксированы в Священном Писании. Знание «закона божьего» во всех религиозно регулируемых обществах было непременным условием принятия индивида в качестве полноправного члена. Контроль за соблюдением этого знания и вытекающих из него принципов поведения (в том числе словесного дискурса, из чего вытекали признание имени божье-

177

го и запреты на божбу), возлагался не только на формальный церковный институт, но и на всех верующих.

3. Догматика выступала как важное средство упорядочивания тех духовных знаний, которыми обосновывалось прежде всего единство духовных принципов данной религии. Догматика резко сокращала сферу допустимых толкований, исключала частные мнения и устраняла подверженность обстоятельствам, которые могли бы подорвать согласованное единство принципов.

4. Вера выступает одновременно как фактор духовного спасения и как средство интеграции. Ее принятие обеспечивается не только рациональными средствами и воспитанием в соответствующей среде, а всеми средствами духовного воздействия. Вера способна преодолевать все те разногласия и различия, которые возникают на почве знаний или вариантов обрядности, и создавать «общий

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье с доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

знаменатель», наименьший по объему, но наибольший по распространению критерий, определяющий принадлежность к данной конфессии.

5. Культ — важное средство утверждения общности всех верующих, так как он создает постоянно поддерживаемую сетку единообразных действий, в которых все участники перестают быть сами собой и возникает их максимальное единство. Ритуалы — регулярное возвращение к коллективной жизни, когда исчезает поток времени, все мирские заботы и события и образуется нерасторжимое единство верующих с объектом культа.

Мистика.

В каждой религии возникали течения, имевшие целью непосредственное изменение состояния человека не через культ или веру, а через целенаправленную систему соматического, психологического и духовного воздействия. В языческих религиях эти переживания в форме шаманизма или оргиастических состояний, направленные на снятие дистанции между человеком и миром духов. Нередко они еще были направлены обычно на изменение соматического состояния человека при помощи некоторых магических субстанций или вербальных заклинаний. В более развитых формах мистицизм направлен на регуляцию соматических проявлений и психологических состояний ради достижения высшего духовного состояния как непосредственное слияние человека с высшим началом. Эти течения вызревали уже в тех духовных системах, в которых сформировались представления о трансцендентном начале, отделенном от всего обыденного мира. В мистике вырабатывались и соответствующие учения, оправдывающие, осмысляющие и регулирующие практику приобщения к этому началу. Мировоззренческие обоснования мистицизма и принятая практика тренировки резко различаются в зависимости

178

от религиозных или же социальных условий. В теистических системах (христианство, ислам) это переживание единения с личным Богом. В нетеистических религиях высшее начало носит безличный, трансцендентный характер (дао в даосизме, шуньята в буддизме, брахман в индуизме). Однако все мистические учения имеют общие черты. Они тяготеют к иррационализму и интуитивизму, выражают себя не столько через понятия, сколько через символы, разрушающие обыденные структуры сознания. Мистицизм в его разных вариациях придает высокое изначальное значение индивиду как носителю психологических и духовных способностей, однако смысл актуализации этих способностей заключается в прохождении трудного, а подчас многолетнего пути поиска и тренировок, чтобы осуществить активную деперсонализацию личности, превращающуюся лишь в носителя некоторого высшего и внешнего начала.

Практика мистицизма предполагает ту или иную систему психофизических установок (йога в индуизме, тантра в буддизме), регулирующих физические и душевные состояния как начальные стадии восхождения духа. Большое значение придается внутренней психологической и духовной сосредоточенности в медитациях на установленных образах или словесных символах — мантрах. Поскольку мистицизм предполагает продвижение через непривычные состояния, подчеркивается роль руководства наставников (*гуру* в индуизме, *монаха* в буддизме, *пир* в суфизме).

Что ищет, а в той или иной степени и находит индивид в различных формах мистицизма? Среди таких целей, имеющих как социальное, так и психологическое значение, обычно перечисляют следующие:

- обретение смысла индивидуального бытия, что дает возможность объяснить наличную ситуацию и найти из нее психологический выход;
- приобщение к сокровенному знанию, возвышающему индивида и выделяющего его из толпы непосвященных;
- приобщение к методу, обеспечивающему внутреннюю перестройку личности, развитие ее душевных сил;
- избавление от суетности окружающего мира, от погони за ненужными вещами и делами ради обретения внутреннего спокойствия;
- общение со своими единомышленниками и участие в совместном деле;
- обретение связи с высшими авторитетами или со своим учителем, который поведет ученика по пути духовного восхождения.

179

Мистический опыт необязательно достигается в индивидуальной практике. Большой частью он становится уделом мистических орденов, общин, групп. Такого рода группы получали особое развитие в кризисные периоды. При определенных условиях мистические течения превращались в форму протеста против социального угнетения и клерикальной иерархии.

ПРОБЛЕМАТИКА РЕФОРМАЦИИ

Значение религиозного фактора в жизни большинства стран Азии и Африки усиливается
 Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье
 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

благодаря тому обстоятельству, что восточные религии, не прошедшие в отличие от христианства через зрелую реформацию, не знают сложившегося разделения между светской и религиозной сферами, между потусторонним и земным, религиозными и правовыми предписаниями. В исламе, буддизме и индуизме существует всеобъемлющая система контроля за поведением верующих, совмещающая как культовые, так и правовые, образовательные, воспитательные функции, регулирующие семейно-брачные отношения. Она накладывает отпечаток на весь образ жизни общества.

Как в прошлом, так и в современный период религия является устойчивым фактором, труднопроницаемым для экономического и политического давления, инородных духовных воздействий и ускоренной модернизации. Это наблюдение было на каком-то этапе достаточно неожиданным для теории, привыкшей иметь дело лишь с политэкономической и социально-политической сферами. Нарушая и блокируя свободную игру экономических и политических сил, религия заявила о себе как о весомом самостоятельном компоненте всей общественной жизни. Она не только предоставляет доступные формы для выражения классовых и политических интересов, но и сама в концентрированном виде выражает интересы определенной социокультурной общности.

В результате длительного, сложного, а подчас и мучительного процесса, которым отмечена история христианства на Западе, религия была отделена от других сфер социальной жизни и заняла особое, достаточно ограниченное место. На Востоке и в Африке, несмотря на растущую дифференциацию образа жизни общества, сохраняется устойчивая связь религиозного и мирского, сакрального и земного. Реформаторские тенденции, бесспорно достигшие большого размаха и влияния, пока еще не привели к безусловному размежеванию этих сфер. Сформированность религии, ее устойчивая историческая преемственность, ее комплекс -

180

ный (и системный) характер в силу соединения в ней не только собственно духовных, но также нравственных, социальных, политических и экономических аспектов делают ее весьма значимым началом общественной жизни.

Все эти процессы показывают, что взаимодействие религиозной и секулярной сторон культуры имеет сложный и неоднозначный характер. В развитых странах нередко имеет место не столько упадок религии, измеряемый, например, числом посещений церкви и соблюдаемых ритуалов, сколько рост внеинституциональной религиозности, означающий, что религия становится «невидимой», уходит в глубину индивидуальной жизни, становится частным делом верующего. Происходит плюрализация религиозной жизни, новые, нетрадиционные секты и движения становятся средством перестройки культуры, адаптации людей к новым условиям, к усложняющейся жизни.

Для эмпирической социологии это означает, что измерение уровня религиозности требует сложной методики, учитывающей разные измерения.

Религия в современном мире.

Вопреки многим утверждениям прогрессистов и атеистов, религия отнюдь не обнаруживает признаков ухода из мира или даже значительного сокращения людей, явно ее не принимающих. Напротив, она оказывается самой долговременной, устойчивой и массовой формой культуры. Нормы, смыслы, ценности и знания, данные в откровении или выработанные религиозными авторитетами, действия и высказывания, связанные с основателями религий, их земные судьбы — все это составляет тот сакральный фонд культуры, приобщение к которому оказывает большое воздействие на сознание и поведение миллиардов людей в каждом поколении.

Особенно показательны стали процессы сохранения, выживания и возрождения религиозности в бывшем СССР, где государственно-партийная система проводила интенсивную политику по искоренению прежних форм религиозной жизни. Религия была зачислена в разряд пережитков феодализма и подлежала искоренению в пользу научного атеизма, чтобы создать общество, свободное от религии. Но уже в суровые военные годы, а затем в 70—80-х гг. происходит заметное оживление религиозной жизни вопреки официальной политике. Распространяются не только традиционные религии, но и самые разнообразные верования, религиозные идеи и культы. Ширится мода на астрологию, различного рода магию, восточные техники медитации. В последние годы новая официальная политика способствует и подъему традиционных религий — православия, ислама, буддизма.

181

Миллионы людей проходят по скорбному «крестному пути» в старом Иерусалиме, по которому вели на распятие Иисуса Христа. Визиты римского папы в различные католические страны вызывают скопление сотен тысяч верующих. Миллионы мусульман со всех концов света едут в Мекку, чтобы обойти вокруг священной Каабы и приобщиться к сокровенному смыслу святилища.

Тем не менее если мы возьмем не застывший текст, устоявшийся ритуал, торжественный визит или религиозный туризм, то мы обнаружим существенные изменения в соотношении религии и окружающей жизни и более того, в содержании ее самой. Большое число людей относит себя к

верующим лишь по привычке, из чувства остаточной религиозности, почти не посещая церкви (количество людей, регулярно посещающих церковь в западных странах, колеблется от 2 до 5%), не соблюдая предписанных ею ритуалов и обнаруживая лишь самое поверхностное знание текстов или содержания учения. Кризис религии нередко принимает форму произрастания различного рода сектантских групп, в которых размываются как содержание сакрального учения, так и нормативные ритуалы.

Несомненно, что расширение числа верующих зачастую связано с кризисным состоянием общества. Но именно в таком состоянии оказываются многие общества, проходящие через ранние стадии модернизации (см. главу XVI).

КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

Термин «идеология» восходит к слову «идея», которое появилось еще в древнегреческом обществе. Развитая теория идей была дана древнегреческим философом Платоном, который полагал, что идеи не зависят от времени и пространства, что они существуют сами по себе как некий идеальный мир, из которого они и проникают в человеческое сознание как отблески подлинного и сверхреального, заставляя человека чувствовать и действовать иначе, чем он делает это под влиянием повседневной действительности. В той же Древней Греции сложилось и учение (логос) как упорядоченное знание о космических, социальных и человеческих свойствах. В этом знании отразился культурный и политический строй общества. Впрочем, на протяжении большей части человеческой истории такого рода знание было составной частью религии, а если и выходило из ее рамок, то лишь в сфере теоретико-познавательной конструкции.

182

Напряженный интерес к идеологии — и сам термин — возник в начале XIX в., когда стало очевидным, что упадок религиозного мировоззрения и укрепление светских принципов, усиление влияния научных взглядов с их рационализмом отнюдь не ведут к подлинной научности сознания общества в целом и различных социальных групп. Более того, упадок религии означал распад целостной картины мира и объединяющих духовных принципов, что приводило к напряженной борьбе между разными ориентациями, идейными установками, которые превращались в разные идеологии, обладающие огромной действенной силой. Убедительным примером для всей Европы стала революционная Франция, в которой была отменена прежняя религия, чтобы утвердить культ Разума, но самоотверженная борьба за «свободу, равенство и братство» привела совсем не к тем результатам, которые ожидали революционные массы. Прежде единое духовное пространство, в котором не допускались существенные расхождения в основных мировоззренческих вопросах, превратилось в поле напряженного соперничества между разными идеологиями.

Сам термин «идеология» был введен в начале XIX в. для обозначения секулярного комплекса идей, лежащих в основе этики, политики, социальных отношений и т.д. В последующей истории как прагматика буржуазного общества, так и социальный критицизм способствовали тому, что идеология приобрела пренебрежительный оттенок как обозначение мнимых, искажающих действительность, предвзятых или социально- или культурно-ограниченных взглядов, не соответствующих подлинно научному пониманию мира, общества и человека. Критики идеологии нередко обращаются еще к английскому мыслителю XVII в. Ф. Бэкону, который в своей работе «Новый Органон» развернул духовную панораму борьбы научного разума против заблуждений и предрассудков, против «идолов сознания». Часть этих заблуждений вызвана теми особенностями ума, которые присущи всему человеческому роду («идолы рода или племени»), часть вызвана склонностями отдельных групп людей («идолы пещеры»), некоторые заблуждения порождены исковерканным, неточным языком («идолы площади или рынка»), другие — некритическим усвоением и подражанием чужим мыслям («идолы театра»). В дальнейшем эта критика породила два подхода к рассмотрению идеологии — антропологический и социологический. Сторонники первого видели истоки заблуждений в человеческой природе, в эмоциональных и иррациональных свойствах человеческой натуры, в замкнутости или ограниченности человеческого бытия. Поэтому основное средство искоренения таких заблуждений — про-

183

свещение, развитие науки, расширение горизонта человеческого бытия и познания, а одновременно разоблачение обмана и ложных идей.

Сторонники второго направления рассматривают идеологию как отражение социальных потребностей и интересов различных слоев, движений и партий. Именно в рамках этого подхода развивалась в основном марксистская теория идеологии. В этой теории обращалось внимание на то, что участники социального процесса и сами идеологи не осознают адекватно свои построения, их связь с действительными условиями эпохи и придают этим построениям самостоятельную силу. Действительность предстает в них в искаженном виде, но задача состоит не в том, чтобы объяснять или исправлять ошибки сознания, а в том, чтобы менять саму социальную действительность. В

любом обществе преобладающей оказывается идеология господствующего класса, который заинтересован во внедрении присущей ему идеологии не только для самоориентации и самообъединения, но и для того, чтобы вписать в данные порядки и другие классы, а значит, и навязать им господствующую идеологию. Поэтому основное деление идеологий марксисты проводили в соответствии с классовыми принципами.

В работе «Немецкая идеология» (написанной в 1846 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, что правящий класс навязывает свою идеологию как господствующую подчиненным слоям общества. А это приводит к искажению реального положения вещей в идеологической жизни общества в целом. В результате формальное или прямо лицемерное провозглашение духовных ценностей может отражать корыстный классовый интерес привилегированных слоев. С другой стороны, альтернативные ценности подчиненного класса лишаются возможности самовыражения, принижаются и презируются.

Насаждаемая идеологией господствующая система ценностей создает механизм внедрения установок, отвечающих общим целям высших слоев, обосновывая их активность и право на приоритет. Соответственно, эта система обеспечивает конформное поведение подчиненных слоев, внушает им уступчивость, принятие навязываемых укладов жизни. В институциональном плане такое соотношение классовых типов культуры обеспечивается системой образования, средствами массовой коммуникации, механизмом управления культурой, осуществляемой буржуазным государством.

Марксистский подход содержал в себе и основу для рассмотрения идеологии в исторической динамике. В зависимости от этапов развития, состояния общества и объективной роли, которую играет тот или иной класс, его идеология может совпадать с

184

логикой исторического развития и содержать достоверное знание, а значит, быть прогрессивной или же препятствовать развитию и превращаться в реакционную силу. Подобному рассмотрению в марксизме были подвергнуты идеологические построения рабовладельческого общества, христианская идеология, умственные течения эпохи Возрождения, феодализма. Но конечно, основное внимание уделялось анализу именно буржуазной идеологии и созданию альтернативной ей социалистической идеологии.

Однако двойственное отношение к идеологии сохраняется и поныне. Вновь и вновь различные мыслители и публицисты утверждают, что настал конец идеологии, пришла эра деидеологизации. Прежние социальные мифы на Западе и Востоке, Севере и Юге, в развитых странах капитализма и в бывшем Советском Союзе следует заменить рациональным пониманием действительности, нормальным взглядом на вещи, научно-позитивной и прагматической оценкой состояния различных сфер общества, тенденций и перспектив.

В нашей стране эти процессы получили выражение в известном призыве М. Горбачева к деидеологизации общественной жизни и международных отношений, в призывах видных публицистов разделаться с иллюзиями социализма. Действительность повсюду оказалась более сложной, и в настоящее время возобладала тенденция разделять сферы человеческой деятельности на подверженные высокой степени объективности и свободы от ценностей, и те, которые прямо связаны с ценностями. Если в первых, связанных с наукой и техникой, влияние идеологии может быть минимальным (хотя при ближайшем рассмотрении тоже не вполне свободным от ценностей), то вторые, связанные с этикой, нравственными основаниями бытия, ценностными ориентациями человека, группы и общества, не могут существовать без идеологии, а значит, и своего рода социального мифа.

Избегая предвзятых оценок идеологических построений, мы можем дать идеологии такое определение: *система знаний, позволяющая обществу, группе, классу или человеку ориентироваться в окружающей социальной среде и решать общие задачи социальной регуляции*. В этом определении следует подчеркнуть слово *общие*, означающее, что идеология имеет дело с пониманием и ориентацией на макроуровне социальных явлений и с долговременными процессами. Попытка использовать идеологические ориентации при решении конкретных и частных проблем может оказаться несостоятельной, так как эти проблемы определяются взаимодействием текущих факторов и практика должна считаться именно с этими факторами.

185

Всякая развитая идеология имеет свою структуру, в которой следует выделить следующие основные компоненты: а) учение основоположников, изложенное в сумме принятых, считающихся правильными, текстах; б) комментарии, разъясняющие смысл принятых текстов для более широкого круга последователей; в) жизнеописание основоположников и исторической среды их деятельности; г) теоретическая догматика, в которой наиболее общие (фундаментальные) принципы данной идеологии излагаются и приводятся в логичную систему, вырабатываются непротиворечивые ответы на максимально широкие идейные вопросы и опровергаются оппозиционные идеологические ориентации; д) специальные идеологические дисциплины, приводящие научные знания в той или

иной сфере в соответствии с общими принципами идеологии (философия, история, этика, эстетика, религиоведение и др.); е) программные и просветительские элементы, используемые для обращения к широким слоям населения; ж) ритуальные, образовательные, пропагандистские институты и формы деятельности; з) идеологические кадры.

Очевидно, что этот перечень подходит как к светским, так и к религиозным формам идеологии. Религия опирается на церковь как на основную форму организации (дополняемую сектами и общинами). Идеология реализуется через партии, идеологические отделы государственных и общественных организаций, средства массовой информации (СМИ). Однако между ними существуют и немалые различия. Одно из наиболее существенных различий по содержанию заключается в том, что всякая развитая религия обязательно имеет в своем составе эсхатологическое учение, раскрывающее для верующих конечные судьбы мира и общества, а также и загробную жизнь индивида как продолжение или отражение его посюстороннего существования. Идеология сосредоточена на том или ином устройении земных порядков в обществе. В силу своего огромного исторического опыта религия имеет разработанные формы ритуала, она воплощена в высоких образцах художественной культуры. Идеология обычно — гораздо более молодой и динамичный духовный продукт. Уступая религии в экстатическом и ритуальном планах, она обычно гораздо интенсивнее впитывает в себя новейшие достижения науки и современной культуры.

В главе IV при рассмотрении проблематики знания мы уже рассматривали те социокультурные факторы, которые влияют на функционирование сознания и формирование его продуктов. Эти факторы присутствуют и в механизме детерминации идеологической жизни. Однако следует помнить, что идеология — слож-

186

ное, систематизированное интеллектуальное построение, формируемое в ходе напряженных идейно-политических дискуссий усилиями выдающихся интеллектуальных представителей данного общества.

Как религия, так и идеология не могут быть сведены к иллюзорному отражению действительности, измышлениям и фантазиям, что превращает идейную жизнь в поприще идеологической борьбы: опровержений, обвинений и контропровержений и т.д. Задача социологии заключается в выяснении тех реальных функций, которые данная идеология выполняет.

В социологии принято выделять следующие основные функции идеологии:

1. Идеология отвечает на вопрос о смысле общественной и индивидуальной жизни, хотя содержание этого ответа весьма различно в религиозных, националистических, социальных вариантах идейных конструкций.

2. Идеология интегрирует людей в большие движения и коллективы, сглаживая существующие внутри них различия, но вместе с тем она приводит к обособлению этого движения от других.

3. Идеология утверждает и обосновывает общие системы норм и ценностей, способствуя их рационализованному принятию, что одновременно сопровождается размежеванием в идейной сфере между течениями, представляющими интересы разных групп.

4. Идеология санкционирует утвердившуюся в обществе иерархию социальных отношений и власть элиты и одновременно дает средство критики сложившегося положения с целью его реформации или же революционного изменения.

5. Идеология намечает перспективы общественного развития, внедряя в общественное или групповое сознание те цели, на которых концентрируется деятельность общества в целом или отдельных групп, что опять-таки сопровождается борьбой за выбор направления развития.

6. Идеология способствует снижению социальной напряженности, так как дает средство рационализации и выяснения отношений между представителями разных групп, но вместе с тем идеология может способствовать мобилизации радикальных групп на решительные действия во имя своих интересов.

Уже из этого перечня мы видим, что независимо от содержания всякой идеологии, сколь настойчиво ни держались бы за него сами идеологи, ее роль оказывается относительной, в зависимости от того, в какой социальной и исторической ситуации она оказывается. Нередко победившая идеология, одержавшая верх в конкурентной борьбе и добившаяся реального изменения политическо-

187

го или социального строя, проявляет свою противоречивость, превращается либо в средство лицедейства, прикрывающего реальное положение, либо прямого насилия над противоположной стороной.

Хорошо известно, насколько условны буржуазные свободы и официально признанные права граждан, не исключаяющие реальную дискриминацию против национальных, расовых меньшинств по сравнению со «сто процентными гражданами», иммигрантов, ущемленного положения женщин в профессиональной сфере и т.д. Освободительные движения в колониях привели к ликвидации

колониальной системы и достижению независимости, но после этого они нередко вырождаются в преследование сепаратистов, авторитарное правление и вражду с другими странами. Социалистическая идеология в России, провозгласившая свободы, право на землю и власть Советов, привела к гражданской войне, утверждению тоталитарного режима, ликвидировавшего все реальные свободы как различных социальных слоев, так и различных народов государства.

Но на новом этапе мы видим, как распад СССР, получивший обоснование в идеологии демократических сил, привел к росту национализма, принимающего подчас радикальные формы, ослаблению экономических и политических связей на огромном пространстве бывшего Союза.

Продолжающаяся борьба различных течений в развитых странах Запада, сохранение повсюду в той или иной степени религиозности, сильные национальные и государственные доктрины в странах Азии, Африки и Латинской Америки, напряженные столкновения националистических, религиозных и социальных идейных течений в нашей стране — все это свидетельствует об устойчивом значении идеологии как фактора регуляции социокультурной и политической жизни общества.

Однако существуют большие различия как в типах идеологии, так и в степени их влияния на общественную жизнь. В странах с развитым общественным производством и сложившимися правовыми институтами социальная связь и регуляция обеспечиваются различными экономическими, правовыми, культурными и политическими средствами. Так, менталитет буржуазного общества формируется в значительной степени на основе осмысления процессов товарного производства и движения товаров, а также принятия правовых норм. В обществах, переживающих период становления и развития, положение иное. Здесь еще не сложились прочные экономические связи, слабо оформлены классовые структуры. В большинстве этих стран нация также находится в про-

188

цессе формирования и национально-государственное единство оказывается неустойчивым. Поэтому идеология — один из важнейших факторов формирования социальных движений и сплочения как отдельных слоев населения, так и нации в целом. В условиях социального и культурного разнообразия и противоречий она служит ориентацией для деятельности. В идейном сознании опускаются важные стороны социальной реальности. Происходит его «канализирование» — снимается поливалентность и неопределенность к устремлениям, порождаемым противоречивой действительностью, придается ясность. Отсекая нежелательные для нее варианты при помощи критики и опровержения, идеология направляет сознание и волю людей в определенное русло. Причем цена такого выбора — снижение значимости тех или иных аспектов действительности.

Идеология и массовое сознание.

Функционирование современной идеологии в отсталой социально-культурной среде порождает острую проблему соотношения идеологического и массового сознания. Идея ощутимо опережает социальную практику широких социальных слоев, усугубляя разрыв двух уровней сознания: обыденного (массового) и идеологического. Возникает сложное взаимоотношение между развитой теорией и возможностями массового сознания, культурой общества в целом и его психологией.

Идеология служит как бы мостом от традиционных стереотипов сознания к современным формам мышления. Она усиливает в сознании элементы рационализации и выступает как средство перестройки традиционного поведения через обдуманное преодоление сложившейся повседневности. Приспосабливаясь к особенностям массового сознания, идеология может деформироваться и менять свое содержание. Бывает, что она оказывается в плену у тех самых лозунгов, которые сама вырабатывает на практически-утилитарном уровне. Идеология противостоит массовому сознанию только на высокой ступени теоретической зрелости и институциональной оформленности.

Идеология в сочетании с партийно-политическими акциями — незаменимое средство воздействия на субъективное состояние масс, на их социальную психологию и поведение, так как именно она может дать концентрированное представление о направлении общественной деятельности, о формах построения общества. Она служит важным инструментом пробуждения и активизации народных масс, может вселить в них чувство гордости и оптимизма в обстановке, когда, казалось бы, трезвый взгляд на вещи порождает разочарование и неверие в свои силы. Благодаря

189

идеологии массовое сознание оказывается в состоянии определить четкий путь в сложном переплетении различных внутренних и внешних импульсов. Идеология может ориентировать массы в обстановке острых конфликтов, объединять их вокруг ясных и привлекательных идей. Однако ее роль оказывается двойственной и чрезмерная идеологизация общественной жизни чревата пагубным отрывом от действительности и духовной дезориентацией.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Как уже неоднократно упоминалось, именно с художественной культурой зачастую связывают представление о собственно культурной сфере деятельности. И хотя, как мы видели, такое понимание

все же недопустимо, так как сильно сужает эту сферу, существуют серьезные причины, способствующие этому представлению. В результате длительных дискуссий по поводу того, что же такое собственно художественная культура, обозначаемая также и категорией «искусство», выяснилась невозможность свести ее к какой-либо одной функции. Она явно шире, чем «выражение прекрасного», чем «познание реального мира», чем «отражение мира идеального», чем «выражение внутреннего мира художника», чем «средство общения людей» или чем «проявление творческого и игрового начала». Все эти функции действительно присущи художественной культуре, а это означает, что она также отличается тем качеством, которое мы обозначили как *полифункциональность* в применении к культуре вообще.

Мы не вдаемся в данном случае в то жанровое разнообразие, которое присуще каждому виду искусств (виды литературы, музыки, хореографии, живописи, архитектуры и т.д.), в структурное построение того или иного искусства (источник формирования, принципы отбора и фиксации, обучения исполнителей, институциональной поддержки и т.д.). Все эти стороны искусства подлежат рассмотрению в гуманитарной теории искусства или его разновидностей. Задача социальной культурологии в данной теме состоит в том, чтобы раскрыть функции искусства или его разновидностей в социальной регуляции.

Как подчеркивает известный российский культуролог М.С. Каган, которому мы обязаны фундаментальными трудами по теории художественной культуры, эта форма деятельности сопрягает в себе и познавательную, и оценочную, и обозначающую, и коммуникативную функции. Она отражает реальность и одновременно творит

190

особую искусственную реальность, удваивает жизненный мир, служит воображаемым дополнением, продолжением, а иногда и заменой реальной жизни*.

Достижение таких целей оказывается возможным благодаря тому, что искусство использует огромный комплекс образных средств выразительности, т.е. знаков. В мире художественных средств человек тоже «как бы живет», но дополнительной, искусственно — и искусно — сотворенной жизнью.¹ В отличие от религии эта сотворенность принадлежит не Богу или космическому Закону, а художнику, мастеру, деятелю культуры, которые в остальном также являются членами общества и с которыми другие люди могут иметь тот или иной контакт.

Создавая мир «вторичной реальности», искусство становится для человека источником жизненного опыта, специально организованного, продуманного и оцененного с точки зрения подлинных смыслов и ценностей. Поэтому в структуре духовных отношений оно осуществляет важные функции формирования характера, внедрения норм и ценностей, смыслов и знаний, необходимых для полноценной жизни общества. Как к влиятельному средству духовного воздействия к искусству обращаются и остальные средства социальной регуляции — и мифология, и религия, и политика, и идеология не могут обойтись без тех средств выразительности и убеждения, которыми располагает искусство. И даже в военном деле, как известно, необходимы художественные средства — символика, музыка и военная литература — для поддержания «духа войска».

Тема *«Искусство и общество»* или, иначе, *«Художник и общество»* на протяжении веков была сюжетом самых ожесточенных идейных споров. Может ли общество через какие-то свои институты определять содержание искусства и принципы его институционального устройства? Зависит ли художник от общества? Какой строй оказывается более благоприятным для расцвета культуры и для того, чтобы великие мастера получали возможность жить и творить?

Сопоставление нередко проводится между художественной культурой демократической Англии XVII-XVIII вв. и художественными достижениями абсолютистских монархий остальной Европы — папского Рима или мелких деспотических княжеств в Германии того же периода. И сравнение оказывается не в пользу первой. Искусство великих восточных цивилизаций большей частью проявляло себя в полной степени в периоды правления авто-

* См.: Каган М.С. Искусство // *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1983. - С. 222-223.

191

ритарных властителей, добивавшихся создания сильных государств. Нельзя не увидеть в этом факте свидетельства значительной независимости искусства от политической сферы, его обусловленность общей духовной динамикой.

Сами художники, как известно, нередко провозглашали свою безусловную независимость от общества в любом его проявлении. В этом можно убедиться, например, из мемуаров знаменитого итальянского мастера Б. Челлини, настаивавшего, что не только творчество, но и сама жизнь художника не подчиняются какому-либо закону. Более соразмерную формулу мы находим у Пушкина, который постоянно подчеркивал различие между обыденной жизнью художника, в которую он может быть погружен, как и остальные «ничтожные дети мира», и состояниями творческого вдохновения, в которых он подвержен зову «божественного глагола» и не подвержен суду «черни».

Повинуясь внутреннему зову, а не социальному заказу, поэт испытывает чувство удовлетворения

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 2 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

от своего произведения либо же он сам себя осудит и отвергнет результаты своего творчества. Повинуясь такому внутреннему импульсу, Н.Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ» и создает покаянную исповедь «Избранные места из переписки с друзьями». Яркое подтверждение этой мысли мы найдем и в творчестве и судьбе немалого числа выдающихся деятелей культуры советского периода. Их личная неустроенность, тяжелые условия существования, репрессии и угроза гибели не останавливали творческого порыва, пробивавшегося «из-под глыб».

В художественной жизни Западной Европы на протяжении всего XIX и начала XX в. появление новых стилей в искусстве и литературе зачастую сопровождалось общественными скандалами, бурным негодованием со стороны части публики и влиятельной критики, отторжением со стороны уже признанных художественных академий. «Отказники» вынуждены были искать другие пути демонстрации своих произведений. Лишь постепенно устранялись барьеры для нового искусства и новой литературы. Полную свободу творчеству открывал только рынок, однако ценой жесткого подчинения всего комплекса духовного производства коммерческим принципам. Место художественных академий и жюри заняли дилеры и меценаты.

Тем не менее в последние десятилетия в структуре художественной жизни развитых стран Запада произошли радикальные сдвиги. Уже в начале века возникает «авангард», принципиально противостоящий самой идее признания обществом, настаивающий на своем вызове всему социально санкционированному.

192

Многие манифесты этого разнородного направления открыто провозглашали идею противостояния обществу. Недолгое сопротивление было сломлено новой критикой, носившей характер апологии антиобщественного искусства. В дальнейшем, особенно после второй мировой войны, авангард становится официально признанным направлением в искусстве, ревностно поощряемым современными структурами большого бизнеса и даже консервативными правительствами. Резко меняют свои позиции издательства, художественные выставки и музеи.

Содержание этих процессов заслуживает более внимательного рассмотрения, что мы и сделаем в главе XVII, где рассматривается культура постиндустриального общества.

НАУКА

Как мы уже видели, длительный период истории человечество располагало в основном лишь предположительными знаниями о мире — через магию, мифологию и религию, полагаясь на них при принятии значимых решений. Лишь к Новому времени успехи европейской науки в познании мира и техническом оснащении практической деятельности обеспечили ей признание в обществе и высокий статус. По сравнению с научным знанием другие формы перестают считаться истинными, и квалифицировать что-то как ненаучное значит отвергнуть значение этого объекта. Однако это происходит далеко не во всех сферах жизнедеятельности и культуры. Хорошо известно, что религия или астрология располагают своими доказательствами правдоподобия, подлинности своих знаний об объективном мире, что делает их столь устойчивыми и распространенными формами познания окружающей действительности и жизненных ситуаций.

Принято под наукой понимать прежде всего сферу человеческой деятельности, в которой вырабатываются и теоретически систематизируются объективные знания о действительности*.

Отличительную особенность собственно научного знания обычно видят в его согласованности с фактами, наблюдениями или экспериментальными данными. Предполагается, что сначала ученые собирают факты и описывают их, а затем на их основе формируют научные положения и теории, которые в свою очередь проверяются на фактах. Однако этот критерий далеко не всегда

* См. статью «Наука» // *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1983.

193

позволяет отделить науку от ненауки. Длительное время, казалось бы, бесспорные факты подтверждали астрологические наблюдения и теорию Птолемея, алхимические опыты или «ведьмологию». Астрология и магия пользуются немалым спросом и в наше время, а к ним следует присоединить уфологию, т.е. науку о неопознанных летающих объектах, эзотерическое знание о духовных сущностях и т.д. Требуется введение дополнительного критерия для того, чтобы отделить подлинно научное знание от других форм знания. В качестве такого критерия принято выделять внеличностный характер тех реальностей, объектов, взаимодействий, которые изучает наука. Эти реальности существуют как внешние предметности, с которыми человек не имеет внутренней субъектной связи, а лишь познает их при помощи специальных методов эмпирического анализа и теоретического обобщения данных опыта. Наука в высокой степени представляет собой отделение субъекта от объекта и лишение этого объекта какого-либо ценностного значения для наблюдателя. Именно поэтому возникает столь серьезная проблема соотношения между наукой и нравственностью, между физиками и лириками и т.д.

Хотя в научных разработках принято подчеркивать, что наука имеет дело именно с фактами, т. е. с

действительными явлениями и процессами, исходные понятия и принципы, которыми оперирует наука, относятся не непосредственно к реальным объектам, а к идеальным конструктам, в которых обобщаются эмпирические данные и формулируются рационально-логические умозаключения. Методы обобщения, дедукции, абстрагирования, причинности и т.п. — вот тот интеллектуальный инструментарий, которым располагает наука, создавая свои теории и конструкты. В классической механике таким конструктом является система материальных точек; в молекулярно-кинетической теории — некое множество молекул, хаотически соударяющихся в замкнутом пространстве. В религиоведении, как показал М.Вебер, объектом анализа служат идеальные типы той или иной религии. Эти идеализированные конструкты не существуют сами по себе в реальности. Так, не существует абсолютно твердого или абсолютно черного тела, полного вакуума, идеального газа и т.д. Не существует общества вообще, чистой духовности или идеально справедливого правления. Однако, вводя в научное мышление такого рода принципы, ученые отвлекаются от второстепенных и вторичных, несущественных свойств и связей реального мира и выделяют наиболее важные стороны.

Это означает, что нельзя прямо соотносить научные конструкты с реальными явлениями и процессами, необходимы те или

194

иные ограничения и допущения, введение промежуточных критериев и дополнительных факторов. Однако они отображают определенные существенные стороны реальных предметов и процессов. Вместе с тем эта отвлеченность науки вызывает и необходимость проверки, подтверждения или опровержения теории, что и составляет важный компонент научного познания.

Важная проблема в науке — выработка специализированного понятийного языка, в максимальной степени фиксирующего свойства объектов изучения, воспринимаемые как независимые от субъекта. Наука в высокой степени представляет собой отделение субъекта от объекта и лишение этого объекта какого-либо ценностного значения для наблюдателя. Конечно, это потребовало от науки создания обширного понятийного инструментария, фиксирующего смысловую специфику каждой конкретной научной дисциплины. Понятия биологических наук сильно отличаются от понятий социологии и социальной психологии. То же самое относится и к культурологии, о чем мы говорили уже во введении к данной книге. Именно поэтому, для того чтобы стать специалистом или просто знающим человеком в некоторой области науки, студент вынужден затратить немало времени на освоение языка и понятийного состава той или иной дисциплины. Углубление научных знаний приводит к дальнейшей дифференциации и понятийного аппарата. Понятно, почему ученые из разных областей науки редко собираются вместе для обсуждения научных вопросов: они говорят на разных языках и почти не понимают друг друга. Это не исключает необходимости совместного обсуждения общих проблем науки в современном обществе и мире, как мировоззренческих, так и организационных. Необходимы совместные усилия ученого сообщества для того, чтобы выявить статус науки в дальнейшей эволюции нашего мира.

В сложном вопросе об истинности науки важное значение приобретает реализуемость тех или иных научных положений и гипотез. Именно эмпирическая проверяемость, реализуемость на практике научных теорий служит надежным критерием, отделяющим истинное от предполагаемого или субъективного. Однако проверяемость может оказаться сложным процессом. Некоторые научные гипотезы ждут своего подтверждения многие годы, а научные теории высокого уровня подлежат верификации лишь на основе фундаментальных концептуальных разработок.

Наука представляет собой не только компонент культурного освоения человеком внешнего мира, т.е. проявление чистой любознательности, или части общественного сознания. Она является также и формой производственной деятельности, в силу чего

195

она становится частью совокупного общественного производства. Однако это свойство она приобретает лишь в той социальной среде, где утвердилось преобладание вещных отношений, т.е. в индустриальном обществе с присущими ему рыночными принципами движения продукта производства.

Много споров в науке о науке вызывает проблема соотношения науки с социокультурной средой. Носит ли наука единый универсальный характер или же она привязана к ценностям и социальным институтам каждой цивилизации? Наиболее основательно точка зрения о различных науках отстаивалась О. Шпенглером, подвергнутая широкой критике. Но как бы то ни было, к настоящему времени накоплено достаточно данных, свидетельствующих о высоком уровне достижений в разных цивилизациях. Важная проблема, на решение которой направлено было много усилий видных ученых за последние десятилетия, состоит в определении того места, которое занимает наука в системе духовного производства этих обществ. Иными словами, это проблема культурного контекста науки, охватывающая не только соотношение духовной специфики каждой из цивилизаций с универсальным кодом науки, но также и потребность преодоления западно-центристского понимания науки, не оставляющего для восточного аналога значимого социального и гносеологического места.

Важнейший прорыв в решении этого вопроса был сделан английским ученым Дж. Нидэмом в многотомном исследовании «Наука и цивилизация в Китае». Образовавшийся вокруг этого ученого в Кембридже центр по изучению истории науки в различных цивилизациях провел обширную работу по изучению истории научного знания в Китае, характера этого знания, выяснению его места в общей системе культуры.

История науки Востока свидетельствует, что в определенные периоды в каждом из регионов были значительные достижения в математике, медицине, химии, физике, астрономии, географии, оптике и т.д. И конечно, немалые успехи отмечались и в общественных науках: филологии, философии, правоведении, теории литературы и искусств. Развитие научных дисциплин опиралось на опытное знание, на целенаправленные наблюдения и на экспериментирование, хотя все это не носило системного характера и не стало ведущим компонентом деятельности ученого.

В библиографии материалов по истории науки и техники в средневековой Индии в период с VIII по XIX в. приводится около 10 000 названий, преимущественно по медицине (около 5000) и астрономии (около 3000). Число работ вырастает от 26 в VIII в. до 704 в XVII в., но в следующем столетии происходит

196

крутой спад и одновременно усиливается проникновение западной науки.

Вплоть до очень позднего времени (XVI—XVII вв.) как естественные, так и социальные науки в восточных обществах существенно обгоняли достижения Европы. Изучение истории науки в Китае, Индии и арабских странах продемонстрировало, что вплоть до XVI в. научное, техническое и философское знание распространялось в основном с Востока на Запад. Однако впоследствии ускоренное индустриальное развитие Запада дало основу для интенсивного развития науки и техники, породившего в XX в. научно-техническую революцию.

Глава VI. ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Основные темы.

Полифункциональность культуры. Духовное производство как совокупность функций, необходимых для регуляции общества и человека и деятельности человека. Достаточно ли видеть в культуре преимущественно творческую и гуманистическую функции?

Классификация функций культуры в соответствии со структурой духовного производства.

Функция производства новых норм, ценностей, значений и знаний и духовное творчество. Историческая эволюция производства значений и знаний: от гадательных способов к научным системам. Роль практического опыта, художественного творчества и науки во введении инноваций. Индустрия знаний и информации в современном мире. Социальные условия принятия инноваций.

Функция накопления, хранения и передачи культуры. Культура как память о прошлом, как хранитель времени. Культурная организация памяти и отсчета времени: циклы повторений, календарь, праздники и памятные дни. Избирательность культурной памяти. Принципы сохранения и утраты элементов прошлого. М. Элиаде об избирательности коллективной памяти.

Категория «культурное наследие» как обозначение всего совокупного достояния конкретного общества (или всего человечества). Средства накопления и хранения прошлого опыта. Естественная память индивидов, коллективная память. Язык как средство коллективной памяти. Роль текста, письменности, книгопечатания, искусства в сохранении прошлого опыта. Организация хранения культурного опыта в религиозном обществе. Догматизация как средство упорядочивания и защиты комплекса сакральных смыслов и знаний. Функциональное разделение способов хранения элементов культуры в светской культуре. Функциональное

197

противоречие между выработкой инноваций и сохранением накопленного достояния.

Новые информационные технологии и достижения в сфере накопления, хранения и обработки данных.

Воспроизводство духовного процесса. Преемственность и традиция. Расширенное и терминологически корректное употребление слова «традиция». Традиция как повторение прошлых образцов, противопоставленное изменениям. Традиционные культуры как сфера этнографии. Культура авторская, фиксирующая изменения в составе духовной жизни. Проблема соотношения традиций и современности. Принцип самобытности культур, выражающий их определенность и устойчивость в ходе изменений. Научный статус термина «самобытность» («идентичность») и его использование в современной культурологии.

Функция целеполагания, фиксирующая цели, перспективы и проекты человеческой деятельности. Специализированная культура и разделение труда. Типы специализированных культур. Религиозное спасение как превращение ценности в цель человеческой деятельности. Светские типы специализации культуры. Рациональное целеполагание и программирование деятельности.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 2005 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Разделение труда и профессионализация деятельности в механизме культуры. Научное целеполагание.

Рациональность как ценностное измерение человеческого действия. Рамки рационализации человеческого поведения. Рациональность как ценность и как практическая цель. Цель и средства. Рациональное и иррациональное в культуре.

Аномия и отчуждение. Социальные и культурные источники аномии. Противоречие между ценностными ориентациями и возможностями их достижения. Культ успеха и ценностная репрессия против неудачников в западной культуре. Аномия как проблема художественной литературы, права и социологии девиантного поведения. Этические принципы частной конкуренции. *Отчуждение* как социологическая категория, используемая для критики антагонистических отношений в обществе. Концепция отчуждения в марксизме и радикальной социологии. Когда оправдано говорить об отчуждении? Отчуждение в культурной жизни. Отображение отчужденных состояний в художественной литературе. Отчуждение и аномия в советском обществе.

Коммуникативная функция и взаимодействие между индивидами или между общностями. Роль культуры в дифференциации и интеграции общества, в поддержании единства группы и общества или в разделении обществ по различительным признакам. Язык как важнейший и системный носитель коммуникативной функции. Новейшие коммуникативные средства и формирование постиндустриального общества. Концепция Г. Маклуэна о роли коммуникативных технологий в истории культуры. Типы коммуникации: традиционная, функционально-ролевая, массовая.

Социализирующая функция культуры. Нормы и значения как средства социализации индивидов. Роль воспитания, общения и самосознания в процессе социализации. Роль повседневной культуры в процессах социализации.

198

Статусное значение культурных норм в различной социальной среде. Статусное присвоение культуры в условиях массового производства. Мода и престижное потребление как символ статуса. Статусная символика в субкультурах: гендерная, молодежная, профессиональная, криминальная и пр.

Компенсаторная функция, обеспечивающая различные формы духовной и психологической разрядки и отвлечения от реальных трудностей и отдыха от жизненных проблем. Культура и формы рекреации.

Игровая функция культуры. Природа и значение игры как функции культуры и явления культуры. Принципы игрового поведения: наличие правил, обособленность во времени и пространстве от остальной деятельности. Развлекательные, состязательные, священные варианты игры. Игра и праздничное действие. Праздник в жизни общества. И. Хейзинга о роли игры в жизни общества.

Функция — дисфункция — латентная (скрытая) функция. Функциональный плюрализм как возможная характеристика одного и того же культурного явления. Расхождение между субъективной мотивацией и реальной функцией действия. Диалектика функциональности и дисфункциональности.

Проявления дисфункциональности в различных сферах культуры.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В предшествующей главе мы выяснили содержание культуры как системы, состав присущих ей элементов. Теперь рассмотрим функции, которые культура независимо от своего содержательного разнообразия выполняет во всяком обществе. Если в процессе духовного производства формируются те или иные нормы, ценности и знания, то какую роль они играют в обществе?

Культура — важный фактор регуляции и хозяйственной деятельности, социальных отношений и политики, хотя она отнюдь не растворяется в этих сферах деятельности. Необходимо аналитически подходить к этим сферам, чтобы выявлять их нормативные, ценностные и смысловые стороны и те социокультурные факторы, без которых ни экономика, ни политика не могут полноценно функционировать.

Переход от одного хозяйственного уклада к другому (например, от отгонного скотоводства к равнинному земледелию) или от одного социально-экономического строя к другому (от феодализма в его разных вариантах к капитализму) осуществляется через взаимодействие совокупности факторов, в которых культура составляет непременную составную часть, способствующую или препятствующую, стимулирующую или же блокирующую действие других компонентов социальной регуляции.

199

Характерно, что проблематика различных функций культуры разрабатывалась разными учеными, сосредоточившими свое концептуальное внимание на тех или иных сторонах духовной системы. Если обратиться к истории социологии, то М. Вебер, например, выявлял прежде всего нормативно-ценностную связь — позитивную или негативную — религиозно-культурных факторов с хозяйственной деятельностью. Иной подход развивал Э. Дюркгейм, рассматривавший прежде всего место культуры в интеграции общества и разделении труда. Социализирующие факторы культуры

подверг основательному изучению Э. Кассирер. Классическая работа по игровым функциям культуры принадлежит Й. Хейзинге.

Конечно, можно выделить определенные функции культуры в соотношении с теми компонентами, которые мы выделили в предшествующей главе: а) поддержание преемственности (традиции); б) нормативизация; в) оценочная функция; г) целеполагающая; д) познавательная и е) смыслообразование (сигнификативная). Однако следует учитывать, что каждый элемент и компонент культуры, как мы увидим, может выполнять разные функции, а вместе с тем далеко не все важные функции вошли в это перечисление.

В структуре духовного производства следует выделить такие основные функции: а) производство новых знаний, норм, ценностей, ориентаций и значений; б) накопление, хранение и распространение (трансляция) знаний, норм, ценностей и значений; в) воспроизводство духовного процесса через поддержание его преемственности; г) коммуникативная функция, обеспечивающая знаковое взаимодействие между субъектами деятельности, их дифференциацию и единство; д) социализация общества через создание структуры отношений, опосредованных культурными компонентами; е) как дополнительная форма социализации выделяется рекреативная, или игровая, культура, действующая в отведенной для нее сфере.

ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА НОВЫХ НОРМ, ЦЕННОСТЕЙ, ЗНАЧЕНИЙ И ЗНАНИЙ И ДУХОВНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Во всяком человеческом обществе создаются сложные многоуровневые системы, специально предназначенные для выработки общих и конкретных знаний, представлений о мире и самом человеке, а также ориентаций и целей не только повседневного

200

поведения, но и рассчитанных на отдаленные перспективы. Еще на заре истории в рамках мифологии, магии и гадательных систем общество вырабатывало некоторые механизмы упорядочивания знаний, представлений и целей, значительную степень вариативности, которая помогала человеку адаптироваться к окружающей обстановке. Хорошо известно, что, вопреки всем позднейшим изощренным специальным «онаученным» формам выработки и переработки знаний и ориентаций, индивиды, социальные группы и общества обращаются к мифо-поэтическим, мистическим и гадательным системам, которые удовлетворяют некоторые субъективные потребности в повседневных ориентациях, необходимых в ситуационных сплетениях, не поддающихся сколь-нибудь эффективному анализу соотношения причин — следствий.

Конечно, более развитую систему выработки общих и конкретных знаний и ориентаций создает религия, содержащая обширный комплекс объяснений, норм и мотиваций, отвечающих огромному объему вариативности человеческой жизнедеятельности. Но хорошо известно, что содержащийся в религиозных системах комплекс знаний и ценностей слишком обременен необходимостью поддержания постоянства поведения и единства общества, что и сковывает его реформаторские потенции. Поэтому уже на ранних этапах наряду с религией выработку новых знаний и ориентаций берет на себя светская культура в ее разнообразных проявлениях: искусство и литература, философия и наука. С одной стороны, в этих формах духовного производства имеются свое наследие, устоявшиеся результаты, признанные знания и ценности. Вместе с тем важнейшей характеристикой светской культуры стала устремленность на новаторство, открытие новых горизонтов в познании, типов ориентации и способов жизнеустройства.

В рамках художественной культуры и науки вырабатываются собственные специфические способы как поддержания преемственности (традиция, школы, авторитеты, «классика»), так и выработки инноваций (открытия, эксперименты, стили, авторское творчество). И конечно, в рамках каждой конкретной научной дисциплины и каждого вида и жанра художественной культуры создаются и выверяются средства символизации и обозначений, определяется новизна и перспективность открытий. В науке, например, это делается через систему публикаций, защиты диссертаций, признание авторитетов, премии и т.д.

Сфера творчества в высокой степени зависит от субъективных факторов: таланта, состояния художника, его личностных ориентаций. Поэтому мы многое почерпнем для понимания творческого процесса из тех средств, которые создаются в рамках гума-

201

нитарного знания. Популярность серии «Жизнь замечательных людей», мемуаров свидетельствует о том, насколько велик в обществе интерес к тем внутренним процессам и внешним обстоятельствам, в которых протекали их жизнь и творчество. Кроме внутреннего мира художника, есть еще и социальное окружение. Хорошо известно, насколько серьезными были расхождения между обществом и художником, между «поэтом и чернью», насколько велик был соблазн, превращавшийся иногда в вынужденную необходимость, уйти от мира официальности в уединение для свободного творчества. Примерами такого уединения могут быть бегство молодого Гете в Италию, где он создал

«Римские элегии», болдинская осень Пушкина, жизнь в лесу Р. Эмерсона, уход Н.К. Рериха в долину Кулу, бегство Гогена на Таити и т.д.

Тем не менее в социальной культурологии нередко высказывается точка зрения, что смысл произведения искусства и литературы не следует искать только в авторской позиции, в творческом акте как таковом. Скорее, этот смысл утверждается через тот или иной вариант интерпретации, ту духовную конструкцию, которая срабатывает в обществе или различных его субкультурах. В качестве примера такой процедуры подчас называют восприятие творчества Шекспира. Длительное время исследователи спорили о том, кто создавал произведения Шекспира, так как выдвигались сильные возражения против приписывания этих произведений тому историческому лицу, кто действительно звался Шекспиром, но, судя по всему, не отличался особой грамотностью. Расхождение в мировоззренческих установках и тональности его пьес принято объяснять поворотами его гениальности, что создает лишь видимое объяснение.

История культуры изобилует такого рода событиями в творческих биографиях, свидетельствами слабой приспособленности социокультурной структуры того или иного общества к надежному поддержанию творчества и высокой духовной деятельности. Творчество зачастую оказывается в сложном соотношении с общественным признанием. Тем не менее, как мы увидим в главе X, в каждом обществе существуют институты, обеспечивающие функционирование культуры.

В нашу эпоху развитие общества находится в прямой зависимости от производства знаний, которое превращается в особую разновидность индустрии. Новые отрасли труда, такие как химия, автоматика, электроника, базируются в первую очередь на знаниях, а не на производственном опыте, игравшем первостепенную роль в старых отраслях. *Индустрия знаний*, производящая и потребляющая информацию, а не товары и услуги, охва-

202

тывает в наиболее развитых индустриальных странах огромную часть национального производства. Так, в США в 90-х гг. информационная сфера охватывала более половины всех работающих. В 60-70-х гг. объем научной информации удваивался каждые 5-7 лет, в 80-х — каждые 20 месяцев, а с начала 90-х гг. этот ритм стал ежегодным. Информационный взрыв оказывает глубокое воздействие на функционирование всего общества. Более подробно его характеристики будут рассмотрены в главе XVIII.

Ситуация информационного взрыва требует радикальных изменений в способах хранения, систематизации и накопления информации. Эти изменения вызывают преобразование всей системы образования, библиотечного дела, системы массовых коммуникаций и организации науки.

ФУНКЦИЯ НАКОПЛЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРЫ

Благодаря культуре осуществляется передача социального опыта как от одного поколения к другому, входящему в жизнь, так и в синхронном разрезе внутри общества, между странами и народами. Культура сохраняет социальный опыт поколений в понятиях и словах, математических символах, формулах науки, своеобразных языках искусства, которые рассказывают о человеке, его творческих силах и возможностях. В этом смысле культура — память общества, кладовая накопленного им опыта, хранилище времени, упорядочивающего этот опыт.

Если измерение времени — по часам и календарям — отвечает необходимости установления единого времени в данном обществе, да и во всем мире, то праздники, юбилеи и памятные даты — семейные, групповые, локальные, национальные, религиозные и интернациональные — большей частью возвращают нас к тому событию в прошлом, которое имеет значение для данной общности и память о котором устойчиво поддерживает признание какой-то части опыта.

Временное измерение культуры относится как к прошлому, так и к будущему, что проявляется в перспективных ориентациях, планировании действия, нововведениях и открытиях, выводящих общество на новые рубежи.

Казалось бы, культура тем эффективнее будет обслуживать общество, чем больше накопленный ею объем информации, правильно отражающий ее собственные черты и черты внешнего мира, чем меньше утраты и чем свободнее доступ к этой информации. Но

203

память всякой культуры избирательна, в ней сохраняются лишь значительные события, придающие смысл истории данного общества. Тема утраты прошлого, потери коллективной и индивидуальной памяти часто встречается в искусстве. Сознательное искажение истории, превращение ее в политику, опрокинутую в прошлое, характерны для общества, изображенного английским писателем Дж. Оруэллом в романе-памфлете «1984». В этом обществе подлинные исторические документы давно уничтожены. Люди, составляющие огромный штат так называемого «Министерства правды», заняты переписыванием всей ранее выпущенной печатной продукции с целью приспособить ее к официальным установкам и авторитетам. В этой художественной гиперболе выявлены механизмы, к которым прибегали тоталитарные режимы. Более простой способ

манипуляции с родовым сознанием человека обрисован в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день», в котором посредством некоторой «пластической операции» с черепом украденного юноши из его сознания изглаживается память о прошлом и он остается покорным рабом — «манкуртом» — своих хозяев.

Однако культурологический анализ социальной памяти выявит иную, более динамичную картину. В сознании как индивида, так и группы или общества в целом происходит постоянное приобретение и накопление новых знаний наряду с частичным забвением прежних. И если изучение характера этих процессов в индивидуальном сознании — сфера психологии, то культурологический анализ, развернутый в ином измерении, покажет действие механизмов памяти и забывания в общественном сознании.

Как показал, например, известный этнограф и историк культуры М. Элиаде, далеко не все сохраняется длительное время в памяти коллектива или общества любого масштаба и отнюдь не в подлинном и постоянном виде. Динамика памяти поддерживает знание о значимых событиях, поучительном опыте, оценка которого соотносится с теми задачами и принципами, которые должно решить и поддержать общество для своего выживания, самосохранения, повышения степени сопротивляемости трудным обстоятельствам и напастям извне или изнутри. Из памяти «изымаются» (или же подвергаются ослаблению) деструктивные свидетельства, подрывающие сплоченность и стойкость коллектива. Впрочем, идейная операция может носить характер «предания суду истории» деятеля или института, «виновного» в невзгодах и потрясениях, обрушившихся на народ.

В качестве средства хранения и накопления информации выступают естественная память индивида, коллективная память, за-

204

печатленная в языке и духовной культуре, символические и вещественные средства сохранения информации: тексты, книги, изобразительные средства, в том числе памятники, архитектурные сооружения, новейшие средства записи текстов, изображений, знаков. Во всех случаях сохранение памяти требует поддержания знаковых систем, определенного метода упорядочивания, организации информации по ее ценности и содержанию. Наиболее распространенной знаковой системой до сих пор все-таки служит разговорный язык, а методами организации — устное предание, мифология, письменность, канон, комментарии, логически и семантически разработанные системы знания, создаваемые различными науками.

В примитивных обществах основными механизмами культурной преемственности служили естественная память, прямое подражание и устная речь. Однако естественная память — механизм ненадежный. Общезначимая информация растворяется в живом коллективном опыте и облекается в метафорические формы. Необходимость борьбы с рассеиванием информации заставляла охранять целостность и неизменность коллективных знаний и верований, ограничивать нововведения. Это мешало рекомбинации знания, перестройке представлений о действительности. Кроме того, в силу ненадежности передачи знаний часть их безвозвратно утрачивалась несмотря на огромный объем памяти «старейших- мудрейших».

Постоянная угроза рассеивания информации, относящейся как к жизненно важным средствам социальной регуляции, так и к познанию мира, вызвала к жизни обширные мифо-поэтические комплексы, фольклорное наследие, хранившееся в живой памяти сказителей и старейшин. Неподвижность этого культурного комплекса рассматривалась как гарант устойчивости и выживания первичного коллектива (род, племя, семья).

Длительное время письменная культура хранила лишь наиболее важные знания и смыслы, имевшие сакральный статус. Но и их поддержание требовало огромных усилий, времени, средств, специальных кадров — священников. Религиозные догматы способствовали закреплению информации, относящейся к функционированию социальных систем организма, удержанию основных мировоззренческих категорий. Догматы претендовали на универсальность и освящались высшими авторитетами. Догма господствовала над живым опытом, существенные результаты которого не находили себе места в социальной памяти. Изменение догматов было медленным делом, которое затруднялось еще и сопротивлением хранителей «священных заветов».

205

Чем сложнее и разветвленнее становилась деятельность общества и чем больше накапливалось информации, тем чаще догматический способ ее систематизации вступал в противоречие с задачей выработки новых знаний.

По мере вызревания отдельных сторон общественных отношений и специализации видов деятельности складывался новый, научно-рациональный способ расчленения и синтеза фактов действительности и их закрепления в осмысленные, логически стройные системы. Специфические разделы знаний выделялись в соответствии как с характером предмета, так и с его социальной значимостью. Рациональное расчленение информации дало толчок развитию исторического, этического, естественнонаучного, практически-политического и других видов знания. Высшая форма

социального управления информацией и ее передача состоит в том, что задается не готовый образец для подражания и не команда для реализации, а расчлененная программа, рассчитанная на творческое восприятие. Индивидуальное сознание воспроизводит требования системы и выбирает вариант их реализации. Индивидуальные новшества, творческое поведение оказываются не только допустимыми, но и необходимыми для успешного функционирования системы в целом. Рационально-научный способ передачи знания адресован не пассивному исполнителю, а активной, деятельной личности, осознающей свою социальную ответственность.

За последние десятилетия происходил ускоренный процесс радикальной смены системы накоплений и хранения знаний, что породило *информационную революцию*, создавшую предпосылки для становления постиндустриального общества. Достижения микрокомпьютерной технологии позволили за 30 лет закодировать в электронные программы значительную часть того научного задела и информации, которую накопило человечество за предшествующие века своего существования. Формализация методов обработки данных и оперирования знаниями позволила не только ускорить технологические и управленческие процессы, высвободить значительную часть работников от рутинных трудовых процессов, но и преобразить само производство знаний, создать «индустрию знаний, а на ее основе технику с элементами «искусственного интеллекта».

Воспроизводство духовного процесса. Преемственность и традиция.

Как мы видели, все компоненты культуры — ценности, знания, нормы и обычаи — в той или иной степени несут в себе функцию преемственности, осуществляя связь текущей деятельности и поведения с предшествующими образцами. В научной

206

литературе принято называть *традицией* этот механизм воспроизводства культурной деятельности (а также и социальных или политических институтов), при котором эта деятельность повторяет прошлые образцы и признается нормативной в силу их наличия в прошлом. Зачастую можно также встретить и распространение термина «традиции» на сами нормы и социальные установления, которые таким образом воспроизводятся (национальные, религиозные и прочие традиции). Именно многократное повторение становится при этом критерием адекватности действия, в котором обычно не осознаются целесообразность и функциональность такого действия. Всякое новшество в механизме традиции рассматривается как вредное отклонение и устраняется.

Естественно, что такого рода механизм преемственности оказывается адекватным лишь в относительно простых, изолированных и стабильных социокультурных структурах, где рационально-практические и ценностные критерии еще не обособились от общей сферы культурной регуляции.

Поэтому термин «традиционная культура» широко применяется прежде всего в этнографии, имеющей дело с такого рода простыми и изолированными структурами и средами. Такая культура имеет безавторское происхождение, воспринимается как искони существующая и передается путем устной и невербальной коммуникации. Изменения в такой культуре происходят медленно и постепенно и не фиксируются этническим коллективным сознанием.

Культурной традиции противостоит *культура авторская*, профессиональная, хотя и в ней широко используются те образцы значений и стиль, которые присущи данной среде. Поэтому получают смысл и термины «национальные традиции» или «религиозные традиции», которые, во-первых, отражают сложившуюся специфику духовной жизни, а во-вторых, обеспечивают устойчивость каких-то сфер духовной регуляции. Так, во многих обществах важной основой духовной устойчивости выступают религия, утверждаемая религиозным институтом, или классическая культура, утверждаемая системой образования.

Однако всякое достаточно сложное общество не может жить только в традиции, которая уступает свое место культуре регулируемой, сотворенной, имеющей авторское происхождение и фиксируемой во времени. В культурах такого уровня также большое значение имеет поддержание преемственности — в символической, в исторической памяти, в мифах и легендах, текстах и образах, восходящих к далекому или недавнему прошлому. Однако в обществах такого типа традиции лишь дополняют систему других — идеологических,

207

рационально-практических или политико-правовых средств поддержания общественной структуры. Но главное для традиции заключается в том, что она подлежит соответствующей интерпретации, за ее присвоение борются различные движения, группы и партии. К ней обращаются преимущественно те силы, которые стремятся сохранить существующие порядки и устойчивость общества, противостоять деструктивным внешним воздействиям и т.п. Поэтому не вполне корректно с социологической точки зрения определять как «возвращение к традиции» такие процессы, в которых происходит оживление более ранних или инородных вариантов культуры. В этих случаях имеет место скорее «возрождение», «реставрация», «оживление» или «ревайвал» элементов культуры, сохранившихся в духовном достоянии данного общества.

На протяжении 60-70-х гг. проблема соотношения традиций и современности стала предметом многих исследований и научных дискуссий. В обсуждении этой проблематики многие исследователи стремились выявить характер модернизации тех незападных стран, которые отстали в своем развитии и проходили сложный и мучительный путь истории. В рамках такого соотношения традиция стала воплощать все отсталое, несовершенное, подлежащее либо изживанию, либо отстранению во второстепенные сферы социальной регуляции. При таком подходе все незападные культуры в той или иной степени рассматривались как традиционные, поскольку в них еще не работают механизмы современной регуляции, а в большой степени сказывается привязанность к своему прошлому.

В марксистском направлении история представляла в «снятом» виде. Обусловленность социальных отношений наличными производительными силами приводила к тому, что время отодвигалось в прошлое и подлежало изживанию в новой формации. Революции были призваны «покончить со старым строем» и коренным образом преобразовать общество как в социальном плане, так и всю его надстройку. В историческом подходе идеи, представления и нормы рассматривались как «определяемые конкретными условиями своего времени», за рамками которого они становились досадными «пережитками». В сущности это приводило к устранению прошлого как значимого начала культуры. Как остальная надстройка, она должна быть приведена в соответствие с новыми социальными отношениями и лишь временно сохранялась в виде традиции.

Однако потребность общества в устойчивых, приемлемых и духовно оправданных принципах жизнедеятельности не может быть удовлетворена официально создаваемыми государством новыми

208 формами культуры, обрядами или нормами, которые неизбежно принимают сильно идеологизированный характер и вызывают отторжение у части общества. Это и привело к дискредитации многих элементов советской культуры в ходе перестройки.

Подобное пренебрежительное отношение к прошлому в сильной степени сказывалось и в позитивистской социологии, в тех ее наиболее распространенных направлениях, которые были функционально связаны с распространением тенденций глобальной модернизации капиталистического типа. Для этой социологии, изучавшей социальные явления с точки зрения их реальности и органической целостности, прошлое, как и будущее, — «то, чего нет», и поэтому может быть оставлено за умозрительной философией.

Однако на протяжении 70-х гг. как в западной социологии, так и в общественной мысли стран Азии, Африки и Латинской Америки такой подход стал подвергаться критике и пересмотру. Традиционность в действительности предстала как какая-то форма стабильности и порядка, обеспечивающая выживание огромных масс населения, — в противовес тому разладу, деформации и ломке, которые вели к тяжким бедствиям для огромных социальных групп. Оказалось еще, что ни одна страна не в состоянии настолько адаптироваться к современным моделям, чтобы утратить свой облик и не только во второстепенных, декоративных и локальных элементах культуры или социальных отношений, но и в основных, определяющих принципах общественного бытия.

В результате таких дискуссий и анализа действительности содержание перегруженного понятия «традиция» было распределено между другими, более адекватными понятиями: самобытность, специфика, культурное наследие, культурное ядро, эндогенность. Ведущее и наиболее распространенное понятие «самобытность» используется прежде всего для обозначения определенности общества, вытекающей из общности и своеобразия его культурных характеристик и исторического опыта.

Этот русский термин более полно передает те оттенки, которые вкладываются в требуемое понятие, чем его английский или французский коррелят — «идентичность» (identity). До недавнего времени употреблялся еще менее адекватный термин «личность» (personality). Трудность для западноевропейской терминологии состояла уже в том, что понятия «идентичность» и «личность» были заимствованы из социальной психологии, где они успешно применялись для обозначения внутренней определенности и самосознания личности, а также этических, религиозных, соци-

209 альных, половых, возрастных и профессиональных слоев и групп. Эта определенность сохраняется во всех изменениях данных групп и в их ролевых отношениях. Перенос этого понятия на культурные феномены национального уровня вызвал немало проблем, связанных с соотношением действительных культурных характеристик и их осознанием.

Понятие «самобытность» встало в один ряд с политическими понятиями «независимость» и «суверенитет». На всемирной конференции ЮНЕСКО по культурной политике, состоявшейся в Мехико в 1982 г., культурная самобытность была названа одной из важнейших проблем нашего времени. Таким образом была подчеркнута как самостоятельность этого понятия, так и то, что оно с успехом отражает специфику общественного развития, не только преемственность, обеспечивающую связь прошлого с настоящим, но и ориентированность на будущее, что призвано обеспечить соединение человека и народа с ценностями своей цивилизации.

В материалах ЮНЕСКО самобытность раскрывается как «жизненное ядро культуры», тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силы в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет постоянный процесс самостоятельного развития.

Недостаток приведенных определений понятия «самобытность» в том, что в них так тесно переплетаются объективные и субъективные аспекты, что определить их соотношение весьма затруднительно. Нередко в это понятие вкладывается либо самосознание общества или индивида, либо, напротив, дорефлексивный смысл бытия, что с трудом поддается аналитическому определению, необходимому для социальной теории.

Другой важный смысловой компонент, возникший из распада перегруженного понятия «традиция», заключается в выражении тех *отличий*, которые делают азиатские и африканские общества непохожими на западные образцы, т. е. их *специфики*. Дать теоретическое определение понятия «специфика» также нелегко. Его содержание вполне очевидно на уровне описания локальных норм, обычаев, ценностей и форм поведения, когда речь идет о конкретной специфике в этническом, субкультурном или групповом вариантах. При его применении к обществу в целом возникают условные типы национального характера или религиозного поведения, которые оказываются спорными или условными из-за многообразия культуры каждого развитого общества. Поэтому выявление специфики во многом зависит от тех задач, которые ставит перед собой исследователь, и методологии исследования.

210

ФУНКЦИЯ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Следуя той классификации компонентов деятельности, которую дал еще Т. Парсонс (см. главу III), мы должны выделить и функцию целеполагания, присущую как культуре, так и политической системе. Именно в ценностной и смысловой сферах культуры фиксируются цели, перспективы и проекты человеческой деятельности. Характер целеполагания весьма различен в зависимости от уровня культуры. Принято разделять высокий, специализированный и обыденный уровни культуры. При этом высокая культура включает в себя общезначимые ценности и значения, полноценное приобщение к которым требует особой подготовки и поддержание которых обеспечивается особым слоем — интеллигенцией, духовной элитой. Через высокую культуру формируется духовный мир личности, нации и цивилизации.

В религиозно регулируемых культурах важным механизмом целеполагания служит система религиозного спасения. Она оказывает воздействие на всю систему жизненного поведения индивидов, обеспечивая концентрацию усилий на достижение тех высших целей, которые санкционируются как наиболее достойные и правильные с точки зрения данной религиозной системы. Конечно, в религии эти цели формулируются именно как ценности (моральное совершенствование, выполнение долга, соблюдение заповедей, любовь к Богу и т.д.). Но в повседневной жизни индивид должен преодолевать многие препятствия, искушения и соблазны, чтобы приблизиться к заветной цели. В рамках одной и той же религии утверждаются разные типы спасения, хотя большей частью эти типы приведены в определенную систему, создающую иерархию путей спасения и не допускающую таких расхождений, которые могли бы подорвать целостность религиозной общности. Это означает, что степень специализации в религиозной системе неизбежно ограничивалась потребностями поддержания интеграции.

Упадок религиозной веры и секуляризация общества приводили к тому, что целеполагание все более перемещалось в светскую сферу, что сопровождалось выработкой дифференцированных специальных типов деятельности, направленных на достижение конкретных «посюсторонних» целей.

Специализированная культура.

Для социальной культурологии большое значение имеет выяснение связи целеполагания с той системой разделения труда, которая, как показали К. Маркс и Э. Дюркгейм, является важнейшей основой жизнедеятельности общества. Необходимым условием всякого эффективного разде-

211

ления труда является специализация, включающая в себя не только практическое умение осуществить ту или иную полезную деятельность, но и внутреннюю установку на достижение цели, признаваемой как полезная, значимая, необходимая. Достижение цели во всех сферах деятельности требует длительной сосредоточенности, накопления знаний и умений, использования этих накопленных на практике.

Степень разнообразия целей, принятых в данной культуре, находится в тесной связи с дифференциацией общества. В европейской культуре еще в средние века сформировалось устойчивое разделение сфер социокультурной регуляции: двор, церковь и город. Хотя между этими частями шло постоянное соперничество, приводившее к изнурительным столкновениям, самостоятельность

каждой сферы придавала значительный импульс развитию общественной жизни.

Важным средством поддержания многообразия в единстве стало разграничение сфер и каналов распространения специальных знаний и тех ценностей и норм, которые предназначались для всеобщего пользования. Это в еще большей степени относится к светской культуре, которая на всем протяжении существования тех обществ, где отсутствовало всеобщее образование, неизбежно была ограничена в своем распространении.

Как светская культура, так и религиозная гетеродоксия, обеспечивавшая варианты спасения, не предназначенные для всех, создавали специальные способы отбора последователей и передачи им особых знаний и традиций творчества. Требовались многие годы обучения и посвящения для того, чтобы ученик в полной мере мог приобщиться к мудрости своего наставника. Такая система оказывалась достаточно эффективной, чтобы обеспечить функционирование как общенормативных, так и специальных знаний и ориентаций. Знание публичное и тайное, явное и скрытое, навязываемое и упрятанное распределялось по соответствующим сферам. Публичное знание избавлялось от необходимости давать ответы на вопросы, порождавшиеся критическим мышлением, и могло поддерживать свой синтез с верой. Но одновременно это давало возможность выжить инакомыслию, развиваться различным видам литературы и искусства, наукам, философии.

Но уже развитый сельский труд, ремесленная деятельность, городские условия создавали потребность в высокой специализации функций, что достигалось в значительной степени на основе наследственного закрепления профессий и места в жизни. Цеховая организация ремесел и торговли в Европе в значительной степени складывалась как институт, обеспечивающий высокую

212

степень специализации деятельности через включение всего комплекса экономических, социальных и культурных средств. Зафиксированное во всех языках слово «мастер» (или его эквиваленты) свидетельствует о том высоком значении, которое придается в культуре умению добиваться успеха в своем деле. В индустриальном обществе размах специализации резко возрос, что и привело к формированию многих вторичных профессиональных и социальных субкультур. По существу именно всесторонняя разработка специализированных вариантов культуры, обеспечивающих успешное выполнение различных задач в каждой сфере деятельности, обуславливает устойчивое развитие современного общества. Напротив, ослабление или утрата такой культуры, происходящая в условиях войны, стихийных бедствий, миграции населения, может привести к упадку не только хозяйственной деятельности, но и общественной жизни.

Специализированная культура обслуживает специфические профессиональные сферы деятельности и поэтому является не общеобязательной, а достоянием тех или иных профессиональных слоев в любой сфере деятельности (хозяйственная, политическая, военная и т.д.). Каждый вид профессиональной деятельности имеет дополнение и в соответствующем варианте обыденной культуры. Экономическая деятельность дополняется домашним хозяйством. Политическая или правовая сфера смыкается с неформальными и межличностными отношениями в форме нравов. Высокая религия неизбежно смыкается с суевериями или же противостоит им, опираясь на основательную рационализацию, торжественную ритуальность и формальный институт. Обыденная политическая культура отличается ситуативностью, подверженностью эмоциональным мнениям, подъемам и спадам. Обыденная эстетика берет из высокого искусства некоторые элементы украшения индивида, жилища, предметов повседневного пользования, способов проведения досуга и т.д. Научное знание функционирует на обыденном уровне через поддержание некоторых фрагментов, почерпнутых в ходе образования, смыкаясь с практическим опытом.

Специализированная культура связана с дифференциацией и профессионализацией человеческой деятельности. Она основана на более глубоком и тщательном знакомстве с конкретной, узконаправленной сферой деятельности, требует достаточной целевой выучки, сосредоточения человеческих способностей, накопления знаний и умений. Все это невозможно без длительной целенаправленной подготовки, общего образования и профессиональной подготовки в сети социальных институтов культуры, а также и

213

без усиления значения именно специализированной культуры, столь необходимой для полноценного вхождения в систему общественного разделения труда.

При рассмотрении специализированной культуры следует учитывать переплетение в ней международных характеристик и национальной специфики. Специализация той или иной сферы требует приведения ее в соответствие с уровнем и параметрами, достигнутыми в других странах. Это можно отнести прежде всего к таким сферам, как наука, образование, право и спорт. Без взаимодействия с соответствующими компонентами в других странах, без обмена достижениями и подтягиванием уровня профессионализма культура обречена на отставание. Вместе с тем каждая национальная культура, как на ее высоком, так и специализированном уровне, имеет свою специфику, отличается самобытностью — во всех перечисленных сферах. Хорошо известно,

насколько различаются, например, варианты культуры труда у разных народов, отношение к торговой, финансовой, научной или военной деятельности, к образованию и т.д. Об этом свидетельствует и развитие национальных школ в том или ином виде высокой культуры или профессиональной деятельности. Более подробно этот аспект культуры будет рассмотрен в главах XV—XVI.

Рациональность — ценность — цель.

Различие между обыденным и специализированным уровнями культуры в большой степени проявляется при рассмотрении того значения, которое придается на каждом уровне принципу *рациональности* и его соотношению с ценностными и целевыми ориентациями. Понятие *рациональности*, введенное в социологию и культурологию работами Ф. Тенниса, Г. Зиммеля и, главным образом, М. Вебера, применяется для обозначения не гносеологического разделения разумного и стихийного, а направленности человеческих действий как процесса последовательного упорядочивания и поддержания преемственности в достижении тех или иных ценностей и целей. В таких действиях систематически вытесняются аффективные или рутинно-традиционные способы в пользу сознательного оформления интереса личности или группы. Рационализация предполагает выяснение соотношения *цель — план* или *цель — средство*, чтобы сосредоточить затрачиваемые усилия на достижении поставленной цели при разумном использовании возможных средств, на основе внутреннего согласования этапов, учета возможных последствий, определения порядка выбора конечных и промежуточных целей и т.д.

Выделяя тип действий, ориентированных на ценность (ценностнорациональное действие), М. Вебер подчеркивал, что оно

214

основано на соответствии требованиям и заповедям, в соблюдении которых индивид видит свой долг и которым он придает особое жизненное (или сверхжизненное) значение. Пренебрегая конкретными обстоятельствами, преодолевая повседневные аффективные состояния и склонность к оппортунизму, человек стремится к осуществлению более высоких или предельных ценностей, представляющих как желанное воплощение добра, истины, красоты, справедливости, порядка, богатства в противоположность злу, лжи, безобразию, несправедливости, беспорядку, нищете. Ценностная ориентация может привести человека в противоречие с сиюминутными интересами или заставить его не обращать внимания на негативные последствия во имя высшего долга и принципа.

В процессе рационализации деятельности человек должен отделить *сущее*, т. е. эмпирическую реальность, в которой сочетаются самые разнообразные элементы и факторы, и *должное*, т. е. тот целесообразный порядок или же ту ценность, которые отвечают его устремлениям.

В соответствии с типологией, предложенной М. Вебером, принято различать ценностную и целевую рационализацию. Для целерационального действия характерны однозначность и ясность осознания человеком поставленной перед собой задачи, соотношенной со средствами ее достижения. Здесь как цель, так и средства ее реализации представляются «разумными». Действия, приводящие к неоправданному, чрезмерному издержкам, отвергаются. Еще со времен Древнего Рима в европейском лексиконе утвердилась формулировка «пиррова победа», относящаяся к достижению, явно не оправдавшему затраченных средств. Но в том же менталитете существует и афоризм «Это больше, чем преступление, это — ошибка!», и принцип макиавеллизма, в соответствии с которым «цель оправдывает средства». Отторгая какие-либо ценностные принципы, эта установка диктует голую целесообразность, направленную на сокрушение врага, завоевание власти и т.д., хотя бы и ценой вероломства, измены, подлога и убийства. Как мы видели, свою рациональность имеет и всякое практическое действие, хотя эта рациональность может вступать в прямое противоречие с ценностными ориентациями. В отличие от цели ценность может выступать и как иррациональный фактор, как идеал, достижение которого бесконечно привлекательно, но издержки могут быть чрезмерными.

Цель и средства.

Если для М. Вебера задача состояла в сопоставлении ориентаций, лежащих в основе доминирующих типов деятельности, то для Р. Мертона главное было раскрыть структу-

215

ру доминирующей деятельности в развитом буржуазном (прежде всего американском) обществе. Как он показал, в структуру всякого действия, помимо ценности — цели, входят еще и средства, которые должны быть достаточно эффективными для достижения цели, но вместе с тем получать общественное одобрение, согласовываться с принятой нормативной системой. Насилие, притеснение или обман не могут быть признаны как нормальные средства и стать нормой. В приемлемой градации средства могут быть разделены на предписанные, позволяемые, допускаемые и незаконные, или «нечистые».

Впрочем, другой крайностью в такой структуре действия, по мертоновской схематике, является

чрезмерная скованность в средствах, стеснительность, приверженность к косным обычаям и нормам, что обрекает общество на застой.

В современном ему американском обществе Мертон усматривал тенденцию приближения к крайнему достижительному типу, в котором подчеркивание ценности успеха не сопровождается ограничением соответствующих средств. Символом успеха стали деньги, которые в силу своей безличности могут быть использованы не только для покупки любых товаров, но и служить символом высокого статуса богатого человека, независимо от того, каким путем он приобрел свой капитал — институциональным или мошенническим. Система правового или морального контроля за движением капиталов оказывается очень ненадежной.

В среде свободной конкуренции, где «позволено все, что не запрещено», где прежние формы регуляции подорваны и привычные институты утрачивают свои функции поддержания порядка, индивид оказывается дезориентированным, погруженным в атмосферу неопределенности; он утрачивает надежные связи со своей социальной группой и испытывает чувство необеспеченности и отчужденности. Растет отклоняющееся и саморазрушительное поведение (алкоголизм, наркомания, преступность) или же усиливается тяготение к «партиям порядка».

Аномия и отчуждение.

Состояние, в котором индивид или группа знают о существовании обязывающих норм и ценностных ориентаций и тем не менее относятся к ним равнодушно или негативно и поэтому не соблюдают или же не в состоянии соблюдать и им соответствовать, получило название «аномии», т.е. «безнормности». Оно может означать и бесправие, т.е. нарушение законности, но может сводиться к нарушению норм по отношению к самому себе: пьянство, наркомания, самоубийство. Понятие аномии ввел в социологию Э. Дюркгейм, который показал, каким образом происходит в обществе распад привычных норм и ори-

216

ентаций, не замещаемых новыми, поддерживающими в человеке чувство устойчивости. Аномия возникает вследствие утраты человеком ясных и убедительных стандартов поведения и целей деятельности в условиях крушения прежних надежд на успех и признание. Это вызывает у отдельных людей или у групп населения состояние внутреннего разлада и дезориентации.

Р. Мертон развил дальше концепцию аномии в применении к американскому обществу. «Моя основная гипотеза, — пишет Р. Мертон, — заключается в том, что отклоняющееся поведение можно рассматривать в социологическом плане как симптом разрыва между стремлениями, предписанными данной культурой, и социально обусловленными путями реализации таких стремлений»*. Моральные прописи в апологетической литературе изображают богатство как результат упорного труда, самодисциплины и самоограничения. Предполагается, что всякий, кто усердно трудится, может преуспеть независимо от того, с чего он начинал. Ценностные стереотипы массовой культуры навязчивы и неотступны. Образ человека из народа, восходящего к вершинам экономической элиты, имеет глубокие корни в американской культуре. Навязчивому подчеркиванию обязанности поддерживать высокие цели способствует осуждение тех, кто уменьшает свои притязания и полагает возможным ограничиться малым или достигнутым. Хорошо известно, что это далеко не так и большинство людей не имеет шанса. Однако те, кто не преуспел, становятся объектом пренебрежительного отношения. «Культурная репрессия» против неудачников и против тех, кто занижает свои амбиции, оказывается более действенной, чем угроза морального осуждения или же правового наказания за нарушение норм.

В этих обстоятельствах единственно важным становится вопрос: какой способ поведения наиболее эффективен для достижения культурно одобряемой ценности? Эффективным средством может быть оказано предпочтение в обход институционально предписываемому поведению, от которого остается лишь побуждение сохранить эти средства в тайне, чтобы, уйдя из сферы культуры, не попасть в руки правосудия.

Эта обратная сторона явной морали драматично изображена в известном романе М. Пьюзо «Крестный отец» (и в одноименном кинофильме), в котором как главный, так и многие второстепенные персонажи вполне нормальные и уважаемые люди в своей семье, среди близких и друзей, хотя по всем нормам

* См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. - 1992. — № 2.

217

общественной морали они явные преступники. Жгучий интерес к этому и подобным ему романам показывает, насколько актуально для широкого читателя (и населения) понять внутреннюю механику «уважительной преступности», добивающейся процветания незаконными способами, используя социальные пороки и насаждая их.

Но это еще не аномия, это почти что верхушка криминальной субкультуры: теневой капитал,

отмывающий деньги. Аномия возникает у тех, кто по-прежнему придерживается господствующих норм и ценностей, но оказывается не в состоянии нажить честным путем и не может вступить на нелегальный путь. Индивид постоянно держит в себе эту ускользающую цель и сталкивается с постоянной неосуществимостью своих замыслов.

Разрешение такой дилеммы Мертон видит в выработке равновесия между целями и средствами. В качестве наиболее приемлемого механизма установления такого равновесия он выдвигает конкуренцию, в которой в расчет принимаются как конечная цель (продукт), так и формы ее достижения. Однако речь идет об «открытой и честной» конкуренции, которая далеко не всегда оказывается преобладающей и требует для своего обеспечения соблюдения устойчивых моральных норм. Чрезмерная либерализация нормативности может оказаться не менее пагубной, чем чрезмерная нормативность, ограничивающая возможности человека приспособиться к окружающим условиям.

Сходное с аномией значение имеет и термин «отчуждение», устойчиво принятый в философии, социологии и социальной психологии. Но есть и отличие, состоящее в том, что отчуждение в большей степени подчеркивает объективный разрыв между деятельностью человека и результатом этой деятельности, по поводу чего и возникает ощущение отстраненности и эксплуатируемости, непричастности к ценностям данного общества. Отчуждение означает, что человек превращается в пассивный объект процесса, в который он вовлечен, но над которым он не властен. Это порождает в нем ощущение отстраненности, эксплуатируемости и утраты собственного «я», а значит, и осмысленной связи с внешним миром. Основательный анализ процессов отчуждения был дан в работах Маркса и Энгельса, показавших, что отчуждение — неизбежный результат капиталистического разделения труда, в котором трудящемуся противостоят не только предпосылки производства в форме частной собственности, но и результаты труда его самого, и те социальные институты, которые управляют обществом. Эти институты превращаются во внешние человеку силы и обстоятельства, блокирующие осуществление его намерений и

218

подрывающие его внутренние оценки внешнего мира и самого себя. Источником отчуждения оказываются и рынок и капитал, государство, бюрократический режим, а то и общество в целом как воплощение чуждых человеку норм поведения и образа мышления, сталкиваясь с которыми человек оказывается малозначительным «винтиком», целиком подчиненным общему механизму*.

Гротескно-реалистичное описание такого режима дают романы и рассказы Ф. Кафки. Впрочем, это еще не предельный случай отчуждения, тоталитарная система устанавливает механизм не только внешнего ограничения деятельности человека, но и внутреннего изживания самой его субъективности, устранение ощущения своего «я» при помощи как тотальных идеологических средств «промывания мозгов» (переделка языка, истории, проведение регулярных ритуальных мероприятий, исключение всякого инакомыслия), так и прямым насилием и устранением упорствующих диссидентов.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ

Люди вступают в общение друг с другом в процессе любого рода трудовой деятельности, равно как и в процессе воспроизводства человеческого рода. Разделение и кооперация труда — основа всякой производственной деятельности. Но каждый индивид и социальная группа включаются в общение задолго до того, как они вступают в производственный процесс. Как воспитание индивида, так и согласование действий или поддержание общности в целом невозможны без наличия различных форм культурной коммуникации.

Как известно, общение осуществляется разными средствами. Уже само материальное производство не может осуществляться без общения, хотя бы в том плане, который принято называть «производственные отношения», как классовые, так и профессиональные. Эти отношения складываются как кооперация и разделение труда, в котором имеет место и профессиональная взаимозависимость (хлебопашец — мельник — булочник), так и классовое господство и подчинение.

Культура обеспечивает иную форму общения — через систему коммуникаций, как *обмен информацией посредством символов и образов*. Без коммуникаций невозможны никакие формы отноше-

* См.: Огурцов А. П. «Отчуждение» // *Философский энциклопедический словарь*. - М., 1983.

219

ний и деятельности. Даже принадлежа к одному обществу, нации или производственному объединению, люди в то же время разобщены. Их разделяют время, пространства, условия бытия или деятельности, а также социальные, возрастные, культурные и даже индивидуальные различия. Характер этой разобщенности все время меняется в зависимости от организации труда, социального, политического, психологического состояния общества или конкретной среды. Поэтому необходима постоянная, устойчивая, разносторонняя и мобильная система коммуникаций, поддерживающая приемлемую степень единства и дифференцированности общественного бытия. То же самое следует

отнести и к внутреннему миру личности, о чем мы подробно будем говорить в главе VII.

Функции коммуникации настолько же разнообразны, насколько различна жизнь общества. Конечно, исходная функция коммуникации — взаимопонимание между участниками общего дела. Но так как масштабы каждого дела конкретны и ограничены, то между различными группами возникают противоречия и распри, в результате чего коммуникация становится негативной, выражением взаимного неприятия и отталкивания.

Таким образом, через коммуникацию культура осуществляет следующие задачи: а) интеграции общества и социальных групп; б) внутренней дифференциации общества и групп; в) отделения общества и различных групп друг от друга и их общения.

Интеграция осуществляется не самим фактом коммуникации, которая может выявлять разные интересы и противоречия, а через общее содержание коммуникаций или же через взаимодополнительность этого содержания. Как полагал Т. Парсонс, важнейшим условием интеграции системы взаимодействия является присущая всем членам общества основа нормативного порядка, т. е. общая культура. Эта основа должна быть *нормативной*, чтобы контролировать разрушительный потенциал самостоятельности каждой из единиц и направлять самостоятельные действия так, чтобы они усиливали друг друга, тем самым способствовали усилению самостоятельности системы в целом или составляющих ее единиц. Более высокий тип интеграции, способствующий объединению множества групп без различия в социальном, этническом и культурном планах, дают мировые религии, в которых утверждаются некие ценностные ориентации, превосходящие рамки каждой группы и малой общности, но отвечающие их общим интересам и отдаленным перспективам. К их рассмотрению мы обратимся в следующих главах.

Существование общих, одинаково осмысляемых значений, закрепляемых в языке и изобразительных средствах, — основа

220

коммуникации. Слушая произносимые слова, люди реагируют на их значение, и при всех различиях в реакции существует необходимый минимум взаимопонимания.

В любой организованной группе взаимодействие людей и их реакция на внешние стимулы опосредованы культурными значениями, закрепленными в языке, моральных нормах, убеждениях. Не соотнеся наблюдаемые действия людей и их потребности с системой значений, которую они принимают и которой руководствуются, нельзя ничего понять в культуре, в происходящих в обществе событиях.

Выше мы уже рассматривали типы сохранения и передачи информации, составляющей достояние культуры. Устные, письменные, аудио-, визуальные или электронные типы ее передачи представляют и варианты коммуникативности, поскольку каждый из них подразумевает, как выявлял уже Аристотель, «говорящего», само сообщение и того, кому это сообщение предназначено. При более детальном рассмотрении коммуникации выделяются: отправитель и получатель сообщения (коммуникатор и аудитория), средства коммуникации, ее содержание, эффект сообщения и обратная связь. Эффект может быть, конечно, неоднозначным и выражаться в различной степени сближения или, напротив, отдаления точек зрения коммуникатора и аудитории на общий предмет.

Огромную известность приобрела общая теория коммуникаций канадского социолога и культуролога Г. Маклуэна. По его концепции, именно развитие коммуникативных средств определяет и общий характер культуры и смену исторических эпох. В эпоху племенных культур общение человека было ограничено рамками устной речи и мифологическим мышлением, придававшим миру целостность, но вместе с тем локальность и замкнутость. Изобретение И. Гутенбергом в XV в. печатного станка привело к торжеству визуального восприятия, формированию национальных языков и государств, что сопровождалось распространением рационализма и индивидуализма.

Введение письменности в ряде важных отношений меняет тип коммуникации. В бесписьменном обществе необходимость надежной фиксации накопленного достояния приводила к тому, что из передаваемой из поколения в поколение «мудрости дедов и прадедов» изымались разночтения, неправильности, всякое новаторство в ней считалось «отсебятиной», нарушающей правильность знаний, а значит, и порядок. Единство значений и знаний, их организация в целостной системе и надежная фиксация устраняли разномыслие, расхождения в отношении к нормам и ценностям, что

221

укрепляло консолидацию коллектива. Однако это приводило к постоянному устранению всяких новшеств, воспринимаемых как отклонение от привычного порядка. Поэтому многие из идей и открытий, возникавших в такого рода обществах, канули в вечность.

Введение письменности способствовало решению сразу двух задач. С одной стороны, она служила надежному сохранению прошлого опыта, значений, знаний и представлений. С другой — возникала возможность принятия новых элементов, хотя бы путем дополнений к прежнему тексту или иной интерпретации старого, которая также может фиксироваться в новом тексте. Так, введение арабской письменности для коранической литературы (VII в.) способствовало как сохранению сакрального

достояния, так и фиксации прежней поэтической традиции. Вместе с тем общество получило мощное средство введения и новых значений, образов и ориентаций, что обеспечило интенсивную работу по развитию художественной литературы и научных знаний. В течение примерно двух столетий шла широкая работа по переводу античных текстов на арабский язык. (Благодаря этим переводам, в частности, удалось сохранить часть античного наследия, утраченного в греческих оригиналах.)

Конечно, между этими двумя функциями возникали противоречия. Потребность в устойчивости подлинного знания диктовала ограничение нововведений. Это достигалось через канонизацию текста и догматизацию духовных принципов, через сакрализацию высших ценностей. Потребность обновления приводила к упорной идеологической борьбе между традиционалистами и новленцами.

По мнению Г. Маклуэна, современные аудиовизуальные средства коммуникации ведут к вытеснению всех прежних видов искусства и отвечающих им форм общения. Новая всеохватная сеть общения создает «глобальную деревню», упраздняет пространство и время и заменяет рационализацию новыми формами мифологии, преподносящими мир как нечто зримое и осязаемое целое. Телевидение и новейшие аудиовизуальные системы радикально преобразуют саму среду, в которой живет и общается современный человек.

Однако концепция Маклуэна была подвергнута критике со стороны тех социологов, которые полагают, что историческая смена типов коммуникативности не отменяет значения синхронно существующих параллельных типов. Новое не отменяет старого, а лишь меняет соотношение способов коммуникации. Поэтому классификация этих способов относится не только к истории, но и к современности:

222

1. *Традиционный* — в локальной сельской среде, где все более или менее знают друг друга, где роль каждого человека в общении определена его возрастом и образом жизни, а нормы общения известны всем с детства или по крайней мере в течение многих лет. Общение отличается постоянством, стабильностью ожиданий, привычностью коммуникаций. В такой среде не возникает проблемы некоммуникабельности, а общение не требует специальных знаний и инициативы.

2. *Функционально-ролевой* тип коммуникаций развивается в городской среде, в условиях значительной дифференциации типов деятельности и образа жизни. Он является безличным и специализированным. Правила коммуникации в общем соответствуют той роли, которую человек имеет в данной системе деятельности, прежде всего в профессиональном плане, его статусу и сложившейся иерархии в этой системе. Устные, а еще больше письменные контакты часто формализованы. Существуют многочисленные градации в личностных отношениях. Например, горожане не вступают обычно в общение на улице или в городском транспорте, в функциональной среде возникают правила знакомства и представления.

3. *Массовая коммуникация* образуется в рамках современного массового общества и означает распространение информации одновременно среди большого числа людей, независимо от социального статуса и места жительства. Такая коммуникация возможна лишь на основе новейших технологических средств, обеспечивающих высокую скорость и массовость поиска, обработки и распространения информации, основные характеристики такой коммуникации будут рассмотрены в главе XVIII. Именно при изучении такого общества теория коммуникации получила огромное развитие, породив социологию средств массовой коммуникации, теорию пропаганды, рекламы, межкультурного общения и т.д. Введение новых информационных и коммуникативных технологий привело к радикальному преобразованию не только собственно коммуникативных процессов в обществе, но и типа связи между людьми, характера материального и духовного производства. Все это формирует новый общий тип социальности, получивший название *постиндустриального общества*.

СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

При рассмотрении каждого компонента культурной регуляции подчеркивалось, что реализация норм, ценностей и значений происходит через их внедрение в структуру поведе-

223

ния и деятельности индивидов, через их приучение к социальным ролям и нормативному поведению, усвоение позитивных мотиваций и освоение принятых в обществе значений. Эти механизмы и составляют прежде всего процесс социализации, важными составными частями которого является воспитание, общение и самосознание. Социализация поддерживается особыми институтами (семья, школа, трудовые коллективы, неформальные группы и т.д.) или внутренними механизмами самой личности. Соответственно, анализ действия этих механизмов -сфера социологии воспитания и образования, социальной психологии, социологии личности, а также и таких дисциплин, как социология религии, массовых коммуникаций, массовых движений, отклоняющегося поведения и т.д.

Уже при рождении индивид получает аскриптивный социальный статус, вытекающий из статуса его семьи и родителей. И рождение ребенка имеет, таким образом, не только биологический или демографический аспект, но и социокультурный. Именно поэтому во всех культурах вскоре после рождения производятся различного рода обряды, означающие посвящение ребенка в культуру данного коллектива и общества. Статус рождения настолько важен, что к некоторым его аспектам индивид остается приписанным всю свою жизнь (этничность, сословность, кастовость). И конечно, индивид остается «приписанным» и культурно к своим биологическим особенностям: пол и раса. Во всякой культуре существует четкое, а иногда жесткое деление половозрастных ролей и наличие особой символики для разных половозрастных групп. По мере своего взросления индивид включается во все новые и новые сферы общения, и эти переходы большей частью отмечаются определенными соответствующими культурными «метами» и знаками (дни рождения, поступление в школу, совершеннолетие, призыв в армию, вступление в брак и т.д.). Меты фиксируются памятными подарками, что предполагает их длительное хранение. Широкое распространение в XX в. фотографии способствовало ее превращению в наиболее принятую форму фиксации социально значимых ролей и отношений между индивидами.

Однако никак нельзя свести социализирующую функцию культуры лишь к ступеням подготовки к жизни или к налаживанию вторичных и подсобных подсистем регуляции поведения. Культура — один из важнейших факторов структурализации общества, столь же необходимый, как и экономические или политические механизмы. Если в экономике основой отношений выступает собственность, в политике — власть, то в культуре такой основой являются нормы, ценности и значения.

224

По мере усложнения социокультурной среды механизм социализации и его культурное обеспечение становятся также все более сложными. Помимо аскриптивных отношений, все большее значение приобретают достижительные ценности. Соответственно, уже в древние времена появляются вожди, знахари, сказители, мудрецы, богатыри, пользующиеся особым почетом в силу повышенного значения их вклада в благосостояние общины.

Неизменным поприщем для приобретения геройских заслуг всегда была война и связанная с ней система воинской службы. От эффективности и успеха воинского сословия во многом зависело само выживание общества, его статус в отношениях с соседями, способность стать либо гегемоном и получать дань с окрестных народов, либо подневольным и эксплуатируемым этносом.

В значительной степени культурные значения сопряжены с собственно социально-экономическими факторами. Рыцарь, крестьянин, буржуа и рабочий — прежде всего носители экономических отношений, привязанные к своим сферам деятельности. На эти отношения влияет и политика, преобладание в которой в историческом измерении переходило, как известно, от дворянского сословия к бюргерскому.

Но вместе с тем в этой системе отношений, которые присущи феодальному или буржуазному обществу, важным источником и посредником служили культурные атрибуты. Как образ жизни в целом, так и различные сферы деятельности пронизаны культурными значениями, без которых чисто хозяйственные факторы оказываются недостаточными. Культурные нормы и смыслы оформляют как место каждого социального слоя или группы, так и дистанцию, разделяющую эти слои. Типы деятельности, хозяйственные занятия, статусные градации, ранги и должности имеют не только собственно экономическое, социальное или профессиональное содержание, но и символическое, оформляемое через определенные культурные атрибуты и значения.

Знаковыми носителями социального статуса могут выступать различные факторы: родство, этническое или социальное происхождение, богатство, образование, личные достижения в мастерстве, жизненном опыте, науке, искусствах и т.д. На протяжении многих веков аристократия в большинстве обществ формировалась на основе аскриптивных критериев происхождения, т. е. знатности рода, хотя вспомогательными механизмами были воинская и административная служба. Исторический упадок этого принципа зафиксирован еще в знаменитом романе Сервантеса «Дон Кихот». Типологически сходные процессы отразились в русской литературе XIX в., особенно в творчестве Салтыкова-Щед-

225

рина, Достоевского и Чехова. Статусные претензии дворянства находили все меньше оснований в его действительном положении, и престиж богатства все больше оттеснял знатность рода, воинские или служебные заслуги или почтение к образованию.

Позиции аристократии медленно, но неуклонно подрывались возвышением буржуазии, обладавшей экономическим капиталом. Характерной чертой социальной и культурной жизни стран Западной Европы в XVIII-XIX вв. было «выяснение отношений» между правящей аристократией и буржуазией. И совсем не политические революции, а социокультурная динамика привела к решающей смене господствующего класса. Великими мастерами в описании этого процесса во Франции стали такие писатели, как Бальзак, Стендаль, Золя и Мопассан.

По иному сложилась судьба аристократии в Англии, где поместное дворянство активно осваивало предпринимательское поприще (вводя «огораживания» и «работные дома») внутри страны и административное или военное в колониальной империи. Однако характерно, что почти повсюду важным каналом социальной мобильности, высоко ценимым как аристократией, так и другими слоями, стало образование — и не только как средство профессионализации, но прежде всего как культурный источник статусной символики. Статусные «репрессии», предпринимавшиеся прежней аристократией, располагавшей и «культурными накоплениями», выраженными в языке, манерах, образе жизни и гуманитарных знаниях, против «выскочек» из других слоев, потребовали и от «нуворишей» мер по культурному самосовершенствованию. А если они не могли уже сами этого добиться, они давали своим детям дорогостоящее образование, только чтобы они не были лишены в жизни того места, которое не досталось родителям. Именно в стенах университетов и частных пансионов закладывалась основа для соединения знатности и богатства. Конечно, такая тенденция самым благоприятным образом сказалась на развитии системы образования и нормативной культуры в целом. Она способствовала как консолидации ведущих классов, так и определенной социальной мобильности для остального населения. В самой Англии ведущий класс сумел выработать социокультурный тип *джентльмена* как индивида, располагающего достаточным доходом, чтобы вести независимое существование, но пользующегося своим статусом не в силу аристократического происхождения, получения наследства или «сколачивания богатства», а через культивирование особого стиля жизни, не связанного с заботой, тревогами и житейской суетой и основанного на взаимном признании достоинства равных, проявляющегося в

226

манерах, в «честной игре», в поддержании насыщенной жизни. Сохранение высокого социокультурного стандарта в регуляции отношений между элитными группами позволило Англии, как известно, обойтись без формальной конституции.

Во всяком обществе, хотя и в разной степени, часть производства направлена на выпуск товаров престижного потребления, основная функция которых — оформлять разряды и градации в социальной структуре, выделять правящие классы, аристократию, средние и низшие слои. В добуржуазном обществе это проводилось нередко принудительно: представителям богатых, но не знатных семей запрещались какие-то чрезмерные знаки роскоши — в архитектуре или убранстве дома, одежде, потреблении, образе жизни и т.п.

Напротив, придворная аристократия утверждала свой статус через престижное потребление, демонстративное проявление богатства, утонченные церемонии, манеры, вкус. Знаки престижа во многом заменяли деньги, становясь сами по себе источником богатства. С переходом к буржуазным порядкам богатство приобретает доминирующее значение в ряду ценностей. Тем не менее бездушная рациональность этого критерия заставляет и новые состоятельные классы использовать престижность знаков сходящего со сцены дворянства и допускать сохранение дорогостоящих пережитков прежнего аристократизма.

Содержательное описание этой стороны социальной регуляции мы находим в книгах М. Оссовской «Рыцарь и буржуа» и А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Рыцарь должен отличаться красотой и привлекательностью, что подчеркивалось изысканностью его одежды и украшениями. От него требовалась физическая сила, мужество, постоянная забота о своей славе и чести, верность своим обязательствам и благородство по отношению к противнику. Как и всякий идеал, он трудно согласовывался с жизнью, и исторические тексты полны обвинений рыцарей в жестокости и вероломстве, жадности, нарушении клятвенных обещаний, ограблении церквей, разврате, битье жен, нарушении правил поединков и т.д. Переход от воинских доблестей к придворному этикету означал заметный сдвиг в нормах поведения. Прежде всего гораздо больше требовательности теперь предъявлялось совсем не к силе и мужеству, а изяществу манер, образованности и владению изящными искусствами, галантному обращению с женщинами и т.д.

В свете дальнейшего изложения особенно рельефно выглядит отношение аристократии к труду и богатству. С точки зрения дворянства, добывание материальных благ, грязные и тяжелые забо-

227

ты о хлебе насущном и вообще производительный труд, в том числе ремесленника и торговца, — удел низших и презренных людей, предназначенных Богом для того, чтобы обслуживать благородных. Благородные занятия — это война, рыцарские подвиги и забавы, а позднее — дворцовые празднества, да еще придворная служба. Руководство и организация хозяйства, как правило, не были свойственны аристократии и перекладывались на управителей и старост имений. Лишь часть монашества и некоторые категории дворянства, отошедшие от сословных претензий и втянувшиеся в рыночное хозяйство, вовлекались в производство, стремясь его улучшить с целью увеличения своих доходов. Но, конечно, дворянство считало себя вправе перераспределять продукт — через повинности, поборы, выкупы и прямой грабеж, а соответственно и тратить богатства на поддержание своего престижа и по прихоти сердца. Щедрость сеньора и джентльмена — высоко почитаемая черта.

Широта натуры, гостеприимство, готовность раздавать подарки — определяющий принцип дворянина в делах чести и любви. Скупой богач достоин всяческого поношения и презрения. В пушкинской драме «Скупой рыцарь» ему бросает перчатку его собственный сын. Уважение прав чьей бы то ни было собственности отнюдь не получило полноценного признания и зависело во многом от соотношения сил. Именно поэтому вокруг всех средневековых городов вырастают крепостные стены, защищающие жителей не только от чужеземных захватчиков, но и от своих сеньоров.

Но в нарастающей степени город мог противопоставить рыцарскому сословию не только мощные крепостные стены, более совершенное огнестрельное оружие, могущество денежного мешка, но и идеал «благородного человека», джентльмена. Для этого не имеет особого значения сила и внешняя красота, великолепие одежды и воинские доблести. Их заменили хорошее воспитание, достойные манеры, образование, полученное в закрытой школе, складная речь и владение другими языками. Подробное описание носителей этого типа культуры можно найти в книге У. Теккерея «Книга снобов», а несколько беглое, но очень содержательное — в первой главе пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». По романам У. Теккерея, Дж. Голсуорси, О. Хаксли, Р. Кипплинга, пьесам О. Уайльда и Б. Шоу можно судить о том, насколько сильным было воздействие культурных факторов на структуру английского общества, и о том высоком престиже, которым пользовалась культура, несмотря на острую саркастическую критику в ее адрес, исходившую зачастую от нее самой. 228

Соперничество между статусной иерархией и частным капиталом как источником престижного потребления присуще и отношениям между бюрократической номенклатурой и буржуазией. Номенклатура также закрепляет за собой место в социальной системе не только на основе выполнения функциональных обязанностей, но и через утверждение особых привилегий госслужащих и административного аппарата. Как известно, в дореволюционной России наряду с дворянскими помещиками существовал и обширный слой чиновничества, разделенного на ранги, и продвижение по лестнице чиновничьего аппарата подчас являлось важной целью, поглощавшей все силы и способности членов этого слоя. Подобный механизм утверждения государственно-партийной номенклатуры сформировался и в советском обществе. Расхождение между ценностями социализма, декларируемыми в идеологии, и системой закрытых привилегий, стало одной из существенных причин широкого отчуждения населения от правящего режима и стимулировало радикальные перемены.

В этих примерах речь идет о статусном значении культуры, о ее соучастии в формировании социальных структур. Однако наряду со структурами, в которых определяющее значение имели социально-экономические факторы, во всяком развитом обществе существуют и отношения, определяемые прежде всего духовными факторами. В наиболее полном виде они сказываются в религиозных отношениях, хотя и на них несомненное влияние имеют экономические и политические факторы. Религиозные отношения формируются через посредство значений и символов, воплощающих в себе сакральные ценности, приобщение к которым сулит человеку спасение и через ориентацию на которые он направляет свое поведение. Связь через символику, на основе которой религиозный институт обеспечивает постоянное общение и интеграцию верующих, становится важным механизмом социальной организации. (Подробнее эта роль религии раскроется перед нами в главе XII.)

Было бы большой ошибкой полагать, что позднее, в современном обществе, прошедшем через промышленную и информационную революцию, значением культурно-статусных отношений можно пренебречь и рассматривать человека только как homo economicus или как гражданина политической общности. Статусные и аскриптивные формы культуры (в том числе этническая, семейная, религиозная принадлежность) сохраняются в любом обществе, хотя и в ослабленном или же трансформированном виде. Важное значение статусная символика имеет в бюрократии, где должности, ранги, этикет — важные факторы организации.

229

Значительная часть отношений, которые принято называть товарно-денежными, построены на статусном присвоении культуры, которое сильно влияет на потребление товаров и услуг, а тем самым и на само их производство. Значительная его часть направлена на выпуск товаров престижного потребления, которое должно оформлять разряды и градации между элитой, средними и низшими слоями. В бытовой среде самое очевидное средство — это продукты питания, жилище и районы проживания. Почти идеальным средством статусной символизации считаются автомобили и одежда, подчиненные частым колебаниям моды и культивируемые как легко демонстрируемые средства оформления статуса. В тех же целях используется досуг, который следует проводить на модных курортах, религиозная принадлежность (следует посещать «свой приход», в котором собираются люди близкого круга), политические, этнические, земляческие ассоциации и т.д.

В стабильных социальных структурах статусная символика может длительное время поддерживаться в устойчивом состоянии, оформляя постоянные градации между сословиями,

рангами, ступенями бюрократической иерархии. В мобильном обществе происходит, с одной стороны, постепенное просачивание сверху вниз символов престижа, но с другой — вышестоящий класс вновь и вновь формирует символические барьеры, оформляющие социальную дистанцию между верхами, средними слоями и низами. Этот механизм целенаправленно используется бизнесом, работающим над повышением статусного сознания потребителей, всячески внедряя повышенный спрос на «элитную культуру» и ее демонстрируемые формы.

Огромные средства, затрачиваемые на рекламу, а тем более характер этой рекламы, подчеркивающей прежде всего статусные, а не собственно содержательные свойства товаров и услуг — свидетельство того, какое значение придает современный бизнес именно статусному потреблению, формированию новых потребностей и вкусов.

Конечно, статусная символика интенсивно используется в различных субкультурах, особенно военных, молодежных, конфессиональных, гендерных, криминальных и т.д.

КОМПЕНСАТОРНАЯ ФУНКЦИЯ

Многие культурологи склонны выделять особую компенсаторную функцию культуры, в рамках которой создаются различные формы отвлечения индивида или временных групп от участия в

230

тех или иных формах материальной или духовной деятельности для того, чтобы отдохнуть от жизненных проблем и целенаправленной активности и получить эмоциональную разрядку. Другое название этой функции — *рекреативная*, что отражает частое совпадение этой функции с периодом досуга и отдыха, т.е. временем, формально свободным от производственной или вообще «полезной» деятельности. Культура призвана обеспечить сохранение особой сферы, в которой поддерживаются хотя бы временные ниши для эмоционально значимой реализации тех ожиданий, которые не могут получить действительной реализации. В социологии эта сфера рассматривается большей частью как досуг, освобожденный от непосредственного участия в производстве. Но конечно, досуговая деятельность гораздо шире по своему содержанию, так как может включать самые разнообразные типы творческой деятельности, учебы, общения и т.д. С другой стороны, духовную компенсацию человек может получить как от выполнения религиозных обрядов, от мистического слияния с «высшей реальностью», от занятий художественной культурой (чтение книг, посещение театра, слушание музыки и т.д.), туризма или общения с природой, но также и от творческого увлечения, коллекционирования, воспитания детей или от участия в непрофессиональной политической деятельности.

Важной формой компенсации являются и праздники, на время которых обыденная жизнь преобразуется и создается обстановка приподнятого настроения. (К описанию роли праздников мы еще вернемся в главе X.) Всякий праздник обставляется в культуре различного рода упорядочивающими формальностями: соблюдение соответствующего времени и места, разыгрывание устойчивых ролей, выходящих за рамки повседневности. Разрушение этих формальностей и усиление чувственных склонностей приводит к тому, что рекреативная потребность превращается в стремление к физиологическому наслаждению, удовлетворяемому потреблением алкогольных напитков, наркотиков или средствами, предоставляемыми сексуальной сферой. Хорошо известно, какой размах во многих странах приобрела поглощающая сотни миллиардов долларов индустрия, обслуживающая компенсаторную функцию культуры.

ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Игра — существенный и специфический вид культурной деятельности, в которой, как часто полагают, человек предстает свободным от природной зависимости и способным самому высту-

231

пать как созидающий субъект, не подверженный какой-либо принудительности. Совпадая в некоторых отношениях с компенсаторной функцией, игра вместе с тем предстает как особая форма культурной деятельности, оказывающая влияние на многие стороны социальной регуляции.

Исходя из понимания игры как свободного творчества, Шиллер возводил к ней эстетическую деятельность. А известный голландский культуролог Й. Хейзинга усматривал в игре наиболее существенное проявление человеческой сущности. Игра — дело серьезное, несмотря на то, что играют и животные и дети, и на то, что именно с игрой зачастую связаны развлечения, явно не имеющие производственного характера, а требующие отвлечения от него.

Важная характеристика игры состоит в том, что она протекает в пространстве и времени, обособленных от остальных сфер, и стоит вне обычной жизни. Игра требует обособления участников от обыденной жизни, от производственной деятельности, от нормативной социальной среды.

Она протекает внутри собственных границ в соответствии с определенными правилами. Сама по себе она не связана с материальными интересами и бескорыстна. Поэтому разоблачение корыстного

использования игры сурово осуждается и наказывается. Игровое действие сосредоточено само на себе и не решает каких-либо неигровых задач, в отличие, например, от ритуала, который символизирует некую связь с высшим началом. Для ведения игры необходимо конструирование особой реальности, отделенной от неигровой, что всегда осознается как некоторая условность и двойственность. Если нет условности, нет и игры, как только игра приобретает практический характер, она утрачивает свой смысл. Но эта особая реальность не имеет высшего значения для остальной жизни, как этого требует религиозная реальность. Особая характеристика игры состоит в ее повторяемости. Будучи однажды сыгранной, она может быть повторена вновь и вновь, и для нее нужны особые временные регламенты (даты, юбилеи и т.д.).

Элементы игры неизменно используются в таких важных регулирующих или социализирующих сферах, как религия, политика, образование, воспитание, художественная культура. Но в каждой культуре формируются и собственно игровые сферы, связанные прежде всего с разнообразными видами спорта или развлечениями. Спортивные игры отличаются прежде всего принципом состязательности, требуют деления участников на противостоящие друг другу команды и направлены на достижение

232

выигрыша. Выигрыш может быть чисто символическим (лавровый венок, памятный диплом, выпелл, переходящее знамя, исполнение гимна и т.д.) либо материализованным в денежной премии. Но по принципу состязательности могут быть организованы и многие другие формы игровой деятельности: музыкальные и прочие конкурсы, певческие фестивали и т.д.

Развлекательные игры носят характер забавы с тем, чтобы отвлечь участников и зрителей от насущных житейских проблем и дать им компенсацию за нереализованные устремления в социально значимой деятельности. Развлечения поэтому выполняют и важную функцию снижения уровня психологической напряженности, возникающей в силу социального или политического противостояния различных сил и партий. Шуты и скоморохи, клоуны и затейники пользовались спросом во всяком обществе, в котором вызревала дифференцированная система регуляции.

В схематичном виде игры могут быть разделены на следующие разновидности: спортивные, детские, развлекательные, интеллектуальные, деловые, военные и т.д.

ФУНКЦИЯ - ДИСФУНКЦИЯ - ЛАТЕНТНАЯ (СКРЫТАЯ) ФУНКЦИЯ

За социальным, политическим или культурным явлением можно обнаружить совсем иные социальные факторы, оказывающиеся скрытыми от поверхностного сознания. Это различие между явлением и сущностью, между явными и скрытыми (латентными) функциями получило основательную разработку в марксистской социологии при анализе многих существенных сторон социальной жизнедеятельности. В частности, в этой социологии многое было сделано, чтобы показать связь политических или культурных явлений, религии или идеологии с интересами различных социальных слоев и классов. Важное значение в утверждении такой концепции придается известной работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», написанной в 1846 г. В ней Маркс и Энгельс показывают, как идейные образования можно объяснить, исходя из материальной практики и классовых отношений.

Проблема функциональности различных сторон социальной и духовной жизни много занимала позднейших социологов и культурологов. Выше, в главе II, мы уже рассматривали, как в рамках более позднего структурного функционализма, представленного Р. Мертоном и другими социологами, концепция функциональ-

233

ности подвергалась более тщательной разработке и усложнению, отвечающему сложности характера своего объекта — общества и его культуры. Мертон показал недопустимость сведения функции к полезному воздействию на систему и необходимость различия между *субъективным мотивом и объективной функцией* с ее реальными последствиями. Каждое явление может иметь несколько функций, а одна и та же функция может выполняться разными средствами, которые способны заменять друг друга. Набор этих средств не является неограниченным, и именно эта ограниченность и обозначает пределы приспособляемости группы и индивида к требованиям среды.

Одно и то же явление может быть одновременно функционально полезным в каком-то отношении и вредным в другом, что и заставляет рассматривать его с точки зрения функциональности и дисфункциональности. Если функция — это то, что способствует адаптации общества или индивида к своей среде, то дисфункция — то, что уменьшает степень этой адаптивности. Поэтому задача социологии в том, чтобы оценить соотношение позитивных и негативных характеристик в каждом явлении и выявить заменители тех или иных функций.

Такое усложнение анализа дает возможность выявить присущую обществу дифференциацию, соотношение различных частей, их взаимодействие и т.д. Это означает, что общество рассматрива-

ется как структурное образование, которому сочетание функций и дисфункций обеспечивает выживание, адаптацию к среде, гибкость в жизнедеятельности, способность к изменениям.

По Мертону, один из основных постулатов функционального анализа состоит в том, что одно и то же явление может выполнять различные функции, а вместе с тем являться дисфункциональным в каких-то отношениях. Это относится прежде всего к такому сложному и многозначному явлению, как религия, которая одновременно интегрирует и разъединяет, несет в себе «кладезь премудрости» и скопление «предрассудков» и т.д. Поэтому в социологическом плане важно исследовать баланс функций и дисфункций и выяснить, что может ослабить негативное воздействие какого-то элемента культуры и чем можно его заменить.

Что дает нам такая концепция для более разностороннего анализа рассмотренных выше функций культуры?

Уже при рассмотрении творчества как важнейшего источника пополнения культурного достояния каждое общество сталкивается с проблемой совместимости данного открытия с прежним опытом и сложившимися типами регуляции. Религиозные ценности входят в противоречие с той магией, которая направлена на улучшение

234

земных дел индивида или группы, и возникающая взаимная дисфункциональность лишь частично сглаживается в тех сферах, где достигнут «консенсус» (например, магическая роль обряда и священного текста). Хорошо известно и о взаимной дисфункциональности, возникающей при столкновении религиозных и научных ценностей, и потребовалось несколько веков духовной работы для того, чтобы сгладить и упорядочить это противоречие, разведя науку и религию по разным сферам жизнедеятельности.

Крайне необходимая функция сохранения и поддержания прежнего достояния, «памяти» общества может также привести к дисфункции, если эта память препятствует освоению новых достижений или приводит к противостоянию между «прогрессистами» и «консерваторами», «западниками» и «патриотами», если «историческая правда» одной общности приходит в противоречие с «правдой» другой общности. Дисфункционально знание, если оно попадает в распоряжение «не своего» субъекта деятельности и используется для защиты «чужих» интересов.

Такой же поворот к дисфункции несет в себе и функция коммуникации, всегда имеющая определенные пределы, за которые она не может переходить во избежание рассеивания коммуникативности. Но это означает, что всякое средство коммуникативности является и средством разграничения субъектов взаимодействия. Поэтому и существуют не «язык», а «языки», разделяющие общества и требующие адекватного перевода, разная символика, разграничивающая семейную, профессиональную, гражданскую жизнь, сферу досуга, различные сферы общения и т.д. Очевидно, что ценности разных сфер могут входить в противоречие друг с другом: рекреативные ценности в рабочее время или игровые ориентации в межличностных отношениях и т.п.

Дисфункциональным оказывается любое значение, если в контексте предполагаемой коммуникации оно таит в себе совсем не то содержание, которое должно было бы заключать по нормативному ожиданию. Тогда и возникает двусмысленность, демагогия и намеренное искажение, преследующее цель манипуляции общественным сознанием, еще сохраняющем привычное восприятие «нагруженных» слов: «прогресс», «революция», «держава», «реформа», «демократия», «рынок» и т.д. Учитывать соотношение функциональности и дисфункциональности информационных стереотипов с точки зрения задачи, введенной в данную «программу», — существенная задача теории массовой коммуникации и пропаганды.

Разрешить ситуацию дисфункциональности можно либо через подавление одной из сторон, через установление иерархии

235

или очередности функций или же через четкое разграничение сфер их применения.

Необходимость в устранении или ограничении дисфункциональности знания вызвала к жизни разнообразные формы его сокрытия и ограничения его распространения. В самом элементарном случае знание не должно стать достоянием разведывательных и шпионских служб военного противника. Жестким ограничениям подвергается и деловая информация, утечка которой может подорвать расчет на успех в конкурентной борьбе. Во всяком обществе существуют механизмы ограничения и сокрытия информации, придания ей статуса «специальной» и «секретной».

Именно Р. Мертоном было прочно введено в социологию понятие «латентной», т.е. скрытой функции в социальной, политической или культурной жизни, которая подлежит собственно социологическому анализу (см. главу II). Для гуманитарного культуроведения главное — раскрыть тот внутренний смысл мифа, представления, художественного произведения, акта творчества или его восприятия критиками или публикой, что и составляет признанное содержание общественного сознания. Задача социологического анализа — раскрыть не только значение мотивов (представлений, верований и т.д.) в социальном поведении, но и их социальные источники и объективные

последствия такого поведения, которые могут сильно отличаться от намерений. Хотя мотив и функция связаны между собой, они живут своей отдельной жизнью и могут изменяться независимо друг от друга.

Явная функция по Мертону — это «объективное следствие, способствующее адаптации системы, которое вызвано намеренно и признается в качестве такового участниками этой системы». Соответственно, скрытая функция вызывает следствие, «которое не входило в намерения участников и не признается в качестве такового». При этом такое следствие может оказаться позитивным или же негативным для данной общности, но сам факт выявляется лишь при взгляде со стороны, при социологическом навыке изучения реальных процессов.

Всякий, даже самый иррациональный ритуал, поверие, обычай и т.д., получающие лишь мифологическое (или псевдонаучное) объяснение и отвергаемые с точки зрения здравого смысла, могут оказаться функциональными, так как несут в себе способность отвечать какому-то жизненно важному интересу или потребности человека или группы. Их значение не ограничивается верой в акции по «вызову дождя». Многие церемонии проводятся просто по поводу памятных дат, связанных с жизнью верховного бога или же многочисленных святых. Календарь таких дат — напоминание об

иных началах в жизни, выходящих за рамки повседневности, о персонажах, которые совершили (или могли совершить) некоторое высокозначимое деяние. Проводимые по поводу некоторых условных дат церемонии собирают какое-то значимое число членов общины, а тем самым укрепляют среди них чувство единства, которое в остальное время может выглядеть весьма эфемерным и оказывается практически нефункционирующим.

Скрытая функциональность — обычный механизм в самых разных сферах. Товар производится отнюдь не только для того, чтобы быть полезным потребителю. Как известно, помимо этой потребительной стоимости он имеет еще и меновую стоимость, чтобы принести производителю желанную для того прибыль. Политика проводится через провозглашение тех принципов и целей, осуществление которых улучшило бы положение значительной части населения, но ее скрытая функция — привести к власти силы, заинтересованные в ее использовании для перераспределения общественных ресурсов в свою пользу, что далеко не всегда связано с выполнением обещаний. Скрытая функция национальной культуры — отделить «своих» от «чужих», чтобы ограничить права последних на почве «своего» государства. «Высокая» культура не только формирует духовное содержание развитого уровня, но и становится средством социального разграничения — создания дистанции между состоятельной элитой и остальной публикой. Научные знания могут служить не только сферой накопления новых знаний и открытий, но и каналом академической карьеры или, напротив, устранения от непосредственного участия в социальной жизни.

Глава VII. КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

Основные темы.

Социальная сущность личности. Рассмотрение личности в философской антропологии, социальной психологии и социологии культуры. Детерминация личности социокультурной системой и место личности в системе культурной регуляции. Ролевые структуры личности. Личность как объект и как субъект культурной деятельности.

Личность в разных культурах. Проявление личности в истории культуры как индивидуального самостоятельного начала и отражение ее неустроенности в художественной культуре древности. Религиозное решение вопроса: ее деперсонализация в отношениях с сакральным началом в различных мировых религиях. Культурный полиморфизм и варибель-

237

ность личности. Структура индивидуализации в разных религиях и культурных системах. Личность в восточных культурах: доминирование принципа органического включения личности в коллектив и механизм снятия внутренней напряженности. Статус личности в светских культурах. Личность в классической европейской культуре. Приоритет самостоятельного личностного начала, утверждение принципа индивидуализма, его нравственное и правовое ограничение. Образ человека в литературе и искусстве Востока и Запада.

Гуманистический потенциал рационально-этического индивида и культурная проблематичность индивидуальности. Кризис гуманистических ориентаций, проблема отчуждения и деперсонализации в условиях технизации и бюрократизации общества. Бегство от «Я» и поиски альтернативных форм персонализации. Роль восточных культов и новых религиозных и коммунитарных течений.

Типы социализации личности. Индивидуализм и сферы его проявления. Границы индивидуализма, его издержки и формы ограничения. Формы социализации личности в разной социальной и культурной среде. Роль семьи и культура детства.

Модернизация и личность. Показатели адаптации личности к переменам.

Маргинальная личность на рубеже культур: внутренний разлад или расширение духовных горизонтов? Показатели отчуждения и культурные каналы его преодоления.

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Рассмотренные выше элементы культуры — нормы, ценности, знания, ориентации — составляют определенную систему и в качестве таковой входят во взаимодействие с другими компонентами общественной регуляции, такими как экономика, социальная структура и политика. Однако не только указанные выше социальные институты являются носителями культуры, в которых воспроизводятся и распространяются ее элементы. Важным фактором, определяющим ее функционирование, и ее «носителем» является также личность. В ее поведении и внутреннем мире те обычаи, нормы и ценности, которые имеются в составе культуры, срабатывают или же не срабатывают, а подчас могут подвергаться разного рода трансформации.

Конечно, та или иная степень индивидуализации имеется в каждой культуре, и поэтому зачастую рассматривается типичная или базовая личность в культуре как носительница принятых норм и ценностей, доминирующих в данном обществе*. Однако в этом

* См.: Проблема человека в традиционных китайских учениях. - М., 1983.

238

случае речь идет большей частью об индивиде, вписанном в общую систему регуляции. Собственно личностное начало формируется через механизмы выбора того или иного типа поведения, ценностей и смыслов в этой общепринятой системе. За этот выбор личность несет ответственность, принимая на себя издержки риска и успех в достижениях.

Проблемы личности рассматриваются разными дисциплинами*. Особенно здесь важна роль социальной антропологии и психологии, для которой личность представляет некоторое интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические процессы индивида. В новейших психологических теориях, связанных со школой советского ученого Л. С. Выготского, раскрывается, что внутренние процессы человеческой психики складываются на основе межличностных процессов в ходе социализации человека. В социологическом плане выделяются те отношения и структуры, которые определяют поведение личности, входящей в различные социальные группы и общности: классы, нации, элиты, профессиональные, возрастные, половые и прочие.

В русском языке принято словом *личность* обозначать либо отдельного человека в обществе, т.е. индивида, либо человека как носителя социальных характеристик, либо как совокупности свойств, присущих данному человеку и составляющих его индивидуальность, его способность выступать самостоятельно, от своего имени.

Культурология рассматривает не только объективные, безличные аспекты существования элементов и структур культуры, но и субъективный план, воплощенный во внутреннем мире человека. Свойства индивида не исчерпываются его социальной или культурной принадлежностью. Существует еще и внутренний мир личности, в котором объективные факторы находят различное преломление. С одной стороны, культура формирует тот или иной тип личности, а с другой — личность вносит в нормы, потребности и поведенческие образцы свои требования и интересы. Без обращения к личностным факторам мы не сможем объяснить реального функционирования присущих культуре норм и ценностей (в отличие от их реального существования), а заодно и тех отклонений от норм, которые неизбежно происходят в реальной жизни общества. Именно при обращении к проблематике личности можно выявить противоречия и конфликты, которые вызывает в человеке несоответствие между утверждаемой нормой и

* В написании данного раздела автор опирался во многом на работы И.С. Кона.

239

ситуацией, что нередко приводит к тяжелым психологическим стрессам или социальным потрясениям.

Особое значение имеет проблема «Я». В субъективном плане «Я» связано с самосознанием личности, ощущением ею своих потенций и своего отличия от других. Объективные признаки «Я» уловить довольно трудно, поэтому и человеку не так-то легко ответить себе на вопрос: «Кто я такой?»

Каждая культура и каждый общественный строй по-своему формируют человека, придавая ему черты нормативного подобию или же разнообразия, допустимого в рамках определенной культуры или культурной группы. Степень индивидуализации сильно различается в разных культурных средах, и далеко не все общества имеют развитую идею личности.

Социокультурные факторы поведения личности могут быть во многом раскрыты при рассмотрении тех ролей, которые приняты для каждой субкультуры в данной общности. В ролевом описании любая социальная группа предстает в виде набора определенных позиций. Это могут быть классовые позиции (предприниматель или трудящийся), профессиональные (рабочий, крестьянин, военный, ученый), семейные (муж, жена, дети). Вместе с тем каждый человек может совмещать в себе несколько ролей, варьируя их в зависимости от цикла деятельности, ситуации или личной склонности (ленивый или старательный ученик).

Предположим, мы встречаем среднего современного жителя СНГ — инженера, демократа, но

бывшего члена КПСС, интересующегося садоводством, но также увлекающегося детективной литературой, любящего русские романы и поэзию Н. Гумилева (или украинские народные песни), неопределенно относящегося к религии. В качестве инженера он более или менее разделяет ту целостную систему знаний, на которой построена его ветвь инженерной науки. Как демократ он тоже обладает определенными политическими взглядами, насколько это возможно при несложившейся в нашей стране (и постоянно меняющейся) политической системе. Впрочем, как бывший член КПСС он склонен допускать, что в деятельности партии не все должно быть предано осуждению. Как семейный человек и владелец садового домика он склонен допустить больший авторитаризм в действиях властей, чтобы снизить уровень преступности. В остальных своих характеристиках он тоже носитель мало связанных между собой элементов, относящихся к разным сторонам культурной жизни. В целом в нашем индивиде мы находим сочетание нескольких разных систем, в каждой из которых он действует более или менее последовательно. Мы исключаем, конечно, резкие сры-

240

вы и перемены, например от симпатии к демократам к приверженности к национал-патриотам, от садоводства к коммерции, обращение в католицизм и т.п. Однако между его разными приверженностями и привязанностями нет какой-либо логичной или причинной связи.

Таким образом, индивид предстает как фрагментарная и частичная личность, как носитель разных ролей, относящихся к разным сферам и типам культуры. Еще А. Пушкин выразительно обрисовал совмещение самых разнородных сторон в личности поэта, который в обычном состоянии погружен «в заботы суетного света», но вдохновение преобразует его внутренний облик и делает его сопричастным «божественному глаголу». На более драматичном уровне эта проблема была им же сформулирована как совместимость или несовместимость «гения и злодейства». Именно классическая литература требовала изображения сильных характеров, отличающихся определенностью и последовательностью своих мыслей, ориентаций и поступков. Но уже введение образа «маленького человека» и изображение повседневной нормальной, т.е. нормативной, жизни привело к утверждению реализма и банализации ее персонажей.

В культурном плане проблематика освоения и сочетания ролей раскрывает многое в социальной жизни, формирует характер и идентичность социальных групп, наций и индивидов. Она оказывается крайне важной в общении между индивидами разных групп или социальной мобильности, меняющей положение групп и индивидов. В более развитых культурах именно появление индивидуальности способствует усилению дифференциации жизни и ее обогащению. Однако отношение к ней радикально отличается в зависимости от культурно-исторического типа.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что становление личности в истории культуры требует двух предпосылок. Во-первых, нужна некоторая внутренняя ценностная ориентация, установка на самооценку «Я», ее внутреннего мира, несовпадающего с требованиями внешнего мира, а иногда и противостоящего им. Такая отделенность фиксировалась в культуре различными способами. Еще от античной культуры в европейскую переходит понятие *судьбы* как неизбежного достояния каждого человека, над которым он в конечном счете не властен. В христианстве особое значение приобретает понятие *души* как сущностного и индивидуального достояния человека, соединяющего в себе некое божественное начало и личный выбор, определяющий состояние и конечные перспективы индивидуальной жизни. Но те или иные аналоги судьбы и души можно найти в каждой развитой культуре

241

и лишь детальное сопоставление культур покажет степень сходства и различия между ними.

Во-вторых, эта внутренняя отделенность и самостоятельность, способность противостоять общепринятому должна сдерживаться правилами поведения, ролевыми предписаниями, чтобы не подорвать принятые нормы, что могло бы ослабить сложившуюся («рутинную») и еще необходимую систему регуляции. Поэтому такая внутренняя самостоятельность может выражаться в скрытости личности, двоемыслии и лицемерии. В религиозной культуре не рекомендовалось публично проявлять свое инакомыслие, что выглядело как «непростительный грех гордыни», а несоблюдение норм и ритуалов сурово каралось.

Религиозная реформация, а затем растущая секуляризация в ряде западных стран, развитие буржуазного общества и частной собственности обеспечивают постепенное обособление частной жизни от публичной, личных взглядов от тех, что приняты в обществе. Однако длительное время явное проявление инакомыслия и несходства в образе жизни сурово осуждалось в общественном мнении. Необходимость поддержания приличий и условностей воспринималось личностью зачастую как тяжелое бремя. Поддержание этих условностей при внутреннем несогласии с ними воспринималось как лицемерие, а их нарушение формировало различные виды предпринимательства, авантюризма и девиантного поведения. Длительное время шла борьба между общепринятыми принципами морали и проявлениями личной инициативы. Феномен лицедейства все более проявляет себя как право индивида (как собственника, так и несобственника) отдавать отчет только самому

себе. Лишь постепенно устанавливались терпимость, а то и безразличие к внутренней стороне жизни человека, однако при условии, что он не нарушает явно правовой кодекс.

ЛИЧНОСТЬ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Личностное начало, идея личности как самостоятельного субъекта общественных отношений, опирающегося на свои собственные внутренние силы в той или иной мере, имеется в каждой развитой культуре. Однако существует заметное, а часто принципиальное различие в статусе личностного начала и его содержании в разных культурах, что зависит в значительной степени от характера религиозных компонентов данной культуры.

Европейская культурная традиция утверждает человека автономным субъектом деятельности, подчеркивает прежде всего его

242

единство, цельность, тождественность «Я» во всех его проявлениях. Констатация нескольких ролевых функций в общем не снимает такой принцип, раздробленность образов «Я» воспринимается как нечто ненормальное. Напротив, в восточных культурах ролевые функции во многом перекрывают самосознание личности. Человек осознает себя и воспринимается во многом в зависимости от той среды или сферы, в которой он в данный отрезок времени действует. Здесь человек рассматривается прежде всего как средоточие партикулярных обязательств и ответственности, вытекающих из его принадлежности к семье, общине, клану, религиозной общности и государству.

В классической китайской традиции высшей добродетелью считалось подчинение человека узаконенным нормам и подавление им своего «Я». Конфуцианские принципы утверждали необходимость ограничения эмоций, жесткий контроль разума над чувством и умение выражать свои переживания в строго определенной, принятой форме. В условиях засилья официального бюрократизма естественным способом обойти это требование был уход от практической общественной деятельности в уединенную монашескую жизнь в дзэнских монастырях. Разработанная система психофизической тренировки давала чувство саморастворения во вселенском целом.

Несколько иначе выглядело отношение личности к обществу в классической индийской традиции. В философских системах человеческое «Я» оказывалось обусловленным не какими-либо конкретными причинами, а реальностью сверхличного духа, по отношению к которому телесное и эмпирическое «Я» — временное и преходящее явление. К тому же вера в карму как череду переселения душ делает бытие каждого индивида условным, лишает его самостоятельной ценности. Индивид достигает самореализации через отрицание своей эмпирической природы, путем разрыва всех конкретных связей с другими людьми, обществом, миром и своими деяниями, чтобы стать «саньясином».

Только в европейско-американской культуре личностное начало получило статус безусловности, неподчиненности другим регулятивным принципам (сакральные принципы, святость непреходящих ценностей, Священного Писания, общеобязательная идеология). Устойчивость внутреннего мира личности не зависит от каких-либо внешних авторитетов, так как в себе самом индивид находит те безусловные принципы, которые помогают ему выстоять в любых обстоятельствах и придать им смысл, опираясь на собственное суждение, руководствуясь чувством ответственности в отлаживании своей деятельности. Синонимичным

243

атрибутом такого понимания личности является индивидуализм как установка на самозначимость уникальной человеческой жизни и высшую ценность интересов отдельного человека. В этом случае и возникает противопоставление «индивидуализм — коллективизм» и приоритет отдается первому началу, хотя и ограниченному внутренними нравственными принципами и правовыми нормами.

Двойственность личности и индивидуализма как социокультурных характеристик подчеркивает видный французский социолог А. Турен. Нередко индивидуализм определялся как ориентация на получение путем рациональных действий наибольшей практической выгоды с наименьшими затратами, т.е. как «человек экономический» (*homo economicus*). Тот же, кто ставил свои религиозные, политические, профессиональные или семейные привязанности выше материальных ориентаций, считался скорее коллективистом. Соответственно, по логике свободного рынка, личностью может выступать лишь частный собственник, стремящийся ее сохранить и приумножить. Происходившее в западной цивилизации длительное выяснение принципов деятельности индивида, отстаивающего свои интересы в мире конкуренции, привело к значительному углублению проблемы личности, показало всю ее сложность и неоднозначность. Либерально-оптимистические взгляды открывали путь к анархическому своеволию и вместе с тем к социальным конфликтам. Выяснилось и то, что каждый индивид — не самостоятельный Робинзон, а член того или иного коллектива — профессионального, территориального или национального, участник той или другой общественной организации, через которую он и может отстаивать свои интересы. Протест против принуждений коллективной жизни может вызвать интерес окружающих, но он ограничен по возможностям и

может вести к поражению и изоляции индивида. Кроме того, выяснилось, что «индивид с его свободой выбора отнюдь не является ни человеком разумным, ни хозяином самому себе. Его скорее можно сравнить с песчинкой, он объект рекламы и пропаганды. Более того, он всего лишь псевдоактер, роль которого практически полностью определена его местом в обществе... Психология и особенно психоанализ освободили нас от иллюзий своего "Я" в той же мере, в какой литература и живопись низвергли портрет, который восторжествовал как жанр в эпоху великих побед классического рационализма*».

* Турен А. Индивидуализм, личность // Опыт словаря нового мышления. — М., 1989.-С. 112-113.

244

Конечно, для формирования устойчивой социокультурной структуры, обеспечивающей функционирование личности, необходимо подключение сложной и широко дифференцированной системы ориентаций, выработанных в лоне западной цивилизации. Существенными источниками такой системы являются античная духовная рациональность, христианский опыт индивидуального спасения, гражданское право, достижения просвещения, научности и критического реализма, формировавшиеся в рамках западной цивилизации уже в Новое время. Особое значение приобретает утверждение системы морали и права, в которой содержатся тщательно разработанные принципы отношений личности и общества. Но их обеспечение — задача соответствующих социальных и культурных институтов.

Описанное выше различие в типах личности присутствует не только на уровне философских концепций, а пронизывает и основные сферы культуры. В западных фильмах, демонстрируемых на массовом экране, настоящий ковбой, супершпион или сыщик всегда действуют в одиночку, демонстрируя индивидуальную волю к победе, невзирая на моральные ограничения. На Востоке, судя по такого же рода фильмам, в бой идут за компанию, собирают соратников или друзей, заранее предполагая, что «тебя могут убить, зато мы выиграем». Так собирают соратников в японских, китайских или индийских фильмах. И даже проявив свои высшие индивидуальные качества в восточных единоборствах, герой посвящает свои достижения своей группе, клану или народу.

ТИПЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В каждом обществе вырабатывается процесс социализации личности, т.е. развития человека активного, полноценного члена общества. В его ходе осуществляется подключение индивида к социальной памяти данной общности, освоение им накопленных традиций. Через различные социальные механизмы и институты индивид осваивает необходимые производственные навыки, практические знания о естественной и социальной среде, культурные ценности и нормы. Существует немало определений процесса социализации, но, несмотря на некоторые различия в акцентах, сущность этого процесса понимается как усвоение индивидом необходимого для жизни в данном обществе социокультурного опыта.

Особенности социализации зависят от исторически конкретной социально-экономической структуры и преобладающего типа культуры. Поэтому говорят об особенностях социализации в раз-

245

личных общественно-экономических системах и существенных отличиях в положении индивида в условиях первобытнообщинного, античного, феодального (европейского), крепостнического (восточного) и капиталистического или социалистического общества. В рамках одного и того же общества огромное значение для особенностей социализации имеет классовая принадлежность индивида.

На реальную судьбу личности влияет соотношение между социальными условиями, субъективными стремлениями и возможностями личности, связанными с внутренней культурой.

Все эти компоненты оказываются подвижными и изменчивыми. Весьма поучительно в социологическом плане сопоставление высоких образцов художественной культуры и масскульта. Коварство, жестокость и тем более убийство, к которым прибегает самоутверждающийся персонаж в произведениях классической литературы, осуждаются и влекут за собой то или иное прямое или косвенное наказание — со стороны жертвы, правосудия или же самой судьбы. В литературе массовой культуры такого рода проступки могут восприниматься как вполне допустимые, если они способствуют достижению цели, а сам персонаж ускользает от правосудия и обретает зримое богатство — или же совершает все это ради возмездия. К тому же все нормальные люди в той или иной степени подвластны таким мотивациям.

Но это социальные дилеммы, связанные с безусловным принятием господствующих в современном обществе достигательных ценностей, измеряемых капиталом. Возможны и принципиально иные ориентации, если эти ценности не принимаются личностью, утверждающей себя в иных вариантах деятельности. Революционная позиция означает борьбу за перестройку нетерпимых далее социальных отношений. Но можно попытаться также снять эмоциональную нагрузку, доводящую человека до невроза, путем различных форм внутренней разрядки.

Конкретизируя детерминанты социализации, следует отметить социально-групповую, культурно-религиозную и этническую принадлежность индивида, характер трудовой деятельности, которой занята общность в целом и каждая отдельная семья — главный и первичный механизм социализации, экономический и социальный статус родителей и ближайших родственников ребенка

и т.д.

Несмотря на многообразие стадийных и культурных различий докапиталистических обществ, процесс социализации в них характеризовался общими чертами. В первобытном обществе не существовало специализированных институтов и социализация от-

246

личалась малой расчлененностью и маловероятностью тех навыков и ценностей, которые должны были усваиваться индивидами. Примитивная хозяйственная деятельность и социокультурная статичность такого общества при низкой продолжительности жизни обуславливали стереотипность и ускоренность социализации. Ее венцом обычно был обряд инициации подростка во взрослое состояние, который символизирует наступление социальной зрелости, наделяя его набором освященных традициями прав и обязанностей.

Слабая дифференцированность, пространственная и временная ограниченность передачи социокультурного опыта жизни сковывают возможности первичных коллективов. Отсутствие институтов культуры, специальной системы образования и средств коммуникации приводило к тому, что коллективный опыт передавался прежде всего через устную речь (в том числе фольклор), житейскую мудрость и опытность, которые приходили к индивиду со временем и были прямо пропорциональны его возрасту. Продолжительность жизни индивида ставилась важным условием накопления и сохранения социально значимой информации, что придавало возрасту высокий престиж. Почитание старейшин заменяло институциональный механизм передачи культурного опыта.

Но и в настоящее время в развивающихся странах социализация ребенка в первые годы осуществляется, как правило, традиционными методами и традиционными институтами. В деревнях ответственность за воспитание подрастающего поколения по традиции несет вся община. Свой ранний возраст (до 3—4 лет) ребенок проводит обычно в тесном общении с матерью. Со временем в его воспитание включаются дедушки и бабушки, старшие братья и сестры, дяди и тети и другие родственники. В любом обществе детей приобщают путем мелких поручений и игровых ситуаций к определенным формам трудовой деятельности, учат быть послушными и уважать старших, знать культуру и мораль своего народа, соблюдать определенные нормы и правила поведения.

Уважение к старшим и возрастная соподчиненность — важная черта образа жизни и процесса социализации. Ее значимость закрепляется в сохраняющихся поныне возрастных группах, на которых зиждется традиционная система образования, и в специальных речевых оборотах, которыми пользуются в обращении к представителям различных социально-возрастных групп, и в особых приставках к имени индивида в зависимости от возраста индивида и его социального положения.

В основе традиционного воспитания лежат наблюдение, подражание и участие. Социализация включает разнообразные физи-

247

ческие упражнения, отражающие элементы трудовой деятельности и культурных ритуалов, обучение ремеслу, религии и обычаям. Освоение всего этого стимулируется как поощрением, так и суровым наказанием. Важным средством передачи традиции являются танцы, музыка, народный фольклор.

В 90-х гг. число детей дошкольного возраста намного превысило отметку 1 миллиард. Подавляющая часть новых жителей нашей планеты родится в развивающихся странах. От того, как пройдет социализация этого поколения, какую информацию получит оно в ходе этого процесса, к каким идеалам и ценностям приобщится, во многом будет зависеть то, в чьих руках окажутся судьбы большей части человечества в начале нового тысячелетия.

Но не только семья в развивающихся странах сохраняет функции главного социализирующего фактора и служит трансмиссией для передачи культурных традиций и ценностей от поколения к поколению. Важным механизмом социализации являются религиозные школы, которые оказывают заметное влияние на воспитание молодежи.

Существует немало и других социокультурных институтов, которые традиционно продолжают выполнять в развивающихся странах значимые функции социализации. Традиционные народные представления — религиозные обряды и ритуалы, кукольный театр — не окостенелые остатки прошлого, а чрезвычайно активные и функционально значимые культурные институты. Они обладают жизненной и творческой силой, играют важную роль в обществе. Эти традиционные средства коммуникации служат не только источником развлечения и информации, через них людям прививаются общепринятые нормы и ценности — короче, они выполняют общую функцию социализации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

В настоящее время радикально меняется содержание социализации за счет количественного увеличения, качественного усложнения и расчленения той информации, которую должен освоить индивид в ходе формирования своей личности. Однако все эти изменения, в той или иной степени присущие любому обществу, в сегодняшнем афро-азиатском ареале протекают через такие разнородные механизмы социализации, которых не знало еще ни одно из ранее существующих обществ.

Разрыв с традиционализмом и модернизация в культурном плане ведут к распаду прежнего единообразия и устойчивости.

248

Плюрализм ценностных пластов отражает прогресс в сфере материального производства, дифференциацию самой социальной структуры — формирование различных социальных и профессиональных групп, классов, прослоек. В свою очередь сама ценностная вариативность становится одним из условий мобильности социальной системы, ее прогрессивного развития, способствует созданию предпосылок для индивидуализации личности.

Все это усиливает динамику, меняет механизмы социализации личности. Рушатся прежние перегородки, отгораживающие то социокультурное поле, в рамках которого происходила прежде всего социализация индивида.

Среди показателей модернизации личности выделяются:

1. Открытость новой практике, как в отношениях с людьми, так и в плане освоения новых производственных навыков.

2. Рост независимости от власти таких традиционных факторов, как семья и религия, смещение лояльности в направлении к современным политическим и общественным лидерам, руководителям профсоюзов, кооперативов и т.д.

3. Вера в действенность науки и медицины в целом и отход от пассивности и фатализма при встрече с трудностями жизни.

4. Стремление индивида и его детей достичь более высокий профессиональный и образовательный статус.

5. Планирование дел и действий заранее, уважение точности во времени.

6. Возрастание интереса к социальной и политической жизни, принятие в ней все более активного участия.

7. Стремление быть в курсе новостей и все большее предпочтение отдавать новостям общенационального и международного масштаба по сравнению с событиями местного значения.

Важно отметить, что, несмотря на социально-экономические, политические и этнокультурные различия, везде школа и образование играют доминирующую роль в формировании новых, более современных и динамичных качеств личности подростка. Помимо грамоты, навыков писать, читать и считать учащиеся приобщаются к новым ценностям, новым психологическим установкам и моделям поведения, которые высоко значимы для их личностного развития и будущего развития их стран. Те из подростков, которые дольше посещали школу, не только более информированы и обладают более развитыми навыками устной речи. У них иное восприятие времени, более сильное чувство личной и социальной ответственности. Они более активно участвуют в общественных делах, более восприимчивы к новым идеям, людям, по-иному взаимодействуют с другими людьми. Они больше ценят науку,

249

быстрее воспринимают любые изменения и более подготовлены к тому, чтобы значительно ограничить количество своих будущих детей.

Богатство личности заключается в богатстве ее реальной деятельности и содержательности ее общения с обществом. Достижение в полной мере этого богатства составляет гуманистический идеал, возможность реализации которого зависит от уровня развития производительных сил.

Всесторонне развитая личность вовсе не совпадает с идеалом всестороннего потребителя. Сведение человеческих потребностей к потреблению вещей и зрелищ — следствие социального воздействия и отчуждения человека от реального процесса производства и от других людей, «возмещением» за что и служит вещь или развлечение. Истинно человеческое потребление состоит не в присвоении вещи, а в усвоении способа деятельности и общения с другими людьми, что сближает людей и предполагает активную самореализацию личности в творческом труде и общении.

Маргинальная личность.

За последние десятилетия много исследований по социологии культуры было посвящено маргинальной личности. Через эти исследования удалось раскрыть важные закономерности в характере культурных изменений, происходящих в освободившихся странах в ходе модернизации. Маргинальная личность — это человек, живущий и сознательно участвующий в культурной жизни и

традициях двух разных народов. Он никогда не может совершенно порвать (даже если ему будет дана такая возможность) со своим прошлым и его традициями и никогда не будет совершенно принят в новое общество, в котором он теперь пытается найти для себя место. Он человек на рубеже двух культур и двух обществ, которые никогда полностью не совпадут.

Маргинальная личность является продуктом миграции населения, тех разнообразных процессов, в результате которых человек определенной культуры вынужден осваивать иные, чуждые ему культурные ценности, социальные роли, образ жизни.

Состояние маргинальности, если оно приобретает стойкий характер, делает личность скоплением разноплановых социальных ролей и культурных ориентаций. Такая амбивалентность ведет нередко к деперсонализации, порождает внутреннюю напряженность, психические расстройства и срывы. Вместе с тем именно такое совмещение элементов разных культур может приводить к обогащению личности, создавать предпосылки для развития ее творческих способностей.

Особенности социализации способствуют возникновению неустойчивости и эклектичности в структуре личности (особенно

250

личности маргинала) в условиях переходного (постколониального) общества, преобладанию «психологически расколотого» типа личности. В такой личности странно уживаются традиция и современность, мистика и рационализм, знание и архаические предрассудки, религиозная созерцательность и политический динамизм.

Следует отметить, что процессы модернизации преломляются в личности весьма своеобразным образом. Дело в том, что каждый конкретный индивид включен не вообще в культуру, а в весьма конкретное социальное и культурное поле, которое является лишь фрагментом данного общества с определенными механизмами социализации и наборами культурных ценностей.

Одним из важнейших факторов, влияющих на человека в переходном обществе, является «революция ожиданий», которая обещает ему улучшить экономическое положение, предоставить землю, недорогие продукты питания, работу, т.е. удовлетворить основные желания. Такие ожидания во многом перестраивают внутренний мир людей как в городе, так и в деревне. Но при этом возникают тяжелые коллизии от столкновения ожиданий с действительностью. В городе индивид (зачастую недавний выходец из деревни) оказывается лишенным работы, жилья, нормального и достаточного питания, медицинского контроля. Тяготы и лишения рассеивают мираж, углубляют разочарование новоявленного горожанина. Вместе с тем его кругозор расширяется — он узнает о существовании иного образа жизни, других религий и политических воззрений, учится терпимости в отношении норм поведения и привычек, нередко противоречащих его собственным. Но терпимость имеет свои пределы и переходит в зависть, озлобленность, гнев из-за вопиющей несправедливости, экономического да и политического неравенства, растущей пропасти между кричащей роскошью и предельной бедностью.

Все эти факторы и процессы создают тот социальный контекст, в котором рождается «переходная личность» — изолированный, одинокий и беззащитный человек, вырванный с корнями из привычной среды и тщетно ищущий почву, чтобы укорениться в иной, далеко не эквивалентной среде. Успех сопутствует лишь немногим, которым удается приобрести профессию, усвоить городские обычаи и влиться в ряды квалифицированных рабочих, офицеров, интеллектуалов, предпринимателей.

Однако большинство так и остается в переходном состоянии. Потеряв относительное спокойствие традиционного мирка, маргинальный человек стремится во что бы то ни стало обрести новую стабильность, новые авторитеты взамен прежних с тем, что-

251

бы от них услышать четкие указания на то, как жить и что делать дальше.

Итак, личность выступает как носительница культуры. В ней ценности, нормы, знания и вера превращаются в поведение человека в окружающем мире, в его отношение к другим людям и к миру в целом. Без личности, ее целенаправленной и осмысленной деятельности культура, по сути дела, не может реализоваться и существует лишь как набор отвлеченных принципов и смыслов. Однако личность не может быть целиком отождествлена со всей культурой данной общности. Она вмещает в себя какую-то ее часть, а вернее, различные элементы, отвечающие социальному положению личности и характеру социализации. Вместе с тем в условиях интенсивного взаимодействия культур личность может в той или иной степени сталкиваться с иными ценностями, нормами и типами поведения. Это требует знаний о другой культуре, способности адаптации к разной культурной среде. Социология культуры призвана стать одним из средств, способствующих развитию такой способности.

Глава VIII. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР

Основные темы.

Многообразие типологий культуры как отражение ее многофункциональности и соотнесенности с другими компонентами (прежде всего хозяйством и политикой). Культурные скопления и культурные системы. Выделение культур по сходству: хозяйственно-культурные, этнолингвистические, историко-этнографические. Культурные ареалы.

Формационный и классовый типы культур как формально соотнесенные с социально-экономическими структурами.

Социокультурная стратификация и субкультуры. Многомерный характер социокультурной дифференциации. Характер производства, уровень образования, социальный престиж как факторы дифференциации. Социальный слой как форма культурной дифференциации. Роль культурной мобильности в изменении социальной стратификации. Субкультуры и функциональные культуры — профессиональные, территориальные, возрастные, половозрастные, их роль в дифференциации жизни общества. Молодежная субкультура в современном обществе.

Культура и этнос. Культуры исторических общностей. Этнические культуры, связанные с общностью происхождения и проживания («кровь и почва»). Основные характеристики этнической культуры: локальная солидарность и антагонизм по отношению к другим этносам. Значение этнодифференцирующих характеристик в языке, обычаях, обрядах, нор-

252

мах поведения, народном искусстве. Функциональность и условность деления «мы - они». Устойчивость этнического своеобразия и самосознания в современных отношениях. Этническая идентификация человека и проблемы миграции в современном мире.

Национальная культура и национализм. Основные подходы в изучении и оценке национальных образований. Формалистическая концепция. Ограниченность и условность «естественных» характеристик для определения нации. Релятивистская концепция нации как выражение политико-идеологического движения за самоопределение. Культурно-коммуникативный подход. Роль языка, образования и художественной культуры в утверждении национального самосознания. Национализм и модернизация, роль расширения обмена и коммуникативных связей в укреплении национального единства. Значение экономических, политических и культурных факторов в национальной интеграции.

Национализм и история. Обращение национального сознания к истории и избирательность исторической памяти.

Цивилизация как тип социокультурной общности. Основные характеристики цивилизации: а) создание всеобщей социокультурной связи индивидов и групп, превосходящей местную ограниченность и разделенность по социальным и культурным признакам (содержание принципа всеобщности); б) дифференциация жизнедеятельности, обеспечивающая разнообразие общественной жизни; в) обеспечение преемственности как связи с прошлым и как перспективы на будущее. Соотношение религиозного и светского начал в цивилизации. Классификация цивилизаций. Цивилизационное деление на Запад и Восток, на региональные цивилизации. Духовная и социальная структура цивилизаций. Динамика цивилизационных изменений.

МНОГООБРАЗИЕ ТИПОЛОГИЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

Присущее культуре многообразие, ее способность выполнять разные функции и входить во взаимодействие с различными компонентами делают ее непременной частью не только совокупного производства в целом, но и, каждой формы социальной деятельности. Культура влияет на производство и составляет «культуру производства» или «хозяйственную этику», на политику и составляет «политическую культуру» и т.д. Она становится и средством оформления классовых отношений или национальной самобытности. Поэтому возникает естественный вопрос: что более оправданно — выделять в качестве самостоятельных типологических вариантов разные национальные культуры, хотя и имеющие внутреннее деление на классовые субкультуры, или же выделять прежде всего социально-классовые типы культур (буржуазная, пролетарская, крестьянская), считая национальный признак вторич-

253

ным делением, подлежащим постепенному изживанию? У обеих точек зрения находятся свои приверженцы, приводящие соответствующие доводы. Расцвет пролетарского искусства и литературы в Германии или России в первые десятилетия XX в., устойчивость крестьянской культуры даже в условиях ускоренных перемен — важные факты истории художественной культуры, в которых проявляются и социальные закономерности. Лишь интенсивное утверждение массовой культуры в конце XX в. приводит к ускоренному стиранию классовых различий в прежнем их виде, хотя и с образованием новых, «постиндустриальных».

Тем не менее на протяжении всей истории человеческой культуры социально-классовое деление было вторичным, формировалось в рамках тех основных социокультурных структур, которые связаны с цивилизационными и национальными типами регуляции. Даже в условиях стабильного

экономического развития и интенсивной миграции населения социальные группы в основном сохраняют свою конфессиональную или национальную принадлежность. Хотя классовые интересы, несомненно, проявляются и в культурной регуляции, для культуры в целом преобладающее значение имеет совокупная жизнь общества, претворяющаяся в национальных и цивилизационных формах.

Как мы видели, культура тесно связана с другими сферами социальной жизнедеятельности, что и придает ей огромное разнообразие. Поэтому типология культур может проводиться по разным принципам: хозяйственному (бронзовая культура, пастушеская культура, технологическая культура); формационному (патриархальная, феодальная или буржуазная культура); социальному (пролетарская, крестьянская или культура буржуазии); политическому (революционная или реакционная культура); историческому (средневековая культура) и т.д. И все же это типология, проведенная не по собственно культурным признакам, а перечисленные явления относятся к сфере других дисциплин. Социологически упорядоченную систему классификации разработал П. Сорокин, который выделил три типа культурных образований: разнородные скопления, образования со сходными характеристиками и органические системы*. Рассмотрим каждый из этих типов:

1. В разнородных скоплениях культурные феномены предстают как своего рода «лоскутное одеяло», составленное из самых разных явлений и вещей, не имеющих достаточной связи между собой и соединенных внешней для такого скопления причиной. Так,

* В детализированном виде эту классификацию дает П. Сорокин в книге: Sorokin P. *Society, Culture and Personality*. - N.Y.; L. - 1947.

254

набор предметов культуры в музее этнографии в ряде отношений предстает как скопление, а наличие рядом охотничьего лука со стрелами, прялки, мотыги еще не выявляет их смыслового единства. Каждая культура может быть описана (хотя бы в энциклопедии) с точки зрения наличия в ней скопления тех универсалий, которые составляют обязательные атрибуты и аксессуары общественной жизни: образование, религиозные обряды, танцы, сексуальные ограничения, магия и т.п. Но такого рода описания, необходимые для детального знакомства с культурой, еще не дают представления о принципах, по которым функционирует культура. Нередко культурные характеристики обусловлены многообразием общественной жизни и связаны с различными источниками и функциями данного института или индивида. Как мы видели в главе VII, и индивид в культурном плане также большей частью выступает как скопление — носитель разнородных элементов, которые он не всегда может согласовать для самого себя.

2. Образования со сходными социокультурными характеристиками. Описание по сходству позволяет выявить либо а) содержательные функции культуры в разных социально-экономических единицах (городская, классовая, возрастная культуры); либо б) ареал распространения тех или иных элементов (что служит предметом рассмотрения в этнографии). Сходство различных аспектов культуры порождает метаэтнические, т.е. объединяющие несколько этносов, общности: этноязыковые, культурно-хозяйственные (по сходству материальной культуры), историко-этнографические (по сходству художественной и бытовой культуры), этно-конфессиональные (по единству религиозных верований). Эти единицы выделяются на основании сходства населения по какому-либо общему признаку (тип хозяйства, язык, вероисповедание), но это сходство может не распространяться на другие стороны жизни. Еще до недавних пор кочевые народности Средней Азии, имевшие сходный образ хозяйственной жизни и говорившие на близких языках, устойчиво делились по родоплеменному признаку, следы которого сохранились до сих пор. Сходство культурных характеристик дает основания для выделения тех или иных *культурных ареалов*. Например, в российской Сибири на протяжении XVIII—XIX вв. складывается симбиоз присваивающего, кочевого и пашенного типов хозяйства, перемежающихся в соседних ареалах. Хозяйственные уклады в большой степени совпадали и с этнокультурными.

Таким образом, признаки сходства сами по себе не создают реальной общности, а единство этнических групп возникает во

255

многим в силу спаянности естественными родственными и природно-хозяйственными связями.

3. Органические системы. Как мы видели, культура образуется в ходе сложного взаимодействия различных компонентов, необходимых для полноценной совокупной духовной регуляции общества. Поэтому ее органическая целостность — не продукт естественного развития человеческого коллектива, стихийного роста его производительных сил или политической воли. Она возникает только в ходе длительного, последовательного и целеустремленного развития культурных факторов. Такого рода целостность формируется в различных формах духовной жизни: язык, этика и право, религия, художественная культура и наука. В каждой из этих форм существует определенная системность, допускающая различные варианты, но отсекающая те из них, которые нарушают функционирование целого. Выше мы уже рассматривали эти системы как основные компоненты культуры. Сейчас нам следует обратить внимание на три обстоятельства. Далеко не всегда перечисленные формы культуры в своей совокупности составляют органическое целое. Это может

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 2004 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

происходить как в силу противоречивости самой культурной жизни, ее непоследовательности, подверженности разрывающим ее «тело» внутренним социально-политическим факторам или же внешним влияниям. Вместе с тем в этом может сказываться и диалектика саморазвития, например, художественной культуры или же науки, в которых постоянно выдвигаются противостоящие друг другу идеи и ценности в ожидании, когда эта диалектика получит разрешение на более высоком уровне эволюции общества. Второе обстоятельство заключается в том, что хотя каждому обществу присущи все эти формы, хотя бы и в неразвитом варианте, степень их развития может меняться не только в зависимости от уровня развития самого общества, но и по отношению друг к другу.

Третье обстоятельство заключается в том, что эти культурные компоненты являются достаточно самостоятельными, чтобы выходить за рамки конкретных обществ и распространяться на другие страны и народы. Религия по изначальному замыслу была нацелена на то, чтобы превзойти этнические и национальные рамки и охватить людей разного происхождения. Наука, возникшая в социокультурных условиях некоторых обществ, имеет тенденцию распространения по всему миру, не зная границ.

Таким образом, именно о высоких формах культуры мы можем говорить как об органических системах, выделяя их как основные, достаточно самостоятельные компоненты совокупной духовной регуляции общества. Эти компоненты были рассмот-

256

рены детально в главе V. Однако наряду с высокой культурой, содержащей в себе некоторые общие для всего социального организма компоненты духовной жизни, существенное значение, как мы видели в главе VI, имеют и специализированные формы культуры, обслуживающие отдельные частные сферы деятельности.

Именно обыденная культура в большей степени, чем любая другая, может быть определена в соответствии с классификацией П. Сорокина, как «скопление разнородных элементов», связанных лишь косвенно теми причинами, которые обеспечивают жизнедеятельность человека. При всей своей разнородности эта культура синкретична, так как она связана в единое целое устойчивостью быта, формирующегося нередко в течение долгих лет и даже поколений.

ФОРМАЦИОННЫЙ И КЛАССОВЫЙ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ

Характерным проявлением культурных образований, выделяемых по сходству признаков, может служить формационный тип культуры, выделяемый на основе отражения интересов основного класса данной социально-экономической формации как функции базисной структуры данного общества. Эта концепция принята в марксистской социологии, и в ней выделяются «рабовладельческая», «феодалная», «буржуазная» и «социалистическая» культуры, а в рамках антагонистических формаций вычленяется «демократическая» культура или ее хотя бы и неразвитые элементы. По существу те функциональные субкультуры, которые действительно связаны со специфическими интересами и образом жизни различных классов, возводятся в самостоятельные и особые варианты культуры, что приводит к теоретическому разрыву культуры в целом. При выделении двух классовых культур возникает сложная идеологическая задача расчленения направлений, течений и творчества отдельных художников, писателей и мыслителей на классово-обусловленные варианты ценностей. История культуры при этом трактуется как борьба «двух тенденций» и «двух линий». В русской культуре трещина проходила через сердца и творчество А. Герцена, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, но рассматривалась она не как внутренние сомнения и противоречия, а как показатель колебаний в выборе между двумя непримиримыми культурами. Что касается той духовной продукции, которая не поддавалась такому размежеванию (прежде всего религиозная культура и те проявления, кото-

257

рые отражали поиски национальной самобытности), она обычно замалчивалась или преподносилась односторонне, подвергаясь идеологической интерпретации.

В соответствии с этой идеологической доктриной партийно-государственное регулирование в области культуры было направлено на жесткое и последовательное ограничение или затупевывания той культуры, которая классифицировалась как помещичье-буржуазная, отстаивающая интересы господствующих классов. Это не всегда означало действительное изъятие из обращения произведений прошлого, но требовало их соответствующей идейной интерпретации, чтобы представить все развитие русской культуры как последовательное развитие единой революционно-демократической линии. Именно эта линия изображалась как единственно правильная и значимая, послужившая предшественницей марксизма и социализма. История культуры стран Запада также изображалась как «борьба феодальной и демократической», а затем «буржуазной и демократической» культур, причем классовой ограниченности господствующей культуры всегда противостояла демократическая тенденция, неизменно связанная с отстаиванием интересов трудящихся слоев. Тем самым утверждался исторический раскол каждой нации по классовому признаку, пронизывающему все

стороны жизни — хозяйственную, социальную, политическую и культурную.

Объясняющая способность такого подхода как в отношении различных исторических периодов, так и культуры современности весьма ограничена. Несомненная разделенность общества на классы отнюдь не устраняет его целостности. Классовые различия в языке, художественной культуре, представлениях и типах мышления несомненно существуют, но перекрываются в общей системе культурной регуляции. Наряду с классовыми существуют и другие типы различия: между городом и деревней, центром и периферией, развитыми и неразвитыми регионами, и противоречия между такими структурами нередко находят выражение и в культурной сфере. Но попытка постулировать принципиальное противоборство культур как постоянный определяющий фактор — идеологическое насилие над действительностью, опровергаемое объективным анализом. То противоборство, которое происходит в обществе между классами, слоями, конфессиями, регионами, в культуре скорее предстает как взаимодействие разных тенденций культурно-исторического развития и культурных компонентов.

Может ли город обойтись без деревни, центр без провинции, общество без государства, верхи без низов, трудящиеся без предпринимателей и наоборот? Может ли общество целиком изо-

258

лироваться от внешнего мира и замкнуться в своей самобытности? Или же «раскрыть двери», отказаться от всех традиций и переделать свой национальный характер? Как мы увидим, культура — сложная, устойчивая, долговременная система, впитывающая в себя все существенные измерения и факторы общественного бытия.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СУБКУЛЬТУРЫ

Во всяком сложном обществе важную функциональную роль выполняют различные субкультуры. В широком плане под *субкультурами* в социологии обычно понимают те социальные образования внутри общества, которые отличаются от преобладающей и нормативной культуры по некоторым культурным признакам: обычаями, нормами, ценностными ориентациями, стилем поведения, а иногда и институтами. Образование субкультур может выражать общественную потребность в дифференциации духовной жизни и поведения, в выработке более адекватных форм поведения и деятельности, отвечающих либо типу профессии, либо особым социальным условиям, либо новым запросам развития. Использование этого термина не предполагает, что группа культур непременно конфликтует с господствующей во всем обществе культурой. Это относится в том числе и к культуре рабочего класса, заметно отличающейся не только от деревенской, но и от общенациональной, утверждаемой в признанных обществом в целом ценностях и нормах.

Различие социальных типов культуры прослеживается как в повседневной жизни — манерах, нормах, интересах, языке, так и в духовных ценностях и идеологии. Многие социологи исследуют «культуру бедности». Она присуща неимущим слоям городского и сельского населения, которые в социальном плане отличаются отсутствием устойчивой работы, а соответственно и скудостью средств к проживанию. Это порождает «культуру выживания», имеющую свои духовные и бытовые проявления. Такого рода анализ необходимо дополнять и рассмотрением «культуры богатых». Для нее характерно большей частью престижное и показное расточительство, культ гедонизма и презрение к физическому труду и к людям, которые не могут позволить себе более дорогих вещей и услуг. На низшем уровне «культуры богатых» (свойственном обычно «новым богатым») именно потребление дорогих вещей, услуг, досуга, пребывание на модных курортах и т.п. становится

259

средством создания дистанции от менее обеспеченных, для чего и создается мощная индустрия роскоши. Лишь формирование особых ценностей, включающих профессиональную активность, самокритику, чувство долга и сдержанности отличает культуру более зрелого класса собственников.

Глубокое социальное различие между культурой господствующих классов и трудящихся слоев было вплоть до начала XX в. отличительной чертой культурной жизни Великобритании. Яркое описание этих различий дает работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). В романах английских писателей XIX в. У. Теккерея, Ч. Диккенса, Т. Харди, Р. Киплинга основной фон повествования — судьбы героев, отчетливо принадлежащих к разным классам — господ и трудящихся (или слуг), между которыми существуют почти непреодолимые различия. Положение постепенно меняется в начале XX в., как в ходе изменения гражданского законодательства и расширения избирательных прав, так и через самокритику господствующего класса в художественной литературе. Ярким примером самокритики стало творчество писателя Ч. Диккенса и таких крупнейших драматургов, как О. Уайльде и Б. Шоу. Но еще в 20-е гг. роман крупнейшего английского писателя Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» вызвал громкий и длительный скандал: с негодованием было встречено не только яркое изображение любовного увлечения благородной леди, но и то, что объектом этого влечения стал «простой егеря», т.е. слуга в поместье

мужа леди Чаттерлей. Столкновение и переплетение сходных линий — человеческой симпатии и классовой несовместимости — дало прекрасный сюжет и для столь же известной пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Впрочем, несмотря на остроту сюжета и конфликт классовых культур, действие в этих английских художественных произведениях оканчивается более или менее благополучно, хотя для этого потребовалось некоторое «подтягивание» представителей низших слоев. Английскому обществу удалось примирить классовые субкультуры, чему во многом способствовали развитие специализированных субкультур и высокая профессионализация деятельности.

Иное соотношение субкультур выявляет русская художественная литература. Во многих произведениях русской литературы, в которой как личные или любовные разлады («Герой нашего времени», «Евгений Онегин», «Братья Карамазовы», «Гроза» или «Анна Каренина»), так и социальные конфликты («Горе от ума», «Медный всадник», «Преступление и наказание», «Отцы и дети», «Вишневый сад») остаются непримиримыми, носители противоположных ценностей расходятся до конца и навсегда.

260

Важным принципом структурализации культуры является деление на столицу и провинцию (или периферию), которое в значительной степени сказывается в жизни всякого общества, где существует сильная централизация политической и культурной регуляции. Большой частью провинциальная культура рассматривается как второстепенная, зависимая от столичных веяний и неполноценная, от которой активные элементы стремятся уйти в столицу.

Однако существует и другое отношение к провинции. Религиозная культура складывается в своих высоких формах, как правило, не в политических столицах государств, а в периферийных духовных центрах монастырского типа. Но и национальная культура в значительной степени опирается на культурную жизнь провинции, которая и рассматривается как хранительница самобытных традиций, воплощение устойчивости и преемственности, как хранительница подлинного патриотизма и народного духа. Идеи и ценности почвенничества во многом питают культурную жизнь и художественную культуру многих стран, а в XIX в. они получили основательное развитие в России.

Особое внимание среди субкультур вызывают различные неконформные типы отношений молодежи к обществу, диссидентские или альтернативные движения. Эти движения могут различаться как по классовому признаку (рабочая молодежь или «богема»), так и по отношению к перспективам общественного развития («движение зеленых»). К разряду субкультур следует причислить и миграционные группы из инородной этнической среды, нетрадиционные религиозные группы и т.д.

За последние десятилетия в развитых индустриальных странах Запада устойчивое признание получили феминистские движения. Эти движения не ограничиваются социальными требованиями (равенство при найме на работу) или политическими (соразмерное представительство в органах власти). Они выдвигают и требования изменения общего типа культуры, в котором, по их мнению, преобладают «патриархальная» и «мужская» субкультуры, способствующие доминированию соответствующих эмоций и ориентаций, а в результате приводят к поощрению насилия, порнографии и разладу в отношениях между людьми.

Молодежные движения *p* их рок-культурой, восточные мистические течения, феминистские, антирасовые, этнические и прочие движения оказывают заметное воздействие на культуру большого общества. Однако следует еще раз подчеркнуть, что все подобные движения могут существовать лишь в рамках субкультурной структуры, не подрывающей основополагающих принципов организации общества в целом. Конечно, такого

261

рода субкультурная дифференциация возможна лишь при условии улаженности социокультурной регуляции в основных сферах жизни общества.

В том случае, если общество ощущает угрозу своим базовым ценностям, ширится всегда существующая в нем консервативная тенденция за ограничение проявления чрезмерного духовного и морального разлада. Об этом свидетельствуют и те неоконсервативные волны, которые время от времени возникают в странах Западной Европы и Америки, в результате чего в системе власти возрастает влияние тех слоев населения, которые выступают за сохранение устойчивости общества и его национальной идентичности.

Зачастую в культурологии описание культуры господствующего строя проводится как воплощение высокого, элитарного, престижного уровня. Различные способы использования произведений действительно высокой художественной культуры и стилей, связанных с образом жизни (например, оформление жилища или офисов), наличие высокого образования и культивирование богатыми людьми престижных демонстрационных мероприятий — все это способствует преобладанию культуры господствующего класса. Тем не менее хорошо известно о том, насколько противоречивыми оказываются нередко эти отношения. Состоятельные слои обладают и своей «малой» культурой, существующей наряду с высокой, и способами культурного дистанцирования от

низших слоев. В динамике культурной жизни связанные с этим слоем представления о престижности и нормативности могут также становиться дисфункциональными и подвергаться вытеснению как нежелательное для общества явление. Тогда наступает время для смены стилей, для модерна и авангарда.

Особую субкультуру образует низкая жизнь улицы, толпы, трущоб, криминальной среды и т.п. Именно в этой сфере проводятся исследования внимания к бульварной литературе, порнографии, вульгарному языку, заборным надписям и рисункам и т.д.

КУЛЬТУРА И ЭТНОС

Сходство культурных характеристик играет важную роль в формировании этнических, национальных и цивилизационных уровней культуры. Рассмотрим каждый из этих уровней отдельно.

Конечно, в формировании этноса сказываются не только культурные, но также географические (природная среда), социальные (подобие социальных структур), социобиологические (антропологический тип) и хозяйственные факторы. Под влиянием этих

262

факторов и природной среды, к которой адаптируются люди и которую они активно используют в производственной деятельности, складывается некоторое сходство языка, нравов, обычаев, быта и психических характеристик. Однако общность остается неопределенной и непроявленной, если не вырабатывается этническое самосознание, чувство принадлежности к своему этносу.

Этносу присуща постоянная социокультурная антитеза «мы — они», «свои — чужие». Поэтому этнос — только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Таким образом, самосознание выступает не только как отражение реально существующей общности, но и как определение реально существующих различий. Самосознание обычно опирается на представления об общности происхождения и исторических судеб, участие в исторических событиях, на связь с языком и «почвой».

Важность этнического самосознания позволяет использовать его как основной этнический определитель в переписях и других формах массового статистического учета населения. Признак языка в этом случае отходит на второе место. Всякие принудительные официальные меры переоформить этническую принадлежность (сделать таджиков узбеками, а этнических мусульман в Болгарии болгарями) наталкиваются на упорное сопротивление, так как убежденность человека в принадлежности к своему народу является стержнем его идентичности, его самоощущения как личности. В условиях локальной ограниченности общения в этническом самосознании постоянно срабатывают двойственные тенденции. С одной стороны, факторы единства обеспечивают выживание этих коллективов, а с другой — они противопоставляют один коллектив другому по какому-либо признаку. В сознании членов коллектива возникают устойчивые стереотипы принадлежности к незыблемой первооснове, получающей выражение в языке, самосознании и т.д. Это приводит к абсолютизации тех признаков этноса, которые в действительности имеют относительный характер, в то время как многие существенные свойства остаются не фиксированными. Признаки-фетиши выражают и принадлежность к данной группе, противопоставляя ее другим общностям. Чем менее развита общность, чем менее дифференцированы в ней отношения, тем естественнее (менее окультурено) содержание ее сознания. По мере усиления социальной дифференциации повышается значимость культивированных особенностей поведения. Так, для племенной среды степень влияния таких естественных признаков, как родство, общность происхождения, обычаи, кухня, несомненно больше, чем для этноса с развитым делением

263

на город — деревню. В этнических общностях тесная связь хозяйственных отношений с обрядово-религиозными приводит к синкретизму культуры, в которой еще нет устойчивого деления на субъективные и объективные факторы, на «я» и «мы». В ней соединяются живущие и прошлые поколения, а социальные отношения переплетены с отношениями человека к природе. Культура этноса обеспечивает не только его интеграцию и стабильность как системы. Элементы этой культуры имеют и «вторую жизнь», так как выполняют и этнодифференцирующие функции, становятся основой для различения «мы» и «они».

Потребности дифференциации приводят к тому, что один из компонентов (язык, религия, культурно-политические структуры или же художественные особенности) выделяется в качестве системообразующего фактора, чтобы оформить данную общность по отношению к другим. Но значение тех или иных компонентов культуры всегда относительно. Какая-то черта культуры одного этноса становится дифференцирующей по отношению к другому этносу, ее не имеющему. Она оказывается нейтральной в сфере контактов с этносом, ею обладающим. Дифференцирующая функция этнической культуры постоянно проявляется в утверждении устойчивого «мы» и «они», что приводит к отчуждению и конфликтам между разными народами. Антагонизм по отношению к «чужим общностям» — основная черта механизма укрепления внутренней сплоченности. В этом

можно видеть одну из основных причин разного рода этноцентризма, постоянно проявляющегося в массовом сознании.

Отношение к внешнему началу варьируется в зависимости от различных внутренних и внешних факторов. Это может быть сосуществование, вызывающее интерес, но не приводящее к взаимодействию. Может происходить взаимное или одностороннее проникновение, ведущее к использованию каких-то элементов без утраты взаимной разделенности. Несомненно, что и на этом уровне возникают элементы межэтнической культуры, на основе которой и происходит общение между первичными общностями. К такой культуре относятся прежде всего языки межэтнического общения, не обязательно имеющие национальную привязанность.

Так, в Тропической Африке это не только суахили и хауса, но и более мелкие этнические языки, а также различные варианты смешанных жаргонов (пиджин), используемые для торгового и хозяйственного общения. Однако такая культура не обладает степенью зрелости, достаточной, чтобы обеспечить интенсивное взаимодействие разнородных элементов. Разногласия и конфликты, в которых дифференцирующие характеристики могут служить

264

поводом для вражды и насилия, делают необходимым формирование устойчивого единства на более высоком уровне.

Таким образом, взаимодействие этнических культур внутренне противоречиво. Взаимное усвоение элементов культуры, с одной стороны, способствует интеграционным процессам, взаимному обогащению, обмену и т.д., а с другой — сопровождается усилением этнического самосознания и стремлением к закреплению этнической специфики.

Конечно, этничность не исчезает с формированием нации. Напротив, для большинства наций этническая принадлежность — один из источников национального чувства. Армяне, грузины или турки во многом осознают себя именно на основе чувства общности — происхождения, языка, истории. И все же нация — образование более высокого порядка, уже потому, что в ней достигается гораздо более высокая плотность коммуникаций, а вместе с тем культура выделяется в один из ведущих компонентов — наряду с хозяйственной системой и государством, что обеспечивает ей гораздо большие возможности для дифференциации.

Этнические признаки культуры могут вести существование отдельно от нации. Русские, армяне, украинцы в различных странах своего зарубежья длительное время сохраняют привязанность к своей родине (хотя и не обязательно к государству), несмотря на то, что в основных социокультурных характеристиках уже относятся (и относят сами себя) к той нации и государству, членами и гражданами которых они являются.

В свою очередь нация большей частью формируется из нескольких или даже многих этнических групп. В Великобритании до сих пор существуют и даже временами обостряются различия между собственно англичанами, уэльсцами и шотландцами, во Франции бретонцы и эльзасцы упорно противостоят полной ассимиляции в общепольскую культуру. Переплетение устойчивых этнических единиц создает противоречивую и зачастую конфликтную обстановку во многих странах Азии, Тропической Африки или бывшего СССР. В межэтнических конфликтах и в наше время гибнут десятки и сотни тысяч людей. Так, число жертв этнической бойни, устроенной преобладающим по численности племенем в небольшой африканской стране Руанде за несколько месяцев 1994 г., превысило полмиллиона человек. Возникшая в Афганистане после вывода советских войск гражданская война привела к усилению межэтнических конфликтов и фактическому распаду страны. Установление режимов «этнократии» (т.е. формирование правящего слоя только из состава титульного этноса и защита интересов своего населения в ущерб всем этническим группам,

265

считаемым «некоренными») в некоторых бывших советских республиках привело к растущей эмиграции русскоязычного населения из этих стран.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛИЗМ

В публицистике и научно-популярной литературе нередко неправомерно отождествляются понятия этнической и национальной культур. Однако, как мы уже видели, источник этнической связи людей — общность генетических характеристик и природных условий бытия, приводящих к дифференциации данной первичной группы от другой. Нация — более сложное и позднее образование. Если этносы существовали на протяжении всей мировой истории, то нации формируются уже в период Нового и даже Новейшего времени.

Хотя нация по праву считается одним из важнейших политических, хозяйственных и культурных феноменов XIX и XX в., определение ее сущности и понимание природы национализма оказалось сложной теоретической задачей. После того как в середине XIX — начале XX вв. национализм во многом сформировал облик Западной Европы и структуру межгосударственных отношений, его волна «накрыла» в 50—70-х гг. «третий мир», а в заключительное десятилетие XX в. привела к

дезинтеграции системы социализма и ведущей страны этой системы — Советского Союза. Живучесть, влияние и широта распространения национализма в конце XX в. оказалась неожиданной для исследователей, что привело к выдвиганию различных новых подходов в его анализе. Хотя особое внимание уделяется обычно изучению влияния национализма на политический облик нации, на межгосударственные отношения и на экономическое развитие, широко признано, что во всех этих аспектах существенную роль играют и культурные факторы. В рассмотрении социокультурных аспектов национализма выделяется три основных подхода.

Согласно *формалистической концепции* национальная общность возникает через самоутверждение народа, обладающего специфическими сходными характеристиками в языке, верованиях, представлениях, историческом опыте, поведении и т.п. Культурное обоснование национализма неизменно дополняется утверждением государственной общности.

Такого рода концепции зачастую создаются как описание и перечисление тех или иных черт данного народа — неизменно положительных — в идеологических построениях, которые имманентно ему присущи и отличают его от других народов.

266

При более внимательном рассмотрении выяснилось, что каждая из характеристик, которая считается присущей данной нации в целом и отличающей ее от других, лишь очень условно выполняет такую роль. Так, существуют заметные диалектические различия даже в литературном арабском языке (иракский, египетский, йеменский и т.д.), не говоря уже о том, что разговорные языки значительно отличаются друг от друга. Далеко не все арабы являются мусульманами, а соответственно многие мусульманские народы не имеют никакого отношения к арабам. Историческое наследие разных арабских стран очень отличается друг от друга. Все это вместе взятое свидетельствует об условности термина «арабская нация», что дало основания говорить о «страновом» или «государственном» национализме среди арабов, равно-как и других народов (египетский, сирийский, иорданский, суданский, алжирский и т.д.).

Тем не менее на уровне общественного сознания, получающего выражение как в политической, так и в художественной культуре, довольно сильно звучат утверждения общеарабского единства. Это проявляется большей частью в тех ситуациях, когда возникает противопоставление «арабского мира» остальному миру или какой-либо его части. Так происходит, например, в отношениях арабских стран с Западом или Израилем, хотя и здесь возникают самые различные ситуации.

Не оправдывается и положение, весьма популярное в националистических идеологиях, что нация формируется на основе «общего характера», менталитета, исторического опыта и т.д. Как мы знаем, культура всякого сложного общества полиморфна и в одном и том же народе можно найти самые различные проявления. Тяготение к общим представлениям и поддержание единства — продукт особых условий и обстоятельств, относящихся к тому довольно позднему периоду мировой истории, когда и формируются нации.

Релятивистские концепции предполагают, что идентичность этноса или нации формируется всегда по отношению к некоторому внешнему фактору: ощущение угрозы со стороны некой этнической группы в конкуренции за доступ к ресурсам, за власть, за территорию. Видные исследователи-социологи отвергают культурологическую концепцию этничности или нации как миф. Как они полагают, культурные характеристики — не столько объективные факторы, сколько конструкции, стимулирующие чувства идентичности, которые объединяют данную группу и легитимизирующие ее требования. Таким образом, идентичность детерминирована интересом данной общности, это средство или стратегия в

267

борьбе за социально значимые ресурсы и привилегии. При помощи этой стратегии достигается консолидация ранее аморфной общности, производится ее мобилизация на достижение общих целей — или же целей, выдаваемых за общие. Естественно, что такие требования формируются в оппозиции по отношению к инациональной группе населения, либо занимающей господствующее положение, либо оказывающейся в численном меньшинстве.

Согласно релятивистскому подходу, нация возникает и формируется прежде всего как продукт самосознания и воли к единству, а черты культурной общности и специфичности создаются в процессе налаживания национального сотрудничества и взаимодействия. Поэтому культурные характеристики могут возникать или утрачиваться, усиливаться или ослабляться в зависимости от степени налаживания внутренних связей и от ситуации взаимодействия нации с внешним миром. Воля к утверждению национального единства направлена не только на изживание внутренних конфликтов и локальных ограничений, но прежде всего на укрепление могущества нации перед лицом ее соседей и мировых соперников. Поэтому естественным спутником национализма является война.

Также и государство трактуется сторонниками релятивистской концепции как прежде всего институт, утверждающий совокупную волю данной нации и представляющий ее интересы в

отношениях с другими народами.

Однако релятивистский подход еще не дает возможности объективного социологического выявления содержания процессов национальной консолидации. Что позитивного заключает в себе национализм, столь очевидным образом нарушающий интересы других национальных групп? Почему культурно-идеологические факторы играют столь большую роль в утверждении национальной консолидации? Более содержательные ответы на эти вопросы дает культурно-коммуникативный подход.

Культурно-коммуникативный подход к национализму основан на выявлении значения факторов коммуникационного единства, возникающего в обществе в ходе интенсивного хозяйственного развития, сопровождаемого ростом городов, развитием образования, ростом грамотности, распространения книгопечатания и периодических изданий. Именно усиление интенсивности коммуникаций приводит к формированию общего национального языка, распространяемого как художественной литературой, так и периодикой, школами и академиями, словарями и энциклопедиями. Это способствует преодолению разнородности населения,

268

преодолению внутренних границ, различий между хозяйственно-специфическими регионами, коренным и пришлым населением. Напротив, возникает общий рынок и общее государство, а значит, и постоянное общение, всеобщая заинтересованность в понимании друг друга. Для этого и нужно расширение образования и общий язык, достаточно разнообразный по словарю и средствам выражения, но вместе с тем единый для всего народа. Язык и становится важнейшим средством как дифференциации культуры, так и ее национальной интеграции. Так, во Франции на протяжении нескольких веков центральное правительство предпринимало энергичные меры для утверждения единого языка на основе парижского диалекта и подавления всех других диалектов. Еще кардинал Ришелье в середине XVII в. основал Французскую академию, вменив ей как главную обязанность заботу о «здоровье французского языка, цемента единства нации». Во время французской революции и при Наполеоне были развернуты массовые гонения на местные наречия во имя торжества унифицированного языка. Но и в наше время, уже в 1994 г. французское правительство вводит законы, запрещающие чрезмерное использование иностранных терминов или выражений, их введение, если существует французское слово, имеющее тот же смысл. Аналогичные требования выдвигают многие национальные движения в других странах, добивающиеся консолидации своей нации.

Конечно, чрезмерная настойчивость в борьбе за чистоту языка может привести к его обеднению или созданию искусственных терминов, создающих ограничения в межкультурном взаимопонимании. Национальная культура не может ограничиваться узкими рамками гомогенной этнической общности. Напротив, полноценное развитие нации требует гораздо более высокого уровня дифференциации духовных ориентаций и образа жизни, чем этническая. Она включает в себя различные варианты субкультур, обусловленные этническими, географическими, социальными, хозяйственными и классовыми факторами. Часто отмечается, что нация складывается не через утверждение единообразия. Она представляет собой чрезвычайно неоднородное образование, состоящее из компонентов различного рода, хотя каждый из них в отдельности содержит общие культурные признаки, отличающие данную нацию.

Еще на этническом уровне культура, как мы видели, способна вместить в себя различия по типу бинарности: высокий — низкий, мы — они, близкий — далекий и т.д. Эти различия предполагают друг друга, они могут лишь подвергаться изменению в их соотношении, степени влияния на ситуацию, на власть и т.д. В национальной культуре возникает уже более сложная диффе-

269

ренциация, доходящая до противоречий, соперничества и борьбы за преобладание. Различные тенденции могут находиться в напряженном противостоянии, что может привести не только к интенсивной полемике в идейной области, но и к прямым столкновениям, если культура переплетается с политикой и хозяйственными факторами.

В каждом развитом обществе существует несомненное противоречие между городом и деревней, что выражается в значительном различии их культур. Хорошо известны классовые различия в культуре. Проблема развития всегда представляла как наличие альтернатив, в которых переплетались политические, социальные и культурные факторы. Существуют и различия между этническими и субэтническими вариантами в рамках каждого общества, между коренным населением и пришлым и т.д. Характерной особенностью национальных культур является их широкая дифференциация по профессиональному и социальному признакам. Каждая нация включает в себя различные профессиональные, социальные, демографические и этнические компоненты.

Тем не менее в каждой зрелой нации существуют механизмы, сдерживающие чрезмерное разрастание междоусобиц и внутренних конфликтов. Такую роль выполняют как экономические механизмы (рынок), так и политические (государство). Однако хорошо известно, что и рынок, и

государство могут оказаться оружием в руках части нации, ее господствующего класса или территориального региона. В этих случаях остается действенной сдерживающая и объединяющая роль культуры — духовной и светской.

В истории и современности хорошо известны состояния, когда именно культура оказывалась «слабым звеном» и размежевание по культурному признаку становилось в условиях слабости других интеграционных факторов силой, приводящей к расколу общества. Тогда возникали гражданские войны в Англии, Германии и Франции в XVII в., происходил распад Османской империи и Австро-Венгрии в начале XX в., разгорелась гражданская война в распавшейся Российской империи, а в конце XX в. — распад Советского Союза, Югославии, Чехословакии.

И наоборот, культурное единство, ощущаемое различными территориями Германии, оставшейся разьединенной по решениям Венского конгресса в 1815 г., способствовало политике ее объединения, завершившегося в 1866 г., а в 1870 г. завершилось объединение Италии. Результатом второй мировой войны стало разделение Германии, но в конце этого века страна вновь воссоединилась под воздействием культурных факторов в дополнение к экономическим.

270

Национальное единство Германии утверждалось через сложные процессы культурной и политической интеграции, проходя через этапы воинственного самоутверждения, выразившегося в апологии превосходства «немецкого духа» над культурой других народов, что способствовало активному вовлечению Германии в первую мировую войну, а затем привело к утверждению крайней формы агрессивного национализма в расистской форме в период нацистского режима, закончившегося военным разгромом Германии.

Невозможность утвердить бесспорную детерминированность национальной идентичности тем или иным фактором заставила принять более диалектичную формулу: национализм формируется в результате взаимодействия в ситуации борьбы против ощущаемого угнетения или зависимости. Тем самым как этничность, так и национальная идентичность становились ситуационно релятивным началом. Индивид или группа могут принуждаться к национальности — границами, паспортом, официальным языком, признанной религией, системой внедрения лояльности, принятия «клятв», «присяги» и т.п. Эта система может быть направлена на насильственную дискриминацию части своего населения, которое только после таких мер «вспоминает», что оно относится к евреям, русским, осетинам, сербам или хорватам.

Вхождение этносов в нацию не означает усвоения ими всей национальной культуры. Они лишь частично воспринимают духовную культуру нации, образуя свою субкультуру. Только с помощью конкретного анализа можно узнать, какие черты национальной культуры восприняты субкультурой данного этноса и каким образом осуществляется интеграция нации в целом.

Тем не менее различия между социальными группами внутри одной нации не распространяются на культурное достояние всей нации. Общность культуры присутствует в языке, а соответственно и в письменности, верованиях, символике, бытовой культуре, обычаях и т.д. Немалое значение имеет и межсоциальная диффузия культуры — как в классовых, так и в профессиональных или укладных аспектах, проникновение народной в аристократическую, городской в сельскую, оседлой в кочевую, столичной в провинциальную и наоборот.

По мере социального созревания общества в рамках национальной культуры происходит формирование таких форм общественной регуляции сознания, как право и мораль (отличающиеся от принятого обычая), искусство и литература (как самостоятельные сферы индивидуального творчества).

Национализм и история.

Важным параметром измерения национальной культуры является история. На собственно этничес-

271

ком уровне время в основном сводится к постоянной повторяемости, связанной с чередованием природных, хозяйственных или человеческих циклов, или же постоянно фиксируемому первоначалу, связанному с мифическим первопорядком. В национальном бытии временные рамки культуры раздвигаются за счет включения накопленного опыта и расширения циклов жизнедеятельности. Национальная культура включает в себя не только представления о возникновении данного народа и государства, но и память о расселении народа, его столкновениях с соседями, расцвете или, напротив, крушениях и катастрофах, постигших нацию.

Правда, эта память весьма избирательна. В общественном сознании фиксируется совсем не все, даже не крупные события, а лишь те, которые воспринимаются как образцы успеха или крушения. Политической культуре национального уровня присуще подчеркивание роли объединения как предпосылки прочности, силы и влиятельности нации, как залог ее расцвета. Единство связывается во многом с сильной властью, способной противостоять внутреннему расколу и внешним противникам. Это представление возникает даже в условиях, когда нация лишена своей

государственности и оказывается в подчинении и зависимости. Обретение государственной независимости в ходе национально-освободительного движения нередко находило идейное оформление в возрождении символики древних государств, даже если их этнический состав и территория не имели ничего общего или очень условно совпадали с современными образованиями.

В такого рода культуре власть во многом представляется в патерналистских символах, предполагающих покровительство всему народу, а не только господствующим классам. «Справедливая» власть обеспечивает привычную (т.е. сложившуюся в прошлом) меру солидаризма и эгалитаризма, не допуская полного разрыва патерналистских связей. При соблюдении таких условий носитель власти наделяется особыми способностями и полномочиями. Но столкновение с реальной властью порождало в массовом сознании иной стереотип — государство как силу враждебную и угнетающую, а сферу власти как источник зла. Такое двойственное отношение к государству нередко проявляется в движениях протеста, руководствующихся идеей установления «хорошей власти». Предполагается, что такая власть регулирует взаимодействие локальных культур различных регионов, местностей и субкультур разных социальных слоев. Хотя высокая культура, получающая выражение в праве, политической идеологии, литературе, искусстве, науке, в значительной мере создается в интересах господствующего класса, она становится выразителем общенационального начала.

272

Не следует забывать и про классовые следствия «культурного национализма». Под прикрытием националистических идеалов и программ происходит усиление классовой дифференциации. Консервативный национализм замалчивает, отрицает или обходит стороной свидетельства таких процессов. Проводя идею единства интересов, «взаимодополняемости» разных слоев и групп, националистические идеологи стараются замаскировать процессы социального отчуждения. Более того, сам национализм превращается в средство создания новой иерархии, в которой привилегированные слои, выступающие от имени национального единства, преследуют свои собственные интересы и навязывают свою волю слоям, оказавшимся «в стороне». Эти принципы охотно защищает и внутренняя буржуазия, вытесняющая в ряде стран инородные элементы из сферы торговли и производства, чтобы расширить свое влияние. В сфере управления нередко вытеснение иностранных кадров местными мало что меняет в характере отношений между бюрократическим управленческим аппаратом и народными массами. Пользуясь национализмом как прикрытием, вырастая на его фоне, привилегированные классы со временем отходят от него, оставляя его для «наружного» употребления, для формирования общественного мнения в случае осложнений для правящих классов внутри и вне страны.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ТИП СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Всякая нация имеет свои пределы в социальном, территориальном и историческом планах. Относительная однородность в области культуры (при социальных различиях) противопоставляет ее другой национальной общности, в результате чего возникает сложная проблема налаживания межнациональных отношений как в политическом, так и в духовном планах. Уже в ранней истории возникают крупные межнациональные объединения, далеко превосходящие по своим параметрам нацию. Для обозначения этих объединений ученые использовали различные термины. Немецкий культуровед О. Шпенглер писал о «высоких культурах». Американцы А. Крёбер и Ф. Нортроп — соответственно о «культурных образованиях с высокими ценностями» и «мировых культурах». Русский философ Н.А. Бердяев говорил о «великих культурах», американский социолог П. Сорокин — об «обширных культурных системах и суперсистемах». Привилось используемое А. Тойнби название «цивилизации», хотя оно и было подвергнуто заметному переосмыслению.

273

Цивилизация как тип культуры имеет следующие характеристики. Она основана на *всеобщей социокультурной связи* индивидов и групп, создающей крупномасштабное *единство* в пространстве и времени. Эта всеобщность вытекает не только из товарно-денежных производственных связей. Всеобщую форму могут принимать и межличностные связи, опосредованные духовными факторами общественного производства (прежде всего, конечно, в мировых религиях).

Всеобщее, универсальное — одно из важнейших начал цивилизации, в рамках которой общество только и получает возможность полноценного преодоления различного рода партикуляризма, т. е. частных интересов. Всеобщность выражается через: а) формы духовности, в идеях и учениях, в символике и ритуалах, значение которых выходит за рамки любых этнических, социально-классовых, политических и хозяйственных преобразований; б) в структурных принципах организации общества, которые охватывают всех членов макрообщности, хотя на разных условиях и отводя им различное место в структуре цивилизации; в) деятельность институтов и элит, способствующих поддержанию и реализации принципов универсальности, хотя и обеспечивая при этом особый статус и духовную привилегированность.

Создание всеобщности — длительный и сложный процесс, требующий огромной работы многих поколений. На высшем уровне общественного сознания он способствует формулированию тех идей, принципов и символов, которые превосходят все обычные и обыденные установки, представления и принципы любого локального уровня, утверждая некое возвышенное начало, доминирующее над всеми частностями. На массовом уровне всеобщность означает формирование устойчивой *срединной культуры*, ядра или же иерархии культурных уровней, что и обеспечивает определенное место всем значимым группам общества и элементам культурной регуляции. Тем самым образуется определенная система, имеющая некоторую целостность и органичность, способную адаптироваться к меняющимся ситуациям и вместе с тем поддерживать свою устойчивость.

Структура устойчивости может принять различный вид. Начальный уровень консолидации всякого общества во многом был связан с образованием государства как такого института, который призван воплощать общие интересы, взаимодействие и совместное существование различных групп и элементов. Именно возвышение государства над обществом, его сакрализация и придание ему особого статуса отражало эту тенденцию формирования сферы всеобщности. Как известно, зачастую это означало и

274

особый статус той персоны правителя, который выступал воплощением государства. Культ вождя, фараона, «божественного» Кесаря, Императора, Президента в разные периоды и в разных обществах служил средством снижения уровня противостояния различных частей общества, хотя степень интенсивности культа варьировалась в зависимости от политической культуры и сложившейся в обществе ситуации.

Хорошо известна неизбежная ограниченность государства, подверженного противоречивым требованиям со стороны различных социальных сил и становившегося зачастую носителем особых интересов правящей элиты, этакратии, использовавшей власть как инструмент подчинения общества своей воле. Поэтому судьбы государства, даже воздвигавшего величественный культ и идеологию, неизменно оказывались эфемерными. Вместе с государством неизбежно рушился и связанный с ним культ. Имена Кесаря, Хосрова, Навуходоносора, Цинь Шихуана и других правителей разных времен и стран стали символами неудачных и тщетных претензий на всевластие, которое становилось выражением пагубного и корыстного своевластия.

Более устойчивые формы всеобщности создавались в рамках мировых религий, утверждавших наличие сверхначала — Бога или Закона, — возвышающегося над всеми земными судьбами и существами и управляющего ими в конечном счете. Всеобщность выступает в форме персонализированного, теистического сверхначала или же закона, принципа, нравственной системы, распространяющихся на всех людей. Принципы цивилизационной всеобщности оказывают воздействие на хозяйственную деятельность, способствуя вовлечению в нее на тех или иных условиях подавляющего большинства своего населения. Эти же принципы требуют от государства поддержания принципов всеобщей регуляции, а значит, и ограничения властных и собственнических классов.

Сложившиеся на протяжении мировой истории цивилизации имеют региональный характер, хотя и не привязаны жестко к определенному государственному ареалу. В новейшее время складывается особый тип общемировой культуры, имеющей в основном западное происхождение. Процессы формирования культуры этого уровня оказываются сложными и противоречивыми, и их основные характеристики будут рассмотрены в главе о взаимодействии культур.

Цивилизация обеспечивает более высокую степень *дифференциации* общественного бытия и деятельности. Она способствует прогрессивному развитию народов, хотя при ней со-

275

храняется неравенство и угнетение. Цивилизация сопровождается углублением разделения труда (физического и умственного, простого и сложного). Усложняется и одновременно становится более плодотворным взаимодействие между материальным и духовным производством, между городом и деревней. Происходит это прежде всего на основе объективных социально-экономических механизмов. Специфическая задача различных видов жизнедеятельности осуществляется через подключение субъективного фактора — духовных механизмов общения и стимулирования деятельности.

Цивилизация снимает противоречия между различными этническими и культурными группами населения, между развитыми и неразвитыми народами, между классово-зрелым центром и доклассовой и раннеклассовой периферией, между отчужденной сущностью власти и потребностью в общей регуляции, между природными и историческими измерениями социального бытия.

Цивилизация воплощает в себе *историческое измерение действительности*. Она решает проблему соотношения между прошлым, настоящим и будущим, т.е. проблему преемственности.

Осмысление настоящего и прогнозирование будущего невозможно без обращения к истории. В истории общество находит то свое важное измерение, без которого оно не может существовать и

ставит себя под угрозу все время начинать с нулевого цикла, повторяя снова и снова пройденные круги бытия. Нередко насильственное устранение какого-то элемента прошлого как несовместимого с задачами настоящего и приводит к реставрации давно, казалось бы, пройденного этапа. Пережиток становится объектом рекультивирования, проходит через возрождение, а может быть, и реставрацию. Здесь принятые понятия оказываются привязанными к культурно-исторической ситуации и не всегда в состоянии достаточно точно передать сущность межкультурных сопоставлений.

История воплощена прежде всего в историческом знании, имеющем свою сферу существования. Но помимо этого, история фиксируется в культурном достоянии — нормах, знаниях, ориентациях, верованиях, смыслах, обычаях. Символическое, знаковое и текстуальное воплощение этой культуры — объект изучения и интерпретации, усвоения или принятия и борьбы, в результате которой это достояние либо вновь вводится в структуру бытия новых поколений, либо подвергается изменению, деформации и разрушению.

Важный сдвиг, который происходил в духовной жизни общества с возникновением классических цивилизаций, нашел выра-

276

жение в формировании духовного потенциала личности. В развитых культурах ценности и формы сознания обращены к внутренним способностям личности, утверждая возможность интеллектуального и нравственного выбора. Гносеологические, онтологические и этнические компоненты философско-религиозных учений обращены к миру личности.

Указанные функции имеют свои закономерности, вступают в противоречивые взаимодействия друг с другом. Они по-разному проявлялись в каждой конкретной цивилизации и в общении между ними, что и послужило предметом огромной научной компаративистики.

Конечно, цивилизация включает в себя и материальные компоненты (города, ремесла и пр.), и политические структуры (государства), но определенность цивилизационным структурам придает характер духовного производства. Цивилизации отражают разные типы культурно-исторической общности и динамики. Они существуют и взаимодействуют между собой. Основные черты и структура данной цивилизации не исчезают при переходе на последующие ступени развития. Более того, характеристики и ритмы цивилизации в немалой степени сказываются на общественном развитии в прошлом и настоящем, на социокультурной жизни общества.

Классификация цивилизаций представляет в науке сложную проблему и вызывает большие расхождения, так как разные авторы кладут в основу классификации самые разные принципы. Детальную классификацию разработал А. Тойнби в своем труде «Постижение истории», в котором он выделяет 21 живую и погибшую цивилизации. Хотя его точка зрения и принципы выделения цивилизаций подверглись сильной критике, его систематизация все же зачастую используется.

Конечно, если углубляться в историю, необходимо будет рассмотреть и цивилизации, закончившие свой жизненный путь: египетскую, шумерскую, вавилонскую, эллинистическую, византийскую и др. Однако и они в каком-то плане сохраняются в духовной памяти человечества и культуре тех регионов, которые стали наследниками этих цивилизаций прошлого. Так, в современном Египте мы найдем настоящий культ древнего фараонского Египта и не только в «индустрии туризма», которая приводит в страну многие миллионы туристов, но и в стиле различных современных искусств, в культурно-идеологической ориентации на самобытность, имеющую столь грандиозное наследие. Но неперенным компонентом общего социологического и культурологического анализа современности должен стать анализ совре-

277

менных универсалистских цивилизаций: европейской и североамериканской (их принято объединять как Запад), индийской, буддийской, дальневосточной, исламской (их принято обозначать как Восток). Принято также выделять как протоцивилизацию Тропическую Африку, не имеющую своей универсальной религии, соотношенной со сложившимися здесь верованиями. Этот регион оказывается лишенным «верхних этажей» культуры. Одним из последствий такой «недостроенности» становится подверженность многих стран тропического региона Африки распространению христианства или ислама, воссоздающих необходимые уровни духовной и этнической универсальности. Но интенсивная деятельность африканской интеллигенции по отстаиванию идентичности и воссозданию «африканизма» как более универсальных и теоретических аспектов своей культуры — в философии, идеологии, литературе и искусстве — способствует возвышению статуса Африки в ряду цивилизаций различных континентов.

Особое место в типологии цивилизации занимает Латинская Америка, на культурной ситуации которой сказывается не только высокий уровень экономического развития и социальной зрелости большинства стран, но и наличие устойчивых пластов и компонентов европейской культуры, хотя и в ее «иберийском» (т.е. в испано-португальском) варианте. В ходе исторического развития имел место резкий перепад, в результате которого первичная, автохтонная культура оказалась полуразрушенной и перекрытой другой, привнесенной, обретшей на этом континенте глубокие корни. Тем не менее

мучительная дилемма, которая постоянно присутствует в общественной мысли этих стран, выражается в напряженных поисках «самобытности», основанной на соединении двух начал.

По многим содержательным и структурным характеристикам евро-американская цивилизация в Новое время, пройдя через глубокую трансформацию своих социальных и духовных структур, стала принципиально отличаться от всех остальных цивилизаций, в большей степени сохранивших прежние структуры регуляции. К тому же Европа, а затем и Америка стали источником модернизационных влияний в остальном мире. Это дало основание для крупномасштабного деления мира на Запад и Восток, две части, находящиеся между собой в сложном взаимодействии.

Более подробно к рассмотрению социокультурного содержания цивилизаций мы обратимся в третьей части учебника.

Глава IX ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ

Основные темы.

Различие подходов к объяснению динамики культуры: хозяйственно-материалистическая или социокультурная детерминация?

Место культуры: надстройка, традиция или самобытность? Критика формационной концепции. Понятие «прогресса» и «отставания» в культуре.

Типы культурных изменений. 1. Историческая смена духовных фаз и этапов, связанная со сменой основных типов социальности (доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный). 2. Смена духовных стилей, художественных жанров и направлений, ориентаций и мод. 3. Обогащение и дифференциация. 4. Культурный застой. Проявления застоя в классических восточных цивилизациях. 5. Ослабление дифференциации и упрощение, упадок и деградация. 6. Кризис культуры как проявление несоответствия разных частей социокультурной системы. Пути преодоления кризиса: изоляция от внешнего мира, реформация, усиление срединной культуры, регуляция разнообразия, преобразование культуры. 7. Циклические изменения. Устойчивость циклических изменений в культуре, большие и малые, общие и локальные циклы. Время как шкала циклических изменений. Масштабы измерения времени. Инверсия как «маятниковый» переход от одного крайнего состояния к другому и обратно, вызванное слабостью срединной культуры. Взаимное отторжение носителей крайних принципов и утрата накопленного достояния в период инверсии. Инверсия в истории российской культуры. 8. Возрождение как обращение к раннему и более богатому периоду культурной жизни. Различие смысла возрождения в разном культурном контексте. Возрождение и ревайвал. Дискуссии о статусе европейского Ренессанса, соотношение тенденций Возрождения на Западе и Востоке. 9. Преобразование как радикальное изменение культуры при сохранении прежнего достояния. Полиформизм культурной динамики. Духовная и социальная структура изменений в культуре. Соотношение устойчивости и изменений, центра и периферии. Культурная динамика как совокупность различных процессов и тенденций. Несовпадение ритмов в разных сферах культуры и нарушение их корреляции.

Источники и факторы культурной динамики: 1. Инновация — изобретение. Социальные и культурные предпосылки внедрения инновации. 2. Наследование. Социальные и культурные варианты обращения к прошлому. Культурное наследие как общая сумма достижений данного общества в сфере культуры; традиция как передача непосредственно используемых прошлых образцов. Возрождение и реставрация как процесс обращения к культурному наследию. Традиционализм как сопротивление нововведениям. Ниспровержение культурного наследия. 3. Диффузия как распространение культуры в географическом территориальном или социальном смысле. Факторы, влияющие на диффузию: степень интенсивности контактов, условия контактов, добровольность или принужде-

279

ние, уровень развития взаимодействующих обществ. 4. Синтез как соединение заимствованного и элементов собственного достояния. Роль синтеза в формировании национальных культур и цивилизаций.

Динамика цивилизаций Запада и Востока. Проблема динамики в различных мировых цивилизациях. Сущность и причины застоя в восточных цивилизациях.

Динамика культур в современном мире. Значение межнациональных контактов в развитии культур. Роль субкультур, национальных меньшинств и социальных конфликтов в динамике культуры.

РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ОБЪЯСНЕНИЮ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Существуют очевидные расхождения среди разных научных школ в подходе к объяснению того, как и почему меняются культура и цивилизация. В рамках как религиозного, так и просветительского сознания было принято утверждать приоритет «законов духа», либо восходящих к божественному источнику, либо к человеческому Разуму. Философию Гегеля можно считать теоретическим завершением такой концепции.

Но на протяжении большей части XIX в. доминирующим можно считать материалистическое направление в объяснении культурной и цивилизационной динамики, которое мы рассматривали еще в главе II. Цивилизованный уровень и означал прежде всего сдвиг от примитивного к

урбанизированному, дифференцированному обществу, перешедшему к производящему хозяйству, осуществляющему устойчивый торговый обмен, разделенному по социальному признаку и т.д. Именно этот подход стал основой как марксистской, так и других школ, отдающих приоритет материальным факторам. Ученые материалистического направления полагают, что изменения в культуре происходят в зависимости от роста производительных сил, внедрения новых технологий, перемен в социальных отношениях, через классовую борьбу, отраженную в господствующих идеологических и морально-правовых системах. Перемены в состоянии общества и соответствующие им изменения в культуре происходят по восходящей линии, что и составляет содержание общественного прогресса.

Широкая критика прогрессистских концепций (см. главу II), которая развертывалась на протяжении всего XIX в. и получила яркое воплощение уже в работах мыслителей XX в. (О. Шпенглер, А. Тойнби), способствовала созданию гораздо более сложного и дифференцированного научного представления о динамике культу-

280

ры. Эта динамика была выделена в самостоятельную сферу, отделена от других сфер общественной деятельности, прежде всего экономики и политики, были выявлены принципы саморегуляции культуры и ее взаимодействия с другими сферами. Большая заслуга в разработке этой проблематики принадлежит П. Сорокину. В его фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика»* (1937—1941), раскрывались этапы и содержание *флюктуаций* в культуре, приводящих к смене чувственного, духовного и рационального типа культуры.

Хотя концепция П. Сорокина, отличавшаяся высокой аналитичностью и системной законченностью, не получила широкого признания у ученых, изучавших реальные культурные процессы, в исследованиях по истории культуры и сравнительному культуроведению основательно выявлено разнообразие вариантов эволюции культуры. Однако постоянно возникавшая проблема заключалась в том, чтобы объяснить эти изменения в рамках общей теории, раскрыть те подспудные механизмы, которые лежат за феноменами изменения и сохранения культуры.

МЕСТО КУЛЬТУРЫ: НАДСТРОЙКА, ТРАДИЦИЯ ИЛИ САМОБЫТНОСТЬ?

В рамках исторического материализма концепция формационного развития культуры утверждала в качестве основного фактора изменения в способе производства. В соответствии с этими изменениями выделялись и основные периоды линейного развития мировой культуры, порождавшие соответствующие типы культуры: первобытная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая. Как предполагалось, смена характера производства ведет за собой и изменение общественного строя, а вместе с тем — и всей политической и духовной надстройки, а значит — и культуры. Культура «уходящих в прошлое» классов также должна быть изжитой и заменена новой, более отвечающей потребностям нового типа производства и общественных отношений.

Если в 20-х — начале 30-х гг. вульгарно-социологический подход вообще исключал признание, ценности культуры «реакционных классов», то впоследствии было предпринято немало усилий для хотя бы частичной реабилитации литературы и искусства прошлого как воплощающего либо демократические идеи, либо общечеловеческие ценности. Но источник такого общечеловеческого значения

* Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*. - N.Y., 1937-1941. - V. 1-4.

281

великого искусства не обнаруживался и приходилось либо ограничиваться описанием исторических обстоятельств формирования искусства прошлого или же его отвлеченного эстетического значения, либо «раздирать» историю культуры на две противостоящие друг другу тенденции различного классового содержания.

Целостный подход к проблематике изменений в обществе сформировался в рамках марксистской философии культуры, для которой культура предстала не как часть надстройки, «обслуживающей» свой базис, а как общее содержание производственной деятельности, совмещающее в себе и технологические, и социальные, и духовные начала, «постигаемые в своем единстве и целостности». В главе I мы уже рассматривали методологические издержки такой позиции, вследствие которых оказывается проблематичным вычленение собственно культуры.

Очевидная трудность, с которой постоянно сталкивались как формационная теория, так и прогрессистская философия культуры, заключалась в невозможности адекватного объяснения того, почему же некоторые ценности и значения, получившие выражение в произведениях далекого прошлого, не утрачивают своей функциональности и сохраняются в духовной жизни много времени спустя после того, как условия, их породившие, очевидным образом ушли в прошлое? Почему некоторые представления и типы мышления (мифы и религия) продолжают удерживаться в общественном сознании, несмотря на все успехи в научном объяснении мира? Почему какие-то

социальные и культурные институты (например, семья и церковь), подвергаясь изменениям, оказываются необходимыми и на поздних ступенях прогресса? И, наконец, почему вместо развития как восхождения по ступенькам прогресса движение вперед сопровождается возвратом к, казалось бы, пройденным ступеням?

Попыткой найти выход из теоретического тупика стало обращение к понятию «традиция». Как полагалось, помимо собственно общесоциальных и социально-экономических факторов в детерминации культуры действуют еще и традиции, как особое начало, поддерживающее преемственность в обществе вопреки смене формационных факторов. Под традициями стали понимать «элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени»*.

Достижением такого определения было то, что значительная часть культурной жизни была изъята из категории «надстройка» и

* *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1983. — С. 692.

282

уже не подлежала изъятию из употребления, хотя и допускалось деление традиций по классовому признаку, на прогрессивные, реакционные и т.д. Борьба против косных и отживших традиций по-прежнему оставалась важной идейно-политической задачей. Однако при этом традиция по существу лишалась содержательного социологического определения и превращалась в некую метафизическую сущность, присущую культуре в целом и способную даже доминировать в системе общественной регуляции. Поэтому внедрение более аналитических подходов в культурологию привело к выяснению различных вариантов культурной динамики и признанию значения таких важных категорий, как *культурное наследие* и *культурная самобытность* (см. главу VI).

Такого рода изменения происходили и в западной общественной мысли. Хотя понятие «прогресс» еще в начале XX в. было подвергнуто резкой критике и вытеснено из научного обихода, понятия «развитие» и «модернизация» еще долгое время удерживались не только на уровне идеологической публицистики, но и в научной мысли, отражали установки, сложившиеся в рамках эволюционизма в период «покорения мира» европейцами, уверенными в просветительских, рационалистических и модернизирующих потенциях своей цивилизации. Еще в 50-х — начале 70-х гг. в русле «теорий модернизации» приоритет принадлежал концепции аккультурации, т. е. постепенного приобщения населения покоренных стран к достижениям западной культуры через заимствование внешних образцов. Устойчивое сопротивление таким тенденциям в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки и крушение курсов на радикальное изменение «отсталых» обществ привели к тому, что стабильность стала рассматриваться как важная предпосылка перемен. Исходная стабильность, поддерживающая жизнедеятельность основной массы населения в приемлемых для него формах, — условие того, что перемены в более современных секторах жизни могут более успешно не только «взять старт», но и завершиться успехом. К тому же было отвергнуто представление, что развитие может быть достигнуто в основном за счет «трансферта» (т.е. переноса и заимствований) достижений более развитых обществ в отсталые. Все интенсивнее стала отстаиваться идея «эндогенного», т. е. самостоятельного развития, опирающегося на внутренние ресурсы данного общества и не разрушающего его самобытность.

Содержание перегруженного понятия «традиция» оказалось распределенным между рядом менее широких, специализированных понятий: самобытность, наследие, специфика, культурное ядро, культурная динамика, эндогенность и т.д. Это позволило

283

сформировать более содержательную и дифференцированную концепцию культурных изменений (см. главу VI).

ТИПЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В результате такого рода процессов самоопределения различных культур больших и малых народов, ограничения монополии линейного всемирно-исторического процесса выявляется структура многообразия культурных процессов как в историческом плане, так и в синхронном разрезе, а в теории культуры и культурологии сложились системы классификации изменений разного масштаба и уровня.

1. Критика издержек поступательно-линейных концепций развития культуры не снимает *фазового* или *стадиального* типа культурной динамики, к которому применима *историческая периодизация* в соответствии с доминирующим типом социальных отношений. Но при этом важно подчеркнуть недопустимость сведения этих отношений лишь к классовой структуре, отвечающей формационному делению истории. Тип социальности складывается на основе преобладания межличностных отношений в доиндустриальном обществе, товарно-денежных факторов в индустриальном или же факторов, формирующих массовое общество, в постиндустриальном обществе. Это деление, как мы увидим, не совпадает с последовательной сменой всех измерений социальной и культурной жизни, но

отражает некоторые общие принципы социокультурной регуляции. И хотя в новейшее время культуры всех стран и народов подверглись массивному воздействию индустриализации со всеми сопровождающими ее требованиями, а затем и постиндустриальных факторов, это не отменяет и других начал в духовном производстве, постоянно сохраняющем свою сложную, многоуровневую и полиморфную структуру.

2. Смена *духовных стилей*, художественных жанров и направлений, ориентаций и мод; территориальные перемены центров активной культурной деятельности; социальные сдвиги в результате изменения количественных параметров и другие перемены, входящие в общем в сферу истории культуры, а также разных ответвлений: история искусства, литературы, моды и т.д. Отчетливое деление эта смена нашла в истории западноевропейской культуры: романский, готический, ренессансный, барокко, рококо, неоклассицизм, романтизм, реализм, модернизм (импрессионизм, постимпрессионизм, сюрреализм, авангардизм и т.д.), постмодернизм.

284

3. *Обогащением дифференциация* культуры или отношений между разными ее элементами, что означает формирование новых жанров и видов искусства в результате творческого процесса или внешних влияний — всего того, что вполне корректно охарактеризовать как развитие культуры. Такие процессы никогда не охватывают всей системы социокультурной регуляции, а происходят в тех или иных отдельных сферах или ряде сфер при сохранении устойчивых механизмов в стабилизирующих частях общей структуры. Как мы увидим, интенсивное развитие культуры в период промышленной или научно-технической революции не привело к устранению традиционных верований и институтов, таких как церковь или семья, не сняло этнического и национального разделения народов.

4. *Культурный застой* как состояние длительной неизменности и повторяемости норм, ценностей, смыслов и знаний, как приверженность общества неизменным традициям и резкое ограничение или запрет нововведений. Устойчивость обычаев, норм и стилей не обязательно означает застой, так как подразумевает сохранение самобытности данного общества. Однако консервация общей системы ценностей, догматизация религии или идеологии, канонизация художественной жизни, сопровождаемые отторжением нововведений или заимствований, может означать застой и приводить к длительной стагнации общества в целом. В этом состоянии общество может существовать десятилетиями и даже веками, без значимых прибавлений и убавлений в своей духовной и социальной жизни. В нем могут происходить циклические изменения, повторяющие «по кругу» много раз пройденные этапы и формы духовной жизни, но эта цикличность не приводит к кумулятивным сдвигам.

Застой — характерная черта устойчивых малых этнических культур, адаптированных к окружающей среде, но зависящих от этой среды и неспособных выработать механизм изменений. Однако застой становится уделом и высокоорганизованных цивилизаций, сложившихся в различных регионах Востока, на том этапе, когда обогащение и дифференциация грозят подорвать всеобщие принципы регуляции и ослабить механизмы консолидации общества. Как застой следует охарактеризовать длительный период существования цивилизаций древности (фараонский Египет и др.), цивилизаций доколумбовой Америки или же восточных цивилизаций позднего средневековья, столкнувшихся в XVII—XIX вв. с вызовом европейского Запада.

5. *Упрощения* культуры, ведущие к *ослаблению дифференциации или устранению* каких-то элементов культуры или прежде устой-

285

чивых норм и идеалов, упрощению культурной жизни, что и определяется как *упадок и деградация* культуры. Такого рода процессы описываются этнографами на материале некоторых малых народов, попавших в орбиту сильных культур (индейцы Северной Америки, малочисленные народы Севера и т.д.). Слабые локальные культуры обнаруживают способность к выживанию, но ценной изоляции и замыкания в себе.

Упадок имеет место и в различных сферах высокой культуры — в том случае, когда ослабевает духовная значимость тех или иных направлений и жанров, а в обществе получают признание другие варианты художественного осмысления мира. Такова была, например, судьба художественного творчества в Италии, Франции или Англии, когда после взлета «высокого Возрождения» XIV—XV вв. появились упадочные школы «маньеризма», тщетно старавшиеся подражать столь ценным образцам. Откровенным упадком отмечена русская иконопись в период XVIII—XIX вв., воспроизводившая лишь слабые подобию вдохновенных изображений священных образов предшествующих веков.

Примитивизация и архаизация неоднократно имели место в истории целых обществ или каких-то сегментов в прошлом и в современности. Установление жесткого авторитарного правления могло сопровождаться подавлением развитых форм политической и духовной жизни, стандартизацией различных форм бытия, принудительной гомогенизацией отношений, поведения, менталитета и т.д.

Опрошение происходило и в различных сегментах общества, отключенных от функционирующей цивилизации или сохранивших с ней лишь ограниченные и специфические контакты. Тенденция архаизации, элементы родоплеменной структуры или военной демократии с соответствующими представлениями, ритуалами, нормами проявляются в структурах преступного мира, в образе жизни и организации вооруженных отрядов и банд в период гражданской войны, в местах заключения, в стихийно складывающихся армейских отношениях («дедовщина», «землячество» и т.д.).

Такого рода социокультурный контекст доставляет содержательный материал как для высокой художественной литературы (в творчестве Достоевского, Солженицына, Шаламова, Бабея и других писателей), так и для собственно социологии преступности.

Архаизация культурной жизни происходит и в ходе распада сложных социокультурных образований, происходящего под влиянием противоборства внутренних враждебных сил или натиска внешних противников.

286

6. *Кризис культуры* определяется как ситуация или тенденция разрыва между ослаблением и разрушением прежних духовных структур и институтов и формированием новых, более отвечающих меняющимся требованиям общества. Это не всегда удобный термин для культурологического анализа, прежде всего потому, что слишком часто употребляется в идеологическом смысле для специально заданной критики каких-то тенденций в культуре или складывающейся в ней ситуации, оцениваемой как недопустимая. Но этот термин приобретает смысл при указании на напряженные поиски решения возникших в обществе противоречий.

В историческом плане социальный и духовный кризис в древних обществах предшествовал возникновению новых духовных систем, послуживших основой для формирования мировых цивилизаций. Одним из наиболее известных и ярких памятников, засвидетельствовавших кризис древних обществ Ближнего Востока, является Ветхий Завет. Поиски выхода из этого кризиса шли через формирование новых религиозных принципов, запечатленных в сакральном тексте Нового Завета.

В Новое время кризис обычно возникает в ходе ускоренной модернизации общества, протекающей под влиянием либо внутренних, либо внешних факторов, но не находящейся в соответствии с адекватным вызреванием новых духовных факторов, вследствие чего структурные изменения в хозяйственной или политической деятельности общества не получают соответствующего обоснования и признания в обществе. В зависимости от степени устойчивости духовной структуры кризис может привести к преобразованию или срыву в общественной регуляции.

7. *Циклические изменения* отличаются от эволюционных тем, что они повторимы (иногда их определяют как волнообразные). Под их воздействием общество движется по сходным циклам бытия, повторяя себя на протяжении многих поколений. Конечно, циклы могут иметь и естественное, природно-биологическое происхождение (смена времен года, смена поколений) и являются необходимыми условиями воспроизводства среды, общества или народонаселения. Устойчивую фиксацию эти циклы получают в мифологии, ритуалах, календаре. В короткой памяти племенной мифологии циклы, обычно охватывают несколько поколений. Вместе с тем, как показал в своих работах М. Элиаде, циклическое измерение времени должно было предотвратить движения вспять, регресс, деградацию по сравнению с не очень отдаленным «началом», поддержать первоначальный идеал хотя бы в том же состоянии. Поэтому после упадка, которым отмечен «железный век», вновь вернется идеальный «золотой век». Но и пово-

287

роты династической истории, новое царствование воспринимались в мифологизированной политике как возрождение истории народа, как начало новой эры и нового подъема коллективной жизни*. Соответственно, если предшествующий период представал как неудовлетворительный, он подлежал «отмене» через критику и осуждение.

Более короткие циклы сглаживают в человеческом сознании или упраздняют обыденное время, устраняя ощущение постоянной и бессмысленной суеты.

В более развитых духовных системах циклы охватывают огромные, хотя также небесконечные периоды. Такой характер имеет, например, индуистская сансара — колесо жизни и смерти, вновь и вновь воспроизводящее и уносящее индивидуальные человеческие жизни. Представление о циклическом развитии доминирует на ранних этапах духовного развития человечества. Еще в Ветхом Завете акт божественного творения не устранил мотива постоянного ухода и возвращения циклов бытия. Это ощущение нашло яркое поэтическое выражение в Книге Экклезиаста: «Нет ничего нового под солнцем», — возвещает древнеиудейский пророк. Но Новый Завет прорывает эту томящую дух повторяемость и устанавливает новое измерение времени — от уникального и неповторимого события — пришествия и смерти Иисуса Христа, от которого история выпрямляется в линию, получающую всемирный размах и поступательный характер. Ветхозаветная история остается как эпоха подготовки пришествия Христа, но последующая история рода человеческого — результат

воплощения этого пришествия вплоть до Страшного суда. Все оставшиеся природные и биологические циклы имеют второстепенный и частичный характер и не подрывают сквозного процесса истории. Отныне прошлое постоянно присутствует в свершившейся новозаветной трагедии, но время неотступно идет к будущему, несущему воздаяние, в свете которого каждая человеческая жизнь и каждый поступок получают тот или иной смысл.

В качестве варианта цикличности следует рассматривать *инверсию, или откат*, которые могут охватывать как духовные, так и политические изменения общественного бытия. В инверсии изменения идут не по кругу, а совершают маятниковые качания — от одного полюса культурных значений к другому. Такого рода перепады возникают в том случае, если в культуре не сложилось устойчивое ядро, «золотая середина» или прочная структура. Поэтому ослабление жесткой нормативности и ограничений может

»Элиаде М. Космос и история. - М., 1987. - С. 88.

288

приводить к распушенности нравов, бессловесная покорность по отношению к существующим порядкам и их носителям может сменяться «бессмысленным и беспощадным бунтом», разгул страстей и чувственности может уступить место крайнему аскетизму и рассудочному рационализму. Чем меньше степень стабильности общества и чем слабее налажены отношения между его различными компонентами, тем больший размах приобретают повороты в его духовной или политической жизни.

Элементы противоречивости, как мы видели, присутствуют на разных уровнях развития культуры. Для мифологического сознания эта противоречивость осмысливается как соперничество двух разнонаправленных витальных начал (день — ночь, жизнь — смерть и т.д.) и их поочередная инверсия означает лишь временную смену состояний. В китайском культурном наследии большое место отводилось соотношению двух противоположных жизненных начал — инь и ян, различные варианты смены этой дуальности определяют, как предполагается, все жизненные ситуации. На более высоком уровне рефлексии возникает концепция «единства и борьбы противоположностей» и «перехода количественных изменений в качественные», который совершается через «скачок» как переход явления (или общества) в новое состояние и устранение предшествующего качества.

Инверсионная волна может охватывать самые разные периоды — от нескольких лет до нескольких веков. Инверсионный характер имели изменения культуры в разные времена и в разных обществах. На определенном этапе такой характер принимал переход от язычества к монотеизму, сопровождавшийся искоренением предшествующих культов, от религии к атеизму, приведший к разрушению прежних святынь, огульной критике религии и расправам со священниками, от культурной изоляции к интенсивному подражанию западным образцам, от государственно-партийного тоталитаризма к плюрализму как прямо противоположным моделям политической и культурной жизни и т.д.

Как инверсионное движение социокультурной системы зачастую предстает революция, означающая радикальное переворачивание как социальных отношений, так и доминирующего в обществе типа ценностей. Мировоззренческим обоснованием этого процесса стало учение о «социальной и культурной революции», в процессе которой предполагается создание нового общественного строя и нового типа духовного производства. В этом строе «уничтожается духовное господство» и «монополия» свергнутого класса и утверждается ведущая роль нового революционного класса. Такой характер носила во многом социалистическая революция в

289

России, радикально изменившая характер культурной жизни общества на несколько десятилетий. Сходные процессы происходили и во многих странах, принявших социалистическую ориентацию.

Далеко идущая инверсия приводит к разрушению накопленного ранее позитивного достояния, что приводит рано или поздно к возрождению — или реставрации — прошлого, восстановлению необходимых компонентов духовной структуры, без которых жизнь общества оказывается неполноценной. Западноевропейский Ренессанс привел к восстановлению достижений античной языческой культуры, культивированию тех витальных и эстетических ценностей, которые изымались церковью на протяжении многих веков. Однако за Ренессансом последовали Реформация и контрреформация, частично восстановившие религиозное достояние. За революцией неизменно следует реставрация, частично восстанавливающая прежние компоненты социокультурного достояния, ощущаемые как необходимые.

8. Обращение к раннему и более богатому периоду культурной жизни обычно определяется как *возрождение*.

Эпоха европейского Возрождения получает постоянно высокий статус в большинстве работ по истории мировой культуры. Можно считать устоявшимся и широко распространенным суждение об этой эпохе как о «величайшем перевороте» в развитии мировой культуры, с которого и начинается переход к гуманистической культуре, в центре которой стоит человек, несущий в себе способность к самостоятельной, разумной и целеустремленной деятельности, направленной на осуществление идеалов красоты, гармонии и всестороннего развития своих сил.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 151 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Основные достижения Возрождения были реализованы прежде всего в художественной культуре, а также в философии. В духовном плане Возрождение принесло с собой раскрепощение сознания от богословско-схоластического образа мышления и раскрыло перед человеческим разумом возможность познания реального мира, который доселе присутствовал лишь как низменная действительность, несоизмеримая с божественным началом. В живописи, скульптуре, литературе, архитектуре и музыке получило воплощение культивирование гармонической индивидуальности и чувственности, воплощением которой может служить и человеческое тело, и природа, и произведения человеческих рук.

Однако уже в рамках самой ренессансной культуры в полной мере проявилось осознание противоречий, возникающих в силу индивидуализма, приводящего к разгулу своеволия и гедонизма, к бесцельному расточительству человеческих сил и

290

средств. Одним из проявлений высокого Возрождения считаются трагедии Шекспира, который показал на изломе этой эпохи, как индивидуализм обнаруживает свою недостаточность и свою собственную обреченность, чреватую безысходным трагизмом.

Вот как пишет об этом А.Ф. Лосев в книге «Эстетика Возрождения», в получившей большую известность главе «Обратная сторона титанизма»: «Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей... Здесь сказался стихийный индивидуализм эпохи, эта уже обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики»*. А.Ф. Лосев приводит множество фактов и имен, свидетельств страстей и пороков и совершенно беззастенчивых преступлений, выявляющих антитезу тому образу возвышенного гуманизма и эстетизма, с которым обычно связывают период Ренессанса.

В самой Италии широкое недовольство разладом в обществе содействовало большому успеху Савонаролы, настоятеля монастыря и проповедника, беспощадно обличавшего язвы аристократической и клерикальной верхушки. Но его противники, возглавляемые развращенным и преступным папой Александром VI (из семейства Борджиа), добились его ареста, после жестоких пыток он был повешен, а затем сожжен в 1498 г. «Это было символом назревающей и уже назревшей гибели всего возрожденческого понимания человеческих идеалов. Титанизм превращается здесь в зверство и самую гнусную кастовую или лично-кастовую обособленность; высокое и благородное понимание человеческого самоутверждения переходит в малую, но кровавую склоку, месть и интригу в борьбе за ничтожную, но злую и беспощадно жестокую самозащиту и самообслужу», — отмечает А.Ф. Лосев. В художественном плане Ренессанс в XVI в. вырождается в маньеризм, как подражание прежним чтимым образцам, но уже лишенное былой творческой силы.

Ренессансные тенденции не были преданы забвению и постоянно питали существенную часть высокой художественной культуры Запада и тех стран, где эта культура принималась за воплощение эстетических идеалов. Однако противоречия и ограничен-

* Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. - М., 1989. - С. 121.

291

ность культуры этого направления привели к последующей острой реакции и обращению к религиозным принципам устройства общества. Во многих странах Запада и Востока возвращение к ранним образцам самобытной культуры принимало скорее консервативный характер и было связано с принципами религиозного фундаментализма.

9. *Преобразование*, или трансформация, культуры имеет место в том случае, если новое состояние возникает в результате изменения прежнего достояния под влиянием интенсивных процессов обновления, происходящих в данном обществе. Новые элементы вводятся через переосмысление исторического наследия или придание нового смысла привычным традициям, а также через заимствование извне. Однако заимствованные элементы подвергаются качественному изменению, создающему достаточно целостный органичный *синтез*.

Проявлением трансформации обычно становится реформация религии или формирование национальной культуры. Почти каждое общество в той или иной степени проходит через религиозную перестройку и процесс формирования нации, сопровождающиеся интенсивным утверждением обновленной культуры, сохраняющей преемственность с предшествующим достоянием. Хотя идеологическим оправданием такого рода процессов большей частью является обращение к первоначальным заветам или историческим корням, новое состояние общества сильно отличается от того, что ему предшествовало, придает ему динамичный и обновленный облик.

Полиморфизм культурной динамики.

Тот или другой вариант культурных изменений, как правило, не охватывает культуры в целом.

Напротив, отличительной особенностью всякой культуры является ее многослойный характер, в силу чего в ней могут происходить одновременно изменения, направленные в разные стороны и с разной скоростью. Движение к обновлению вызывает обычно накопление тенденций к стабилизации, что и приводит рано или поздно к откату и смене ориентаций.

Кроме того, разные компоненты культуры изменяются с разной скоростью. Наиболее устойчивой оказывается мифология, способная в той или иной форме сохранять свои образы на протяжении многих веков. Большой объем консервативности заключает в себе и религия, несущая функцию интеграции общества. Более подвижной оказывается художественная культура, гибко реагирующая на изменение духовного состояния общества или отдельных слоев. Но самой высокой способностью к изменениям отмечена наука, удваивающая свои основные параметры за несколько лет.

292

ИСТОЧНИКИ И ФАКТОРЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

В рамках культурной сферы, рассматриваемой как самостоятельный блок социальной регуляции, принято выделять несколько источников, формирующих и поддерживающих изменения в культуре. Хотя объем этих вариантов сильно колеблется для разных обществ или периодов, они постоянно сказываются в социокультурной динамике.

1. *Инновация* как изобретение или выработка новых идей, образов, моделей или принципов действия, политических и социальных программ, нацеленных на изменение общественного бытия, выдвижение новых форм деятельности или организации общества, нового типа мышления или чувствования. Носителями новаторства могут выступать творческие личности (пророки, правители, мудрецы, деятели культуры, ученые и т.д.) или новаторские группы, выдвигающие новые идеи, нормы, ориентации и способы деятельности, отличные от того, что принято в данном обществе. Часто обращают внимание на то, что источником инноваций обычно служит не «простой средний человек» и не средняя социальная группа, а индивид или группа, так или иначе «выбивающиеся» из данного общества, оказывающиеся в нем «авангардом», «диссидентами» или «маргиналами». Они не принимают сложившихся нормативных принципов регуляции и ищут свои особые пути самоутверждения. Поэтому, в частности, в культуре всякого общества поддерживается высокий статус людей, обладающих необычными способностями к творчеству, если, конечно, это творчество отвечает ожиданиям группы.

На более массовом уровне носителями новаторства нередко выступают выходцы из других стран или из другой социокультурной среды, оказывающиеся гетерогенными для данного общества. Это могут быть и сектантские группы, нарушающие сложившееся «благоочиние», затевающие новые пути спасения и отвечающие им формы практического поведения и хозяйственной деятельности. Такую роль выполняли протестанты на раннебуржуазном этапе европейской истории, европейцы в колониальных странах, выходцы из арабских стран или индийцы в Восточной Африке, китайцы в Юг-Восточной Азии. Выходцы из кавказских народов в среднерусской полосе нередко оказываются более успешными в развитии торговли, сферы услуг, различных промыслов, чем коренное население. Носителями тенденций обновления и модернизации выступают активные слои, не находящие себе приемлемого места в прежней системе отношений и типах деятельности.

293

Однако имеется существенная проблема соединения нововведений с социокультурной средой. Всякое нововведение обречено на забвение, отторжение или лишь на временную местную реализацию, если оно не встречает понимания со стороны принимающего общества, если отсутствует социальный спрос, определяемый как состоянием общества, так и тем, какой слой оказывается наиболее заинтересованным в развитии нового типа деятельности.

Объяснение происхождения того или иного явления культуры не простая проблема для общественного сознания. Недаром в мифологии, как мы видели, большое место занимает «культурный герой», давший людям огонь, ремесла, письменность и т.д. Но и позднее немалое объясняющее значение приобретают полумифические сюжеты, должны объяснить великие открытия случайностью: «ванна Архимеда», «яблоко Ньютона», «чайник Уатта» и т.д. Подобными «случайностями» или «чудом» объясняются и откровения древних пророков, возвестивших новые религии. На самом деле все духовные или научные нововведения вызревают в соответствующей и очень сложной социальной и культурной обстановке.

Именно социальная детерминация определяет судьбу открытий и изобретений, получит ли творческий акт признание или будет обречен на забвение. Показательный пример дает история книгопечатания в Западной Европе. И. Гутенберг начал печатать книги в середине XV в. Но культурная среда была уже настолько готова к восприятию этого факта, что уже в 1500 г. в 26 городах Европы было основано почти 1100 типографий, которые выпустили около 40 тысяч изданий книг общим тиражом 10—12 миллионов экземпляров. Хотя в России первая книга была напечатана Иваном Федоровым с небольшим опозданием (1564 г.), этот факт не повлек за собой прорыва в этой

стране. Сам печатник подвергся гонениям, а широкое книгопечатание было отложено на полтора столетия.

Другой характерный пример дает история с открытием Коперника. Его открытие гелиоцентричной системы было опубликовано в 1543 г. За последующие 350 лет было издано 2330 книг по астрономии, из которых только 180 можно отнести к коперниковскому направлению. А в 1600 г. за сходные взгляды был сожжен Джордано Бруно. Британский ученый М. Поланьи, приводя этот пример в своей книге «Личностное знание», подчеркивает необходимость соответствующей готовности среды, неявного согласия, «взаимного притяжения братьев по разуму», для того чтобы интеллектуальное открытие было принято.

294

История знает множество примеров того, как открытия и нововведения отторгались и предавались забвению, если они не соответствовали социокультурной среде. И напротив, «социальный заказ» рождал поток предложений, получавших признание общества. Так, паровая машина была впервые построена русским изобретателем Иваном Ползуновым в 1766 г. на одном из заводов на Алтае. Проработав несколько месяцев, машина была остановлена и из-за смерти создателя починить ее не удалось. Паровая машина Джеймса Уатта была построена в Англии в 1776 г., и через несколько лет их было выпущено уже несколько десятков. На протяжении всей своей долгой жизни Уатт продолжал совершенствовать машину и содействовал развитию паровой техники как в своей стране, так и в других странах. Он умер в 1819 г. в почете и славе. «Дух капитализма» сделал техническое открытие социальным фактом, технологические нововведения оказывались наиболее привлекательными, так как система буржуазного предпринимательства процветала в немалой степени в зависимости от использования новейших технических средств.

Российская культура, как мы видим, вновь и вновь порождая стимулы для отдельных нововведений, для проявления *самородков*, не имела широкой потребности в новых знаниях, не имела сложившейся социокультурной среды, готовой поддержать нововведения*.

В периоды социальных и духовных перемен особый спрос может предъявляться к новым политическим или духовным течениям, что приводит к развитию политических, художественных или интеллектуальных воззрений. Так, Англия XVII—XVIII вв. славилась своей политической философией, отразившейся в системах Гоббса и Локка, обширной юриспруденцией. А Германия, скованная рамками феодализма, породила развитую философию, представленную именами Канта, Гегеля, Шеллинга, Маркса, и лишь во второй половине XIX в. осуществила свою промышленную революцию.

2. *Обращение к культурному наследию*, под которым следует понимать сумму всех культурных достижений данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти, включая и подвергшееся переоценке прошлое. Такое наследие обладает для общества вневременной ценностью, так как к нему относятся различной давности достижения, которые сохраняют способность перехода к новым поколениям в новые эпохи.

* См.: Киселева М. С. Две судьбы одного изобретения (роль культурного контекста) // Вопросы философии. - 1993. - № 9.

295

Культурное наследие — более широкое понятие, чем традиция. В нем сохраняется все то, что на том или ином этапе было создано в духовной культуре общества, включая и то, что на время было отвергнуто и не прижилось, но позднее может вновь найти свое место в обществе. В точном понимании этого термина традиция означает «механизм воспроизводства культуры или социальных и политических институтов, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом»*.

Принципиальное свойство традиции в том и состоит, чтобы обеспечивать сохранение прошлых образцов через устранение, ограничение новшеств как отклонений. Во всякой культуре существует некое динамическое соотношение традиционности, благодаря которой поддерживается стабильность, и инноваций или заимствований, через которые общество изменяется. И то, и другое сосуществует как разные стороны культурного организма, имеющего свою *самобытность (идентичность)*, о которой речь шла выше.

Самобытность — существенное и постоянное проявление тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования. В различных ситуациях, возникающих в силу динамики, присущей самому обществу, или же в силу воздействия извне, проявляются присущие данному обществу принципы социокультурной регуляции. Этой проблематике уделялось огромное внимание на многочисленных международных конференциях, проводившихся на протяжении 70-х гг., и авторитетом ЮНЕСКО признано принципиальное значение принципа самобытности в международных отношениях. В документах этой всемирной организации принято определять самобытность как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его

потребностям, осуществляет постоянный процесс самостоятельного развития»**.

Диалектика культурного процесса состоит в постоянном переходе от прошлого к настоящему и будущему. Накопленному опыту прошлого противостоит повседневная практика, требую-

*Левада Ю. А. Традиция // *Философская энциклопедия*. - М., 1970. — Т. 5. — С. 253.

** *Conference mondiale sur les politiques culturelles: Problèmes et perspectives*. — Mexico, 1982. - P. 17.

296

щая постоянной расшифровки прежнего опыта, его приспособления, отбора, интерпретации и обогащения. В этом поле между прошлым и настоящим могут присутствовать как привязанность к привычным ритуалам, постоянно возрождающим прошлое, так и погружение в повседневность с ее практическими заботами или же ориентация на будущие достижения.

В многочисленных дискуссиях по проблемам культурного наследия, которые происходили в развивающихся странах, а в период «перестройки» широко развернулись и в нашей стране, выявилось несколько идейно-теоретических направлений. Так, среди специалистов в гуманитарных науках нередко складывается «классикалистское» отношение к наследию, ориентированное на тщательное поддержание и освоение «неумирающих сокровищ, имеющих непреходящее значение». В процессе профессионального изучения культуры прошлого возникает представление, что именно в компетентном и основательном изыскании, в обстоятельном описании прошлых достижений культуры и можно обрести смысл достигнутого. То признание, которое получают такие изыскания в научном мире и на международной арене, те премии и награды, которые получают исследователи культурного наследия, казалось бы, служат зримым подтверждением обретенности исторического прошлого.

В культуре каждого общества и в мировой культуре вообще имеется сфера, где наследие живет вечной жизнью непреходящих ценностей, не подверженных бурям и натискам, происходящим в социально-политических баталиях. Речь идет о культуре в ее опредмеченной форме — памятниках, картинах, текстах, изобретениях, преданиях, т.е. обо всем том, что может быть собрано в музеях (а частью хранится в запасниках), книгохранилищах, изданиях литературных памятников. Поддержание этой сферы породило специальные типы эмпирических и теоретических исследований (археологию, памятниковедение, музееведение, архивное дело и т.д.), имеющих свою методологию, комплекс профессий, требующих специальной подготовки, компетенции и соответствующей внутренней ориентации. Охрана и освоение культурного наследия, организация и поддержание музеев, библиотек, архивов и т.д. — важная составная часть не только деятельности общественных организаций, но и обязательная задача государства. Они широко входят в состав международных мероприятий. Огромные усилия предпринимаются в этом плане по линии ЮНЕСКО. В России широко известна теоретическая и практическая деятельность академика Д. Лихачева по поддержанию памятников национального прошлого.

297

Ценности и смыслы, воплощенные в памятниках прошлого, несомненно, становятся важным фактором новой культуры. При этом они должны не только сохраняться, но и воспроизводиться, вновь и вновь раскрывая свой смысл для новых поколений, что требует соответствующей интерпретации этого смысла. Заботиться приходится не только о сохранении, но и о восстановлении, возрождении тех форм традиционного творчества, которые утрачены или полузабыты. Подчас возникает тенденция представить это наследие как воплощение некоего живого духа культуры, сохраненного уже в силу наличия текста, символа, изображения. Возникает представление, что само всестороннее описание и консервацию памятника можно выдать за бессмертное бытие извечных человеческих ценностей, неумирающих памятников, имеющих непреходящее значение. Задача, казалось бы, состоит в необходимости последовательного, внимательного их описания — том за томом, рукопись за рукописью, предание за преданием, храм за храмом. Выхваченные из потока времени символы и образы могут создать «музеефицирующую» культуру, не соприкасающуюся с действительностью и не получающую воплощения в новой деятельности.

Многие религиозные, но нередко и светские деятели культуры полагают необходимым обеспечить поддержание привычных смыслов, норм и ценностей, сложившихся к данному поколению, прививать этому поколению почитание непререкаемых ценностей прошлого. Как религиозные, так и светские сюжеты и символы превращаются в канон и академический образец, в сопоставлении с которым все остальное получает второстепенный или низший статус.

Ревайвализм (фундаментализм) как восстановление более ранних образцов религиозной веры, не затронутых разлагающим воздействием ее позднейших противников и извратителей — еще одно, крайнее направление в отстаивании культурного наследия. Это направление играет очень важную роль в тех процессах модернизации, которые влекут за собой ослабление и распад привычных традиционных ценностей и форм социальной регуляции. Наиболее известными проявлениями такого рода течений стало движение гандизма в Индии и тот процесс активизации ислама в Иране, духовным лидером которого стал аятолла Хомейни.

В ходе идеологической борьбы происходит отбор тех или иных вариантов культурного достояния, отвечающего интересам тех или иных социальных слоев и движений, и, соответственно, критика и устранение противостоящих вариантов. В ходе этой борьбы используются как различные формы теоретической полемики, так

298

и организованные культурные и политические движения. Так, жесткая идеологическая борьба была развернута в Китае в 60-х гг. под лозунгом «борьбы с реакционным наследием конфуцианства». Разрушительная «культурная революция» дополнялась, однако, культом легизма — раннекитайской школы права, узаконивавшей полновластие государства и его высшего лидера.

Ниспровержение культурного наследия. Нередко в ходе революционной ломки прежних социальных структур возникают идейно-теоретические и политические течения, утверждающие бесполезность прежнего культурного достояния для нового общества. Ни своя национальная культура, ни религия, ни культура западных стран не считается необходимым компонентом нового социального и духовного устройства. Если западная («буржуазная») культура враждебна в силу своей связи с угнетающим режимом, то своя собственная также не заслуживает сохранения, так как обрекла народ на отсталость и зависимость. В ходе революционной и вооруженной борьбы будет рождаться новая культура.

Известные примеры такого подхода к культурному достоянию можно найти в раннебольшевистской идеологии в период гражданской войны в России. Позднее идеи такого рода получили распространение в национализме лево-радикального толка в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. Известным идеологом такого рода подходов к культуре стал алжирский лево-радикальный идеолог Ф. Фанон.

Итак, обращение к культурному достоянию предстает как постоянная дилемма для общественного сознания в силу глубокой противоречивости самого прошлого, в котором неизменно сказывается соперничество различных тенденций, не устранимых в классической модели развития данной цивилизации. Другой источник этой противоречивости — наличие альтернатив в развитии общества, выбор которых требует согласования со сложившимися устоями.

Важная функция культурного достояния — поддержание стабильности и постоянства общественной регуляции. Те элементы культурного и социального наследия, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в течение длительного времени, выделяются в состав самобытности. Самобытность включает не только такие традиционные механизмы, как обычай и обряд, но и более дифференцированные и подвижные элементы: ценности, нормы, общественные институты. Как уже упоминалось, в механизме традиционной регуляции инновации оцениваются как вредное отклонение и устраняются. Однако основной формой регуляции традиции могут служить только в относитель-

299

но простых и изолированных коллективах, где практическая и духовная сферы почти не отделены друг от друга и ссыла на заветы предков служит достаточным обоснованием поведения. Более развитые общества не могут ограничиться традицией, и ее функции сводятся к поддержанию фольклорного и классического наследия. Идеологическая борьба отражает различное отношение к традициям. Социальные группы по-разному относятся к прошлым нормам и представлениям, воспринимая одни как позитивные, «свои», а другие — как негативные, «чужие».

Особое значение приобретает обращение к традиции в народных движениях, усваивающих активизирующие ориентации в привычных для них формах сознания. Религиозные или же революционные движения обращались к идеям, возрожденным из далекого прошлого, чтобы внедрить в сознание масс близкие и понятные им идеи.

3. *Займствования (диффузионизм, распространение культуры).* Если культурное наследие — это передача культуры через поколения и время, то займствования — это ее распространение в социальном или географическом пространстве (см. главу II), освоение тех или иных элементов культуры из одного общества как источник в другое как принимающее. В социальной антропологии этот процесс большей частью рассматривается как *аккультурация*, которой подвергаются индивиды, социальные группы, районы, нации или страны. Она может носить прямой (через влияние интеллигенции или иммигрантов на принявшую их социальную среду) или же косвенный характер (через воздействие средств массовой коммуникации, потребляемые товары, университеты, научные центры и т.д.). В более развитых культурах займствования представляют собой сложный структурный процесс.

Среди факторов, влияющих на характер займствований, их степень и эффективность, обычно выделяют следующие:

— степень интенсивности контактов. Постоянное или частое взаимодействие обществ ведет к быстрому усвоению инородных элементов. Так, люди, живущие на национальных окраинах или в торговых центрах, обычно быстрее усваивают элементы других культур, чем жители глубинки;

— условия контакта: насильственное навязывание культуры неизбежно порождает реакцию

отторжения, сопротивление «оккупационной» культуре, усиление стремления противопоставить ей свою самобытность, национальное достояние, язык и историческую память;

— состояние и степень дифференциации общества. На процесс заимствований влияет, с одной стороны, степень готовно-

300

сти общества к усвоению инородных нововведений, что означает и наличие той социокультурной группы, которая может стать их носителем, принять эти нововведения в своем менталитете, образе жизни и деятельности. С другой стороны, общество, сохраняющее определенную меру стабильности, устойчивости в системе социокультурной регуляции, имеет больше возможностей для плодотворного усвоения этих нововведений без реакции отторжения разрушительных последствий чрезмерной «имитации».

Эту позицию можно образно выразить словами основного персонажа пьесы Грибоедова «Горе от ума»:

Уж если рождены мы все перенимать, Хоть у китайцев бы нам несколько занять Премудрого незнания иноземцев.

Как известно, перегруженность заимствованиями породила в российском обществе XIX в. сильную реакцию за утверждение своей самобытной культуры. Как мы увидим в главах о взаимодействии культур и о модернизации, такого рода реакция стала типичной для всех национальных культур на разных континентах. Период интенсивного заимствования может сменяться ограничениями на чужеродную новизну, ее изгнанием с тем, чтобы общество вернулось к самобытности. Однако такой откат может вновь застопорить социокультурную динамику и привести к застою и архаизации общества, ослабить его связи с внешним миром.

4. *Синтез.* В качестве отдельного источника динамики следует выделить синтез как взаимодействие и соединение разнородных элементов, при котором возникает культурное явление, течение, стиль или модель социокультурного устройства, отличающееся от обоих составляющих компонентов и имеющее собственное качественное определенное содержание или форму.

Синтез становится содержательным сдвигом в общественной жизни и тем принципиально отличается от *симбиоза*, возникающего в ходе взаимодействия культур, при котором собственные и заимствованные элементы и течения остаются в достаточной степени обособленными, сохраняющими дистанцию по отношению друг к другу, что сопровождается зачастую взаимным недоверием и конфликтами.

Синтез имеет место в том случае, если социокультурная система осваивает достижения иных обществ в тех сферах, которые оказываются недостаточно развитыми в ней самой, но при этом сохраняет присущую ей исходную основу, позволяющую гово-

301

речь о ее определенности и самобытности, способности поддержания целостности и устойчивости.

Как частичный синтез иудео-христианской и античной традиции формировалась на протяжении веков европейская культура, хотя в ряде отношений разнородность этих традиций сохраняется вплоть до настоящего времени. В VII—IX вв. складывается исламская цивилизация на основе синтеза собственного религиозного достояния и освоения некоторых духовных достижений античной цивилизации и политической культуры персидской цивилизации. На основе длительного взаимодействия достояния индейских народов и испано-португальской (иберийской) культуры складывается симбиозно-синтетическая цивилизация Латинской Америки.

В современных условиях синтез становится важным источником преобразования социокультурной системы многих развивающихся стран. В качестве наиболее удобного образца осуществления плодотворного соединения собственных национальных и модернизирующих компонентов обычно приводят Японию и ряд других малых стран Восточной и Юго-Восточной Азии: Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур и др. Подобные тенденции имеют место, как мы увидим, и во многих других странах Азии и Латинской Америки, хотя далеко не везде они оказываются преобладающими.

Динамика цивилизаций Запада и Востока.

Преодоление представлений об однолинейности и прогрессивности исторического процесса дало возможность выявить многовариантность и плюрализм культурной динамики, характер и причины замедленного развития, застоя или регресса в культурной жизни разных обществ. Такого рода процессы имели место в разные эпохи во всех цивилизациях. Хорошо известен длительный застойный период европейского средневековья, последовавший за столь богатыми культурными достижениями античного мира. Лишь в эпоху Возрождения и Реформации европейский Запад ценой больших усилий вышел из этого состояния.

Культурная динамика в странах Востока носила сложный характер. Существует мнение, что

значительную роль в стагнации восточных обществ играли хозяйственные (застойные явления в феодально-крепостной экономике) и внешнеполитические (наличие кочевой периферии и разрушительные вторжения варваров) факторы, деспотический характер политической системы и ее чрезмерная централизация (или же, наоборот, распад государственного единства), а также обострение противоречий между господствующим классом и крестьянством и т.д. Все эти явления сказывались на судьбах общества. Тем не менее существует боль-

302

шое несоответствие между действием этих факторов и духовными процессами. Хорошо известно, что распад халифата и постоянная политическая неустойчивость в исламском регионе в X—XI вв. не помешали расцвету культуры, и даже сокрушительные набеги кочевников не привели к упадку художественной культуры, пережившей в XIII—XIV вв. заметный подъем, связанный с именами таких поэтов и мыслителей, как Руми, Джами, Навои и др. А политический триумф ислама в 1453 г. (падение Константинополя) и позднейшее величие блистательной Порты происходили уже на фоне глубокого застоя интеллектуальной культуры. Усиление государственного единства в Индии периода Моголов также не было отмечено большим культурным подъемом.

Опираясь на выясненные в главе VIII закономерности становления и развития цивилизаций, определим, пусть в самом общем виде, те процессы, в которых проявляется застой восточных обществ, и укажем на причины его возникновения. Как уже упоминалось, существенными функциями цивилизаций, которые становятся источником и их динамики, являются: 1) дифференциация социокультурной жизни по вариантам и уровням общественного бытия; 2) интеграция этих вариантов и уровней во всеобщей социокультурной системе. Между этими функциями существует не только взаимосвязь, но и противоречивость, приводящая на определенном этапе к напряженности и конфликтам в общей системе жизнедеятельности цивилизации. Цивилизация устанавливает связь между настоящим, прошлым и будущим, а тем самым определяет доминирующее содержание социокультурной преемственности, общее направление и ритмы эволюции этих обществ. Чем сложнее становится дифференциация социальной и духовной жизни общества, тем острее ощущается потребность в поддержании единства через утверждение принципов всеобщности и жесткой иерархической регламентации. Процессы дифференциации, усложнения и повышения уровня развития — как духовного, так и социального (рост городов) — не могли охватить рамок всей цивилизации. Сама всеобщность сильно трансформировалась по мере созревания цивилизации. При ее становлении это была борьба прежде всего за консолидацию примитивных родоплеменных, сепаратных и гетерогенных этнических, культурных и государственных объединений. Позднее же она превратилась в тенденцию подчинения более развитых, дифференцированных структур общему объединяющему началу в рамках универсалистских ориентаций и имперских политических образований.

Отвечая растущей потребности цивилизации в налаживании интеграционного механизма, сдерживающего стремления раз-

303

личных групп населения и вместе с тем предохраняющего общество от чрезмерностей государственного деспотизма, религиозный институт усиливает и свою интеграционную функцию, сокращая допускаемые рамки дифференциации духовной жизни и оказывая тем самым блокирующее воздействие на состояние общества.

Однако в культурной динамике Востока неверно усматривать однозначный процесс угасания духовной культуры. Прежние культурные системы в той или иной степени подвергаются преобразованию. В XIX—XX вв. происходят их частичный распад и складывание национальных культур. С этим связано как возвышение новых этнических общностей, культура которых приобретает национальный облик, так и возрождение прежних национальных ареалов. Неоднозначность духовных процессов в рамках восточных регионов была связана с сосуществованием весьма различных тенденций: это и устойчивость религиозной догматики и канона, и эпигонская подражательность предшествующей литературе, и формирование новых национальных форм художественного творчества.

Глава X. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ

Основные темы.

Роль социальных институтов в культуре.

Социокультурные институты в доиндустриальном обществе. Типы поддержки духовного производства и художественной культуры.

Государство и культура. Противоречия государственной регуляции культурной жизни.

Государство и управление культурой.

Государственная культурная политика, ее задачи и структура. Общие предпосылки и рамки управления ею. Дискуссии: можно ли управлять культурой? Типы управления. Государственные принципы управления культурой в развитых и развивающихся странах.

Управление культурой в СССР и постсоветском обществе.

Органы управления культурой. Культурное планирование. Методы финансирования.

Культура и рынок. Рыночные механизмы в поддержании культуры. Произведения культуры как товар. Коммерческая регуляция культурной жизни в прошлом и в современном обществе. Предпринимательство и культура. Роль меценатства, фондов, конкурсов в регуляции культурной деятельности.

304

Структура саморегуляции культуры. Состав сети культурных учреждений. Индустрия культуры и шоу-бизнес.

Принципы саморегуляции культурной деятельности: субординация, координация и состязательность. Общественные институты и механизм регуляции культуры. Учреждения культуры. Институциональное обеспечение художественной культуры. Институты науки в разных обществах.

Образование и культура. Духовные функции образования: распространение и передача знаний, поддержание культурного уровня, повышение дифференциации, социальной мобильности и упрочнение интеграции общества. Зависимость образования от общественных отношений, типа культуры и динамики общества. Обратная зависимость динамики общества от состояния образования. Общекультурные, воспитательные и профессиональные цели образования.

Праздник как институт культуры.

Многофункциональность социальных институтов. Соотношение и взаимодействие государства, рынка и системы образования в поддержании культуры.

Интеллигенция как ведущий слой в духовном производстве. Социальная роль и функции интеллигенции в развитии и сохранении культуры и динамике социальных процессов. Место интеллигенции в социальной структуре, современная структура интеллигенции. Интеллигенция и власть, функции интеллигенции и ее составные части. Ориентации и образ жизни интеллигенции. Профессиональные типы интеллигенции: гуманитарная, техническая, церковная, научная, педагогическая, управленческая, художественная.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В КУЛЬТУРЕ

Каждый компонент социальной жизнедеятельности имеет соответствующие формы организации, т.е. институты, обеспечивающие как его поддержание, так и воздействие на общественную жизнь в целом. Экономика не может функционировать без определенных форм собственности на средства производства, производственных коллективов, организации предпринимателей и трудящихся и т.д. Политика получает свое выражение прежде всего в деятельности государства и политических партий.

Социальный институт не сводится к наличию организаций или учреждений, занимающихся отведенной им деятельностью, хотя это основное и наиболее заметное в процессе институционализации. Институт включает в себя и какие-то «блоки» целенаправленной деятельности (например, ритуалы, праздники), через которые поддерживается общественная жизнь. Институт всегда представляет собой ряд компонентов: а) некоторую внутренне слаженную систему функций, закрепленных предписания-

305

ми (нормы, уставы), оправдывающими данный институт и соотносящими его с другими сферами; б) материальные средства (здания, финансы, оборудование), обеспечивающие деятельность данного института; в) носителей (кадры), вербуемых в соответствии с принципами, соотнесенными с целями данного института (служители культа, различные слои интеллигенции).

Социальные институты организуют и координируют деятельность людей в каждой сфере, без чего эта деятельность приобрела бы разрозненный, непоследовательный и неустойчивый характер.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

На ранних этапах развития общества и в малодифференцированной социокультурной среде культурная деятельность еще не выделена как самостоятельная и поэтому не опирается на особые институты. В архаичных племенных культурах все взрослые члены (хотя и в разделении на гендерные группы) сообща устраивают коллективные церемонии, а вождь выполняет одновременно и функции жреца. Но и в этой среде уже происходит выделение функциональных «должностей» жреца, шамана, гадалки и знахаря, выполняющих особые функции, хотя большей частью «по совместительству» с другими формами деятельности, общими для остальных членов племени.

И конечно, первичной синкретичной ячейкой социализации является семья, в которой родители и все взрослые члены так или иначе вводят подрастающее поколение в круг культурных норм, смыслов, знаний и ценностей.

Однако слабая степень институционализации характерна для всей народной культуры, которая поддерживается обычно всеми членами данной группы или общности (или по крайней мере большинством). Фольклор — та форма искусства, которая изначально формируется в процессе досугового

общения, трудовой деятельности или же в соответствии со сложившимися обрядами (рождение ребенка, брак, смерть, сезонные праздники) и в которой еще отсутствует четкое деление на исполнителей и слушателей.

Основным самостоятельным институтом духовной деятельности в доиндустриальных обществах является религия. Это требует особого разряда людей, отделенных от собственно материального производства (а также и от собственно политики) и сосредоточивших в своих руках производство, сохранение и передачу духовных ценностей. Такой труд связывается прежде всего с духовным сосло-

306
вием. Хотя бы номинально это сословие постоянно пользовалось более высоким статусом, чем другие — власть имущие или же просто имущие. Эти элиты представляли собой вначале группы клерикальной «интеллигенции», оторванной от племенной среды и родной почвы и от прежних правящих групп. Конфуцианские книжники, индийские брахманы, буддийские монахи и исламские улемы воплощали в себе эту неполитическую и несобственническую, но духовно властвующую элиту: «Цари правят людьми, а ученые правят царями». Высшим статусом в каждой религии пользуются священники и монахи, среди которых также есть своя иерархия. Второй ранг неизменно отводится правящим слоям, а затем по убывающей степени делится остальное население. На духовный институт ложится задача не только сохранения и поддержания первоначального учения, но и гораздо более грандиозное дело его развития с тем, чтобы оно отвечало потребностям цивилизованного устройства, а соответственно запросам других элит и широких слоев населения, различных социальных групп.

Уже на ранних этапах человеческого общества выделяется художественная культура, для поддержания которой требовались специальные исполнители. Профессиональные исполнители существовали обычно при власти имущих, при дворах правителей или при состоятельных патронах. Своими панегириками, главным поэтическим жанром, поэты-песенники как бы даровали человеку добро и возвышали его престиж, а сатирами навлекали на него позор. На приемах во дворцах читались стихи, исполнялась музыка, произносились художественно украшенные речи.

Но наряду с этими местами, где с искусством общались лишь избранные, существовали базары. Каждодневный, а особенно праздничный, городской и сельский базар был местом, где толпы людей смотрели и слушали театрализованные представления по классическим циклам. Так, в Китае это было «Троецарствие», а в России — кукольный театр Петрушки.

Искусство базара находило доступ во дворцы и богатые дома. Часто и там и тут выступали одни и те же исполнители. «Винная поэзия» кабака попадала на царский пир, а простонародные пьески получали элитарную обработку для образованной аудитории. Плутовские авантюрные рассказы перелагались в утонченную рифмованную прозу, доступную только большим знатокам.

Естественно, что судьба искусства во многом зависела как от степени развития материального производства, так и от степени дифференциации материальной жизни. Уже на ранних этапах истории средоточием художественной жизни был город — центр ремесел, торговли и религиозной жизни. Но культура была важным ком-

307
понентом и стимулом развития хозяйственных связей, как об этом свидетельствует вся история города, торговли или религии.

Естественно, что соотношение социальных институтов культуры на протяжении истории менялось в зависимости от степени дифференциации общественной жизни и перехода от доиндустриального к индустриальному и постиндустриальному обществу. В общем плане принято выделять некоторые основные типы поддержания духовного производства, а также художественной культуры, существующие в разные эпохи: 1) государственный, подчиненный централизованному аппарату власти; 2) церковный, опирающийся на поддержку религиозного института, 3) меценатский, или патронажный, при котором знать и богачи содержали и одаривали поэтов, литераторов, музыкантов и архитекторов; 4) ремесленный, когда предмет прикладного или монументального искусства изготовлялся на местный рынок или на заказ; 5) коммерческий, возникший уже в доиндустриальном обществе и связанный с рыночными отношениями; 6) самообеспечение культуры через самостоятельные институты (церковь, образование, творческие организации, индустрия культуры).

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

Как известно, государство — важнейший институт политики, в котором она получает свое наиболее полноценное выражение. Вместе с тем хорошо известно, что государство не только воздействует на хозяйственную деятельность, но и является одним из ее компонентов. Это в полной мере вскрыла дискуссия об «азиатском способе производства», в котором государство неотделимо от хозяйственной системы (хотя и в этом способе не следует преувеличивать степень его всемогущества). Однако в той или иной степени элементы такого рода «азиатчины» (мы видим, насколько неадекватен этот термин, имеющий географическую привязку) можно обнаружить во всех

остальных обществах.

Но подобным же образом государство и для культуры играет важную роль. Уже в силу обеспечения государством общесоциальных функций (поддержание порядка, защита населения, регулирование важнейших систем функционирования общества) оно является важнейшей предпосылкой культуры, без чего общество оказывается во власти локальных сил и местных интересов. Государство выступает также как важный «заказчик» и «спонсор», поддерживая культурную деятельность материально или через предоставление привилегий.

308

Лишь получив должность или какое-либо место при дворе светского или духовного правителя, смогли не только выжить, но и творить многие великие мыслители и мастера в различные периоды истории мировой культуры.

Но настолько же хорошо известно, сколь ненадежным было положение деятеля культуры или мыслителя при дворе, как часто они вынуждены были покидать двор и уходить в добровольную или же вынужденную ссылку или искать себе другого покровителя. Судьба Платона, Овидия, великого китайского поэта Цюй Юаня или Пушкина чаще всего может прийти на память как пример такого конфликта.

Все же это лишь внешние, организационные или финансовые, обстоятельства культурной жизни и деятельности. Государство, воплощающее в себе силу и влияние общества в целом, объединяющее и защищающее начало, условие стабильности и порядка, становилось предметом апологии и восхищения. На протяжении всей истории столица государства обычно была также и крупнейшим культурным центром. Это выражалось и в том, что столица была средоточием религиозных и культурных учреждений, куда стекалась духовная элита. Но это выражалось и во внешнем облике столицы, великолепии ее архитектуры.

Вспомним хотя бы Санкт-Петербург, который, по образному выражению Пушкина, «из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво». Украшение столицы храмами, дворцами, парками, ее благоустройство, поддержание в ней культурной жизни было неперменной задачей каждого правителя.

Беспощадный тюркский завоеватель Тамерлан, покоривший ряд стран и разрушивший несколько крупных городов, принялся первым делом отстраивать собственную столицу Самарканд, дворцы, мечети, медресе и гробницы которого воплотили в себе мощный взлет искусства и образования.

И все же государство — особая сфера, действующая по своим законам и живущая своими интересами. Ни сущность, ни динамика, ни судьбы государства не совпадают прямо с динамикой культуры, между ними обычны трения и конфликты, в которых государство может временно одерживать верх, но, обладая собственными потенциями, культура большей частью оказывается более долговечной. Классическим примером стала судьба древнекитайского государства Цинь в IV в. до н.э. Проводя жестокую политику «объединяй и властвуй», беспощадно расправляясь с политическими соперниками, основатель единой китайской империи Цинь Шихуан решил «упорядочить» и культуру, для чего подверг истреблению тогдашних ученых книжников, а сами кни-

309

ги запретил и приказал сжечь, оставив только практические руководства по земледелию и гаданию. Но его империя просуществовала лишь около 30 лет и вскоре после его смерти рухнула под напором сил, не подчиняющихся деспотизму. После очередного периода смут и раздоров сформировалось новое государство Хань, правители которого учли предшествующий опыт и допустили конфуцианство как культурно-идеологическую систему, определяющую не только обязанности низов подчиняться верхам, но и обязанности верхов проявлять «отеческую» заботу о подчиненных.

ГОСУДАРСТВО И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ

Существует мнение, что культура менее других сфер поддается институциональному упорядочению. В силу особой роли творческого начала в культуре она связана с индивидуальной деятельностью художников и мыслителей, писателей и артистов, которая не укладывается в попытки ее регламентации. Слава и популярность великих деятелей культуры, мыслителей, мастеров слова или кисти делали их значимым средоточием и выражением общественной жизни, как в прошлом, так и в современный период. Поэтому такое большое значение придается изучению не только самих произведений литературы и искусства, но и жизни тех или иных деятелей культуры.

Можно ли управлять культурой? По этому поводу ведутся долгие и подчас непримиримые споры между двумя сторонами, которые в тех или иных вариантах существуют почти во всяком обществе. На одной стороне выступают преимущественно сами деятели культуры, постоянно отвергающие «вмешательство» государства или каких-либо «посторонних» институтов в такое «творческое и тонкое» дело, как культурное созидание. Борьба против всякого рода бюрократических или идейных ограничений за свободу художника от всего, что сковывает его творчество, и за доступ широких

слоев населения к продуктам художественного и интеллектуального творчества — постоянный факт истории культуры.

Вместе с тем, как мы уже видели, настолько же постоянно существовали различного рода регулирующие институты, направляющие культурную жизнь, что-то поощрявшие, что-то ограничивающие, а иногда и подавлявшие. В развитии культурного процесса возникают коллизии между тенденциями к централизации культурной деятельности со стороны государства и ее демократизацией, которую требуют неправительственные организации. Вме-

310

шательство правительственных органов в работу культурных организаций и групп зачастую просто необходимо, так как без правительственной поддержки они могут не выдержать затруднений разного рода (и не только финансовых, но и правовых, политических и т.д.) и перестают существовать. Вместе с тем государственное вмешательство чревато зависимостью культурной деятельности от власти, правящих кругов и деформацией культурной жизни в целом.

Если идти в глубь веков, мы найдем много свидетельств такого рода, когда государство или церковь, с одной стороны, были главными институтами, поддерживавшими искусство, литературу и науку, а с другой — они же запрещали те направления или отказывали в покровительстве тем художникам, мыслителям и изобретателям, которые либо противоречили «общественным нормам», либо наносили ущерб государству или церкви. Позднее эти функции регуляции все больше стали перехватываться рынком, хотя правовые принципы неизменно корректировали рыночную «стихию». А в дополнение к ним сформировались разнообразные органы, институты и формы регуляции культурной жизни и деятельности (фонды, спонсорство, патронаж, академии, премии, звания и т.д.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА, ЕЕ ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА

Тем основным внешним органом, который регулирует культурную деятельность в современном обществе, является государство. В странах развитого капитализма объем культурной политики, осуществляемой государством, заметно меньше, чем в развивающихся, — в силу того, что в первых сложилась налаженная система регуляции культурной деятельности со стороны бизнеса и институтов культуры, прежде всего системы образования и науки.

Более умеренный, узкий характер имеют и направления этой деятельности, среди которых обычно присутствуют следующие (пример Швеции):

- поддержка творчества и создание условий для творческой свободы;
- защита национальной культуры и языка в мире расширяющихся международных коммуникаций и контактов;
- создание возможностей для вовлечения различных слоев населения, особенно детей и юношества, в творчески активную жизнь в зависимости от их способностей и склонностей;

311

- противостояние негативному воздействию коммерциализации в сфере культуры;
- способствование административной децентрализации в сфере культуры;
- способствование развитию региональных культур и местных центров;
- обеспечение сохранения культурного наследия;
- способствование новаторству и обновлению культуры;
- способствование налаживанию взаимодействия и взаимопонимания между различными культурными группами внутри страны и межгосударственному взаимодействию.

Влияние такой политики сказывается, в частности, в том, что наряду с вовлечением каждой страны во все более интенсивные глобальные отношения происходит и активизация местной культурной жизни, усиливается борьба за культурную самобытность и стремление к локальному своеобразию.

Как мы видели, другим важнейшим институтом, оказывающим существенное воздействие на культуру в развитых странах, является бизнес. Располагая значительными средствами и функциональным интересом в сфере культуры, он оказывается важным фактором регуляции культурной политики и культууроустройства.

Иное положение складывается в развивающихся странах, где государство — основной институт, способный компенсировать недостатки инфраструктуры, которая сама по себе не в состоянии обеспечить развитие культуры в соответствии с общенациональными требованиями. При всем расхождении характера и ориентаций правящих режимов в развивающихся странах можно выделить следующие основные, общие для всех цели культурной политики:

1. Утверждение общности культуры нации в целом, что означает уменьшение различий между городом и деревней, между различными этническими и племенными группами.
2. Согласование культурного и социальноэкономического развития.
3. Утверждение самобытности культуры данной страны как важного фактора национального

единства и солидарности.

4. Пропаганда принципа преемственности культуры, т.е. связи настоящего с прошлым — традициями и достоянием общества.

5. Учет и охрана культурного наследия, что влечет за собой также требование его изучения, распространение и использование его элементов в современной жизни.

6. Осуществление демократизации культуры, обеспечение участия всех слоев населения в культурной жизни общества.

312

7. Плодотворный диалог между интеллигенцией и большинством населения.

8. Содействие творческой активности и поддержание высокого уровня искусства.

9. Подготовка и совершенствование кадров в различных формах культурной деятельности.

10. Содействие интеграции науки в национальную культуру на основе изучения влияния науки и техники на культурные процессы в обществе.

11. Осуществление программы ликвидации неграмотности.

12. Расширение сети культурных учреждений и их деятельности в целях распространения норм и навыков культурной жизни.

13. Содействие демонстрации достижений национальной культуры за рубежом.

Конечно, эти цели не всегда реализуются на практике, так как действительность ставит много препятствий для формирования органичной культурной среды, сочетающей в себе принципы самобытности, охрану культурного наследия и их соединения с потребностями развития. Недостаток средств и кадров затрудняет ликвидацию неграмотности и освоение достижений науки и техники. К тому же на деятельность правительства постоянно влияют различные классовые, клановые и ситуационные соображения, в силу чего ему большей частью «не до культуры». Тем не менее сформулированные цели существуют как сверхзадачи, на которые должны быть направлены усилия официальных органов и те ресурсы, которые удастся выкроить. К тому же общественность и оппозиция ревностно следят за осуществлением декларируемых целей, за реальными действиями правящих кругов, оказывая давление на правительство своей критикой и компаниями протеста.

Методы достижения этих целей могут весьма различаться в зависимости как от социально-политической ориентации правительства, характера его социальной опоры, так и от характера общества в целом. Можно выявить следующую закономерность, существенно затрагивающую культурологию: чем больше государственные органы учитывают общенациональные интересы, тем больше оно ориентируется на собственно культурные рычаги регуляции, а не на насилие или авторитарно-бюрократические методы.

Но в достижении общезначимых культурных целей могут быть разные варианты. В условиях относительно однородной, моноэтнической среды (Швеция, Япония, Армения, Турция и т.д.) легко достигается утверждение единства и самобытности через приня-

313

тие одного языка, одной национальной культуры. Напротив, в странах, где существует значительная этническая, религиозная и лингвистическая гетерогенность и возникают внутренние трения между разными народами, культурная политика проводится на основе единства в многообразии, подразумевающего централизацию культурной жизни при сохранении культурного плюрализма на областном и локальном уровнях. Таково, например, положение во многих африканских странах, отличающихся крайней этнической раздробленностью, в ряде стран ЮВА. Наличие универсалистских ориентаций в развитой культуре Индии само по себе не устраняет плюрализма многочисленных раздробленных каст и подкаст, этнических и религиозных групп и подгрупп. Помимо различий на этническом и лингвистическом уровнях, во многих странах существует и плюрализм высоких культур и мировых религий. Взаимодействие ислама, индуизма, сикхизма и джайнизма в Индии, католицизма и ислама на Филиппинах создает сложные проблемы в духовной жизни каждой из этих стран.

На характер регулирования духовной жизни влияет также уровень развития страны и характер ее экономических и культурных связей с внешним миром: изоляция и периферийность ее положения (как некоторых государств африканской глубинки) или же подверженность перекрестному влиянию разных культур (как в случае с Египтом или Индонезией).

В США с середины 50-х гг. происходит все более заметное вмешательство государства в регуляцию культурной жизни. Особенно заметным этот процесс стал в период правления президента Дж. Кеннеди, когда была расширена система органов, осуществляющих культурную политику под контролем как федерального правительства, так и конгресса. Принятие американским государством ранее не свойственных ему функций встретило серьезную оппозицию, но после длительных дебатов в конгрессе и широкой дискуссии в стране в 1965 г. был все же учрежден Национальный фонд искусств и гуманитарных наук, как основной правительственных орган, распределяющий государственные субсидии, вырабатывающий рекомендательные программы в области культуры и

участвующий в проведении культурной политики.

Аналогичную официальную и координирующую культурную политику за рубежом осуществляет Информационное агентство США (ЮСИА) и другие органы.

В 80-е гг. приоритетной моделью государственной политики США стал «новый федерализм», означающий тенденцию к децентрализации управления различными сферами деятельности, в том числе и культуры, сужение масштабов вмешательства госу-

314

дарства в духовную сферу, перекаладывание задач на различные деловые и общественные институты.

Управление культурой в СССР и постсоветском обществе. В рамках советской системы существовало централизованное управление культурной деятельностью — через союзные и республиканские министерства, областные и районные управления, находившиеся в иерархической подчиненности центру. Территориально-административный принцип дополнялся функционально-ведомственным (Госкомиздат, Госкино, Гослит, Госцирк и т.д.), а также и творческими организациями, тоже созданными на бюрократических принципах. Весь этот механизм находился под постоянным жестким идеологическим и кадровым контролем со стороны КПСС с ее внутренним делением по соответствующим уровням (ЦК КПСС, обкомы, горкомы, райкомы, парткомы) и функциям (отделы пропаганды, отделы культуры и т.д.).

Новая ситуация в культуре характеризуется тенденцией к далеко идущей децентрализации, многообразием и открытой состязательностью разных направлений развития культуры, переходом от директивных и административных к косвенным методам управления (расширение сети специальных школ, центров, фондов, подключение коммерческих механизмов и т.д.).

Подчас в условиях распада СССР и ослабления роли центральных и местных исполнительных органов с новой силой звучат те два противоположных принципа, которые были упомянуты в самом начале этой главы: а) государство и его органы не должны вмешиваться в культурную жизнь, деятельность мастеров культуры, творчество которых формируется собственными внутренними законами; б) без поддержки и регуляции со стороны государства культура (искусство и наука) не могут выжить и обречены на сокращение своих масштабов и функций.

Каждая из этих противоречивых точек зрения может быть частично оправдана. В каждом обществе государство так или иначе, в том или ином объеме поддерживает сферу культуры как через бюджетное финансирование, так и специальным законодательством или социальной политикой (а также создает собственно «государственное искусство»). Однако осуществление принципов плюрализации и демократизации приводит к тому, что поддержка со стороны государства неизбежно ограничена. Поэтому культура во все большей степени функционирует во взаимодействии с другими сферами общественной деятельности и регуляции, прежде всего со сферой хозяйственной, рынком во всех его многообразных проявлениях, в том числе и рынком культуры. Но особыми сферами обеспечения культуры являются образование и

315

средства массовой коммуникации, через которые происходит соединение творчества со зрителем и потребителем, со всей массой населения.

Органы управления культурой.

Каждая страна имеет свои административные структуры, призванные содействовать культурному развитию. В 60—70-е гг. во многих странах появились министерства культуры, сфера деятельности которых большей частью ограничивалась лишь некоторыми направлениями. Так, в Индии управление культурой распределено между министерством образования (имеющим бюро культуры), министерствами информации и радиовещания, туризма, общественных работ, жилищного строительства, сельского хозяйства (с отделом коммунального развития), торговли и ремесел.

Широкое понимание культуры, принятое многими правительствами, включает образование, средства массовой коммуникации, туризм, социальное обслуживание, воспитание молодежи. Очевидно, что управление столь различными и широкими сферами производится разными ведомствами. Поэтому для координации их деятельности создаются комитеты по связи между правительственными ведомствами или парламентские комиссии.

Как мы уже видели, наряду с общегосударственными учреждениями значительное место в культурной жизни занимают неправительственные организации — как национальные, так и международные. Различного рода сообщества, писательские и журналистские организации, разнообразные творческие коллективы и ассоциации, частные издательства, киностудии, музеи и т.д. создают широкую сеть, обеспечивающую культурную деятельность страны.

Культурное планирование обычно включается в общее планирование социального развития или связано с планированием образования и средств массовой коммуникации. Серьезным препятствием в его организации является отсутствие обоснованных показателей культурного развития и неполнота

статистических данных. Статистика в области культуры, как правило, ограничивается только некоторым количеством показателей (число библиотек, музеев, газет и т.д.), отсутствует информация о культурных потребностях и запросах разных групп населения, анализ различных видов культурной активности, культурных расходов и бюджетов.

Методы финансирования культуры различны. Определить фактические расходы на культуру и образование весьма затруднительно. Только богатые страны могут себе позволить значительные расходы на официально субсидируемое образование, создание сети культурных центров и т.д. Страны, лишенные больших

316

доходов, чаще полагаются на участие общественных организаций, иностранную помощь, содействие культурных агентств и различных миссий из других стран. Тем не менее этих источников явно недостаточно.

КУЛЬТУРА И РЫНОК

В обществах с торговым обращением произведения культуры становятся в той или иной степени предметом купли-продажи, и само существование художника или мыслителя так или иначе оказывается связанным с коммерческими факторами. Производство на рынок означает, что предмет искусства становится товаром — независимо от того, имеет ли он уникальное значение или же существует во множестве копий. Соответственно и успех художника определяется спросом на его продукцию на рынке. При капитализме рынок становится основной формой материального обеспечения культурной деятельности. Хотя рынок был и раньше, и сохраняется в некоторой степени при социализме, художник и писатель, ученый и мыслитель должны создавать некоторые продукты — картину, книгу, музыкальное произведение и т.д., которые отвечают потребностям других людей и могут быть ими куплены. Естественно, что имущая часть населения в состоянии заказывать и покупать произведения искусства, оказывая тем самым коммерческое давление на художника, вынужденного зарабатывать себе на жизнь. В этих условиях возникла трудная дилемма между свободой творчества и зависимостью художника от коммерческого успеха (а в крайних вариантах «между самооплакиванием и проституированием»).

Рыночная цена произведения искусства и всякого предметного воплощения духовной культуры (художественного полотна, романа, научного открытия) не находится в непосредственном отношении к его духовной ценности. Из истории жизни таких крупных писателей XIX в., как Бальзак, Пушкин, Достоевский, мы знаем, насколько неустойчивым оказывалось их финансовое положение. Споры между художником и продавцом тянутся и по сей день, и лишь немногие деятели культуры могли добиться материального успеха или хотя бы относительного благополучия, если полагались только на рынок. Хорошо известно и то, что на рынке преуспевающими могли оказаться создатели далеко не лучшей продукции, которая пришлась по вкусу широкой публике. Так, великий голландский живописец Винсент Ван Гог скончался в нищете, никем не признанный, а впоследствии его

317

картины побили на рынке все рекорды и продавались за миллионы долларов.

Освобождая художника от диктатуры государства или церкви, рынок вместе с тем ставит его в сильнейшую зависимость от колебаний коммерческого спроса.

Предпринимательство и культура.

Предпринимательство постоянно играло и играет значительную роль в регуляции культурной деятельности, и эта роль неизменно возрастала по мере развития капитализма. Конечно, основным механизмом влияния предпринимательства на сферу художественной культуры является рынок. Еще на заре капиталистического предпринимательства богатые купцы и фабриканты выступали «донаторами», получая за вознаграждение от художников свое изображение в качестве «волхвов, приносящих дары новорожденному Христу», верующих, благочестиво поклоняющихся Богоматери или оплакивающих ее Успение, а позднее просто портреты на фоне домашнего интерьера. Именно богатство было условием расцвета живописи, архитектуры, музыки, книгоиздательства. И хотя в этом проявлялась большая доля тщеславия, это богатство, соединяясь с культурой, служило и на пользу последней, так как поддерживало ее существование через обеспечение заказов на произведения «высокого искусства», получившего признание во вкусах культурной элиты.

Особое место в развитии различных видов художественной культуры занимают меценаты, имеющие своих предшественников еще в древней истории многих стран. Этим видом патронирования занимается сравнительно небольшая группа очень богатых людей, хотя в скромных размерах к ней могут присоединиться и люди среднего достатка, что и происходит в последние десятилетия в развитых странах. Как раньше, так и теперь многие меценаты были и являются тонкими ценителями искусства и по мере возможностей и нравственных устремлений вносят свой вклад в его развитие. Но конечно, для данного типа деятельности еще в большей степени, чем для других субъектов

социального регулирования культуры, характерна рекламная сторона. Именно этим обессмертил свое имя шведский фабрикант Альфред Нобель, основавший фонд, ежегодно присуждающий самые известные в мире премии за открытия в области науки и за литературные произведения. В нашей стране хорошо известны имена таких покровителей искусств, как П. Третьяков и С. Морозов.

Конечно, между признанием и материальным обеспечением возникало немало препятствий и разрывов, результатом которых могло быть нищенское положение талантливого художника и его смерть в безвестности.

318

Существуют определенные противоречия между участием государства и большого бизнеса в поддержании культуры, возникающие в силу того обстоятельства, что государство все же отражает более широкие общественные интересы, чем отдельные слои и группы бизнеса, и поэтому может действовать в ущерб отдельным слоям и группам буржуазии (например, оказывая предпочтение не «атлантическим» штатам, а Дальнему Западу или южному штату Техас).

Однако в большинстве стран вмешательство государства в культуру, как и в другие сферы жизни общества, так или иначе строго лимитировано. Когда государство «превышает полномочия» или если его деятельность не дает желаемого результата, оно становится объектом критики со стороны ряда общественных сил, среди которых наиболее влиятельным зачастую оказывается именно большой бизнес.

Впрочем, обычно перекосы в распределении сфер влияния и функций обоих институтов устраняются и достигается налаженное и динамичное согласование. Между менеджментом, правительственной бюрократией, местной администрацией, художественной интеллигенцией и университетскими кругами достигаются определенное рассредоточение функций и координация деятельности по регуляции культурной жизни.

В современных странах развитого капитализма различные слои бизнеса, а также сеть филантропических учреждений берут на себя определенную долю участия в регуляции культурной сферы. Конечно, такое участие имеет и вполне определенные экономические цели, связанные со следующими критериями: а) повышение культурного уровня персонала фирм и корпораций, что повышает рентабельность и прибыли; б) общественный престиж «патрона искусств» способствует упрочению веры в «добротность» фирмы и в хозяйственных делах; в) содействие процветанию искусств так или иначе обогащает духовную жизнь общества и снижает остроту социальной и политической ангажированности; г) расширение культурной деятельности дает мощный стимул для расширения деловой и социальной активности, что и привело к созданию «индустрии массовой культуры», достигшей огромного размаха.

В силу такой заинтересованности все большее развитие получают различные формы финансового участия, вклады в художественную культуру через создание культурных центров, музеев, выставок, интерьеров и т.д.

Характерным сдвигом в механизме коммерческой регуляции художественной жизни в 70—80-х гг. стало широкое подключение

319

бизнеса к массовой культуре и даже к различным направлениям контркультуры (молодежная, движения «зеленых», за «альтернативный образ жизни»), движению национальных меньшинств и т.д. И конечно, развитие средств массовой коммуникации заметно изменило коммерческие пропорции. Все большее значение стали приобретать зрелищно-драматические виды искусства и аудиовизуальные средства коммуникации.

Все эти механизмы регуляции в большой степени способствуют сбалансированию хозяйственной и культурной сфер деятельности, поддержанию оптимального уровня культуры несмотря на экономическую обусловленность самого производства. Конечно, и большой бизнес тем самым добивается нейтрализации отношения к нему в общественном сознании и расширения сферы симпатий его деятельности. Немаловажно и то, что, идя навстречу творческим пожеланиям культурной элиты, большой бизнес ослабляет критику в свой адрес со стороны радикально настроенной творческой интеллигенции, а удовлетворяя потребности в «массовых идолах» — и навязывая эти потребности, — адаптирует широкие слои населения к функционированию в условиях массового общества.

Система регуляции культур подвержена изменениям в соответствии с процессами, происходящими как в политическом механизме общества, так и в функционировании хозяйства. Усиление общей хозяйственной и политической интеграции западных стран как во внутринациональных, так и в межнациональных рамках привело к тому, что все большее значение стали приобретать не только наднациональные органы (в том числе ООН, ЮНЕСКО, Европейский парламент и т.д.), но и транснациональные корпорации и международные фонды, распространяющие свою деятельность на различные уголки земного шара.

Но главное изменение связано все же не с государственной политикой или формированием и

расширением неспециальных механизмов, институтов, фондов и т.д., а с разрастанием новой системы продажи товаров, через которую оказывается воздействие на общественное сознание и поведение в самых различных сферах, формируются действенные духовные и материальные запросы, ориентации и вкусы различных социальных слоев. Именно товар становится средством удовлетворения не только собственно материальных потребностей, но и духовных запросов. Последние не сводятся просто к комфорту и стилю, но требуют приобщения к собственно духовной жизни. Это достигается и через использование образов, мотивов, сюжетов «высокой культуры» (широкое распространение копий, сувениров, туризм к цен-

320

трам мировой культуры), а вместе с тем и через стилизацию и эстетизацию новых товаров, рекламу и т.д.

СТРУКТУРА САМОРЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ

Помимо рассмотренных выше внешних институтов, осуществляющих культурную политику в обществе и воздействующих на ее регуляцию (государство и бизнес), в самой культуре можно выделить структуры ее самообеспечения, более или менее автономные от внешнего влияния. Эти структуры могут носить самый разнообразный характер, различаясь в зависимости от уровня хозяйственного развития общества, его политической системы, влияния религии, структуры цивилизации, степени сформированности бюрократического аппарата, степени развития творческих организаций и т.д. Тем не менее в каждой из них мы найдем следующие общие элементы: 1) творцы, т. е. мыслители, писатели, ученые, мастера искусств и т.д., создающие новые произведения, выдвигающие новые идеи, совершающие открытия и т.п.; 2) зрители-слушатели (потребители), для которых и предназначено так или иначе культурное творчество; 3) культурустроители, соединяющие творчество со зрителями, обеспечивающие выход «культурной продукции», создание условий для творчества, для контакта со зрителями. Группа эта весьма разнообразна по характеру своих функций и фигурирует под многими именами: импресарио, менеджер, продюсер, издатель, спонсор и т.д. Конечно, особую группу культурустроителей представляют собой критики в разных видах творчества, которые сами нуждаются в устроителях. Наличие в каждом обществе многих субкультур и внешних влияний вызывает интенсивные споры сторонников общемировой и самобытной культур, национальной и почвенной, западной и восточной, классического, коммерческого, развлекательного, авангардного искусства и т.д.

Культурные учреждения и организации.

В современном обществе возникают различные культурные учреждения и организации, которые можно классифицировать по функциональному признаку: а) ряд социальных институтов предназначен для осуществления духовного производства (издательства, киностудии, театры, любительские творческие объединения, кружки, народные творческие коллективы и т.д.); б) другие институты используются для распространения культуры (кинотеатры, лектории, концертные и гастрольные объединения и т.д.). Эти функции являются главными и для таких институтов, как университеты,

321

школы, библиотеки, музеи; в) в системе культуры имеются также особые учреждения, организующие и планирующие культурную деятельность, осуществляющие управление культурным процессом (правительственные организации культуры, творческие союзы, научно-исследовательские учреждения и т.д.). К ним примыкает и такой специфический социальный институт, как научная и художественная критика, которая оказывает влияние на деятельность людей, осуществляющих духовное производство, а также на потребление культурных ценностей широкими массами народа, формируя в известной мере их эстетический вкус, воспитывая высокие духовные потребности.

Данное деление учреждений культуры, конечно, относительно — учреждения культуры чаще всего полифункциональны, осуществляют одновременно и производство, и распространение ценностей культуры.

Индустрия культуры и шоу-бизнес.

В современном обществе положение культуры, хотя и не всей, а некоторых ее наиболее модернизированных компонентов, принципиально меняется, так как она сама не только осуществляет духовное производство, но и становится важной составной частью материального производства. Хорошо известно, насколько существенную роль сыграла наука и инициируемая ею научно-техническая революция в изменении всего облика общественной жизни. Однако большие изменения в совокупное общественное производство внесла и художественная культура. С одной стороны, она сформировала новые потребности, влияющие на функции и качество товаров, выпускаемых

промышленностью. С другой стороны, она сама стала отраслью, индустрией культуры, составляющей крупную долю всего национального производства в каждой стране (см. главу XIV).

Эта индустрия включает в себя такие сферы, как производство кинофильмов, телевизионное вещание, радиопередачи, выпуск различного рода аудио-, видеозаписей, массовой литературы, концертную и театральную деятельность и т.д. В этом бизнесе сложилось свое разделение труда, весьма отличное от того, что присуще материальному производству. Конечно, важная роль в этом производстве отводится автору или исполнителю, что придает этой индустрии высокую степень персонализации. Однако роль продюсера, импресарио, менеджера, промоутера и других функциональных участников этого бизнеса настолько велика, что без них культурное явление не состоится. И сам имидж «звезды» шоу-бизнеса — в гораздо большей степени продукт этого бизнеса, чем носителя этого имиджа.

322

ПРИНЦИПЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обычно выделяет три основных типа регуляции культуры как специфической сферы деятельности: субординация, координация и состязательность. Подчас можно встретить суждение, что культура в целом, а особенно искусство, «не терпит командного стиля», так как именно свобода творчества — условие истинного проявления таланта. Это не всегда обстоит именно подобным образом. Хорошую иллюстрацию того, к чему может привести безграничная реализация этого принципа, дает фильм Феллини «Репетиция оркестра». В нем музыканты поднимают бунт против самоуправства своего дирижера и начинают вести себя как им заблагорассудится. В результате слаженный оркестровый коллектив разваливается, вместо музыки звучит какофония, его участники утрачивают прежний благопристойный вид и превращаются в скопище неуправляемых бунтарей.

Субординация как подчинение единому началу имеет место между столичным центром и периферией, центрами различного профиля и филиалами и т.д. Без координации, как согласования действий участников, не может быть налажено никакое искусство, требующее слаженного взаимодействия многих исполнителей (театр, кино, телевидение и т.д.).

Но именно в культуре (и спорте) особое значение приобретает принцип состязательности, означающий взаимодействие независимых субъектов и отбор наиболее отличившихся в каком-то отношении через механизм, нейтральный по отношению к каждому участнику. Состязательность предполагает устранение монополизма каких-то течений, школ или групп, которые подразумевают сохранение клановости, или бюрократизацию и чрезмерную централизацию. Обычно этот механизм осуществляется как конкурс, по результатам которого присуждаются призы, премии и места.

К системе премий, присуждаемых за достижения в различных областях культуры и науки, подключаются финансовые возможности как государственных органов, так и деловых кругов, творческих объединений, общественных институтов и т.д. Премияльная система подразумевает обычно конкурсный отбор лучших произведений и в этом плане воплощает демократические принципы, хотя многочисленная критика упущений и злоупотреблений со стороны комитетов по премиям свидетельствует, что в налаживании этой системы возникают многие сложности. Премияльную систему в сфере культуры можно разделить

323

на следующие варианты: премии, присуждаемые государственными органами, корпорациями, филантропическими фондами, издательскими концернами, творческими объединениями, научными обществами и академиями, индивидуальными донорами и т.д.

Патронирование сферы культуры торгово-ростовщическим капиталом в Европе способствовало мощному взлету Ренессанса, позднее поддерживало бюргерскую культуру. В последние десятилетия этот институт приобрел особый размах. В начале XX в. значительное влияние на функционирование культуры в США и странах Западной Европы оказал патронаж со стороны финансовых корпораций Моргана, Меллона, Рокфеллера, Гугенхайма и др.

Мотивами такого патронажа было прежде всего создание благоприятного общественного имиджа, внедрение чувства гордости «своей компанией» и идеи «примирения капитала с искусством». К тому же такого рода покровительство зачастую оказывалось выгодным помещением капитала, тем более что пожертвования на культуру не облагались налогами. Предпочтение обычно оказывалось изобразительному искусству, хотя классическая музыка, балет, опера и театр также не были оставлены без внимания. Конторы сколько-нибудь престижных корпораций и банков украсились полотнами культурного модерна и авангарда. Расширяются программы приобретения произведений искусства по всему миру, создаются собственные коллекции. Прямо в штаб-квартирах корпораций проводятся выставки.

Не только в антикапиталистической идеологической критике, но и в социологических работах указывается на опасности, которыми чреват патронаж: это и возможность стать объектом диктата, и ненадежность поддержки ввиду возможной деловой нестабильности. Тем не менее такая поддержка

культурной деятельности несомненно смягчает для деятелей культуры жесткость рыночного регулирования. Вместе с тем высказывается и мнение, что, демонстрируя свою благосклонность к культуре, бизнес тем самым стремится завоевать симпатии в сферах и регионах, представляющих для него интерес. Кроме того, через такое «финансовое» приобщение к искусству господствующий класс в большой степени адаптируется к высоким культурным ценностям.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Образование и подготовка кадров необходимы для каждой сферы деятельности — от хозяйственной до военной. Однако во всех своих вариантах образование в той или иной степени смы-

324
кается с культурой или же составляет ее органическую часть. Образование можно в общем определить как процесс, систему и институт, обеспечивающие усвоение знаний, ориентаций и опыта, накопленного в обществе. Образование носит многообразный характер — от домашнего научения ребенка чтению до самообразования через чтение книг и путешествия. Однако его наиболее существенным компонентом является социальный институт, создаваемый системой образования, различными учебными заведениями.

Конечно, содержание и состояние образования во многом зависят от социально-экономической обустроенности общества. Однако и социокультурные факторы тоже составляют его важнейшую детерминанту. Именно поэтому образование способно в той или иной степени втягивать в свою орбиту прямо или косвенно все классы и социальные группы, оказывать существенное влияние на все стороны духовной жизни. Главным образом через систему образования происходит проникновение научных теорий и художественных ценностей в сознание масс. С другой стороны, воздействие массового сознания на высокую культуру тем эффективнее, чем просвещеннее массы, чем больше элементов научного миропонимания вошло в их обыденное сознание. Иначе говоря, школа (от начальной до высшей) представляет собой основное связующее звено между различными уровнями духовной жизни общества.

Состояние образования более непосредственно, чем иные сферы культуры, зависит от социально-политического и государственного строя данной страны, от политики господствующего класса, от соотношения классовых сил. Вокруг проблем организации школьного дела, таких как роль государства в создании и финансировании учебных заведений, обязательность образования до определенного возраста, отношение между школой и церковью, подготовка учительских кадров и т.д., шла почти постоянная борьба между представителями различных классов и партий. В ней четко очерчивались различные идеологические позиции — как крайне консервативных, либеральных и радикальных слоев буржуазии, так и рабочего класса. Еще более острая борьба шла по вопросу о содержании образования, о его идейной направленности, о круге знаний, которые должны быть усвоены учащимися, да и о самой методике преподавания. По существу это было столкновение между демократической и консервативной тенденциями по проблемам, затрагивающим положение широких слоев населения, так как практически в каждой семье подрастают дети, чье будущее в той или иной степени зависит от уровня и характера полученного образования.

325

Прежде всего это относится к грамотности. Человек, научившийся читать, совершает принципиальный, качественный скачок в своем духовном развитии, осваивает ту знаковую систему, в которой зафиксировано, опредмечено накопленное человечеством знание о природе и обществе. Иначе говоря, он получает доступ к газете, книге, хотя эта возможность не всегда становится реальностью. Да и само печатное слово способствует усвоению не только подлинных духовных ценностей, но и деструктивных идей, пошлых суррогатов мысли и псевдоискусства. Однако в потенции грамотность — важнейшая первооснова культуры, тот исходный рубеж, который необходимо взять на пути к знанию. И рубеж этот берется, как правило, еще в школе.

Школьное обучение представляет собой один из важнейших способов передачи новым поколениям накопленного человечеством опыта, один из путей социализации личности в процессе ее становления, ее адаптации к тем общественным отношениям, в которых ей предстоит жить и работать. Таковы объективные возможности, заложенные в идее систематического образования. Их проявление может ограничиваться, сдерживаться или извращаться, но они все же в той или иной мере обеспечивают культурную жизнь общества.

Помимо собственно культурных функций, образование выполняет в обществе также экономические, социальные и политические функции. Различные формы подготовки кадров (начиная со школы) поставляют хозяйственной системе работников, владеющих необходимыми знаниями, умениями и ориентациями. Конечно, эта подготовка не должна сводиться к профессиональному образованию, без достаточно высокого уровня образования человек не в состоянии ориентироваться в современном технологическом производстве, требующем налаженного сервиса и информатики. В социальном плане образование — важный механизм, поддерживающий как воспроизводство

социальной инфраструктуры, так и социальную мобильность. Массовая и обязательная подготовка подрастающего поколения к вступлению в жизнь пополняет рабочий класс, крестьянство, служащих и интеллигенцию. Вместе с тем накопленный в рамках учебного заведения потенциал знаний и личностных ориентаций предоставляет активной части населения возможность перехода в более престижные социальные разряды (если раньше в Советском Союзе таким разрядом была обычно интеллигенция, то теперь — это менеджеры, банкиры, торговцы, что вызвало заметную переориентацию абитуриентов и студентов).

Таким образом, образование должно одновременно соответствовать принципам разных сфер социальной регуляции. И ко-

326

нечно, культурная часть нередко отодвигается на задний план, хотя до крайностей обычно дело не доходит и поддерживается какой-то уровень владения языком, знаний по литературе, истории и обществоведению.

ПРАЗДНИК КАК ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

Праздник — не только приподнятое и радостное состояние человека, которое возникает в силу тех или иных приятных для него событий. Во всяком обществе праздники существуют как неперенный институт, как общественное событие торжественного характера, изъятые из повседневности и проводимые в свободное от работы время. Праздник — часть организованной и предустановленной жизни общества, классов, слоев и групп, форма регуляции их деятельности. Зачастую праздник предстает как санкционированное и специально учрежденное «нарушение порядка» с целью укрепления в общественном сознании согласия на порядок, требуемый в остальное время. В этом событии перестают действовать обычные ограничения и правила, хотя могут вступать в действие другие ограничения и другие правила. За рамками такого общего определения мы сталкиваемся с огромными и принципиальными различиями в праздниках, которые могут получать разный мифо-идеологический смысл и быть связанными с разными сторонами общественной жизни. *Религиозные праздники* обычно имеют торжественный характер и сопровождаются ограничениями на работу, ритуалами и ритуальной кухней.

Народные праздники, проводимые иногда вразрез с правилами господствующей религии, большей частью связаны с древними, еще языческими поверьями и отличаются веселой, часто разгульной обстановкой, вольностями, не допускаемыми в остальное время. *Государственные праздники* связаны обычно с юбилеем государства или господствующего дома, с властью, которая утверждает единство своих интересов с народными, а вместе с тем — свою мощь и влияние. Их проведение обычно включает отдание почестей символам, воплощающим идею государства, память о национальных героях, а также демонстрацию вооруженной силы для подчеркивания суверенности и международного значения нации.

Праздник создает чередование в общественной и культурной жизни двух фаз: *повседневной*, в которой поддерживаются обыденные жизнеобеспечивающие функции, и *праздничной*, когда группа или общество в целом воплощает в праздничном действии некоторые особые, высшие ценности. Было бы неверно противо-

327

поставлять одну фазу другой и связывать первую только с хозяйственной стороной, а вторую с собственно культурной. Праздничная фаза действительно может выглядеть как типично культурная, поскольку она развивается вне обычных хозяйственных занятий и обязанностей, выглядит по-особенному, красочно, создавая особое настроение. Однако подобно тому как в праздничной части присутствует хозяйственное обеспечение (праздник обходится дороже, чем обычная жизнь), так и в остальное время действуют элементы праздничного настроения, в том числе ожидание праздника и подготовка к нему.

Праздничное действо напоминает, воспроизводит в памяти группы или общества в целом высшие ценности, отодвинутые от повседневного бытия, с которыми связаны смысл бытия личности или идентичность общества, которые считаются фундаментом культуры, важнейшими и обязательными для жизни.

Поэтому во время праздника происходит концентрация культурной жизни и художественного творчества. Его проведение охватывает архитектурное и декоративное оформление театрализованных действий, праздничную драматургию, поэзию и прозу, музыкальные мероприятия, зрелища и процессии, конкурсы и состязания и т.д.

Гражданские и особенно народные праздники заключают в себе не только торжественно-серьезные, но и игровые элементы. Особенно много их в народных праздниках, но для тех и других требуется подготовка и организация, которые превращают их в яркие и веселые карнавалы.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Как мы видели, одни и те же институты могут выполнять функции, относящиеся не только к культуре, но и к другим сферам социальной регуляции, а подчас именно к культуре они имеют вторичное или косвенное отношение: а) государство осуществляет прежде всего властные функции, хотя при этом так или иначе проводит культурную политику и воздействует на культурные процессы; б) политические партии, профсоюзы и общественные движения «выясняют отношения» между социальными группами и регионами, а вместе с тем влияют на содержание культурной жизни; в) университеты и научные центры отнюдь не замыкаются в сугубо образовательных или научных функциях, а зачастую соединяют то и другое, а иногда становятся и элементом-

328

ми политической системы; г) рынок как основной экономический институт выполняет также и функцию регуляции культурной деятельности, хотя и подвергая при этом культуру деформации в соответствии со складывающейся на нем обстановкой. Все эти институты так или иначе дополняют друг друга и взаимодействуют (или конфликтуют) друг с другом, создавая сложную и многофакторную обстановку для самой культуры.

Эта многофункциональность и взаимосвязь во многом усложняет деятельность той социальной группы, которая и составляет «кадры» культуры как социального института.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ВЕДУЩИЙ СЛОЙ В ДУХОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Как и другие компоненты социальной жизнедеятельности — хозяйство, политика, социальные отношения, — культура охватывает или затрагивает так или иначе все общество, все группы и всех индивидов. Однако структура деятельности населения в культурном плане не совпадает с социальной или политической, подчиняясь собственным принципам. Конечно, социально-классовое деление общества формирует и «две культуры», находящиеся между собой в сложном взаимодействии, в котором диффузия сочетается с размежеванием и противостоянием.

Романтическое или гривуазное искусство могло часто прибегать к сюжетам «прекрасной пастушки», «барышни-крестьянки» или «Золушки», но условием поддержания культурного порядка было устойчивое классовое распределение культурных норм.

Однако культура всегда была слишком ответственным, сложным и общезначимым делом, требующим усилий особых социальных групп, связанных со специфической сферой деятельности. Поэтому уже на ранних этапах истории выделяются специалисты — шаманы, гадалки, предсказатели, жрецы, вожди, которые могли накапливать мудрость и сосредоточивать в себе недоступные остальным членам коллектива духовную силу, опыт, знания.

На более продвинутом уровне, в усложнившихся условиях существования культуры поддерживается деятельностью интеллигенции. В синонимическом ряду этого термина можно встретить слова «книжники», «мудрецы», «учителя», «специалисты» и т.д. В течение долгого времени во всех обществах поддержание культуры совпадало с религиозными функциями, осуществлявшимися духовенством как высшей интеллигенцией. По мере ус-

329

ложнения духовной деятельности появляется и светская культура, поддерживаемая собственно интеллигенцией. Как мы увидим в последующих главах, характер интеллигенции во многом отличается в зависимости от социокультурного типа данного общества, роли государства и степени самостоятельности светской культуры. Тем не менее в ее деятельности можно выделить то общее, что в той или иной степени присутствует в каждом развитом обществе. Именно интеллигенция осуществляет основные функции по обеспечению духовного производства, включая творческое создание новых идей, образов, норм, знаний, которые становятся затем достоянием общества. Такое «разделение труда» одновременно означает и «распределение собственности». В силу своей профессионализации интеллигенция, поддерживая духовную жизнь, осуществляет своего рода монополию на культурное достояние, хотя материальное воплощение этого достояния большей частью оказывается в руках властных или богатых.

Эта роль интеллигенции настолько велика, что самый авторитарный режим обнаруживает, что не может обойтись «своим умом» и вынужден вводить интеллигенцию в свой состав в качестве специалистов по различным сферам жизни общества, допускать определенное распределение функций, подчиняя и приспособляя духовную сферу к своим задачам, хотя бы ценой резкого ограничения этой сферы и деформации ее подлинных общественных функций.

Следует выделить три основные функции интеллигенции, в соответствии с которыми ее можно разделить на три группы:

1. Хранение и трансляция, упорядочивание и распространение культурных ресурсов, удержание норм и ценностей, исторической памяти. Без обеспечения такой функции невозможно ни сохранение

общества, ни его адаптация к изменяющимся условиям. Именно она ложится на плечи самой многочисленной группы интеллигенции — учителей, библиотечных и музейных работников, редакторов, реставраторов, работников системы просвещения, программистов и т.д. Их роль в общем процессе культурной жизни может быть обыденной и почти безымянной, но именно благодаря их постоянной работе общество обеспечивается культурой.

2. Инновация как творческий процесс выработки новых идей, образов, моделей действий, политических и социальных программ (см. главу VI). Отличительная особенность носителей этого типа функций — высокая степень индивидуализации, так как инновации большей частью являются результатом творческих усилий отдельных личностей или малых групп коллективов. Поэтому за инновацией обычно закрепляется собственное имя автора или группы.

330

Такое творчество неизбежно протекает через разрыв с безусловными запретами и представлениями, нарушение принятых представлений, норм и правил. Но такой процесс нередко сопровождается не только мысленным экспериментированием над общественными конструкциями и доктринами, но и экзистенциальным экспериментом над собой и своей судьбой. Поэтому судьба изобретателей и новаторов далеко не всегда благополучна, — в отличие от хранителей, которые могут рассчитывать на более спокойную, хотя часто малозаметную жизнь. Однако именно по степени способности общества к принятию нового следует оценивать его развитость. Новаторская духовная деятельность — процесс мало управляемый, во многом зависящий от субъективных личностных факторов и от духовной атмосферы в обществе, степени динамичности его культуры и от восприимчивости общества к инновациям. Поэтому всякое развитое общество поддерживает те специфические институты — фонды, центры, академии, в которых создается благоприятная среда для вызревания творческих открытий и изобретений. Важной функцией этих центров является не только материальная поддержка творчества, которая зачастую бывает недостаточной, но и признание со стороны коллег (соратников и соперников), распределение авторитета, что в какой-то степени компенсирует все остальное. Произвольное вмешательство и подавление таких внутренних механизмов самооценки может привести к ослаблению творческой атмосферы, снижению духовного потенциала.

3. Однако между творческой элитой и обществом существует неизбежный разрыв, дистанция, преодоление которой необходимо для признания нового открытия, акта духовного творчества. Для того чтобы результаты инновации были переданы для общего пользования, они должны быть санкционированы, одобрены и интерпретированы другой группой, осуществляющей *критику*, т. е. анализ и отбор наиболее важного и достойного. Критика должна соотнести новое с имеющимся духовным наследием, согласовать со сложившейся духовной жизнью, с признанными ценностями и представлениями, с музеем, университетом и школой. Критика по самой сути апеллирует к авторитетам, образцам, именам, вкусам, признаваемым в данной профессиональной среде и различных сферах общественной жизни. Именно критика «возводит пантеон» классиков прошлого и настоящего, без которых невозможно отделить высокое от заурядного, оригинальное произведение от эпигонских или тривиальных работ. Вместе с тем популяризаторская работа призвана растолковать «высокоумные» и сложные произведения и открытия, донести их до массового читателя, публики, до широких слоев населения.

Часть III. ТИПЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Глава XI. Доиндустриальный тип социальности и культурная регуляция

Основные темы.

Социальный механизм коммунитарных связей. Коммунитарные связи в традиционных структурах и присущие им принципы социокультурной регуляции. Социокультурная разнородность традиционных обществ. Соотношение локальной солидарности и антагонизма «мы — они». Социальная иерархия и система эксплуатации. Место достижительных ориентаций.

Духовное производство в доиндустриальном обществе. Структура и ценности традиционной культуры. Особенности восприятия мира в традиционном сознании. Синкретизм функций традиционных культур. Мифологизм как неразрывность нормативных, ценностных, познавательных и коммуникативных элементов. Культ предков, роль обряда, социальные функции магии и ведовства. Выражение солидарности и антагонизма, эгалитаризма и иерархизма в культуре. Культура стыда и культура вины. Отношение к труду, богатству, времени и власти в доиндустриальных обществах. Статусное потребление и ранги престижа.

Социокультурная разнородность доиндустриальных обществ.

Государство в доиндустриальной системе отношений. Отношение к власти в традиционном массовом сознании. Культ власти и правителя. Условия легитимности власти. Представления о «справедливом правлении». Принципы упорядочивания управления. Существовал ли «восточный деспотизм»? Рамки государственно-

бюрократического регулирования. Противоречия политической системы. Роль религии в социокультурной регуляции.

332

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КОММУНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Как мы видели в главе III, в доиндустриальных структурах производство основано на преобладании живого труда над накопленным, естественных факторов над преобразованным трудом, социальной кооперации труда над материальными предпосылками. На этой стадии общество еще в сильной степени зависит от природы и от адаптированности человека к окружающей среде. И процесс труда, и сам образ жизни населения здесь во многом определяются географическими и климатическими условиями, зависят от устоявшихся в прошлом социальных отношений. Поэтому в традиционном обществе тип социальности принципиально отличен от тех рыночных отношений, которые утверждаются при капитализме. Доиндустриальная социальность основана на отношениях, которые в социологической литературе называют *межличностными, коммунитарными, коммунократическими, коммуналистскими, солидаристскими*. Каковы же основные характеристики этого типа социальности и связанных с ним культурных регулятивных систем?

В коммунократических отношениях роль индивидуального начала ослаблена. Индивид так или иначе соотносит себя с коллективами разного типа и уровня — род, семья, племя, община, каста, сословие, этнос, секта, религиозная общность, клан, этнос и т.д. В собственно капиталистических отношениях индивид освобожден от всех форм личной зависимости. Он связан с другими людьми прежде всего через товарно-денежные отношения, в которых место индивида фиксируется его положением в системе разделения труда, а здесь важнейшее значение имеет наличие частной собственности или же работы, имеющей финансовое измерение. Иное положение в доиндустриальной социальной среде. Исследования азиатских или африканских обществ в прошлом и настоящем показывают, что коммунократические связи обеспечивают не только жизнеобеспечение своих членов, но и их социализацию. Социально-экономической базой этих обществ выступает система распределения, осуществляемого помимо товарно-денежных отношений, а в соответствии со сложившейся системой межличностных отношений. Поэтому индивид остается включенным в ту структуру, от которой зависит само его существование и продолжение рода. Это не обязательно подразумевает конформизм в поведении, образе жизни и мышлении. Однако верность своему коллективу, роду, этносу индивид обязан соблюдать, чтобы «не утратить корней» и «не стать отщепенцем».

333

И в настоящее время сфера распространения описанных выше солидаристских отношений в обществах, не подвергшихся полноценному обуржуазиванию, весьма значительна. Они поддерживаются не только в рамках нетоварного хозяйства, в которое в ряде стран вовлечено до трех четвертей населения, прежде всего деревенского. Они сохраняются и в мелкотоварном производстве, хотя связь с рынком приводит к их деформации. Эти отношения доминируют в деревне, но во многом влияют и на значительные группы городского населения, сказываются и на отношениях между городом и деревней. Не подчиняется товарно-денежным факторам и значительная часть наемного труда, который часто связан с докапиталистическими отношениями и предназначен не для производства прибавочной стоимости, а для удовлетворения непроизводственных потребностей — разных для разных классов. Именно с такого рода наймом, в частности, связана громадная сфера услуг, поглощающая в слаборазвитых странах больше рабочих рук, чем материальное производство. На обращении товара в традиционных обществах сильнейшим образом сказываются формы распределения и нормы межличностных отношений, деформирующих трудовую и потребительную стоимость. Поэтому товар в его трудовой стоимости воспринимается как «непроницаемый» для общественного, «человеческого» интереса. Товар оценивается с точки зрения прежде всего удовлетворения конкретных потребностей или престижных соображений, рационально несоизмеримых с затратами. Так, если одежда служит для идентификации или для удовлетворения своего статуса, то на нее не скупаются. Для сдерживания той или иной потребности и сохранения статусной иерархии на пользование вещью налагаются кастовые запреты или религиозные ограничения. Обмен продуктами в доиндустриальных социальных структурах нередко обставляется как обмен разного рода взаимными услугами, хотя бы и сугубо неравноценными. Продукт не столько продается, сколько перераспределяется, в том числе меняется на отношение — распределяется в форме подарка, пожалования, выкупа, приданого, привилегии, награды и т.д. Положение не меняется принципиально, если продукт замещается деньгами, которые еще не превратились в капитал.

Торговля в этих условиях привязана к выполнению не только собственно экономических, но и социально-культурных функций. Так, восточный базар как средоточие торговли служит также центром непосредственных личных контактов и взаимодействий, всеобщего сбора, на котором покупка представляется как услуга и сама стоимость товара резко колеблется в зависимости от чисто

субъективных факторов. Здесь же происходит интенсивный обмен информацией и культурными ценностями. Недаром базар, где разворачиваются важные события человеческих судеб, — излюбленное место действия средневековых и современных новелл.

Для общества этого типа весьма характерным является наследственный профессионализм, т.е. передача по наследству как умений и знаний, связанных с тем или иным видом деятельности, так и места в системе производственных отношений. Каждый индивид включался в уже готовую ячейку с предопределенным видом занятий, нормами поведения и продолжал дело дедов и прадедов. Разумеется, речь идет о преемственности по мужской линии, девочки, естественно, перенимали функциональные роли и ценности своих матерей. Зачастую профессия была привязана и к этнической принадлежности. Ярким проявлением такой прочной привязанности индивида к наследственной профессии может служить индийская кастовая система, в которой именно профессиональный фактор привязывает индивида к линии своего рождения.

Таким образом, исходные факторы формирования традиционных структур заключаются не только в солидарности (в значительной степени, как мы видели, принудительной) внутри групп, но и в конфликтности, присущей отношениям между группами. Это положение иллюстрирует арабская поговорка: «Я против моего брата, я и мой брат против двоюродного брата, мы с братом и с двоюродным братом против чужаков». Солидарность большей частью охватывает лишь «своих», отстраняя чужих — другой клан, поселение, общину, касту, иноверцев и т.д. Но и среди «своих» существуют многочисленные градации «высших» и «низших»: старожилы и пришлые, мужчины и женщины, земельные и безземельные и т.д. Сложная, многоступенчатая и целостная система такой регуляции была разработана в кастовой системе индуизма, прежде всего на основе критериев «чистоты» и «нечистоты», как искусственных, но сакрализованных норм отношений между представителями разных кастовых групп. Этнические, кастовые, религиозные и прочие барьеры отражают конкурентную борьбу за более выгодные условия обладания или пользования землей, доступ к продукту. Менее привилегированными группами эта борьба ведется за право пользования землей, колодезем, храмом, кредитом и т.д.

Социальная иерархия и система эксплуатации.

Общинные, племенные, кастовые, этнические отношения выступают одновременно и как форма внутренней солидарности, и как составные части иерархической системы господства и подчинения. В системе

социальной иерархии индивид является либо членом господствующей группы, либо объектом господства и эксплуатации. Поэтому значительное, подчас преобладающее место в системе эксплуатации несут различные формы господства и подчинения — от прямого порабощения до установления иерархии социального престижа — или же личностного доминирования над более слабыми. Атрибутами такого престижа могут быть ранги власти, воинские должности, положение в иерархии религиозных, этнических, кастовых и племенных отношений и т.д. Эксплуатация в традиционном обществе функционирует в завуалированном виде. Она принимает облик системы «взаимных обязанностей», в которой вождь, брахман, помещик, торговец, ростовщик, начальник проявляют «отеческую заботу» или оказывают нижестоящим «слабым» людям крайне необходимые или минимальные услуги (одалживают зерно, деньги, помогают в трудные минуты, молятся за них и т.д.). Эти услуги оплачиваются не только трудом и натурой, но и моральной признательностью, которая накрепко связывает человека со своим благодетелем. По существу труженик оказывается в таком положении, что спастись от жизненных неурядиц, выйти за узкие рамки повседневного существования в более широкий мир он может только через посредство «сильного» человека, располагающего властью, влиянием, богатством. Одну из наиболее разработанных систем социальной иерархии породила кастовая система в Индии, что дало основание известному французскому культурологу Л. Дюмону назвать свою книгу об Индии «Homo hierarchicus».

Вместе с тем система межличностных отношений накладывает ограничения и на привилегированные классы в том смысле, что она не поощряет полного отчуждения объективных факторов производства (главным образом земли) от работника, допуская только бесконечное ухудшение условий их соединения. Угроза их нарушения постоянно питала сильную эгалитаристскую (уравнительную) тенденцию в культуре.

Место достижительных ориентаций.

Как мы уже видели (см. главу III), в каждом развитом обществе существуют и достижительные ориентации, обеспечивающие какую-то меру социальной мобильности. Основными путями такой мобильности в доиндустриальном обществе были власть, воинская или административная служба и религиозное послушничество.

В отлаженной цивилизованной системе допускались лишь нормативные методы мобильности. Образование всегда было одним из основных институтов, обеспечивавших мобильность. Из ученого сословия улемов назначались мусульманские судьи. Серьез-

336

ную систему отбора и обновления административных кадров на базе основательной книжной учености создал конфуцианский институт в Китае, обеспечивший высокую степень устойчивости общества на протяжении многих веков.

Но важное место повсеместно занимала жажда золота и денег. В.Зомбарт подробно описывает* различные средства наживы: путем насилия и разбоя, пиратства, ростовщичества, спекуляций (в том числе спекуляций с ценными бумагами), мошенничества, кладоискательства, алхимии. Войны нередко велись лишь в целях ограбления захваченных земель. Морские экспедиции предпринимались с целью обогащения не только через принудительную торговлю с туземцами, но и через грабеж в заморских странах или морской разбой. Открытие Колумба было результатом таких стремлений и в свою очередь широко стимулировало поиски золотой страны Эльдорадо. Хищническое ограбление захваченных территорий Южной и Северной Америки и массовое истребление туземного населения стало результатом такого рода «духа предпринимательства». За этим последовала эпоха Великих географических открытий и ограбления колоний.

Зомбарт описывает это «предпринимательство» на примере Европы. Однако такого рода методы обогащения существовали во всех развитых обществах. Конечно, большей частью они подвергались ограничению, прямому запрещению и регуляции религией или государством. В исламе шариат строго запрещает ростовщичество и спекуляцию. Первейшей обязанностью всякого сложившегося государства была охрана своих владений и предотвращение вторжений извне, принятие строгих мер против разбойников и грабителей.

ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Как же сказываются рассмотренные черты социальности доиндустриальных обществ на содержании их духовного производства? Мы видели, что в добуржуазной среде человеческая деятельность и отношения не облекаются в товарную или юридическую оболочку. Сознание в добуржуазных структурах основывается на иных формах социальности, вытекающих из приоритета межличностных связей. Носителями социальных отношений здесь

* См.: Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М, 1994.

337

выступает не товар, правовая норма или ролевая функция, которые в индустриальном обществе соединяют отдельных индивидов во взаимодействующее целое. Основой поддержания общности и условием принадлежности индивида к определенной группе, за пределами которой его существование крайне ненадежно, становятся верования, язык, обычаи, нормы поведения, исторический опыт и т.д. Они приобретают для сознания особое значение, становятся ядром духовной жизни, высшей ценностью и критерием идентичности общества и личности.

Структура и ценности традиционной культуры.

Устойчивая мифологизация.

На характер сознания в докапиталистической среде определяющим образом влияет тесная связь материальных и духовных сторон повседневной деятельности, слитность индивидуального и коллективного начал, нерасчлененность человека и природы. Эти обстоятельства приводят к устойчивой мифологизации восприятия внешнего мира. Социальные и природные процессы такое сознание уподобляют тому, что происходит в человеке или человеческом обществе. Внешний мир, например, представляется подверженным прямому воздействию привычных социальных отношений. Считается, что раздоры между родичами могут привести к природным бедствиям. Власть же над природной средой зависит от морального усовершенствования и гармонии отношений в коллективе в целом. Мифологические представления переплетаются с магическим отношением к окружающему миру, предполагающим способность воздействия на предметы и людей через символические поступки или словесные заговоры.

Нравственные добродетели традиционного общества, которыми восхищаются многие мыслители (благородство, смелость, справедливость, честь, щедрость, гордость, уважение к другим людям и т.п.), оказываются условными, так как являются этическими ценностями только в рамках «своего» коллектива. Когда дело касается чужих, они выворачиваются наизнанку, превращаясь, в случае необходимости, во взаимное недоверие, ненависть и вероломство. *Отчуждение или антагонизм — обратная сторона такого солидаризма*, его необходимый коррелят, создающий психический механизм отстранения от «чужаков» и их принижения. Это деление может принимать самые разные формы и масштабы: свои — чужие, свой этнос — инородцы, верующие — неверные и т.д.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье 2005 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Стыд и вина.

Солидаристские принципы, на основе которых оформляются отношения в традиционных структурах, требуют психического подчинения индивида разным вариантам целого и общего, что создает систему унификации не только поведения

338

индивидов, но и самого их сознания, когда их помыслы целеустремленно подчинены интересам данного социального целого. С невысокой степенью развитости личностного начала на уровне массового сознания в этих культурах многие исследователи связывают преобладание в них моральной ориентации на чувство стыда, а не на чувство вины. Вина связана с озабоченностью индивида своей внутренней правотой. Стыд — с озабоченностью личности тем, как будут оценены его достоинства другими, что рождает стремление избежать огласки неудачи, слабости, зависимости и т.д. «Культура стыда» несет на себе отпечаток локальности, так как ориентирует сознание индивида исключительно на его собственную общину: стыд существует только в отношениях со «своими». Достоинство и бесчестие соотносятся с внешними фактами контроля, осуждением, наказанием, насмешкой или же одобрением, похвалой, поощрением и т.п.

К «культуре стыда» обычно причисляют азиатские и африканские культуры. Но как в рамках каждой «высокой» культуры, в них в той или иной степени утверждалась и вина — ориентация на ответственность индивида за свои поступки и свое состояние. Такое значение приобрел, например, принцип кармы в индуизме. Он означал признание человеком не только груза прежних перерождений, но и ответственности за содеянное в данном существовании. И все же вина уступала по своей значимости стыду как более очевидному и массовому типу воздействия на поведение индивида. Чувство стыда тщательно культивировалось в конфуцианстве.

Но и в более сложной социальной среде заметное место в практике идейно-политической борьбы занимает *антитеза стыд-гордость*. Однако в такой среде стереотипы стыда и гордости могут резко различаться в зависимости от идеологических установок и для их насаждения или подавления могут пускаться в ход разные средства вплоть до репрессии. Место прежних стереотипов занимают новые. «Белые» и «красные», «коммунисты» и «буржуа», «интернационалисты» и «патриоты» могут меняться местами.

Дело, конечно, вовсе не в изначально высоком уровне агрессивности, как утверждают некоторые исследователи, сравнивающие это состояние, с описанной английским философом Т. Гоббсом «войной всех против всех». Антагонизм — лишь крайняя, ситуационно обусловленная реакция против «чужого» через укрепление внутренней сплоченности. Развитие отношений между коллективами, несомненно, расширяет рамки солидаризма и устраняет крайности антагонизма, но не снимает его до конца.

339

Эгалитаризм и иерархизм.

Для традиционного общества характерен замедленный рост средств производства, что порождает представление об ограниченности жизненных благ, доступных обществу (стереотип «постоянного пирога»), и возможностей природы как источника благ. Поэтому важной заботой для общества является* соблюдение привычной меры распределения имеющихся средств существования. Ее нарушение вызывает острые конфликты и приводит в движение сильные мотивационные установки за «восстановление справедливости».

Эгалитаризм питается в немалой степени настроениями низших слоев общества, которые существуют в основном за счет перераспределения. Эгалитаристские требования — способ защиты интересов низов, ограничения запросов господствующих классов и меры эксплуатации, предотвращения чрезмерного престижного и паразитического потребления имущих слоев.

Однако сами по себе эти требования не содержат установки на переход к новому, более прогрессивному способу производства. Уравнительные отношения к совокупному продукту ставят барьер на пути использования накопленного труда с целью увеличения производства. В примитивных культурах и ситуациях накопленное достояние попросту уничтожается в дорогостоящих пиршествах (потлатч), войнах, набегах и погромах. Потребность в создании устойчивой системы разделения труда и дифференциации ролей диктует обращение к иерархическим принципам организации общества, регулирующим как производственную деятельность, так и образ жизни различных слоев населения. Такое разделение труда неизбежно совпадает с отношениями господства и подчинения.

Эгалитаризм в традиционных обществах сосуществовал в сложном переплетении с принципами иерархизма, четко фиксируемыми в сознании. Степень и характер иерархизма резко менялись в зависимости от уровня социальной дифференциации, ранговые, кастовые, сословные разделения, оформляемые внешними признаками и нормами поведения, становились и в сознании воплощением внутренней ценности индивидов. Такая система вырабатывает не только повиновение, но и преклонение, раболепие, лживость по отношению к вышестоящим и установки на доминирование и презрение по отношению к нижестоящим. Господство и подчинение воспринимаются как составные

части солидаризма «своих», в рамках которого «большой» человек («хороший» монарх, помещик, вождь, чиновник) оказывает обязательное покровительство, а «маленький» человек отплачивает ему повиновением.

340

Соотношение между указанными *амбивалентными* ценностными ориентациями (солидаризм — антагонизм, эгалитаризм — иерархизм) обнаруживает сложную динамику в зависимости от конкретного состояния коллектива и общества в целом. Солидаризм в рамках различных групп и между ними может сменяться острыми смутами и открытыми столкновениями, чтобы утихнуть по исчерпанию потенциалов конфликта. Жесткая система господства оживляет эгалитаристские тенденции, порождает активное движение протеста, которое вновь приводит к воссозданию иерархических структур.

В попытке избежать реального столкновения этих противоположных ориентаций каждое общество вырабатывает механизм самоконтроля, предотвращающий разрушительные вспышки. Огромную нагрузку в этом плане несет религия. Однако эти вспышки могут быть институционализированы в рамках «ритуального бунта» народных мистерий и карнавалов, когда временно нарушаются все иерархические строгости, устанавливается вседозволенность и разгул страстей.

Отношение к жизненным благам и трудовому процессу в такого рода структурах связано с солидаристско-иерархическими установками. Традиционное массовое сознание ориентировано прежде всего не на рост материальных предпосылок труда, а на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей. Но эти потребности жестко определены положением данной группы или индивида в общей структуре отношений, т.е. потребление имеет ограниченный характер. Поэтому указанные выше ценности могут рассматриваться как базовые, которым подчинены присущие массовому сознанию потребительские ценности, воплощающиеся в идеалах богатства, здоровья, долголетия, многодетности, силы, мудрости и т.п. Все это должно придавать мощь коллективу или индивиду — по сравнению с его соперниками или противниками.

Указанные ориентации определяют и отношение массового сознания к таким важнейшим факторам, как *труд и богатство*. В традиционных обществах имеет ценность конкретный труд, связанный с профессиональным мастерством и рассматриваемый как источник (хотя и не единственный) приобретения и потребления материальных благ. Труд ради накопления и сбережения с целью развития материальных факторов производства осуждается не только потому, что это ведет к росту эксплуатации, но и потому, что усиливает тенденцию к изъятию растущей части общего достояния и создает для такого рода имущих слоев новый источник социальной обеспеченности, недоступный другим. Излишние накопления должны прямо или косвенно перераспреде-

341

ляться между всеми членами коллектива: пиры, подарки, помощь в экстремальных случаях, религиозные пожертвования и т.п.

Скованность производительных сил и ограниченность отношений в традиционных структурах приводят к тому, что положение человека лишь частично зависит от его трудолюбия, определяясь прежде всего «судьбой»: величиной доставшегося земельного участка, размером семьи, кастовой и религиозной принадлежностью, «благосклонностью» природы и прочими факторами, над которыми человек почти не властен и которые составляют его карму. Но зато многое зависит от того, насколько отработаны хорошие отношения индивида с его группой или же лицом, от которого он зависит.

В традиционном обществе благосостояние индивида и коллектива в целом в немалой степени определяется межличностными отношениями, поддержание которых (праздники, ритуалы, совместное обсуждение дел и т.д.) с точки зрения собственно производства выглядит скорее как досуг, что зачастую служит предметом язвительной критики (или же, напротив, зависти) со стороны буржуазных исследователей. Значительная часть накапливаемого богатства уходит на поддержание этих отношений.

Вот как характеризует человека в такой среде В. Зомбарт: «Докапиталистический человек — это естественный человек... В центре всех страданий и всех забот стоит живой человек. Он «мера всех вещей». Но этим уже определяется отношение человека к хозяйству: оно служит человеческим целям, как и всякое другое создание рук человеческих. Итак, вот основное следствие такого понимания: исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является *потребность человека*, его естественная потребность в благах. Сколько благ он потребляет, столько и должно быть произведено; сколько он расходует, столько он и должен заприходовать. Сначала даны расходы, а по ним определяются доходы. Я называю эту форму ведения хозяйства *расходным хозяйством*»*.

Впрочем, как тут же показывает Зомбарт, существует принятая мера потребностей, которая должна соответствовать социальному положению. «И вот тут резко отличаются друг от друга два слоя, образ жизни которых характерен для докапиталистического быта: господа — и народная масса; богачи — и бедняки; сеньоры — и крестьяне; ремесленники — и торговцы; люди, ведущие

свободную, независимую жизнь, без хозяйственного труда, — и те, кто в поте лица своего зарабатывает хлеб свой, люди хозяй-

*Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М., 1994. — С. 12.

342

ства. Вести *жизнь сеньора* — значит жить «полной чашей» и давать жить многим; это значит проводить свои дни на войне и на охоте и прожигать ночи в веселом кругу жизнерадостных собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Это значит строить замки и церкви, значит показывать блеск и пышность на турнирах или в других торжественных случаях, значит жить в роскоши, насколько позволяют и даже не позволяют средства. Расходы постоянно превышают доходы... Деньги сеньор презирает. Они грязны, так же как грязна и всякая приобретательская деятельность. Деньги существуют для того, чтобы их тратить»*.

Зомбарт подчеркивает, как потом и М.Вебер, что и в этом обществе существовала страсть к наживе. Однако она выделялась из обычного круга деятельности и стремилась к своему удовлетворению за пределами процесса производства благ.

Потребительское отношение к производству благ учитывало прежде всего качественную, а не количественную сторону. Высокий уровень мастерства, которым славилось средневековье, обеспечил для последующих эпох великолепие многочисленных музеев и памятников. Но высокая требовательность к качеству имела своей обратной стороной отвращение к массовой выделке или даже к «подделкам», т.е. повторению той же вещи.

Отвращение к количеству имело своим следствием отсутствие желания и умения точно обращаться с цифрами и учитывать затраты времени. Подсчеты носили приблизительный характер, меры не имели общепринятой фиксации, а время измерялось большей частью естественными циклами. Темпы хозяйственной деятельности подчинялись сложившимся потребностям, и количество праздников было громадным, доходя до ста дней в году.

В Китае популярные народные картинки и посуда украшались иероглифическими формулами, среди которых наиболее часто встречались такие: «Долгой жизни, богатства и знатного чина!», «Тысячи амбаров да переполнятся рисом!», «Десять тысяч лет счастья!», «Единым клубком, в ладном духе!». Для большей наглядности эти надписи часто заменялись или сопровождались картинками с устойчивой символикой, выражающей желанные атрибуты счастья**.

Немалое значение придается также и качествам, связанным со способностью к продолжению рода и деторождению, т.е.

*Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М., 1994. — С. 13.

** См.: Алексеев А. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. — М., 1966.

343

с производством основного богатства традиционного общества — самого человека. Развитая на этом уровне эротическая народная символика (в изобразительной и словесной форме) тесно связана с общей установкой на максимализацию естественных способностей. (Эта установка срабатывает и в том, что традиционное сознание упорно сопротивляется идее ограничения рождаемости.)

Вполне достоверное отражение ценностей массового сознания дает фольклор. Обычные методы фольклора — восхваление определенного персонажа, наделенного всеми благами, достоинствами и авторитетами, хотя бы и за счет других. В фольклоре отражается неравноценность и неравенство людей: своих и чужих, знатных и незнатных, богатых и бедных, сильных и слабых и т.д. Фольклор в общем снисходителен к проявлениям жестокости и несправедливости, если они становятся источником чьей-то удачи и силы. Вместе с тем важное место в фольклоре занимает социальная критика поведения высших слоев со стороны народных масс, низов, протест против порядка в патриархальной семье, жестокости кастовой системы, лицемерия духовенства, лихоимства чиновников и т.п.

Такая система как раньше, так и теперь вовсе не закрывает путь к росту потребностей и потребления материальных ценностей. Напротив, потребление (индивидуальное и общественное) рассматривается как источник развития индивида и коллектива в целом. В светской культуре, а во многом и в религиозной, богатство считается фактором, способствующим упрочению солидарности, если оно расходуется на богоугодные цели, праздники, благотворительность, содержание и угощение родни, соплеменников и соседей, на поддержание многочисленной челяди и прихлебателей, раздачи по «симпатии сердца» и т.п.

Богатство в традиционных общественных структурах — предпосылка выхода за узкие пределы существования, определяемого низким уровнем производства, в более широкий круг потребления — источник престижа в этом мире и в мире ином. Основной традиционный канал расходования накопленного богатства — непроизводительные затраты состоятельных кругов, ритуалы и религиозный культ, что санкционируется принятыми нормами и религией. То самое сознание,

которое не одобряет излишних накоплений, легко принимает траты в долг на проведение престижных мероприятий (свадьбы, похороны и т.п.), что приводит подчас к закабалению индивида или всей семьи на многие годы или даже на будущие поколения.

С одной стороны, существовали огромные богатства, породившие представления о восточной роскоши. С другой — широ-

344

кие массы населения страдали от крайней ограниченности в потреблении. Это находило санкцию в обычаях или религиозных установках на удовлетворение имеющимся положением. Всякий продукт, превышающий принятый прожиточный минимум, мог подвергнуться изъятию. Да и для состоятельных элементов накопление оказывалось часто рискованным мероприятием, так как легко становилось объектом притязаний со стороны правящих слоев. Так что бедность широких масс вытекает не только из недостаточного развития производства или щедрости природы, в силу этого якобы не располагающей к труду, но и из рутинности социальных связей, тесно связанных с системой классового господства и подчинения.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

В социальном и хозяйственном планах доиндустриальные общества отличаются разнородностью и взаимной изолированностью составляющих их ячеек и групп. Солидарность носит ограниченный и локальный характер и за пределы соответствующей «своей» группы не распространяется. Обратной стороной локальной солидарности является обособление членов данной группы, клана, семьи или общины от окружающих коллективов, которые воспринимаются как чужаки. Нередко различия между ними проводятся по второстепенным культурным признакам — диалектам, деталям быта, именам и т.д., представляющим в условиях экономической разделенности трудно преодолимое расхождение. Как мы видели в главе VIII, этническая, а также общинная и религиозная обособленность — следствие и условие такой солидарности. Поэтому на первичном уровне общество предстает как скопление подобных или разнородных ячеек, не имеющих между собой внутренней связи. Подробный анализ такой социальной среды дал П. Сорокин, определивший ее как скопление или конгломерат разнородных элементов.

Все это приводит к высокой степени разобщенности первичных групп, изолированных условиями производства и типом социальности, но крайне нуждающихся в объединяющем и регулирующем начале.

Достоянием исторического прошлого Индии является наличие около 200 крупных и 2 тысяч мелких кастовых групп, и это в дополнение к имеющемуся делению на 179 языков, зачастую совпадающих с этническим различием, и 544 диалектные общнос-

345

ти. В каждой африканской стране существуют десятки больших и малых этнических групп, между которыми зачастую возникают сложные отношения, распри и конфликты, а нередко и кровопролитные столкновения и войны. Распад государственно-политического единства СССР выявил наличие в его рамках 101 этнической группы, а по более дробным показателям выделяется 800 этнокультурных единиц.

Потребности межэтнического общения и совместного развития заставляют общество осознавать ограниченность собственно этнического бытия. Поэтому другая сторона всей мировой истории — поиск социальных механизмов, снижающих уровень противостояния конфликтов между первичными человеческими коллективами. Лишь наличие некоторого надэтнического начала может способствовать созданию какой-либо функционирующей общности из конгломерата локальных единиц. Таким началом может выступать государство, на своих условиях объединяющее разнородные элементы, или священный закон, требующий непрекаемого соблюдения во имя коллективного блага.

ГОСУДАРСТВО В ДОИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ

Важнейшим институтом интеграции разнородного общества наряду с религией выступало государство как основная политическая сила доиндустриального общества. Именно как инструмент регуляции межэтнических и социальных конфликтов и защиты общества от внешних врагов и вырастали в значительной степени все государства прошлых эпох. Именно на него в соответствии с принципами международного права возлагается в современном мире обязанность поддержания межэтнического «консенсуса». Но как в прошлом, так и в современных процессах государство слишком часто оказывалось подверженным тенденциям к узурпации власти в интересах привилегированных классов или этносов, отчуждая остальное население.

Сепаратность первичных групп становится прямой угрозой их существования, она порождает

мелкие изнуряющие конфликты и ослабляет сопротивляемость небольших социальных образований вторжению извне. Эти группы остро нуждаются в социально-политическом единстве, которое бы регулировало их отношения между собой и с внешним миром. В таких структурах государство выступает как орган координации производственной деятельности и разделения труда в масштабах общества в целом.

346

На разных уровнях общественного сознания в доиндустриальных обществах постоянно присутствует представление о государстве как защитнике и покровителе общества, гаранте его благосостояния и целостности. В таком представлении отражается громадная потребность в государстве как воплощении единства первичных групп (племен, общин, деревень, кланов и т.д.) для более успешной борьбы с природой, противостояния внешним вторжениям, для урегулирования конфликтов и создания более масштабных форм разделения труда. Возникновение и развитие государства — процесс неоднозначный, полный противоречий. Сколь настоятельной ни была общественная потребность в государственном объединении, никакая действительная власть не могла оправдать связанных с ней ожиданий.

Государство формируется через механизмы власти, через насилие и принуждение, авторитарную волю верховной власти, олицетворенной в верховном правителе или через согласование волеизъявления различных слоев населения. Как хорошо известно из истории, согласование интересов общества и государства — сложная задача, решением которой постоянно занимаются политические круги всякого общества, но которая постоянно оказывается источником конфликтов и борьбы.

Именно выявление роли государства в социально-экономических отношениях в доиндустриальном обществе породило хорошо известную концепцию «азиатского способа производства» (АСП). Согласно ее наиболее принятой трактовке, во многих обществах древнего и средневекового Востока, а в несколько иных вариантах также в Африке и доколумбовой Америке, государство выступало как верховный собственник и распорядитель земли, главного предмета труда, и населения как основной производительной силы. Организуя и регулируя производство, государство было вместе с тем и главным «коллективным эксплуататором» трудовой части общества. Социальным воплощением государства выступала бюрократия, прежде всего ее верхушка, совмещавшая функции управления обществом с его эксплуатацией. Изъятие продукта производилось на основе государственной монополии и высокой централизации и обставлялось как «защита всеобщих интересов».

Полемика по поводу АСП и «восточного феодализма» многое прояснила относительно социально-экономического и политического устройства добуржуазных обществ. Однако обычный недостаток этой полемики состоял в том, что в ней не учитывались в достаточной мере характер и роль духовных факторов. Как мы увидим, эти факторы, с одной стороны, отражали социально-

347

экономические аспекты действительности, но вместе с тем они дополняли АСП, а в ряде отношений и на более высоком уровне регуляции существенно трансформировали характер общества в целом.

Отношение к власти в традиционном массовом сознании.

«Правильная» власть представляется как общественно необходимая, как отражение совокупных интересов всего общества, хотя и в соответствии с нормативной социальной иерархией. «Справедливая» власть обеспечивает привычную, т.е. сложившуюся меру нормативности и иерархизма, не допуская полного разрыва патерналистских связей. При соблюдении таких условий носитель власти наделяется особыми способностями и полномочиями. Но столкновение с реальной властью порождало в массовом сознании иной стереотип — государство как сила враждебная и угнетающая, а сфера власти как источник зла. Такое двойственное отношение к государству нередко проявляется в движениях протеста, руководствующихся идеей установления «хорошей власти». Предполагается, что такая власть регулирует взаимодействие локальных культур различных регионов, местностей и субкультур различных социальных слоев. Хотя высокая культура, получающая выражение в праве, политической идеологии, литературе, искусстве, науке, в значительной мере создается в интересах господствующего класса, она становится выразителем общего начала.

Однако, несмотря на культивируемые идеалы «благочестивых халифов», справедливого царя Ашоки в буддизме, идеального царя Викрамы в Индии и т.д., практическая деятельность благочестивых монархов была беспощадной, диктуемой прагматическими интересами правящего класса, а подчас и прямым произволом. Это создавало устойчивую традицию недоверия к реально существующей власти как силе враждебной и угнетающей. Уже в Палийском каноне буддизма опасность от королей стоит на первом месте, предшествуя «опасности от разбойников, огня, воды и хищных зверей».

Действительность неизменно демонстрировала отчужденную сущность власти. Усиление притеснений со стороны государства приводило к неустойчивости тех форм регуляции общества, которые были с ним связаны, в том числе как с источником общих моральных норм и законов. Когда «антиобщественное» содержание этих предписаний и сущность самой власти становились очевидными, происходило «отпадение» народных масс, ощущавших себя жертвами как несправедливых законов, так и прямого произвола со стороны власть имущих. Потрясения возникали не только в силу внутренних причин. Социальная организация, исходящая

348

из отождествления общества с государством, оказывалась неустойчивой и при столкновении с внешними силами. Стремление к усилению данного государственного организма было чревато изнурительными войнами, результатом которых даже в случае успеха было тягостное напряжение сил народа ради целей, становящихся ему все более чуждыми.

В разрыве с культивируемым «благим» стереотипом государство предстало в сознании как сила враждебная и угнетающая. Бесперспективность протеста против него питала тенденцию к отстранению от государства, уходу в частную жизнь, в особую сферу, куда не могла добраться рука власти.

Переходные состояния в периоды неустойчивости сопровождаются возникновением массовых народных движений, выступающих, как правило, за создание «справедливой» власти, отражающей общие интересы. Эти движения часто порождают харизматическую фигуру вождя, способного в силу своих личных качеств и своей одаренности «высшей силой» превзойти данное состояние общества и направить его на достижение новых целей. Протест против классового угнетения и против власти, отчужденной от народа, вызвал к жизни огромной силы движения, ломающие устоявшиеся порядки. Однако позитивная программа этих движений оказывалась неизменно утопичной, что приводило к их подавлению или перерождению даже в случае первоначального успеха.

В мировой науке длительное время ведутся дискуссии относительно так называемого «восточного деспотизма». Деспотизм определяется в политологии как ничем не ограниченная бесконтрольная власть, не стесняемая никакими формальными правилами или законами и опирающаяся непосредственно на силу. Соответственно антиподом деспотизма является гражданское общество, основанное на политических свободах и праве. Принципиально отличается от деспотизма монархия, основанная на соблюдении как законов, так и прав и прерогатив, принадлежащих различным сословиям и корпорациям.

Многие участники этой дискуссии исходят из положения, что именно через такое понятие следует определить принципиальное отличие неевропейских и европейских политических структур. Нередко сущность деспотизма при этом усматривается в личном произволе высшего носителя власти, какого-либо восточного (или африканского) тирана типа турецкого султана, персидского шаха, китайского императора или иного великого «царя царей». Несомненно, что роль произвола и своеволия в этих обществах была значительной, хотя вряд ли в этом плане существовало принци-

349

пиальное различие между Европой и не-Европой в те или иные периоды (напомним о деспотической жестокости французского короля Людовика XI, английского короля Генриха VIII или испанского короля Филиппа II). Восточные, а затем и африканские социально-политические структуры предстали как гораздо более сложные, сотканые из противоречий, подверженные напряженной внутренней динамике. Власть была необходимым средством регуляции общих дел всего общества. Поэтому она часто изображалась в патерналистских, семейных символах, предполагающих ее покровительство всему народу, а не только услужение привилегированной элите и господствующей верхушке. Последняя нередко представлялась помехой в отношениях между народом и верховным правителем, что отражалось в движениях протеста против плохих советников и чиновников, «обманывающих» правителя. В крайних случаях возникали массовые восстания против монархии — за «хорошего» монарха.

Впрочем, проблема деспотизма не может быть сведена лишь к проявлению личного своеволия. Важным аргументом в подтверждение концепции «восточного деспотизма» является бесконтрольность власти на Востоке, бюрократической (командно-административной) системы, распоряжающейся всем хозяйством и располагающей верховной собственностью на главные средства производства. Государство предстает как самодовлеющая сила, стоящая над человеком и обществом. Именно оно, как предполагается, регулирует все отношения — в семье, между первичными группами, городом и деревней, этническими группами и т.д. Общество ничего не могло противопоставить государству, находилось от него в полной зависимости и поэтому принимало сервильный характер.

Аргументация в пользу концепции «восточного деспотизма» наталкивается на серьезные возражения. Прежде всего во всяком зрелом восточном обществе существуют устойчивые духовные «предохранители», препятствующие властному произволу. Пережив на определенном этапе тягостные последствия своеволия царей, каждое общество создавало стереотип неправедной и же-

стокой власти, которая нарушает общественное благоденствие и которую нельзя допускать. В Ветхом Завете такую нагрузку несли образы царя Ирода, Навуходоносора, египетского фараона и других персонажей, подчас выступавших как воплощение Антихриста*. В исламе таким воплощением несправедности были Кесарь и Хосров. В Китае им стал первый китайский император Цинь

* См.: Аверинцев С.С. Антихрист // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 1.

350

Шихуан. Около двух с половиной веков с необыкновенным ожесточением противостояли русские раскольники царской власти (и повязанной с ней «нечестивой никонианской церкви»), доходя в этом противостоянии до крайностей: уход от мира, бегство в глухие места, массовое самосожжение. В каждом регионе политическая культура включала в себя устойчивое представление о «праведной» и «неправедной» власти и о Законе, который выше и долговечнее всех земных властей и в котором подданные находят право на неповиновение и восстание.

Конечно, духовный идеализм большей частью пасовал перед политическим реализмом, и духовный институт, призванный выступать от имени общества в целом, оказывался бессильным перед реальными проявлениями своеволия. Однако история Китая знает успешные крестьянские восстания, во главе которых становились оппозиционные конфуцианцы, а в мусульманском регионе немало правителей погибло от рук экстремистов, направляемых религиозной оппозицией. В XVI-XVII вв. из 15 османских султанов 6 были низложены по обвинению в нарушении шариата, двое из них казнены. Религиозный закон постоянно оказывался достаточно влиятельной силой в ограничении деспотизма и авторитарности правителей.

Противоречивость и ненадежность таких форм регулирования общественных дел, которые представляла государственная власть, заставляла общественное сознание искать в религии более убедительную основу для выражения интересов и чаяний народных масс, которая была бы неподвержена превращениям «земной» политики.

Глава XII. МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ

Основные темы.

Типы мировых религий. Теистические и законнические варианты религиозной регуляции. Полиморфизм духовного содержания и системная определенность религий.

Духовный механизм мировых религий. Понятие «косевого времени» и поле напряженности между обыденным и трансцендентным. Общие принципы и специфика разных религий. Принципы перестройки повседневных ценностных ориентаций, преодоление непосредственного чувственного отношения к миру, выделение субъекта и объекта.

351

Социологический смысл религиозного спасения. Виды спасения: моральное совершенствование, ритуализм, вера, выполнение долга, любовное благочестие, институциональное спасение. Секта как сепаратный путь спасения. Типы сектантства.

Религия и хозяйственная жизнь доиндустриального общества. Мирская и внемирская ориентации.

Религия и социокультурная интеграция. Социальные функции церкви, пророков, Священного Писания, Священного предания, догматики. Цивилизаторская роль мировых религий.

Мировые религии и государство. Сопряженность и раздельность сакральной и политической сфер.

Светская духовность в классических цивилизациях Востока и в средневековой Европе.

Духовное значение европейской Реформации. Социологические характеристики средневекового знания, публичное и тайное знание. Сферы функционирования закрытого знания.

Принципы регуляции отношений между сакральной и светской сферами, противоречия и конфликты. Причины застоя и упадка науки и техники в восточных обществах. Преобладание сакрализованных интегрирующих факторов и общий застой восточных цивилизаций.

Структура европейской культуры в средние века. Аристократическая культура. Христианство в культуре Запада. Народная культура — праздничная и магическая. Этические принципы частной собственности и предпринимательства. Этические основы отделения религии от государства.

Социокультурный плюрализм и формирование гражданского общества в Западной Европе. Историческое своеобразие западной цивилизации.

ТИПЫ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Как мы видели в главе V, религия выступает как весьма значимый, а иногда и доминирующий компонент культуры. Это происходит в силу способности религии средствами сакрализации утверждать особый, повышенный статус тех норм, ценностей, знаний и ориентаций, которые связаны с важнейшими функциями социокультурной регуляции, осуществляемой в рамках цивилизации. Религии способствуют как дифференциации духовной жизни (т.е. ее большому разнообразию за счет расширения духовных горизонтов), так и установлению всеобщности (т.е. единства, в котором снимаются ограничения этнического и национального уровней). Несмотря на разительное несходство

религий между собой в символике, содержании и структуре общественных институтов, на уровне социальной регуляции наглядно проявляются и их общие функции.

352

Позднее мы обратимся к рассмотрению места, занимаемого религией в западном обществе, в котором в рамках каждого направления христианства произошли основательные процессы реформации и адаптации к современности. Подобные тенденции, как мы увидим, не получили достаточного развития в восточных религиях. Поэтому производимый далее социологический анализ отражает прежде всего принципы функционирования восточных религий.

В научной литературе широко принято положение, что восточные религии представляют собой социокультурный комплекс, совмещающий в себе не только собственно сакральные представления, верования и ритуалы, но также нормативную мораль, право, эстетику, социальные учения. В этот социокультурный комплекс входят и соответствующие институты различной степени сакрализации, регулирующие отношения между верующими в духовной сфере. Доминирующие в докапиталистических структурах межличностные отношения необходимы для налаживания взаимодействия между различными социальными, этническими и культурными группами, между обществом и властью и т.д. Кроме того, создавая общую систему духовной регуляции и мотивации, религия оказывает большое влияние на хозяйственную жизнь.

Религия выступает как составная часть механизма цивилизационной детерминации, но в свою очередь она сама обусловлена этим механизмом, которому и принадлежит доминирующая роль в определении зрелого облика религии и путей ее эволюции.

Многие сравнительные исследования исходят из предпосылки о значительном расхождении содержания религий в зависимости от того, относятся они к *монотеистическим* и *богооткровенным* (иудаизм, христианство и ислам) или *небогооткровенным* (индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство). Последовательное воплощение это различие получило у М. Вебера и ученых его школы. Иногда это расхождение выражается через расхождение «авраамической» и «неавраамической» традиций. Только первая породила строгий теизм, который, впрочем, в случае с христианством оказывается не очень строгим, а превращается в «Троицу». Принято выделять монотеистические религии, в которых постулируется Бог, стоящий над миром и направляющий его, и «космические» системы типа индуизма и буддизма, в которых трансцендентное, космическое начало выражено в безличных, почти метафизических терминах и находится в состоянии постоянной экзистенциальной напряженности с мирской системой. Впрочем, в особый ряд приходится выделять относительно светские типы выражения этой напряженности, примером чего служит, по мне-

353

нию Вебера, конфуцианство и классическая китайская система, а также греко-римская система.

В религиях первого типа исходная концепция, пропитывающая всю духовную жизнь, основана на понятии Бога как трансцендентного миру и человеку, и этот мир составляет его творение, а сам он открывает себя через «Слово» или является в нем в одной из своих ипостасей (Бога-Сына). Человек вступает с Богом в напряженные отношения, от которых и зависит в конечном счете его судьба. В небогооткровенных религиях мир со всем своим относительным и обусловленным бытием, своим многообразием и тленностью включен в безличный Абсолют, подчинен верховному Закону (дхарме, дао), через который утверждается тождество религиозного объекта и религиозного субъекта. Из этого противопоставления делаются выводы о принципиальном различии положения человека в религиях особого типа, а следовательно, и принципов его поведения. В христианстве индивид принципиально отделен от Бога — в силу грехопадения и связан с ним своей верой или же через церковь, но и то и другое не исключает возможность «отпадения» и «богооставленности», что мучительно переживается и сказывается на внутренней структуре личности. В небогооткровенных религиях индивид включен в Абсолют, хотя бы через много ступеней и рождений, и он постоянно подчинен верховному Закону, действие которого всегда соотносено с поступками самого человека в ряду его многих перерождений.

При изучении сложившихся форм духовной жизни возникает достаточно оснований выделять самые важные и наиболее общие принципы, определяющие лицо цивилизации, формы социальной и государственной организации. В этом выражении лишь развернуто то, что М. Вебер определил как *идеальные типы*. Но его можно принять лишь как попытку схематизации реально существующего многообразия духовных факторов, сведения противоречий и динамической системы к ее преобладающему варианту, а следовательно, принятие формулировок, настоятельно утверждавшихся в идеологических (далеко не всегда в философских) источниках, в которых скрыты все перипетии внутренней борьбы, сняты противоречия между должным и сущим, снята динамика процесса и его детерминация.

Как М. Вебера, так и других компаративистов подводит тенденция создавать идеальные типы каждой религии, перекрывающие присущие этим религиям далеко не сходные ориентации. Поэтому вряд ли можно полагать, что для Китая характерен только *шенъши* — экстравертный и

ориентированный на социум индивид, а для Индии — «аскет, вышедший из социума, переставший
354

интересоваться им и вообще всем несущественным, даже иллюзорным миром». После некоторых колебаний Арджуна в результате искусных идеологических построений Кришны убедился в ограниченности своих моральных «пережитков», недопустимости уклонения от долга и бросился в битву выполнять веление варнового принципа убивать своих родичей. Таковы веления дхармы, и эти веления распространяются на всех членов общества, по всем кастам. Только немногие аскеты могут позволить себе выйти на другой уровень, перестать интересоваться иллюзорным миром и вести индивидуальный поиск спасения. Они пользуются всеобщим почитанием, но они не образец для тех, кто должен выполнять свою дхарму, и просто для реально мыслящих людей, пользующихся предписаниями *артхи* для осуществления своей политической, торговой, ремесленной деятельности.

Условными, а подчас и некорректными оказываются попытки сопоставления отдельных религиозных компонентов цивилизационных систем — христианства и конфуцианства, буддизма или ислама. Даже если брать христианство как целостную и однозначную, хотя бы и на абстрактном уровне, систему, конфуцианство никак не может претендовать на такую же степень полновластия в своем регионе, так как оно постоянно находилось в неслиянном единстве с другими духовными компонентами — даосизмом и буддизмом. То, что рекомендуется конфуцианством, жестко осуждается даосизмом и не принимается в буддизме. Вся этика конфуцианства — чувство долга, социальная активность, любовь к знаниям, стремление через управление наладить социальную гармонию, строгость церемониального ритуала, соблюдение порядка и т.д. — все это не принималось, а подчас подвергалось прямому перевертыванию в даосизме. И не только в теории, но и на практике. Тщательно разработанные принципы и правила поведения и государственной политики, столь изощренно насаждавшиеся официальной пропагандой, системой экзаменов и институтом цензоров, оставались для самой власти той сферой должного, которая в реальности часто уступала практическим соображениям.

Сложившийся буддизм подвергся глубокой теизации и еще большей дифференциации, чем ответвления христианства. Ислам, проявлявший энергично свой общий облик в отношениях с тем же христианством или с «постхристианской» культурой, на протяжении почти всей истории существовал в значительно отличающихся друг от друга вариантах.

И здесь каждая религия выработала определенный набор различных ориентаций, складывающихся в некую систему, имею-

355

щую свою специфику, и тем не менее во многом инвариантных и сходных по содержанию.

Сталкиваясь с разнообразием духовных ориентаций, присущих каждой религии, многие исследователи приходили к выводу о *полиморфизме мировых религий*, означая, что в, казалось бы, едином духовном комплексе присутствуют весьма несходные варианты. Сам М. Вебер, с именем которого прочно соединяют положение об «устойчивых типах» ценностных ориентаций в каждой из религий, писал: «Лишь в немногих религиях спасения разработан в чистом виде какой-либо из обрисованных нами типов решения проблем отношения Бога к миру и людям, но даже если он появлялся, то существовал недолго. В большинстве случаев взаимопроникновение идей, а главным образом необходимость удовлетворить разнообразные этические и интеллектуальные требования приверженцев той или иной религии вели к комбинированию различных форм мышления, отличающихся друг от друга по степени приближения к тому или иному чистому типу»*.

Целостное содержание каждой религии может быть раскрыто лишь при ее рассмотрении как сложной системы, имеющей свою структуру, допускающую различные варианты и уровни. Эта система функционирует большей частью не порознь, отдельными своими компонентами, а своей целостностью, из которой в зависимости от социальных и исторических обстоятельств выделяются те или иные компоненты и характеристики. Существует структурное разнообразие религии, но в ходе эволюции проявляются ее генетические, классические и застойные варианты, которые могут вновь оживать и переходить в наследие в зависимости от той динамики, которой подвержена цивилизация в целом и которая отражается в состоянии ее духовного начала.

ДУХОВНЫЙ МЕХАНИЗМ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Еще в I тыс. до н. э. в ряде ведущих цивилизаций тогдашнего мира произошла духовная революция, в результате которой возник новый отсчет истории, названный немецким философом К. Ясперсом «осевым временем». Этот термин утвердился в философии истории, так как он удачно обозначил начало формирования новых принципов духовной организации ведущих цивилиза-

* Вебер М. Работы по социологии религии и идеологии. — М., 1985. — С. 217.

356

ций тогдашнего мира. Само по себе это явление относится к истории культуры, религии или философии. Но как показал, например, видный израильский ученый Ш. Эйзенштадт, и культурология

в своих макротеоретических построениях должна учитывать значение той тенденции, которая возникает в «осевое время» и приводит к формированию зрелых мировых религий, ставших ядром региональных цивилизаций. «Осевое время» — время пророков и тех духовных озарений, в результате которых в обществе, казалось бы, запутавшемся в неразрешимых противоречиях, возникли представления об иных формах духовности и организации общественной жизни. В Индии это время уходит в глубь веков, когда анонимными мудрецами были созданы священные тексты Веды, а затем к ним были добавлены многочисленные религиозно-философские произведения Упанишад, давшие объяснения мироздания, места в нем человека и его пути к спасению. Позднее в той же Индии провозгласил свое учение о нравственном спасении Будда, хотя опять-таки несколько веков ушло на формирование буддизма с его различными направлениями. В Древнем Китае в последние века до н.э. происходит созревание учения легендарного Лао-цзы и распространяется учение Конфуция. На Ближнем Востоке в тот же период происходит формирование Ветхого Завета, а с начала н. э. распространяется христианское учение.

В истории религии можно найти детальное изложение содержания, смысла и исторических обстоятельств распространения каждой религии. В рамках социологического подхода нас интересуют прежде всего те изменения, которые вносятся в культуру с возникновением новых духовных принципов. В божественных откровениях, духовных озарениях и священных текстах было сформулировано положение о наличии более высокого начала и порядка, отличающегося от мирского порядка, даже самого возвышенного. Последнее связывалось с государством как могучим началом, способным превзойти обычные потенции и добиться славы и величия, чтобы тем самым благодетельствовать своих подданных. Но надмирный, божественный сверхпорядок находился за гранью всех посясторонних стремлений, он опирался на высшие, конечные ценности, санкционированные божественной волей или космическим сверхзаконом. Тем самым возникала иная опора для человеческих стремлений. Между мирскими принципами жизнеустройства, которые оказались не в состоянии разрешить острые противоречия, и высшими принципами сакрального Сверхзакона возникло поле напряженности и соперничества. Как известно, и государство, и «общественные силы» зачастую вели борьбу против нового соперника. Служители пре-

357

жнего культа в Древней Иудее потребовали распять Иисуса Христа, а римское государство еще несколько веков сопротивлялось новому культу, но потом вынуждено было уступить.

В этом поле напряженности наличный, земной уровень бытия воспринимался как неполноценный, во многом неправильный, подлежащий по крайней мере частичной перестройке или полной замене в соответствии с новыми принципами. Земные порядки, столь неудовлетворительные для человеческого существования, подлежали не только осуждению и проклятию, но и перестройке, замене новыми, отвечающими иным принципам, неподвластным произволу мирских правителей. В этих новых принципах личность могла обрести для себя устойчивый стержень и программу жизненной реализации с тем, чтобы преодолеть все невзгоды и препятствия и добиться спасения.

Религиозный принцип социальной организации связан с обращением к межличностным отношениям, которые в докапиталистических обществах служат основой социальной регуляции. В отличие от государственных культов в мировых религиях эти отношения связываются не с земным объектом — властью, подверженной мирским влияниям и оказывающейся не в состоянии преодолеть свою брэнность, а со сверхобъектом, вынесенным за рамки общества, человечества, пространства и времени. Верующих связывает друг с другом устремленность на нечто всеобщее, не принадлежащее никому в отдельности, вознесенное над всеми и связанное с ними лишь духовными нитями.

Мировая религия предполагает наличие обширной идеологической системы, соединенной с этикой, правом и эстетикой, которая расширяет возможности выбора форм поведения верующего по сравнению с обыденным уровнем, но строго канализирует его поведение. Моральные заповеди мировой религии дают общую, идеализированную формулировку принципов поведения, расширяющую, переосмысляющую, а подчас и отменяющую в каком-то отношении те нормы, которые были приняты на предыдущем уровне социальной организации. Религия в ее разных вариантах способствует внедрению общих этических норм, подчинению единым образцам поведения верующих, принадлежащих к разным первичным группам. Универсальные этические предписания получают высшую духовную санкцию, а для придания ей непререкаемой силы создается «видимое тело» религии: догма, культ, социальный институт.

Установление универсальных критериев превращает всю духовную жизнь общества в динамическое поле, заключенное между двумя полюсами: обыденное и трансцендентное, частичное и

358

всеобщее, эмпирическое и онтологическое, конечное и вечное. Для всех религиозных идеологов абсолютным аргументом в пользу религии и Бога является утверждение слабости, эфемерности индивида и индивидуального сознания, признания необходимости в возвышенном, всезнающем,

всесильном начале, законы которого человеческий разум не в силах понять до конца.

При изучении сложившейся духовной жизни культурологи выделяют ее самые важные, с их точки зрения определяющие, типы ценностей, которые влияют на социальные отношения, хозяйственную деятельность и государственную организацию. М.Вебер определял такие формы как идеальные типы. Однако эти попытки были подвергнуты критике как предвзятая схематизация реально существующего в рамках каждого общества многообразия духовных факторов, сведения противоречивой и подвижной структуры к преобладающему варианту. К тому же это преобладание оказывалось в основном лишь построением религиозной идеологии и далеко не отвечало реальному положению.

Каждая религия включает в себе несколько вариантов ценностей, ориентаций и устремлений. Эти варианты организованы в некоторую систему, в которой есть более или менее престижные типы отношения к обществу или поведения в нем. Историческое и структурное рассмотрение мировых религий позволяет выделить в них (хотя и с разной степенью характерности) следующие основные типы отношений к обществу.

1. Принятие данного социального строя и социального бытия человека, который должен нести бремя земных забот, находя в этом свое оправдание перед Богом. Это отношение, как правило, было доминирующим, основой формирования религиозной ортодоксии и ортопраксии (т.е. нормативного поведения).

2. Ожидания идеального царства Божия на земле, в котором будут разрешены все социальные конфликты. Такая ориентация питала во многом хилиастические и сектантские движения, отражая утопические и эгалитаристские идеалы народных масс.

3. Утверждение угодной Богу светской деятельности, благодаря которой человек получает более высокий статус в обществе. Такого рода идеи поощряли некоторую предприимчивость имущих или обладающих властью кругов.

4. Утверждение различных форм аскетизма, предлагающих индивиду приближение к Богу (или высшему порядку) и отдаление от обыденной мирской деятельности при сохранении в нем высокого статуса. Такая ориентация выражалась в различных формах монашества или мистической практики.

359

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕЛИГИОЗНОГО СПАСЕНИЯ

Важнейший принцип, который утверждает мировая религия в духовной жизни, — религиозное спасение. Он оказывал воздействие и на всю систему жизненного поведения индивидов. Что же значит спасение в контексте теории культуры? Спасение — это предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла — как морального (порабощенности греху), так и физического (смерти и страдания), полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога*.

В языческих религиях спасение имело конкретно-ситуативный и частный смысл. Оно было ограничено во времени и в своих конечных целях. Это было либо продолжение бытия умершего среди своего рода в качестве предка, либо его возвращение к жизни в теле новорожденного из того же рода. Оно могло приобретать и высокий нравственный смысл, распространяясь за рамки племени, нации, отождествляться со спасением народа и отечества.

Как в средние века, так и в новейшее время постоянно возрождается механизм конкретно-ситуационного избавления от какой-либо напасти — стихийного бедствия, нашествия, войны. И носителями такого спасения выступают зачастую вожди наций и лидеры движений. В мифологии такие тенденции отражаются в виде культа вождей.

В религиях спасения конечной целью жизни и деятельности человека выступает особое, предельно полное и всеобъемлющее состояние, достигаемое им либо индивидуально, либо в составе своей религиозной группы, либо всей общностью.

К религиозным вариантам спасения примыкают и различные типы мирской деятельности, лишь условно и в ограниченной мере согласуемые с религиозным спасением. Богатство, власть, любовь, долголетие, многодетность, укрепление родственных или социальных связей — вот обычные цели реальной жизни, в той или иной степени допускаемые и признаваемые в каждой религии (хотя и отводимые на более низкий уровень). С выработкой ценностных, смысловых и познавательных характеристик этой деятельности и связана светская культура.

Большое значение сохраняет методика культурологического и социологического анализа принципов религиозного спасения,

* См.: Аверинцев С. Спасение // Философская энциклопедия. - М., 1970. - Т. 5. - С. 107.

360

которая была разработана М. Вебером на материале христианства (его протестантской ветви) и восточных религий — индуизма, буддизма, конфуцианства. Эта методика оказала огромное воздействие на исследование проблем связи экономических и духовных факторов в процессах

модернизации освободившихся стран.

Спасение раскрывается М. Вебером как систематизированное практическое поведение верующего, направленное на достижение конечной цели, определяемой через его отношение к Богу или же трансцендентному закону. В этом поведении верующий черпает конечное оправдание и смысл своего бытия.

Для всякого типа спасения нужна была как критическая, мироотвергающая сторона, так и позитивная ориентация. Спасение достигается лишь при постоянном сосредоточении человеческих сил и помыслов на избавлении от негативных элементов бытия и достижении поставленной цели, естественно существенной в религиозном отношении. Преодолевать приходится не только интерес к реальным, преходящим жизненным благам, но и сами естественные физические и психические функции — через пищевые ограничения, очищение, сексуальное воздержание, подавление негативных социальных чувств (свокорыстия, злобы, ненависти, зависти и т.д.). Физико-психическая тренировка сочетается с методическим регулированием мышления и поведения с целью внутреннего самосовершенствования, с внедрением запретов и предписаний как предпосылки спасения. Так, буддизм накладывает следующие запреты — физические (убийство, кража, плотские наслаждения), словесные (ложь, грубость, болтовня), психические (жадность, злоба, ненависть). Предписания включают праведные усилия, мысли и намерения, щедрость и жертвенность, чувство долга, нравственную стойкость, терпеливость и т.д.

В идеале перестройке должна подвергнуться вся жизнь верующего, хотя на деле это достигалось в той или иной степени лишь в рамках монашеских организаций и орденов, в то время как остальное население лишь спорадически включалось в собственно религиозные формы деятельности, прежде всего при выполнении ритуалов. Тем не менее широкое и массированное внедрение различных форм религиозной регуляции в обществе оказывало воздействие на всю систему его духовной жизни.

Моральное совершенствование представало не только как предпосылка, но и как важный тип продвижения по пути к спасению, следуя которым человек может как внутренне испытать все большее приближение к требуемому образцу, так и приобретать все больший социальный престиж, превращаясь в пример для подражания, объект поклонения и почитания. Каждая религия

361

вырабатывала обширные градации святости, отвечающей ее конечным ценностям. Существуют многочисленные описания моральных достоинств человека, не только вызывающие почитание окружающих, но и диктуемые ему высшей необходимостью.

Ритуализм занимал важное место среди средств спасения уже благодаря тому, что в нем воздвигается детально разработанная и устойчиво передаваемая система действий, противопоставленная миру обыденности. В совершенном порядке ритуала преодолевается хаотичность мира, отстраняются, лишаются смысла, предстают преходящими обыденные события. Через ритуал человек приобретает чувство связи с сакральными смыслами и отношениями, лишенными прямого утилитарного значения. Хотя и непоследовательно, в ритуале устраняются мотивы магического воздействия на мир с целью улучшения земного благосостояния человека. Косвенным образом они должны принести индивиду конечное благо, в том числе и благоденствие в этом мире, через включение в безличный трансцендентный механизм. Хорошо известным социальным последствием такой формы спасения являются отрыв сакральной сферы от социальной и обременительная формализация духовной деятельности.

Вера обычно определяется как мировоззренческое и психологическое принятие основных положений данной религиозной системы, в той или иной степени противопоставленное неверию. Вопреки встречающимся суждениям она отнюдь не предстает как слепая убежденность, а соединена с теми или иными знаниями. Обычно это знания о тех умозрительных сущностях и принципах, которые сформированы в лоне данной религии и которые внедряются высшей системой религиозного образования и пропаганды в качестве истины. Вера предполагает не только убеждение в истинности предписанных религией принципов и сверхсущностных закономерностей, но и решимость придерживаться этих предписаний как гарантии спасения — вопреки всем сомнениям и искушениям. Слова «вера» и «верность», а также «верующий» и «верный», как правило, совпадают в языках теистических религий.

В каждой религии возникали и эмоционально насыщенные варианты веры и служения Богу. В противовес рассудочным крайностям ведантизма — древнеиндийского философско-религиозного учения — в индуизме получило сильное развитие любовное благочестие бхакти, связанное с поклонением богу Кришне и получившее широкое распространение в средние века и новейшее время.

Выполнение долга. На высоком уровне морального совершенствования человек руководствуется в своей деятельности прин-

362

ципом долга, понимая его как выполнение находящейся вонне необходимости, сформированной

общественными устремлениями, сверхзаконом, имеющим надсоциальное происхождение.

Среди тех различных смыслов, которые имеет индуистская дхарма — закон, моральный правопорядок, добродетель, — отчетливо звучит признание долга как важнейшего предписания всем кастам (*джати-дхарма*) и каждому индивиду (*свадхарма*). В «Бхагавадгите» основательно развито положение о выполнении долга через действие, лишенное практического интереса и даже без надежды на успех, которое направлено на достижение стоящих вне человека целей, т.е. служение Богу. Бог здесь выступает как персонификация того высшего закона, на котором зиждется мироздание. Индуистское толкование дхармы допускало большое разнообразие — в соответствии с кастовой этикой. Последовательно разработанные в «Дхармаштрах», эти предписания создавали сложную систему социальных ролей.

Речь идет прежде всего о духовном оправдании с социальной точки зрения значимых поступков, через которые человек приобретает уверенность в соответствии своей деятельности божественным предписаниям или высшему закону. Долг предполагает большую степень интериоризации смысла деятельности и принятие на себя ответственности личностью, независимо от расположения окружающих или уважения своей общины, от законов, установленных обществом, и от велений власти — политической или духовной. Поэтому выполнение долга связано с опасностью расхождения в поступках или мнениях с установленными земными силами порядками.

Как в исламе, так и в конфуцианстве существовало развитое учение о долге в сфере управления. Непременностью долга даже допускалась возможность услужения «грязным людям» — узурпаторам и мятежникам, так как и при этом можно сохранять верность основным принципам. Вместе с тем высокое понимание своей личной миссии помогало праведным конфуцианцам выступать против злоупотреблений властей и выступать против гонений. Как во всяком религиозном культе, тот, кто стойко придерживался принципов священного долга вопреки всем превратностям судьбы, получал длительное почитание в последующей истории.

Институциональное спасение. Не индивидуальные усилия и не сектантские учения получали в конечном счете преимущественное признание в сложившихся религиях как средство спасения. Таким средством, обеспечивающим массовое спасение, была цер-

363

ковь как учреждение, основанное Богом или пророком и обладающее институциональной благодатью. При всех различиях между церковными институтами разных религий им присуща установка на общее спасение всех верующих, что и выражается в следующих принципах:

1. Спасение дает сама принадлежность к учреждению, обладающему правом давать благодать.
2. Действенность дарования благодати — следствие не харизматических качеств священнослужителя, а возложенного на него сана.
3. Личные религиозные качества нуждающегося в спасении за религиозными рамками безразличны для священнослужителя (покающийся разбойник спасен), но религиозные заслуги выстраиваются в иерархию степеней достоинства («изыдите, оглашенные!»).

Омассовление принципов спасения способствовало подключению к религии широких масс, утверждению усредненных массовых образцов. Религиозная организация делает спасение доступным в той или иной степени всем верующим, хотя и в отдаленной перспективе. Она, с одной стороны, поднимает массовый уровень приобщения к благодати, с другой — перераспределяет заслуги более продвинутых, использует их вклад в общую духовную сокровищницу и материальный фонд для содействия остальным. Возникают обоюдные отношения: религиозный институт содействует продвижению к конечным целям верующих, не способных собственными силами достичь спасения, в ответ на что миряне оказывали всевозможную поддержку церкви.

В буддизме тхеравады, распространенном в Юго-Восточной Азии, сформирована двойная система институционального спасения: одна для монастырского населения (сангхи), другая — для светского. Члены сангхи, составляющие около 10% активной части мужского населения, достигают спасения через отрешение от мира, от собственных социальных связей, от имущественных интересов и семейных привязанностей во имя индивидуального совершенствования и накопления благодати, которая затем распространяется на мирян. Миряне, со своей стороны, способствуют улучшению своей кармы через систему больших и малых заслуг, оцениваемых прежде всего в зависимости от вклада в содержание сангхи: постройку культовых сооружений, организацию праздников, дарение недвижимого и движимого имущества на религиозные цели и т.д.

Секта как сепаратный путь спасения. Различного рода течения, возникающие на протяжении веков в рамках каждой из ре-

364

лигий, имели разное содержание и цели. Хорошо исследована проблематика социального и политического протеста, вылившегося в религиозные и политические течения и сектантскую деятельность. С политической точки зрения большинство таких движений оказались преходящими. Они

подвергались разгрому или же «выдыхались» при столкновении с реальными порядками. Структура мировых религий в их сложившемся виде была сложной, вмещающая в себя на правах малой традиции и некоторые гетерогенные варианты. Но в целом выживали все же те течения, которые утверждали особый тип религиозного спасения, предназначенный не всем последователям данной религии, а ее ограниченной части.

Духовную роль сект можно определить как прокладывание сепаратных путей к реализации «нормативных» религиозных задач или же создание особых задач, не разделяемых основной массой верующих. В социологическом плане секта обычно определяется по отношению к церкви и, соответственно, охватывает ограниченный контингент верующих, связанный совместной деятельностью по достижению особого вида спасения. Этим они отличаются от церкви как всеобщей организации, критерии доступа в которую наименьшие. К церкви причисляются все, кто выполняет ритуалы, следует предписанным нормам или же просто считает себя верующим. Секта неизменно предъявляет к своим членам больше требований, чем ортодоксальная религия — хотя бы уже в силу того обстоятельства, что сепаратное существование требует дополнительной активности. Но сущность секты состояла прежде всего в обеспечении особого варианта спасения, представлявшегося ее членам более эффективным, чем общепринятые. Религии отличаются друг от друга как по духовной, так и по организационной структуре. Поэтому приходится отказываться от использования самих терминов «ереси» и «секты», имеющих негативное значение, или же особо подчеркнуть их методологическую нейтральность. Более приемлемыми при рассмотрении таких явлений оказались понятия «гетеродоксия» и «диссидентство».

Различия в социальных, политических и культурных факторах находили выражение в плюрализме духовных целей, перемещаясь из собственно религиозной в секулярную сферу. Степень этих различий и отношение к ним зависели прежде всего от двух факторов: структурных особенностей религии и ее состояния в общей динамике.

Принято выделять следующие типы конфессиональных течений, которые могут находиться в активном несогласии между собой:

365

1. Внутреннее преобразование человека при помощи системы психофизической тренировки, дополняемой социальной деятельностью. Мир — пагубная среда, и человек обычно подвержен этой пагубе. Но после психологической перестройки он может противостоять внешнему злу и найти новые формы общения с окружающими.

2. Уничтожение существующих социальных порядков во имя спасения человека, чтобы вместо них утвердить новое справедливое общество. Осуществление высшего замысла обычно ожидается от его сверхъестественных носителей — спасителей страдающего человечества (Будда Майтрейя, скрытый имам). В активных течениях требовалось участие его членов в утверждении новых порядков, которые, как предполагалось, наступят после такого переворота очень скоро (крайние шииты).

3. Течения, отвергающие мир и вместе с тем отрекающиеся от его изменения. Спасение возможно лишь через максимальное поддержание святости в ограниченных группах, изолирующих себя от общества.

4. Течения, ориентированные на приспособление к этому миру через улучшение отношений между людьми, на целесообразную деятельность в миру с целью достижения мирских целей — богатства, здоровья, успеха, счастья, многодетности и престижа. В ряде отношений эти течения сохраняли родство с теми ориентациями, которые вырабатывались на доцивилизованных уровнях духовного производства. В новой среде эти течения обретали возможности использования достижений развитого и дифференцированного общества.

5. Реформистские течения, направленные на изменения принятых форм ритуальной практики и церковных предписаний с целью постепенного улучшения положения последователей данного течения, а затем, может быть, и более широкого круга верующих.

6. Течения, нацеленные на радикальную перестройку социальных отношений в ограниченных пределах локальной общины, построенной на принципах солидарности, при активном участии верующих в создании таких отношений. Реальное достижение нередко выражалось в миграции «избранной» группы на другие территории для построения там иного общества, что требовало выработки особых средств регуляции сектой.

Нужно проводить различия между течениями, в которых выражались тенденции к большей дифференциации духовной и социальной жизни, и теми эгалитаристскими и утопическими движениями, в которых сказывалось состояние крестьянских масс,

366

подвергавшихся дестабилизации в результате появления новых укладов жизни и выступавших с требованиями возвращения к «естественной» простоте и справедливости.

Ограничение и устранение разнородных сектантских течений проводилось обычно соединенными

усилиями государства и духовного института. Если первое брало на себя прежде всего командные и насильственные методы, то второй предварял — или же завершал — эту работу идейным разгромом диссидентов.

РЕЛИГИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Религиозная организация общества никоим образом не подрывает действия других факторов, как хозяйственных, так и социально-политических. Но она ставит их в определенные рамки, сглаживая до известной степени порождаемые ими противоречия, хотя и ценой перестройки общественных ориентаций на достижение взвешанных целей. Признавая необходимость материального производства, ортодоксальная религия тем не менее отводит ему низкий статус. Указывая на неустойчивый характер этого производства, подверженного превратностям природы и политических судеб, на периоды упадка и разорения, религия настаивает на поддержании моральных норм и духовных ценностей (правды, добра, справедливости), переживающих все эти смутные эпохи.

Заботы о материальном благосостоянии общества оказывались мало подвластными религиозной общине. Эти заботы предоставлялись христианскому кесарю, царю буддийского царства, исламскому халифу или эмиру, которые должны были обеспечить верующим благосостояние и досуг для накопления духовной энергии и самосовершенствования. В исламе было время правления первых четырех «праведных» халифов, когда не было нуждающихся и голодных и каждый мог получить свою долю из общественных фондов (содержавшихся за счет населения покоренных территорий). Буддийские монахи имели титул «чакравартина» («колесо вращающий»), признавались «дхармоносителями» («судьбоносными») и т.п. В Индии одним из самых популярных образов литературы и фольклора был идеальный царь Викрама, отличавшийся необыкновенной щедростью, защитник угнетенных и обиженных, благодетель всех людей. Влияние этого идеала было настолько велико, что многие цари Индии принимали титул Викрамадитья, подобно тому как римские императоры — титул Цезаря.

367

Как религия, так и светское сознание были единодушны в главном пункте отношения к богатству: оно не должно быть объектом накопления. В средневековом сборнике новелл «Жизнь Викрамы» есть характерная формулировка: «Если есть деньги, дари их или трать на наслаждения, но не нужно их копить». Этот совет дан в светском духе, подобно тому, которому привержены многочисленные персонажи сказок «Тысячи и одной ночи» и других литературных памятников средневековья. Уводя сознание в сферу духовности, очищенной от светских страстей, мировые религии осуждают чрезмерную погоню за богатством и вытекающую отсюда привязанность к наслаждениям, что приводит к моральному разладу, разочарованию, порождает обман, аморальность, воровство, жестокость, убийства и т.д.

Древняя китайская или индийская традиция приписывает начало разлада человеческого общества стремлению накопить больше продуктов (риса, скота, денег), чем нужно для непосредственных нужд. Для обеспечения накопления утверждается частная собственность, а с ней приходят ложь, насилие и все пороки. При этом истощается сама природа, дававшая первоначально человеку все необходимое. Ислам более снисходителен в этом отношении и прямо поощряет коммерческую деятельность, осуждая, однако, чрезмерное накопление богатства не ради возвышения религии, а как самоцель.

Не настаивая на прямом перераспределении богатства, мировая религия всячески приветствует «справедливый дележ» путем выделения установленной доли в религиозно-общинный фонд (закят в исламе, подношение монахам в буддизме). Частное накопление богатства с целью нового вложения или чрезмерного потребления греховно или неразумно, оно подлежит принципу дележа с другими через дарение, раздачу, престижные траты, богоугодные дела, что увеличивает авторитет владельца и его шансы на спасение, одновременно облегчая положение и других верующих. Заодно религия обеспечивает более долговечный вклад богатства, если он способствует материальному воплощению культа. Но, даже сглаживая последствия социального разделения, религия была не в состоянии устранить его причины.

РЕЛИГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Наряду с дифференциацией духовной деятельности и поведения людей в обществе цивилизация создает также основу для утверждения единства в обществе, преодолевая ограниченность

368

классовых, элитных, локальных, этнических интересов, цивилизация создает и всеобщие формы культуры. Социальная дифференциация духовного производства по классовым и иным социальным признакам (город — деревня, центр — периферия и т.д.), выявляемая в социологии культуры, не устраняет единства цивилизации, обладающей своими средствами утверждения всеобщности. Одним

из важнейших и наиболее массовых средств интеграции является религия.

В ходе исторического развития каждая религия обеспечивала неизменную стабильность общества по отношению к двум факторам неустойчивости: внутренним конфликтам и внешним завоеваниям. Каковы бы ни были политические судьбы обществ, принявших мировую религию, каким бы жестоким внутренним потрясениям и разгромам со стороны внешних противников они ни подвергались, конечное преимущество оказывалось на стороне общества, обладающего способностью к поддержанию единства и преемственности вопреки гибели династий и связанных с ними политических структур.

Не избавляя в принципе общество от потрясений или сокрушительных набегов, религии не раз в ходе истории способствовали регенерации общества — восстановлению его прежней структуры и продлению культурной традиции. Даже тогда, когда государство оказывалось ослабленным, парализованным или разрушенным в периоды политического упадка, завоеваний или раздробленности, религия обнаруживает высокую способность к выживанию, беря на себя в немалой степени функции социальной интеграции и правопорядка, как это делал, например, ислам в период крушения халифата под натиском тюркских кочевников. Большое значение приобретала эта функция в период борьбы против колониального подчинения.

Важнейшим социальным средством интеграции верующих является сам религиозный институт. Если для священников и монахов этот институт был прежде всего средством спасения, то для мирян он выполнял двойную функцию: содействовал спасению и способствовал созданию единства. Переплетение этих функций в общем плане находило выражение в том, что религиозный институт накапливал духовные заслуги и перераспределял их среди верующих. В духовном плане это находило выражение в почитании святых и различного рода учителей, содействовавших продвижению верующих к спасению. В материальном плане большое значение приобретал сбор религиозных налогов и подношений — как для содержания самого религиозного института, так и для частичного перераспределения среди менее обеспеченных слоев.

369

Требования к личным духовным качествам верующих со стороны церкви не слишком велики. Как говорит один из героев русского писателя Ф.М. Достоевского, ей «дороги и слабые», ибо церковь отвечает их «потребности общности преклонения». Ей достаточно, чтобы верующие доверились и не надеялись спастись собственными усилиями и особыми путями. Уровень требований снижается и принимаются все. Хотя и устанавливается обширная градация заслуг и почета в общине, она зависит от степени благочестия, а еще более — от размера пожертвований в пользу церкви.

Мировая религия выполняет и определенную цивилизаторскую миссию. Она создает у различных социальных категорий понятие о «высших» нормах культуры, морали и поведения, вовлекая в эту культуру население окраин и смежных стран, снимая в рамках своего региона дихотомию «цивилизация — варвар», хотя и ценой установления новых принципов иерархии. Несмотря на периодическое возникновение во всех регионах сильных государственных образований, носивших большей частью ощутимый межцивилизационный характер (империя Чингисхана, Тамерлана, Акбара, Османская, Могольская и т.д.), сокрушительные нашествия на Китай монголов и маньчжуров, постоянные войны между различными царствами в Юго-Восточной Азии, каждая цивилизация сохраняла и усиливала свое социокультурное единство, изгоняя или же поглощая кочевнические элементы. Откачиваясь в свои степи и плоскогорья, эти завоеватели соглашались на посылку им миссионеров и грамотеев, чтобы через отречение от собственных насильственных деяний стяжать себе духовное спасение. И хотя в хозяйственно-политическом отношении последующие отношения центра и периферии во многом представляли как колонизация и подчинение, то в культурном плане все же происходило приобщение к более развитым центрам. Устанавливаемые религией универсалистские связи способствовали выходу общества за рамки локального бытия, развитию культурных контактов, более широким объединениям стран, входящих в сферу влияния данной религии.

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВО

Государство, с одной стороны, так или иначе должно поддерживать общие функции, обеспечивающие регуляцию общих отношений, но с другой — оно так или иначе выступает как орудие особых интересов господствующих слоев или этнических групп. Именно поэтому между государством и религией, претен-

370

дующей на выражение высших интересов общества и его конечных целей, возникают противоречия, подлежащие выяснению на протяжении их долгой совместной истории.

Принятые формулы соотношения религии и государства отличались в каждом религиозном регионе. В христианстве обычной формулой считалось разделение духовной и светской власти: «Богу богово, а кесарю кесарево». В индуизме светской властью распоряжалась каста кшатриев, а духовная

власть была монополией брахманов. В исламе постоянно поддерживался принцип единства той и другой власти, воплощенный как в идее халифа, так и в сакральном законе — шариате. В Китае верховная власть императора подлежала контролю со стороны конфуцианского сословия как хранителя сакрализованных заветов Конфуция. Однако историческое развитие этих столь различных регионов приводило к уподоблению отношения религии и власти, между которыми устанавливалось определенное взаимодействие и разграничение функций. Государство забирало в свои руки верховную административную, военную власть, осуществляло определенные хозяйственные функции, а религия утверждала механизм нравственной и ритуальной регуляции обществ.

Однако даже если государственная власть не имела реального противовеса и оппозиции, сам политический институт неизбежно оказывался более эфемерным началом, чем религия, обращенная к «вечным истинам» и «незыблемым законам». Сознвая неустойчивость власти, опирающейся лишь на насилие, многие правители стремились подкрепить ее официальным культом, призванным воздействовать и на умы подданных. Однако существовало принципиальное различие между типами политических культур и идеологии, принятых в первичных государственных образованиях, и теми, которые формировались в рамках религиозного устройства общества.

СВЕТСКАЯ ДУХОВНОСТЬ В КЛАССИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

Насколько бы широки ни были рамки мировых религий, они не охватывают всей сферы культуры. В каждой цивилизации возникали обособленные формы интеллектуальной и художественной деятельности, порождающие развитую мораль и право, богатую литературу, искусство, науки и философию.

Развитие светской культуры было обусловлено необходимостью обеспечения разнообразия духовной жизни, ее различных

371

уровней (элитарного и массового) и социальных вариантов (культуры привилегированных и культуры подчиненных классов, центра и провинции, города и села). Светские компоненты культуры были так или иначе связаны со стержневыми принципами духовной организации, воплощенными в религии, но во многом через эти компоненты достигалось богатство и разнообразие духовной жизни, что отличает полноценную цивилизацию. Цивилизация создает основу для значительного роста и возвышения духовного производства и воплощает в себе его богатство, материальные и социальные условия для созревания и утверждения. В недрах цивилизации происходит обособление светской культуры в самостоятельную сферу.

В условиях усиления дифференциации, которая происходила в период формирования цивилизации, светская культура получила простор для своего развития. На этапе становления цивилизации, когда вновь найденная форма организации общественных отношений способствовала подъему производительных сил, происходит обогащение духовной жизни, накопление знаний о природе, обществе и человеке. Именно к этим периодам относятся те значительные достижения Востока в различных науках, технике, литературе, искусстве и философии, которые и сегодня составляют предмет гордости освободившихся стран. Изучение истории, литературы, философской мысли и науки стран Востока раскрыло богатство, разнообразие и оригинальность культуры восточных цивилизаций в период их расцвета. Кроме того, в каждой цивилизации складывались свои научные дисциплины: филология, история, география, астрономия (астрология), математика, философия, медицина и другие науки, поддерживавшие потребности высокоразвитых обществ.

Конечно, высшие принципы религии, ее идейная доктрина и изначальный образный строй были важным источником формирования остальных форм общественного сознания: морали, права, эстетики, философии. Так, Священное Писание как выражение высшей истины включает в себе описание подлинно нравственной жизни, устанавливает общие принципы художественного восприятия мира и интеллектуального рассуждения о его природе. Таким образом оформляется тесная связь принципов, общих для религии и культуры. Религия во многом формирует облик искусства и литературы как в содержательном, так и в стилевом отношении. При всем разнообразии художественной культуры каждой цивилизации ее основные виды и произведения отличаются несомненной стилевой самобытностью, отличающей, например, чувственную экспрессивность индийской ар-

372

хитектуры и скульптуры от чувственной нерепрезентативности мусульманского зодчества.

Важным средством поддержания многообразия в единстве стало разграничение сфер и каналов распространения специальных знаний и тех ценностей и норм, которые предназначались для всеобщего пользования. Это в еще большей степени относится к светской культуре, которая на всем протяжении существования тех обществ, где отсутствовало всеобщее образование, неизбежно была ограничена в своем распространении. Литература, научное и философское знание в значительной мере функционировали в среде «посвященных» и пользовались специальным языком.

Как светская культура, так и религиозная гетеродоксия, обеспечивавшая варианты спасения, не предназначенные для всех, создавали специальные способы отбора последователей и передачи им особых знаний и традиций творчества. Требовались многие годы обучения и посвящения для того, чтобы ученик в полной мере мог приобщиться к мудрости своего наставника. Такая система оказывалась достаточно эффективной, чтобы обеспечить функционирование как общенормативных, так и специальных знаний и ориентаций. Знание публичное и тайное, явное и скрытое, навязываемое и упрятанное распределялось по соответствующим сферам. Публичное знание избавлялось от необходимости давать ответы на вопросы, порождавшиеся критическим мышлением, и могло поддерживать свой синтез с верой. Но одновременно это давало возможность выжить инакомыслию, развиваться различным видам литературы и искусства, наукам, философии.

Как мы видели в главе IX, потребность в поддержании стабильности и единства огромных социокультурных конгломератов через механизм религиозной консолидации приводила к усилению консервативных принципов в восточных обществах. В XVI—XVII вв. все больше проявляется различие между западным и незападным типами цивилизационной динамики. В то время как восточные общества входят в длительную полосу застоя, на Западе происходят существенные социокультурные изменения, приведшие к формированию нового типа цивилизации.

ДУХОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

В XVI-XVII вв. христианство прошло через последовательную и радикальную Реформацию, в результате которой от католицизма отделился протестантизм. Впоследствии и католицизм подвер-

373
гся значительным изменениям, адаптировавшим его к потребностям современного буржуазного общества.

Важнейшая идея Реформации — необходимость личной ответственности человека перед Богом без посредства церковной иерархии. Спасение достигается не только через соблюдение церковных ритуалов и предписаний. Оно прежде всего во внутренней вере человека и совершаемых им делах. Важнейшее структурное изменение духовной жизни состояло в том, что, отвергнув принципы церковного централизма, Реформация подчинила церковь общине верующих, которая сама призывает пасторов. Каждый верующий, состоящий в такой общине, опираясь на Библию и свою совесть, обязан проводить свое мнение в жизнь, активно участвовать как в церковных, так и в мирских делах, в том числе определять свое отношение к государству.

Реальной формой мирской аскезы является профессиональная и трудовая деятельность. Лютер учил, что любовь к Богу проявляется через труд, причем труд на том месте, в той конкретной профессии, которая дана человеку, — в немецком языке слово *Veruf* означает и *призвание*, и *профессию*. Все профессии, все виды трудовой деятельности в равной степени угодны Богу и поэтому почетны. Лютер отрицал монашество как форму религиозного служения, ибо уход от мира противоречил обязанности каждого верующего проявлять свою любовь к Богу в повседневной мирской профессиональной деятельности. В лютеранстве, как замечает М. Вебер, произошло приравнение труда к молитве.

Реформация оказала глубокое воздействие на общественную, хозяйственную и политическую жизнь*. Именно это многостороннее воздействие способствовало формированию буржуазного общества. В общественном плане Реформация привела к формированию идеи о подчинении народа не авторитету земных институтов, а подлинному Закону, который выше этих институтов. Ни требования церкви, ни действия государства сами по себе не могут считаться бесспорными, так как подлинные законы должны иметь священный источник. Эти принципы дали сторонникам Реформации важное духовное орудие для того, чтобы вступить в решительную борьбу против авторитаризма Римской церкви и государства.

Таким же образом протестантизм способствовал утверждению буржуазного предпринимательства. В нем давалась высокая оценка всякого труда как средства душевного спасения, как призва-

* См.: *Философия эпохи ранних буржуазных революций*. — М., 1983. — Раздел I.

374

ния и служения Богу. Протестантизм осуждает человеческие пороки, в том числе связанные с богатством, если оно превращается в самоцель, предмет поклонения или средство удовлетворения «похоти плоти». Напротив, богатство, доставшееся честным трудом — это испытание, как и бедность. Оно лишь показатель того, что человек «трудился на славу», и не должно проматываться, а лишь использоваться для дальнейшего рачительного наживания денег. Протестантизм разрывает укоренившуюся связь между богатством и удовольствием и делает наживу, достижение богатства — нравственно обязательной целью. В приумножении богатства верующий находит свидетельство своего успеха, подтверждение того, что его благочестивый труд богоугоден. Обогащение становится религиозно-этической миссией, которой все должно быть подчинено. Труд постоянно приумножает достояние верующего, и ему нельзя и некогда наслаждаться жизнью, чтобы не утратить свое

благочестие. Поэтому верующий предприниматель инвестирует свое богатство в расширение производства.

Такая жизненная установка была рассчитана не на тех, кто уже имел значительное богатство, и не на крупных предпринимателей, а на скромных тружеников, часто ремесленников, прошедших суровую жизненную школу, привыкших довольствоваться малым и вкладывать в труд все свое умение, рачительность и изобретательность. Такая религиозная мотивация обеспечивала им самоуважение. Поэтому те из них, кому удалось разбогатеть, не спешили обзаводиться дворянским титулом или пристроить своих сыновей в офицеры, а дочерей отдать замуж за знатного родом. Не склонны они были также завещать свое достояние церкви как искупление за грехи. Поэтому протестантские церкви подчеркнуто сдержаны во внешнем убранстве.

Для такого менталитета время приобретает буквальную ценность как фактор обогащения: «Время — деньги». Праздник же, напротив, — праздное препровождение времени, почему в протестантских странах были отменены многочисленные праздники.

Устранение принципиальной разницы между духовенством и мирянами способствовало освобождению общества от церковной опеки и его демократизации. Это обстоятельство привело к постепенной секуляризации европейской культуры и сокращению сферы влияния религии, превратившейся большей частью в частное дело граждан.

Хорошо известно то, какие распри возникали в прошлые века между различными вероисповеданиями и сектами христианства, с каким ожесточением они осуждали и уничтожали друг друга. Однако общая эволюция западной цивилизации привела к ослаб-

375

лению конфессиональной розни, установлению «мирных» отношений на основе общего светского права. Хотя религия, несомненно, сохраняет свое значение, значительная часть ее функций перешла к светской культуре.

Хотя ценностные ориентации, введенные Реформацией, подверглись значительной трансформации, они сыграли свою роль и сохранились в духовной структуре западного мира. Наиболее очевидна связь протестантизма и буржуазного предпринимательства — это та религиозно-моральная санкция, которую получает предпринимательская деятельность, и внедрение психологических предпосылок для капиталистического способа хозяйствования. Это санкционирование отнюдь не тождественно высокой оценке капитала и его обладателей. Напротив, как и всякая религия, реформированное христианство не поощряет безудержное и беспринципное накопление ради самой наживы. Это означало бы просто отрицать мораль и отчуждать то множество людей, которые не могут быть отнесены к богатым.

Напротив, санкционирование капитала состояло в осуждении богатства ради богатства и того демонстрационного эффекта, который с ним связан. Реформаторы отнюдь не отрицали значения богатства, они представляли задачу его достижения как нравственную обязанность, как свидетельство именно благочестивой и плодотворной деятельности. Но главное в этом процессе — правильная, нравственно оправданная деятельность, вызывающая уважение окружающих. Тем самым достигается и принятие этой деятельности и нажитого капитала другими людьми. «Честный» предприниматель мог с гордостью глядеть на себя, на свою деятельность, на свое богатство. Это удовлетворение весьма сильно отличалось от того тайного довольства созерцанием своих богатств, которые испытывал Скупой рыцарь, или довольства вельможного феодала, предающегося роскошной жизни.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Христианство утверждало не только «на небе», но и в социальных отношениях особый порядок, независимый от каких-либо земных сил, т. е. государства и политики, перекрывавший их действие, но тем не менее не заменяющий их и не подчиняющий себе. Это приводило к значительной степени автономности обоих порядков, а вместе с тем требовало их постоянного взаимодей-

376

ствия. Принцип разделения властей был выражен еще в Новом Завете («Богу богово, кесарю кесарево»), и насколько бы церковь и земные владыки ни действовали рука об руку, когда необходимо было сокрушить активные действия протеста, между ними поддерживалось постоянное соперничество, создававшее возможность новых социокультурных элементов с присущими им собственными ориентациями и нормами деятельности. На определенном этапе такими элементами становилась буржуазия города и деревни. Между различными социальными группами также существовало постоянное соперничество, которое часто нарушалось в пользу одного из сторон (не всегда это было государство), но потом соотношение сил могло измениться в пользу другого соучастника в противоборстве.

Межгосударственное соперничество, которым отмечена вся история Европы, также

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 1994 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

способствовало социокультурному плюрализму. Государственные образования внутри Европы тоже оказывались соперниками и ограничивали друг друга. Хотя это и сопровождалось длительными войнами, наличие единой церковной организации и центра создавало сдерживающий духовный институт. Борьба за самостоятельность, за автономные права государств, территорий, городов, конфессий постоянно снижала уровень централизации и политической или духовной монополии, способствовала усилению плюрализма.

Взаимодействие различных центров влияния, автономных социальных групп создавало плюралистическую систему, в которой регуляция отношений вырабатывалась на основе взаимного соотношения прав и обязанностей. Права имели определенные рамки и дополнялись обязанностями по отношению к другим соучастникам взаимодействия, как к внешним соперникам, так и к подчиненным группам или индивидам. Такая система способствовала изживанию анархии, борьбе всех против всех, а вместе с тем и авторитаризма, подавления всех единым центром. Поэтому европейская политическая культура на протяжении длительного времени вырабатывала механизм правовой регуляции отношений между различными группами и индивидами (как субъектами права), что выразилось в создании нормативного единства при допущении плюрализма.

Принципы демократии прежде всего осуществляются в государственной жизни, в которой формируется основательный, тщательно разработанный механизм учета интересов различных слоев и групп через парламентскую систему, выборы, партии и т.д. Но подобные принципы распространяются и на другие сферы «гражданского общества» — хозяйственную дея-

377

тельность, отношения между общественными организациями, семью и т.д.

Норма демократии выражается в том, что решения принимаются большинством (или его представителями), но уважаются и основные интересы и права меньшинства, которое, уважая, в свою очередь общеобязательные решения и выполняя их, сохраняет свои права на отстаивание своих позиций через установленные механизмы.

Однако такого рода устройство, допускающее сосуществование и взаимодействие различных социальных, политических и культурных компонентов на основе определенного механизма саморегуляции, не исключало глубоких социальных, а также и культурных противоречий внутри общества или между различными обществами европейского региона.

Глава XIII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Основные темы.

Принципы социальности индустриального общества.

Хозяйственная культура буржуазного общества. Ценностные мотивации предпринимательства и трудовой деятельности.

Базовые культурные характеристики буржуазного общества. Секуляризация и рост просвещения и развитие массового образования. Формирование национальной культуры. Образование национального языка и художественной культуры. Утверждение принципа реализма. Гражданское право как компонент социокультурной регуляции.

Социокультурные характеристики зрелого буржуазного общества. Техника и культура. Массовость производства. Деление человеческого бытия на «работу и досуг». Потребление энергии как критерий уровня жизни. Мир как функциональная предметность. Постоянный разрыв с традицией. Новые средства коммуникации (масс-медиа). Модели мышления.

Функциональные ценности буржуазного общества: ориентация на достижение, активность, право, прогресс, индивидуализм, универсализм, потребительство, уважение к науке и специальным знаниям.

Этика предпринимательства.

Социокультурные факторы спроса.

Социокультурные противоречия буржуазного общества. Социальное и духовное отчуждение. Социокультурные истоки социалистической критики капитализма. Колониализм.

378

Фрустрация и anomia как следствие технологической и бюрократической рационализации. Антагонизм человека и техники. Потребительство и гедонизм как корреляты технологизма. Социологический анализ потребительства и рекламы. Альтернативные движения в буржуазном обществе. Место социалистических элементов в социальных отношениях и социалистических ориентациях. Антитехницистские движения. Критика техногенной цивилизации. Экологические границы индустриализма. Проблема «границ роста» техногенной цивилизации. Критика индустриального общества в работах Э. Фромма. Сатирическое изображение техницистской дегуманизации в романах Е. Замятина и О. Хаксли.

Кризис классической культуры.

Культура модерна.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Как мы уже видели в предшествующей главе, капиталистическому обществу, формирующемуся на основе зрелого индустриального производства, присущи рыночные отношения, которые приобретают товарно-денежную форму и требуют для своего утверждения закрепления частной собственности на средства производства. Этот тип отношений охватывает все общество. Остальные же социальные связи — семейные, этнические, половозрастные, общественные и т.д. — не устраняются, но подчиняются базисному типу, хотя и в различной степени, дополняя и корректируя или смягчая его действие.

При капитализме производство основано на преобладании накопленного труда над живым трудом. Накопленный труд принимает форму капитала (орудия, машины, технологии). Труд носит большей частью квалифицированный характер, но четко специализированный, сам же человек функционирует именно как носитель такого труда, как работник (или предприниматель), а остальные компоненты его бытия отделены от процесса производства. Все производственные ячейки, а значит, и люди в качестве носителей труда, связаны между собой через товарно-денежные отношения. Поэтому индивид привязан к процессу производства через деньги как выражение функционирующего капитала. Это неизбежно приводит к разложению прежних социальных связей и оформлению классовых отношений на основе собственности на накопленный капитал.

В социологической литературе основательно раскрыты социальные аспекты разделения труда в капиталистическом обществе. Высокая степень механизации и автоматизации возможна толь-

379

ко на основе достаточной концентрации капитала, воплощенного в действующих средствах производства. А это означает, что значительная часть населения, лишенная такого капитала и располагающая лишь своим «правом на труд», становится наемной рабочей силой. Это и создает основное классовое деление капиталистического общества.

Капитал, воплощенный в технике и организации производства, как подчеркивал еще К. Маркс, сыграл великую преобразующую роль. Вырывая огромные массы людей из прежних социальных структур, разрушая сами эти структуры, капитал становился той движущей силой, которая вводила массы населения в новые отношения и приучала их к новому образу жизни, ритму труда, дисциплине, расширяла грамотность. Конечно, на ранних этапах индустриализации условия труда и быта трудящихся слоев были весьма плохими, граничащими с нищетой и моральной приниженностью. Лишь постепенное развитие производительных сил и широкие движения рабочего класса за свои права, подъем социалистического движения привели к решительному изменению положения.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

Еще в средние века утвердились механизмы поддержания и регуляции хозяйственной этики в различных сферах деятельности. Гильдии купцов, ремесленные цеха следили за соблюдением норм поведения и деятельности в профессиональных сферах, предпринимая те или иные меры статусного поощрения или наказания своих членов и ограничивая деятельность «чужих».

Зрелое рациональное ведение хозяйства несовместимо с погоней за чистой выгодой, учет «человеческого фактора» всегда оказывается рациональным как в рамках отдельно взятого предприятия, так и в рамках большого общества. Впрочем, между этими двумя сферами существуют немалые отличия и далеко не всегда «то, что выгодно Форду, выгодно всей Америке».

На протяжении XIX-XX вв. буржуазное общество уделяет все большее внимание выработке специализированной шкалы ценностных ориентаций в хозяйственной деятельности, а вместе с тем и внедрению в общественное сознание высокого престижа предпринимательства и подчиненного (руководимого) положения труда. В идеологических установках буржуазного общества, находящих постоянное отражение в массовой публицистике, у-

380

верждается имидж «капитана индустрии», воплощающего дух предприимчивости, решимости и стремления к риску, соединенного с точным расчетом.

Культивирование духа предпринимательства — это не только частное дело бизнеса. Активным формированием хозяйственной культуры занимается и система образования, поставляющая подготовленные кадры, в высокой степени заинтересованные в эффективном участии в производстве. На государственном уровне осуществляются различные программы, направленные на то, чтобы, с одной стороны, смягчить последствия социального расслоения и обеспечить выживание менее удачливых в конкурентной борьбе, а с другой — избежать поощрения «нерадивых» и «иждивенческих настроений» и сохранить низкий статус беднейших слоев населения.

Следует отметить и то обстоятельство, что важным моментом в поддержании общественного престижа предпринимательства в большинстве стран является подчеркивание национальной направленности деловой деятельности, ее значения для усиления могущества страны и возрастания

ее богатства. Благодаря деятельности тех или иных компаний страна приобретает статус лидера или место в первой десятке научно-технического прогресса. Соединение духа предпринимательства с национальным духом оказывается важным средством сплочения общества.

Однако перечисленные выше содержательные характеристики хозяйственной культуры по-разному встраиваются в общую культурную систему того или иного общества.

БАЗОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

Рост капитализма сопровождается и другими важными изменениями в культуре. Формирование новых хозяйственных отношений означало, во-первых, значительную интенсивность контактов между людьми, что требовало установления общих норм и правил, а также и общего языка как важнейшего средства коммуникаций. Развитие производства означало введение все более сложных технологий, что было невозможно без определенного минимума народного образования. Эти же технологии требовали более точных и многообразных знаний об обществе и производстве. Эти социальные требования привели к следующим важным изменениям в культуре.

381

Рост просвещения.

В принципе всякая мировая религия в классическом состоянии может обходиться сравнительно небольшой образовательной элитой, умеющей читать и интерпретировать священные тексты и некоторый объем преданий, применять канонические законы для регуляции отношений между верующими. Но Реформация означала индивидуализацию ответственности человека за свои поступки. Не столько церковь и священник, сколько он сам должен отдавать себе отчет в их соответствии Священному Писанию. Для этого надо было прежде всего знать это Писание. Поэтому протестантизм возвел чтение Библии и размышления над ней в ранг обязательного предписания и вменил в обязанность пасторам разъяснять Библию прихожанам. Чтобы добиться этого, нужно было, во-первых, перевести Библию на живые языки, во-вторых — распространить грамотность. Поэтому Реформация обычно совпадает с расширением начального образования.

Однако дело было не только в знании Библии или умении читать популярные проповеди. Именно широкое распространение самостоятельной оценки священных текстов и догматов, интериоризация религиозных норм привели к растущей секуляризации общества, больше не нуждавшегося во всеобъемлющих институциональных санкциях со стороны церкви и все больше переходившего на гражданско-правовые формы регуляции, к которым божественная воля не имела прямого отношения. Но именно это обстоятельство привело к ослаблению влияния универсалистских духовных принципов и складыванию национальных культур. Подрывая приоритет надмирских авторитетов, капитализм вместе с тем стирал прежние локальные границы и местные различия, содействуя формированию общей культуры, главным носителем которой выступает национальный язык. Рост горизонтальной социальной мобильности, т. е. перемещение населения между городом и деревней и разными районами, сближает различные группы населения. Вместе с тем происходит и культурное сближение по вертикали, так как слои, имеющие разное имущественное положение, тем не менее общаются в рамках одной и той же профессиональной деятельности. Носителем единых национальных языков становится не только религиозная литература, но и художественная. Именно в этот период, в XVII—XVIII вв. формируется национальная литература Англии, Франции, Германии. Просветительство и реализм постепенно перенимают у духовной литературы функции социализации, выработки ценностных ориентаций.

Просвещение способствовало устранению многих средневековых пережитков в сфере права, судопроизводства, в религии,

382

искусстве, морали, политической культуре. Оно привело к постепенной демократизации общества, так как все более широкие слои населения пользовались правовой защитой, приобрели возможность участия в гражданской жизни, могли приобщаться к достижениям общей культуры.

Важным сдвигом в культуре Запада XIX в. стало утверждение в идеологии, искусстве и философии принципа реализма. Мифологическое и религиозное мировосприятие замещается признанием действительности, которая требует учета обстоятельств и преодоления иллюзий. Утверждалось утилитарное мышление, тесно привязанное к потребностям реальной жизни.

Формирование национальной культуры.

Как мы видели в главе VIII, нации складываются в ходе утверждения в обществе сетей коммуникации как в хозяйственной и политической, так и в культурной сферах. Утверждение хозяйственного рационализма и прагматизма вело к ослаблению влияния универсалистских

духовных принципов, носителем которых выступали мировые религии в сложившемся интегративном варианте. Секуляризация общественного сознания неизбежно сопровождается ростом национализма. В XIX в. эти процессы интенсивно охватывают всю Западную Европу, что привело к крушению династического или имперского принципа государственности, формированию государств-наций и установлению территориальных границ. В XX в. эти процессы национального самоопределения охватывают и другие континенты. Утверждение национального единства означало сглаживание внутренних различий и барьеров, но одновременно это приводило к напряженному соперничеству и конфликтам между государствами-нациями, которые сопровождались жестокими войнами. «Век Просвещения» превратился в «век национализма и межнациональных войн». В XX в. межнациональные войны переросли в две мировые войны, что сделало очевидным пагубность национализма в военно-политическом плане. Однако попытки регуляции таких конфликтов со стороны международных организаций пока не избавили ни Европу, ни другие континенты от межнациональных распрей.

Как в хозяйственном, так и в политическом и культурном аспектах национализм выступает как характерный признак капитализма вплоть до очень позднего времени, когда зрелое капиталистическое общество переходит в постиндустриальную фазу и формируется противоречивая система глобальной регуляции, поддерживающая доминирование развитых стран.

Гражданское право как компонент социокультурной регуляции.

Важным компонентом социокультурной регуляции буржуазного общества стало гражданское право. Религиозная реформация сопровождалась ожесточенными конфликтами между разными конфессиями, длительными и разорительными войнами. Одновременно все больше давали о себе знать и социальные конфликты между нарастающей буржуазией и феодальной аристократией, а затем и социальная напряженность, вызываемая увеличивающимся расслоением на богатых и бедных, на собственников и неимущих. Социальные противоречия приводили к нарастанию классовых конфликтов, которые в предшествующий период были не столь значимы.

Решение, которое постепенно было выработано, заключалось в утверждении правового порядка, уравнивающего социальные, конфессиональные и национальные конфликты.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗРЕЛОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Решение обозначенных выше противоречий и конфликтов, которыми была отмечена жизнь индустриального общества, обреталось через сложное взаимодействие интересов различных социальных слоев, но вместе с тем через формирование новых принципов регуляции социокультурной жизни, отвечавших тому значительному сдвигу, который происходил на позднем этапе развития индустриального общества. Этот этап обычно обозначается как *начало научно-технической революции*, означающей соединение производительного труда с научным знанием. Первыми в этот этап вступили в 1914—1929 гг. США, затем в 30—50-х гг. Западная Европа, в 50—60-х гг. Япония, а затем ряд других малых стран Дальнего Востока. Этот процесс обычно определяется как модернизация, основные характеристики которого мы рассмотрим в XVI главе.

Какое же влияние оказывает капитализм в его развитой индустриальной форме на культурные процессы?

Техника индустриального общества и культура.

В культурном плане принято выделять две духовные причины, придавшие высокий престиж технической деятельности, что и привело к столь огромным результатам. Во-первых, это появившееся уже в период Возрождения представление о человеке как активном преобразователе природы. Во-вторых, это выработанная Просвещением установка на преодоление пассивного созерцания внешнего мира как «божьего творения» и утверждение активной роли разума в постижении реальности и его способности конструиро-

вать целесообразные орудия и механизмы воздействия на этот мир. Позднее эта установка привела к утверждению материализма как представления об определяющей роли материальных потребностей и интересов. Наиболее полное выражение эта концепция получила в теории К.Маркса, который главное и самодовлеющее начало видел в производительных силах (земля, орудия труда, капитал, техника), а духовным факторам отводил вторичное и подчиненное место. Поэтому и религия представляла у него как компенсация несовершенного бытия, как иллюзия, заменяющая человеку истинное понимание условий своего бытия. Конечно, марксизм не сводит к технике или к

производительным силам в целом воздействие бытия на сознание, а раскрывает опосредующее влияние общественных отношений на условия человеческого бытия. Последующая социология в общем преодолевает техноутопии, в которых техника и наука утверждаются как главная движущая сила, основа нового общества. Тем не менее влияние техники не сводится к введению различных чудесных приборов и технологий, воздействующих на окружающую среду. В ряде отношений подвергаются трансформации важные измерения человеческого бытия и восприятия мира.

Массовость производства.

Дотехническое производство было связано с мастерством и было еще сродни искусству или ремесленному навыку, через который человек преодолевал сопротивление материала. Машинное производство заменяет ручной труд и воспроизводит вещи по единому образцу, благодаря чему достигается огромная скорость выпуска продукции (например, миллионы экземпляров газеты, печатаемой за ночь).

В индустриальном обществе динамика производства измеряется прежде всего по критериям количества и объема — в физическом или денежном выражении. Из области производства эти критерии распространяются и на остальные сферы. Размеры народного хозяйства измеряются величиной «валового национального продукта» (ВНП), при этом не обращается внимания на ущерб, приносимый другим странам, глобальной природной среде, внутреннее распределение этого продукта, т.е. на что израсходованы средства — на продовольствие или образование, на здравоохранение или оружие, насколько оправдывает себя гонка вооружений, космическая гонка, сколько стоит домашний труд, воспитание детей и т.д. Правительства следуют девизу «Рост любой ценой» и идут при этом на риск экологической и социальной катастроф. Ведущие отрасли промышленности — «крупные» и «тяжелые», но и в «легких» продукт измеряется прежде всего количественными параметрами, а качество — условие максимализации количества.

385

Важной предпосылкой массовости стала стандартизация, которая охватила не только собственно производственную сферу, но также и сферу потребления и образ жизни, включая и массовую культуру. Стандартами определялись и требования к рабочей силе, образованию, управлению, поведению.

Потребление энергии как критерий уровня жизни.

Взамен естественных источников энергии (человек, животные, сила ветра и воды) техника использует новые источники, которые позволяют осуществлять грандиозные проекты, превосходящие все, что рисовалось художественному воображению прошлых эпох. Если символ средневекового города — крепость, собор или ратуша, то для современного города — это ночные огни небоскребов и потоки машин. Автомобиль стал не только средством передвижения, но и символом престижа, непременной принадлежностью образа жизни. Ставка на энергию породила и тот порыв научного и технологического творчества, который привел к открытию ядерной энергии и созданию ядерного оружия, самого зловещего достижения XX в.

Мир как функциональная предметность.

Форма и структура предметов, изготавливаемых для технических целей и при помощи техники, определяются их функцией, а не эстетическими критериями, соображениями стиля, гармонии, следованием «школе». Поэтому природные или социальные объекты, да и сам человек, рассматриваются в их практической рациональной значимости, через сумму характеристик, соотносимых с общественным производством.

Постоянный разрыв с традицией.

Техника требует постоянного разрыва с прошлым, она обращена к упорядочиванию настоящего или к будущему. Ей не нужны первоначальные образцы, которые обречены на моральное устаревание. Эстетизация машинной техники породила в начале XX в. в России и Италии течение футуристов, стремившихся ниспровергнуть искусство прошлого и выразить восхищение функциональностью техники, подчиняющей себе человека, и упоение движением, покоряющим пространство и время. Постоянным спутником такого порыва в будущее является производственная и технологическая гонка, в которой вырываются вперед новые страны и центры, а старые технологии сбрасываются в отсталые страны и районы. В стороне от новых центров возникают кладбища машин и умирающие города.

Новые средства коммуникации (масс-медиа).

Техника связи в огромной степени способствовала преодолению прежних барьеров между обществами, прежде всего пространства, обеспечив

386

возможность быстрой и эффективной связи на гигантские расстояния. Это способствовало разрушению прежних политических и культурных границ, ускорению процессов общения, огромному влиянию мировых культурных центров на глобальную периферию.

Модели мышления.

Массовое распространение техники потребовало принципиального изменения человеческого мышления. Уменьшается роль антропоморфных образов, гуманитарных принципов. Их оттесняет естественнонаучный подход к миру природы, обществу и человеческой деятельности. Как мышление, так и сам язык приобретают все более абстрактный характер, отодвигая реалистичную образность, — репрезентативность и метафоричность, свойственные донаучному миру. Общественные проблемы, когда-то облакавшиеся в богословские представления, затем увязываемые с просветительно-гуманистическими ценностями, все более стали выражаться в терминах естественных наук — физических (энергия, сила, движение, динамика и т.д.) или биологических (эволюция, рост, органическая структура и функция). Вплоть до последнего времени эти термины составляют язык социологии.

Новые принципы социально-технологической организации деятельности охватили не только крупную индустрию, но распространились на все сферы жизни. Пассажирский транспорт, потребительская торговля, сфера услуг, ежедневный досуг и развлечения, туризм и даже всевозможные хобби стали превращаться в соответствующие отрасли массового производства, нацеленные на извлечение прибыли и действующие по принципу строго рационализованного, индустриального механизма.

Этот процесс захватил и сферу духовной культуры. Из деятельности, где художник и мыслитель считали себя подотчетными лишь высшим принципам красоты, духовная культура превратилась в индустрию массового сознания.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

Сложный механизм промышленно развитой системы требует для своего поддержания не только соответствующей социальной структуры, разделяемой прежде всего на различные категории рабочего класса и предпринимателей (или бюрократическое начальство) различного уровня, но и соответствующей политической системы, которая в нормальном состоянии обычно имеет

387

демократический характер. Для ее поддержания необходимо также и адекватное духовное обеспечение в виде системы норм и ценностей, обеспечивающей осознанное и активное участие населения в необходимых видах жизнедеятельности, выполнение должного разнообразия ролей и достижение согласия между различными слоями и группами.

Приоритет производственной сферы, связанной с промышленным производством, придает особое значение поддержанию тех ценностей, без которых не может быть обеспечено полноценное участие «социальных партнеров» или «участия в общем деле». Рассмотрим основные ценности, присущие буржуазному индустриальному обществу*.

1. *Достижение и успех* — ценности, в соответствии с которыми культура буржуазного общества подчас получает определение *достижительной*. Не случайно так популярны в ней рассказы о том, как кто-то вырвался из бедняков в богачи, из бедной эмигрантской семьи в высокооплачиваемую «звезду» массовой культуры.

Измеряются эти ценности финансово-экономическими критериями. Однако нельзя сказать, что методы приобретения богатства при этом игнорируются. Разоблачения в неуплате налогов или причастности к наркобизнесу вызывают громкие скандалы. Но одной из основных проблем буржуазного общества остается согласование ориентации на успех с нормативностью поведения. Постоянный успех массовой литературы о преуспевании, достигнутом нечестными, аморальными или прямо преступными методами, свидетельство того огромного напряжения, в котором держит ориентация на успех многих рядовых людей буржуазного общества. Богатство остается самоценностью, но за моральными нормами сохраняется признание и жгучий интерес вызывает механизм их постоянного нарушения при сохранении показной благопристойности и добропорядочности.

2. *Обладание частной собственностью*. В системе ценностей буржуазной личности

центральное место занимает обладание собственностью, обеспечивающей право гражданства в мире собственников. Превращение частной собственности в основу социального взаимодействия придает общественным отношениям обезличенно-формальный характер. Отношения между людьми подменяются отношениями капиталов, доходов, имущественных статусов. Поэтому личностного осуществления человек ищет за пределами собственно производственных отношений, в сфере

* Нижеприведенный список ценностей составлен по текстам западных, преимущественно американских, учебников по социологии.

388

услуг, освобождаясь от принудительности закона постоянного роста капитала, от жесткой конкурентной борьбы, в которой выживает сильнейший, т. е. преуспевающий в погоне за прибылью. В широко известной книге Э. Фромма «Иметь или быть?» уже в самом названии сформулирована дилемма, занимающая умы многих людей буржуазного общества.

3. *Индивидуализм*. Под ним подразумевается признание приоритета прав личности, ее свободы и независимости от общества и государства. Направив энергию свободной личности в сферу экономической и политической деятельности, буржуазный индивидуализм способствовал ускоренному развитию производительных сил. Развитие различных форм корпоративизма, характерных для государственно-монополистического капитализма, не уничтожило индивидуалистическую основу западной культуры. В буржуазном сознании индивидуализм прочно связан с такими понятиями, как свобода, равенство возможностей, конкуренция, личный успех.

Однако развитие противоречий капиталистического общества привело к конфликту между идеалами свободной индивидуальности и действительностью. Как принцип отношения человека к человеку индивидуализм стал антигуманен, как норма отношения индивида к обществу — антисоциален, как способ отношения к государству и законности — антидемократичен.

4. *Право* как признанная система обязательных норм, соблюдение которых обеспечивается через судебную систему. Основные сферы права: права личности на жизнь, свободу и собственность; гражданское право как соблюдение обоюдных обязательств, зафиксированных соответствующими соглашениями (контрактом); политическое право, регламентирующее разделение властей. Среди основных принципов правовой регуляции следует указать следующие: а) субъект правопорядка — прежде всего изолированный индивид, ищущий частную выгоду, приобретаемую через взаимную «честную конкуренцию»; б) свобода и равенство возможностей, обеспечиваемое товарно-меновыми отношениями; в) за каждой личностью признаются права на жизнь, свободу и собственность, что и составляет основу «естественного права». Право свободы отрицает всякое отношение личной зависимости, но гарантией этой независимости является частная собственность.

5. *Активность и труд*. Товарно-денежные отношения не могут функционировать без постоянной заботы об обращении товаров и капиталов. Капитал ценен лишь как функционирующий капитал, а ценность профессии — в ее реализации. Активность становится самой по себе высокоценной ценностью независимо от

389

того, на что она направлена. Она приводит в интенсивное движение все многообразие элементов социальных и культурных структур. Подвижность социальных отношений, технологий, духовной жизни — характерная черта капиталистического общества. Но конечно, активность может быть направлена на «девиантные» цели, принося ущерб другим людям, обществу или окружающей среде.

6. *Потребительство*. Созревание капиталистического общества, повышение совокупного дохода привели в области культуры к смене гуманистической и духовной устремленности. Прежние ценности заменяются ценностями гедонизма, материального комфорта, расширенного потребления. Но жажда потребления не всегда находится в соответствии с возможностями индивидов, что приводит к острым эмоциональным стрессам. Нередко ориентация на потребительство выражается в искусственно форсируемой смене потребительских товаров, мод и стилей, имеющих не столько содержательный смысл, сколько отвечающих принципу престижности.

7. *Универсализм*, т.е. распространение ценностей западного общества на другие культуры. Стандартная позиция среднего американца или европейца выражается в идее превосходства западной цивилизации над всеми остальными и отношении к другим как «отставшим». Как мы увидим в главе XIV, универсализм чреват разрушительными последствиями для других культур, принижением их статуса и ростом межкультурной напряженности.

8. *Вера в прогресс.* В индустриальном обществе широко распространена ориентация на то, что новое лучше старого. Увлечение стилем «ретро» лишь дополняет такую ориентацию. Однако прогрессизм оказался глубоко скомпрометированным теми издержками и противоречиями, которые приходится решать обществу.

9. *Уважение к науке и технологии.* Промышленно развитое общество ожидает от науки практического решения как технических, экологических, медицинских, так и социальных проблем. Ни капитал, ни власть сами по себе, без соединения с профессиональной экспертизой «не берутся за дело». Как мы увидим, и позиции научно-технического рационализма во многом оказываются подорванными теми издержками, которые претерпевает в буржуазном обществе гуманистическая сторона жизни.

Таковы функциональные ценности, принятые в буржуазном обществе и активно утверждаемые всей системой духовного воздействия на массы населения.

390

ЭТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

Взаимоотношения общества и предпринимательства, ответственность бизнеса перед обществом являются одной из основных проблем индустриального общества. Это объясняется тем, что масштабы деятельности предпринимательства стали столь велики и оно настолько глубоко проникло во все сферы жизни общества, что его деятельность уже нельзя не регламентировать. Вместе с тем сама сфера хозяйственной деятельности настолько сильно зависит от общества — протекционистской политики государства, образования и подготовки кадров, состояния правопорядка и охраны природы, средств массовой информации и рекламы, что вынуждена искать пути конструктивного взаимодействия с обществом.

Простейшими формами социальной ответственности предпринимательства являются *благотворительность и меценатство*. Во все времена богатые и преуспевающие жертвовали средства на помощь неимущим с целью ослабления социального напряжения, в рамках выполнения патерналистских обязательств или для получения религиозной заслуги. Они же покровительствовали образованию, наукам и искусствам, обеспечивая себе рост престижа и признания в обществе благодаря участию в сферах деятельности, обладающих высоким статусом и обеспечивающим его увековечение. Так, в России, где благотворительность и меценатство были традиционно сильно развиты, наиболее богатые и преуспевающие в бизнесе предприниматели получали известность и признательность общества не за свой вклад в развитие экономики, а именно за благотворительную деятельность, покровительство наукам и искусствам. Все знают Третьяковскую галерею, но практически никто не знает, чем занимался П.М. Третьяков в сфере предпринимательства. Все знают великого режиссера Станиславского, но очень немногие знают его как владельца канительного производства Алексеева. И не потому, что «переоценка ценностей» в социалистический период истории обрекла эту сторону жизни великих россиян на забвение, а потому, что интересны обществу они были не предпринимательскими достижениями, а вкладом в развитие культуры.

Но благотворительность и меценатство, хотя и обеспечивают благодарность современников и добрую память потомков, не сни-

* Следующие два раздела написаны совместно с Н.Н. Зарубиной, автором программы учебника «Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства». - М., 1994.

391

мают социальной напряженности, неминуемо порождаемой развитием бизнеса. Судьба российских дореволюционных предпринимателей особенно поучительна, поскольку, сделав очень много для развития отечественной культуры, они не уделили должного внимания социальной защите населения. Лишь на рубеже XIX—XX вв. молодые промышленники стали не из филантропии по церковным праздникам, а из соображений интереса дела и стабильности общества заботиться о росте зарплаты, образовании, жилищных условиях, медицинском обслуживании и т.д. своих рабочих, однако это оказалось «слишком мало и слишком поздно» и не спасло общество от губительного социального взрыва.

Современные концепции взаимоотношений бизнеса и общества исходят из того, что главная социальная ответственность бизнеса состоит в том, чтобы не способствовать росту нищеты и безработицы, избегать дискриминации женщин и национальных меньшинств в сфере занятости и оплаты труда, улучшать условия труда, не допускать экологических преступлений и неоправданной растраты невозобновимых природных ресурсов. Разработанные критерии оценки деятельности бизнеса основываются на следующем: а) насколько производимая продукция, услуги и их качество способствуют общему процветанию; б) каким образом используются природные ресурсы и рабочая сила.

Основными сферами социальной ответственности бизнеса являются сферы инвестиций, производства, экологии, найма и занятости.

Ответственность в сфере инвестиций предполагает совокупность моральных проблем, стоящих перед вкладчиками и акционерами. В современном обществе инвесторы зачастую озабочены не только получаемой прибылью, но и социально-нравственной ролью предприятия, а также нравственным характером ведения бизнеса. Разделение инвестиционной и управленческой форм бизнеса в акционерных предприятиях способствует попыткам акционеров осуществлять контроль за менеджерами всех уровней. Главный нравственный принцип инвестиций состоит в том, что непричинение социального зла имеет моральный приоритет перед стремлением способствовать социальному благу.

Социальная ответственность в сфере производства предполагает оценку произведенного продукта с точки зрения его соответствия широким интересам и потребностям потребителей, в том числе потребностям в экологически чистых и безопасных в использовании продуктах, в охране физического и нравственного здоровья, защите общественной безопасности и т.д. Общество осуществляет контроль за производством и распространением

392

нравственно осуждаемых и запрещенных видов товаров и услуг — наркотиков, порнографии, проституции, торговли оружием и т.д., осуществляя в одних случаях их уголовное преследование, а в других — отводя для них строго определенные, локальные ниши на рынке (например, порнографические издания, видеофильмы, а также всякого рода сопутствующую продукцию можно купить лишь в определенных магазинах, городских кварталах, за пределы которых их проникновение не допускается). Критерии, определяющие запрет или ограничение на производство и распространение товаров и услуг, подвижны и определяются сложившимися культурными традициями общества.

Производители несут также ответственность за то, чтобы потребитель был проинформирован о составе продукта, имеющихся химических добавках и консервантах, способных причинять вред здоровью, осведомлен об оптимальном сроке использования продукта. Разного рода приборы и агрегаты должны иметь инструкцию по безопасной эксплуатации и быть устроены таким образом, чтобы даже самый неумелый пользователь, даже ребенок не мог бы причинить себе вред (хотя надежность подобного рода мер предосторожности всегда относительна).

Важнейшей сферой ответственности бизнеса является экология. Корни экологических проблем уходят в духовно-нравственные традиции западной культуры, ориентированной на овладение природой и ее преобразование в интересах человека. Но опыт современного развития показал, что интересы потребления и расширения производства идут вразрез с жизненной потребностью всех без исключения людей, в том числе и предпринимателей, в чистой окружающей среде. В условиях постиндустриального производства, когда наукоемкие, использующие новейшие достижения химии и ядерной физики производства могут нанести необратимый вред окружающей среде и здоровью людей, именно экологическая проблема является главным полем конфликта общества и бизнеса. Действительно, многие компании и предприниматели в погоне за прибылью игнорируют экологическую опасность своего бизнеса, что усилиями различных организаций «зеленых» все чаще приводит к скандальным разоблачениям и утрате предпринимателями общественного престижа и доверия (не говоря о финансовых и прочих санкциях). В этой связи озабоченные своим имиджем в глазах общества компании проводят специальную политику, направленную не только непосредственно на защиту окружающей среды (к чему их побуждают с помощью штрафных санкций, налогов и т.д.), но и на восстановление доверия общества. Американская Ассоциация химических произ-

393

водителей, например, приняла программу «Ответственность и забота», которая предполагает: 1) открытость информации и знакомство местного сообщества с производством с целью установления с ним доверительного контакта; 2) налаживание контактов с местными органами и службами по вопросам чрезвычайных ситуаций и оказания помощи населению в случае аварий; 3) обязательства по минимизации отходов, безопасности хранения и транспортировки продуктов; 4) инструкции для потребителей по безопасному использованию продукции и утилизации отходов. Главным в программе является обязательство включить охрану окружающей среды в долгосрочную стратегию фирмы, а не проводить ее по остаточному принципу. Главной целью принятия этой и подобных программ является обретение утраченного в результате экологического кризиса доверия общества к фирме и ее продукции, обретение скомпрометировавшей себя ранее отраслью производства позитивного имиджа в условиях новой экологической культуры.

Важнейшей сферой социальной ответственности бизнеса являются найм и занятость. Одна из основных функций предпринимательства — создание рабочих мест. В то же время деятельность предпринимателей весьма часто ведет к увольнениям, сокращению занятости, к различного рода дискриминации в сферах найма и оплаты труда, например, по половому, расовому, национальному признаку. Помимо традиционных форм дискриминации, например, женщин как в оплате труда, так и при приеме на работу, возникновение новых видов занятости и форм труда приводит к проявлению

все новых форм дискриминации. Так, развитие микропредпринимательства и индивидуальных форм занятости порождает дискриминацию специалистов из развивающихся стран: оператор на компьютере, работающий в развивающейся стране, получает 1 долл. в час, в то время как подобная же работа американского оператора стоит от 5,5 до 12 долл. в час. Чтобы избежать или снизить негативные социальные последствия дискриминации в сфере занятости, принимаются разного рода квоты, специальные программы для дискриминируемых национальных меньшинств и для женщин, однако подобные меры на деле оборачиваются «обратной дискриминацией» — уже по отношению к тем, кто ранее имел предпочтительные позиции: так, восстановление справедливости по отношению, например, к чернокожим женщинам ведет к ущемлению прав белых мужчин. Таким образом, дискриминация в сфере занятости и найма трудно преодолевается и воспроизводится в новых видах деятельности, однако она является постоянным объектом внимания специали-

394

стов в области «public relations», которые следят за тем, чтобы она не приводила к росту социальной напряженности и потери «лица» компании.

Одной из важнейших этических проблем, которую приходится решать современным специалистам в области взаимоотношений бизнеса и общества, является проблема регуляции этих взаимоотношений. Задачи социального контроля за сферой бизнеса состоят в том, чтобы свести к минимуму ущерб, наносимый деятельностью свободных предпринимателей социальной и природной среде. Однако среди специалистов и предпринимателей нет единой точки зрения на необходимость внешнего контроля. Его противники считают, что в социальном контроле нет необходимости, так как нарушители нравственных норм в условиях свободного рынка и независимых средств массовой информации губят сами себя, теряя престиж и своих клиентов. Сторонники же активного контроля общества за социальными последствиями деятельности бизнеса считают, что даже в условиях полной экономической и информационной свободы бизнес сам, без контроля со стороны общества, не в состоянии поддерживать социальную ответственность и нравственность своей деятельности на высоком уровне. Они полагают, что специфика бизнеса как формы деятельности состоит в том, что в погоне за наживой постоянно воспроизводятся разного рода злоупотребления, справиться с которыми без помощи общества бизнес не в состоянии.

Тем не менее современные компании, озабоченные своими отношениями с обществом и стремящиеся занимать социально ответственную позицию, прибегают к различным формам внутренней регуляции «public relations», к которым в первую очередь относится фиксация нравственных требований в институциональных структурах, специальные нравственные кодексы предприятий и компаний как свод ценностей и норм, которыми менеджеры обязаны руководствоваться в повседневной работе. Например, этический кодекс компании «Кока-Кола» имеет силу закона, который строго обязателен для всех служащих в любой стране, где есть филиалы компании. В основе этого кодекса лежит принцип гражданской ответственности перед обществом как моральный императив деятельности компании, а также философия честности и корпоративности, которой должны руководствоваться все служащие. Им предписывается действовать в соответствии с культурными и нравственными нормами каждой конкретной страны, уважать ее традиции и законы, но соблюдать требование единства и целостности компании. Другим необходимым требованием к служащим является честность и открытость информации о со-

395

стоянии дел. Строго запрещается дача необъективной картины в финансовой и маркетинговой отчетности, даже если в ней не было злого или корыстного умысла. Служащим строго запрещается иметь свой частный интерес в делах поставщиков, клиентов или конкурентов.

Нравственные обязанности наемных работников и менеджеров перед фирмой предполагают лояльность и дисциплину. Традиционные представления о лояльности фирме состоят в предпочтении нравственных обязанностей перед фирмой всем другим обязанностям и интересам. Однако такие представления в современных условиях вступают в противоречия с современным пониманием прав наемных работников, а также потребностью общества в открытости и свободной информации. Все больше признается право наемных работников на относительную нравственную независимость от компании и линию поведения, преследующую собственные нравственные идеалы. Современный нравственный идеал предполагает ведение бизнеса, обеспечивающее соблюдение моральных норм предпринимателем и наемным работникам, даже если это идет вразрез с интересами фирмы, и признает необходимость защиты прав наемных работников на независимое нравственное поведение.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СПРОСА

Как упоминалось уже в главе III, культура как комплекс представлений, ценностей и значений в немалой степени влияет и на характер потребления в любом обществе. В индустриальной среде особое внимание уделяется целенаправленному формированию спроса как предпосылке потребления, функционально отвечающего характеру производства. Поэтому сравнительные исследования

социокультурного контекста спроса являются составной частью современного маркетинга. Они предполагают в первую очередь оценку нравственных и религиозных ценностей, места семьи, труда, досуга и их основных форм, представлений о человеке, его облике, о месте мужчины и женщины в социокультурной системе и т.д. Необходима оценка того, как вписывается предлагаемый продукт в сложившуюся систему ценностей, не противоречит ли он какой-либо из базовых ценностей данной культуры и, напротив, с какой из позитивных ценностей (или просто традиций, устойчивым стереотипом поведения) продукт ассоциируется. Например, многие продукты питания, предметы домашнего обихода (оборудование для кухонь и т.п.), моющие средства

396

преподносятся рекламодателями через ценности семьи, согласия, уюта в доме, а парфюмерия, косметика, одежда — через распространенные положительные стереотипы идеальной женщины (хозяйки, матери, деловой женщины, любимой подруги и т.д.) или мужчины-супермена (спортсмена, путешественника, преуспевающего делового человека и т.д.).

Успешное проведение рекламной кампании и распространение продукта на новом рынке предполагает оценку того, какие значимые потребности он может удовлетворять в контексте данной конкретной культуры. Например, спрос на сигареты с фильтром, продукты питания с пониженным содержанием сахара, химических красителей и консервантов выше там, где укоренились ценности здорового образа жизни. Экологически безопасные модели автомобилей, безвредные для окружающей среды аэрозоли, краски и т.п. пользуются наибольшим спросом в среде с развитым экологическим сознанием, укорененными ценностями защиты окружающей среды.

На спрос влияет также существующий в культуре стереотип восприятия нового — враждебное, настороженное отношение к нему или, напротив, заинтересованное и открытое восприятие. Например, успешная реклама некоторых экзотических продуктов на российском рынке использует интерес недавно выглянувшего из-за «железного занавеса» потребителя к краскам, ароматам, вкусам далеких стран. Существенное значение для формирования спроса имеют привычные формы передачи пользующейся доверием информации: телевидение, газеты и журналы (какие именно), привлечение к рекламным кампаниям наиболее популярных звезд культуры и спорта, распространение устной информации, рекомендации продавцов. На выбор и поведение потребителя влияет и стереотип продавца, который также самобытен в разных культурах: известно, что где-то торговаться не принято, а в других местах, наоборот, сделка сопровождается торговлей как ритуалом, знаком взаимного уважения покупателя и продавца, назначающего начальную цену из расчета на торг.

К социокультурным предпосылкам формирования спроса относятся также и стереотипы потребительского поведения, основанные на принятом разделении труда, структуре семьи, гендерных отношениях: например, является ли культурным императивом облегчение домашнего труда женщины, какие формы досуга и развлечений наиболее распространены, в том числе для женщин и молодежи (принято ли посещение кафе и ресторанов, употребление спиртных напитков и сладостей, приобретение предметов роскоши, игрушек и т.п., туризм и путешествия и т.д.). Рекла-

397

ма продукта и формирование спроса может основываться соответственно конкретной социокультурной ситуации, на авторитете старшего поколения, умудренного жизнью, или на энергии, оптимизме, устремленности в будущее молодого поколения; на гармонии с традицией и уважении к ней или на ценностях прогресса и обновления.

Важнейшим фактором, формирующим и поддерживающим спрос, является реклама. Однако для ее успеха необходим тщательный анализ социокультурной среды, в которой проводится кампания. Прежде всего необходимо проанализировать, какое место в данной культуре занимает реклама как таковая, в каких случаях она уместна, а в каких — нет. В рекламе должны использоваться те образы, темы, слова, которые не табуированы в данной культуре и не вызывают негативных или неуместных ассоциаций (примером может служить реклама на Российском телевидении мужского дезодоранта, который преподносился как «Дезодорант для сильных духом мужчин», что по-русски воспринимается как «Дезодорант для вонючих мужчин»). Реклама не должна противоречить господствующим в данной культуре представлениям о пристойности, деликатности, хорошем тоне, скромности: далеко не все культуры терпимы к обсуждению в массовой аудитории интимной жизни или предметов личной гигиены женщин. Все используемые в рекламе образы, понятия и грамматические конструкции должны адекватно интерпретироваться в языке культуры во избежание двусмысленности (подобной двусмысленности не удалось избежать ролику «Инкомбанка»: «Каждую минуту мы превращаем в доход наших клиентов». Что же превращается в доход — минуты или клиенты?). Немало досадных маркетинговых срывов было вызвано непониманием этнического или конфессионального своеобразия в потреблении тех или иных продуктов. Семантическая точность, аксиологическая и этническая адекватность — важные факторы успеха в торговых операциях.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

А. Социальное и духовное отчуждение.

Еще в середине XIX в., когда капитализм в странах Запада еще набирал силы и утверждал свое превосходство над предшествующей ему феодальной системой, со всей очевидностью вскрылись присущие ему противоречия как в социальной, так и в культурной сфере. Хорошо известно об основном противоречии в социальной сфере, выра-

398

жающемся в резком классовом разделении по отношению к собственности на средства производства. Так как эффективность производства во многом зависит от его размеров, возникает концентрация средств производства у наиболее крупных собственников и компаний, что приводит к постоянству огромного числа населения, не имеющего сколько-нибудь значимой собственности и живущего только продажей своего труда. Этот социальный механизм в духовном плане порождает состояние антагонизма, заключающегося в восприятии как несправедливых условий разделения труда и различий в образе жизни. Но еще более глубокий антагонизм возникает в силу того, что результаты деятельности человека превращаются в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Как управление трудом, так и необходимые для него знания отчуждаются от рабочего и преподносятся ему извне, как объекту, подчиненному чужой для него силе. Результаты труда отчуждаются от работника как в силу его удела наемника, так и в силу крайне дробной специализации, в которой человек уже не способен проследить цепочку связей, в которую вплетается выполняемая им операция. Частичный, разорванный труд, оцениваемый прежде всего как «трудовое время», лишается всякой привлекательности. Соответственно падает и трудовая ориентация.

Важная черта индустриального общества — отделение производства от потребителя. В аграрном обществе обычно сочетаются функции производителя и потребителя: люди в большинстве своем живут продуктами собственного труда. И семейный труд поглощает значительную часть времени и усилий. В промышленном обществе происходит резкое разделение двух секторов: частной или частно-семейной жизни и собственно производства. Регулярный «уход на работу» проводит резкую грань между двумя сферами жизни: а) «работа», где необходима постоянная рациональность мышления, четкая профессиональность и жесткая самодисциплина, все профессиональное умение человека и его время и где он получает плату за свой труд; и б) досуг, во время которого он восстанавливает свои силы и тратит заработанные деньги — на семью, питание, удовольствия и т.д. По сравнению с эффективностью массового производства ручной труд, даже искусный (например, воспитание детей и домашняя кухня), не имеет особенной ценности, не учитывается в цифрах валового национального продукта (ВВП), низкий социальный статус приводит к снижению его качества.

Из сферы производственных отношений отчуждение распространяется и на социальные нормы, предписываемые со стороны

399

безличным бюрократическим аппаратом, над которым обычный трудящийся не властен, так как назначение чиновника независимо от демократического процесса и определяется механизмом иерархии. Чувство беспомощности и зависимости, возникающее у человека в результате отчуждения, зачастую ведет к аномии и отклоняющемуся поведению, которое мы в общей форме рассматривали выше (см. главу VI). Подрывается не только мотивация труда, но и принятие нормативного поведения: то и другое мало оправдывает себя с точки зрения человека, который не чувствует себя хозяином жизни.

Отчуждение стало одной из важнейших характеристик индустриального общества, изучением которой занимались многие мыслители разных школ. Уже в середине XIX в. с резкой критикой социальных условий, ведущих к отчуждению, выступил К.Маркс, раскрывший его истоки именно в классовой разделенности и неравенстве условий труда, когда господствующей силой являются индустриальные средства производства, находящиеся в частных руках. Преодоление отчуждения К.Маркс видел в уничтожении эксплуатации и всемерном развитии общественных отношений.

Марксистская критика капитализма по этому пункту стала одним из основных источников, питавших социалистическую мысль как в развитых буржуазных странах, так и в тех, где капитализм лишь начинал утверждаться.

На ранних этапах индустриализация приводила к резкому ухудшению условий существования значительных масс трудового населения, обрекала обездоленные слои на убогую жизнь и моральную деградацию, скученную жизнь в убогих жилищах, беспросветный труд. Достаточно вспомнить романы знаменитого английского писателя Ч. Диккенса, в которых он уже в период более высокого уровня развития общества пробуждал сострадание и симпатию к тем, кто оказался «на дне» жизни. Другим характерным явлением в культурной жизни Англии второй половины XIX в., когда она была «промышленной мастерской мира», стало влиятельное эстетическое движение «прерафаэлитов»,

отразившее протест против уродования человеческой жизни и человека, вызванного натиском промышленного производства и техники. Этому натиску английские поэты, художники и мыслители противопоставили возрождение «золотого века» красоты, существовавшего, по их мнению, в период раннего итальянского Возрождения.

Именно Англия стала родиной и организованного рабочего движения, слившегося с нараставшим по всей Европе социалистическим движением.

400

Б. Колониализм.

Неизбежным спутником индустриализма стало подчинение более отсталых стран с целью эксплуатации их ресурсов, в которых нуждалась промышленная метрополия. Это явление получило название «колониализма» и не ограничивалось установлением экономического или политического господства, а сопровождалось подавлением локальных культур во имя универсализма западной цивилизации, что привело к широкомасштабным движениям национального освобождения. Социокультурные характеристики этих процессов будут рассмотрены подробнее в главе XV.

В. Антагонизм человека и техники.

Несмотря на превращение техницизма в, казалось бы, универсальный принцип современной западной культуры, его власть никогда не была безграничной. Наступление техницизма — и первой, довоенной, волны, связанной со вторжением техники в культуру, и второй, послевоенной, связанной с бурным индустриальным ростом 50-60-х гг., — всегда встречало противодействие со стороны гуманитарно ориентированных слоев интеллигенции. И чем выше поднималась техницистская волна, тем ожесточеннее становилось противодействие ей.

Антитехницистские, антисциентистские движения, весьма разнородны в своих позициях — от субъективистских и анархо-индивидуалистических концепций до религиозно-мистических, пытавшихся возродить те или иные формы спиритуалистического сознания. Иррационализм такого мировоззрения выражается и во фрейдистских и неофрейдистских трактовках человеческой психики и человеческого поведения, и в экзистенциалистском и персоналистском абстрактном гуманизме, и в возрождении различных моделей утопического социализма. Его социально-психологические устои также противоречивы — наивный, беспочвенный оптимистический взгляд на будущее соседствует с безысходно-пессимистическим мироощущением, неверием в возможности избавления цивилизации от угрожающих ей катастроф.

Однако такого рода умонастроения породили и глубоко научный, рациональный подход к охране окружающей среды, связанный со всемирным экологическим движением.

С широко известной критикой техницизма выступил Э. Фромм в ряде своих работ («Иметь или быть», «Бегство от свободы» и др.). Он показывает, что техника промышленного общества подчиняет человека своим рациональным и дегуманизированным целям. Широкая технизация требует автоматизации, централизации и жесткой систематизации, что идет вразрез с антропологической сущностью самого человека, его стремлением к самопро-

401

явлению. Вот с чего начинается первая глава его книги «Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии» (1968): «Призрак бродит среди нас, но ясно видят его лишь немногие. Это не прежний призрак коммунизма или фашизма. Это новый призрак — полностью механизированное общество, нацеленное на максимальное производство материальных благ и их распределение, управляемое компьютерами. В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный, все больше превращается в частицу тотальной машины»*.

В широкой публицистике и даже в социологических работах часто встречаются обращения к мотивам из романа российского писателя Е. Замятина «Мы» и романа английского писателя О. Хаксли «О дивный новый мир». В обоих произведениях изображается стандартизированный мир материального благосостояния и духовной ограниченности. Управляемое высокоспециализированными, но бездушными технократами, это общество состоит из обезличенных людей, являющихся объектами всесторонней и постоянной манипуляции.

Один из способов ослабления и сокрытия этих противоречий был найден в так называемой массовой культуре, основная социальная функция которой — направить разбуженные научно-техническим прогрессом массовые потребности в конструктивном направлении, встроить их в механизм расширенного воспроизводства. Это достигалось расширенным потреблением, в котором культура стала товаром массового спроса. Человек оказывается объектом «культы потребления» и добычей рекламы, которая драматизирует мир вещей, искусно преувеличивая их действительную значимость в человеческой жизни, раздувает смутное желание обладать ими до уровня всепоглощающей страсти. Тем самым вещизм не только неоправданно преувеличивает значение материально-вещных потреб-

ностей в ущерб духовно-творческим, но и придает элементарным нуждам людей видимость высокого духовно-эмоционального напряжения, превращая все действительно возвышенное в нечто пресное, скучное или вообще излишнее. А капризы искусственно обновляемой моды то и дело обесценивают еще недавно столь надежные и престижные вещи. Проблематика массовой культуры будет подробнее рассмотрена в следующей главе.

Г. Экологические границы индустриализма.

Индустриальное общество основано на «жестких» технологиях, осуществляющих принцип «человек — покоритель природы». Природа рассматри-

* Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. — М., 1993. — С. 220.

402

вается лишь как внешний объект и как предмет труда, а не как среда обитания, с которой человек находится в постоянной связи. И хотя эта установка способствовала высокой эффективности производства, она же стала причиной глобальных процессов экологической деградации. Другим следствием такого отношения стала чрезмерная урбанизация планеты, создавшая тяжелые условия для физического существования человека.

КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Но что же происходит в этих условиях с другими типами духовности, прежде почти целиком определявшими содержание ценностно-смысловой сферы, хотя и находившимися между собой в состоянии жесткой конкуренции? Кризис охватывает как секулярно-просветительские направления художественной культуры или философии, так и религиозные формы духовности. Напомним, что даже в период своего расцвета классическая художественная культура оставалась привилегией достаточно образованных людей, имеющих положение в обществе. Именно образование давало ключ к освоению и пониманию почти любых видов литературы и искусства, творимых в то время. (Только театр в некоторых своих разновидностях сохранял связь с народной аудиторией.) Даже выходцам из богатых слоев приходилось предпринимать немало усилий, чтобы освоить «культуру знатных». В университеты шли обычно уже сыновья разбогатевших буржуазных родителей, которые сами вряд ли что читали, кроме Библии и бухгалтерской книги. Устойчивое признание великой художественной культуры XVIII—XIX вв. было связано все же с теми слоями населения, которые входили в той или иной степени в орбиту буржуазных отношений. Литература и искусство критического реализма в значительной степени были ориентированы на менталитет слоев, вошедших в эти отношения или так или иначе к ним примыкавших. Для остального населения смыслы, нормы и ориентации по-прежнему поставляла церковь. А народная культура, как мы видели, если и сохранялась, то в сильно ослабленном состоянии, как остатки мифологическо-магического пласта прежней культуры.

Конечно, по мере расширения секуляризации просветительская и реалистическая литература и искусство XIX в. все более определяли мировосприятие активных слоев буржуазного общества. Однако в конце XIX в. прежняя художественная культура перестает в должной степени удовлетворять разнородные потребности активных социальных слоев. Первичная работа по социализа-

403

ции этих слоев проделана, и общество нуждается в гибкой и многообразной социализации массы населения, в создании многообразной и доступной системы ориентаций в усложняющемся мире.

Начало XX в. принесло с собой крупнейшие события, оказавшие длительное воздействие на все стороны жизни западного общества. Первая мировая война основательно подорвала прежнее доверие к ценностям разума, прогресса и стабильного мира. Октябрьская революция в России привела к формированию общества, противостоящего буржуазному миру по социально-экономическим, политическим и культурным принципам.

Какое влияние эти процессы оказывают на прежнюю классическую культуру, определявшую духовную жизнь образованных слоев европейского общества? В первой половине XIX в. она становится достоянием аристократических салонов и академических школ, пользующихся покровительством официальных кругов и прежних привилегированных классов, приобретая все более эпигонский и эклектический характер. Растущее влияние широких слоев населения, вовлекаемых в современные формы производства и отношения, требует расширения современной культуры, соответствующей их интересам. Ощущение (и осознание) упадка прежних смыслов и ценностей порождает *декадентство* конца XIX и начала XX в., которое завершает прежние течения в изощренной или измельченной форме. Для искусства декаданса характерны пессимизм и отрицание смысла жизни, констатация тщетности человеческих устремлений, любование мотивами разложения и смерти, попытки найти в утонченной эстетике форму ухода от жизни. Культ красоты сочетался в декадентстве с аморализмом и крайним пессимизмом.

Это течение стало довольно влиятельным в художественной культуре ряда стран Западной Европы

(особенно Франции, Германии и Великобритании), но также в Америке (творчество Эдгара По) и в России, где к этому течению обычно причисляют ряд известных писателей, поэтов и художников (А. Белого, Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Арцыбашева, Ф. Сологуба, А. Сомова, М. Врубеля и др.). В интеллектуальной жизни России этого периода заметную роль играла полемика вокруг декадентства, против которого выступили сторонники различных направлений модернизма.

КУЛЬТУРА МОДЕРНА

То направление, которое оказалось перспективным и на долгое время определило основной характер художественной культуры

Запада в первую половину XX в., принято называть *модернизмом*. Вначале наиболее сильное выражение это направление получило во Франции, но потом распространилось и в другие страны Западной Европы, Америку и Россию. В его рамках в большой степени происходили поиск и утверждение новых духовных основ бытия, отвечающих требованиям позднего индустриального общества. Характерно, что это направление получило выражение и в некоторых социально-политических движениях этого периода, как лево-радикального, так и право-радикального толка. Многие видные художники-модернисты на раннем этапе жизни принимали участие в такого рода движениях и содействовали им своим творчеством, перейдя затем в сферу «революции духа».

К этому направлению принято относить самые разные течения в искусстве XX в., зачастую вступающие в ожесточенную конкуренцию и полемику друг с другом: ранний и поздний импрессионизм, экспрессионизм, символизм, кубизм, футуризм, супрематизм, конструктивизм, фовизм, дадаизм, сюрреализм, абстракционизм и т.д. Некоторые культурологи считают вполне правомерным отнести к нему и искусство социалистического реализма, получившее распространение в СССР и других странах. Модернизм отразился в самых разных формах художественной культуры (живопись, поэзия, литература, скульптура, графика, музыка, архитектура, хореография). В теоретическом плане модернизм смыкается с различными вариантами «философии жизни» и экзистенциализма, представленной столь различными мыслителями, как А. Бергсон, Ф. Ницше, Н. Лосский, Л. Шестов, С. Кьеркегор, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Н. Бердяев, З. Фрейд, Э. Фромм и К. Юнг.

Модернисты придерживались различных ценностно-интеллектуальных мотиваций: иррационализм и рационализм, формирование нового мифологизма и конструирование техноутопий, личностный и надличностный мир форм и смыслов. Тем не менее в этом направлении отразилось стремление к активному утверждению человеческих проектов, преодоление натурализма и реализма, предполагающих доверие к сложившимся формам жизни и предметности бытия. Искусство становится не только отражением реальности, но и средством ее преодоления, ее заменой и выражением истинного бытия. Поэтому новое искусство предполагает разрыв с прежними формами, их препарирование и реконструирование или же воссоздание принципиально новых моделей бытия, преодолевающих прежние ограничения. Источником этого нового могут стать самые различные начала: создание

405

принципиально новых моделей в архитектуре конструктивизма, апология техницизма в техноутопиях и живописи футуристов, утверждение абсолютной ценности индивидуального начала в философии и литературе экзистенциализма, приобщение к архаическим мифам, связующим человека со стихиями природы, непосредственное соприкосновение с высшим началом в различного рода мистических течениях и т.д. Модернизм способствовал преодолению традиционных типов буржуазности, внедрял в общество идеи и мотивации, способствующие переходу к зрелому индустриальному обществу и выходу за его пределы.

Глава XIV. МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Основные темы.

Производство и культурное потребление. Технологические и социальные факторы, формирующие массовую культуру.

Средства массовой коммуникации в массовой культуре.

Механизм массовой культуры и ее функции: адаптация к массовому обществу, релаксация или манипуляция? Виды массовой культуры, жанры массовой литературы и музыки, аудиовизуальные средства, зрительский спорт, наркотики. Социальные и духовные характеристики массовой культуры. Культивирование расширенного потребления и роль рекламы в формировании образа жизни различных слоев населения.

Критика массовой культуры. Позитивные и критические оценки массового общества и его культуры. Социологическая и элитарная критика. Эволюция массовой культуры и тенденции формирования этгизированной культуры «среднего уровня».

ПРОИЗВОДСТВО И КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Важным изменением, преобразившим во многом облик социокультурной жизни в позднем индустриальном обществе, стало новое соотношение между производственной и социокультурной сферой. Как пишет Д. Белл*, буржуазное общество XIX в. при всех его социальных конфликтах можно рассматривать как относительно целостное образование: экономика, социальные отношения и культура были проникнуты единой системой ценностей. К этому времени и относится взлет западной цивилизации. На

* Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. - N.Y., 1976.

406

новом этапе происходит разрыв между сферой производства и расширенной внепроизводственной сферой. В организации производства и труда требуются рациональность, трудолюбие, самоконтроль, преданность делу, предусмотрительность. Причем все эти качества необходимы в еще большей степени, чем прежде, ввиду сложности производства и опасностей, возникающих при нарушении его нормального функционирования.

В сфере потребления, напротив, поощряется принцип расширенного потребления, мотовства, показуха, неумные поиски наслаждений. Растущий жизненный уровень и освобождение нравов от «репрессивной культуры» становятся теперь самоцелью и определяют степень личной свободы.

Как мы видели, эти тенденции к антибуржуазному бунтарству проявлялись еще в XIX в. в виде романтизма, эстетизма, модернизма, различных форм эскапизма и т.д. Но на том этапе это была преимущественно революция в искусстве, культ эстетического и духовного авангардизма. На новом этапе эти тенденции приводят к утверждению альтернативных стилей поведения и деятельности для все более широких социальных групп, прежде всего молодежи и различного рода этнических и культурных меньшинств.

Эта культура привязана не столько к *расширенному*, сколько к *оригинальному*, а значит, и престижному потреблению. В ней переворачиваются те основные принципы, которые лежали в основе буржуазной духовности в период формирования западной цивилизации. Вопреки представлениям М. Вебера о рационализации мышления и поведения в обществе XX в. современная доминирующая культура порывает с принципами рациональности и ведет поиски иррационального опыта.

С завершением формирования индустриального общества и его зрелостью обычно связывают и становление массовой культуры. Прямыми предпосылками этого процесса являются постепенное повышение статуса городского рабочего класса и расширение демократических институтов, а значит, и более широкое вхождение трудящихся слоев в активную гражданскую жизнь. Необходимым условием стало распространение грамотности. Если зарождение массовой культуры можно отнести еще к тому времени, когда стала появляться доступная литература и картинки для «простого люда», то зрелый этап наступает с принятием в 70—90-х гг. XIX в. сначала в Великобритании, а затем и других европейских странах закона об обязательной всеобщей грамотности. Эти тенденции стали быстро распространяться на другие развитые страны Европы и Америки, включая Россию.

По словам российского специалиста по проблемам массовой

407

культуры К. Разлогова, «наивные наблюдатели полагали, что наконец настала золотая пора, когда народ «Белинского и Гоголя с базара понесет». Но эта прекрасная мечта была быстро разрушена. Едва научившись читать, массы обратились к Пинкертону и популярной беллетристике, а в пограничной с изобразительным творчеством сфере — комиксам, которые стремительно завоевывали еще не обжитые культурой территории»*.

В 1895 г. был изобретен кинематограф, ставший средством массового искусства, близкого всем — без различия пола, возраста, вероисповедания, не требующий даже элементарной грамотности для своего восприятия. К тому же периоду относится и широкое распространение фотографии, ставшей массовым средством информационного реализма. Третий важнейший сдвиг был связан с изобретением и внедрением граммофонной записи, что породило еще один раздел будущей массовой культуры (до появления самого этого термина) — легкую музыку, захватившую радиовещание, а затем и все формы звукозаписи и разделившую с экранным творчеством славу «развлечения» и «развращения» широких масс.

Первая мировая война во многом способствовала разочарованию в прежних ценностях, внедряемых классической культурой. Она же скомпрометировала прежние господствующие элиты, оказавшиеся неспособными справиться с социальными и национальными противоречиями и конфликтами. После окончания войны средства массовой культуры получили интенсивное развитие сначала в Америке, а затем в Западной Европе в 20-х гг., сначала в период послевоенного бума, а затем «великой депрессии», когда, как иногда полагают, в условиях массового разорения, безработицы, нищеты и отчаяния именно «Голливуд спас Америку от социальных потрясений». Конечно, в дополнение к масскульту в обществе были использованы эффективные социальные программы, связанные с «новым курсом» Ф.Рузвельта. Однако не меньшее значение отводилось массовой

культуре, с соответствующим националистическим уклоном, в нацистской Германии.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

По расхожему выражению западных социологов, в современном обществе господствуют три МММ: массовое общество, мас-

* Разлогов К. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. - М., 1990. - Вып. 1. - С. 134. См. также: Разлогов К. Коммерция и творчество: Враги или союзники? — М., 1992. — С. 160-180.

408

совая культура и масс-медиа. Мы уже рассматривали (в главе VI) функции средств массовой информации в производстве знаний (к которому информатика, как мы видели, далеко не всегда имеет отношение) и в коммуникативных процессах, где СМИ преобразуют, дополняют или же заменяют другие средства коммуникации. В главе X мы рассматривали роль СМИ в культурной политике, проводимой государством или общественными организациями. Позднее мы рассмотрим роль СМИ в системе международного культурного общения. Однако СМИ составляют также важную часть современной массовой культуры. А может быть, и важнейшую, так как считается, что почти вся современная массовая культура так или иначе проходит через масс-медиа.

Именно через масс-медиа массовая культура проникает в самые широкие слои, самые удаленные уголки как в рамках национальных обществ, так и в глобальных пределах. Через масс-медиа проходит процесс «культурной гомогенизации», в ходе которого сходные вкусы и формы «культурного потребления» распространяются как в привилегированных, так и малообеспеченных слоях населения. Все общество может убедиться в том, что «богатые тоже плачут» (так назывался один из мексиканских телевизионных сериалов). Это само по себе не приведет к изменению соотношения разных слоев в сфере производства, а политика также во многом связана с масс-медиа.

К 60-м гг. XX в. технические возможности массовой культуры многократно возросли. В дополнение к статичной фотографии пришло кино, многократно возросли возможности радио и телевидения, спутниковая связь в сочетании с минимизацией принимающих систем и их надежностью обеспечивает устойчивую сеть проникновения массовой культуры. В дополнение и на смену прежнему телевидению приходят кассеты, компакт-диски и видеофильмы. Первое выступление в США рок-группы Битлз, происшедшее в 1964 г. в Карнеги-холл в Нью-Йорке, слушали не только 2 тысячи посетителей зала, но и 73 миллиона человек по телевидению. Позднее благодаря спутниковой связи подобные мероприятия становились доступны почти 2 миллиардам людей — почти половине жителей земли. Таким образом, масс-медиа служат как носителями культуры, так и средством манипуляции.

Конечно, важную роль различные варианты массовой культуры играют и в реализации массовой коммуникации и распространении информации. Поэтому аудиовизуальные технологии рассматриваются как часть средств массовой информации, хотя они, как мы видим, играют важнейшую роль в сфере массовой культуры. Способность к быстрому и почти тотальному охвату самых широ-

409

ких аудиторий превращает СМИ в важнейший фактор, трансформирующий всю систему духовного производства.

МЕХАНИЗМ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Какие же изменения в духовном производстве принесла с собой массовая культура? Как подчеркивает К. Разлогов, этот процесс означал не только введение еще одного типа и варианта культуры наряду с другими, уже сложившимися и устоявшимися, а изменение самого типа функционирования культуры*. Это изменение вполне можно сравнить с тем, что произошло на переломе между средневековьем и Возрождением, когда началась эра постепенного оттеснения монополии религиозной духовности и церковного искусства в пользу секулярной культуры просвещенных слоев. Каковы бы ни были достижения и распространение этой светской духовности, все же монополистом духовной жизни масс оставалась церковь. На рубеже XIX-XX вв. оба эти соперника вынуждены были уступить влияние на умы и души людей новому грубоватому пришельцу, располагавшему в отличие от конкурентов гораздо большими техническими возможностями, над развитием которых трудились талантливые изобретатели и коммерческие структуры.

Своим содержанием и принципами функционирования массовая культура тесно взаимодействует с другими сторонами социальной регуляции в том обществе, которое складывается на рубеже веков и которое получает также название «массового».

В социальном плане массовая культура связана с необратимыми процессами урбанизации и тем разрывом традиционных форм социальности, патриархальных связей между людьми и поколениями, которые до той поры обеспечивали устойчивые локальные мирки с привычными ориентациями, дополняемые религиозными ценностями. В растущей степени церковь оказывалась бессильной дать

надежную ориентацию в условиях резко усложнившейся жизни. Психическое напряжение, неизбежное в ходе широкой миграции из деревни в город и из Старого Света в Новый Свет, наряду с расширенными возможностями по новому «устроиться» в жизни, требовали нового духовного, душевного и умственного продукта.

* Разлогов К. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. - М., 1990. - Вып. 1. - С. 134. См. также: Разлогов К. Коммерция и творчество: Враги или союзники? — М., 1992. — С. 160—180.

410

Как пишет далее К. Разлогов, «ключевую роль сыграло и развитие производства, его усложнение и резкое повышение затрат психической энергии». Если в эпоху классического капитализма для восстановления сил было достаточно сна и «грубых наслаждений», то новые типы производства, неизмеримо увеличивая интеллектуальные нагрузки, столь же значительно расширяют роль художественной культуры в процессах рекреации. «В этом же направлении движется и эволюция всей системы образования, в особенности увеличение длительности учебы, в ходе которой опять-таки тратится интеллектуальная энергия. Если учитывать, что именно молодежь обладает наибольшим резервом свободного времени для расширения контактов с искусством и непосредственного участия в культурном творчестве, то крен в сторону компенсаторно-развлекательного начала предстанет и вовсе неизбежным»*.

Функциональность культуры в массовом обществе можно определить по нескольким измерениям. Во-первых, она отвечает потребностям многообразной и сложной ориентации в условиях необходимости освоения различных ролей, меняющихся в зависимости от ситуации, быстрых перемен в характере производства, образе жизни и т.д. Конечно, это происходит большей частью через банализацию и упрощение объяснительных причин и обстоятельств, сводимых обычно к хорошо узнаваемым различиям «свои» — «чужие», «хороший» — «плохой», «доброта» — «жестокость», «случай» — «повседневность». Обращаясь к низовым и повседневным сферам поведения, массовая культура утверждает понятные и стереотипные представления о человеческих отношениях, не требуя от человека усилий на преодоление самого себя. Она обращается к жизненным инстинктам, срабатывающим как условия постоянного жизнеобеспечения.

Таким образом, первичная функция этой культуры — обеспечить социализацию и витальность человека в условиях усложненной, изменчивой, неустойчивой и ненадежной среды большого города, приучить к новым социальным ролям и ценностям, способам регуляции своего поведения и деятельности в разнообразной обстановке, снятия психологического напряжения и решения конфликтных ситуаций.

Огромному контингенту людей, различного возраста и пола, эта культура дает функционально пригодные представления о необходимом стиле поведения, образе жизни, карьере, отношениях между людьми, путях реализации своих стремлений.

* Разлогов К. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. - М., 1990. - Вып. 1. - С. 139.

411

Согласно концепции широко известного канадского социолога и культуролога Г.М. Маклуэна, эра масс-медиа и электронной информации радикально меняет как среду обитания человека, так и его самого. Новые СМИ и ЭВМ уничтожают на планете пространство и время, устраняют все национальные границы, связывая в единую сеть самые отдаленные уголки. Сам человек принуждается думать не «линейно-последовательно», а через интервалы, мозаично, и именно глобальная сеть СМИ воссоздает универсальность духовной регуляции.

Другая важная функция массовой культуры — удовлетворить потребность в рекреации и отвлечь индивида от интенсивной гонки в сферах жизненного успеха. Эта культура складывается не только на основе таких развлекательных жанров, как эстрада, комедии, комиксы, зрелищный спорт и т.п. Ее наиболее существенный механизм составляет постоянно расширяющееся потребление в самых различных сферах, обеспечивающее хотя и унифицированный, но постоянно обновляемый и вариативный образ жизни. Сила массовой культуры заключается уже в том, что она *не отделена от потребления* в самом широком смысле этого слова и от самого образа жизни. Пища, одежда, жилище, бытовая техника, предметы обихода, образование — все поступает человеку через механизмы массовой культуры, в которой нормативные и престижные стороны переплетены с функциональными. Даже в глазах представителей элиты духовный продукт приобретает ценность лишь постольку, поскольку он становится предметом массового спроса. Непризнанные гении вышли из моды. Их место заняли *кумиры и идола*, изготовленные «фабриками грез».

Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои. Предшествующая ей популярная культура, включавшая традиционно-гуманистические идеалы и ценности, лишь *претендовала на всеобщность*. На практике она охватывала явное меньшинство населения, а большинство — рабочий класс, крестьянство, люмпенство, национальные меньшинства

— оказывалось за пределами этой культуры. В массовом обществе происходит перестройка системы стратификации, вызываемой ростом среднего класса (более 50% населения), т.е. сближением основных социальных групп и слоев если и не по месту в системе производства, то по крайней мере в политической жизни и образе жизни.

Концентрированным выражением такого превращения культуры в средство стимуляции потребления и сам продукт потреб-

412

ления стала реклама, достигшая в современном обществе огромного размаха и поглощающая гигантские средства. В отношении рекламы есть существенные расхождения между ее приверженцами и критиками. Сторонники отмечают необходимость рекламы для хозяйственной деятельности, так как она способствует сбыту товаров, расширяет рынки, регулирует увеличение потребления, а значит, и выпуск продукции. Реклама, как они предполагают, предоставляет покупателю информацию для продуманного выбора, способствует эстетизации повседневной жизни и ее разнообразию, обеспечивает потребителю независимость в принятии решений. Она зачастую принципиально меняет сложившиеся ценностные установки в сторону их осовременивания и адаптации к новому миру, вырабатывает у потребителей новые вкусы и желания, дотоле неизвестные и невыраженные. Тем самым реклама отражает насущные потребности массового общества.

Критики рекламы видят ее слабые стороны в следующем. В экономическом плане расходы на рекламу составляют слишком большую часть продукции, что ведет к бесполезному использованию ресурсов в ущерб более необходимым социальным нуждам. Она создает у людей искусственные потребности, бесполезные или даже вредные в долговременном плане. Информационная нагрузка рекламы все больше сводится к минимуму в пользу манипулирования эмоциональными, витальными и подсознательными факторами. Она нацеливает человека на реализацию первичных витальных ценностей, связанных с удовлетворением материальных потребностей, или стремления к социальному престижу опять-таки через приобретение некоторого предметного воплощения. Как отмечают культурологи, реклама утверждает почитание материального продукта как полноценного заместителя духовного продукта, представление о материальном богатстве и расширенном потреблении как конечной цели человеческого бытия. Через рекламу предметный мир вновь приобретает магические свойства, на которые человек может повлиять самым актом купли-потребления. Манипуляция подсознанием создает иллюзию независимого выбора, подчиняя индивида вдвойне — навязывая ему иллюзорную потребность и заставляя его изыскивать средства для ее удовлетворения. Предлагая индивиду кажущееся широкое разнообразие во второстепенных аспектах, реклама способствует деперсонализации и конформности поведения. В этом нетрудно убедиться из обозрения супермаркетов и видеопродукции во всех странах мира.

Но в этом, как отмечают многие критики, и заключается важнейшая сторона массовой культуры. Эта культура избавляет ин-

413

дивида от необходимости долгого и сложного приобщения к высокой культуре. Как подчеркивает К.Разлогов, «массовой аудитории трудно воспринять произведение, автор которого старательно конструирует эстетическую дистанцию между художественным текстом и зрителем, читателем, слушателем. Тем самым художник облегчает работу критика, в задачу которого как раз и входит анализ эстетической специфики. Массовая культура, наоборот, эту дистанцию игнорирует. Если элитарное искусство в известной мере, хотя далеко не полностью, характеризуется торможением непосредственных человеческих переживаний, то массовая культура базируется на универсальных психологических, даже психофизиологических механизмах восприятия, которые активизируются независимо от образования и степени подготовленности аудитории... Для того чтобы ею по-настоящему наслаждаться, лучше быть художественно необразованным человеком. Художественная образованность здесь не стимул, а препятствие, потому что массовая культура, обращенная главным образом к эмоциональной сфере, по определению, не требует никаких дополнительных знаний, мешающих по достоинству оценить произведения такого типа»*.

Эта всеобщность как пригодность для максимально широкого круга населения не исключает разнообразия и структурированности массовой культуры в зависимости от социальных, возрастных, субкультурных различий. К этой культуре можно отнести огромное разнообразие жанров, в том числе детектив, приключения, фантастику, мелодраму, мистику, эротику, книги об НЛО, таинственных явлениях, джаз и рок, мистические практики, восточные системы психотренинга и т.д.

Тиражирование отнюдь не обязательно является опошлением высокого и уникального (хотя потери здесь возможны и неизбежны). Согласно исследованиям искусствоведов, в современную эпоху знакомство с тиражированными творениями культуры никак не исключает глубокого проникновения в уникальную сущность оригиналов.

Поэтому неоправданно судить о функции массовой культуры с позиций высокой эстетики и, опираясь на них, принимать меры по ограничению этой культуры, уничтожая тем самым культурный

механизм снятия огромных напряжений, возникающих в повседневном существовании, настроений усталости и безразличия, жестокости и агрессивности, отчаяния и растерянности, обиды и страха.

* Разлогов К. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. - М., 1990. - Вып. 1. - С. 141.

414

КРИТИКА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Как мы видели, в апологетических концепциях массовая культура рассматривается как положительное явление, отражающее рост жизненного уровня и образования и к тому же являющееся фактором демократизации общественной жизни.

Существует и немало критических оценок массовой культуры как закамуфлированного средства *манипуляции* общественным сознанием и состоянием масс. Наиболее содержательно эту сторону массовой культуры раскрыл Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» (1964) и других работах. Он показал, что культура позднего капиталистического общества становится *репрессивной* и порождает одномерные влечения среди широких слоев, подверженных принципам потребительства и интегрируемых в буржуазную обыденность всей системой духовного воздействия. Индивиды оказываются встроенными в систему потребительских ориентаций, которые обеспечивают функционирование капитализма как типа социальной организации через снятие внутренних конфликтов, возникающих среди рядового населения.

Другая линия критики идет со стороны сторонников высокой и элитарной культуры. Содержательное воплощение эта линия получила, например, в работе известного испанского мыслителя Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс». Для него массовая культура предстает как оформленное сознание ограниченной, самодовольной, агрессивно настроенной и непросвещенной массы, присваивающей себе миссию навязывать обществу свои узколобые культурные стандарты общего блага, снижая тем самым уровень духовной жизни в целом. Ортега-и-Гассет противопоставляет «жизнь благородную и жизнь пошлую». Если первая воплощает в себе энергию, творчество, достижения и заслуги, поиски высоких идеалов, то вторая — воплощение косности, разрушение норм и ценностей, примитивизацию жизни и отношений.

«Демонизм», приписываемый массовой культуре такими мыслителями, объясняется ее вездесущим умением сводить человеческие чувства до упрощенного удовлетворения сиюминутных страстей, не стесняемых какими-либо моральными ограничениями. Такая критика широко распространена как в нашей стране, так и на Западе или в странах любого региона. По определению одного из американских критиков, это «культура до пояса», не затрагивающая собственно духовные сферы бытия. А вот как писали, например, в своем письме в «Независимую газету» (февраль 1994 г.) академики П. Волобуев и Б. Рыбаков и писатель Ф. Шахмагонов: «Это поток из сточной канавы, поток безвкуси-

415

цы, мерзости и одичания. На крикливо оформленных обложках — уродливые хари, окровавленные зубы вампиров и прочей нечисти, чудовища из расстроенного воображения торговцев ужасами, грубый секс и убийства, убийства, убийства...»

Как только заходит речь о массовой культуре, по мнению российского социолога А.Б.Гофмана, «даже наиболее беспристрастные исследователи утрачивают порой объективность. Случается, что даже деятели культуры, убежденные в собственной приверженности демократическим ценностям, считают своим долгом ее осудить. При этом используются разного рода ухищрения, в частности терминологические. Массовая культура решительно противопоставляется культуре масс, народной, подлинной культуре и т.д. Этому обычно предшествует процедура сведения первой к низкопробной, пошлой продукции, создаваемой ловкими ремесленниками и мошенниками на потребу неразвитой в духовном отношении массе».

Далее исследователь пишет: «Чрезвычайно важно выяснить, какие реальные альтернативы скрываются за такого рода ходом мысли. На сегодня доминируют две критические позиции — культурный элитаризм и традиционализм (последний часто выдается за народность). Явно или неявно подразумевается, что в прошлом существовал золотой век культурного процветания, когда «истинные» творцы создавали исключительно «подлинные» культурные ценности, а «истинные» ценители «по-настоящему» усваивали их.

Недифференцированно критическое отношение к массовой культуре, ее «отбрасывание» многими западными, а вслед за ними и некоторыми отечественными теоретиками и практиками, по сути дела, скрывает снобистскую критику масс. Разумеется, неприятие низкопробной продукции, предлагаемой «рынком» культуры, не может вызвать возражений, однако низкое качество и массовость — отнюдь не синонимы»*.

Представим себе заведомо низкопробное произведение искусства, не распространяемое средствами массовой коммуникации и «потребляемое» в рамках небольшой группы. Отнесем ли мы

его к массовой культуре? Отрицательный ответ очевиден. С другой стороны, шедевры мировой культуры могут одновременно или последовательно принадлежать обоим измерениям: массовому и немассовому. Произведения Баха сами по себе, конечно, не возникли в сфере массовой культуры. Однако будучи записаны на грампластинку, магнитофонную ленту или же используемые в

* Гофман А.Б. Дилеммы подлинные и мнимые, или о культуре массовой и немассовой // Социс. - 1990. - № 8. - С. 106.

416

качестве музыкального сопровождения в соревнованиях по фигурному катанию, они, несомненно, уже принадлежат массовой культуре. При этом, что особенно важно подчеркнуть, они не перестают принадлежать своему гениальному автору и никоим образом не могут его скомпрометировать. То же самое относится и к часто упоминаемой «профанированной» Моне Лизе на упаковке туалетного мыла и к другим подобным фактам.

Распространенный мотив критики массовой культуры — стандартизация, неизбежно сопровождающая ее «продукцию». Такая критика всегда явно или неявно исходит либо из идеализации традиционной культуры, якобы не знавшей стандарта, либо из сведения культурных ценностей прошлого только к высшим уникальным классическим образцам (при этом забывают о том, что «средние» и «нижние» этажи зачастую просто канули в Лету). Уместно заметить, что заниматься этим — значит уподобляться человеку, который стал бы сравнивать, к примеру, современный типовой жилой дом, построенный массовым индустриальным методом, с каким-нибудь флорентийским палаццо XV в. и энергично доказывать очевидные эстетические дефекты первого в сравнении со вторым, подразумевая, что хижин во Флоренции того времени просто не существовало.

Дилеммы типа «массовая или народная?», «массовая или классическая?» необоснованы. Более уместно и ближе к реальности сопоставление массовой культуры с элитарной, традиционной и специализированной. Но здесь важно осознавать условность и подвижность этого различия. В современных обществах элитарное, традиционное и массовое составляют пересекающиеся между собой и взаимопроникающие элементы культуры, которые зачастую не могут существовать друг без друга.

В 70—80-х гг. в западных странах стала количественно преобладать культура среднего уровня (мидкульт). Для телепрограмм, радиопередач, журналов уровня мидкульта характерно соединение образцов высокой культуры и популярной. Священная история становится сюжетом для музыкальной оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Экранизация «Оливера Твиста» и «Войны и мира» адаптирует классику к «экранной» культуре, но тем самым приподнимает духовный мир зрителя над обыденным уровнем. Мидкульт делает модными образцы подлинно художественного творчества (например, высокоинтеллектуальные романы А. Камю или У. Фолкнера), создает моду на популярную науку, старину, альтернативные стили бытия и т.д.

Существенной особенностью массовой культуры стало широкое распространение в ней не только собственно развлекатель-

417

ной художественной продукции, но и популярной науки. Огромное число научно-популярных журналов дополняется постоянными радио- и телепередачами образовательного характера. Публичные чтения, семинары, сессии, летние лагеря собирают небывало обширные аудитории и способствуют приобщению широких масс населения к научным знаниям. Но конечно, наряду с собственно научными, хотя бы и популярными знаниями немалое распространение получают и оккультные знания, а также различного рода манипулятивная психотехника, хорошо приживающаяся в массовой культуре.

Для массовой культуры 70—80-х гг. характерны попытки ее *этизации*. Общеизвестно разлагающее влияние масскульта: пропаганда насилия, порнографии, наркотиков превратилась в его атрибут. Среди теоретиков массовой культуры, считающих ее обязательным атрибутом технизированного мира, стали раздаваться призывы поднять ее моральный уровень. Этизацию масскульта связывают обычно с ростом влияния гуманитарной интеллигенции и диффузией религиозных ориентаций, хотя и в «размытом» и неустойчивом поисковом виде.

Глава XV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Основные темы.

Принципы взаимодействия культур в международных отношениях.

Структура взаимодействия культур в сфере художественной культуры, политической культуры, морали, права, науки и т.д.

Уровни взаимодействия культур: а) этнический, б) национальный, в) цивилизационный. Амбивалентность взаимодействия: взаимное обогащение и отталкивание. Механизм взаимодействия культур. Прибавление,

усложнение, подавление другой культуры. Факторы конфликтности, формы подавления, реакция на подавление. Торговля и война как способы взаимодействия. Пути улаживания межэтнических конфликтов: разделение труда, создание межэтнической культуры (язык, общие культы, праздники и т.д.), самоизоляция, сегрегация.

Колониализм и этнокультурные процессы. Особенности европейского колониализма в сфере культуры в XIX—XX вв. Механизм духовной колонизации. Критерии «цивилизованности». Воздействие колониализма на культуру покоренных стран. Просветительство и реформаторство.

Современная культурная экспансия Запада. Ее характерные черты: а) перенесение образа жизни и ориентаций буржуазного Запада; б) на-

418

саждение западной культуры как универсальной, исключая вклад других культур; в) стремление достичь путем культурных связей политических целей; г) односторонний поток информации от «центра» к «периферии»; д) формирование в зависимых странах прозападной культурной элиты.

Механизм культурной экспансии: демонстрационный эффект, внедрение массовой культуры западного типа, создание прозападной интеллигенции, ориентированная вовне система образования, демонстрационный эффект (реклама и т.п.).

Борьба за культурную независимость и утверждение культурной самобытности. Содержание самобытности и ее рамки.

Характеристики мировой межнациональной культуры.

Современные тенденции межкультурного взаимодействия. Расширение сферы общемировой культуры (наука, право, образ жизни, высокая и массовая культура). Усиление плюрализма национальных культур. Диалог мировых культур. Концепции и опыт ЮНЕСКО, Европейского сообщества и т.п.

Принципы межкультурного общения и взаимопонимания.

ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Культурные связи наряду с экономическими и политическими — постоянный и существенный компонент общения между народами. Все эти компоненты не только дополняют друг друга, но и вступают в сложное взаимодействие, где каждый обнаруживает свою самостоятельность и специфику. Культура охватывает духовную жизнь общества — ту сферу, в которой создаются, сохраняются и накапливаются духовные ценности, знания, нормы и исторический опыт. Поэтому культура — арена наиболее устойчивого взаимодействия народов, их взаимного обогащения и понимания.

Политические раздоры могут основательно нарушать и даже временно прерывать нормальные отношения, особенно если культура используется как инструмент национального противопоставления, консолидации «своих» и отторжения «чужих». Однако «поверх барьеров» и границ поддерживаются контакты как между высокими уровнями культуры, так и в различных сферах жизнеустройства даже враждебных наций. Когда стихают политические страсти, культуры вновь вступают в полноценный контакт.

Конечно, история культуры знает примеры, когда общество долгое время развивалось почти полностью изолированно, без внешних контактов. Как подчеркивает российский этнолог

419

С.А. Арутюнов, для большинства такого рода обществ характерна длительная стагнация, отсталость и утрата значительной части собственного достояния (например, у тасманийцев, полярных эскимосов, андаманцев и т.д.). Открытость внешним влияниям, взаимодействие — важное условие успешного развития любой культуры и ее поддержания в полном объеме.

Как известно, в *международные политические отношения* вступают между собой прежде всего государства, иногда нации, не имеющие государственности, но добывающиеся ее, а также разного рода международные движения и организации (Движения неприсоединившихся стран, ООН и т.д.). Не все нации участвуют в международной политике, в которой существует признанный механизм «признания» субъектом такой политики.

В отличие от политики международные культурные связи проявляют значительную *самостоятельность* по отношению к государственному регулированию и способны оказывать обратное воздействие на политику. Распределение культурного влияния зачастую заметно отличается от политической расстановки сил. Опираются на сложившиеся культурные связи и в немалой степени стимулируются ими и межгосударственные объединения.

В культурных отношениях могут принимать участие как большие, так и малые нации, как имеющие, так и не имеющие своей государственности (и даже не имеющие своей территории, как, например, цыгане). Конечно, влияние крупной нации или цивилизации несравненно крупномасштабнее, чем малых этнических групп, хотя последние также оказывают культурное воздействие на соседей в своем регионе, а может быть, и в мировых связях.

В международных документах этот принцип формулируется как равноправие культур, что подразумевает устранение каких-либо правовых ограничений и духовного подавления стремлений

каждой этнической или национальной группы придерживаться своей культуры и сохранять свою самобытность (идентичность). Конечно, такое равноправие не обязательно означает действительного равенства в силу бесспорного различия в уровнях культурного развития.

СТРУКТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Каждая форма культуры — мораль, право, философия, наука, художественная, политическая и бытовая культура — обладает своей спецификой и воздействует прежде всего на соответ-

ствующие формы культуры. Это способствует заимствованию инородных форм и их адаптации к потребностям собственно среды. Таковы, например, процессы, совершающиеся в литературе: художественная литература Запада обогащает творчество писателей стран Азии и Африки. И наоборот, индийский поэт Р. Тагор или японский писатель Я. Кавабата вносят свое видение мира и человека в западную литературу.

Но каждый компонент духовной жизни соотносится прежде всего со своей культурной средой. В противном случае среди части интеллигенции возникают поверхностные и преходящие увлечения новейшими инородными течениями, не отвечающими духовным задачам общества. В области политической культуры издержки вестернизации чреватые военными переворотами, свергающими парламентские режимы, не имеющие прочной легитимности в общественном сознании. В области права отчужденное формальное судопроизводство не пользуется признанием населения, отдающего предпочтение хотя и устаревшим, но понятным нормам обычного права.

Взаимодействие осуществляется также и по линии субкультур и течений, присутствующих во всякой развитой культуре. Это прежде всего противодействие социально разделенных культур господствующего и угнетенного классов, каждая из которых имеет не только свое идеологическое оформление, но и во многом различные ценностные ориентации. Господствующие классы развивающихся стран, отрываясь от собственного общества в духовном отношении, оказываются под влиянием современной западной культуры. Хорошо известно, что эта проблема в немалой степени определяет и положение интеллигенции в освободившихся государствах. Ее формирование под влиянием новейших достижений культуры Запада приводит подчас к отчуждению от духовной среды своего общества.

УРОВНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Кто же в социологическом плане является участником международных культурных отношений? Выше, в главе VIII, мы рассмотрели основные типы культурных общностей и установили целесообразность их деления по уровням на этнические, национальные и цивилизационные. Между этими-то общностями прежде всего и возникает взаимодействие.

В результате длительного общения между различными нациями может возникнуть региональный тип взаимодействия, кото-

рый порождает общность культуры Средиземноморья, Ближнего Востока, Северной Америки, Тихоокеанского региона и т.д. Особое значение в современном мире приобретает наднациональный уровень.

Рассмотрим более конкретно уровни взаимодействия культур.

Этнический уровень

Этнический уровень взаимодействия осуществляется между локальными этносами, этноязыковыми, культурно-хозяйственными (по общности материальной культуры), историко-этнографическими (по сходству духовной культуры), этноконфессиональными и другими общностями. Во взаимодействии культур этого типа проявляются двойственные тенденции. Взаимное усвоение элементов культуры, с одной стороны, способствует интеграционным процессам, взаимному обогащению, обмену и т.д., а с другой — сопровождается усилением этнического самосознания, стремлением к закреплению этнической специфики. Само по себе этническое общение, выражающееся в усилении контактов, двуязычии, увеличении числа смешанных браков и т.д., еще не ведет к установлению общности. Как известно, культура этноса обеспечивает не только его интеграцию и стабильность как системы. Элементы этой культуры имеют и вторую жизнь, так как выполняют и этнодифференцирующие функции, становятся основой для различения «мы» и «они». Для каждого этноса бытие других этнических групп — внешнее явление, отличающееся не только по содержанию жизнедеятельности, но и в силу несходства культурного облика. Конечно, отношение к этому внешнему началу может варьироваться в зависимости от различных внутренних или внешних факторов. Оно может вызывать интерес, но не вести к взаимодействию. Может возникать и взаимное или одностороннее проникновение, ведущее к использованию каких-либо элементов без утраты взаимной разделенности. Несомненно, что и на этом уровне формируются

элементы межэтнической культуры, на основе которой и происходит прежде всего общение между первичными общностями. К такой культуре относятся прежде всего *языки межэтнического общения*, не обязательно имеющие национальную привязанность. Конечно, такую роль выполняет прежде всего английский язык, за которым следуют испанский, французский, арабский, русский, китайский и некоторые другие ареальные языки. Каждый из них при этом подвергается адаптации к местной среде.

Однако сами по себе такие механизмы еще недостаточны, чтобы обеспечить интенсивное взаимодействие и согласие разнородных элементов. Разногласия и конфликты, в которых дифференцирующие характеристики могут служить поводом и критери-

422

ем для вражды и насилия, делают необходимым формирование устойчивого единства на более высоком уровне.

Национальный уровень.

Национальный уровень. Национальное единство возникает как на моноэтнической, так и на полиэтнической основе через общую хозяйственную деятельность и государственно-политическую регуляцию. Это дополняется созданием и соответствующей культуры — языка, идеологии, норм, обычаев и т.д. В странах Азии и Африки национальное единство в большей степени складывалось на основе общего исторического опыта, накопленного в ходе колониального угнетения и борьбы за национальную независимость и национальное самоопределение. Хорошо известно, что в освободившихся странах национальное объединение прежде всего осуществляется государством. В сфере культуры оно также выступает важнейшим средством утверждения единства.

Тем не менее процессы культурной консолидации нации нередко оказываются двойственными и приводят в свою очередь к росту межнациональных противоречий в рамках одного государства или между ними. В Индии прямое осуждение вызывают тенденции этнической и языковой консолидации, вызывающие напряженные столкновения между представителями разных этноязыковых групп. Многие индийские ученые и политики видят в локальном национализме причины конфликтов и трений, ведущих к дезориентации государственного единства.

Нередко меры по укреплению территориального и государственного национализма ведут к ограничению прав или изгнанию инациональных групп. Так, например, в 70-х гг. в Гвинее, Уганде, Кении, Замбии изгонялись «инородцы» (иногда проживавшие в данной стране в течение ряда поколений) не только из соседних и смежных, но и более отдаленных стран (средиземноморских, азиатских). В 1989-1992 гг. подобные процессы охватили ряд стран бывшего Советского Союза. За такими мерами большей частью стоят экономические причины, так как тем самым ослабляется конкуренция для «титовского этноса» в доступе к местным ресурсам, что нередко наносит длительный хозяйственный ущерб из-за оттока активного населения и вражды с соседями. Тем не менее существуют и социокультурные причины, если возникает сильная потребность в ускоренном формировании нации и преодолении локальных барьеров.

Цивилизационный уровень.

Цивилизационный уровень. Именно в общении между цивилизациями достигались в прошлом наиболее существенные результаты в обмене духовными, художественными, научными достижениями. В средние века европейская цивилизация многое заимствовала из мусульманского региона, а позднее Индия и Китай

423

внесли немалый вклад в культуру Запада. Интенсивный обмен происходил между исламским, индийским и буддийским регионами. Конфликтность этих отношений сменялась мирным сосуществованием и плодотворным взаимодействием.

Как показали новейшие исследования, разносторонние контакты, ослабевшие в эпоху колониального подчинения, существовали между Африканским континентом и другими регионами. Несмотря на несомненное сходство этнических культур Тропической Африки и Латинской Америки, эти регионы долгое время оставались мало осведомлены друг о друге. Лишь в 30-40-е гг. подъем таких культурно-идеологических течений, как индеанизм и африканизм (а вначале негрнизм), сопровождавшийся интересом интеллигенции к истокам культуры своих народов, привел к росту культурных отношений. Мыслители и деятели культуры обоих континентов обнаруживали, что и там, и там неевропейский культурный субстрат имеет похожие характеристики, в том числе в религии, языке, народной культуре.

Достижение независимости многими странами Азии и Африки способствовало в немалой степени снятию прежних ограничений и проявлению тех потенций, которые заключаются в различных этнокультурных и национально-политических общностях. Естественно, что государственные принципы самоопределения наций во многом определяют и характер культурных связей между различными обществами. Большое влияние на эти отношения оказывают и различные политико-экономические организации: СНГ, АСЕАН, Лига Арабских государств, Организация африканского

единства и др.

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

В литературе по проблемам аккультурации раскрыт механизм и последствия взаимодействия различных культур. На этнографическом уровне выделяют как позитивные, так и негативные варианты, а именно: прибавление, усложнение и обеднение (эрозия). Прибавление в культуру Европы приносило почти каждое открытие заморских стран, из которых ввозились культурные растения и навыки их использования (картофель, кукуруза, табак, чай, какао, соя и т.д.). Но и позднее Восток постоянно обогащает Запад своими идеями и достижениями в духовных системах, психотехнике, воинских искусствах, орнаментике и т.д. На уровне массовой культуры этот процесс порождает многочисленные движения, центры, школы и группы, практикующие восточные системы меди-

424 тации или духовного и физического саморазвития. На уровне высокой культуры влияние Востока сказывается в творчестве видных писателей, философов, композиторов и художников.

Такие процессы сами по себе еще не приводили к усложнению духовной жизни Европы, которая уже и без этого была достаточно разнообразной и перестраивала свою структуру в соответствии с внутренней динамикой, иницируя смену периодов, стилей, моды и т.д.

Усложнение происходило в культурной жизни Индии, арабских стран или Китая в период экспансии европейской культуры в XIX в., так как к уже имеющимся развитым системам социокультурной регуляции добавлялись новые, пришедшие из разных метрополий Европы.

Эрозии обычно подвергаются те этнические культуры, которые испытывают массивное воздействие извне и не имеют достаточно устойчивой и развитой собственной культуры, способной адекватно отвечать новым жизненным требованиям. Убедительный пример такого процесса дает, как показал в своих работах С.А. Арутюнов, история айнов, которые оказались постепенно поглощенными культурой Японии. Подобные процессы происходили и с культурой американских индейцев, и лишь ценой создания искусственно поддерживаемых резерваций часть прежних этнических групп сохраняет прежний образ жизни.

Среди факторов, способствующих позитивному эффекту воздействия, следует выделить следующие:

а) степень дифференциации принимающей культуры. Общество, располагающее развитыми системами морали, права, художественной культуры, эстетики, философии, оказывается в состоянии адаптировать к себе функционально приемлемые нововведения, не подрывая основную духовную структуру;

б) длительность контакта, возникающего, например, на основе поддержания торговых путей между разными странами, гораздо результативнее, чем мощные, но кратковременные военные конфликты. Растянутое во времени воздействие вызывает не шоковое состояние и отторжение, а привыкание и постепенное принятие;

в) политические условия взаимодействия. Очевидно, что ситуация господства или зависимости во многом меняет и содержание культурного общения. Зависимость приводит к росту культурного протеста, к культурной интеграции угнетенных народов, в которой мобилизуются духовные силы общества для утверждения его единства и противостояния угнетению. Наглядное выявление эти процессы нашли в период колониализма.

425

Колониализм и этнокультурные процессы.

Колониализм и этнокультурные процессы. Колониальный раздел Азии и Африки оказал различное влияние на культурные процессы:

1. Расчленение сложившихся и складывающихся этнических общностей границами колониальных владений нарушило этнические процессы, приведя к обособлению частей ранее единого народа и их дивергентному развитию (малайская общность, распавшаяся на две части в результате англо-голландских завоеваний; англо-французские захваты арабских территорий усилили тенденцию к атомизации этнических и языковых процессов в пределах отдельных колониальных владений).

2. Колонизация отдельных стран со сложившимися этносами, повлекшая за собой развитие экономических связей, путей сообщения, наоборот, стимулировала протекавшие этнические процессы (колонизация Вьетнама ускорила процесс формирования вьетнамской нации).

3. В результате колонизации произошло искусственное объединение различных этносов, далеких по языку и культуре (большинство стран Тропической Африки). Между этими этносами ранее не существовали прочные языковые контакты, и они стали осуществляться с помощью языка метрополии.

Колонизация не приостановила полностью процесса укрупнения существующих этнических общностей и распространения их культур, в частности, за счет ассимиляции крупными общностями более мелких. При этом ассимиляция через временное состояние билингвизма вела к монолингвизму

и утрате родного языка.

Распространению некоторых культур способствовали также углубление экономических связей и усиление торгового обмена между разноязычными народами (малайская культура в обширном регионе Юго-Восточной Азии, суахили в Восточной Африке), потребность общения в районах сельскохозяйственного и промышленного производства, особенно в городах, прежде всего портовых, населенных разноязычным населением (волоф стал обиходным языком Дакара, где проживает более 30 этнических групп, а хиндустани — языком Калькутты, находящейся в бенгалоязычном районе Индии).

Распространение культуры, обусловленное торгово-экономическими контактами, как правило, не означало полную ассимиляцию и утрату родного языка целыми этническими общностями. Бикультурность формировалась лишь у отдельных представителей или узких социальных прослоек таких общностей и не имела тенденции к расширению.

426

Даже политика прямого управления не привела повсеместно к низведению широко распространенных культур до уровня семейно-бытовых. Культуры оказывали разную сопротивляемость что впоследствии проявилось в том, что в некоторых из них быстро и с большой легкостью язык метрополии был вытеснен из всех сфер общения и заменен автохтонными (вьетнамский, корейский). Другие языки не смогли так быстро заменить язык метрополии (Кампучия). Разная сопротивляемость культур не может быть объяснена только разной длительностью колониального господства (Корея — 36, Вьетнам — 60, а Кампучия — 67 лет). По-видимому, это зависит от того, что колониальные захваты совпали с различными стадиями национальной консолидации, становления национальных культур.

Политика прямого, а отчасти и косвенного управления накладывала ограничения на автохтонные культуры (запрещая применение местных языков в высших звеньях колониального управления), вела к сужению диапазона их функционирования и замедляла их развитие. В результате эти культуры после освобождения оказались не готовыми обеспечить совместное общение из-за бедности и недостаточной дифференциации. В период борьбы за национальную независимость в колониальных странах происходит консолидация антиколониальных сил, включающих все этнические общности и все их классы и социальные слои.

Критерии «цивилизованности».

Критерии «цивилизованности». Вплоть до XIX в. в духовных отношениях Запада с другими народами преобладали религиозные критерии. Нехристианские народы рассматривались как уступающие Европе в духовной иерархии. Индийский ученый К.М. Паниккар в книге «Азия и господство Запада» писал: «Деятельность христианских миссионеров была связана с экспансией империализма... Насаждавшаяся ими идея превосходства не только христианства, но и европейской цивилизации, их претензия на воплощение в учении христианской церкви полной и окончательной истины, исключаяющей правомерность других культур, вызвала отрицательную реакцию. Азиатские народы не приняли идею культурного превосходства Запада»*.

Секуляризация, охватившая Европу в XIX в., утверждает расовый критерий по отношению к «неразвитым народам». Он был направлен против негроидных и азиатских народов и получил обоснование в «науке о расах». Р. Киплинг и другие европейские литературные мэтры колониальной эпохи дали необходимое для формирования сознания колониальной буржуазии образное воп-

*Panikkar K. *Asia and Western Dominance*. — L., 1954.

427

лощение идеи превосходства белого человека над выходцами из неевропейских культур.

Но эволюция колониальных режимов допускала возможность европейски образованным представителям других рас и религий примкнуть к цивилизации. Под ней опять-таки подразумевалась именно европейская. Она считалась носительницей прогресса в отличие от всех других культур независимо от степени их развития. Это подавалось так: цивилизованность не имеет своим критерием цвет кожи. Любые народы могут стать цивилизованными, если в процессе своего культурного развития откажутся от национальных традиций. Такая политика привела к созданию вестернизированной элиты, которая оказалась в духовном плену у Запада. Вплоть до крушения колониальных режимов европейски понимаемая цивилизованность служила целям экспансии западных держав (к которым потом присоединились США и Япония) в «нецивилизованные» страны для обоснования получаемых преимуществ в торговой, политической и культурной сферах.

Важное обстоятельство заключалось еще и в том, что такая «цивилизованность» утверждалась вопреки принципам, которые долгое время существовали в Китае, Индии, Японии и Османской империи. К началу XX в. сложились следующие критерии принадлежности страны к цивилизованному обществу:

1. Государство должно гарантировать основные права: на жизнь, достоинство, частную собственность, а также свободу передвижения, торговли и воспроизводства — прежде всего для

иностранцев европейского происхождения.

2. Государство должно управлять своей территорией через достаточно эффективную административную систему.

3. Государство создает условия для регулярности дипломатических и информационных связей.

4. Цивилизованное общество утверждает гуманные нормы общественной жизни: не допускается самосожжение вдов, полигамия и рабство.

На первое место выдвигались свобода торговли и передвижения. Именно к этим практическим соображениям сводился смысл европейского «универсализма» колониального периода. Хорошо известно, насколько решительно, всеми мерами (вплоть до войны) утверждали западные державы требование открыть «варварские» страны, т.е. обеспечить в них доступ товаров, которые были не только предметом потребления, но и средством привязать эти страны к интересам метрополий. Товар стал воплощением рыночной цивилизации.

Второй критерий, вытекавший из первого, сводился к требо-

428
ванию соблюдения законов, обеспечению свободы и безопасности, прежде всего для торговцев. Он распространялся также на миссионеров, следовавших за ними по пятам и содействовавших обращению «варваров» в христианство, а соответственно и гарантированному потреблению новых товаров.

Остальные критерии утверждали универсализм европейских норм, их распространение в качестве законов на весь мир, на все «неразвитые» расы и народы. «Нецивилизованные» должны были постепенно приобщаться к новому образу жизни и его принципам, в чем и состояла «цивилизаторская миссия» Запада.

В начале XX в. Европа считалась политическим и культурным центром мира, и выдвинутые ею критерии цивилизованности стали основой принятия других стран в международное сообщество. Даже постепенное допущение в него некоторых неевропейских стран (Японии, Турции, Сиам) происходило при сохранении непререкаемости европейских критериев. По отношению к остальным признавалось вполне оправданным и законным вооруженное вмешательство, навязывание неравноправных договоров. Получила оправдание система протекторатов и колоний.

Воздействие колониализма на культуру покоренных стран.

Провозглашаемые колониализмом идейные принципы не соответствовали его же собственным реальным действиям. Внешний фасад колониализма украшали призывы приобщения к христианству, достижениям разума и цивилизации. Но за идеологизированной оболочкой скрывались грубые материальные интересы. Демагогия прикрывала насилие, алчность, расовое высокомерие по отношению к подчиненному населению. Реальность колониальных завоеваний, подавления освободительных движений, империалистических войн превращала понятие «цивилизация» в риторический оборот и дипломатический ритуал.

Разоблачение формализма колониального права как фактического бесправия стало важной задачей первых поколений азиатских и африканских национальных деятелей разных направлений. Но если умеренные стремились способствовать преодолению негативных сторон колониализма и утверждению справедливости в рамках правосудия, то радикально настроенные повели решительную борьбу не только против колониализма, но и за национальное возрождение.

Колониальная эпоха в целом оказывала противоречивое воздействие на все сферы общественной жизни, в том числе на общественное сознание. Вводя прямо или косвенно элементы современности, колониализм вместе с тем приводил к разруше-

429
нию прежних перспективных социальных и духовных начал в самих колониях или же к прямому насаждению традиционализма.

Так, в Индии с конца XVIII в. английские власти содействовали применению шариата для мусульман и кодекса норм, содержащихся в «Дхармашастрах», — для индусов. Были призваны на помощь британские академические круги, которые переводили с санскрита «Законы Ману» и сборники древнеиндийских классических законов XI-XII вв. Контролируемые англичанами суды, обложив себя древними текстами, навязывали взятые из них законы в ущерб сложившемуся обычному праву. Даже там, где религиозные ученые — пандиты и улемы — проявляли гибкость и шли на компромисс, английские судьи, во всеоружии оксфордской индологии или исламистики, оказывались гораздо более «последовательными». Лишь в конце XIX в. было обнаружено, что древние «Законы Ману» не отвечают принятым среди массы населения нормам и приводят к опасному усилению традиционной элиты.

Позднее академическое востоковедение и культурная антропология, исследуя и изолированные традиционные общности, рекомендуют оставить их в прежних рамках, тем самым утверждая их структурно-функциональную целостность. Заповедным полем таких исследований стали наименее

затронутые модернизацией общества в африканской и азиатской глубинке. В 50—60-х гг. XX в. начинается кризис в культурной антропологии, оказавшейся слишком тесно связанной с интересами колониальных режимов — как в выводах, так и по исходным предпосылкам.

Но помимо поддержки традиционализма, духовное воздействие колониализма велось также через утверждение идеалов и ценностей западной культуры как воплощения безусловного прогресса. Колониальные режимы создавали видимость приобщения к развитым формам духовной жизни и достижениям западной цивилизации. Именно в этом заключалась убеждающая сила колониальной идеологии, воздействовавшей на умы, по крайней мере, образованных слоев на протяжении раннего периода колониального господства. Для буржуазного просветительства характерны установки на рост знаний и промышленное развитие, что должно привести к устранению традиционных, сковывающих человека форм мышления, поведения, застойных социальных структур и т.п.

Однако в колониальных условиях с особой остротой проявились социокультурные противоречия, присущие буржуазному обществу. Здесь происходит отчуждение новых производительных сил от народа. Ценностные ориентации, получившие высокую санкцию в буржуазном сознании, оказываются лишь уловками для затушевывания подлинных отношений, процессов разрушения

430

основ существования широких масс. Преодоление колониальных взглядов и установок было необходимой предпосылкой борьбы за политическую независимость.

Просветительство и реформаторство.

Важным фактором, определившим характер социально-политического и духовного развития стран Востока в конце XIX-XX в., стало движение за политическую и культурную модернизацию, получившее выражение прежде всего в просветительстве и реформаторстве. Это положило начало долгому и сложному процессу перестройки культурной жизни восточных и африканских обществ.

Огромное превосходство Запада в технике, военном деле и политической организации заставляло общественное сознание традиционных обществ признавать важное значение этих факторов сначала в международных отношениях, а затем и во внутренних делах.

Первоначально просветительство, в значительной степени формировавшееся под влиянием европейского Просвещения, оставалось элитарным течением и выступало в светской одежде. Отвергая традиционные формы жизни, его сторонники ратовали за распространение в своих странах общественных институтов Запада и за прямое усвоение западных форм сознания. Однако просветительство не смогло решить две основные, тесно связанные между собой социально-политические задачи, которые возникли перед странами Востока на новом этапе их развития, — национальной консолидации и национального освобождения. Противоречивость его социально-политического содержания раскрывалась как при столкновении с монархическими режимами, на разумность которых оно продолжало уповать, так и в отношениях к колониализму. Выход из этих противоречий был возможен только за рамками просветительской идеологии и программы деятельности.

Но было бы неверно полагать, что просветительство сходит со сцены. Просветительская ориентация воспроизводится прежде всего растущей потребностью общества в развитии научных знаний. И в дальнейшем она вступает в сложное взаимодействие с другими течениями в культурной жизни, прежде всего с религиозным реформаторством.

Соединение просветительских идей с реформаторством затронуло более широкие пласты общественного сознания, стало важным этапом формирования новых идейных течений. В центре внимания просветителей и реформаторов были проблемы преодоления феодальной отсталости, изживания пережитков, устранения кастовой, расовой и религиозной дискриминации. Раз-

431

витие образования, распространение научных знаний, создание новой литературы на живых языках в немалой степени способствовали пробуждению общественного самосознания. Реформаторы стремились избавить общество от слепого фанатизма, расширить права человеческого разума и возможности критического отношения личности к условиям своего существования.

Невежественность, скованность и пассивность народа были для них бесспорными фактами. У многих мыслителей возникают опасения перед массовой стихией. Власть, по их мнению, должна стать силой, которая в состоянии вывести общество из прежнего состояния застоя. Без верховной власти, распоряжающейся судьбами всех подопечных, увеличивается раскол между богатыми и бедными, возникают рознь и вражда, подрывающие основы существования общества.

На практике реформаторам, как и просветителям, приходилось также вести длительную обременительную тяжбу с традиционными лидерами общества — духовенством, феодальными и дворцовыми кругами, имевшими устоявшиеся каналы влияния как на народ, так и на власть. Поэтому у реформаторов надолго сохраняется представление о необходимости сильной, но разумной власти, способной преодолеть местную ограниченность. Столкнувшись с упорным сопротивлением

традиционных элементов и колониальных режимов, реформаторство становится более критическим и радикальным, перерастая в движения за национальное возрождение и самоопределение. Постепенно вступает в свои права национализм, и не только как противостояние западному империализму, но и как стремление к самоопределению общества на культурно-этнической и политической основе.

Национализм придает качественно новое содержание общественному сознанию. Он вырастает на том этапе, когда монархо-этактистские или религиозные формы сопротивления и регуляции общества утрачивают прежнее значение и усиливается тенденция собственно национальной интеграции. Его основные характеристики мы рассматривали выше, в главе VIII.

Современная культурная экспансия Запада. Влияние западного мира (а также и Японии) на освободившиеся страны в области культуры глубоко противоречиво. Оно способствует закреплению подчиненного положения этих стран на мировом рынке, приводит нередко к разрушению прежних форм культуры, моральных норм и ценностей без полноценной замены их новыми, к подрыву духовного потенциала общества. Поэтому экспансия Запада встречает отрицательное отношение общественности освободившихся стран, а политика многих государств направлена на отпор

432

культурной экспансии Запада или, по крайней мере, на ее ограничение. Эта экспансия все чаще определяется в международных документах как культурный империализм.

В новейших исследованиях подчеркивается, что империализм принимает разные формы и способен действовать в разных сферах. Обычно перечисляется пять форм империализма: экономический, политический, военный, коммуникационный и культурный. Понятие «культурный империализм» раскрывается обычно как использование политической и экономической власти для возвышения и распространения ценностей и обычаев иностранной культуры за счет культуры другой нации. Перечисленные виды империализма присутствуют постоянно, но роль, отводимая каждому из них, может меняться, что приводит к перестройке методов воздействия — в зависимости как от глобальной ситуации, так и от возможностей, к которым империализм может прибегать в данной конкретной стране.

В сфере самой культуры характерными чертами культурного империализма считаются следующие:

- 1) перенесение образа жизни и потребительских ориентаций, присущих западному обществу;
- 2) насаждение западной культуры как универсальной, исключая вклад других культур;
- 3) стремление достичь путем культурных связей политических целей;
- 4) односторонний поток информации — от «центра» к «периферии» (т.е. от крупнейших западных компаний в области индустрии развлечений и средств массовой информации и коммуникации к многочисленной аудитории в других странах);
- 5) формирование социально-культурной элиты, которая должна способствовать утверждению прозападных ориентаций и служить тем самым опорой влияния буржуазного Запада*.

Транснациональные корпорации и культурная экспансия.

Культурная экспансия — важная составная часть и необходимая предпосылка деятельности транснациональных корпораций (ТНК), подчиняющих себе различные сферы общественной жизни в развивающихся странах. Их деятельность не ограничивается экономикой. Она дополняется как политическим давлением на правительства или же на оппозиционные силы, так и интенсивным социальным и культурным влиянием. Для успешного функциони-

* Здесь воспроизводится перечень, приведенный в статье *Cultural Imperialism* из американского словаря *The Harper's Dictionary of Modern Thought* (N Y 1976. - P. 303).

433

рования ТНК внедряют соответствующие социальные и духовные механизмы в принимающее общество. В результате происходит не только изменение моделей потребления, но и перестройка всей системы ценностных ориентаций, в которой доминирующей становится установка на потребление.

ТНК придают значение социокультурным инвестициям, чтобы обеспечить интересы своего производства. Они обеспечивают производство такой масскультуры, которая ведет к идеализации образа жизни, идеологии, ценностей, мировоззрения и искусства метрополий, к их некритическому принятию, порождая чувство неполноценности в отношении к собственным культурам.

ТНК претендуют на деидеологизацию своей деятельности, сводящейся якобы только к производству и продаже товаров, обеспечению культуры бизнеса и культуры потребления, что будто бы и означает ориентацию на материальные интересы. На самом деле вместо прежних мифов, в которые облекались человеческие отношения в доиндустриальных обществах, капитализм утверждает товарный фетишизм. Товар не только продается. Он функционирует в огромной степени как часть соответствующего образа жизни, предполагаемого всей системой средств массовой коммуникации, массовой культуры и рекламы. Здесь опять-таки существует высокая степень

монополизации. Крупнейшие корпорации по производству культуры: кинофильмов, телевизионных программ, музыкальных записей, журналов, газет, книг, игр и т.д. — принадлежат США, хотя с ними в острую конкуренцию вступают японские, английские и французские компании.

Реклама способствует внедрению завышенных потребностей, непригодных для данного общества. Ломка прежних потребностей, тесно связанных с обычаями и этническими культурами, приводит к разрушительным последствиям во всей системе привычных ориентаций и стремлений. Впрочем, подчас в культуру потребления с большой готовностью включается местная экзотика, также служащая целям престижного потребления и досуга. «Чудеса» Востока и Африки входят в реестр коммерческих доходных предприятий. Если интересы самих ТНК оказываются вполне удовлетворенными видимым расширением потребления производимого ими продукта, то этого нельзя сказать ни об интересах широких слоев населения, ни об интересах общества в целом. Предлагаемый образ жизни дорого стоит в прямом и переносном смысле. За него надо расплачиваться подчинением своей жизни и труда законам капиталистического производства, которые оказываются гораздо более безжалостными, чем прежние тотемы, табу и религиозные запреты.

434

Распространяясь на различные сферы образа жизни, такого рода потребительские ориентации нередко сказываются весьма драматично не только на социальном, но и прямо в экономическом плане. Широко известный пример пагубности такого потребительства, навязываемый массовой рекламой с использованием социально-психологических факторов, — деятельность швейцарской фирмы «Нестле», пропагандирующей во многих странах мира искусственное кормление младенцев с использованием продуктов этой фирмы. Замена естественного вскармливания бутылочным приводит к значительному росту расходов на импорт, превышающем в ряде африканских и азиатских стран бюджет органов здравоохранения. Другим результатом такого навязанного потребления в условиях низкого уровня жизни становится повышение уровня детских заболеваний. По ориентировочным подсчетам, все это обходится развивающимся странам в сотни миллионов долларов. И это лишь один пример того, как культурно-психологические средства используются для усиления экономической зависимости.

Массовая культура в системе воздействия.

В слаборазвитых странах влияние массовой культуры оказывается еще более противоречивым, чем в тех, где достигнут высокий уровень развития. Оно создает видимость доступности для индивида иного, более легкого существования, что должно способствовать подсознательному убеждению в преимуществах западного образа жизни, его некритическому принятию и идеализации, порождая чувство неполноценности в отношении к собственной культуре.

Распространяемая с Запада массовая культура тесно связана с консьюмеризмом, т.е. с погоней за теми вещами, модами, услугами, знаниями, которые будто бы определяют принадлежность человека к высшим слоям общества. Приспосабливаясь к поощрению таких взглядов, массовая культура внушает мысль о первостепенной значимости индивидуальных нужд, личных интересов по сравнению со всеми общественными.

Массовая культура, выражающаяся в широком распространении развлекательной литературы, кинофильмов и телепрограмм легкого содержания, приводит к разрушению существующих норм поведения и потребления, прежде устоявшихся представлений и ориентаций, заменяя их новыми мифами и фетишами, привязанными к запросам того рынка, на котором местному населению часто нечего продать.

Роль средств массовой информации.

Ведущие капиталистические державы интенсивно используют огромные возможности современных средств массовой коммуникации для усиления своего

435

влияния во внешнем мире. Термин «информационный империализм» давно устоялся как в политической, так и в научной литературе. Западные информационные и телевещательные агентства, имеющие глобальные параметры и связанные с сетью Интернет, навязывают свое восприятие мира. Значимость новостей и информации, вырабатываемых этими агентствами, отражает запросы развития капиталистических держав, для которых реальные жизненные проблемы огромных масс населения других стран не имеют особого значения. Эти проблемы менее важны, чем различного рода крупные или мелкие сенсации, будоражащие умы западной публики. Достижения же развивающихся стран в экономическом, социальном или культурном отношении не могут проникнуть на рынок информации. Система массовых коммуникаций не столько способствует свободному распространению информации, сколько извращает представления о действительно важных событиях, происходящих в мире. И дело не только в том, что поток информации, например,

из ведущих капиталистических стран в развивающийся мир в 100 раз превосходит обратный поток. Дело прежде всего в содержании этого потока, в характере информации, отражающей потребности ведущих капиталистических держав.

Более того, ТНК, действующие в сфере информации, стали дополнением и продолжением промышленных ТНК. Информация и идеи, распространяемые через сеть массовых изданий, радио, телевидение, кино, рекламу и т.п., проникают в сознание человека и его психологию, создают предпосылки для принятия ценностей и норм, отвечающих потребностям развития постиндустриальных общественных систем. Формы выражения и содержание информации, распространяемой через сеть массовых коммуникаций, отражают идеологические и ценностные установки общества, находящегося на «технотронной» стадии, но они во многом резко расходятся как с возможностями менее развитых стран, так и с их перспективными путями развития.

Борьба за культурную независимость.

Внедрение западных культурных моделей, стандартов жизни и норм потребления имело как прямой, так и косвенный характер. Прежде всего носителями этих моделей выступали выходцы с Запада, прибывавшие в свои колонии, зависимые или же формально независимые страны, но в любом случае отличавшиеся современной образованностью, иным менталитетом, свободой в суждениях и поступках и поэтому пользовавшиеся особыми привилегиями по сравнению с остальным населением. В подражание им создавался особый слой местной вестернизированной элиты, тоже претендовавшей на привилегированное положение. Прямой перенос инородных форм

436

культуры, сопровождаемый нарушением эндогенных культурных традиций, натолкнулся на живучесть традиционных структур и религиозных институтов, пассивность не поддающихся ускоренной аккультурации по западному образцу масс, претензии сопротивляющихся прямой вестернизации политических движений, что приводило зачастую к «конфликту культур» и росту фундаменталистских тенденций. Идеалы «общества потребления», которые на начальном этапе самостоятельного развития казались весьма привлекательными для известных слоев населения освободившихся стран, были в значительной мере дискредитированы. Причем не только очевидной невозможностью их достижения в близкие исторические сроки, но и осознанием стоящих за ними духовных, социокультурных и экологических проблем. Реакцией на расширение западного влияния в сфере культуры развивающихся стран явилось стремление к сохранению и развитию культурной самобытности, исторического наследия и независимости, «опоре на собственные силы», а также все более резкая критика культурных оснований самой западной цивилизации, западной науки о Востоке — ориентализма. Крайними проявлениями этих тенденций стали различные формы национализма и черного расизма.

Развивающиеся страны ведут настойчивую борьбу за решительную перестройку международных отношений в области культуры. Культурная политика, разрабатываемая большинством развивающихся стран, все более включает в себя решительные требования устранения пагубных последствий засилья Запада в сфере культуры и средств массовой информации, поддержания суверенитета и обеспечения самостоятельного развития. Это неприятие сопровождается утверждением соответствующих позитивных ценностей (солидарность, всеобщность, гармония, преемственность), облакаемых в специфическую символику и семантические конструкции, сложившиеся в рамках каждой из цивилизаций и трансформируемые в соответствии с требованиями современности.

Опыт развивающихся стран за последние десятилетия свидетельствует, что социокультурная система буржуазного Запада встречает сопротивление других культур, лишаящее ее в этих странах органичности и устойчивости. Это, конечно, не исключает тенденций проникновения западной культуры и довольно широкого ее распространения. Но существуют несомненные объективные пределы такого распространения, а нередко динамика взаимодействия культур приводит к тому, что инородная культура сталкивается с нарастающим неприятием, ограничением и вытеснением.

437

ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОЙ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Помимо культуры, обнаруживающей вполне определенную принадлежность к буржуазному Западу, выделяют мировую межнациональную и индустриально-городскую культуру. В общем плане к ней относят как высокую художественную культуру различных регионов, так и продукцию массовой культуры, формы бытовой культуры (одежда, пища, утварь, жилища), формы досуга (туризм), спорта и психофизической тренировки (футбол, гимнастика, йога, каратэ и т.п.), элементы социального поведения и организации (формы брака и семьи), политическую культуру и т.п.

В этой культуре соединяются достижения разных народов. Однако ее формирование происходит преимущественно в западной среде. Произведения высокой культуры обычно получают признание через ЮНЕСКО, на западных фестивалях и конкурсах (или через присуждение международной

премии), а уже затем в остальном мире. Аналогичные процессы происходят и в общественной мысли, так как философские и идеологические течения, порожденные на Западе, интенсивно проникают в сознание интеллигенции из других стран, вступая в сложный синтез и симбиоз с автохтонными течениями.

Важным компонентом общемировой политической культуры является международное право, которое регулирует политические отношения между государствами, межгосударственными организациями (прежде всего ООН), а также внутри национально-освободительных движений. Важнейшим принципом этого права является мирное сосуществование, в условиях которого и были выработаны структура и механизм международных отношений, охватывающие разные сферы. В области сотрудничества по социальным, культурным и гуманитарным вопросам осуществляются такие основные принципы: содействие социальному прогрессу всех народов, соблюдение прав человека и основных свобод, уважение прав национальных меньшинств, запрещение расовой дискриминации, ликвидация социальных последствий колониализма и неоколониализма, взаимное обогащение духовными ценностями, культурой, искусством.

Важным следствием международной правовой культуры, признающей принцип национального суверенитета, является утверждение принципов культурного плюрализма. Появление десятков «новых» государств в дополнение к уже существовавшим создало сложное поле взаимодействия культур, получивших право на признание.

438

Важным компонентом современной мировой культуры стала также наука — как сумма знаний и как мировоззрение. Несомненно, что в своих интеллектуальных и технологических достижениях наука выходит не только за национальные рамки, но и за пределы локальных цивилизаций и именно поэтому провозглашается всеобщим достоянием, основой для коммуникации, взаимного общения и взаимодействия. И в освободившихся странах она стала неизменным достоянием образовательных программ, ее популярные элементы вошли в повседневные ориентации населения. И все же, пожалуй, в еще большей степени, чем это имело место в истории международного права, в общественной мысли этих стран сложилось двойственное отношение к науке. С одной стороны, в ее принятии усматривается не только приобщение к достижениям мирового значения, но и источник национального усиления, что превращает ее подчас в объект национального соперничества. Но с другой стороны, западные научные подходы нередко рассматриваются как средство подчинения различных сторон бытия давлению Запада. Многие мыслители видят в науке двойственное начало в духовном плане, так как она неорганична структуре духовного производства и ценностям, сложившимся в незападных обществах.

Развернутое правовое изложение, а также практическая реализация принципов международного культурного сотрудничества даны в документах и деятельности ООН и ЮНЕСКО. Общая декларация этих принципов была принята на конференции ЮНЕСКО в 1966 г. в день двадцатой годовщины создания этой организации. В этой декларации прежде всего констатировалось, что следует уважать и сохранять самобытность каждой культуры, так как все они обладают своим достоинством и ценностью, являясь частью общего достояния человечества. Цели сотрудничества в сфере культуры составляют взаимное обогащение и укрепление дружбы между нациями и взаимное понимание образа жизни каждого народа. Особенно подчеркивалось, что культурное сотрудничество должно выявлять идеи и ценности, способствующие созданию обстановки мира.

Высокая роль культуры и укрепления взаимопонимания и дружбы между народами -- постоянная тема официальных деклараций и всех материалов ЮНЕСКО и других международных организаций. Всемирная конференция по политике в области культуры, состоявшаяся в Мехико в 1982 г., в частности, призвала все страны к «культурному и научному сотрудничеству на основе равенства и взаимного интереса как важных факторов укрепления мира, дружбы и взаимопонимания между народами». Имен-

439

но культура порождает те духовные достижения, которые способствуют гармонии отношений между народами. В культуре выявляется и находит свое разрешение та взаимозависимость, в которую вступают между собой различные народы. Именно поэтому необходимо содействовать созданию нового мирового культурного порядка, основанного на признании и утверждении единства и разнообразия его народов и культур.

Принцип культурного плюрализма в международном плане означает самоопределение в той или иной степени различных самостоятельных культурных общностей (локальных этносов, наций, регионов, цивилизаций), сохраняющих некоторую специфику в духовной жизни. Право на культурное самоопределение, на обеспечение самостоятельности в деле развития национальной культуры в той или иной форме выражено во всех конституциях и официальных программах правительств освободившихся стран.

Несомненно, что усиление разнообразия культур, тенденции к самоопределению на основе не

только политических факторов, но и культурной общности — объективная закономерность нашего времени, обусловленная вовлечением широких масс в активную деятельность, участие во всей жизни своего общества. И духовная культура — естественная сфера их самовыражения. Тем не менее гипертрофия плюрализма может привести к обострению тех сложностей, с которыми сталкиваются в своем становлении и развитии освободившиеся страны. Признание естественности и неизбежности самоопределения каждой культурной общности чревато ослаблением или расколом, подрывом тех тенденций к объединению, на основе которого эти страны стремятся решить свои проблемы.

Для многих полиэтнических африканских обществ усугубление плюрализма означало бы закрепление этнической разделенности, что столь пагубно отражается на всей жизни общества. В маленькой Малави четыре миллиона жителей делятся на 13 этнических групп, и общение между ними в рамках государства еще недостаточно, чтобы породить постоянство связей в других сферах.

Защита культурного плюрализма нередко встречает отпор со стороны многих национальных лидеров. Подобный плюрализм, доводимый до уровня этноса и племени, явно идет вразрез как с тенденциями национальной консолидации, так и с общим стремлением многих стран Азии и Африки выступать сообща в защиту своих интересов. Неизбежным спутником такого рода плюрализма становится тенденция к дезинтеграции крупных политико-куль-

440

турных объединений и возникновению острых конфликтов — от племенных до межрегиональных. Но дело еще и в том, что основное выражение такого плюрализма усматривается в сферах, мало в чем ущемляющих «универсализм» мирового капиталистического рынка.

В самих освободившихся странах такие тенденции, несомненно, имеющие место, подвергаются нередко осуждению со стороны сторонников национального и паннационального единства, отрицательно относящихся ко всему, что может его подорвать или ослабить. Возникающая при этом дилемма звучит достаточно напряженно: как преодолеть дезинтеграцию первичных ячеек и создать устойчивые культурные общности, не порождая при этом межгрупповых, межэтнических и межнациональных конфликтов и не снижая жизненных потенциалов первичных ячеек?

Демонстрируя не только одобрение культурного плюрализма, но и признавая его за всеобщую реальность, сторонники ускоренной модернизации выдвигают именно экономику как основу взаимосвязи, которая снимает негативные последствия культурного плюрализма. Последнему при этом оставляется функция поддержания жизнеспособности различных этнических групп, наций и даже цивилизационных комплексов, при условии, что они не будут сдерживать экономическую интеграцию.

Как в Индии, в рамках единого государства, так и в странах АСЕАН в рамках межгосударственного союза существуют многочисленные и глубокие различия между национальными, языковыми, религиозными, хозяйственными общностями, что крайне осложняет создание культурного единства. Поэтому большей частью проблема культурного плюрализма решается через принцип «единство в разнообразии», означающий сохранение и автономное существование различных общностей и вариантов культуры, при создании устойчивой общей сети культурных обменов, дополняемой общеполитическими и административными структурами. Вспомогательная роль при этом отводится элементам культурной общности: религии, языку, праву, системе образования, средствам массовой коммуникации.

Таким образом, принцип самоопределения культурных общностей не может служить безусловным критерием в подходе к проблемам культуры, так как он оказывается условным, зависимым от других факторов общественного бытия. Самостоятельность культур различных общностей дополняется их взаимодействием либо на основе общей духовной жизни, либо через налаженную систему взаимопонимания.

441

ПРИНЦИПЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ*

С середины 70-х гг. формируется иное видение проблем межкультурного общения Запада и незападных культур. Оно основывалось на преодолении или, по крайней мере, осуждении общественным мнением негативных колониальных, расистских, националистических стереотипов, воспроизводящихся скомпрометировавшей себя системой образования и средствами массовой коммуникации. В новых условиях расширения обмена между странами в области деловых отношений, туризма, науки и искусства потребовалась выработка адекватных основ общения и взаимопонимания. Вместе с тем становилось все более очевидным, что наряду с экономикой и политикой культура является важным фактором регуляции как внутренней жизни, так и взаимоотношений между странами. В последующие годы во многих западных научных и учебных центрах разрабатываются научные основы межкультурного общения и вводятся специальные курсы. Появляется множество специальных изданий типа «Экономика и культура», «Развитие и культура»,

издаются учебники по межкультурному общению, проводятся многочисленные исследования по практическим проблемам межкультурной коммуникации, методики обучения ее навыкам, разрабатываются рекомендации по конкретным вопросам адаптации к инокультурным явлениям.

Тема диалога, взаимопонимания становится одной из ведущих в культурологических исследованиях. При этом большое внимание уделяется межкультурным различиям, специфике культур, которые рассматриваются как устойчивые факторы их взаимодействия. В качестве предпосылки взаимопонимания признается при этом устойчивость культурных субъектов и общностей, отказ от идеи универсальности западного пути развития и западной социокультурной системы. Этот отказ потребовал и существенного пересмотра используемой методологии.

Важнейшими источниками формирования проблематики межкультурного общения стали культурная антропология и сравнительное культуроведение, под влиянием которых и складываются два основных подхода к межкультурному общению — инструментально-прагматический и понимающий. Большое значение приобретают и новые разработки по понимающей социологии, со-

* Данный раздел написан в соавторстве с Н.К.Иконниковой, автором программы «Механизмы межкультурного восприятия» (см.: Социологические исследования. - 1995. - № 8).

442

циальной психологии, теории социальной информации и коммуникации, конфликтологии, этнометодологии и т.д. В 60—70-х гг. большое внимание уделялось изучению незападной общественной мысли, которая является существенным фактором политической и культурной эволюции переходных обществ.

Но различие научных подходов обусловлено также и целевыми установками общения. Если суммировать основные позиции, то можно выделить два подхода: инструментальный (или адаптивный) и понимающий (или развивающий).

Инструментальный подход нацелен на достижение инструментально-значимого практического результата, основанного на изучении процессов адаптации иммигрантов (рабочих, интеллектуалов, студентов, беженцев) из различных регионов «третьего мира» в индустриально развитых странах, а западных бизнесменов, экспертов, ученых, туристов — на Востоке. Главное в этом подходе — выяснение характера непосредственного общения и деятельности индивидов в инородной среде при столкновении с необычными и малознакомыми культурными обычаями и нормами.

Приверженцы инструментального подхода в силу методических и теоретических особенностей наибольших успехов добились в исследовании «культурного шока», механизмов коммуникации и адаптации, особенностей языкового и неязыкового поведения представителей разных культур, влияния ценностей и стереотипов на межкультурное общение. Процесс коммуникации видится им как практический контакт представителей разных культур, эффективность которого определяется степенью адаптации, приспособления его инициатора к культуре стороны-реципиента.

Практичность этого подхода афористично выразил журнал «Бизнес Уик», охарактеризовав его как «исследование туземцев у магазинных полок супермаркета». Предметом исследования культур-антропологов стали особенности поведения представителей разных этнических и религиозных групп в повседневной жизни, проблемы восприятия рекламы, массовой информации и их поведение при покупке товаров. Это в значительной степени предопределило прикладной и ситуативный характер существующих моделей межкультурной коммуникации, непременным атрибутом большинства которых является возможность создания методики тренинга, обучения эффективному межкультурному общению в конкретном контексте.

Понимающий подход позволяет изучать изменения в культуре и личности, которые происходят в результате встречи с «иным», развития нашей способности к межкультурной коммуникации, формирования личности — посредника между культурами. В каче-

443

стве цели межкультурного общения при этом подходе выдвигается рост взаимопонимания культур. Основным способом его достижения является приобретение соответствующих общественных навыков, включая изучение языка, форм поведения, установление новых социальных связей и пр. Ведущее значение при достижении взаимопонимания культур имеет изменение отношения к межкультурным различиям. Именно позитивное отношение к существующим различиям между культурами считается в рамках понимающего подхода свидетельством овладения необходимой способностью к межкультурному общению.

Сторонники понимающего подхода к коммуникации культур Востока и Запада исходят из исторической неизбежности сохранения самобытности и в то же время сосуществования, взаимодействия культур. Динамика межкультурной коммуникации рассматривается ими как процесс непрерывного развития, улучшения качества общения, роста взаимопонимания, проходящий одновременно в разных сферах (экономической, политико-идеологической, гуманитарной) и на разных уровнях (цивилизационном, национальном, межгрупповом, межличностном). В каждом случае, выдвигая целью достижение и расширение взаимопонимания, в предлагаемой ими модели учитывается и возможность «откатов», обратного движения, деградации отношений. Тем не менее не

исключается и вероятность, что при возникновении новых факторов и импульсов к общению взаимопонимание все же будет достигаться.

Как инструментальный, так и понимающий подходы приобретают особое значение для современной России, так как в нашей стране проживает более 100 этносов и множество иных культурных групп, придерживающихся различных вероисповеданий, культурно-бытовых обычаев. Как показал опыт последних лет, проблемы межкультурного общения оказываются не менее важными, а подчас и более напряженными, чем политические и экономические. Они проявились во взаимодействии со странами ближнего зарубежья, вновь утверждающими свою самобытность, культурную специфичность, собственный государственный язык, формирующими представляющую национальные интересы интеллигенцию. Неоднозначно развиваются и отношения России со странами как ближнего, так и дальнего зарубежья, что требует осмысления сложившихся стереотипов, культурных и идеологических клише и других факторов.

Реализация инструментального подхода требует анализа содержания основных типов коммуникации: вербальной и невербальной. Как мы видели в главе VI, вербальное общение осуще-

444
ствляется с помощью языка как в устной, так и в письменной форме. В этом общении существенную роль играют социальные нормы употребления языка и принципы речевого поведения, социальные отношения (благополучие аудитории, социальный статус собеседника и др.), ценностные ориентации, представления об истине, мироустройении, отношении к природе, обычаям, ритуалам и т.д.

Однако не меньший объем коммуникации приходится на невербальное общение. Эта форма информации важна не только в детстве, когда человек приобщается к основным поведенческим аспектам своей культуры, но и в любой ситуации, когда он сталкивается с незнакомой культурной средой и обычные повседневные ситуации — еда, сон, гигиенические процедуры, одежда, приветствие, публичное выступление и др. — становятся источником трудностей. Символической знаковой системой, лежащей в основе неязыковых средств коммуникации, могут служить любые социальные феномены. В качестве основных ее форм принято рассматривать жесты руками, как преднамеренные, так и непровольные, выражения лица, позы и положения тела, стили одежды и причесок, походку, пространственную дистанцию при общении, прикосновения, контакт глазами (особенно тогда, когда человек слушает другого), архитектуру, дизайн интерьера, артефакты, такие как ювелирные украшения, трости, платочек или цветок на лацкане, графическую символику типа «женская комната» или «осторожно при транспортировке», указатели на улицах, художественные и другие формы воздействия, например свадебный танец или политический парад, запахи, паралингвистические явления, которые, являясь частью языка, тем не менее могут выступать как формы невербального общения — темп речи, громкость, высота звуков, модуляции, цвета, синхронизация речи и движений, вкусовые предпочтения, включая символику, связанную с едой, коммуникационные функции чаепития и др., различные формы удовольствия, так или иначе связанные со ртом — курение, жевание резинки и т.п., влияние температуры, косметики, сигналы, применяемые полицией, водителями, символику, связанную со временем (какое время рассматривается как слишком раннее или слишком позднее для визитов к друзьям и малознакомым людям, какая речь считается длинной, а какая короткой, сколько времени должен длиться обед и др.), тишину, паузы при вербальном общении.

Любое социальное поведение в одном из своих измерений может пониматься как процесс коммуникации, т.е. взаимосвязи и взаимодействия людей, являющихся носителями отличных друг

445
от друга ценностей, стереотипов или поведенческих форм, при которых происходит обмен информацией. В ходе коммуникации передается и усваивается социальный опыт, происходит изменение взаимодействующих субъектов, формируются новые личные качества. Всякий человек — это представитель определенной социальной группы: нации, этнической общности, субкультуры, профессии, поколения. На возраст, пол, религиозность и т.д. обращают большое внимание в любой культуре, особенно в восточных. Поведение определяется принадлежностью к этим группам и, следовательно, социальными функциями и ролями, в которых реализуется психологический и физиологический потенциал человека — темперамент, характер, выносливость. Все это приходится учитывать, когда надо интерпретировать поведение партнера по межкультурной коммуникации.

Попадая в незнакомую культуру (а это может быть и поездка на учебу или отдых), человек оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы поведения могут быть неприемлемы или, по крайней мере, неэффективны. В этом случае индивид может раскрыться с новой стороны, развить новые навыки, получить новые знания. Но нередко мы наблюдаем, что в инокультурной обстановке человек демонстрирует отклоняющееся с точки зрения своей культуры поведение, «расслабляется». Иногда это оказывается именно то, что и требуется: например, девушки-мусульманки, оказавшись вне своей общины, могут вести себя более свободно, подражая стилю новой среды. Индивид может

отклониться от национальных и религиозных диетических требований. В ряде случаев возможность забыть о правилах и нормах поведения создается специально — этому способствуют туристические поездки в экзотические страны или хотя бы на юг ради «пляжных романов». Тем не менее во многих других ситуациях межкультурного общения вроде бы образованные и культурные люди могут показать себя скованными, нетерпимыми, агрессивными.

Сторонники инструментального подхода к коммуникации культур сформулировали понятие «У-кривой» (U-curve), имея в виду, что с точки зрения психологического, эмоционального настроения и адекватности ситуации в случае контакта с новой культурой реакция человека изменяется волнообразно, повторяя очертания английской буквы «U».

Первая фаза «У-кривой» получила название «медового месяца», когда знакомство с новой культурой, ее отдельными достижениями или представителями рождает прилив оптимизма, приподнятое настроение, уверенность в успешном взаимодействии и хороших перспективах на будущее. Эта модель достаточно точно

446

описывает не только эволюцию восприятия индивида, попавшего в незнакомую культуру, но и изменения социального настроения в российском обществе в первые годы перестройки. Она имеет три основные фазы: подъем, спад, новый подъем. Как культурно-эмоциональный подъем можно охарактеризовать преобладающее настроение в нашем обществе в период «перестройки и гласности». Немаловажное значение для возникновения и стойкости иллюзий периода «медового месяца» в этом случае имел «демонстрационный эффект» — навязывание преувеличенно позитивного отношения к «достижениям западной цивилизации», демократии, индустриальной мощи, «качеству жизни».

Следующий этап контакта характеризуется как «культурный шок». Это период крушения всех надежд, когда положительный эмоциональный настрой сменяется депрессией, смятением и враждебностью. Шок возникает в первую очередь в эмоциональной сфере, однако важнейшую роль играют такие социальные факторы, как неприспособленность и неприятие новых обычаев, стиля поведения и общения, темпа жизни, изменений в материальной инфраструктуре общества (интенсивное уличное движение, социальные контрасты, шум, яркая реклама) и ценностях (роли индивидуальных усилий, рационального поведения). Симптомы культурного шока мы встречаем сейчас довольно часто.

В третьей фазе формируется реалистическая оценка ситуации, возникает адекватное понимание происходящего, возможность эффективно добиваться собственных целей. Однако не исключается и возможность полного отвержения новых культурных феноменов и неизбежного в этом случае отступления, бегства, как в переносном («в себя»), так и в прямом, физическом смысле, что ведет к маргинализации значительных слоев населения, росту миграции, «утечке умов» и другим подобным явлениям.

Большое значение имеет продолжительность контакта. Туристическая поездка или краткая командировка, как правило, не превышают длительности фазы «медового месяца» и оставляют очень яркие и приятные впечатления. Обучение или работа за рубежом в течение полугода и дольше позволяет достаточно близко и глубоко познакомиться с новой культурой, завести друзей, а то и семью, т.е. войти в фазу адаптации, либо за это время может обнаружиться неспособность человека приспособиться к меняющейся социокультурной среде, тогда он будет нуждаться в срочной психологической и социальной помощи. Таким образом, срок пребывания за границей от месяца до трех наиболее труден с точки зрения преодоления «культурного шока». Основная стратегия поведения, которая может быть рекомендована в этом слу-

447

чае, — ориентация на профессиональную, творческую сферу жизни, погружение в учебу. Так, приезжающим на краткие стажировки или языковые курсы студентам обычно советуют не покидать студенческого городка, в общежитии — поселиться в комнате с соотечественником (и не жить одним), общаться главным образом со своей общиной.

Межкультурный контакт и вызываемый им культурный шок, как и навыки, вырабатываемые человеком, чтобы овладеть положением, имеют ситуационный характер. Это значит, что, приспособившись к работе в одной культуре, он снова будет испытывать трудности, попав в неформальную обстановку, переехав в другую страну и даже вернувшись домой, поскольку за счет приобретенного опыта изменятся его ориентации, а вынужденный в течение некоторого времени разрыв общественных связей на Родине потребует утверждения вновь своего социального статуса.

Важно заметить, что межкультурные различия по-разному проявляются в рабочей, официальной обстановке и дома. Общепринятый интернациональный деловой стиль скрывает отличия между культурами, а те особенности, которые выставляются напоказ, обычно укладываются в привычные стереотипные схемы. Если же встреча носителей разных культурных традиций происходит в домашней обстановке, эти представления не срабатывают. Различия, о которых человек не знает, он просто не замечает. Как в такой ситуации сделать так, чтобы иностранный коллега вашего мужа,

приглашенный им домой на «очень важный обед», был доволен оказанным ему уважением, комфортом и при этом чувствовал себя как дома? Например, какую посуду при этом лучше поставить на стол: импортную (ведь гость зарубежный) термостойкую — очевидно, дорогую, новую, общепринятую и уже, может, набившую оскомину, или ручной работы местную керамику — редкую, о которой можно поговорить за столом, но, к сожалению, несколько разномастную и в шербинках.

Стресс, вызываемый «культурным шоком», разрыв отношений с родными, коллегами, соотечественниками и, с Другой стороны, включение в социальные связи в новой культуре — эти факторы часто являются причиной того, что люди, уехавшие на несколько месяцев или лет за границу, принимают решение остаться там навсегда. Среди «групп риска» — студенты (об этом говорит и зарубежный, и отечественный опыт подготовки «национальных кадров»), квалифицированные специалисты из различных отраслей промышленности и другие, в том числе правительственные чиновники и сотрудники международных организаций и миссий.

448

Не следует думать, что высокий образовательный уровень и социальный статус (что подразумевает овладение человеком навыками общения и социального взаимодействия в родной культуре) всегда помогают легко преодолеть или даже избежать культурного шока, попав в инокультурную среду. Изучение адаптации ученых и специалистов за рубежом приводит к выводу, что часто, напротив, основанная на этих объективных показателях самооценка мешает реалистично оценить новую ситуацию, увидеть проявления межкультурных различий и правильно построить свое поведение.

Многое зависит от способностей вовлеченных в межкультурное общение людей усваивать новое и понимать окружающих. Именно на этом делают акцент сторонники другого подхода, обозначенного нами как понимающий. На основании многочисленных полевых исследований было выделено несколько типов реакции на другую культуру и ее представителей. Это — отрицание межкультурных различий, защита собственного культурного превосходства, минимизация различий, принятие возможности и права на существование других культурных миров, адаптация и интеграция к новой культуре.

В недавнем прошлом обычной реакцией советского человека на межкультурные различия была их минимизация, достаточно продвинутый по зарубежным меркам способ восприятия других культур как вполне самостоятельных и значимых. Характерной особенностью такого отношения является признание возможности существования инокультурных ценностей, норм, форм поведения (как в лице Запада, который постоянно выступал в качестве «антитезы» советской культуре, образу жизни и мышления, так и в лице множества национальных и автономных культур народов Союза). При этом можно отметить достаточно высокую степень дифференцированности представлений о межкультурных различиях (например, стереотипы, связанные с экономикой и культурой «дружественных социалистических стран», фиксировали их близость Эстонии, Латвии и Литве и противопоставляли советской культуре; в общественном сознании в качестве существенно отличных осознавались мусульманские культуры, причем с их внутренними различиями, в частности между татарами и другими жителями европейской части СССР и Средней Азии). Однако внутреннее ценностное содержание субкультур отдельных наций, этнических или религиозных групп оставалось скрытым стереотипными масками, символами, словесной риторикой. Идеология относилась к природе различий к категории субъективного и проходящего.

449

Сегодня ситуация заметно изменилась. Произошедшие социокультурные сдвиги затронули все стороны сознания человека, в том числе и отношение к другим культурам. Новые принципы социальных отношений, основанные на конкуренции, индивидуализме, рациональности поведения, заставляют видеть в представителе другой культуры в первую очередь соперника. К сожалению, произошло резкое снижение уровня восприятия межкультурных различий. Характерно изменение смысла понятий «старшего и младшего брата» — из положительных, редко встречающихся и несколько официозных они приобрели значение обвиняющих и в период «парада суверенитетов» массово употребляемых. Сложившаяся за несколько десятилетий привычка закрывать глаза на существующие проблемы взаимодействия культур усугубляет положение. Обнаружилась нехватка даже лексических средств, терминов, обозначающих в корректной форме существующие межнациональные и межрелигиозные различия. Такие выражения, как «национальные меньшинства» или «лица кавказской национальности», никого не удовлетворяют.

В условиях обострения экономической ситуации в поликультурной среде зачастую возникают явления неприятия носителей инородной, или «нетитульной», культуры со стороны той части населения, которая претендует на соединение своей культуры с властью и на ограничение прав «инородцев». Одно из проявлений отрицания — сепаратизм, т.е. преднамеренное воздвижение физических и социальных барьеров, которое имеет целью установить дистанцию, отделяющую от инокультурных явлений, оградиться от новой информации, конкретных фактов и более близкого

знакомства. К сепаратизму ведут идеологические, расовые и этнические установки, утвердившиеся в обществе религиозные, экономические и политические ценности. Иногда такое отрицание приобретает демонстративный характер. Таково вошедшее в поговорку нежелание прибалтов и западных украинцев понимать и говорить по-русски. Ярким примером бытового сепаратизма выступает тенденция к образованию территориальных групп и общин, где соседи — непременно одной национальности или этнического положения, одной веры или социального положения.

Нужно оговориться, что любая форма реакции или тип восприятия не могут рассматриваться как однозначно и постоянно характеризующие позицию индивида. В поведении одного и того же человека в зависимости от ситуации, стоящих перед ним профессиональных, семейных, творческих задач, можно встретить разного типа ориентации и поведенческие установки, изменяю-

450

щиеся по мере накопления жизненного опыта и знаний. Поэтому, когда мы наблюдаем отрицание существования, отличного от собственной культуры, замыкание, закрытость, можно ожидать, что через какое-то время человеку будет все труднее сопротивляться давлению новых фактов, избегать встречи и тесного, эмоционально окрашенного общения с представителями другой культуры. Его позиция в этом случае модифицируется в защитную.

Однако защита эта представляет собой поведение достаточно активное и агрессивное. В основе ее — ощущение того, что ценности, обычаи или представители чужой культуры несут угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни. Реализуется такая защита в утверждении собственного культурного превосходства и очернении других. Если человек настроен на защиту, то достаточно внешнего сходства или речевого акцента, чтобы сработал стереотип и в адрес встречного раздалось: «Понаехали!..», хотя для тех, на кого направлена агрессия, она может представляться совершенно немотивированной.

Межкультурные различия (чаще, правда, их внешние проявления) при этом уже отнюдь не игнорируются, а отчетливо фиксируются в виде негативных стереотипов другой культуры. В их основе обычно лежат расовые, национальные, религиозные, возрастные, профессиональные отличия между культурами и субкультурами. В любом случае все люди оказываются разделенными по признаку «мы» — такие правильные, культурные, рациональные (или духовные), открытые, чувствуем себя неотъемлемой частью этноса, клана, и «они» — полная противоположность. Набор характерных черт, ролей, способностей, интересов, личных качеств приписывают при этом всем (или подавляющему большинству) членам стереотипной группы и каждому из них в отдельности. Независимо от того, несут ли стереотипы позитивный или негативный заряд, они обычно мало соответствуют действительности, не логичны, но достаточно внутренне согласованы, чтобы обеспечить субъективные доводы, пригодные для аргументации и дискурсивного убеждения в разговоре в взаимодействии, так что с точки зрения индивида его отношение к другой группе выглядит рациональным, а поведение — последовательным.

Часто люди нарочито демонстрируют свою «инаковость», чтобы восстановить или установить культурную дистанцию, сигнализируя таким образом, что партнер по коммуникации недопонимает их намерения и мотивы, упрощает взаимоотношения (т.е. минимизирует действительные различия между культурами). Проявлениями этого являются, в частности, молодежный сленг и стиль одежды или, напротив, официальность делового костюма и языка.

451

Другая форма реакции защиты — это переворачивание мировоззренческих, культурных ориентаций. Это пример отклоняющегося поведения, но оно достаточно широко распространено, причем в качестве его проявлений могут рассматриваться как формы западничества «новых русских», так и крайнего славянофильства (утверждения умозрительно сконструированных принципов, приписываемых исконно русской культуре). К этому же типу реакции следует отнести и отказ признать право на сохранение утверждения о самобытности и целостности «культуры большинства» в многонациональном обществе, которую мы зачастую наблюдаем сегодня по отношению к русской культуре.

Можно выделить типичные ситуации, когда формирование защитной реакции на межкультурные контакты у большинства членов сообщества без целенаправленного вмешательства специалистов-педагогов, органов управления, социальных работников практически неизбежно. Это, во-первых, существование физических различий, включая расы, фенотипы и их физические атрибуты. В современном мире трудно найти абсолютно однородное общество или оградить какую-то общину от проникновения или столкновения с «чужаками». Во-вторых, взаимодействие групп иммигрантов и коренного населения. В этой ситуации большую роль, наряду с индивидуальными способностями воспринимать и понимать или отторгать другую культуру, играют государственные и общественные институты, закрепляющие те или иные отношения. В-третьих, проблемы, связанные с адаптацией отдельных «чужаков» в новой культуре — студентов и специалистов, обучающихся и работающих за рубежом, сотрудников международных организаций и иностранных компаний, журналистов,

миссионеров.

В каждом из указанных типов ситуаций формирование моделей поведения и восприятия происходит как непосредственно, в межличностном общении, так и опосредуется социальными институтами, в том числе и политическими. В последнем случае негативные стереотипы, очерняющие другую культуру, подвергаются рационализации и организуются в целую систему взглядов, что свойственно, к примеру, идеологии нацизма или ку-клукс-клана. Однако в более мягкой и завуалированной форме противопоставление стереотипных черт одной культуры другой присуще практически любой идеологии. Оно воспроизводится средствами массовой коммуникации (эксплуатирующими стереотипные клише в броских заголовках), в кино- и видеопродукции (показывающих иные культуры лишь экзотическим фоном для основных

452

событий), школьных учебниках (где история других народов зачастую освещается довольно фрагментарно и в силу этого тенденциозно).

Именно знание истории мировой культуры способствует лучшему пониманию мировоззрения, ценностей и образа жизни представителей других культур. Однако важно не сводить эти культуры к их высоким классическим проявлениям, а познакомиться в какой-то мере и с народной, бытовой культурой, в которую погружено существование широких масс населения. Общеобразовательная культурологическая подготовка должна внедрить в сознание каждого образованного человека представления о некоторых общих, универсальных принципах социокультурной регуляции и вместе с тем о специфическом претворении этих принципов в каждой культуре. Именно в этом направлении, в сторону минимизации отличий, возможно на данном этапе развитие навыков межкультурного общения. Для этого в каждом из указанных выше случаев межкультурного взаимодействия требуются особые усилия как их участников, так и специалистов, включающие обучение навыкам общения с представителями другой культуры, целевые социальные программы (например, совместное обучение, общественные работы или досуг).

Как бы то ни было, подлинное взаимопонимание в межкультурном общении — сложный и достаточно длительный процесс, требующий неординарных личных качеств, способности к самопознанию, к умелому и чуткому восприятию исторического наследия и своей, и иной культуры. Если же эти признаки присутствуют, то мы имеем дело с личностью — посредником между культурами, способной к «взгляду изнутри», необходимому для понимания культурных ценностей, эмоциональному сопереживанию другой культуре. Посредник может играть роль связующего звена между культурными системами, сокращая разделяющую их дистанцию, давая своим соотечественникам возможность познакомиться с другой культурой, представляя ее. Во многом это возможно благодаря тому, что каждая личность несет в себе некую особую культуру.

Понимание может достигаться и между различными культурными группами. В этом случае все участвующие во взаимодействии культуры сохраняют свою самобытность и при этом образуют новую общность. В ее рамках отличия в формах производственной деятельности, политической философии, способах проведения досуга, предпочтения в сфере занятости и других аспектах жизни сосуществуют в рамках единого разделяемого всеми круга ценностей, правил и целей.

453

Глава XVI. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Основные темы.

Формирование теории модернизации и пути преодоления западоцентризма в оценке духовных аспектов развития. Вклад М. Вебера и позднейших социологов в создание сравнительной теории модернизации. Пересмотр ранних концепций вестернизации как неизбежности подражания Западу в основных сферах социокультурной регуляции.

Сущность модернизации. Социально-экономические, политические и социокультурные аспекты модернизации. Основные факторы модернизации: усиление разнообразия общественной жизни, рост разделения труда, освоение новых типов производства, накопление средств производства. Исходное противоречие модернизационного процесса: наложение и взаимодействие принципиально различных типов социокультурной регуляции. Социокультурные проявления этого противоречия: между традициями и современностью, между собственным достоянием и инородной культурой, между потребностью в развитии и сохранением стабильности. Социокультурная многоукладность как отражение этих противоречий.

Варианты взаимодействия самобытности и современности. 1. Симбиоз как сосуществование разных укладов во взаимно изолированных сферах. Анклавы современности и «море традиционности». Границы прямого «переноса» элементов западной культуры в другие страны. 2. Модернизация против традиционности и конфликт культур. Разрушение прежних форм культуры и форсированное проведение вестернизации. Индивидуализация отношений, разрыв или деформация прежних форм социальной связи и духовных ориентаций. Социальные и межэтнические противоречия. 3. Синтез как приспособление современных элементов культуры к прежнему социокультурному достоянию и преобразование этого достояния. Перенос

прежних солидаристских ориентаций на новые формы деятельности и духовная трансформация общества.

Социальные разрезь культуры переходного общества. Роль социально активных слоев, элиты, буржуазии, рабочего класса и крестьянства в процессах модернизации. Противоречия между вестернизированными группами и традиционными слоями населения. Интеллигенция и культура в условиях модернизации общества. Интеллигенция как носитель новых форм духовности и как выразитель настроений протеста против пагубных последствий модернизации. Противоречивость положения интеллигенции между старым и новым, своим и чужим достоянием в культуре.

Модернизация и идеология. Культурный национализм и факторы межэтнической напряженности. Религия и национализм в процессах самоопределения. Социалистические течения. Основные тенденции в религиозной жизни. Консервативный традиционализм, реформаторство

454

как осовременивание религии и приспособление ее к новым условиям и формам деятельности. Фундаментализм как возрождение интегративных принципов религии и консолидация общества в противостоянии прозападной модернизации.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Еще и в наше время достаточно часто в широкой околонуучной публицистике можно встретить взгляды на модернизацию как бы продолжающие идеи просветительства и прогрессизма, столько раз подвергнутые критике и даже осмеянию (можно напомнить хотя бы о критике Шпенглером буржуазной цивилизации). Согласно этим взглядам, модернизация состоит в том, что в обществе происходит постепенное изживание прежних, традиционных форм поведения и регуляции общества, преодоление деспотизма и отсталости и заменяемых новыми, основанными на принципах разума, науки и правильного управления. От неизменного, косного порядка общество переходит к процессу постоянного изменения и совершенствования. Такого рода принципы в разных вариантах можно встретить в учениях либерального, реформаторского или социалистического направления. Существуют и крайние сторонники «тотальной перестройки» российского общества как разрушения порядков, «доставшихся от царя Гороха», чтобы превратить Россию в «нормальное общество», во всех основных чертах уподобленное Западу.

С конца 50-х и до начала 70-х гг. теория модернизации в целом разрабатывалась в рамках концепции вестернизации, основанной на идее универсальности западного либерализма, полагавшего, что все страны и народы в своем развитии проходят одни и те же стадии роста, определяемые прежде всего объемом ВВП, совокупного дохода и накоплений. Инициатором, моделью и постоянным стимулирующим началом выступал Запад. Поэтому последователи теории вестернизации полагали, что как исторически, так и логически процесс осовременивания подразумевает, во-первых, принятие капиталистических методов ведения хозяйства, а во-вторых, экспансии Запада как мировой цивилизации.

Эти взгляды подвергнуты основательной критике в теории модернизации, сформированной в результате долгого и трудного переосмысления опыта реального развития и неадекватности рекомендаций различного рода экспертов. Как уже упоминалось в главе II, в ходе поисков нужной парадигмы пришлось отказаться от терминов «европеизация» или «вестернизация» как обозначения

455

ния всестороннего уподобления общества западным образцам. А сохранившийся термин «американизация» приобрел явный критический и негативный смысл. Многочисленные и тяжелые провалы курса на интенсивную вестернизацию, острая реакция общества на ее пагубные последствия заставили пересмотреть прежние поверхностные рекомендации. Впрочем, это касается серьезной социологии или культурологии. В публицистике и политике, как известно, слишком часто еще используются формулы типа «открыть двери Западу» или «войти в мировую цивилизацию». Такого рода идеологические крайности неизбежно порождают ответные призывы к «утверждению самобытности», «возрождению ислама», «возрождению России» и т.д. Однако и то и другое в полной степени неосуществимо, не соответствует реальным принципам регуляции общества и мировым взаимоотношениям.

В сущности, еще Маркс и Энгельс дали глубокий теоретический анализ своеобразия и особенностей становления западного капитализма как особого варианта общественного устройства, принципиально отличающегося от того, что составляет основы азиатских или восточных обществ. Именно им мы обязаны, как уже упоминалось, разведением двух различных типов социальности, порождающих и иные отличия в обществе, хотя у самих основоположников марксизма не содержится концепции самостоятельного развития незападных обществ. Как они предполагали, созревание индустриального общества на Западе приведет к втягиванию в буржуазные отношения и цивилизацию остального мира, устраняя все национальные перегородки. Дискуссии об «азиатском способе производства» помогли многое понять в различии структуры динамики западных и восточных обществ. Изучение процессов современного развития незападных обществ в основном велось в рамках теоретической дихотомии капиталистическое — некапиталистическое развитие. Как

предполагалось, «некапиталистический путь» должен привести некоторые страны Азии, Африки и Латинской Америки, сделавшие политико-идеологический выбор в пользу того или иного варианта национального социализма, к преодолению противоречий буржуазной модернизации и построению стабильного и справедливого общества.

Однако такого рода идейно-политическая ориентация оказалась неэффективной в решении проблем экономического, социального или культурного развития. К тому же их поддержка требовала слишком больших затрат со стороны СССР, что и подорвало жизнеспособность режимов социалистической ориентации.

456

Следует также подчеркнуть, что проблема специфики самоопределения и развития не поддавалась убедительному решению в рамках марксистской теории. Сосредоточенный на выявлении роли экономических и политико-идеологических факторов социальной регуляции, марксизм оставлял в стороне собственно культурные аспекты, относя их к вторичным, надстроечным. Как предполагалось, все традиционные социокультурные факторы могут быть постепенно изжиты и устранены через интенсивную деятельность государства и руководящей партии.

Как мы видели, именно М. Веберу принадлежит заслуга сравнительного изучения духовных факторов роста капитализма в Европе и негативного влияния этих факторов на динамику восточных обществ. Как для К. Маркса, так и для М. Вебера проблема модернизации отсталых обществ еще в должной степени не вставала, однако их подходы давали достаточно оснований для сопоставительного анализа роста капитализма и динамики различных обществ. Однако на протяжении более половины XX в. проблематика специфики выпала из внимания большинства исследователей и в концепциях развития возобладала идея универсальности западной цивилизации, порождением которой и является капитализм, гражданское общество, секуляризация и практическая рациональность деятельности.

В XIX или начале XX в. лишь в некоторых научных и идеологических течениях выявлялась специфика собственного развития незападных стран. Этому препятствовала и колониальная система, движущей силой которой была идея превосходства западной цивилизации и ее права на господство над другими народами. Однако в 60—70-х гг. XX в. многочисленные трудности, срывы модернизации и застойные явления в большинстве стран заставили исследователей пересмотреть прежние универсальные модели и обратиться к сравнительному изучению процессов развития. Огромное внимание стало уделяться сопоставлению как политических, так и социокультурных систем, прежде всего религии как фактора, формирующего такие системы. На этом более зрелом этапе теории модернизации формировались через обращение к наследию как К. Маркса, так и М. Вебера, хотя их концепции подверглись значительному переосмыслению.

Современная социологическая мысль выработала основательную теорию модернизации, в которой выявляются многообразные и противоречивые процессы, возникающие в русле общих перемен, дифференциации обществ, проявляющейся в ходе модернизации, а также место и роль каждого компонента социальной регуляции, включая социокультурные аспекты. Как пишет

457

известный западный ученый в области теории модернизации Ш. Эйзенштадт, «крушение классической модели и представления об универсальном современном обществе» XX в. сопровождалось следующими важными выводами:

1. Прямолинейная имитаторская модернизация ведет к дезорганизации, разрушению и хаосу в обществе, социальным потрясениям, срывам и откату от реформ.
2. В процессах модернизаций особую роль играют сложившиеся в обществе духовные ценности, трудовые ориентации, «символические структуры», менталитет.
3. Модернизация сопровождается оживлением прежнего духовного достояния, имеющего огромное значение для обеспечения самостоятельности и самобытности общества.
4. Важное значение имеет характер сформировавшихся общественных институтов и элит, степень их восприимчивости к новому и способность к поддержанию стабильности.

Мы видели уже в главе II, как происходило осмысление характера культурных изменений в общественной мысли освободившихся стран. Специфика культурного достояния и складывающееся в обществе положение накладывают отпечаток на духовные изменения. Тем не менее можно выделить и общие закономерности, которые так или иначе сказываются в развитии стран Запада и Востока.

Исходная закономерность развития незападных стран заключается в том, что в этих странах осовременивание происходит как «вторичный» процесс, «индуцированный» прежде всего извне, со стороны динамичного Запада, как наложение на внутренние, собственные закономерности и структуры. Однако второй стороной в этом процессе является та социокультурная система, которая воплощена в самобытности данного общества, своеобразии его характеристик, складывавшихся на протяжении длительного времени.

СУЩНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация — это движение доиндустриальных обществ, основанных на традиционных (коммунитарных) типах социальности, к тем экономическим, социальным и политическим системам, а также массовой культуре, которые характерны для развитых стран капитализма.

Таким образом, модернизация означает прежде всего рост возможностей применять современную технологию в важнейших сферах материального производства, расширение совре-

458
менных форм потребления, но вместе с тем создание условий (социальных, политических и культурных) для развития нового производства. Она означает и освоение новых типов духовности (нового мышления) в сферах, связанных с новыми формами производственной деятельности.

К числу важнейших факторов модернизации относятся следующие:

— *в экономике* — расширение индустриальных технологий, основанных на использовании капитала и научного знания, широком освоении природных ресурсов, расширении вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитие рынков товаров, капиталов и труда;

— *в социальной сфере* — ослабление прежних предписанных (коммунитарных, аскриптивных) типов социальности и расширение сферы новых функциональных связей, основанных на профессиональных или рыночных критериях и достижениях, что сопровождается ростом социальной и профессиональной дифференциации, в особенности классовой и имущественной, разделением между производством, политической и общественной деятельностью, ростом урбанизации и вовлечением деревни в рыночные отношения с «большим миром»;

— *в политической* — усиление или образование централизованных национальных государств, в рамках которых формируются различные социально-политические движения и группы, отстаивающие свои интересы;

— *в культурной* — дифференциация духовных систем и ценностных ориентаций, секуляризация и плюрализация общественного сознания и образования, распространение грамотности, формирование национальной культуры и языка, многообразие идеологических течений, развитие масс-медиа.

В духовной жизни получает признание ориентация на перемены (реформы) и отказ от прежних запретов на нововведения, от приверженности к косным традициям. Однако перемены не охватывают всей совокупности социокультурной регуляции, а признаются лишь в функционально необходимых сферах, связанных с новыми ожиданиями. Важным изменением в духовной сфере становится расширение секуляризации — через рост автономности хозяйственной и политической деятельности, расширение практических и целерациональных форм деятельности, где определяющим критерием становится не моральные, духовные или эстетические соображения, а эффективность и практическая польза.

Важными параметрами этих изменений (которые можно измерить эмпирически) являются степень мобильности населения,

459
мера его участия в социальном и политическом управлении, приобщенность различных социальных групп к современной культуре. Модернизация охватывает все более широкие слои населения, выводя их из прежних застойных форм быта и производства. В ходе модернизационных процессов всегда происходит усиление предпринимательских слоев и разрастание наемного труда, что и означает оформление классовой структуры общества. Важной сферой мобильности становится духовное производство, прежде всего в рамках системы образования, которая и формирует один из наиболее мобильных слоев — интеллигенцию*.

В институциональном плане модернизация означает рост дифференциации институтов, принимающих на себя функцию регуляции новых форм деятельности. Все сферы жизни, включая религиозную, приобретают большее разнообразие, нарушающее и ломающее прежние рамки.

В культурном плане особое значение имеют также и такие обстоятельства: этническая, религиозная, идейно-политическая и социально-культурная ситуации в стране или в конкретной территориальной общности; уровень, широта и доступность системы образования; степень развитости средств массовой информации; правовая регуляция отношений и т.д.

Принципиальное значение имеет и вопрос о том, какие силы приводят в действие процесс модернизации: происходит ли она в условиях прямого колониального подчинения или при сохранении государственной независимости, вводится ли она «сверху», действиями властей или же под влиянием каких-то социальных слоев и групп, созревших к освоению новых технологий и образа жизни.

На поверхностном уровне рассмотрения социальных процессов может возникнуть впечатление, что основой модернизации является преобразование техники и технологии производства, перемены в экономических отношениях, что должно вести за собой и перемены в поведении населения, а значит, и изменения в социальных отношениях, политике, праве, идеологии и культуре. Попытки такого

порядка введения преобразований неизменно заканчивались неудачей. Всякий процесс экономических преобразований должен быть обеспечен соответствующими социальными и культурными основаниями. В социальном плане движущей силой модернизации выступают большей частью актив-

* Детальное описание этих процессов можно почерпнуть в книге «Развивающиеся страны: Экономический рост и социальный прогресс» (М., 1983. — Главы XII-XIII).

460

ные слои, занимающие как бы стороннюю, промежуточную позицию по отношению к прежним основным классам. Такими были буржуа по отношению к крестьянам, ремесленникам и феодалам в эпоху раннего промышленного переворота. Такую же роль играли городские средние слои и технократы по отношению к пролетариату и буржуазии в период развертывания зрелого индустриального общества с массовым производством. На новом этапе модернизации активную роль играет новый рабочий класс, состоящий из высококвалифицированных работников, массовые движения типа «зеленых» и т.п. Тем не менее успешная модернизация всегда отличалась «центризмом» как соединением модернизаторских слоев, органически выраставших из недр общества, с влиятельными частями других классов при «отсечении» крайних течений и достижении положительного социального консенсуса.

Модернизация — процесс противоречивый. Она включает в себя борьбу старого и нового, разрушение и созидание, столкновение интересов различных социальных и политических сил, которые борются за получение наибольших выгод в новом социальном устройении или же просто за выживание. Эти противоречия усиливаются, накладываясь на разнородность социальной среды. Основное исходное противоречие — наложение и столкновение крайне несходных типов социокультурного устройства, которые мы уже рассматривали в главах III, XI и XIII. Общность и система взаимодействия, возникающие на основе коммунитарных связей и оформляемые сакрализованными нормами, моральными ориентациями и смыслами, объединяющими ритуалами и авторитетами, утрачивают свое прежнее значение и сталкиваются с новым типом социальных отношений, основанных на товарно-денежных связях. Целостные системы аскриптивной социальности, в которых каждому индивиду было отведено определенное место, утрачивают свое прежнее значение, разрываются на различные фрагменты, происходит сложная «перетасовка» прежних отношений, а наряду с ними растущее значение приобретают новые, основанные на функциональных и достижительных критериях.

Как в социально-политическом плане, так и в духовно-психологической жизни общества возникают самые разнородные тенденции. Процессы роста переплетаются с установками на поддержание стабильности. Хотя значительные сферы общественной жизни подчиняются новым принципам и целям, связанным с индустриализацией и коммерциализацией, это происходит во многом в уродливых формах разложения и крушения жизненных основ широких масс населения. В идеологической сфере это

461

столкновение порождает острую борьбу между «модернизаторами» и «консерваторами», «реформаторами» и «реакционерами», «западниками» и «национал-патриотами», «либералами» и «фундаменталистами» и т.д. Но социокультурный анализ выявляет наличие сложного переплетения различных групп, тенденций и сил в обществе, которое принято называть *многоукладным*. Оно означает наличие, сосуществование и взаимодействие различных экономических, социальных, культурных компонентов, не сводимых в единую систему регуляции. Многоукладность приводит к значительной дробности общества, совмещающего традиционные, современные и переходные элементы в самых разных сочетаниях и вариациях. Разнообразие хозяйственных структур раскалывает классы на многие страты, национально-этнические и конфессиональные факторы во многом перекрывают социально-экономические структуры, но и сами оказываются частичными, подверженными новым политическим и экономическим

интересам.

Многоукладность — важная определяющая черта как социально-экономической, так и социокультурной жизни, что означает далеко идущее изменение всей системы духовного производства.

Таким образом, основное противоречие, указанное выше, претворяется в тройное противостояние, проявляющееся постоянно, хотя и в разной степени.

I. Столкновение традиций и современности, т. е. между сложившимся в обществе достоянием, мало отвечающим требованиям «вхождения в мировую цивилизацию», обремененным устаревшими структурами, принципами и нормами, — и новым, означающим открытие путей развития, оживление общественной жизни, устремленность к переменам, освоение новых форм деятельности и мышления.

II. Столкновение между заимствованиями и самобытностью, между западными социокультурными и политическими принципами, приспособленными к развитой буржуазной цивилизации, и собственным достоянием, обеспечивающим выживание огромных масс населения. В

этом измерении Запад предстает как носитель пагубного и разрушительного начала, а свое сложившееся национальное и религиозное достояние — как основа самостоятельности общества, его самобытности и культурного самоопределения.

III. Столкновение между стремлением к реформам, без которых невозможно поддержать существование общества в мире современных международных отношений, и к стабильности, нарушение которой чревато резкими социальными потрясениями, сры-

462

вами и откатами. Это и столкновение между прошлым, которое воспроизводит устоявшуюся структуру и нормы, и будущим, ведущим общество к неопределенным целям.

ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САМОБЫТНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ

В ходе тех дискуссий, которые происходили в науке о «третьем мире», выдвигались различные типы классификации происходящих в этих странах процессов. Суммируя разные точки зрения, высказанные российскими и зарубежными учеными, выделим три основных варианта такого взаимодействия.

1. *Симбиоз как минимальное взаимодействие*, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и современности во взаимно изолированных сферах. Это приводит к возникновению анклавов современных укладов жизни, окруженных со всех сторон «морем традиционности». Одни элементы общества забегают вперед и вполне сопоставимы с мировым уровнем, а другие отстают, еще не вызрели и несут в себе явно архаичные черты. Наряду с современным университетским образованием и научными центрами в стране большая часть населения может оставаться неграмотной и придерживаться традиционных мифологических или религиозных взглядов. Космическая или информационная технология может соседствовать с допотопными формами отгонного скотоводства или примитивными ремеслами. С одной стороны, идет процесс постепенной модернизации уклада жизни городских средних слоев, что означает рост урбанизации, расширение образования, рост занятости в новых профессиях, активизацию политической деятельности и расширение масс-медиа. Но с другой — значительная часть населения города и деревни погружена в традиционные уклады, постоянно воспроизводимые низкими технологиями, скудостью ресурсов, демографическим ростом.

В сознании тех слоев населения, которые вовлекаются в современную социальную деятельность, происходит важный сдвиг в отношении к новым средствам производства. Усиливается тяга к технике и технологии. Однако эти процессы охватывают лишь минимум населения и не распространяются на многочисленные слои крестьянства и городских низов, которые остаются в прежнем состоянии.

Модернизация симбиозного типа характерна для колониальных систем, в которых введение новых элементов проводилось

463

чужеродными властями и в целях, отвечавших интересам метрополий. Такая модернизация затрагивала обычно лишь отрасли, связанные с поставкой сырья и сельскохозяйственных продуктов в центры капитализма. Для обслуживания такой системы колониальные режимы создавали обычно небольшую компрадорскую прослойку, тесно связанную с колониальной администрацией.

В идеологическом плане обычно оправданием такой системы управления были просветительские установки, утверждавшие возможность постепенного приобщения покоренных стран к достижениям западной цивилизации, воплощением которой служила та или иная метрополия.

2. Второй вариант: *модернизация против самобытности*. Каков бы ни был размах других тенденций, особенно влиятельной, глубокой и драматичной по своим последствиям оказывается тенденция распада традиционных норм поведения и кризис культуры под воздействием капиталистической модернизации, что и вызывает ответную реакцию протеста.

Проникновение капитализма в доиндустриальные структуры приводит прежде всего к обесцениванию прежних производительных сил. Они явно уступают в эффективности новым методам производства. Дело не только в обесценивании прежнего материального производства. Подвергаются деформации и солидаристские отношения, скрепляющие всю общественную структуру. Подчинение общества принципам товарно-денежных отношений, переход от этики к бизнесу лишает привычной роли громадные массы населения, ничего не получающего взамен, превращаемого в лишних людей. Деятельность, направленная на безмерное возрастание капитала, предстает для широких масс как голый расчет, утилитаризм, лишенный собственно человеческого содержания и не подвластный моральным нормам. Для населения, связанного докапиталистическими ориентациями, утверждение товарно-денежных принципов выступает как причина разрыва жизненно важных связей с другими людьми, как утрата самого жизненного смысла.

Драматизм нового положения состоит в том, что вместе с лишением доступа к условиям производства и утратой места в системе распределения значительные группы населения теряют все

свое достоинство. Крестьянин вместе с землей лишается своей индивидуальности и места в жизни. Но точно так же и у ремесленника, живущего искусным трудом, машина отбирает его сноровку.

Оживление первичных форм солидарности (в том числе этнической и кастовой) усиливает тот плюрализм социальных и политических структур, который оказывается одним из основных

464

источников неустойчивости для молодых государств. Обостряется конкурентная борьба за источники существования (в том числе за власть), что чревато ростом напряженности и конфликтов. Отходя от прежних ориентаций, индивид и солидаристские группы оказываются во власти непонятных им сил, над которыми они не имеют контроля. Возникает кризис привычных форм социальности и духовной ориентации, воспринимаемый как моральное крушение, как распад общества.

В целом в обществе возникает глубокая качественная разнородность социальных структур, связанных с индустриальными и доиндустриальными формами производства. При переходе от одной формы жизнеустройства к другой распадается не только «связь времен», но и сама ткань социального организма, возникает социальная расщепленность между группами населения, связанными с современными и традиционными укладами. Традиционный механизм социальной регуляции рушится под натиском императивов развития, однако новые механизмы формируются медленно. Снятие или ослабление прежних форм солидарности раскрывает скрытые доселе в недрах общества конфликты. Возникает угроза распада общества на разнородные слои и группы, отчужденно и враждебно относящиеся друг к другу (в том числе рост этнических, религиозных, классовых, кастовых, национальных раздоров, расхождения между городом и деревней и т.д.).

Традиционные установки, воспитанные солидаристской моралью, выглядят в новых условиях как доверчивость и беспомощность и становятся легкой добычей злонамеренных сил, прибегающих к хитрости и прямому обману для достижения своекорыстных целей. Прежние моральные ценности и нормы поведения, считавшиеся идеалами и пользовавшиеся сакральным статусом, предстают как уловки для лицедейства и прикрытия неприглядной действительности. Так, кастовая система, имевшая доселе божественное происхождение, воспринимается как корыстная выдумка высших каст. Одним из самых драматических последствий модернизации подчас становится дезинтеграция общества, происходящая вследствие ослабления прежних цивилизационных и государственных структур, регулировавших отношения между различными этническими общностями и регионами. Это и привело, в частности, к распаду таких крупных имперских образований, как Австро-Венгерская или Османская империи, распаду Китая, крушению колониальных империй, возникновению многочисленных сепаратистских национально-освободительных движений, приведших в конце XX в. к тому, что число самостоятельных государств превысило 180. Этот процесс нельзя оценивать

465

однозначно. С одной стороны, именно в ходе такого распада происходит формирование национальных общностей, в рамках которых и созревают органичные хозяйственные и коммуникативные структуры. С другой — этот процесс сопровождается подчас жестокими конфликтами, войнами и истреблением населения. Хорошо известно, что на протяжении XIX в. модернизирующаяся Европа стала ареной еще более напряженных конфликтов и войн, а XX в. — свидетелем двух разрушительных мировых войн. Но конечно, одним из наиболее крупномасштабных проявлений таких процессов оказался распад СССР в ходе модернизационной перестройки, что и повело за собой возникновение многих очагов напряженности.

3. Третья тенденция — *взаимное приспособление идущей с Запада модернизации и самобытности, присущей каждой из развивающихся стран*. Она сводится к использованию возможностей друг друга для своих собственных целей, что создает их *синтез*. Традиционные связи, нормы и представления оказываются достаточно жизненными. Традиция соединяется с достижениями урбанизации и научно-технической революции, приобретая новый смысл. В самом общем плане структурная адаптация прежнего сознания к современности состоит в том, что в нем по-прежнему сохраняется установка на ценность солидаристских связей. Вместе с тем воспринимаются модернизированные формы деятельности и потребления. Входя в мир новых, возросших возможностей, человек переносит на него свои прежние установки. Он пытается извлечь из этих возможностей то, что идет на пользу укреплению прежней солидарности, усилению сложившейся локальной группы, росту ее потребления и повышению престижа по сравнению с другими группами и за их счет. Такое значение приобретали, например, дух корпоративности и патернализма, формы предпринимательства, отвечающие сложившимся структурам (семейные фирмы, основанные на общинных связях, клановые формы взаимной поддержки). Большое значение приобретали традиции трудолюбия и мастерства в искусных формах ремесленной деятельности. Успеху модернизации всегда сопутствует восходящее к прошлому высокое уважение к образованию и знанию на Востоке (хотя при этом резко меняется содержание этого знания).

Синтез оказывается необходимым способом формирования новой общественно значимой

идеологии, в которой должны сочетаться как привычные общественному сознанию ценности социальной справедливости и единства, так и призывы к осовремениванию, развитию производства, овладению новыми типами производства и т.д. Такая идеология зачастую принимала формы

466

«национального социализма» (турецкого, африканского, индийского, китайского, арабского и т.д.) или же обращалась к религиозным основаниям в формулах исламского, индийского или буддийского социализма. Так, как говорили некоторые исламские лидеры в 60—70-х гг., «мы будем строить социализм, держа в одной руке Коран, а в другой «Капитал» К. Маркса». Тем не менее традиция действует двойственно и на современные формы деятельности. Клановые, племенные, кастовые, этнические отношения, нормы и соображения доминируют над профессиональными, классовыми или национальными принципами, порождая то, что называется коррупцией, nepотизмом и круговой порукой.

В этих условиях усиливается воздействие тех форм массового сознания, которые тщетно пыталась искоренить или подчинить своему влиянию религия: обращение к магии, различного рода мнимым, исцеляющим, избавляющим, приносящим успех, счастье и здоровье амулетам, заклинаниям и т.п. Распространяются колдовские и антиведовские культуры, возникают многочисленные секты, причудливо сочетающие элементы религии и фольклорные верования.

Характерной иллюстрацией адаптации может служить живучесть культа предков или родственных связей в различных обществах и его распространение на городские условия. Этот культ воспринимается как поддержание теплых и интимных связей между живыми и теми из умерших, которые наиболее дороги и близки живым. Предки человечны и понимают проблемы живых, они могут руководить ими и защищать от опасностей, выступать советчиками и указывать жизненный путь. Подразумевается, что соблюдение их заветов и поддержание правильных отношений с ними обеспечат людям гарантию жизненной устойчивости и в новом образе жизни. В более развитой культурной среде массовое сознание черпает объекты таких культов из высокой религии, выискивая в ней святых, мучеников и мудрецов, которые становятся советчиками, покровителями и защитниками живых.

Традиционное сознание оказывается мало защищенным от влияния демонстрационного эффекта, который оказывают новые товары и реклама. Снимаются прежние ограничения, и новые возможности воспринимаются как стимул к увеличению непосредственного потребления, способствующего повышению статуса и влияния первичной группы или индивида. Установка на накопление материальных предпосылок производства остается чуждой. Однако тенденция к повышению своего статуса в рамках традиционной иерархии приводит к напряженной борьбе за расширение доступа к жизненным благам. Прежняя солидарность все

467

больше опирается на потребление материальных благ, созданных вне рамок традиционного производства.

Первым делом стараются извлечь пользу из этих тенденций прежние привилегированные группы — племенная верхушка, высшее духовенство, различные слои бюрократии. Демонстрационный эффект именно на них срабатывает в полную силу, создавая атмосферу погони за престижными формами потребления (модами, знаниями, товарами, статусами), резко противостоящими образу жизни широких масс. Это оказывается в конечном счете разрушительным по отношению к обществу в целом.

Иногда синтез приобретает крайне уродливый характер, порождая самые примитивные и жестокие формы эксплуатации и репрессии по отношению к трудящимся низам. Еще в период вызревания американского капитализма произошло утверждение рабовладельческих порядков в плантационном хозяйстве южных штатов. Колониальная модернизация во многих странах «третьего мира» привела к внедрению принудительного труда. «Сталинская индустриализация» в СССР основывалась в значительной степени на использовании труда заключенных и различных формах закрепощения населения города и деревни. Современное расширение «дикого капитализма» приводит к широкому распространению криминализации, охватывающей самые различные сферы деятельности.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗРЕЗЫ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

Дифференциация социальной жизни привела к росту разнообразия в культуре и общественном сознании стран Азии и Африки. В самом общем плане на массовом уровне можно выделить многообразные ценностно-культурные ориентации и образы жизни, связанные с существованием как укладных, так и межукладных социальных групп: традиционно-крестьянский, новый сельский, сильно дифференцированных городских слоев, буржуазных и буржуазно-бюрократических элементов и интеллигенции. Традиционные факторы по-разному сказываются на мироощущении этих слоев. Рабочему классу в силу его социально-экономического положения присущи недостаточная включенность в индустриальное производство, незрелость и заметная привязанность к

традиционным укладам жизни, что проявляется подчас во влиянии на него этнических, земляческих, конфессиональных привязанностей и мотиваций. Образованные и квалифицированные слои населения

468

оказываются зачастую в состоянии напряженной раздвоенности между новыми ориентациями, привязанностью к достижениям Запада и стремлением к утверждению национальной самобытности своей страны, куда следует ограничить доступ своекорыстного Запада и его культуры, развращающей массы.

Но в особенно напряженной духовной ситуации оказывается интеллигенция страны, вступившей на путь модернизации. С одной стороны, именно интеллигенция является носителем способности к изменению присущей обществу системы ориентаций, имеющихся в обществе знаний, используемой в нем символики. Именно она привносит в общество новое сознание, способствует пониманию новых задач, с которыми сталкивается общество в современном мире. Интеллигенция способна хотя бы в интеллектуальном плане выходить за рамки повседневности и локальных ситуаций и выявлять общие тенденции. Подвергая критике устаревшие порядки и социальные злоупотребления, интеллигенция способствует выработке общенационального сознания, формулирует принципы национальной самобытности и социальной справедливости, разрабатывает различные варианты идеологических учений.

Все это представляет огромное значение для выработки самоориентации переходного общества. По этой причине многие представители интеллигенции склонны высоко оценивать свою миссию, активно участвуя в политической и идеологической борьбе за независимость и национальное развитие.

Однако в сложных условиях модернизации положение интеллигенции оказывается крайне противоречивым и во многих отношениях ненадежным. Слабость социальных институтов культуры (в том числе образования) лишает интеллигенцию надежного положения в жизни. Успех ее деятельности зависит от достаточной обеспеченности материальными и политическими ресурсами, которыми она не располагает и которые находятся в руках совсем иных слоев. Зависимость интеллигенции заставляет ее обслуживать потребности госбюрократии, традиционных лидеров или частного предпринимательства. В художественной литературе азиатских или африканских стран, в которой интеллигенция дает выход своим настроениям, нередко получают выражение мотивы пессимизма и отчаяния, вызываемого необходимостью «выбора между самооплакиванием и проституированием».

Как мы видели в главе XV, другая важная проблема, стоящая перед национальной интеллигенцией, — самоопределение по отношению к Западу. С одной стороны, Запад остается «обетованной землей» высокой культуры или подлинной науки, богат-

469

ства интеллектуальных и художественных течений. Но с другой — это дегуманизированное общество, ориентированное на наживу и потребление, на подчинение остального мира своим моделям жизни. Такая дилемма приводила как к «утечке умов» из слаборазвитых стран на Запад, так и к резкому размежеванию с ним, превращению интеллигенции в активных носителей антизападной идеологии и участников национально-освободительной борьбы.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Как уже упоминалось, важное духовное изменение, происходящее в обществе, подвергающемся модернизации, состоит в расширении сферы действия секулярных принципов социальной регуляции. Это означает ослабление влияния религии на некоторые сферы социальной жизни, постепенную *десакрализацию* мира и рост влияния рационально-практических и нормативно-правовых принципов. Однако между собственно религиозным и рациональным подходами к действительности находится важная сфера общественного сознания, занимаемая светской идеологией, которая приобретает все большее значение по мере ослабления прежних ортодоксальных форм веры и практики. В условиях этого переходного периода между религиозно-солидаристским и товарно-денежным типами регуляции происходит сложное взаимодействие и духовных мотиваций, сопровождаемое как обогащением, так и обеднением духовной жизни, дифференциацией субкультур и поисками новых принципов интеграции. Нагрузка на идеологию увеличивается в силу того обстоятельства, что в этих условиях в обществе ослабевают прежние нормативно-ценностные системы, оказывающиеся в ряде отношений дисфункциональными, но еще не сложились прочные хозяйственные связи и правовые системы. Как известно, в политическом плане важным средством регуляции и консолидации общества становится государство, приобретающее зачастую авторитарный характер. Однако государство имеет свои ограничения, оно не может заменить нормативно-ценностные и смысловые системы, обеспечивающие нужную степень взаимодействия и координации.

В этих условиях идеология становится важным средством регуляции ориентаций и деятельности

населения. Воздействуя на духовный мир человека, на сознание общественных групп и общества в целом, она по-своему «организует мир», объясняет противоречивую действительность и снимает эти противоречия, придавая смысл деятельности, направленной на определенные цели.

470

Конечно, формирование идеологии определяется как состоянием общества в целом, так и характером тех социокультурных слоев и политических движений, которые складываются в обществе. Поэтому именно социологический анализ должен раскрыть реальное содержание тех построений, которые создаются идеологами различных направлений. В общем плане в том многообразии идейных ориентаций, которое складывается в обществе в условиях модернизации, следует выделить следующие основные направления:

1. *Национализм* различного типа, в котором находят отражение стремления различных слоев общества, этнических и конфессиональных общностей к достижению консолидации и независимости. Эти цели могут выдвигаться от имени сложившейся нации, стремящейся к освобождению от иностранного господства, от имени больших и малых этнических групп, ориентированных на национальное самоопределение, от имени культурно-исторической общности (паннациональные движения), от имени государства (государственный национализм) или конфессиональных движений.

Хорошо известны противоречия национализма, который, с одной стороны, стремится к достижению реальной независимости и права самостоятельно пользоваться национальным достоянием, а с другой — нередко приводит к ограничению прав инонациональных частей населения, к соперничеству и конфликтам с другими национальными общностями. Конфликты и войны — частый спутник националистического самоутверждения.

2. *Социалистическая идеология* в разных национальных вариантах. Как мы видели, в доиндустриальных типах социальности преобладают различные формы коммунократических, солидаристских отношений, которые неизбежно вступают в противоречие с теми товарно-денежными принципами, которые лишены значимой для населения нормативно-этической ориентации. Стремление отстоять присущие громадному большинству населения социальные связи и соответствующие им ценности, но вместе с тем привести их в соответствие с новыми типами деятельности выражается в произрастании различного рода социалистических идеологий и программ, которые на разных этапах выдвигались во всех странах, проходящих через этап модернизации.

3. *Изменения в религиозной идеологии*. С периода французской революции 1789 г. в общественной мысли стран Запада, а под ее влиянием и в других странах вопрос о месте и роли религии в современном обществе подвергался интенсивному обсуждению. Многие просветители, а вслед за ними социальные реформато-

471

ры, революционеры и социалисты полагали, что прогресс должен привести к изживанию религии как суммы нелепых верований, устаревших предрассудков, средства обмана и манипуляции, отвлечения народа от реального участия в общественной жизни.

На протяжении XIX и XX вв. религия продолжала пользоваться широким влиянием, хотя содержание и структура его сильно изменялись. Как обычно, история религии как важная составная часть культуры разворачивается отнюдь не через «отмену» и «устранение», а через постепенную эволюцию, в которой прежнее достояние взаимодействует с нововведениями.

Необходимо вновь провести исходное разделение религиозных процессов на два основных типа, которое в основном совпадает с делением современного мира на «промышленно развитые» и «развивающиеся» страны. На ранних этапах промышленного развития и становления капитализма христианство в его протестантской форме сыграло выдающуюся роль в духовном стимулировании накопления капитала и поддержания социальной дисциплины. Оно послужило основой внутренней личностной ориентации активных участников становящихся рыночных отношений. В немалой степени это происходило еще и потому, что протестантизм примирял трудящихся с приниженным положением, создавая у них убеждение в оправданности складывающегося неравенства, которое является результатом как собственных усилий человека, так и божественного произвола. Позднее к этому процессу присоединились и страны католической Европы, хотя здесь развитие происходило во многом через приспособление структуры культа к новым социальным требованиям — и при большей степени сохранности солидаристских отношений. Позднее повсюду в западном мире происходит постепенный, но упорный процесс секуляризации, заключающийся в растущем разделении светской и сакральной сфер, отстранении последней от участия в регуляции экономической деятельности или же превращении этого участия в косвенное и опосредованное. Католицизм отнюдь не выступает противником капитализма, а содействует ему, осуществляя функции морального руководства поведением верующих во внепроизводственной сфере. Впрочем, эта религия ведет также огромную работу через профсоюзы и систему социального обеспечения, сглаживая и примиряя интересы противостоящих классов. Таким образом, для религии процесс секуляризации заключается прежде всего в «структурной перестройке» поведения верующих, его растущей дифференциации. Религия

все больше уходила в сферу частной и личной жизни, хотя и оставаясь важным средством регуляции межгрупповых и национальных отношений.

472

Что же означает этот процесс для секулярных частей культуры? Как мы видели в главе об индустриальном обществе, основными средствами регуляции здесь становятся светская мораль, гражданское право и художественная культура, через которые и осуществляется разветвленное, детализированное и гибкое поддержание отношений и их адаптация к меняющимся условиям.

Религиозные процессы, протекающие в среде, которая подвергается модернизации и претерпевает сложную трансформацию, зачастую кардинально отличаются от тех, что описаны выше. Однако они отнюдь не однозначны. В обширной литературе по социокультурным аспектам модернизации приводятся разные классификации, но можно считать вполне устоявшимся деление этих процессов на три основных варианта, имеющих различное духовное содержание, социальную и политическую направленность: а) консервативный традиционализм, б) радикальный фундаментализм и в) реформаторство. Конечно, такое деление условно и отражает состояние размытости, неустойчивости основных социальных групп и переходный период общества в целом. Деление не охватывает и всех различий, существующих на уровне мировоззренческого и тем более массового сознания. Но оно дает возможность выявить основные направления эволюции религиозных идеологий, а следовательно, и их влияние на идеологическую борьбу.

Для современного религиозного сознания важной проблемой становится установление необходимого соответствия между традициями и современностью, между усвоением нового и доставшимся от прошлого наследием. В происходящих в религии процессах проявляется ее неоднозначность и многообразие. В ней постоянно взаимодействуют и противоборствуют разные уровни и типы сознания, разные ценностные ориентации.

Консервативный традиционализм. Ортодоксальный традиционализм связан с косными привилегированными слоями, стремящимися противостоять переменам, сохранить свои привилегии и замкнуть широкие народные массы в ограниченных рамках первичных групп, дополняемых религиозными связями. В ряде стран традиционализм активно используется и насаждается правящими кругами, которые хотели бы сдерживать рост недовольства и активности населения. Традиционализм неизменно отказывается признать реальность перемен. Изменения должны носить характер только частичного улучшения прежних структур, усилить прежние ориентации, которые сами по себе обладают абстрактной ценностью, и лишь «небрежность» верующих не дает им возможности осуществиться. Тенденция ортодоксии — скорее отвер-

473

гнуть изменения и нововведения, чем поставить под сомнение «священные принципы», которые заключаются в сохранении прежних «внеземных» целей и представлений. Особую критику традиционалистов вызывают процессы атомизации человеческих отношений, распада привычных социальных ячеек и утраты значимости прежних форм поведения, в чем они усматривают угрозу существованию общества и его культуры. Социальные беды и конфликты традиционалисты приписывают «духовному распаду», т.е. забвению ортодоксальных норм и ценностей, а также отходу верующих от прежних религиозных структур.

Для современного традиционализма в высшей степени характерно, что он успешно уживается с технократическими и бюрократическими методами управления обществом. Усиление влияния на официальную политику религиозных кругов превращает их в одну из фракций правящей бюрократии. Правительство вместе с клерикальными кругами выступает против попыток демократической реформации, усиливает религиозное воспитание населения, особенно молодежи. На религию возлагается роль амортизатора между авторитарной властью и обществом. Религия выступает фактически дополнением того политического прагматизма, на который ориентируются правящие круги. В официальной пропаганде выдвигается лозунг «опоры на науку и религию». Так религия становится средством контроля над массами, отстраненными от активного участия в общественной жизни, компенсацией за несбывшиеся земные надежды, средством религиозного спасения или освобождения от земных тягот в потустороннем существовании. В этом виде она служит существенной частью правительственного механизма контроля над обществом.

Фундаментализм. В условиях социального кризиса в общественном сознании усиливается обращение к религиозному течению, часто называемому радикальным фундаментализмом или возрожденческим, так как в нем провозглашается возрождение истинной религии, в которой разрешены все социальные конфликты и воплощены идеи общего блага, единства и равенства. Однако на самом деле речь идет об оживлении лишь одного из религиозных вариантов, который в прошлом питал хилиастические (провозглашавшие веру в осуществление утопического идеала справедливости до наступления эсхатологического конца мира), мессианские (верящие в мессию — ниспосланного Богом спасителя рода человеческого) и сектантские движения и который теперь приобретает подчас огромную убеждающую силу.

Отвергая реформаторские призывы приспособить религию к требованиям современности, сторонники религиозного возрождения настаивают на том, что мир должен подняться до высоты религиозных принципов, провозглашенных много веков назад и до сих пор оставшихся непонятыми или неосуществленными.

474

В рамках возрожденческих течений блистательные изображения «золотого века» снова становятся образцами общественного устройства. В исламе это период правления четырех праведных халифов и спутников Пророка, в индуизме — время создания ранних Вед, в буддизме — период существования ранних буддийских государств, особенно в правление царя Ашоки. Предполагается, что необходимо лишь вернуться к этим образцам, преодолев заблуждения, привнесенные своекорыстием привилегированных классов и властей, а также косного духовенства, отошедшего от первоначального идеала. Вину за упадок общества идеологи фундаментализма большей частью возлагают на режимы, которые своевольно нарушали сакральные законы и тем самым подрывали общественные устои.

В рамках таких течений духовные лидеры нередко предпринимают далеко идущие попытки пересмотреть всю историю своих народов, преподнести ее как постоянную борьбу за осуществление изначальных принципов своей религии. Ислам, буддизм и индуизм преподносятся как важнейшее достояние общества, а сущность истории — как охрана этого достояния от проникновения западных идей и возникновения пагубных отступлений от религии. Гораздо интенсивнее, чем в реформаторских направлениях, фундаментализм выступает с критикой буржуазного Запада, превращая ее в критику Запада вообще, противопоставляя собственное вероучение его духовному и моральному распаду, чтобы вместе с его религией и культурой можно было бы отвергнуть и чуждые социально-экономические принципы.

Социальное кредо таких течений — всемогущество веры, демократия и справедливость. Демократия и справедливость трактуются как утверждение равенства и устранение крайностей богатства и бедности, как избавление от эксплуатации и обеспечение всем доступа к средствам существования. Эти принципы имеют громадную убеждающую силу, привлекая широкие массы, поднимая их на активную борьбу против социального и национального угнетения. Именно эта способность привлечь массы делает и поныне возрожденчество влиятельной идейной и политической силой, важным средством формирования широких движений против культурной экспансии Запада.

В качестве примера такого движения, характерного для недавнего прошлого, можно привести гандизм. Та струя, которую внес в развитие индийского национально-освободительного движения

475

Ганди, способствовала объединению в нем различных слоев населения, превращению его в подлинно массовое. Он призывал участников движения к моральной стойкости, готовности принести себя в жертву ради свободы народа. Ганди сумел в полную меру мобилизовать ту моральную готовность, тот гнев и протест, которые накопились в индийском народе.

Весьма приспособлен к восприятию тенденций оказался ислам с его разработанным учением о воплощении справедливого общества (исламского государства) на земле, а также сильным влиянием общезначимых духовных принципов, выраженных в Коране и в Предании. Об этом свидетельствует и роль ислама в антимонархической революции в Иране (1979 г.).

Значительный размах получило возрожденческое течение в буддизме, охватившее не только страны, где он признан, но и перекинувшееся в его прародину — Индию. В Индии необуддизм влиял прежде всего на членов низших каст, привлеченных содержащимися в этом учении идеалами социальной справедливости и равенства. Необуддизм усилил критику монашеских порядков во имя того, чтобы сангха (монастырская община) вернулась к подлинным заветам буддизма и взяла на себя задачу исправления социальных порядков.

Фундаменталистские варианты религии дают массовому сознанию новые, духовные ориентации в условиях ломки прежних жизненных устоев. Выделяют следующие черты соответствия фундаменталистских ориентаций потребностям масс:

1. Нормы группового солидаризма не отвергаются, а расширяются до рамок единства всех членов религиозной (конфессиональной) общины, сплоченной совместным участием не только в ритуализованных религиозных действиях (молитва, паломничество), но и в общем политическом деле.

2. Выдвигается требование уравнивания членов конфессиональной общины. Этому способствуют совместные коллективные действия с участием представителей всех слоев общества. При этом всячески подчеркивается единство высших чинов и простого народа, их взаимная близость и т.д. Большую нагрузку в утверждении принципов эгалитаризма несут меры по перераспределению богатства через налоги на собственность, пожертвования, отказ от взимания процентов, устранение престижной и показной роскоши и т.д.

3. В отношении к жизненным благам фундаментализм сохраняет установку на непосредственное потребление, во многом ограничивая и осуждая накопительские тенденции (в том числе и

чрезмерную частную собственность). Выдвигается принцип, что

476

цель экономики — не процветание и развитие, а сближение человека с Богом. В гармоничном обществе должно поддерживаться постоянное равновесие между экономическими достижениями и моралью.

4. Фундаментализм реализует оппозиционные установки массового сознания в требованиях создания справедливой власти, которая не должна иметь собственных корыстных интересов, отделенных от интересов народа. Олицетворением такой власти обычно становится харизматическая личность, наделяемая особыми свойствами и способностью к выражению общенародных интересов. Вместе с тем необходим и непреложный Закон, имеющий божественное происхождение и не подвластный человеческому произволу.

5. Опираясь на установки массового сознания, религиозный фундаментализм выдвигает жесткую моральную программу прав и обязанностей для всех членов общности. В соответствии с установкой, отрицающей духовную значимость индивида, фундаментализм прибегает не только к моральной критике грешника, но и к физическим наказаниям за совершение антисоциального проступка.

6. Уравнительские тенденции массового сознания находят выражение также в призывах к устранению разрыва в потреблении, снижению уровня профессиональной и культурной дифференциации, они ведут к попыткам избавиться от научных элементов в общественном сознании, от научно-технических достижений и упростить культурную жизнь.

7. Существующая в массовом сознании дилемма между солидарностью и накоплением превращается в фундаменталистской идеологии в широкомасштабное противостояние морального Духа и пагубной Материи. Носителем духовности становится та или иная религия, а воплощением злонамеренной материальности — капитализм. Моралистическая критика капитализма сопровождается противопоставлением ему принципов духовного совершенствования общества.

8. Очевидная для массового сознания связь между пагубными последствиями модернизации с Западом дает фундаментализму сильный антизападный импульс. Однако столь же сильное неприятие вызывает и «безбожный» коммунизм. Поэтому фундаменталистские течения ревностно стремятся к искоренению видимого присутствия Запада в жизни членов конфессиональной общины и большинства населения общества.

9. Все эти особенности создают высокую степень двойственности и противоречивости процессам, связанным с ростом фун-

477

даментализма. С одной стороны, он активизирует участие масс как в общественно-политической, так и хозяйственной деятельности во имя достижения высоких освященных религией целей. Он способствует реинтеграции общества на основе общих религиозных принципов. Но вместе с тем он закрывает обществу перспективы конструктивной трансформации, подрывает стремление к освоению новейших достижений мировой цивилизации, а тем самым сковывает динамику общества. Приверженность к общерелигиозным принципам регуляции препятствует дифференциации общественной жизни и сознания, формированию в них автономных сфер рациональности и новых социальных институтов.

Реформаторство стало важным направлением изменения содержания и структуры религии в восточных и африканских странах. Хотя оно, несомненно, отвечает интересам национальной буржуазии, его сторонниками стали широкие средние слои населения, прежде всего городского, деятельность которых подверглась значительной степени модернизации. Поэтому это направление можно назвать модернизаторским.

В своем традиционном виде религия препятствует развитию капитализма, накладывая на него духовные ограничения. Такое значение имело, например, содержащееся в исламе (а вернее, в коранической традиции) запрещение *риба* — взимания ссудного процента. Это была попытка религиозного ограничения функционирования капитала в некапиталистических общественных структурах и подчинения его целям религиозного спасения верующих. Несомненно, что в жизни этот запрет обходился всевозможными способами. Иначе в средневековых мусульманских странах не могли бы возникнуть развитые формы торгового капитала. Для исследователя М. Родинсона это послужило основанием утверждать, что ислам не противоречил сам по себе развитию капитализма, что его предписания не сказывались фактически на торгово-предпринимательской деятельности. Но исторические процессы свидетельствуют о противном. Запрещение Кораном ссудного процента оказывало значительное сдерживающее влияние на предпринимательскую деятельность мусульман. Именно поэтому буржуазия активно выступала за реформированную религию и прежде всего за отмену ограничений на функционирование капитала.

Реформаторы ислама, буддизма, индуизма и, конечно, христианства в районах его распространения стремились дать религиозную санкцию практическим делам человека. Это формулировалось как «поклонение Богу через использование его даров» — земли и капитала. Дары

должны служить благородным целям: процветанию общества и его совершенствованию. Все земные ресур-

478

сы и человеческие способности должны использоваться для прославления религии.

Реформаторский подход заключался прежде всего в установлении более активных отношений между человеком и божественным порядком. Вместо исчезающе малой величины перед лицом абсолюта человек обретал способность проявлять свою волю и достигать поставленных целей. Поклонение Богу как высшей силе сохранялось, но человек предстал уже не как слепое орудие в его руках. Ему давалось право выбора, и он должен был сделать правильный выбор, стремясь к выполнению завета самосовершенствования. Отныне «реформированный» Бог действовал не сам, не как трансцендентный субъект, а через посредство человека, через его волю, разум и действия.

Реформаторы настойчиво выделяют из прежнего состава религии то, что может быть десакрализовано, т.е. то, что не связано непосредственно с Богом и не является сущностной чертой религии. Вероучение рассекается на более или менее важные сферы по степени значимости для веры или для земных дел. Преодоление фаталистических установок требует подчас далеко идущих изменений в духовном составе религии. Исламские реформаторы обрушивались на «душевную атрофию», навязанную *таклидом* (приверженностью косной традиции), и призывали к активной деятельности ради улучшения условий существования человека. Таклиду противопоставляются *иджма* и *иджтихад* (способность человека к самостоятельному суждению) не только как средство выяснения рациональной значимости тех или иных положений в исламе, но и как источник уверенности индивида в оправданности своих действий.

Такое изменение исходных принципов меняет и ряд других важных сторон религии. Пересматриваются «способы» взаимоотношения человека и Бога. Главное — внутренняя религиозность, и отныне сам человек может входить в отношения с Богом через разум, интуицию и через свою угодную Богу деятельность. Уменьшилась роль посредников между Богом и верующими: священников, храмов, изображений, жертвоприношений, обрядности.

Важной переменной было и расширение роли рационального познания в обосновании веры и поведения, что способствовало преодолению слепого принятия прежних догм и предписаний, пересмотру отношения к священным текстам, расширению их толкований. В исламе это потребовало явного или подразумеваемого снижения статуса откровения, что повело к жестоким спорам о соотношении его с разумом. Проблема нередко решалась через обращение к дуалистическому положению о двойственности истины

479

(т.е. оправданности как науки, так и божественного откровения). Полномочия разума в рамках этого течения были ограничены задачей поддержания веры в ее конечных основаниях.

Реформация проводится за счет уменьшения догматических и институциональных сторон религии в пользу ее интерпретации как комплекса этических норм, дающих основу для признания социальных комплексов полезной деятельности. Задачей религии отныне становилось не утверждение незыблемости божественного правопорядка, а моральное совершенствование человека и общества. В индуизме, например, закон космической дхармы становится носителем преимущественно этических принципов.

Усиление реформаторских идей связано с развитием новых форм деятельности, в которые вовлекались широкие группы населения. Не увливание от неприятных или греховных обязанностей, а их выполнение ради общественной пользы — важный принцип реформаторства. Реформаторские тенденции выразились и в призывах отменить запреты, сковывающие различные роды деятельности (например, в буддизме запрет на прикасание к деньгам, который приходилось обходить весьма сложной казуистикой; запреты на убиение живых существ и т.п.). Проще и доступнее стало индивидуальное выполнение повседневных обрядов, смягчены ритуальные нормы, перетолкован даже столь важный для буддистов принцип ненасилия, который теперь не должен распространяться на тех, кто угрожает существованию общества.

В период после достижения независимости реформаторские тенденции снова набирают силу, питаются растущим стремлением буржуазных слоев к обретению ориентации, соответствующей их интересам. Однако характерно, что Реформация по-прежнему охватывает лишь относительно узкую среду, а именно те группы населения, которые вовлечены в новые отношения. Крупная буржуазия откровенно переходит на позиции буржуазного прагматизма и утилитаризма, а мелкая, сталкиваясь с неустойчивостью своего положения, усваивает скорее ортодоксальные или фундаменталистские варианты религии.

Заключительные выводы. Из анализа тех противоречивых процессов, которые происходят в разных странах в ходе модернизации, следует сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, культурно-религиозные факторы имеют не менее определяющее значение для полноценного обновления общества, чем новые технологии, формирование новых социальных струк-

тур или политических институтов. Во-вторых, модернизация — сложный, многосторонний и многовариантный способ преобра-

480

зования общества, в котором взаимодействуют внутренние и внешние, самобытные и заимствованные факторы. В-третьих, глубокие противоречия между различными факторами и влияниями могут приводить к тяжелым потрясениям, конфликтам и срывам модернизации. Поэтому успешная модернизация оказывается возможной лишь на основе структурного распределения сфер регуляции, взаимной адаптации взаимодействующих сторон, выработки того варианта и пути обновления, который отвечает сложившимся формам социокультурной регуляции.

Глава XVII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Основные темы.

Этнические истоки культурного разнообразия. Восточные и западные этнокультурные связи. Территориальные и климатические воздействия на становление менталитета русской культуры.

Православие в структуре духовной жизни. Нравственное и эстетическое значение православия. Нейтральное отношение православия к хозяйственно-практической жизни. Роль православия в укреплении авторитета российского государства. Подчиненное положение православия в структуре властных и административных связей. Культурно-исторические последствия религиозного раскола для русской культуры.

Противоречия русской культуры. Бердяев о противоречиях русской культуры. Сложилось ли в русской культуре ценностно-смысловое ядро?

Поликонфессиональность Российской империи. Влияние западных вероисповеданий. Православие и ислам, эволюция отношений от противостояния до взаимной терпимости.

Противоречия модернизма.

Государство в социокультурной структуре России. Основные черты политической культуры России: принятие властного авторитаризма как гаранта общественного порядка и вместе с тем постоянная оппозиция к самовластию и стремление к свободному волеизъявлению.

Культурно-этические традиции российского предпринимательства.

Русская интеллигенция и культура. Интеллигенция как основной носитель секулярно-просветительских механизмов в русской культуре. Либеральное, революционно-демократическое направления в деятельности интеллигенции. Роль интеллигенции в формировании срединной культуры. Раскол среди интеллигенции как проявление антиномичности русской культуры и инверсионного характера общественной динамики.

Социокультурное размежевание и революция. Русская революция как феномен культуры, как проявление присущих ей полярных противо-

481

ложностей. Роль культурных факторов в подготовке и осуществлении русской революции.

Социокультурное формирование советского общества. Социокультурные последствия революции и гражданской войны: распад государственной системы и цивилизованных основ общественной жизни. Восстановление централизованного авторитарного государства, опирающегося на насилие и политико-идеологическую систему управления обществом. Ленинская установка на соединение политических средств «пролетарской революции» с достижениями «буржуазной культуры». Репрессивно-манипуляторская система сталинизма. Культурно-идеологические принципы тоталитарного режима. Гонения на интеллигенцию и система «формирования нового человека». Формирование официальной культуры из дореволюционного достояния и социалистической культуры.

Социокультурные основания советской системы. Мифологические черты «культы вождя». Превращение марксизма-ленинизма в квазирелигиозное учение универсалистской ориентации. Причины принятия социализма и его глобальное распространение. Сакрализация учения «основоположников». Система идеологической обработки населения. Роль партии как института регуляции духовной жизни. Идеи и культурные стороны партийной системы.

Ценностные принципы социализма: ограничение товарно-денежных отношений, частной собственности и частного предпринимательства, сферы формального права и свободы личности в пользу коллективистских и уравнилельных отношений, регулируемых партийно-бюрократическим механизмом. Культурные источники идейного утопизма, утопия и реальность социалистического общества.

Социокультурные противоречия социалистической системы. Формирование системы всеобщего образования, массовое распространение грамотности и общей культуры (язык, литература, искусство, основы научных знаний), высокая степень урбанизации и массовая профессиональная подготовка. Формирование кадров национальной интеллигенции. Культ «интернациональной дружбы».

Издержки «культурной революции»: низкий и уравнилельский уровень культуры, низкая ориентация на самостоятельность в социально значимой деятельности. Раздвоение духовной жизни на официальную и оппозиционную.

Социокультурные проблемы модернизации России. Развитие или преемственность? Развитие или социальная стабильность? Заимствование или самобытность? Этническое — общенациональное — мировое. Спор о верах.

Социокультурные перспективы.

Причины и характеристики застоя в культурной жизни. Социокультурные характеристики крушения

государственно-партийной системы в 1991 г. Инверсионный характер перемен. Тотальная смена ценностей и значений в ориентациях движущих сил либеральных реформаторов. Плюрализм социокультурных процессов и поиски путей устройства общества. Обострение противостояния сторонников «капитализма» и «социализ-

482

ма» и его проявления в духовной жизни. Воздействие массовой культуры Запада и рыночных отношений на духовную жизнь. Культурные аспекты модернизации: имитация Запада или поиски собственного пути? Проблема обустройства России. Роль культуры в обеспечении социальной дифференциации и формировании нации.

Проблемы межнациональных отношений. Возрождение национальных менталитетов, разнонаправленных цивилизационных связей, конфессиональных ориентаций.

Формирование узлов социокультурных противоречий, чреватых срывами и настоятельно требующих разрешения: модернизация и стабильность, социальная дифференциация и поддержание национального единства, развитие отношений с Западом и сохранение цивилизационной самобытности, преодоление национализма и налаживание межкультурного взаимодействия.

ЭТНИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

По этническому генотипу русская культура принадлежит к общеславянскому типу, что на протяжении всей истории создавало предпосылки общности славянских культур и порождало сильную тягу к панславизму. Однако в этническом плане русской культуре присуща, с одной стороны, значительная степень сродства в языковом и этническом планах, а с другой — заметная степень внутренней разделенности на субэтносы (население Поморья, русского Севера, Поволжья, Сибири, Приморья, казаки и т.д.).

Эта разделенность формировалась как адаптацией населения к местным природным и культурным ареалам, так и историческим опытом. Жизнь в районах русского Севера с его лесами, торговыми городами, традиционными промыслами, монастырями весьма отлична от степных районов с огромными пространствами пахотных земель, интенсивным животноводством и длинными торговыми трактами. Другим фактором разнообразия было взаимодействие с народами Евразии в тех ареалах, где обосновывалось русское население и где происходили смешение и взаимная культурная адаптация. Это и определило одну из важнейших характеристик этнокультурного облика России — значительный диапазон вариативности диалектов, фольклора, обрядов, форм бытовой культуры и верований.

Еще более значимым источником этнического разнообразия было взаимодействие различных этнических групп: славянских, финно-угорских и тюркских. На обширных пространствах Евразии на протяжении многих веков происходило смешение разных

483

народов, и с середины XVI в. (время Ивана Грозного) Русь становится многоэтничным государством. К концу XIX в. в России насчитывалось свыше 150 больших и малых этносов, между которыми налаживались все более интенсивные отношения, что приводило к растущей дисперсности этнического расселения.

Формирование российского общества в политическом и культурном планах проходило на протяжении веков через преодоление этнической рыхлости и разобщенности, но в условиях интенсивного воздействия извне, как со стороны Запада, так и Востока. Это воздействие носило не только собственно культурный характер, но принимало нередко экстремальные формы, подвергая русский народ угрозе вытеснения и рассеяния. Как мы знаем, общим механизмом консолидации и защиты общества являются государство и религия, которые и в России приобрели столь большое значение.

ПРАВОСЛАВИЕ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Важнейшая социологическая характеристика того религиозного порядка, который утвердился в России с принятием и распространением православия, относится не к содержанию религиозного учения, а к *месту религиозного института*, т.е. церкви, в общей социокультурной системе. На Западе результатом развития цивилизации, который не был «запланирован» в первоначальном христианстве, стало отделение *единой церкви* от множества центров государственной власти. Это означало, что политический и общекультурный порядок были отделены друг от друга, хотя в перипетиях взаимной борьбы этот принцип мог нарушаться обеими сторонами. Напротив, восточное христианство сложилось как система независимых друг от друга (автокефальных) патриаршества, которые находились между собой в отношениях ревнивого соперничества за власть над душами и умами «своих» верующих. Такое рассогласование резко снижало способность церковных властей противостоять власти политической. Автокефальный статус различных церквей восточного христианства означал не только независимость друг от друга, но и их зависимость от государства, выступавшего как гарант веры. В сущности, такова была уже византийская традиция, в соответствии с которой церковь утверждала божественную санкцию монаршей власти. С утверждением

самостоятельности московского патриаршества в XV в. церковь на Руси становится существенным орудием централизации, утверждения государственного единства и

484

борьбы против «неверных», т. е. государств, защищающих иные конфессии.

Московские государи проявили большое «своеволие» в организационных церковных делах, назначая на высшие церковные должности или устраняя неугодных иерархов. Однако чем сильнее была организационная зависимость, тем крепче религиозное сознание держалось за независимость «священного предания». Поэтому пересмотр богослужебных книг в середине XVII в., принятый по инициативе патриарха Никона, был воспринят значительной частью народа как отступление от канона и привел к длительному расколу с его постоянной тенденцией перехода в народные бунты, непризнание официальных властей и т.д.

Национально-государственная привязанность православия утвердилась и в других восточных церквях. Важнейшим культурным результатом такого положения явилась культурная замкнутость, локальная изолированность этих церквей и застойность их вероучения. Тот богословский итог, который был достигнут в Византии и зафиксирован в постановлении семи Вселенских соборов, был воспринят восточным православием как окончательная «истина», и уже не было такого авторитета, который мог бы реализовать ее изменение. Сопrotивление «еретическому» инакомыслию, неприятие любого изменения «стародавних» обрядов сковало силы православия и превратило его в покорного слугу авторитарного государства.

Застойный характер религиозной жизни привел к тому, что уже с середины XVII в., т.е. до Петровских реформ, присущее русскому обществу противоречие между принципами стабильности и развития приняло характер противостояния самобытности «святой Руси» и западничества («латинствующие»). Православие сопротивлялось европейским влияниям в духовной жизни, представляя их как «отступление от чистой веры Христовой». Церковные порядки, установленные Петром I и его преемниками (введение Синода, секуляризация церковных земель и другие меры), усилили организационную зависимость церкви от государства. Однако содержание вероисповедания, «святыня веры», осталось незатронутым, превращаясь все более в косное, архаичное начало. Православию были чужды сколько-нибудь серьезные попытки реформации. Незыблемость церковной жизни, устарелость ее языка и обрядов, застой ортодоксии усиливали изоляцию церкви от образованной части общества. Прочная связь церкви и престола приводила к тому, что растущая оппозиция против власти переносилась и на церковь. Официальная церковь не могла стать накопителем народного протеста против социальной несправедливос-

485

ти. Она не породила мучеников борьбы с самодержавием и крепостным правом, постоянно призывая к смирению перед властями и заглушая народное негодование. Вместе с тем духовная косность православия лишь способствовала усилению секуляризма и неверия среди образованных слоев общества. Развитие культуры проходило мимо религиозной жизни и вело не к реформации, а к секуляризации, выражавшейся в форме равнодушия, прямого неверия и принципиального атеизма.

Застойный характер православия не устранял сам по себе сдвигов в культурной жизни, которая отнюдь не сводилась к религиозно регулируемому «благодичию». Одним из источников этого разнообразия была народная, во многом еще языческая, почвенническая и «мужицкая» культура, представленная фольклорной, обрядовой, праздничной, смеховой традициями. Вторым источником было влияние извне, со стороны многих культур Запада и Востока, интенсивное общение с которыми Россия поддерживала на протяжении многих веков. Третьим источником разнообразия стало государство как одна из важнейших сил, которая не только объединяла население, распространенное на огромных пространствах Евразии, но и так или иначе способствовала развитию и дифференциации как хозяйственной, так и культурной деятельности.

ПРОТИВОРЕЧИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хорошо известно то, что исходная историческая и ценностная характеристика русской культуры состоит в том, что в ней отражается пограничное положение России между двумя континентами и цивилизационными типами — Европой и Азией, Западом и Востоком. Длительные споры, протекавшие в России на протяжении почти всего XIX в. и продолжающиеся до сих пор, породили разные ответы*. Мыслители западнической ориентации предпочитали видеть в России неуклонную тенденцию приобщения к Западу и преодоления «восточной отсталости», мыслители славянофильского типа, напротив, отстаивали самобытность России, принципиальное отличие от Запада, как, впрочем, и от Востока, видя в ней общинно-православное начало. Позднее выявилась и евразийская линия в понимании русской культуры, в которой утверждалось ее пространственное, историческое и духовное слияние с азиатским ареалом.

* Хотя и в разных терминах, о раздвоенности русской культуры писали многие мыслители: А. Герцен, Г. Федотов, Г. Флоровский, Н. Ильин, Н. Лосский, В. Ленин и др.

Однако эти идейные споры отражали несводимость русской культуры к одному из вариантов или к сочетанию и синтезу того и другого. Такие попытки неизменно оказывались неудачными. Часто встречающиеся в научных работах формулировки о парадоксальности русской культуры свидетельствуют, что ее понимание требует преодоления однозначных, линейных схем и обращения к многомерной концепции. Такой подход возможен именно на основе применения цивилизационного анализа, так как русская культура несводима к этическому или национальному субстрату, хотя, несомненно, несет в себе характеристики обоих этих уровней.

Бердяев о противоречиях русской культуры.

Именно это промежуточное положение между Западом и Востоком, взаимодействие с обоими этими началами и противодействие им привели к глубокой противоречивости русской культуры, ее раздвоенности и внутренним расколам. Неся в себе черты сходства с культурой Запада и культурами Востока, русская культура вместе с тем отличается от них. По выражению Н. Бердяева, Россия соединяет в себе Запад и Восток как два потока мировой истории, и это соединение превращает ее отнюдь не в некий интегральный вариант, а в арену «столкновения и противоборства восточных и западных элементов». Эта хорошо знакомая исходная антиномия разворачивалась в «поляризованности русской души», в культурном расколе между правящим классом и народными массами, в переменах внутренней политики от попыток реформ к консерватизму, а во внешней политике от тесного союза со странами Запада до противостояния им всем.

Конкретизируя исходное противоречие русской истории, Н. Бердяев выделяет в ней пять периодов, которые вместе с тем образуют разные сущности, *«пять разных России»*: киевская, татарского периода, московская, петровская, императорская. Особым образованием становится и советская Россия. Эти России, сменяя друг друга, вместе с тем накладывались друг на друга, не образуя органического единства и преемственности. Напротив, общество проходило через радикальные, во многих отношениях катастрофические, изменения социокультурной ориентации*.

Хотя приводимое Бердяевым перечисление номинально связано с меняющимися центрами и типами государственности, конечно, не в этом был его критерий, определяющий характер общества. С типом государственности был тесно связан общий

* См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1996. -С. 7.

характер культуры, тенденции, определяющие ее динамику в каждом периоде.

Каждый переход от одного периода к другому сопровождался не только далеко идущей перестройкой предшествующих политических и социальных структур, но и их ломкой, энергичными мерами по отрицанию и разрушению отвергаемого прошлого. Таков был вынужденный результат татаро-монгольского господства, политики Ивана Грозного и потрясений Смутного времени. Таковы были следствия целеустремленной политики Петра I и его преемников. В дворянско-бюрократической империи были отменены или ограничены прежние феодальные привилегии и порядки, создана новая социальная иерархия на основе таблицы о рангах и выслуги на государственной службе. Европеизация осуществлялась через крайнее социальное и культурное расслоение «по вертикали»: европеизированные и просвещенные верхи и закрепощенные, бесправные и темные низы. В свою очередь дворянская культура решительно отвергалась разночинной интеллигенцией, а нарастающая буржуазия беспощадно рубила «вишневые сады» и обрекала на разорение «дворянские гнезда». Нарастание социальных противоречий и движений социального протеста зачастую отражалось в отрицании господствующей культуры и культурном нигилизме.

Но дело не только в диахронических разрывах русской истории. Слабость интегрирующего духовного начала приводила к постоянной внутренней раздробленности этого общества. Бердяев имеет в виду не только хорошо знакомые нам по социально-политическому анализу противоречия между трудящимися и имущими слоями, народом и интеллигенцией, обществом и государством. Этим противоречиям он придает несомненное значение как ситуативных причин, во многом обусловивших протекание революции 1917 г. Однако глубокие разлады были присущи самой русской культуре на разных этапах ее истории.

В этой культуре можно найти немало антиномий, свойственных всякой культуре и создающих разнообразие национально-духовной жизни: индивидуализм — коллективизм, смирение — бунт, природная стихийность — монашеский аскетизм, мягкость — жестокость, самоотверженность — эгоизм, элитарное — народное, высокое — обыденное и т.д.

Но наряду с этими антиномиями постоянно присутствуют устойчивые черты принципиального разрыва:

- между природно-языческим началом и высокой религиозностью;
- между культом материализма и приверженностью к возвышенным духовным идеалам;

- между всеохватной государственностью и анархической вольницей;
- между национальным самомнением, смыкавшимся с великодержавностью, и мессианским универсализмом;
- между поисками социальной свободы и подчинением деспотическому государству;
- между «русификацией» православия как оплота христианской России и стремлением к превращению православия во вселенскую религию;
- между поисками социальной свободы и подчинением государственному деспотизму и сословной иерархии;
- между принятием косного земного бытия, «крепкого быта и тяжелой плоти», стяжательством и безграничной свободой, исканием Божьей правды;
- между «западничеством» как увлечением образцами прогресса, свободы личности, рациональной организации жизни и «восточничеством» как интересом к упорядоченной и стабильной, но сложной и разнообразной жизни, отличной от русской действительности, или же как к региону высокой духовности и мистических озарений.

Сложилось ли в русской культуре ценностно-смысловое ядро?

Отмеченные противоречия русской культуры постоянно проявляют себя в различных сферах, отражаясь в художественном плане в поисках высокого ценностно-смыслового содержания в жизни, что и придало ей несомненное мировое значение. Это относится прежде всего к русской художественной литературе. Сама постановка «неразрешимых» проблем и выяснение их высшего гуманистического смысла придавали литературе общечеловеческую значимость. В своих классических достижениях русская литература выступала как носительница современного просвещения, разума и гуманизма, как средство выяснения соотношения личности и общества, личности и государства, социального устройства жизни, отношений между представителями разных социальных слоев и культур. Социальный критицизм делал ее выразительницей подлинно народных интересов, все больше расходившихся (начиная с Чаадаева, Грибоедова и Пушкина) с самодержавием и связанной с ним официальной культурой. Отмеченная Достоевским «всемирная отзывчивость» придавала этой культуре широкое общесоциальное значение, делала ее духовной заступницей всех людей без социальных, национальных или религиозных различий.

Несмотря на то что в этой культуре несомненно существовали тенденции к складыванию некоторого «ядра» и формирования

489

«медиативных», т. е. посреднических ориентаций и структур, которые примиряли бы крайности, эти тенденции не получили полноценного развития, что обрекало духовную жизнь общества на ожесточенное противостояние различных течений, приводило к резким срывам и переходам от одного состояния к прямо противоположному.

Это были противоречия собственно «русской идеи», выразившие внутреннюю несистемность и разорванность как русской культуры, так и всего общества. Важным фактором, способствовавшим такой разорванности, было распространение этой культуры вширь, на огромных пространствах Евразии, от Санкт-Петербурга до Калифорнии. Как считали многие мыслители, *роль пространства*, распространение «по горизонтали» приводило к ослаблению системообразующих начал русской культуры и несформированности ее «вертикали», т. е. устойчивой иерархии ценностей и ориентаций. К тому же на этом пространстве русская культура находилась в тесном взаимодействии в рамках единого государства с другими культурами и цивилизациями.

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Православие было распространено в ограниченном регионе. Западное христианство — католицизм — твердо удерживалось в западных частях империи, в том числе среди «латинизированных» украинцев, и никакое идеологическое поношение со стороны славянофилов не могло уменьшить его влияния. Другая мировая религия — ислам — создавала отчетливую общность народов Центральной Азии, части Кавказа и некоторых внутренних областей России (Татария). Бухара и Самарканд были влиятельными центрами для исламских регионов империи, а также и для зарубежных мусульман. В Южной Сибири в пределах Российской империи был распространен буддизм, составляющий значительный религиозный регион, граничащий с Монголией и Китаем, а косвенно связанный с Тибетом как духовным центром.

Каждый религиозный регион имел специфическую структуру духовной жизни, влиявшую не только на организацию культа, но и на все сферы жизни и деятельности населения. Религии определяли пределы соответствующих цивилизаций, отнюдь не совпадающие с имперскими границами. Неправославные части империи, хотя и в разной степени, обнаруживали несомненное тяготение к своим «метрополиям» за российскими рубежами.

490

ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Но было еще одно крупномасштабное противоречие, которое с нарастающей силой проявилось в последние два века существования Российской империи: между государственным единством этого огромного разнородного конгломерата и потребностью общества в развитии, которое не могло осуществиться без активизации деятельности всех сословий и групп и без преобразования присущих им ценностей и ориентаций. Потребности промышленного и научного прогресса интенсивно требовали трансформации российского общества и освоения достижений Запада, который уже в сильной степени переманил на свою сторону господствующий класс, хотя и ценой сильного отрыва от народной культуры. Против такого отрыва Россия пыталась выставить свою самобытность, которая, как мы видели, была глубоко подорвана вековыми противоречиями. И уже оказалось невозможным продолжить это противостояние через мобилизацию православия — наподобие того, как десятилетия спустя в ответ на экспансию Запада проводили «ревайвал» своего религиозного достояния исламские фундаменталисты или индусские коммуналисты. Происходивший почти повсеместно в XX в. разрыв, обусловленный модернизацией, принял особенно катастрофические формы в России в силу отмеченной выше разорванности цивилизации.

Конечно, культура всякого развитого общества имеет полиморфный характер, она богата и разнообразна, выполняет одновременно или по временным циклам существенно различные функции. Для «топора и иконы» русской культуры могут быть приведены аналоги из других культур: священная и смеховая культура, монах и рыцарь, рыцарь и буржуа, дворец и церковь (и костер), хризантема и меч и т.д. Тем не менее рассмотрение всякой «нормальной», т.е. зрелой и устойчивой, цивилизации убеждает нас в том, что при всей дифференцированности и внутренней противоречивости их духовным системам был присущ либо некоторый духовный стержень и нормативный принцип — как в исламе, либо устойчивое структурное распределение ценностей по сферам бытия (и разным религиям) — как в Китае, или по иерархии социокультурных компонентов — как в Индии. Цивилизация утверждает некоторую соразмерность, формирует нормативную сердцевину, а тем самым выполняет и влиятельную интегрирующую функцию, соединяя воедино различные этнические, социальные и политические единицы.

В Западной Европе, как мы видели, в средние века такой единый универсализирующий порядок обеспечивала католическая

491

церковь. Переход к Новому времени сопровождался острыми противоречиями, конфликтами и длительной враждой между разными социальными сторонами, имевшими принципиально различные духовные установки. Лишь постепенное утверждение буржуазного строя с устойчивыми рыночными и правовыми механизмами регуляции отношений ослабило степень конфликта, хотя так и не устранило соперничества между нациями.

Не то было в России. Смещение, переплетение и наложение не только противоречивых, но и взаимоисключающих ориентаций пронизывали всю культурную жизнь России, раздирая ее не только по сословиям и классам, но и субкультурам и по крайним ориентациям — между нигилизмом и апокалипсисом, «двумя культурами», «белыми» и «красными» и т.д.

ГОСУДАРСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ

При исторически сложившемся положении именно самодержавие выступало как носитель наиболее универсального принципа, объединяющего столь разноликий конгломерат социальных и культурных структур, к тому же большей частью ограниченный в своих смысловых ориентациях. Только оно могло выходить за локальные пределы, соединяя в себе Запад и Восток, Север и Юг на огромном пространстве от Варшавы до Калифорнии и затем Чукотки и Кушки, обеспечивая несомненное единство этого пространства и населения в политическом, административном, а в определенном смысле и в хозяйственном планах. Империя была более универсальной, чем официальная религия и культура ее титульного народа.

Именно степенью универсальности Российская империя отличалась от других подобных ей имперских образований того времени, что делало ее в самом деле продолжением и подобием первого и второго Римов, придавало ей такой огромный масштаб и длительную устойчивость, несмотря на то, что XIX в. все более обнаруживал ее хозяйственную и военную слабость. Государство показало себя достойным воплощением этой угодной ему, но роковой идеи «третьего Рима». Воспользовавшись потенциями православия, оно превзошло его территориальные и духовные рамки. Более того, оно превзошло то пространство, на которое могла претендовать «русская идея», — конечно, в ее самобытно-русском виде, а не мессианско-вселенском размахе. Уже в XVIII в. русская общественная мысль в основном преодолевает присущее

492

православию прямое и упрощенное противостояние «неверным», «нехристям», «басурманам».

Хотя замирение степных кочевников и кавказских горцев, передел территорий с восточными империями завершились лишь к концу XIX в., около трех веков шла работа по постепенной нормализации административного управления империей. Длительный опыт продвижения на Восток и на Запад научил русское правительство, начиная с Ивана Грозного, не опираться лишь на силу, а достигать компромисса с местными политическими структурами. Авторитарное правление допускало гибкий режим политической регуляции и ограниченную культурную и религиозную автономию включенных территорий. Трехединая идеологическая формула «православие, самодержавие, народность» не только сковывала правоверие и не только привязывала патриотизм к самодержавию. Она нередко оказывалась обременительной для имперского правительства, сталкивавшегося с многотрудной задачей стабилизации государства, населенного многочисленными иноверцами. Реальная политика была направлена нередко на преодоление антагонизма между православием и другими конфессиями, и продвижение православия в другие районы империи было достаточно скромным, затрагивая в основном лишь пришлое русское население.

Имперское правительство довольно рано стало руководствоваться принципами *конфессиональной терпимости* для налаживания эффективной системы управления. В западных землях сохраняют свою самостоятельность протестантские и католические церкви, а на Востоке — мусульманские и буддийские. При Петре I православие было поставлено под контроль правительственного Святейшего Синода, а при Екатерине II эдикт «О терпимости всех вероисповеданий» (1773) отделил «иноверные исповедания» от вмешательства православия и перепоручил все религиозные дела светским властям. Российские генерал-губернаторы не отягощали себя распространением православия и нередко старались поддерживать в своих владениях сносные отношения с местной политической и духовной элитой.

Включение в Российскую империю все новых и новых территорий не сопровождалось установкой на ассимиляцию, изменение жизни, религии и языка подчиненных народов. Напротив, предметом показной идейной гордыни было «многообразие племен, вер и языков». Бывшие соперники и противники постепенно замиряются, их населению предоставляется значительная культурная и религиозная автономия, а элита привлекается на государственную службу.

Распространение русской культуры, с одной стороны, несом-

493
ненно было средством приобщения образованных инонациональных слоев к достижениям передовой культуры Запада, оживления духовной жизни, внедрения новых представлений о роли личности, характере социальных отношений и путях преобразования общества. С другой стороны, это было чревато русификацией и отрывом просвещенной верхушки от своего народа, погруженного в прежние формы труда и быта.

Реальная практика государственной власти далеко расходилась с ожиданиями различных слоев и отражала интересы дворянско-бюрократического сословия. Утверждаемые самодержавной монархией принципы правления, регуляции социальных отношений, контроля за деятельностью государственных и общественных структур и организаций были привязаны к корыстным и партикулярным запросам класса, имевшего монопольную собственность на землю (дворянство) и административные должности (бюрократия). Власть изымала из подданных и подчиненных слоев налоги — в денежной форме, трудовых и воинских повинностях.

Глухой и дикий протест народа подавлялся силой и загонялся вглубь. Однако уже к концу XVIII в. общественное сознание выразило это расхождение между интересами государства и общества критикой социальных порядков (Радищев, Новиков), а в начале XIX в. были выдвинуты оппозиционные проекты социального переустройства (декабристы). Ведущей темой русской культуры становится критика власти и социальных порядков. Со своей стороны, государство выступило с жестокими репрессиями по отношению не только к политическим контрдвижениям, но и к проявлениям всякой оппозиционной мысли как в светской культуре, так и в религии.

Авторитарный политический строй царской России не допускал оформления отдельного, автономного от него или хотя бы дополняющего нормативного порядка. Жесткая подчиненность православной церкви правящему режиму дополнялась и жестоким контролем над светской культурой.

Поэтому характерной чертой духовной жизни России в XIX в. стало усиление оппозиционных течений. Создание тайных политических обществ сопровождалось ростом духовного инакомыслия, принимавшего форму подполья как скрытого распространения запретных мыслей, иносказания как метафорического изложения таких мыслей или же эмиграции и открытого обращения к обществу с «вольным» словом.

Именно литература (и особенно литературная критика) взяла на себя функции осмысления жизни, нравственной или эстетической оценки, духовной критики и исканий. Литература в боль-

494
шой степени выполняла роли, которые обычно выполняет религия: мировоззренческую,

критическую, воспитательную и пропагандистскую. Повышенная социальная значимость придавала литературе черты идеологичности и философичности.

КУЛЬТУРНО-ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

Становление дореволюционного российского предпринимательства имело весьма существенные специфические черты, на которых необходимо остановиться отдельно, тем более что в связи со становлением новых рыночных отношений вопрос о культурных, архетипических особенностях духовных оснований предпринимательской деятельности в России приобрел особую актуальность. Какие специфические черты русской культуры наложили наиболее существенный отпечаток на духовный облик российского предпринимательства?

Заметную роль в формировании российской хозяйственной культуры играли *ценности индивидуализма и практицизма*. Стремление к обогащению, наживе выступало существенным мотивом предпринимательской и хозяйственной деятельности у любого российского (как и у английского, американского, индийского и т.п.) хозяина, не случайно оно оказалось в центре внимания художественной литературы второй половины XIX — начала XX в. Отношение к индивидуализму и утилитаризму в их крайних, уродливых и преступных проявлениях было критическим, как и в любой нормальной культуре, однако к нормальной предпринимательской активности резко негативного отношения не было — взять хотя бы образ Штольца у Гончарова, Привалова у Мамина-Сибиряка, да и Лопехина из «Вишневого сада» — хрестоматийный образ «нового русского». Напротив, художественная литература и публицистика свидетельствуют о том, что Россия как бы жила ожиданием «хозяина», трезвого практичного человека, способного организовать экономический, материальный мир, заставить его продуктивно работать с выгодой для себя и окружающих. И русская классика дает немало образов хозяина — Костанжогло и Муразов у Гоголя во втором томе «Мертвых душ», идеальный предприниматель Осетров в «Китай-городе» П. Боборыкина, не случайно и герой войны 1812 года Николай Ростов в эпилоге «Войны и мира» предстает как образцовый хозяин. Общество ис-

* Данный раздел написан совместно с Н.Н. Зарубиной.

495

пытывало естественное уважение к инициативе, деловой сметке и справедливой расчетливости, восхищение отлаженным хозяйственным механизмом и приносимым им изобилием.

Бурное развитие предпринимательства в пореформенной России быстро меняло социальную структуру и культуру общества, купечество, а вместе с ним и его ценностные ориентации начали восхождение на высокие уровни общественной значимости и престижа. Однако это восхождение было непростым. Верхушка общества — дворянство и интеллигенция — не спешили потесниться, чтобы уступить место «аршиннику». Стремящееся к социальному престижу и влиянию купечество вызывало неприязнь у традиционной элиты, даже буржуазный роман Боборыкина демонстрирует презрение к культурной, нравственной, эмоциональной неразвитости новых хозяев Москвы и одновременно — острый комплекс «социальной неполноценности» преуспевающих предпринимателей.

Для того чтобы завоевать столь желаемое и необходимое признание в российском обществе, буржуазии оказалось недостаточно одного богатства и влияния. Облик «образцового хозяина» нуждался еще в каких-то дополнительных чертах. Хотя утилитарные установки и не были маргинальными, русская культура была далека от культа богатства и «сильной личности» самих по себе. Эти установки занимали подчиненное место в общей системе культуры и нуждались в оправдании, подкреплении с помощью других ценностей, имеющих более высокий статус. Что это были за ценности?

Духовные начала высшего уровня в традиционной русской культуре были связаны с православием. Как оно влияло на хозяйственную деятельность? С. Булгаков показывает, что в духовном контексте православия труд представлял как подвиг бескорыстия и самоотверженного служения, как проявление смирения и вместе с тем деятельной, творческой силы, выхода человека за узкие рамки его индивидуального бытия. А стремление к выгоде, к мещанскому благополучию, к обустройству своего частного социально-хозяйственного микрокосмоса хотя и не преследовалось, но и не становилось культурным образцом само по себе. Ему всегда требовалась высшая санкция, идея, выводящая утилитарную деятельность за бытовые рамки, придающая ей некий духовный, нравственный смысл. Высшие религиозные устремления реализуются в сферах духа и ритуала, отделенных от повседневной мирской жизни. Соответственно, мирская деятельность человека не обрела сакрального смысла, осталась вне сферы высшей духовной регуляции. Помимо общечеловеческих установок на честность,

496

добросовестность и трудолюбие как универсальные ценности православие не сформировало

специфической хозяйственной и предпринимательской этики. Трудолюбие как добродетель православного, верующего, в том числе и монаха, было лишь одним из аскетических средств внешнего самосовершенствования, в то время как суть религиозного спасения составляло все же служение духовное.

В целом отсутствие религиозного освящения повседневной, в том числе и хозяйственной и предпринимательской деятельности, вело к обесцениванию повседневной жизни в русской культуре в целом. Недостаток повседневной бытовой культуры, ее периферийное положение в системе социально значимых ценностей, которые были присущи дореволюционной России, усугубились в период социалистического строительства. В этот период в стране был культ труда, но это был труд-подвиг, «доблесть и геройство», которое само, по определению, предполагает временный, преходящий характер. Труд представлял как бескорыстное героическое деяние — «трудовая вахта» к юбилею или очередному съезду партии, наградой за который является орден или даже бронзовый бюст на родине героя. Труд — повседневность, труд — неотъемлемая часть человеческого бытия, повседневная самореализация, неременной обратной стороной которой является вознаграждение в виде достойного образа жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей и уважения окружающих, так и не занял достойного места в общественном сознании. Разрыв между утилитаризмом, жадной обогащения и повседневной трудовой деятельностью еще больше углубился.

Отсутствие высших нравственных стимулов хозяйственной деятельности и нейтральность хозяйственных достижений по отношению к религиозной самореализации отчасти объясняют тягу русских купцов к благотворительности, в которой видели проявление христианской жертвенности и любви к ближнему, а значит, и средство «спасения души», «замаливания грехов» эксплуатации и стяжательства.

Получила распространение точка зрения, что безразличие православной церкви к хозяйственной деятельности не разделяло старообрядчество, якобы даже породившее рациональные установки, аналогичные протестантским. Эти гипотезы часто подкрепляются тем фактом, что старообрядческие общины действительно были весьма сильными и рациональными хозяйственными организациями и выходцы из них составляли элиту российского дореволюционного предпринимательства — достаточно вспомнить купеческие династии Гучковых, Кокоревых, Морозовых, Рябушин-

497

ских, Солдатенковых и др. Однако труд и вообще мирская жизнь у старообрядцев сами по себе также не являются средством служения Богу, как и у всех православных, а остаются лишь проявлением аскезы, подчиненной высшему религиозному служению.

Причины большого трудолюбия и высокой предпринимательской активности старообрядцев можно отчасти усмотреть в том, что религиозный раскол, изоляция и самоизоляция староверов от общества произошли в такой момент, когда в народе были сильны ожидания близкого пришествия Антихриста и конца света. У гонимых раскольников напряженность этих ожиданий была особенно высока и порождала у них стремление выделиться из общей массы особым благочестием, твердостью нравственных принципов, безупречным следованием заповедям и традициям. В этом стремлении к нравственному превосходству над большинством также кроется одна из причин трудолюбия и предприимчивости старообрядцев, которые превратились для них в устойчивую норму поведения.

Социальной и политической причиной их высокой хозяйственной активности явились дискриминация и гонения со стороны государства. Староверы в дореволюционной России были лишены возможности делать политическую или военную карьеру, из всех сфер вертикальной мобильности им оставалась только предпринимательская деятельность. В российской культуре высшей, наиболее значимой ценностью, обосновывающей предпринимательскую активность и обеспечивающей модернизацию в конце XIX — начале XX в., было *служение высшему общественному и общественно-государственному идеалу*. Предпринимавшиеся до сих пор попытки модернизации — при Петре I, Александре II, Столыпине — проводились во имя «великой России», во имя того, чтобы она заняла достойное место в мире.

Собственно предпринимательская и связанная с ней благотворительная, социальная деятельность воспринималась как долг перед обществом. Идеология служения в дореволюционной России была структурирована: собственно государственное служение было привилегией дворянства, в то время как низшие социальные слои и группы — разночинцы, купечество, крестьянство — руководствовались идеей общественного служения. Именно в этой области российское купечество быстрее всего завоевало ведущую

роль.

Однако в других сферах социальной жизни было сложнее: управление страной считалось привилегией двора и бюрократии, духовная жизнь общества направлялась авторитетами из среды интеллигенции и духовенства. Экономическое же развитие не вос-

498

принималось как самоценная сфера общественного развития, и буржуазия долго не могла занять

достойное место в политической жизни страны и государственном управлении. Вплоть до конца XIX в. в российской публицистике и общественной науке шли напряженные дискуссии о пригодности индустриально-капиталистического типа развития для аграрной России с ее традиционной соборностью. Капитализм скорее стал реальностью российской жизни, чем это признало общественное сознание. Характерно, что В.И. Ленин начал свою публицистическую и революционную деятельность с исследования «Развитие капитализма в России», в котором с помощью основательного социологического анализа доказывал необратимость капиталистического развития России и определяющую роль пролетариата и буржуазии в ее хозяйственной и политической жизни (из чего следовала возможность борьбы за социализм).

В конце XIX в. и особенно после начала первой мировой войны российское предпринимательство, промышленники, осознавая свою роль в укреплении обороноспособности России, заговорили о своих правах решать ее политическую судьбу. Они осознали свое служение России именно как хозяйственную деятельность, как наращивание своего собственного и общественного богатства. П.П. Рябушинский на открытии Первого всероссийского торгово-промышленного съезда в марте 1917 г. говорил: «На нас, торгово-промышленном классе, лежит великая ответственность за наше будущее. Чтобы приступить к созидательной работе, нужны определенные стимулы, нужно знать, что то, что мы создаем, послужит на пользу всем. Работая как частные люди, — потому что на этом зиждется наша деятельность, — творя свое частное дело, мы в то же время творим дело и государственного строительства». Обустройство экономической, материальной жизни начало превращаться в общественно значимое дело, в служение. Начался новый этап формирования в России зрелого и социально-ответственного класса предпринимателей, но он был прерван социалистической революцией.

Когда сейчас говорят об этических традициях российского предпринимательства, то часто имеют в виду свойственную ему *традицию благотворительности и меценатства*. Помимо изначальных христианских установок на благотворительность как религиозный долг помощи ближнему и проявление любви к нему, у филантропии российских предпринимателей есть и социально-культурные корни. Периферийное место хозяйственного успеха в системе ценностей заставляло желающих увековечить свое имя и заслужить уважение и признательность современников и потом-

499

ков, стремиться проявить себя в других, более престижных сферах деятельности. Для российского общества такими сферами были патриотическое служение, отсюда охотные и значительные пожертвования купечества на оборону в периоды войн, а также духовная и интеллектуальная сферы, к которым и стремились приобщиться преуспевающие предприниматели с помощью активной меценатской деятельности, пожертвований на университеты, картинные галереи, музеи, архивы, научные издания и т.д. Как уже говорилось выше, о П.М. Третьякове — основателе всемирно известной картинной галереи — и при его жизни, и сейчас общественность мало интересовалась его предпринимательской деятельностью.

Однако искреннее служение народу в форме благотворительности еще не снимало остроту социальных противоречий, вызванных бурным развитием капитализма. Подлинная социальная ответственность предпринимателей состоит не в обильных пожертвованиях на просвещение народа (хотя они, безусловно, полезны), а в такой организации дела, которая бы обеспечивала трудящимся устойчивое имущественное положение, социальную защиту, возможности для образования и духовного роста. Лишь в начале XX в. отдельные предприниматели, главным образом представители молодого поколения, начали отказываться от меценатства и благотворительности в пользу непосредственной социальной защиты своих рабочих. При фабриках организовывались детские сады, больницы, школы и ремесленные училища, а также библиотеки, посещения театров, благотворительные концерты. Причем делалось это все не из чистой филантропии, а прежде всего из осознания потребности рачительного хозяина в дисциплинированной, квалифицированной и социально благополучной рабочей силе. Таким образом, перед революцией в России началось складывание *социально ответственного предпринимательства*, тех отношений между бизнесом и обществом, которые характерны для развитого капитализма и которые лежат в основе современного понимания *этики бизнеса*. Однако нарастание имущественного неравенства, эксплуатации, рабочее движение и сильные социалистические настроения, неблагоприятные внутри- и внешнеполитические условия сделали этот процесс запоздалым и недостаточно интенсивным для предотвращения революционного взрыва.

Какое значение имеют социокультурные традиции российского предпринимательства для современных экономических преобразований? Идеологическое оформление развития нового российского предпринимательства связано сейчас в первую очередь

500

с настойчивыми попытками утвердить в общественном сознании ценности индивидуализма и достижительности, эгоизма и потребительства. Однако нам представляется, что не отсутствие по-

добных установок задерживает развитие личной деловой инициативы в современной России (они-то как раз проявляются в нашем обществе в избытке), а недостаточное развитие культуры повседневного труда, срединной культуры вообще, во-первых, нарушение структурной целостности российской культуры, во-вторых.

Шоковая терапия последних лет, обесценившая многолетние трудовые накопления основной массы народа, и спад производства, лишивший миллионы людей возможности жить профессиональным трудом, еще сильнее углубили разрыв между повседневным трудолюбием и достойным образом жизни. В то же время успешное развитие современной России требует прежде всего четкого усвоения общественным сознанием того общеизвестного еще со времен М. Вебера факта, что капиталистическое общество — это не то, в котором все торгуют, а то, в котором *все работают*. Базовыми ценностями в нем являются повседневное трудолюбие и добросовестность, честность и выполнение долга, а вовсе не обогащение любым путем по праву сильного. Тем более что в российской культуре никогда не принимались идеи социального дарвинизма — безжалостной борьбы за социальное выживание, за успех и процветание ценой подавления слабых.

Утилитаризм и достижительность так и не стали самодовлеющими ценностями русской культуры. Они занимали подчиненное, периферийное место в общей системе ценностей. Социальные потрясения, пережитые Россией в XX в., разрушили самобытную структуру культуры, привели к дезориентации общественного сознания. В создавшихся условиях формирование нового слоя предпринимателей-производителей, тружеников зависит от того, какое место в духовной системе нового общества займет тот блок ориентаций, который определяет мотивации хозяйственной деятельности.

В настоящее время отношение к свободному предпринимательству в обществе хотя и весьма разнородно, но все более склоняется к его принятию, но не в примитивных, грубо-утилитарных формах «дикого рынка» первоначального накопления. Однако главной проблемой для общественного развития является не возможное разнообразие оценок и реакций, а отсутствие нового уровня смыслов и ценностей, на котором различные ориентации могли бы взаимодействовать как разнородные элементы целостной системы. О необходимости формирования такого нового уровня смыслов как главной предпосылки успешных общественных

501

преобразований говорил крупнейший специалист по теории модернизации Ш. Эйзенштадт. В этом синтетическом, качественно новом, но сохраняющем позитивное значение старого ценностном пласте культуры и следует искать духовные ориентации и нравственные ценности нового российского предпринимательства.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КУЛЬТУРА

Именно духовная структура российского общества во многом определила характер деятельности русской интеллигенции. В тех длительных и многочисленных спорах о роли и судьбах русской интеллигенции, которые велись на протяжении десятилетий, мы найдем начальную общую социологическую схему, если выделим узкое и широкое понимание этого термина.

Из многих разнообразных определений русской интеллигенции в узком смысле мы выбираем, как наиболее точное, то, которое дал в 1926 г. известный русский мыслитель Г.П.Федотов: «Говоря простым русским языком, русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна». Это ее исчерпывающее определение»*. Идейность раскрывается как приверженность идеалу, практически заменяющему религию, но возникшему не как «божественное откровение», а построенному в теоретическом мировоззрении. Идейность основана на этически окрашенном рационализме, изгоняющем иррациональные или мистические начала, и поэтому по большей части противопоставлена религии. Беспочвенность предстает как отрыв от национальной культуры, государства, религии и даже быта, от всех органически выросших социальных и духовных образований. Амплитуда идейных поисков и утверждений, присущих интеллигенции, может быть весьма широка: от всесторонне развитого мировоззрения, включающего обоснование справедливого порядка, до нигилизма и безверия.

Очевидно, что такое определение интеллигенции не охватывает всех лиц умственного труда или тех мыслителей и деятелей культуры, которые так или иначе примыкали к существующим структурам или были «укоренены» в социальной жизни и народном быте.

Однако в широком смысле мы определим интеллигенцию как то духовное сословие русского общества, в которое входят люди, занятые умственной, духовной деятельностью, как в светской,

»Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Судьбы и грехи России. - СПб., 1991. - Т. 1.-С. 70.

502

так и в религиозной сфере, как работающие на ниве просвещения, здравоохранения (огромная масса учителей и врачей), в судебных органах (адвокаты), технических профессий (связисты, агрономы, инженеры и т.д.). Хотя большая часть этой интеллигенции состояла на государственной службе (в том числе учителя), но ее деятельность так или иначе отвечала интересам всего общества,

содействовала просвещению народа, подъему уровня образования, развитию новых видов производства. Это положение способствовало принятию ее принципов умеренности, постепенности и компромисса, т.е. либерального направления в общественной жизни. Таким образом, интеллигенция в широком смысле, ориентированная на просветительские, либеральные и прогрессистские ценности, играла важную конструктивную роль в преобразовании русской культуры. Ее деятельность способствовала постепенному сглаживанию социально-культурных и национальных антагонизмов, утверждению идеалов справедливости, прогресса и терпимости, принятию и адаптации достижений западной цивилизации к национально-историческим условиям, расширению народного просвещения и правового порядка в стране, межнациональному взаимопониманию и т.д. Во второй половине XIX и начале XX в. эта интеллигенция стала движущей силой в процессах модернизации и индустриализации страны на основе использования ее эндогенного потенциала — через собственное развитие техники и науки.

Однако возможности этой части интеллигенции были ограничены теми социальными и культурными противоречиями, которые накапливались в России и раскалывали общество на верхи и низы, имущих и неимущих. Посредническая прослойка русской культуры, воплощавшая ее либерально-прогрессистскую ориентацию, оказалась слишком слабой, чтобы создать общественную систему взаимодействия и взаимопонимания. Радикальная критика клеймила эту часть интеллигенции как «соглашателей», «приспособленцев» и «героев оговорочки», резко осуждала позицию умеренности и постепенности в пользу радикальных преобразований.

Оппозиционность радикальной интеллигенции по отношению к самодержавию резко усиливала ее социальный критицизм, пренебрежение к самоценным, автономным формам духовности и отрицательное (или атеистическое) отношение к религии, то и другое казалось ей ложными и излишними формами деятельности, не приносящими пользы «народному делу». Усиление такого критицизма и прагматизма, отказ от устойчивых нравственных ориентаций способствовали допущению, а затем и утверждению

503

желательности насилия и террора как наиболее эффективного средства радикального переустройства общества. В поисках той социальной опоры, которая поддержит политику социальных преобразований, радикальная интеллигенция обращалась первоначально к крестьянству (народничество), затем к люмпен-пролетариату, накапливавшемуся в России в процессах модернизации, и наконец — к зарождающемуся рабочему классу.

Именно марксизм стал для лево-радикальной интеллигенции тем идейным учением, которое сложилось во всеобъемлющее мировоззрение, обосновывающее программу радикального переустройства общества.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

На рубеже веков в России происходит нарастание тех противоречий, которые накапливались на протяжении всей ее истории. Подобно тому как в социальном плане усиливалось социальное расслоение, в культуре оформляется идейное размежевание, подрывается прежняя классическая парадигма культуры как носительницы просвещения, прогресса, гуманизма и народности. В общественной мысли формируется проблема противостояния этического и эстетического, науки и религии, веры и разума, личности и общества, социального и культурного прогресса, Запада и Востока, государства и свободы, элиты и массы, консерватизма и прогрессизма. Падает престиж классической парадигмы как некоего общего достояния, равно приемлемого для верхов и низов, господствующих слоев и трудящихся, консерваторов и радикалов, «западников» и «восточников». Эти тенденции протекают на фоне растущей плюрализации духовной жизни, сопровождавшей развитие капитализма и ослабление авторитарного контроля со стороны самодержавия. Сама по себе такая плюрализация содействовала обогащению духовной жизни, что привело к тому, что получило название «русский культурный ренессанс». Однако органической слабостью этого ренессанса стала утрата той социальной значимости, к которой тяготела радикальная часть российского общества, отход от проблем социальной справедливости и правды, ослабление элементов этического. Для представителей «русского культурного ренессанса» была характерна слабость общественной активности, переход на позиции элитарности и любования искусством. Оторванность художественных, религиозных и философских исканий от политики и социологии, от мас-

504

совой психологии, уход в сферу «чистого искусства» обрекли духовную жизнь на поляризацию противостоящих и враждебных сил. Взаимоисключающий, антагонистический характер двух основных направлений в истории русской культуры предопределил глубокий и непримиримый раскол, которому не могла противостоять какая-либо устойчивая, умеренная или компромиссная концепция. В этих условиях марксизм выступил как естественное и логическое завершение той лево-радикальной тенденции в истории русской общественной мысли, которая постоянно воплощала в

себе критическое неприятие существующего строя, поиск социальной справедливости и решения социальных проблем. Но это решение обреталось отнюдь не в культуре, а в политической революции, которая должна вырвать власть у самодержавия и передать ее в руки «трудящихся», а вернее, их «передового отряда» — коммунистической партии. Допускаемая культура должна стать «частью партийного дела», подчиненного партийному руководству.

Итак, Россия представляла собой огромное образование из частей различных культурно-исторических регионов, примыкающих к русско-православному региону как номинально основному. Но основа русского региона предстает глубоко противоречивой, разрываемой на противоположные начала сразу в нескольких направлениях. Все это было присуще российскому обществу еще в прологе к великим переменам. И они застали его в состоянии напряженного внутреннего разлада. Социальные катаклизмы, сопровождающие переход к новому обществу, происходили как до большевистского переворота в России (в Англии, Франции, Германии, Японии), так и после него (в Турции, Испании, Египте, Иране). Но именно в России этот катаклизм принял наиболее радикальный и длительный характер, даже по сравнению с крайностями азиатских — китайской и вьетнамской или кампучийской — революций. Одна из основных причин такой специфики состоит в том, что на этом огромном геокультурном пространстве отсутствовали устойчивые механизмы социальной регуляции, которые могли бы обеспечить хотя бы относительную стабилизацию, единство и преемственность в развитии общества.

Конечно, в Российской империи, как и в других странах, были важны внешние причины, поставившие под сомнение сохранение внешнего порядка. Военные поражения, понесенные Россией на Востоке и на Западе, были несомненными признаками эфемерности огромной империи. Как и повсюду, насущная потребность в модернизации вызвала острые социальные противоречия. Сочетание этих факторов уже было достаточно для рево-

505

люции. Но если в нормальных вариантах революции вскоре завершались поражением и «реакцией», то Россия стала не только первой и ведущей страной торжествующей революции. В ней она продержалась дольше, чем где бы то ни было.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Как в политико-экономическом, так и в социокультурном отношении коммунистический режим уже после победы в гражданской войне в полной мере столкнулся с жестким выбором: либо допустить в той или иной степени частную собственность, хозяйственную многоукладность и капиталистическое производство, а значит, и элементы плюрализма в политической и духовной жизни, либо создать новую тотальную систему регуляции. Краткий период НЭПа был отмечен продолжающейся конфронтацией двух общественных сил и «двух культур». Однако допущение культурного (в том числе научного и художественного) плюрализма, даже в рамках политической диктатуры коммунистической партии и идеологической монополии российского марксизма (Плеханов, Ленин и некоторые из его сподвижников) и постоянного директивного и организационного вмешательства коммунистической партии в культурную деятельность, породило в 20-х гг. разнообразную и интенсивную духовную жизнь. Ленинский вариант культурной революции как этапа, следующего за победой в политической борьбе, был направлен на длительную, рассчитанную на десятилетия, работу по внедрению «культурности» в широкие массы. Это предполагало широкую просветительскую работу, ликвидацию неграмотности, развитие начального обучения, распространение научных и технических знаний, создание «новой» интеллигенции.

Важнейшая задача состояла во внедрении в массы простейших навыков культуры труда и «социалистического» образа жизни, но общая цель ленинской программы представляла как соединение «победоносной пролетарской революции с буржуазной культурой». Характерно, что именно западная буржуазная культура в ранний период признавалась официально более приемлемой как носительница научно-технического прогресса, а до определенных пределов и воплощением демократических тенденций, очагом передовой общественной мысли, вершиной и завершением которой был марксизм. Поэтому в 20-х гг. существовало терпимое отношение к авангардному искусству Запада, зачастую вы-

506

ступавшему как отрицание «буржуазности». Особенно активная борьба велась против религии, превратившаяся в интенсивную официальную кампанию по насаждению атеизма. Однако по существу атеизм стал превращаться в новую квазирелигию, основанную на идее «исторической необходимости» как Сверхзакона, управляющего движением природы, общества и человека. Задача индивида, согласно «научному коммунизму», заключается в том, чтобы понять эту необходимость и через свою деятельность подключиться к ее реализации, конечной целью которой было создание «гармоничного общества», в котором индивид сливался с обществом.

С 30-х гг. происходит решительный официальный поворот культурной политики в сторону

конфронтации с «капиталистическим окружением» и «построения социализма в отдельно взятой стране» на основе внутренних сил. Формируется «железный занавес», отделяющий общество не только в территориально-политическом, но и в духовном отношении от остального мира. Стержнем всей государственной политики в области культуры становится формирование «социалистической культуры», предпосылкой чего стали беспощадные репрессии по отношению к различным слоям населения, особенно интеллигенции, и установление жесткого тоталитарного режима. Во всех сферах жизни общества были проведены кампании «чисток», в результате которых на производстве, в органах управления, системе образования, в научно-исследовательских учреждениях были изгнаны и подверглись репрессиям множество людей, заподозренные в «отходе от правильной линии». В культурной жизни проводился жесткий «классовый», а по существу «партийно-директивный» отбор допустимых и рекомендуемых произведений. Был взят курс на подрыв и уничтожение русской крестьянской и национально-патриотической культуры. Такая же политика осуществлялась и в национальных республиках.

Важнейшим идейным и организационным инструментом устранения социальных противоречий из социальной и культурной жизни стал принцип классовой борьбы. Этот принцип утверждался всей системой идеологии и партийной пропаганды как «объективно-исторический» и в соответствии с ним переосмыслилась вся мировая история и жизнь советского общества. Классовый подход означал изъятие из духовного обращения (нередко с репрессивными «оргвыводами») идей, представлений, ценностей, расходящихся с официально признанными и утвержденными в масштабах всего общества. Это означало зачастую нагнетание атмосферы «политической бдительности», подозрительности, по-

507

иск «внутренних врагов», «беспощадную критику буржуазной идеологии».

В конце 30-х гг. эти установки привели к включению механизма «большого террора», в ходе которого официальные институты культуры приобрели репрессивные и карательные функции и превращены в средство насаждения единомыслия и беспрекословного повиновения воле высшего руководства.

Но после осуществления этих негативных предпосылок «культурной революции» — и наряду с ними — выдвигались и задачи «культурного строительства» для созидания принципиально иного строя, меняющего все измерения народного бытия.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Цивилизационный анализ советского общества во многом затемнен обстоятельствами генезиса его духовной основы — марксизма. Народившись в типично европейских условиях, марксистское учение неизменно рассматривалось его приверженцами как конечное духовное достижение наивысшей всеобщности, но уже отжившей западной цивилизации — капитализма, которая должна быть превзойдена обществом нового типа. Отсчет всей истории марксизма шел, начиная с его европейского зарождения. Однако в переходе с Запада на Восток марксизм перестал быть идейно-критическим коррелятом западной цивилизации, отражением ее способности к устойчивой — и плюралистической — саморегуляции. Проведенный через ленинскую интерпретацию, марксизм стал духовным стержнем антизападной цивилизационной системы. Конечно, коммунизм был не только русским явлением. В 40—60-х гг. XX столетия он распространился на различные страны всех континентов земного шара. Тем не менее Россия стала стержнем и ядром той мировой системы, которая стремилась к утверждению коммунизма. По словам Н. Бердяева, «коммунизм оказался неотвратимой судьбой России»*. Опираясь на Н. Бердяева, полагаем возможным выделить следующие общие принципы и ценности, создающие облик коммунизма как цивилизации:

— ограничение экономических отношений, основанных на рынке и частной собственности (капитализм), и замещение их коммунистическими отношениями (социализм);

— ограничение права как сферы, не зависимой от политики и идеологии, в пользу совокупной власти советов и партии;

* Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 93.

508

— ограничение содержательного присутствия западной культуры с ее принципами личного развития, свободной инициативы, личной ответственности, плюрализма и дифференциации различных сфер жизни в пользу коллективизма и целостной организации жизни;

— вытеснение христианства и других религий, основанных на теистических принципах и отношении человека к Богу, в пользу деперсонализованной атеистической веры во всеобщий исторический процесс (или историческую необходимость), обеспечивающий неизбежность коллективного спасения для избранного народа — рабочего класса, организуемого и направляемого коммунистической партией.

Устранение теистических религий в пользу научного атеизма вело фактически к отказу от идеи и символики личного Бога. Взамен утверждалась вера в трансцендентный деперсонифицированный

Сверхзакон, управляющий судьбами человека, общества и природы. Европейская и прежняя русская культуры продолжали присутствовать, но подвергались жесткой идеологической реинтерпретации, локализовавшей ее во времени и пространстве через принцип историзма. Заимствовались идеи и образы античной, ренессансной или классической культуры Европы как идеального воплощения красоты, любви, мужества, гармонии — при затушевывании трагических мотивов этой культуры или их списании за счет социальных конфликтов. Трагические или критические сюжеты отводились на долю «предысторического» прошлого или «неразвитости общества», еще не включенного в прогрессивное движение.

В национальной сфере перспектива состояла в унификации всех больших и малых народностей в «единый советский народ». Этнические различия допускались лишь во второстепенных сферах: народное искусство, фольклор, промыслы, одежда, еда, форма быта. Тот же курс проводился и в отношении социальных и территориальных субкультур, подчиненных унифицирующему воздействию идеологии, школы, художественной культуры соцреализма, масс-медиа и т.д. Особенное значение придавалось унификации языкового общения на основе «генерализованного» русского языка.

В результате советская система в своих смыслах и ценностях воспроизводилась как прежде всего универсализованное (а не локальное), незападное и даже антизападное образование. «Идейная непримиримость» и противостояние утверждались даже тогда, когда уже были признаны, казалось бы, принципы мирного сосуществования и даже сотрудничества.

509

Конечно, отличительной чертой советской системы была ориентация на всемерное развитие материального производства, чтобы «догнать и перегнать» наиболее передовые страны. Для всей официальной культуры советского общества была характерна установка на то, что «главное — это материальное производство», дополнявшаяся лозунгами «Техника решает все», «Кадры решают все». Это находило воплощение в «пятилетних планах», в которых подавляющее место отводилось отчетам и планам о росте тяжелой промышленности. Однако хорошо известно, что это производство было направлено не на удовлетворение человеческих потребностей, а во многом на утверждение того антизападного (антибуржуазного) типа социальности, в котором исключались рыночные отношения, опосредованные капиталом, и утверждался «социалистический коллективизм». Другой задачей этого производства было «отстаивание завоеваний социализма», что и привело к наращиванию гигантского военного комплекса и огромным «престижным» тратам, самосохранению властной системы и т.д.

Таким образом, коммунизм в советской России предстает как грандиозная попытка преодоления тех цивилизационных разрывов, которые донимали эту огромную страну на протяжении веков:

— природно-языческое начало провозглашалось первичным в «материалистической философии» для того, чтобы устранить как «иллюзии» и «предрассудки» все прежние формы религиозности и создать культ производства, подчинив его сверхсоциальному и сверхличностному принципу «общей справедливости». Материализм тем самым избавлялся от «буржуазности», от привязанности к благосостоянию, вещизму и приобретал безличное содержание;

— обретение свободы состоит в «признании необходимости» и самоотверженном подчинении деятельности человека сверхпрограмме, воплощающей такую необходимость;

— государство воплощает в себе осознанную общественную необходимость и укрепляется в ожидании периода, когда оно «постепенно отомрет»;

— конечное спасение должно наступить в скором будущем, когда «наступит коммунизм», и ради этого можно принять все текущие ограничения;

— отменяются, изживаются или ослабляются все ограниченные, локальные формы бытия — семейные, клановые, территориальные, национальные, религиозные — в пользу «интернационализма», объединяющего всех «трудящихся» на классовой основе.

Интенсивная идеологическая обработка широких слоев населения в сочетании с массированным соцреализмом в художествен-

510

ной культуре должна была быстрыми темпами стереть существенные различия между национальными группами, сведя эти различия к форме с единым содержанием.

Структура советской социокультурной жизни складывалась по принципам, присущим незападным цивилизациям. Как и водится, в ее основе было три компонента: а) сакрализованные фигуры Учителя и Основателя (Основоположника); б) сакрализованное учение, сопровождаемое огромными комментариями, интерпретацией, догматикой, чтобы связать с ним мировоззрение общества и основные сферы духовной регуляции; в) партия как институт, выступающий организатором и вдохновителем всей идеологической жизни, а через нее подчиняющий себе в той или иной степени функционирование других сфер.

. Эта основа держала на себе всеобъемлющую систему духовного производства, утверждающую единообразную культуру — и не только в мировоззрении, но и в образе жизни, языке, нормах

поведения, желательных ценностях и перспективных идеалах. Все это воплощалось в крупномасштабной системе идеологического воспитания, образования, культуры соцреализма, насаждалось через массовую культуру.

На уровне теоретического сознания потребности формируемой цивилизации связывались с «борьбой за новое, передовое», отвечающее непреложной исторической необходимости. На массовом уровне эти надличные принципы приобретали неизбежно персонифицированный вид, связывались с вождем, как подлинным выразителем этого начала. В этом и состоит «тайна» столь губительного культа, в котором земной, злобный и жестокий — или же никчемный и неспособный — вождь возводился почти до уровня космического всезнания и всемогущества. От него шел прямой канал веры в «правое дело» партии, а от нее к онтологическому сверхпринципу, принадлежность к которому вызволяла обездоленных из тьмы небытия. Все духовное пространство общества было обставлено предметными воплощениями этого спасения как надличностной реальности, придающей смысл каждой индивидуальной жизни: музеи, лозунги, символы, ритуалы, издания классиков марксизма-ленинизма, обязательная партийная литература, специальная агитационная массовая культура и т.д.

Всякая культурная жизнь приводилась в соответствие с догматами марксизма-ленинизма и культом вождя. Изымались все направления и произведения, которые могли восприниматься как идущие вразрез с официальной идеологией и культом. Первое, наиболее почетное место в издании книг, кинематографии, драматургии, живописи не только в пропагандистской, но и в худо-

511

жественной культуре отводилось идеям и символике официального культа. Как современная обстановка, так и история подлежали соответствующей интерпретации, фальсификации и переписыванию для приведения их в соответствие с принципами идеологии. Важной частью тоталитарной культуры была политическая мифология, ведущими темами которой были «строительство социализма», «единство партии и народа», «капитализм — отживший и обреченный строй», «слава КПСС» и т.д.

Идеология, оторванная от действительности, превращалась в средство официальной идеализации жизни. Реальность подлежала не объективному осмыслению, а «правильной трактовке». Замалчивание и искажение действительности привели к широкому распространению двойного мышления, лицемерия и цинизма.

Унификация культурной жизни достигалась изъятием и замалчиванием нежелательных элементов культурного наследия или новых направлений, провозглашением некоторых классических или же новых официально признанных направлений «академическими», их всемерной государственной поддержкой через систему официальных творческих союзов, почетных званий, премий, привилегий и т.д. Организационным воплощением такой политики стало установление жесткого бюрократического контроля над всей творческой и научной деятельностью. Были проведены централизация и объединение творческих союзов и научных организаций как средство подчинения их работы партийному руководству.

Темпы решали не только — и не столько — задачу экономического соревнования. Как известно, последнее отнюдь не стало достижением «зрелого социализма». Главный критерий заключался в утверждении многоликого политического единства и социальной однородности советского общества (впрочем, жестко разделенного на «народ» и «номенклатуру»). Тому же способствовали и тщательно регулируемые духовные средства.

Несомненная устойчивость и стабильность советской системы была обязана во многом радикальному устранению противоречий, которые раздирали имперскую Россию. Снятие принципиальных различий между гетерогенными социальными и этническими образованиями и их объединение — и не только принудительное, но и во многом идеологически мотивированное — несомненно создавали большую степень стабильности. Прочность режима в противостоянии внешним антагонистам также способствовала его принятию — ценой превращения всего земного шара в арену противостояния двух мировых держав.

Однако, создав жесткую тотальную систему регуляции общества, устранив или же загнав вглубь прежние противоречия, раз-

512

дивавшие Россию (или другие страны социализма), государственно-партийная система столкнулась с неразрешимыми противоречиями. Главным из них была неспособность к устойчивому развитию, что вытекало из той насильственной «консолидации», которая сковывала внутренние ресурсы общества и требовала постоянного напряжения сил и огромных ресурсов на противостояние «внутренним проидам» и «враждебному окружению». Необходимость повышения мобильности общества требовала усиления его дифференциации, развязывания инициативы, а значит, допущения плюрализма — и не только в формах собственности, но и в принципах отношения к миру, смыслах и нормах деятельности. Огромные силы государственно-партийной системы расходовались на то,

чтобы ограничить все пути независимой модернизации и подчинить все общество единым принципам, согласованным с верховным центром.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Приведенный выше культурологический анализ исторической динамики русской культуры дает возможность выявить и некоторые общие социокультурные тенденции, сложившиеся в нашей стране в период перестройки. Как мы видим, в этих тенденциях следует выявлять не только собственно политические и хозяйственные стороны, на которые обращается преимущественное внимание. Без учета духовных закономерностей общественной жизнедеятельности всякий анализ не пойдет далее публицистики одного года или даже недели. Недооценка этих закономерностей, отсутствие должного понимания социокультурных принципов функционирования общества приводит ко многим издержкам и кризисным тенденциям в российском обществе.

За последние годы в российском обществе были проведены радикальные преобразования, которые привели к основательным изменениям в экономическом, политическом, социальном и культурном планах. Все более значительное место в обществе занимают рыночные отношения. В нарастающей степени идет приватизация государственной и коллективной собственности и ее переход в частную собственность. Преобразуются институты исполнительной, законодательной и судебной власти. Меняется система государственного управления, в которой происходит все большая децентрализация. Идет процесс формирования многопартийности. В обществе складывается обстановка политическо-

513

го, идеологического, национального и религиозного плюрализма, выражающегося как в разнообразии частичных позиций и ориентаций, так и в их напряженной полемике и соперничестве.

В идейно-политическом плане соперничество привело к оформлению нескольких основных направлений, которые резко расходятся между собой как в оценке сложившейся ситуации, так и перспектив изменения социально-экономического, политического и социокультурного устройства России. Многообразие точек зрения зачастую заменяется противостоянием противоположных подходов, складывающихся в некоторые «лагеря». Согласно принципам западного радикального крыла модернизаторов, Россия должна максимально быстро преодолеть «груз прошлого», все «соблазны» и «пагубные утопии», встречавшиеся на ее пути. Иногда как констатация неизбежности, но иногда и с явным удовлетворением отмечается, что произошли «крушение» и «распад» России и в ее истории наступил «переломный период». Россия должна изменить свой геополитический и цивилизационный облик, а во многом сменить и сам народ, представленный «многочисленными, но отсталыми группами и слоями». По таким представлениям максимально быстрое и форсированное усвоение западных, прежде всего американских, образцов обеспечит необходимое осовременивание российского общества, без чего оно может скатиться до уровня второстепенной слабо развитой страны.

Призывы к «коренному повороту истории», к «преодолению позорного прошлого», к «смене цивилизации» из публицистического контекста переходят в научный оборот. Тезис о тотальной «ненормальности» России в прошлом и настоящем стал чуть ли ни общим местом в выступлениях как представителей либеральной интеллигенции, так и официальных реформаторов. Лишь с большим трудом и замедленными темпами проникает в научный оборот идея специфичности и многообразия процессов модернизации, их зависимости от принимающей среды, идея цивилизационного своеобразия, присущего всей мировой истории и сохраняющего свое значение и в современности.

Политико-идеологические крайности прозападной демократии порождают столь же упорное — и растущее — противостояние право-националистических сил. Как тотальное «преобразование» сложившихся типов жизнедеятельности, подрывающее жизненное обеспечение — хозяйственное, социальное, духовное, моральное — значительных масс населения, так и приводимые для них идейные обоснования вызывают глубокое неприятие. Национально-патриотические программы направлены на приоритетное решение принципиально иной задачи: поиск формулы «на-

514

ционального самосохранения», «спасения России», восстановления ее духовно-нравственных ценностей, дававших основу для единства народов громадного евразийского пространства или даже для «всечеловеческого единения».

Каждая из сторон обращается к тем или иным фактам социальной реальности или тем или иным компонентам совокупного общественного опыта, чтобы отстоять свою правоту. Однако сложность и многообразие происходящих процессов имеют неоднозначный и противоречивый характер. Поэтому нельзя ограничиться описанием «пагубного» наследия прошлого или «катастрофических» последствий реформ для полноценного анализа перспектив трансформации российского общества.

Как мы видели в главе XVI, процесс модернизации не может рассматриваться как осуществление некоторой «образцовой» модели, сформированной на опыте некоторых западных стран, которые

реализовали позднеиндустриальный тип общественного производства или переходят к постиндустриальному. Этот процесс во всякой стране неизбежно разворачивается через некоторые противоречия, накладывающиеся на реальную социально-экономическую, политическую и социокультурную специфику данного общества. Через выделение такого рода противоречий в социокультурном плане мы можем более системно представить себе общий характер происходящих процессов.

Развитие или преэмптентность?

Первым, наиболее очевидным и легко воспринимаемым противоречием процесса модернизации в сфере собственно культурной является противоречие между необходимостью достаточно быстрого обновления сложившегося культурного достояния и системы духовной регуляции, уже не отвечающей новым потребностям общества, и сохранением того ценного, что поддерживает жизненно важные функции общества в его многообразной и многоуровневой системе производства и деятельности. Это противоречие выливается как в российском обществе, так и в других странах в противостояние, а подчас и ожесточенную борьбу между модернизаторами и консерваторами, между западниками и сторонниками российской самобытности, авангардистами и классикалистами, между сторонниками новой индустрии культуры и ее перевода на рыночные отношения и теми, кто отстаивает гуманистическое достояние культуры прошлых эпох.

Обе сферы культуры имеют соответствующее функциональное значение для полноценного существования общества, поэтому их противостояние вызывает социальные, культурные и психологические разлады. Если критика негативных и пагубных

515

явлений в прошлой истории общества переходит в тотальное отрицание и уничтожение позитивных достижений в прошлом, в попытку создавать «с чистого листа» новую историю и культуру, в общественном сознании широко распространяется ощущение утраты жизненных ориентиров и ценностей, бессмысленности и ненормативности жизни. Новые прагматические ориентации не могут возместить весь комплекс утрачиваемых ценностей, так как важные сферы человеческого существования и социальной регуляции нуждаются в поддержании и постоянном воспроизводстве функциональных норм, ценностей и смыслов, вошедших в цивилизационное достояние данного общества.

Утверждение утилитарных ориентаций, романтизация «здорового бизнеса» и восхваление богатства и потребления могут заполнить лишь ограниченное место в культурном комплексе общества, за рамками которого по-прежнему необходимы идейно возвышенные, высокодуховные ориентации, устойчивые идеалы и представления о должном и достойном.

Развитие или социальная стабильность?

Второе сущностное противоречие процессов модернизации в российском обществе — это столкновение между потребностью в радикальном обновлении и преодолении сложившихся в обществе застойных порядков, приведших к нарастающему отставанию общества от современного мирового уровня, с одной стороны, и необходимостью поддержания социальной стабильности и единства общества — с другой. Как в хозяйственном, так и в социокультурном плане обновление означает прежде всего широкое внедрение рыночных отношений и частной собственности, что в принципе резко ограничивалось системой государственного социализма как в идеологических принципах, так и на практике. Это означает, что подвергается радикальному изменению система социализации общества в целом: резко сокращается сфера коммунитарных (межличностных) отношений, определявшихся как «социалистические», и расширяется сфера товарно-денежных связей. В ценностном плане это сопровождается расширением предпринимательских, достижительных, прагматических ориентаций, получающих соответствующую поддержку со стороны реформаторских кругов.

Мы уже видели, что такого рода перемены неизбежно влекут за собой подрыв сложившихся моральных норм и ценностей, что выражается как в «падении нравов», так и в росте корыстных, коррумпированных, криминальных отношений.

Наложение и столкновение разных типов социальности усиливаются и растущим классовым разделением. Такое разделение, с одной стороны, — необходимое условие становления рыноч-

516

ных отношений. С другой стороны, стихийный процесс разделения приводит не только к резкому расслоению на богатых и бедных (в гораздо большей степени, чем в советский период или по сравнению с буржуазными странами), но и к резкому возрастанию количественных диспропорций — между небольшим числом сверхбогатых и растущим числом беднеющих слоев — при мало-численном среднем классе.

Это не только экономическая и не только нравственная проблема, но и социокультурная, так как

последствием такого расслоения становится не только количественная диспропорция, но и наследственный характер массовой бедности — на фоне растущего благополучия немногочисленных слоев, которые унаследовали свои привилегии и которым реформы обеспечивают благоприятные условия для дальнейшего продвижения. Резкое различие доходов сопровождается ломкой системы социального обеспечения, что выражается в развитии платного образования и здравоохранения. Недовольство беднейших слоев, которым «нечего терять» и которые ощущают себя ограбленными и жертвами обмана, неизбежно подрывает стабильность в обществе. Привилегии элиты, стремящейся к быстрому обогащению любой ценой, ощущаются как нелегитимные, полученные за счет присвоения общенародного достояния, а не накопленные через самоограничение и инициативное расширение общественного производства.

Негативным последствием становится подрыв стимулирования тех слоев, которые не видят для себя шанса выбраться из бедности. Ставка на немногочисленную группу экономически активных собственников как социальную опору реформ и предоставление им хороших стартовых возможностей неизбежно дестабилизируют весь процесс модернизации. У значительной части населения возникает состояние аномии и чувство отчуждения от общества, что сужает размах инициативы в обществе и подрывает его человеческий потенциал

Займствования или самобытность?

Третье противоречие — между необходимостью широкого заимствования современного мирового опыта и сохранением самобытности общества, без которой оно перестает быть самостоятельным субъектом мировых отношений. Широкая открытость общества облегчает усвоение новейших достижений внешнего мира, прежде всего высокоразвитых стран. Однако оборотной стороной такой открытости становится чрезмерное имитаторство, перенос излишних элементов чужеродных культур, что приводит к подрыву собственного культурного достояния. Слепое копирование образцов иностранной культуры, без должной адаптации к своему достоянию, оборачивает-

517

ся не только духовным, но и социальным разладом, порождающим реакцию отторжения. Происходит растущее расхождение между классовыми и социальными группами, центром и провинцией, поколениями.

Форсированная вестернизация происходит через внедрение прежде всего гедонистических ориентаций, способствующих потребительскому «включению» в мировой рынок, и той массовой культуры, которая утверждает потребительские ценности, обеспечивает манипулятивное отвлечение от содержательного участия в общественной жизни, культ развлечений.

Биосоциальные компоненты западного общества, встроенные в упорядоченную систему регуляции, обеспечиваемую институтами частной собственности, права, политической системой, глубоко внедренными моральными и ценностными механизмами, получают возможность облегченного проникновения в дезорганизованную структуру российского общества и стимулируют в нем встречную биосоциальную реакцию. Утверждается конфликтный вариант модернизации (рассмотренный в главе XVI), означающий растущие социальные антагонизмы, демонстрационное потребление, массовую деморализацию населения, коррупцию, этнические конфликты, произрастание мафиозных структур, девиантное поведение и т. д.

Это противоречие реализуется через поляризацию установок политически активного населения России в форме двух противостоящих стратегий: а) присоединение к западной модели — решительная вестернизация страны; б) формирование специфической цивилизационной модели, учитывающей достижения Запада, но при этом основывающейся на собственной исторической и культурной традиции, собственном типе мотивации. Естественно, что во втором случае предполагается энергичное социокультурное дистанцирование от Запада, защита от его «соблазнов» то ли с помощью мощных контридей, то ли новых охранительных — в широком смысле слова — барьеров.

Часто встречающийся в публицистике призыв «войти в мировую цивилизацию» подразумевает наличие лишь одной цивилизации — европейско-американской. Между тем, как мы видели, несмотря на преобладание западной культуры в мировых культурных процессах сохраняются и устойчивые структуры других мировых цивилизаций. Россия имеет свои цивилизационные характеристики, и хотя эти характеристики отличаются противоречивостью, общество не может допустить отрыва от своего культурного достояния.

Инверсионные повороты или устойчивое накопление?

Мы уже

518

видели, насколько характерными для истории российского общества оказались инверсионные повороты, в которых происходила резкая смена господствующих социальных укладов, преобладающих норм ценностей, системы культурных смыслов. В конце века, как и в его начале, Россия

проходит через радикальные революционные перемены, сопровождаемые тенденциями к разрушению или отказу от многих позитивных достижений предшествующего периода*. Происходящие при этом утраты не возмещаются частичными или поверхностными обретениями, что приводит к усилению в обществе негативных реакций. Избавление от политических или культурных крайностей достигается через создание устойчивой системы общественного самоуправления и формирования *срединной культуры*, обеспечивающей участие различных социальных, этнических и конфессиональных общностей. Наряду с тенденциями противостояния в российском обществе идут интенсивные поиски центристских принципов, которые способны нейтрализовать конфронтацию и обеспечить согласие всех созидательных сил.

При этом следует иметь в виду, что принято различать по крайней мере «два Запада»: католический и протестантский или, как предпочитают говорить политологи, континентально-европейский и атлантический. И различие сказывается не только в политических системах или конфессиональных привязанностях, но и степени приверженности культурному достоянию Европы или своей национальной культуре.

Распад централизованного государства, связанного прежде с Российской империей, а затем с СССР, не означает устранения исторически складывавшихся связей и отношений с Востоком. Взаимодействие России с восточными регионами — постоянный фактор ее истории и «евразийское» начало в цивилизационном облике России — важнейший компонент ее социокультурного и геополитического устройства. Вместе с тем Россия издавна втянута в орбиту западной цивилизации и соединяет в себе оба начала, что создает постоянное поле острых противоречий. В этом соединении противоречивых начал — та важнейшая составляющая, которая постоянно формировала облик России.

Этническое — общенациональное — мировое.

Четвертое противоречие — между процессами национальной консолидации, которые сопутствуют процессам модернизации, и поддержанием

* Эти инверсии («срывы» или «взрывы») стали предметом особого внимания со стороны ряда современных исследователей. См., например, работы А. Ахиезера, И. Кондакова и др.

519

межнационального взаимодействия. Распад единой централизованной политической и культурно-идеологической системы регуляции бывшего СССР выявляет отсутствие устойчивых общих механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. В этих условиях естественно происходит реставрация прежних форм социокультурной саморегуляции более низкого уровня, отличающихся локальностью в пространственных и временных измерениях. Этническое и национальное возрождение, увязываемое с политическим самоопределением, предстает как реставрация сепаратистских модусов бытия, значение которых к концу XX в. во многом исчерпалось. Функционирование такого рода социокультурных общностей требует введения сложного корректирующего механизма, отнюдь не сводимого ни к межгосударственной политике, ни к «миротворческим силам». Политика и власть имеют свои пределы, они функционируют в пространстве между волей к власти и политической культурой общества в целом или совокупной культурой его различных частей. Нужна достаточно хорошо налаженная система взаимодействия разных компонентов общественной системы, чтобы политический механизм был в состоянии решать задачи установления согласия.

В переходных условиях происходит интенсивное возрождение и утверждение тех социокультурных типов интеграции, которые служат исходной основой складывания человеческих общностей. Характерной особенностью современных процессов, которые протекают в постсоветском обществе, является сильное проявление именно этнического фактора наряду с национальным или цивилизационным, а подчас и его преобладание. Этнические общности, основанные на единстве «крови и почвы», т.е. генетического родства и сходства природно-хозяйственной среды, становятся важной «витальной» формой первичной самоидентификации локальных общностей в силу ослабления всех связей более высокого уровня.

Среди различного рода причин, вызвавших такие процессы, следует выделить прежде всего противоречивость процесса складывания наций в рамках СССР. С одной стороны, происходило формирование политических, институциональных и культурных факторов национального уровня, носителем которого выступала прежде всего городская интеллигенция и административная элита. А с другой — эти процессы перекрывались мерами по формированию наднациональной советской государственности, социалистической системы хозяйства и цивилизации, превосходящей значение всех форм национальной идентичности. Поэтому национальным образованиям в рамках советской социокультурной

520

системы присуща слабость общекоммуникативных ресурсов — в хозяйственной, политической и

культурной сферах.

В этих условиях и происходит выявление социокультурных факторов более низкого уровня, так как этнические ориентации не соотносятся ни с экономическими, ни с общеполитическими принципами, разрывая все связи более высокого порядка как «имперские» и как «посягательство» на местную идентичность. Отстаивая принцип консолидации на основе этнической идентичности, этноцентризм оказался способным идти вразрез с потребностью в национальной консолидации разнородных генетических и лингвистических групп и цивилизационным устройством судеб разных культурных общностей. Тем самым этноцентризм становится одним из факторов дестабилизации отношений.

Складывание нации происходит как объединение далеко не идентичных этнолингвистических групп на основе утверждения общих отношений и связей, в которых задействованы хозяйственные, политические и социокультурные факторы. Особенно следует подчеркнуть значение именно культурных факторов, которые зачастую служат важной предпосылкой и основой последующего формирования хозяйственной общности, а до некоторой степени могут и заменять ее. К числу этих факторов следует отнести и адаптацию различных образов жизни, выработку общего языка и символики, отвечающих совокупным потребностям всех этнических групп.

Типологический анализ должен выявить соотношение национально-интегративных потенциалов для основных стержневых наций региона. Конечно, для различных этнических общностей России и стран СНГ национализм предстает в различном содержании. Для одних задача состоит прежде всего в преодолении общинной, клановой и родоплеменной раздробленности, хотя бы и через вытеснение представителей других этнических групп. Для других — в преодолении собственно этнических рамок национальной консолидации, во взаимной адаптации к приемлемым общим ценностям, нормам и смыслам. Такой национализм гораздо ближе цивилизационным методам решения проблем интеграции.

Важной социокультурной проблемой становится налаживание межкультурных взаимоотношений на территории бывшего СССР. Оживление национализма усиливает культурную разнородность населения, не устранимую отныне ни общей национальной культурой, ни общей государственной системой. Однако национально-территориальное размежевание в условиях бывшего СССР оказывается крайне затруднительным, так как в течение несколь-

521

ких веков в едином политическом и социокультурном пространстве происходило перемещение и смешивание населения. Тенденции к размежеванию приводят к ожесточенным конфликтам, перерастающим в военные столкновения. Попытки урегулирования таких столкновений на основе посредничества оказываются неустойчивыми, зависящими от соотношения сил. Очевидно, что долговременное урегулирование и прочная стабилизация как межнациональных, так и социальных отношений могут быть обеспечены только в ходе длительного формирования фундаментальных наднациональных принципов и их соответствующего институционального обеспечения.

Формирование центристской модели общественного устройства для России и формулы «согласия» стало одной из основных задач многих политических и интеллектуальных течений. Составными частями или вариантами такой модели стали положения о необходимости усиления государственного централизма как нормативной гарантии общественного единства либо положение о «согласии» и «консенсусе» основных участников общественного взаимодействия.

Несомненно, что и то, и другое — необходимые компоненты действенной общественной интеграции. Однако становящийся уже ключевым термин «центризм» еще в огромной степени обращен к политической стороне жизни, слишком уповает на возможность соединения в каком-то единстве воли многих политических сил. Между тем политика и власть имеют свои пределы, они функционируют в пространстве между волей к власти и политической культурой общества в целом. Нужна достаточно хорошо налаженная система взаимодействия разных компонентов общественной системы, чтобы политический механизм был в состоянии решать задачи установления согласия.

Межнациональные отношения в современном мире во все возрастающей степени смыкаются с общемировыми. Поэтому в этнических и национальных проблемах Центральной Азии или Закавказья сказывается как влияние сопредельных стран Востока, так и высокая заинтересованность многочисленной диаспоры в разных странах мира.

Спор о верах.

В дополнение к этнонациональным противоречиям в геокультурном пространстве СНГ интенсивно проявляются и межконфессиональные расхождения, которые сопутствуют процессам широкого оживления религиозных верований. Само по себе такое оживление неизбежно, и в культурологическом плане можно выделить несколько важнейших причин, способствующих такому оживлению. Прежде всего прогрессирующее падение дове-

522

рия к государству, неспособному решить многие насущные проблемы жизнеобеспечения, а нередко и защиты своих граждан от насилия, побуждает многих людей искать защиты и поддержки, надежду на будущее в религии.

Кроме того, продолжающийся рост национального самосознания народов России сопровождается активным обращением многих граждан к истории, древним традициям, к ценностям религии, с которыми эти народы были связаны в течение многих веков и которые воспринимаются ими как национальные.

К усилению влияния религии на различные слои населения ведут обострившиеся межнациональные отношения, поскольку лидеры противоборствующих сторон и силы, выступающие за скорейшее их примирение, за прекращение и предотвращение межэтнических конфликтов, стремятся максимально использовать разноплановый потенциал религий и их институтов. Вместе с тем усиленная политизация, означающая включение в политическую борьбу различных общественных движений и связанное с этим желание получить поддержку религиозных организаций и служителей культа, стимулирует усиление социальной активности духовенства, повышает его авторитет в массовом сознании, способствует росту привлекательности религиозных ценностей.

Естественно, что напряженный интерес в общественной мысли вызывают тенденции, свидетельствующие о деятельности основных претендентов на высокую духовную власть в постсоветском цивилизационном пространстве — коммунизма, православия и ислама. О своих претензиях на власть над умами и душами заявляют и другие духовные силы с Запада и Востока. Многое будет зависеть от степени приверженности каждой «конфессиональной общности» своей вере, устойчивости, мобильности и органичности института каждой из «конфессий». Социокультурная неполнота и историческая слабость каждого из этих претендентов означают, что «достижение согласия» может быть длительным и зависит как от внешних факторов, так и эндогенных потенциалов каждого из них. Необходимо выявление не только соотношения цивилизационных потенциалов больших традиций, но и их взаимодействие, достигаемое через духовный и институциональный механизм диалога и взаимопонимания.

Конечно, в современном мире коммуникативных и социализующих потенциалов любой религии недостаточно для решения сложных многомерных задач модернизации и интеграции. На протяжении XIX—XX вв. все цивилизации претерпели в той или иной

523

мере процесс дезинтеграции на национальные общности, а в рамках каждой нации сформировались те или иные механизмы срединного и низового уровня, обеспечивающие самоорганизацию и самоуправление в применении к локальным условиям.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Как мы видели, культура российской цивилизации представляет собой сложное, многоуровневое, противоречивое образование, формирующее обустройство большого общества на огромном геокультурном пространстве Евразии. Поэтому всякое полноценное, подлинно научное рассмотрение современных или прошлых проблем этого общества, а равным образом и выявление перспектив его изменения требуют учета разных сторон, измерений, уровней и компонентов. Соответственно и всякая практическая работа по налаживанию, поддержанию или модернизации социокультурных компонентов общественной регуляции должна происходить на основе взаимодействия различных институтов и с учетом тех разнообразных компонентов, которые и составляют культурную систему. В общем плане среди таких компонентов следует выделить хозяйственные, социальные и управленческие структуры, в том числе рыночные, государственные и кооперативные, этнонациональные и конфессиональные, комплекс отношений город — деревня, центр — периферия, классовые, стратификационные, профессиональные и т.д. На культурные аспекты регуляции этих отношений воздействуют не только государственные органы, как это было прежде, и не только коммерческие структуры, на которые столько надежд возлагается теперь. Воспроизводство духовной деятельности обеспечивается системой образования, научными учреждениями, церковными институтами, структурами масс-медиа, творческими организациями и т.д. Вместе с тем, как мы видели, культура в значительной степени создается в духовном пространстве личности и межличностных отношений. Именно взаимодействие всех этих компонентов и обеспечивает постепенное, но полноценное и устойчивое решение сложных проблем культурной трансформации.

Настойчивая, постоянная, упорная работа по самоорганизации на всех уровнях и в самых различных сферах и является процессом формирования срединной культуры, обеспечивающей поддержание всех значимых жизненных функций, а вместе с тем сочетание факторов интеграции и дифференциации, необходимое для успешной модернизации. В этой *сети отношений* со-

524

дается то взаимодействие различного рода компонентов и структур, которое так или иначе

включает всех, хотя и разводя по разным местам, уровням и блокам общественной регуляции. В нем и достигается взаимная адаптация социальных слов, этнических, национальных и конфессиональных компонентов, реализуется симбиоз и синтез разнородных структур, распределяются функции центра и периферии, формируется устойчивое региональное и местное самоуправление, находящееся в органическом соотношении с целостной системой общецивилизационных связей.

Глава XVIII. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Основные темы.

Научно-техническая революция или постиндустриальное общество? Социокультурные противоречия научно-технической революции.

Новые технологии и культура. Экономика, основанная на науке, сбережении ресурсов и природной среды. Значение производства знаний, роль информатики и сферы услуг. Динамика занятости и досуга. Формирование работника нового типа и роль интеллектуального труда.

Изменения в социальных структурах: роль профессионализации в производстве и плюрализма в потреблении.

Политические изменения. Массовость и плюрализм в политической жизни.

Изменения в культуре. Новый культурный облик общества. Возвышение роли духовного производства.

«Книжная» и «экранная» культура и роль аудиовизуальных средств и информационных систем. Интернациональность, компактность, разнообразие информации.

Ориентация на будущее. Новые ценностные ориентации и отношение к труду.

Роль университетов и системы образования в производстве и внедрении знаний и ориентаций. Значение образования в формировании новых элит.

Социокультурные проблемы труда и предпринимательства в постиндустриальном обществе.

Культура производства и культурное потребление. «Раздвоение» культуры: принципы рациональности и эффективности против ориентации на чувственное потребление и развлечение. Противоречия постиндустриального общества.

525

Тенденции «возрождения искусства», престижное влияние высокой культуры.

Постмодернизм в культуре. Эстетические обоснования постмодернизма. Функции постмодернизма в обществе.

Критика новейших тенденций в культуре. Контркультура и альтернативные движения.

Глобальные издержки постиндустриального общества.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?

Понятие постиндустриального общества стало распространяться в США еще в конце 50-х гг., когда стало ясно, что американский капитализм середины столетия все больше отличается от индустриального капитализма. Позднее эти тенденции охватили и другие развитые страны. Первоначально новое общество рассматривалось как воплощение линейного прогресса, экономического роста, дальнейшей технизации труда, вследствие чего сокращается необходимое рабочее время и увеличивается, соответственно, свободное, растет благополучие и т.д.

Но в 60-х — начале 70-х гг. видные западные мыслители (Д. Белл, Д. Рисмен, Р. Арон, З. Бжезинский, О. Тоффлер, Г. Маркузе и др.) показали принципиально новое содержание того общества, которое формировалось в этот период. Оно выступает под разными названиями: «супериндустриальная цивилизация», «научное», «технотронное», «информационное» или «телекоммуникационное» общество и т.д. Важный сдвиг заключается в том, что основные черты этого общества стали рассматриваться как качественно новая ступень развития не только Запада, но и всего человечества. А также в том, что эти процессы вовсе не ограничиваются технологией, но приводят к преобразованию общества в целом.

Характерно, что в советской общественной мысли эти процессы также подвергались самому пристальному рассмотрению в рамках теории научно-технической революции, изложение которой можно найти в любом учебнике исторического материализма. Принимая основные положения, относящиеся к научно-технологическим сторонам нового общества, советские ученые (Д. Гвишиани, С. Микулинский и др.) показывали и тенденции в перестройке производственных и социальных отношений, прежде всего возрастание роли новых социальных и коммуникативных факторов в жизни общества. В их исследованиях подчеркивались те общие противоречия, которые возникают при становлении нового об-

526

щества: между монополиями и обществом, отдельными производителями и совокупными интересами производства, трудящимися слоями и капиталистами, национальной ограниченностью и потребностью в глобальной регуляции и т.п. Решение этих противоречий усматривалось в

преодолении капиталистических форм регуляции общества и переходе к социализму. Идеологическое неприятие капитализма приводило к тому, что социокультурные тенденции в постиндустриальном обществе рассматривались лишь в критическом плане, как свидетельство того, что НТР не в состоянии решить экономические и социальные противоречия антагонистического общества без радикальных социальных преобразований общества на социалистических началах.

Подход западных мыслителей к этим проблемам был не менее критическим. Достаточно было и разного рода проектов радикальных преобразований, основанных на превращении труда из средства «иметь» в способ «быть», т. е. в сферу самовыражения и реализации способностей индивидов. Эти идеи, в частности, создали популярность видному немецко-американскому ученому Г. Маркузе.

Социокультурные противоречия научно-технической революции. Осмыслению результатов развития промышленного общества способствовала выпущенная в 1972 г. работа «Пределы роста», написанная рядом западных ученых в качестве «доклада для Римского клуба», представляющего собой ассоциацию независимых ученых и менеджеров. Доклад освещал проблемы, связанные с ростом населения, производством промышленной продукции и продовольствия, истощением ресурсов и загрязнением окружающей среды. Выводы были крайне тревожными: если прежние тенденции в перечисленных аспектах жизнедеятельности не изменятся, мир ожидает не только прекращение роста промышленности, населения, уровня жизни, но и их снижение, а может быть, и глобальная катастрофа. Впоследствии взгляды ученых, группирующихся вокруг Римского клуба, подверглись заметному изменению. В первых докладах проявлялся последовательный технократизм, и предполагаемое решение мировых проблем усматривалось в научно-технических мерах, обеспечивающих «нулевой рост» производства и народонаселения. В последующем докладе «Человечество у поворотного пункта» содержалось рассмотрение социально-этических проблем, в весьма пессимистическом духе предрекались все же скорые глобальные потрясения ввиду «неисправимости» человека.

Поворотный пункт наступил в более поздних докладах Римскому клубу, в которых преодолевался излишний упор на технократическое решение глобальных проблем и особое внимание уделялось социокультурным факторам. Не отрицая необходимости

527

тотального изменения системы глобального производства, авторы отстаивают необходимость всемерного развития новых систем образования, распространения более адекватных современности универсальных систем морали, обеспечивающих гармонизацию поведения и деятельности человека, согласование этой деятельности с глобальными закономерностями и экологическими требованиями. В последних работах этого клуба выдвигается широкомасштабная программа направленного развития глобальных процессов через многофакторную систему управления. Важная посылка такого управления — качественное преобразование самого человека через развитие образования и культуры, раскрывающих творческие способности человека, нацеливающих решение его актуальных проблем на гармонизацию отношений с реально существующим миром. Поэтому новый проект Римского клуба получил название «Нет предела обучению» (1981), а важные принципы развития человеческого начала в новом обществе были изложены в книге инициатора Римского клуба А. Печчеи «Человеческие качества».

Широкую известность во всем мире приобрели книги американского футуролога и публициста О. Тоффлера, в которых постиндустриальное общество предстает как комплексное формирование. Первая из них, вышедшая в 1970 г., называлась *«Шок будущего»* и повествовала о «закате индустриального общества», исчерпанности присущего ему типа производства, распаде прежних социальных отношений между классами, этническими группами, в семье или между полами, моральном устаревании прежних ценностей и менталитета, сложившегося, когда многое еще представляло слишком устойчивым.

Как эта книга, так и книга «Третья волна» (1980) — особенно, а также «Сдвиг власти» (1990) стали общесоциологической трилогией, в которой последовательно исследуется ускорение технологических, социальных и культурных изменений, характер формирующихся новых структур и принципов и проблема управления этими изменениями.

Но вот в 1990 г. вышла книга американских авторов Д. Нэсбитта и П. Эбурдина «Мегатенденции. Год 2000. Что нас ждет в 90-е годы», в которой дается радикально иная оценка перспектив человечества. Среди предполагаемых ими тенденций можно выделить следующие:

1. Глобальный экономический бум 90-х гг. Новые высокие технологии.
2. Сочетание элементов социализма со свободными рыночными отношениями.

528

3. Универсальный образ жизни и культурный национализм.
4. Сочетание тенденций приватного и государственного благосостояния.
5. Возрождение искусств, художественной культуры.
6. Религиозное возрождение.

7. Триумф личности.

Исходя из анализа новых тенденций в развитии технологий, авторы предвидят устранение прежних ограничений роста. Происходит снижение энергозатрат и потребления сырья; в большинстве стран спад темпов роста населения, успехи биотехнологии дают надежду на еще одну «зеленую» революцию в производстве продуктов питания. В Азии появилось несколько «новых индустриальных стран» с высокими и устойчивыми темпами экономического роста.

Существуют, как известно, немалые различия в технологической структуре НТР по разным странам. Сосредоточившись на новейших средствах электроники и информатики, Япония совершила сильный рывок, выйдя в ряде отношений на первое место в мире. Сохраняя высокий уровень технологии в космической и военной промышленности, СССР в 80-х гг. во многих технологиях значительно отстал от передового уровня.

Основные характеристики нового общества можно рассмотреть в применении к четырем основным сферам, которые мы уже выделили в главе III: а) технология, т. е. средства производства и способ ведения хозяйства; б) социальные структуры; в) политическая организация общества и г) духовные принципы.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА

Новейшие виды производства: электроника и информатика, космическое производство, биотехнология, производство услуг и индустрия культуры, приводят к качественному изменению совокупной системы производства. Они создают новое отношение общества к природе, так как более приспособлены к требованиям *экологической* безопасности. Они дают возможность уменьшения роли тяжелой промышленности и массового производства, создавая тенденции его *перемещения* в менее развитые страны, разукрупнения и диверсификации. Новые виды электронного и информационного производства ориентируются на *мелкие серии*, требуют высококвалифицированного труда и высоких затрат на оборудование и исследования. Производство становится *наукоёмким*, а наука превращается в ведущую производительную силу.

529

Производство становится транснациональным, его императив — расширение межгосударственных связей.

От иерархических структур регуляции хозяйственной и общественной жизни совершается переход к *сетевым структурам*, в которых различные далеко отстоящие друг от друга компоненты вступают в непосредственное взаимодействие друг с другом. В том же направлении действует и переход от национальных экономик к мировой, выражением чего становятся *транснациональные компании, совместные предприятия*, различные формы глобального взаимодействия хозяйственных структур. Происходит децентрализация производства и не только как процесс территориального рассредоточения, но и как разделение на мелкие единицы, соединенные налаженными системами технологических и информационных связей.

Изменяются и ритмы жизнедеятельности, которые раньше навязывались машинами. Все большее количество предприятий работает по скользящему графику, причем в самых крупных концернах. Результат — повышение производительности труда и антропологизация производства, а вместе с тем — расширение возможностей для повышения квалификации. Растет *частичная занятость*, что означает и возможность совмещения нескольких занятий и профессий, трудоустройство женщин и молодежи. Значительно расширяется *экономика услуг*, что приводит к изменению потребительских привычек: супермаркеты открыты всю ночь, меняется график семейной жизни, распорядок дня и приема пищи и т.д. Огромный масштаб в производстве услуг приобретает туризм, охватывающий многие миллионы людей.

С развитием техники функциональность стала связываться с изменением формы. Техника стала учитывать органические потребности человека, и важное значение приобрел технический дизайн, которому подвергается не только сервисная, но и производственная техника. На новом этапе эстетика обрела в технике новые возможности своего применения, что породило широкие возможности промышленного дизайна.

Информационные и коммуникативные технологии стали наиболее динамичным компонентом производства — как материального, так и духовного, радикально меняющим многие принципы социальности и регуляции общества. Масштабы и темпы «информационной революции» превышают все известные до сих пор в истории сдвиги. Достигаемая на основе компьютерной технологии формализация знаний и накопление данных, а также обеспечиваемый космической связью быстрый перенос информации на огромные расстояния существенно меняют функционирование и

530

других блоков социальной жизнедеятельности, в том числе экономики и политики.

Для культурологии огромное значение приобретает то обстоятельство, что постиндустриальное общество в некоторых отношениях становится и «постэкономическим», так как в нем наряду с

сектором производства материальных благ и услуг, который, как и прежде, регулируется рынком, в огромной мере расширяется сектор «производства человека». Этот ранее «третичный» сектор приобретает равноправное, а в ряде отношений и доминирующее значение, сужая сферу рыночных отношений. Духовное производство, общие признаки которого мы выделили в главе III, становится все более определяющим началом в совокупном производстве, подчиняя его структуру, содержание и динамику. Это производство все более поворачивается в сторону «человеческого фактора», который становится и целью и ведущим компонентом. Наряду с прежней частно-корпоративной и индустриально-капиталистической собственностью складывается интеллектуальная индивидуальная и постиндустриальная собственность, измеряемая духовными ценностями. Разрастание сферы «производства человека» приводит к далеко идущей трансформации самого типа совокупного производства. Собственно рыночные отношения в этой приоритетной сфере отходят на второй план, уступая место новым социокультурным факторам: интеллектуальному, творческому и социальному потенциалу личности. Происходит перераспределение расходов на материальное производство в пользу науки, образования, социального обеспечения, здравоохранения и рекреации. Ведущая роль в производстве все в большей степени принадлежит не производственным корпорациям и бизнесменам, а корпорациям исследования и развития, индустриальным и экспериментальным лабораториям, научным центрам и университетам.

Вместе с тем повышается степень самостоятельности каждого функционирующего работника, располагающего своей квалификацией и знаниями как существенным вкладом в процесс производства.

Формирование нового типа человека как носителя постиндустриальной культуры требует огромных затрат: на воспитание детей в семье, на образование, прогрессивные типы социализации и формирования личности. Для этого необходим весь огромный мир культуры — прошлой и современной, но не в качестве неизбежного «наследия», а как предпосылка — и средство — постоянно идущего духовного производства, основным продуктом которого становится «многомерный человек», способный овладеть миром современных проблем. В интеллектуальной собственности

531

воплощаются огромные затраты средств, времени и труда, складывающиеся из расходов государства, частных, общественных фондов и собственных усилий человека на самоформирование. Лишь частично эти расходы можно определить в стоимостной форме. По подсчетам американских экономистов, общие расходы на воспитание и подготовку современного работника (молодого человека до 10 лет) составляют приблизительно от 150 до 300 тысяч долларов (в ценах 1981 г.). Что же касается выпускников университетов, то их подготовка обходится примерно в 1 миллион долларов. Исходя из таких расчетов, накопленный человеческий капитал в Америке составляет почти 45 триллионов долларов, что на много превосходит сумму активов всех американских корпораций в 1985 г., которые составляли 12 триллионов 770 миллиардов долларов*.

В конце 80-х гг. сумма ежегодных накоплений человеческого капитала в США оценивалась в 2,2 триллиона долларов, а вложение капитала в материально-вещественные («опредмеченные») факторы производства составило более скромную цифру — 700 миллиардов долларов.

Это означает, что в постиндустриальном обществе сфера культуры в ее новом состоянии, включая семью, образование, науку, информатику, художественную деятельность, приобретает качественно новую роль, становится все более ведущим сектором производства, его «базисом» и движущей силой.

Это в свою очередь диктует и требования к содержанию остального производства. Содержание труда начинает больше интересовать работника, чем заработная плата, и гуманизация производства становится необходимостью, так как без нее нечего и думать об активизации инициатив и о высоком качестве труда.

Само предпринимательство нередко оказывается не столько средством достижения материального благополучия, сколько способом самореализации индивида и приложения своих способностей.

Все это ведет к перестройке тех основных принципов, которыми ранее руководствовалась западная цивилизация. В их индустриальных универсалиях, распространяющихся на весь мир, в числе основных изменений указывают следующие:

1. Замена стандартизации многообразием и плюрализмом, которые порождаются новыми типами производства, влияют на потребление, политическое поведение, религиозную жизнь, художественные вкусы, соотношение этнических элементов, моду, формы семьи.

* См.: Красильщиков В. Ориентиры грядущего: Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. — 1993. — №3.-С. 170.

532

2. Не только в производстве или в политике, но и в культуре ведущим принципом стала *децентрализация* структурных и индустриальных связей. Удельный вес столиц падает в пользу многочисленных «периферийных» центров и даже бывшей «глубокой провинции», которая может не только порождать «самородков», но и вмещать в себя научные центры, университеты.

Хотя прежние «культурные столицы» (Париж, Рим, Лондон, Афины, Нью-Йорк и др.) пользуются

высоким престижем и сосредоточивают в себе самые известные музеи, библиотеки, картинные галереи, издательства, университеты, новейшие сетевые и космические системы информатики обеспечивают распространение знаний, образов и символов по всему духовному полю общества. Это приводит к формированию информационных, а затем и духовных связей, по-иному структурирующих общество.

3. *Минимизация* все более доминирует над максимизацией или, используя термин О. Тоффлера, «макрофилией», выражавшейся в ставке на увеличенные размеры производства, количественные показатели в технике или уровне жизни. Происходит сокращение размеров предприятий или машин, точность деталей заменяет количество продукции.

4. Падение статуса бюрократизации и иерархизации общества, основанных на поддержании устойчивых и стандартизированных уровней и единиц регуляции, в пользу *полифункциональных ячеек*, связанных во временные структуры, имеющие целевую и ситуативную связь. Широкая информатизация общества приводит к тому, что прежнее вертикальное деление общества все больше замещается на горизонтальное взаимодействие между самостоятельными группами, непосредственно занятыми решением экономических, социальных, психических, художественных, медицинских или сексуальных проблем.

5. Сокращаются рамки стандартизации в пользу разнообразия, что способствует освоению производством, политикой и культурой локальной *специфики*. Цивилизация «новой волны» не будет пренебрегать религией, культурой, экологией, сложившимися структурами в угоду единым экономическим моделям. Именно этот принцип даст возможность подключения значительных резервов бывшей периферии и слаборазвитых стран, не ставя перед ними задачу резкого скачка и обременительного развития вдогонку за лидером через имитацию его приемов, структур и достижений.

6. В отличие от индустриального общества, в котором условием развития было вложение огромных средств в базисные отрасли и инфраструктуру (ресурсы, дороги, транспорт, капитальное

533

оборудование), в новых условиях все большее значение приобретает «человеческий капитал», т.е. подготовленные кадры, владеющие современными технологиями, прежде всего «интеллектуальными технологиями» информатики.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ

Социальное расслоение в современном буржуазном обществе остается довольно постоянным, что означает относительную устойчивость среднего класса, составляющего в США более 50% населения. Количество населения с уровнем доходов между 20 и 60 тысячами долларов в 1969 г. составляло почти 59%, а в 1986 г. — 53%, но за счет увеличения численности более состоятельного класса до 15%.

Важное обстоятельство заключается в том, что повысился уровень доходов высококвалифицированных кадров, заработная плата женщин и выпускников колледжей. Мобильность экономики, основанной на высоких технологиях, привела к размыванию прежних классовых структур. Деление происходит скорее *по уровню доходов*, и мелкий предприниматель может оказаться менее состоятельным, чем высококвалифицированный рабочий или служащий. Большая часть самостоятельного населения занята не в промышленности или земледелии, а в сфере обслуживания: торговле, финансах, образовании, здравоохранении, в индустрии отдыха, туризма и массовой культуры. По мнению Д. Белла, если в индустриальном обществе ведущими лицами считались предприниматели-бизнесмены, то «новыми людьми» становятся специалисты («меритократы»), элита точных знаний («когнитариат») — менеджеры, ученые, математики, социологи, экономисты, инженеры и т.д. Поэтому ведущая роль в новых структурах производства принадлежит не промышленно-финансовым корпорациям и фирмам, а центрам исследования и развития, университетам, опытным лабораториям и т.п. Реальными центрами новых постиндустриальных структур должны стать университетские города, в которых сосредоточены исследовательские и образовательные институты (типа тех, что находятся в Беркли, Кембридже (Массачусетс), Оксфорде, Новосибирске).

Вместе с тем ослабление классовых связей привело к оформлению более *партикулярных и изменчивых*, а нередко и пережиточных форм идентичности по территориальному, профессиональному, этническому, конфессиональному и прочим признакам, расширению общения «по интересам» и т.п. Казалось бы, пре-

534

жние, пережиточные формы бытия и самосознания сохраняются или даже возрождаются, однако на условии их вписания в общую систему рыночных и гражданских отношений. Во многих крупных городах Западной Европы и Америки имеются жилые и даже деловые центры, населенные выходцами из разных стран Азии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Процесс дифференциации охватил и общественно-политическую жизнь. Это выражается не только в росте *количества политических партий*, так как обычно политическая система оказывается достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к новым требованиям, не меняя основных структур.

Помимо основных партий, в обществе возникает *множество организаций*, выражающих требования различных групп населения. Принцип демократии как выражения воли преобладающего большинства все больше замещается принципом учета интересов различных меньшинств, обеспечения их прав в общей системе.

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ

В «информационном» обществе складывается и принципиально иной тип *производства, распространения и хранения культуры*.

Культура, полагает Д. Белл, стала наиболее динамичным, даже по сравнению с техникой, компонентом цивилизации. И дело не только в том, что она поставляет идеи, образы и стили для массового производства, но и в том, что перемены в ней самой в меньшей степени сдерживаются ограниченностью ресурсов (как в экономике) или инертностью сложившихся институциональных структур (как в политике). Конечно, эти перемены могут сдерживаться инерцией подключения различных слоев населения к инновациям. Однако основное препятствие к распространению такой культуры — трудность для массового усвоения. Но, завоевав ведущее место как законодательницы новых принципов, добившись признания того, что новое и оригинальное обладает бесспорной ценностью, новая культура преобразила жизнь общества. Общество уже не просто пассивно воспринимает новое, но создает всеобъемлющий рынок, жадно поглощающий новаторские произведения, поскольку они ценятся выше, чем устаревшие. Искусство утверждает свою роль не оторванного авангарда, а

535

«штурмового отряда» общественного развития. Авангард побеждает и становится общепризнанным. В результате вся культура моделируется по образу авангардистской и в ней происходит постоянная диффузия из «трудного» искусства «высоколобой» культуры в массовую. Сама идея авангарда, будучи узаконенной, служит институционализации примата культуры в области нравов, обычаев и социальных отношений.

В доиндустриальной среде основную нагрузку нес личный контакт — с другим человеком, учителем, мудрецом и т.д. Этот контакт, конечно, и поныне незаменим на ранних этапах формирования человека, да и в различных сферах личного общения. Но преобладающей до недавнего времени была *книжная культура*, следуя которой каждый человек в процессе своего формирования и для «поддержания уровня» прочитывал сотни и тысячи книг и другой печатной продукции. Эта культура заполнила наши квартиры множеством книг и журналов, создала разветвленную сеть библиотечных хранилищ, книгопечатающую индустрию. На протяжении нескольких веков именно текстовая литература была ведущей формой художественного творчества.

В постиндустриальном, информационном обществе все большее значение приобретает *«экранная» культура*, создаваемая на основе аудиовизуальной техники, соединения компьютера с видеотехникой и новейшими средствами связи. Производство, хранение, передача и потребление информации производится на принципиально иной технологической основе, что приводит к коренным изменениям в культуре. Каковы же эти изменения?

1. «Экранная культура», основанная на компьютерно-космической технологии обработки и передачи информации, интернациональна по своей природе и легко пересекает национально-государственные границы. Не подвержена она и языковым ограничениям, проникая в сознание разноязычной аудитории «без переводчика».

2. Компактность новых систем хранения информации и способность ее надежного и быстрого переноса на любые расстояния делает возможной радикальную децентрализацию любых процессов, включая производство, управление, образование и т.д. Вместо централизованных иерархических систем возникают *сети коммуникаций* и отношений, поддающиеся относительно легкой трансформации в зависимости от динамики задач и функций. Вместе с тем такая система коммуникаций сохраняет возможность государственных органов и финансовой олигархии манипулировать потоками информации.

Таким образом, новые информационные технологии, наряду с другими достижениями НТР, во многом меняют принципы

536

функционирования культуры, протекание и содержание духовных процессов, формы знания и типы мышления.

3. *Доступность и разнообразие информации*, получаемой по современным каналам массовой

коммуникации, приводят, с одной стороны, к значительной однородности всемирного культурно-информационного пространства, к ослаблению и снятию всех барьеров и «занавесов», а с другой — к огромному разнообразию этой информации, из которой человек может выбирать то, что отвечает его ориентации. Видеоконピューтерная и космическая связь доносит до человека наглядно и чувственно достоверные впечатления о самых различных обстоятельствах, явлениях, происходящих во всех странах и среди всех народов.

Однородность информационного пространства, однако, не навязывает принципиального сходства всех культур. Напротив, особую ценность приобретают черты несходства, несущие с собой дополнительную информацию, способную вызывать интерес в других местах информационной сети.

Экран, конечно, не исключает письменного текста, но дополняет его устной речью, видовыми изображениями, поведением изображаемых персонажей, анимационными методами, музыкальным звучанием и т.д. Кроме того, сам текст и любая программа становятся подвижными, многозначными и управляемыми. Вместо однозначного и однонаправленного потока информации от текста к культурному субъекту здесь возникают элементы диалога с экраном, что находит выражение, в частности, в компьютерных экзаменах, играх и т.п.

Ориентация на будущее. В постиндустриальном обществе преобладает ориентация на будущее. Отдавая должное прошлому и своей истории как пути, приведем к процветанию и снятию ненужных препон для развития, оптимистическая тенденция подчеркивает необходимость преодоления прошлого, его «сдачи в архив», с тем чтобы всецело посвятить себя будущему. Впрочем, прошлое может быть встроено в новый уклад жизни в стиле «ретро». Общество в целом должно строить сценарий будущего, правительство обязано планировать, корпорация должна иметь планы реконструкции в предвидении будущих изменений рынка, а каждый индивид обязан строить свою жизнь, исходя из соображений о карьере. Общество ставит перед собой все новые и новые цели, рационально рассчитывает пути и этапы продвижения к ним.

Отказ от такой установки со стороны правительства ведет его к поражению на выборах. Корпорация терпит убытки и разоряется. Человеку приходится сокрушенно выяснять, где и когда он не сумел сделать должный выбор. Эта установка воздействует как на

537

чувственную восприимчивость, так и на менталитет человека. Она структурирует сами его реакции, развивает склонность ловить новизну, избегать рутинных профессий, «чувствовать время», подчинять настоящее соображениям будущего.

Французский социолог А. Моль полагает, что с появлением масс-медиа прежнее культурное достояние общества или индивида утрачивает свое значение. Даже *базовая система образования*, принятая в обществе, также перестает играть прежнюю роль. Для рядового человека гораздо большее значение имеет сегодня не сумма знаний, полученных в семье, школе или колледже, а то, что он услышит по радио, увидит по телевизору или в кино, прочтет в афише или в газете, узнает из разговора с сослуживцами и соседями. В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей, составлявшая мировоззрение и структуру личности, заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют масс-медиа*.

Но это следует понять как отражение «технической» установки. Всеобщая компьютеризация отнюдь не будет означать устранения прежних форм передачи знаний и информации. Свою роль по-прежнему будут выполнять личностные формы трансляции культуры — от родителей к детям, от учителя к ученику. Сохранится и книжная культура или созерцание классического искусства, выражающего высокие образцы человеческого духа и высшие ценности. Но новая эра приведет к формированию иной структуры духовной жизни, в которой преобладающее место займут новейшие средства информатики.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Новая культурно-технологическая среда означает формирование новых требований к труду и новых трудовых ориентаций, соответствующих возросшим потребностям личности. Данный М. Вебером анализ ценностных ориентаций капиталистической предпринимательской деятельности относился к периоду становления эндогенного капитализма и раскрывал его культурный механизм. Современное буржуазное общество основывается уже на иных базовых ценностях, сохраняя, однако, генетическую преемственность с первоначальным социокультурным типом. Сам

* См.: Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973.

538

М. Вебер указывал на секулярный характер достигательных ориентаций западных предпринимателей и профессиональной этики. В. Зомбарт также констатировал существенное изменение типа личности буржуа в начале XX в. по сравнению с первоначальным типом. В конце XX в. социокультурные характеристики западного предпринимательства вновь претерпевают

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 2005 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

существенные изменения. Переживаемый в 70—80-х гг. научно-технологический переворот в производстве, бурный рост информационных и телекоммуникационных технологий не только изменил структуру и динамику экономики ведущих держав, но и повлек за собой существенные изменения в культуре труда и предпринимательства, сопряженные подчас с необходимостью пересмотра базовых ценностей.

Проблема, интенсивно обсуждаемая в западной культурологии, — это изменения в культурных ценностях, прежде всего в отношении к труду, семье и обществу. С конца 60-х гг. в развитых западных странах обычными стали сетования по поводу «смерти» трудовой этики, что выражалось в утрате моральной заинтересованности в труде, «диких» забастовках, росте абсентеизма, понижении производительности труда и т.д. Радикальные социологи рассматривали это явление с точки зрения реакции на отчуждение человека труда от процессов производства и полагали, что перемены могут быть достигнуты через революционное изменение буржуазных порядков. Именно в марксизме эти социологи черпали свои теоретические обоснования. Академическая социология видела в этом изменение нравов, поворот в культурных ориентациях, приводящий к смене «трудового общества» на «общество потребления» или же «информационное общество».

В декларациях представителей «контркультурной» ориентации (Ч. Рейч, Т. Роззак и др.) обращалось внимание на негативное отношение к труду прежде всего молодежи и маргинальных слоев. В этих декларациях была поставлена под сомнение всеобщая уверенность, что труд — основа социальной жизни индивида. Были размыты и стали неопределенными понятия трудовой этики, ценности труда, профессиональной ориентации. Труд перестал представлять собой ценность и стал рассматриваться только как средство заработать себе на жизнь, а значит — бессмысленное бремя или рутинное занятие.

Однако более умеренные социологи полагали, что негативное отношение относится не к труду как таковому, а к имперсональному, дегуманизированному, отчужденному труду в промышленных суперструктурах индустриального общества.

Академическая социология стала разрабатывать позитивные принципы изменения сложившейся ситуации. Обострившийся

539

интерес к ценностной стороне труда привел к «веберовскому ренессансу», возросшему вниманию к трудам знаменитого социолога в новой, постиндустриальной ситуации. Именно поддержание высокой трудовой морали и мотивации индивидуального участия в производстве, соединяясь с высокими технологиями, может обеспечить дальнейшее развитие. С этой целью расширяется система переподготовки кадров, идет постоянное переучивание работников, расширение возможностей образования.

В конце 60-х—70-е гг. в западной, особенно американской, литературе и общественной мысли стала проявляться озабоченность падением профессиональной и трудовой этики, ростом потребительства, культуры досуга в ущерб заинтересованности в труде как форме самореализации, особенно у молодежи. Эти процессы осознавались как конец «трудового общества» и «экономического человека», ориентированного на удовлетворение в первую очередь материальных потребностей и рассматривающего труд и предпринимательскую деятельность как основные формы существования, способы зарабатывания денег и обретения достатка и расширения финансовых возможностей. Интенсивное внедрение новых технологий, шедшее параллельно с реструктурированием экономики и сокращением занятости, привело к росту свободного времени и в обществе в целом и в ориентации значительных слоев населения на досуг как единственную форму неотчужденного бытия.

Помимо этого, внедрение информационных технологий и в особенности широкое использование персональных ЭВМ принципиально изменили характер труда. Для некоторых категорий трудящихся (включая предпринимателей) труд вернулся к индивидуальным творческим формам, приобрел качество свободного самовыражения, неподконтрольного внешнему центру. В век высоких технологий и качество человеческого фактора тоже должно быть высоким. Обостряющийся экологический кризис также настоятельно требует изменения концепций производства и потребления. На место «одномерному человеку» индустриального общества приходит «многомерный человек», потребности и ценности которого должны выйти за рамки потребления, который должен освободиться от господства материальных, экономических мотивов и стремиться к развитию собственных способностей и творческого потенциала, установлению гармонии в отношении с природой. Как отметил Э. Фромм в своей книге «Иметь или быть», чтобы общество и его производительные силы могли развиваться дальше, необходима смена ценностных приоритетов с «иметь» на «быть».

Таким образом, то, что первоначально воспринималось как упадок профессиональной культуры и трудовой этики, на деле ока-

540

зывается сменой ценностных ориентаций, изменением базовых мотиваций деятельности и

наделением профессионального труда принципиально иным смыслом — из способа зарабатывания денег он стал превращаться в форму самовыражения, человек стал ждать от профессии именно возможности реализации творческого, личностного потенциала. Отсюда — падение интереса к традиционным индустриальным формам труда, воспринимаемым как стандартные, монотонные, подконтрольные и нетворческие.

Строгая рациональность и аскетизм касаются непосредственно ведения дела, в то время как сама личность предпринимателя все больше освобождается от традиций и условностей, предаваясь свободному самовыражению в любых формах.

Необходимо уточнить, что это явление не всеобщее, и наряду с принятием внешних проявлений экстравагантности и нонконформизма воспроизводится и традиционный стиль, характерным примером чего является движение яппи — молодых профессионалов, в противоположность своим сверстникам — хиппи, битникам, рокерам и т.д., подчеркивающих свою приверженность не только деловой карьере, но и деловым костюмам, галстукам, престижным автомобилям, размеренному образу жизни и т.д. Современное западное — американское, европейское — общество, при безусловном росте терпимости, ревностно хранит чистоту нравов, покой и порядок, отводя нетрадиционным проявлениям локальные ниши.

Ценностная и нормативная системы культуры все больше усложняются, на первый план выходят те ценности, которые в индустриальном, «классическом капиталистическом» обществе находились на периферии культуры. Так, в современном обществе ведущее значение приобретает ценность здоровой экологии, чистой окружающей среды. Это является не только результатом естественной потребности человека в здоровом природном окружении, но и характеризует его стремление жить в гармонии с природой, восстановить нарушенный в период индустриализации экологический баланс. На более глубоком уровне это говорит о смене базовых ценностей западного общества — о переходе от покорения, насильственных волюнтаристских преобразований природы (веберовский вывод о протестанте как «орудии Бога», преобразующем греховный и несовершенный мир), неограниченной эксплуатации ее ресурсов к гармонии, сохранению, ненасилию. На место ценностей господства и обладания приходят ценности содержательного единства. Знамениты движения молодежного протеста 60—70-х гг., знаменовавшие отказ молодого поколения от потребительства, индивидуализма, его стремление к естественности, ненасилию, близости к природе.

541

Другим проявлением полиморфизма ценностей постиндустриального общества является интерес к малым традициям, локальной специфике образа жизни, мировоззрения разных народов и социальных групп. На место универсализации приходит «красота малого», признание достоинства и ценностного равноправия незападных культур. Западные интеллектуалы, указывая на необходимость смены ценностных ориентиров, все больше обращаются к духовным достижениям индуизма и буддизма, локальных культур малых этносов, раскрывающим содержание и механизмы философии и практики ненасилия и гармонии. И в предпринимательстве и производстве все большую ценность приобретают «малые формы», в отличие от массового стандартизированного производства приближенные к индивидуальному человеку, позволяющие подчеркнуть и раскрыть неповторимость личности, ее индивидуальные вкусы, взгляды, привязанности.

Базовые для предпринимательской деятельности ценности «индивидуализма — коллективизма» обнаруживают в условиях постиндустриального информационного общества противоречивую динамику. С одной стороны, усиливается индивидуализм, обусловленный индивидуальным характером труда в сферах информатики и телекоммуникаций, в микропредпринимательстве и научном творчестве. С другой стороны, именно в этих сферах, составляющих основу постиндустриального производства, занятый индивидуальным трудом работник (в широком смысле слова) оказывается включенным в сеть информационных связей, организованную и структурированную, изолированно от которой его работа невозможна и бессмысленна. Научные исследования, по самой сути своей основанные на индивидуальном творчестве, оказавшись в основе развития производства, также потребовали координации и выработки единой стратегии. Именно в постиндустриальном производстве встал вопрос о замене парадигмы менеджмента — переход от «философии контракта», основанной на индивидуализме, к «философии команды», предполагающей совместную работу во имя достижения общей цели.

К началу 90-х гг. развитие экономики США показало, что традиционные ценности индивидуализма, свободного предпринимательства, полностью независимого от контроля со стороны государства, свободной конкуренции, ориентации на прибыль, а не на социальную ответственность оказались неадекватными постиндустриальному высокотехнологическому и информационному развитию, и «рейганомика», основанная на этих идеях, привела страну к затяжному экономическому кризису и утрате лидирую-

542

щих позиций на мировых рынках и в мировой конкуренции ведущих экономических держав.

Производительный труд, связанный на новом этапе именно с капиталоемкими и наукоемкими процессами, труд предпринимателя, крупного инженера и профессионала, научного исследователя особенно необходим, связан с постоянно раскрывающимися новыми возможностями и ведет ко все новым перспективам. Но такой труд — *удел немногих*, а большинству все больше приходится довольствоваться либо рутинным трудом, либо вынужденным досугом и «расширенным потреблением». В дополнение к системе социального обеспечения стала быстро развиваться «индустрия культуры», нацеленная на то, чтобы занять *досуг людей*, чье участие в производительном труде стало резко ограниченным.

Вместе с тем все большее значение стало приобретать обеспечение «общества потребления», т. е. максимальное расширение доступа к товарам и услугам, вплоть до их *«демонстрационного навязывания»* потребителям и стимуляции спроса на товары, не имеющие достаточной функциональной пользы. Другая сторона такого потребления — *культ развлечений*, не ведущих к развитию личности, а лишь создающих некоторую замену функциональному участию в «большом бизнесе» и динамичных сферах материального или духовного производства. Этим целям может служить как «высокая, так и «массовая» культура.

Изменение характера производства, интеллектуализация труда и повышение уровня образования стимулировали *новое качество жизни*, включающее рост духовных потребностей, ищущих своей реализации в то время, которое свободно от производства с его практической рациональностью, обязательностью и расчетом. Это привело, среди прочего, к явлению, получившему название «возрождение искусств»*. В Западной Европе, США, Японии и других преуспевающих странах резко возросли *расходы на культуру*, что отражает новое стремление активной части общества пересмотреть смысл жизни с помощью искусства — старого и нового. За двадцать лет, с 1960 по 1980 г., численность рабочих и служащих в США выросла на 40%, в то время как количество художников, писателей и артистов подскочило на 144%. Около полутора миллиона американцев занято в сфере искусства, и в это число не входят те, кто занят менеджментом в сфере культуры или обслуживает ее индустрию. Соответственно значительно выросло и число учащихся всех возрастов.

* Этот термин используют Д. Нэббит и П. Эбурдин в книге «Мегатенденции: Год 2000». Из той же книги взяты и нижеследующие примеры.

543

О повышении уровня потребностей говорит и тот факт, что искусство все больше замещает спорт в качестве основного времяпрепровождения в часы досуга. В конце 60-х гг. американцы тратили на посещение спортивных состязаний времени в два раза больше, чем на культуру. В 1988 г. любители спортивных зрелищ потратили 2,8 миллиарда долларов, а за культурные мероприятия они заплатили 3,7 миллиарда долларов.

Этот ренессанс не ограничивается прежними крупнейшими центрами, такими как Нью-Йорк, Париж и Токио, он процветает в маленьких и средних городах. В 155 городах США работают 200 профессиональных театров и несколько сот трупп. В сезон 1987/88 г. состоялась 141 премьера, тогда как в сезон 1974/75 г. — только 16.

Несмотря на «компьютерную революцию», в 1988 г. в США было выпущено почти 55,5 тысячи новых названий книг и других изданий по сравнению с 41 тысячей в 1977 г. (хотя не все это имело отношение к литературе). Рынок бестселлеров постоянно расширяется.

С 1965 г. посещаемость музеев в США возросла с 200 миллионов человек до 500 миллионов человек в год. За тот же период в Японии построено больше 200 новых музеев. В Западной Германии только за последнее десятилетие их построено около 300. Самой посещаемой достопримечательностью в мире является не Тадж-Махал и Эйфелева башня, а Центр Жоржа Помпиду в Париже, названный так в честь французского президента и являющийся сокровищницей современного искусства. Его посещает 6 миллионов человек в год.

Культура пользуется высоким престижем, и ее язык проникает не только в рекламу, но и в деловое общение. Для поддержания своего престижа многие фирмы подчеркнуто расходуют значительные средства на спонсорскую поддержку искусства и науки. Помещения корпораций украшаются подлинными шедеврами искусства, покупаемыми на аукционах за громадные деньги.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В КУЛЬТУРЕ

Как полагают многие исследователи, с середины 70-х гг. в духовной жизни развитых стран, вступивших в постиндустриальную эпоху, отчетливо проявляется направление, получившее название постмодернизма*.

* Некоторые критики возводят появление постмодернизма в литературе к роману Д. Джойса «Поминки по Финнегану», вышедшему в 1939 г.

544

Это направление особенно заметно повлияло на идеологическую и религиозную жизнь, на литературу и искусство, на гуманитарное знание (постструктурализм). Постмодернистская мен-

тальность складывается как преодоление не только классических, но и модернистско-авангардных установок и ориентаций, как адаптация духовной деятельности к условиям зрелого демократического общества, отличающегося плюрализмом в самых разнообразных сферах бытия.

Попытка системного анализа постмодернизма затрудняется его крайним принципиальным разнообразием, сосуществованием различных творческих парадигм и подчеркнутым отрицанием стиля как принципа духовности. Поэтому во многих работах подчеркивается его «антиэстетический» характер, его деструктивность по отношению ко всем сколько-нибудь принятым общим принципам, его стремление к выявлению частностей культурной жизни, не поддающихся регуляции. Постмодернизм претендует на то, чтобы преодолеть эстетическую или рефлексивную дистанцию между культурой и практической жизнью, что нередко ведет к его обвинению не только в разрушении модернизма, но и саморазрушении. Подчеркнутая «антистильность», смешение жанров, фрагментарность в образных средствах, ирония и «банализация» этих средств — все это ведет к тому «дестрою» или «деконструированию», который должен подорвать и любые нормативные или смысловые элементы культуры. Отвергая всякую внешнюю принудительность, постмодернизм стремится устранить и трансцендентные измерения духовного бытия. Рассматривая постмодернизм как последовательное преодоление буржуазного духа, некоторые социологи видят в нем крайнее выражение тенденции к освобождению подсознательных инстинктов, и не только в сфере художественной культуры, но и реального поведения. Постмодернизм освобождает человека от какой-либо внешней регулирующей силы как в экономике или политике, так и в культуре.

В новой конструкции снимается «принудительность» прежнего культурного достояния, дискредитируется идея самодостаточности культуры как высшего выражения ценностей и смысла бытия. Отвергаются не только идеалы, но и сам принцип сохранения культурного наследия и самобытности культуры как некой устойчивой и определенной системы, основанной на накоплении, усложнении и иерархической организации культурного пространства.

В постмодернизме происходит и «освобождение от прогресса», от установки на восходящую линию общественного и культурного развития, должно осуществить власть над природными и социальными процессами, установить порядок и рационализи-

545

ровать человеческую деятельность. Поэтому постмодернизм отвергает и интернациональные стили в искусстве (архитектуре), подвергает сомнению веру в науку и технику, отдавая предпочтение локальным, оригинальным, многообразным формам жизнедеятельности. Отвергая правомерность универсальных форм рациональности, рожденных «духом индустриализма», постмодернисты утверждают равноценность различных культурных моделей, реабилитируют те из них, которым ранее отводился статус «низших», «примитивных», «архаических».

Постмодернизм не отвергает ни модернизм, ни любые другие культурные парадигмы, но ликвидирует ту статусную иерархию, вершину которой занимали творцы и эксперты, а массам приходилось «ютиться у подножья». Отвергается и различие между центром и периферией, между создателем культурных произведений и аудиторией и даже между совершенным или высоким в искусстве и случайным или повседневным. В этом течении отвергается «диктатура новизны и прогресса», отсутствует забота о чистоте художественного явления, допускается и даже поощряется сосуществование самых разнородных элементов. Как полагают постмодернисты, такого рода преодоление всех принудительных проявлений в культуре и означает подлинно демократическое принятие ценности человека в его данности, самом факте его эмпирического существования

КРИТИКА НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ В КУЛЬТУРЕ

Приведенным выше позитивным и апологетическим оценкам постиндустриального общества противостоят критические подходы к этому обществу. Эта критика разоблачает апологетику сторонников постиндустриального общества и выявляет несколько важнейших негативных аспектов присущей ему социокультурной системы. Прежде всего это манипулятивный характер этой системы. Видный канадский социолог Г. Маклуэна полагает, что технологические достижения «информационного» века привели к духовному обесцениванию прежней культуры, ее отстранению от основных сфер общественной жизни — к ущербу для духовного состояния человека. Конечно, новейшие достижения поражают воображение. Некоторые построения, казавшиеся мифическими и идеальными, оказались реализованными. В современном обществе человек может совершить больше, чем прежние культурные герои и полубоги. Реальность как бы превзошла в ряде отношений культурные идеалы, отодвинув большей частью высшие ценнос-

546

ти, которые прежде были объектом безумных и напрасных стремлений. Однако значимая содержательная деятельность, полноценное осуществление внутренних потребностей становятся доступными относительно небольшому кругу людей. Остальная масса населения отторгается от такого участия и превращается в пассивную массу, используемую для функционирования финансово-

технологической системы. Однако десакрализация отношения к миру и обществу, упадок идеальной, возвышенной, романтической стороны жизни сопровождается ее банализацией, «обуржуазиванием», подчинением законам рынка, превращением в товар. Прежняя символика и образность, выражавшие высокие и часто недостижимые идеалы, превращаются в продукт массового духовного освоения, но освоения мнимого, ограниченного аудиовизуальным знакомством. Идеалы превращаются в продукт массового духовного потребления, но не освоения. Происходит «материализация идеалов», их превращение либо в средство пропаганды, поддержания дисциплины, либо в повод для досуга. Прежняя критическая и возвышающая функция этого искусства и литературы, «несчастное сознание» и «утраченные грезы», преданы забвению, и такой ценой они превращены в предмет *повседневного, заурядного потребления*, средство стилизации деловых и светских отношений, никоим образом не вносящих разлад в эти отношения. Капиталистическое общество обнаруживает способность к поглощению прежних ценностей, их перевариванию и адаптации к потребностям поддержания статус-кво. Прежние жизненные конфликты и несбывшиеся надежды или возвышенные стремления, приводившие к трагедии, которые постигали Ромео и Джульетту, Отелло и Дездемону, мадам Бовари или Анну Каренину, подлежат «вытеснению» через различные формы «принятия действительности» в процессе расширенного потребления или курса психоаналитического лечения. Тем самым подрывается не только значение стиля прежнего искусства, но и сама сущность прежней культуры.

Критики коммерциализации культуры настаивают на том, что всеобщее образование, дешевые издания классиков, долгоиграющие пластинки и компактные диски или видеоплееры действительно приближают высокое искусство к широким массам, однако ценой превращения его в придаток рыночно-технологической регуляции человеческих отношений. Новейшие специальные технологии в различных сферах регуляции позволяют манипулировать поведением и менталитетом широких слоев населения, превращать людей в «зомби», определять потребительский спрос на товары и услуги, миграционные потоки, поведение избирателей во время выборов, психологическое состояние и т.д.

547

Претензии социальных наук на деидеологизацию общественной жизни оборачиваются внедрением манипулятивных технологий, включающих широкую сеть всепроникающих масс-медиа, рекламу, политические и психологические компании, информационные продукты и т.д.

Неприятие негативных последствий постиндустриального общества порождает различные движения *контркультуры*, устойчиво расширяющие число своих последователей, начиная с послевоенного поколения битников и хиппи. Отсутствие реального прогресса в отчуждающем характере труда, глобальное разрушение природной среды, распространение новейших видов оружия, возрастание жестокости и равнодушия в отношениях между людьми, бессилие парламентской демократии в устранении господства политической олигархии, продолжающиеся национальные и религиозные конфликты — все это заставляет сторонников контркультуры искать иные, альтернативные пути, основанные прежде всего на подлинно человеческих ценностях, хотя бы и в узких рамках последователей различных движений. Альтернативные движения выступают как практическая критика современных общественных систем за самостоятельное участие каждого сторонника такого движения, налаживание постоянных форм солидарности, предполагающей уважение к внутренней свободе и плюрализму мнений, за новые формы кооперации в труде и человеческих отношениях, осмысленное соединение труда и досуга, пренебрежительное отношение к материальному успеху, вещизму и чрезмерному потребительству.

Альтернативные формы жизнеустройства весьма различны:

1. Экологические движения.
2. Утопические коммуны, построенные на принципах общего бюджета, отрицания парной семьи, коллективном воспитании детей.
3. Организации, возникающие на основе различных импортированных восточных мистических учений (дзэн-буддисты, общества трансцендентной медитации, кришнаиты, группы йоги, последователи Раджнеша и т.д.).
4. Авангардные течения, связанные с поклонением музыкально-эстрадным типам массовой культуры.

Приверженцы контркультуры — обычно молодежь, как водится, из числа среднего класса, отрицающая культурные аспекты господствующей системы, так и выходцы из менее обеспеченных слоев, оказывающиеся лишенными устойчивого места в новой системе отношений. В 50—60-х гг. заметная часть молодежи предпочитала мирный эскапизм, отход от нормативного и еще представлявшегося функциональным буржуазного порядка. Позднее альтернативные движения стали оказывать заметное воздействие на западное

548

общество. Социологи по-разному оценивают эти течения. Некоторые склоняются к их критике, усматривая в них выражение настроения духовно опустошенных слоев, ищущих компенсации в добровольной отверженности, в пассивном неприятии действительности, в освобождении от

нормативной морали и достижительных ориентаций. Однако среди альтернативных течений заметное место занимают и радикальные группы, выступающие за революционное изменение существующих порядков и обращающиеся к идеям Маркса, Ленина, Бакунина, Маркузе и Че Гевары. Противовесом левому радикализму становятся неоконсервативные тенденции, направленные на стабилизацию общественного сознания, потерпевшего заметный ущерб в период расцвета контркультуры.

Другие исследователи указывают на то, что в среде контркультуры возникают и позитивные направления: в защиту окружающей среды (движение «зеленых»), за демилитаризацию и де-бюрократизацию общества, за создание более человеческих отношений между людьми, гуманизацию образования и воспитания, внедрение более здорового образа жизни, питания, психической тренировки и т.д.

В противовес экстенсивному наращиванию потребления сторонники альтернативных культурных ориентаций особое значение придают качеству, экологической чистоте, безопасности для здоровья потребляемых продуктов. На первый план все больше выходит не просто недостаток и возможность приобретения предметов потребления, но их качество и соответствие принципам здорового образа жизни. Престижно уже не просто иметь дом, машину, покупать дорогие продукты и т.д., но жить в экологически чистом и тихом районе, иметь машину, соответствующую стандартам охраны окружающей среды, не курить, заниматься спортом и следовать нормам правильного питания. И такое более «простое и естественное» потребление оказывается теперь дороже, чем «традиционное» престижное потребление.

Характерной чертой постиндустриального общества и культуры постмодерна является полиморфизм ценностей и социальных статусов. Перед человеком раскрывается более разветвленная сеть возможностей добиться признания и престижа: можно продвигаться вверх по «лестнице» предпринимательской, общественной, политической карьеры, можно заниматься индивидуальным творчеством в науках и искусстве, совершенствоваться в спорте и т.д. В молодости многие отдают дань молодежным субкультурам типа хиппи, увлечениям эзотерическими восточными культурами, видя в них альтернативу прагматизму и индивидуализму западной культуры, возможность развития духовного потенциала, сближения с

549

другими людьми и с природой. В целом в обществе растет терпимость к внешней экстравагантности, проявлениям неординарного поведения, необычности одежды и внешнего облика, если это не мешает преуспеваю в науке и бизнесе.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Не только внутренние противоречия подрывают оптимистические прогнозы апологетов постиндустриального общества. Все шире разворачивается его критика именно с позиций неприемлемости тех издержек, которые несет такого рода глобализация разным составным частям мирового сообщества. Критики указывают прежде всего на то, что такого рода процессы являются не только наследием колониализма и внутренней слабости многих незападных стран, но и результатом их подчиненности тому глобальному порядку, который обеспечивает доминирующее положение и выгоду именно наиболее развитым странам, прежде всего США. Этот порядок основан на гегемонистском контроле за мировыми ресурсами, высокими технологиями и финансовыми потоками, что обеспечивает процветание некоторых стран и угнетенное положение других и приводит к глубоким разрывам и разделенности мира. Доминирование ведущих центров Запада в глобальной информационной сети и индустрии культуры усиливает их влияние в духовной жизни самых различных стран.

Многие мыслители современности настаивают на том, что устройство более устойчивого и перспективного постиндустриального мира потребует фундаментального изменения самих его оснований. Это прежде всего изменение технологических оснований экономической деятельности, ограничение того расточительного отношения ресурсам планеты, которое чревато всеобщей катастрофой, отказ от деятельности, наносящей ущерб экологической среде и условиям человеческого существования. Однако такие изменения могут быть осуществлены лишь через основательную трансформацию глобальной культуры, прежде всего той, которая выступает как доминирующая. Культура в целом должна отказаться от установки на расточительное потребление, от пренебрежения человеческими, моральными и экологическими издержками развития, обратиться к перспективным принципам устройства общества, обеспечивающим расширение количества населения, имеющего достойные условия существования, и духовную деятельность, направленную на достижение высших смыслов человеческого бытия.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ИЛИ РЕФЕРАТОВ С ПРИМЕРНЫМИ ВОПРОСАМИ

К НИМ И ЛИТЕРАТУРОЙ

Темы, помеченные звездочкой*, не получили самостоятельного освещения в тексте учебника и предлагаются для самостоятельного изучения.

ОБЩАЯ СПРАВОЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Культурология. XX век. Словарь. — СПб., 1997. Культурология. XX век. Энциклопедия. — СПб., 1998. — Т. 1—2. Современная западная социология. Словарь. — М., 1990. Философская энциклопедия. — М., 1964. — Т. 3; 1967. — Т. 4; 1970. — Т. 5. Философский энциклопедический словарь. — М., 1988. Энциклопедический словарь по культурологии. — М., 1997. Антология исследований культуры. — М., 1997. — Т. 1—2. Антология культурологической мысли. — М., 1996. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. — М., 1996. Культурология. Учебник для студентов технических вузов/Под ред. Н.Г. Багдасарьян. — М., 1998. *Мамонтов С.П.* Основы культурологии. — М., 1994. *Рождественский Ю.В.* Введение в культурологию — М., 1996. *Соколов Э.В.* Культурология. Очерки теории культуры. — М., 1994. Также журналы: «Вопросы философии», «Общественные науки и современность» («ОНС»), «Мировая экономика и международные отношения» («МЭМО»), «Политические, исследования» («Полис»), «Свободная мысль», «Социально-политический журнал» («СПЖ»), «Социологические исследования» («Социс»), и др.

Тема I. Социальная культурология как специальная дисциплина

Различия в понимании культуры как отражение ее многообразия. Философский, гуманитарный и социологический подходы

551

к изучению культуры. Чем отличается «вживание» в явления культуры и их аналитический разбор, Основные задачи социальной культурологии: изучение структуры и динамики духовной жизни общества; многообразия и специфики различных культур: социальных функций религии: идеологии: художественной культуры, взаимодействия между культурой и другими компонентами социальной деятельности (экономикой и политикой), отношений между различными культурами.

Место социальной культурологии в комплексе культурологических и социологических дисциплин.

Практическое применение социального анализа и социологических методов при анализе культурных процессов и явлений?

Антология исследований культуры. Т. 1-2. — М., 1997. (Гл. 1-2). *Александрова Е.Я., Быковская И.М.* Культурологические опыты. — М., 1996. *Давидович В.Е., Жданов Ю.А.* Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1979. *Лосев А.Ф.* Философия, мифология, культура. — М., 1991. *Каган М.С.* Философия культуры. — СПб., 1996. Культура: теории и проблемы. — М., 1995. *Межуев В.М.* Актуальные проблемы теории культуры. — М., 1983. Морфология культуры: Структура и динамика/Под ред. Э.А. Орловой. — М., 1994. *Сакулин П.Н.* Филология и культурология. — М., 1990. *Соколов Э.В.* Понятие, сущность и функции культуры. — М., 1990. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. *Ортега-и-Гассет.* Эстетика. Философия культуры. — М., 1991. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. — М., 2000. *Франк И.* Занимательная культурология. — М., 1994. *Франк СЛ.* Духовные основы общества. — М., 1992. Человек и социокультурная среда. — М., 1994.

Тема II. Этапы становления социальной культурологии (по вариантам)

- а) Просветительское отношение к культуре, его значение и социальные рамки.
- б) Значение этнографических исследований для развития культурной антропологии. Методы изучения культуры, используемые в этнографии.
- в) Формирование и содержание структурно-функционального подхода к изучению культуры. Методы структурного функционализма, его достижения и критика.

552

- г) Психоаналитические концепции культуры. Соотношение рационального и иррационального в духовных процессах. Концепции З. Фрейда и К. Юнга. Работы Э. Фромма.

ЛИТЕРАТУРА

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М., 1993.
Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства (глава «О культуре»). - М., 1994.
Боголюбова Е.В. Культура и общество. — М., 1978.
Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества.— М., 1977.
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. — М., 1990.
Додольцев Р.Д. Концепция культуры З. Фрейда. — М 1989.

- Иконникова С.Н.* История культурологии: Идеи и судьбы. — СПб., 1996.
 История буржуазной социологии XIX — начала XX в. — М., 1979.
 История немарксистской социологии в западной Европе и США. — М., 1991.
Кассирер Э. Опыт о человеке. — М 1993.
 Культура: Теории и проблемы/Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. — М., 1995.
 Культурология. XX век. — М., 1995.
Малиновский Б. Научная теория культуры // Вопросы философии, № 2.
Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994.
 На переломе. Философские дискуссии 20-х гг. — М., 1990.
Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. — М 1977.
 Психоанализ и культура. — М., 1995.
 Самопознание европейской культуры XX в. — М., 1991.
 Современная американская социология. — М., 1994.
Сорокин П.А. Социологические теории современности. — М., 1993.
Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992.
Токарев Э.Б. История зарубежной этнографии. — М., 1978.
Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. — М., 1989.
Тэн И. Чтения об искусстве. СПб., 1912.
Тэн И. Философия искусства. — М., 1997.
Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. — М 1992.
Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. — М., 1992.
Фромм З. Душа человека. — М., 1993.
Юнг К. Архетип и символ. — М., 1991.

Тема III. Концепция М. Вебера и ее значение для социальной культурологии

М. Вебер о роли духовных факторов в хозяйственной деятельности. Веберовское понимание «идеальных моделей» в культуре. Веберовская концепция рациональности. М. Вебер о духовных факторах становления капитализма. Веберовский метод сопоставления культур. Теоретическое содержание веберизма.

553

ЛИТЕРАТУРА

- Зарубина Н.Н.* Социокультурные основы хозяйства и предпринимательства. — М., 1998.
Вебер М. Избранное. Образ общества. — М., 1995.
Вебер М. Избранные произведения. — М., 1991.
Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. — М., 1991.
Зомбарт В. Буржуа. — М., 1994.

Тема IV. Социология и социологизаторство в изучении культуры

Принципы классового анализа искусства и литературы в марксистской литературе в первые десятилетия XX в. Основные положения работ Плеханова, Ленина, Луначарского, Богданова. Школа вульгарного социологизаторства. Редукционизм базисно-надстроечной концепции культуры. Смысл «теории двух культур в каждой нации» и «идеологической борьбы двух систем» в сфере культуры.

Леворадикальная социология культуры на Западе и ее критика духовных и социальных основ буржуазного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольдов А.И.* Социалистическая культура: Теория и жизнь. — М., 1993.
Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. — М., 1987.
Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. — М., 1997. Культура и идеологическая борьба. — М., 1979.
В.И. Ленин о культуре. — М., 1985.
Ленин В.И. О пролетарской культуре. Полн. собр. соч. — Т. 41.
Лившиц М.А. Карл Маркс: Искусство и общественный идеал. — М., 1972.
Луначарский А.В. Диалог об искусстве // Собр. соч. — М., 1967. Т. 7.
Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. В 2-х т. — М 1967. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. — М., 1990.
Петросян Г.М. Две культуры: два взгляда. — М., 1987.
Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства. В 2-х т. — М., 1978 (статья «Искусство и общественная жизнь»)
Тэн И. Философия искусства. — М., 1996.
Фриче В.М. Проблемы искусствознания. — М.—Л., 1930.

Тема V. Культура как система духовного производства

А. Понятие человеческой деятельности и совокупного производства как производительной деятельности. Различие между природными, технологическими, социальными и духовными компонентами производства. Духовное производство как создание, хранение, распространение и потребление культурных норм, ценностей, знаний и значений. Материальные предпосылки духовного производства. Специфика духовного производства. Самостоятельность духовного производства и его взаимодействие с хозяйственной деятельностью, социальными отношениями и политикой.

Б. Социальные условия культурного творчества. Роль гениальности и среды в формировании культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов С.Ф. Духовные ценности: Производство и потребление. — М., 1988.
 Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии, 1989, № 2.
 Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии, 1993, № 1/2.
 Вебер М. Избранные произведения. — М., 1991.
 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
 Злобин Н. С. Культура и духовное производство // Проблемы теории культуры. — М., 1980.
 Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980.
 Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М., 1980.
 Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. — М., 1982.
 Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. — М., 1963. — Т. 2.
 Ильенков Э.В. Философия и культура. — М., 1991.
 Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. — Л., 1991.
 Каган М. С. Философия культуры. — М., 1996.
 Миронов В.В. Техника и человек. Историко-культурный аспект. — М., 1988.
 Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии, 1993, № 7.
 Проблемы философии культуры. — М., 1984.
 Сарингулян К. С. Культура и регуляция деятельности. — Ереван., 1986.

Тема VI. Культурные факторы хозяйственной деятельности

А. Социокультурный подход к хозяйственной деятельности. Что такое «дух предпринимательства»? Влияние ценностей и норм на экономическую деятельность. Значение ценностного отношения к труду и богатству. Этика как фактор экономического роста.

Б. Смена основных типов хозяйственной деятельности и трудовых ориентаций в доиндустриальном и индустриальном обществе. Противоречия в отношении к хозяйственной деятельности со стороны предпринимателей и наемных работников. Пути решения этих противоречий.

В. Почему необходима нравственная регуляция хозяйственной деятельности? Возможно ли экономика вне морали и каковы ее последствия? Этические компоненты хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев А.М. Предпринимательство: Проблемы собственности и культуры. — М., 1991.
 Апресян Р. Ценностные контрверзы предпринимательства // Общественные науки и современность, 1993, № 2.
 Барышников М.Н. История делового мира России. — М., 1994.
 Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М., 1990.
 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
 Деловая культура российского общества. Материалы «круглого стола» // Общественные науки и современность, 1993, № 3—4.
 Дикарева А.М., Мирская М.И. Социология труда / Уч. пособие. — М., 1989.
 Замошкин Ю.А. Бизнес и мораль // Философские исследования. 1993, № 12.
 Зарубина Н.Н. Социокультурные основы хозяйства и предпринимательства. — М., 1998.
 Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М., 1994.
 Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М., 1980.
 Капица В.Ф. Культура труда как производительное творчество человека. Киев, 1989.
 Михайлова Л.И. Социология культуры. — М., 1999.
 Отчуждение труда: история и современность. — М., 1989.
 Русская философия собственности. XVIII—XX. — С.-Петербург, 1993.
 Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты // Вопросы
 Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

философии, 1992, № 1.

Франк С.А. Духовные основы общества. — М., 1992.

Хзарджян С. Этика бизнеса. — М., 1992.

Тема VII. Значение культурных норм в социальной регуляции

В чем отличие аффективного и культурно-регулируемого поведения? Нормы как средство сотрудничества и общения людей. Классификация норм по сферам деятельности. Нормы поведения. Нормы хозяйственной деятельности. Ролевые функции и ролевые конфликты. Нормотворчество, нормативная избыточность и нарушение норм. Как происходит смена норм в жизни общества?

Тема VIII. Ценности в системе социальной регуляции

Что такое культурные ценности? Соотношение понятий «ценности», «идеалы», «интересы». Классификация ценностей. Содержание ценностей в разных культурах: семья, богатство, труд. Практицизм как культурная ценность.

Механизм действия ценностей. Соотношение ценностных ориентаций и средств их реализации. Ценностные конфликты. Аномия

556

как расхождение между ценностными мотивациями и возможностями.

Художественная литература о роли ценностей в жизни человека и общества.

Тема IX. Проблема преемственности в культуре

Разнообразие функций культуры. Роль культуры в сохранении и передаче накопленного опыта. Культура как хранитель времени и памяти общества. Насколько «надежна» общественная память? Средства обеспечения памяти и принципы ее изменения. Рамки традиции как механизма преемственности. Соотношение традиций и принципа самобытности культуры.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ VII-IX

Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. — М., 1998.

Аргил М. Психология счастья. — М., 1990.

Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблемы социологии и метафизики техники // Вопросы философии. — 1989. — № 2.

Бобнева М.И. Социальные нормы и регулирование поведения. — М., 1978.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. — М., 1988.

Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. — М., 1991.

Гудков Л. Культура повседневности в новейших социологических теориях. Обзорная информация. — М., 1988.

Гусейнов А.А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990, № 5.

Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. — М., 1987.

Егоров А.Г. Социология и культурно-эстетическое развитие общества // Социологические исследования. 1990, № 2.

Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. — М., 1974.

Каган М.С. Мир общения. — М., 1985.

Каган М. С. Искусство // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.

Классика и современность. — М., 1991.

Культура, традиции, образование. Ежегодник. Вып. 1. — М., 1990.

Культурные ценности: прошлое и современность. — М., 1988.

Лапицкий В.В. Наука в системе культуры. — Псков, 1994.

Мень А. Культура и духовное восхождение. — М., 1986.

Лотман Ю.М. Избранные статьи. — Таллинн, 1992. — Т. 1.

Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования, 1992, № 2, 3, 4.

Мораль: сознание и поведение. — М., 1986.

Наука и нравственность. — М., 1971.

Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.

Поликарпов В.С. Время и культура. — Киев, 1984.

Рациональное и эмоциональное в морали. — М., 1983.

Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования, 1993, № 3.

Сноу Ч.П. Две культуры. — М., 1973.

557

Савранский И.Л. Коммуникативно-эстетические функции культуры. — М., 1979.

Соколов Э.В. Культура и личность. — М., 1972.

Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. — М., 1991.

Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. — М., 1976.

Токарев С.А. Обычаи и обряды народов мира. — М., 1991.

Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. — М., 1987.

Шацкий Е. Утопия и традиция. — М., 1990.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. — СПб., 1998.
Элиаде М. Священное и мирское. — М., 1987.

Дискуссионная литература

Налимов В.В. В поисках новых смыслов. — М., 1993.

Тема X. Культура и смыслы человеческого бытия

А. Значения как элементы культуры. Роль культурных значений в ориентации человеческой жизни и деятельности. Сферы обозначивания: природа, предметный мир и духовная жизнь. Проблема сохранения и изменения значений. Кто «обозначивает» мир? Экзистенциальные смыслы человеческого бытия.

Б. Язык, символика, знаковые системы как носители культурных значений.

Тема XI. Роль культуры в процессах социализации

А. Многообразие функций культуры. Культурные механизмы социализации. Нормы и значения как средства социализации человека на разных этапах его жизни. Статусное значение культурных норм в разной социальной среде: феодальной, буржуазной, социалистической. Противоречия между внешними формами и реальными функциями в культурном общении.

Б. Роль этикета в разной социальной и культурной среде. Статусное использование культуры в условиях массового производства. Мода и престижное потребление как символы статуса. Ролевая символика в молодежных и гендерных субкультурах.

В. Роль повседневности в процессах социализации.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ X-XI

- Багдасарьян Н.Г.* Язык культуры // Культурология. Под ред Н.Г. Багдасарьян. — М., 1988.
Гудков Л. Культура повседневности в новейших социологических теориях. Обзорная информация. — М., 1988.
 558
Зись А.Я. В поисках художественного смысла. — М., 1991.
Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. — М., 1982.
Лотман Ю.М. Избранные статьи. — Таллинн, 1992. — Т. 1.
Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. — М., 1970. - Т. 5.
Мантатов В.В. Образ, знак, условность. — М., 1980.
Охлябинин С.Д. Честь мундира. — М., 1991.
Петров М.К. Язык, знак, культура. — М., 1991.
Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. — 1990. — № 5.
Франк СЛ. Смысл жизни // Вопросы философии. — 1990. — № 6.
Франк СЛ. Человек в поисках смысла. — М., 1994.
Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990
Фромм Э. Иметь или быть? — М. 1990.
Худенко А.В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. — 1993. — № 4.
Чернов Л.Ф. Знаковость. — СПб., 1993.
Шутц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. - 1986. - № 3.
 Этика и ритуал в традиционном Китае. — М., 1986.

Тема XII. Знания как элемент культуры

А. Разнообразие знаний, используемых человеком. Типы знаний. Отмирают ли «донаучные» типы знаний? Гносеологические, социальные и личностные стороны познавательного процесса. Какая «реальность» выражается в знании? Соотношение между знанием и верой. Существует ли «объективная истина»? Что такое «религиозные знания» и «эзотерические знания»?

Б. Роль информатики в современном мире. Новые информационные технологии и социокультурные последствия информатизации. Концепция М. Маклуэна о роли средств коммуникации.

В. Эзотерические знания в мистических течениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Трушин Б.* Мнения о мире и мир мнений. — М., 1987.
 Заблуждающийся разум. Многообразие ненаучного опыта. — М., 1990.
Коробейников В. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. - М., 1981.
Маклуэн М. С появлением спутника планета стала глобальным театром // Кен-тавр, 1994, № 1.
Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994.
 Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Поланьи М. Личностное знание. — М., 1986.

Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. — М., 1978.

Розин В.М. Эзотерический мир // Общественные науки и современность. — 1992. — № 4.

Пукшанский Б.Л. Обыденное знание. — Л., 1989.

559

Розин В.М. Научное познание и художественное постижение как явления культуры // Социально-политический журнал. — 1993. — № 8.

Пружинин Б.И. Астрология: наука, псевдонаука, идеология? // Вопросы философии. — 1994. — № 2.

Тема XIII. Телесность и культура. Эрос и культура

Роль культуры в формировании человеческой телесности. Типы телесности в культуре разных народов.

Влияние культурной символики и ценностей на спорт.

Роль культуры в формировании любовных отношений. Социокультурные механизмы в формировании гендерных и возрастных отношений.

Мораль и красота в любви. Любовные мотивы в классической художественной культуре.

Мотивы любви-секса в массовой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Альберони Ф. Дружба и любовь. — М., 1990.

Андреева И.С. Семья. — М., 1990.

Бердяев М.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. — М., 1989.

Быковская И.М. Человеческая телесность в социокультурном измерении. — М., 1993.

Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. — М., 1993.

Лев-Старович З. Секс в культуре мира, — М., 1989.

Мир и эрос. Антология философских текстов о любви // Сост. Р.Г. Подольный. — М., 1991.

Розин В.М. Природа сексуальности // Вопросы философии, 1993. № 4.

Розин В.М., Шапинская Р. Природа любви. — М., 1993.

Русский эрос или Философия любви в России // Ред. Г.И. Дзюбенко. — М., 1991.

Соловьев В. Смысл любви // Соч., т. 1. — М., 1988.

Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. — 1991. - № 8-9.

Философия любви // Ред. Д.П. Горский. — М., 1990.

Фромм Э. Искусство любви. — М., 1992.

Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: В 3-х т. — 1993—1994.

Также журналы «Азия и Африка сегодня», «Физкультура и спорт».

Тема XIV. Игровая функция культуры

Многообразие функций культуры. Природа и значение игры как функции культуры, явления культуры. Принципы игрового поведения: наличие правил, обособленность во времени и пространстве от ос-

560

тальной деятельности. Развлекательные, состязательные, священные варианты игры. Игра и праздничное действие.

ЛИТЕРАТУРА

Апокриф 2: культурологический журнал. — М., 1993.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1965; 1995.

Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смеховой мир древней Руси. — Л., 1976.

Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. — Л., 1988.

Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992.

Тема XV. Мифология в системе культурной регуляции

Характер мифологического сознания. Смыслоорганизующая и познавательная роль мифологии. Мифология в разные периоды развития культуры. Мифология в древности и в современной жизни. Художественная, политическая и социальная мифология. Причины устойчивости мифологического сознания.

Социокультурные функции магии.

ЛИТЕРАТУРА

- Голан А. Миф и символ. — М., 1994.
 Гуревич П. С. Мифология наших дней // Свободная мысль. — 1992. — № 11.
 Гуревич П. С. Социальная мифология. — М., 1983.
 Иорданский В.Б. Хаос и гармония. — М., 1982.
 Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия. — М., 1984. — Т. 3.
 Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. — М. 1991.
 Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. — М., 1992.
 Мелетинский Е.М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. — М., 1993.
 Мифологический словарь. — М., 1990.
 Пивовоев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991.
 Токарев С.А., Мелетинский Б.М. Мифология // Мифы народов мира. — М., 1980. — Т. 1 (также и другие статьи из // Мифы народов мира. Т. 1, 2.).
 Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов — М., 1989.
 Фрейд Э. Тотем и табу. — М., 1992.
 Фромм Э. Забытый язык // Э. Фромм. Душа человека. — М., 1992.
 Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М., 1980.
 Шестаков В. Мифология XX века. — М., 1988.
 Элиаде М. Космос и история. — М., 1987.
 Юнг К. Архетип и символ. — М., 1991.

561

Дискуссионная литература

- Василенко Л.И. Магия: старое зло или новое благо? // Вопросы философии. — 1994. - № 2.
 Пружинин Б.И. Астрология: наука, псевдонаука, идеология? // Вопросы философии. - 1994. - № 2.

Тема XVI. Культура и религия

В чем отличие социологического и культурологического понимания религии от религиозного и нравственно-этического?

Место религии в системе культуры. Градация священного - светского. Исторические типы соотношения сакрального и светского в культуре. Соотношение веры и знания в религиозном сознании. Соотношение эмоционального и рационального в религиозной жизни. Нормативное и ценностное значение мировых религий. Социальные функции религиозного спасения. Интегративная роль религий. Динамика религиозного сознания. Роль мистических течений. Реформаторские принципы в различных религиях. Судьбы религии в современном мире. Структура изменений в массовой духовной жизни.

Религия и атеизм как формы духовности. Содержательные и знаковые стороны атеистической идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л.С. История религий Востока. — М., 1983.
 Вивекананда. Необходимость религии // Азия и Африка сегодня. — 1992. — № 9.
 Гараджа В.И. Религиоведение. — М., 1994.
 Гараджа В.И. Социология религии. — М., 1996.
 Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? — М., 1984.
 Гуревич П. С. Мистика как культурная традиция // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5.
 Джемс Ц. Многообразие религиозного опыта. — М., 1994.
 Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. Очерки общей теории. — М., 1990.
 Карпушин И. Искусство и религия. — М., 1991.
 Кимелев Ю.А. Современная западная философия религий. — М., 1989.
 Культура, нравственность, религия. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии, 1989, № 11.
 Культурология // Под ред. Н.Г. Багдасарьян. — М., 1998. (Темы 8-9. Религия и наука в контексте культуры. Техника как социокультурное явление.)
 Мень А. Культура и духовное восхождение. — М., 1992.
 Митрохин Л.Н. Философия религии. — М., 1993.
 Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в XX в. Религия и атеизм. — М., 1993.
 Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии // Под ред. В.И. Га-раджи. - М., 1996. Ч. 1-11.
 Токарев С.А. Религия в истории народов мира. — М., 1986.
 Философия эпохи ранних буржуазных революций. — М., 1983.
 Христианство. Словарь. — М., 1986.

562

Христианство. Энциклопедия. — М., 1997. — Т. 1-3. Элиаде М. Священное и мирское. — М., 1994.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Яблоков И.Н. Социология религии. — М., 1979. Яковлев Е.Р. Искусство и мировые религии. — М., 1985. Также публикации в журнале «Наука и религия» и др.

Тема XVII. Культура и идеология

Антропологический и социологический подходы к идеологии. Идеология — источник заблуждений или отражение социальных потребностей и интересов различных общностей, слоев и групп населения? Идеология как средство манипуляции общественным сознанием. Функции идеологии в советском обществе. Содержание и механизм идейного плюрализма.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. — М., 1980.
 Козлова О.Н. К вопросу о деидеологизации // Социально-политический журнал. - 1992. - № 6-7.
 Козлова О.Н. Развитие идеологий и социальные конфликты // Социологические исследования, 1993, № 4.
 Косолапов Н.А. Интеграционная идеология для России // Вопросы философии. — 1994. - №1.
 Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. — М., 1991.
 Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. — 1992. — № 1—2.
 Шацкий Е. Утопия и традиция. — М., 1990.

Дискуссионная литература

Пастухов В.Б. «Новые русские»: появление идеологии // Политические исследования. — 1993. — № 3.

Тема XVIII. Художественная культура как предмет социологического анализа

Функции художественной культуры. Эстетический и социологический подходы к литературе и искусству. Социальные функции художественной культуры. Социальная структура художественной жизни.

Т. Адорно и его социология музыки.

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т. Введение в социологию музыки. — М., 1999. Андреев А.Л. Место искусства в познании мира. — М., 1980.
 563
 Гачев Т.Д. Образ в художественной культуре. — М., 1981.
 Гончаренко Н. Гений в искусстве и науке. — М., 1991.
 Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Рейтблат И. Книга — чтение — библиотека: Зарубежные исследования по социологии литературы. — М., 1982.
 Гудков П. Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. — М., 1994.
 Журавлев В.В. Мир художественной культуры. — М., 1987.
 Зись А.Я. В поисках художественного смысла. — М., 1991.
 Искусство в системе культуры. — Л., 1987.
 Искусство и общение. — Л., 1984.
 Канторович В.Я. Литература и социология. — М., 1984.
 Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
 Литература и социология. — М., 1977.
 Мейлах Б. С. Художественная картина мира: Вопросы комплексного изучения. — М., 1983.
 Народные знания, фольклор, народное искусство. — М., 1991.
 Персе Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. - Л., 1980.
 Рябов В. Социальная природа искусства: к спорам о предмете искусства. — Л., 1982.
 Сохор А.И. Социология и музыкальная культура. — М., 1975.
 Сталь Ж. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. — М., 1989.
 Тельчарова Р.А. Музыка и культура. — М., 1985.
 Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование. — Л., 1984.
 Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологическое исследование. — Л., 1986.
 Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. — М., 1992.
 Фохт-Бабушкин Ю.У. (ответ. ред.) Художественная культура и развитие личности. - М., 1987.
 Фохт-Бабушкин Ю.У. Художественная культура: проблемы изучения и управления — М., 1986.

Тема XIX. Наука в системе культуры

Наука как выработка и систематизация объективных знаний о действительности. Какое знание

считать объективным? Научные критерии достоверности. Научное знание и техническая функциональность. Соотношение науки и религии, знания и веры. Соотношение науки и морали: причины взаимного противостояния. Наука, техника и жизненные ценности.

Наука в цивилизациях Запада и Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А.* Человек и машина // Вопросы философии. — 1989. — № 2.
Бернал Дж. Наука в истории общества. — М., 1956.
Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. — М., 1976.
 564
Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. — Ростов-на-Дону, 1992.
Григорьев В.М. Наука и техника в контексте культуры. — М., 1989.
Кареве Н.И. О духе русской науки // Русская идея. — М., 1992.
Келле В.Ж. Наука как компонент социальной системы. — М., 1988.
Кесарева Л.М. Социокультурный генезис науки нового времени. — М., 1989.
Кун Т. Структура научных революций. — М., 1975.
Мамчур А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. — М., 1987.
Мамардашвили М. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. — М., 1982.
Миронов В.В. Техника и человек. Историко-культурный аспект. — М., 1988.
Мирская Е.З. Механизмы восприятия и оценки нового знания в науке // Вопросы философии. — 1977. — № 12; 1979. — № 5.
 Наука и ее место в культуре. — Новосибирск, 1990.
 Наука и культура. — М., 1984.
 Наука и нравственность. — М., 1971.
 Наука, техника и культура: проблемы гуманизации и социальной ответственности. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 1989. — № 10.
Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — М., 1979.
 Современная западная социология науки: критический анализ. — М., 1988.
 Социокультурные факторы развития науки. Сб. научно-аналитич. обзоров ИНИОН, - М., 1987.
Тавризян Г.М. Техника, культура, человек // Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX в. — М., 1986.
 Теория и жизненный мир человека. — М., 1993.
 Философия техники в ФРГ. — М., 1989.
Фролов И. Т., Юдин Б.Б. Этика науки. — М., 1986.

Дискуссионная литература

- Филатов В.П.* Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. — 1990. — №5.
Холтон Дж. Что такое антинаука? // Вопросы философии. — 1992. — № 2.

Тема XX. Политическая культура в системе социальной регуляции

А. Содержание политической культуры и ее отличие от политической системы. Основные варианты политической культуры, их связь с политической историей и культурной системой данного общества. Основные характеристики либеральной и авторитарной моделей политической культуры. Влияние культуры на легитимность политической власти.

Б. Принципы и содержание культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.
 565
Бурлацкий Ф., Галкин А. Современный Левиафан. — М., 1985, гл. 4.
Гаджиев КС. Основы политологии. — М., 1994.
 Культура и политика в странах Азии и Африки. (Отв. ред Б.С. Ерасов) — М., 1986.
Лукин Ю.А. Культура и культурная политика. — М., 1992.
Манхейм К. Проблема интеллигенции: Демократизация культуры. — М., 1993.
Панарцн А.С. Политология. — М., 1997.
 Политическая культура: Теория и национальные модели. — М., 1994.
 Социальные идеалы и политика в меняющемся мире. — М., 1992.
Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность, 1994, № 5.

Тема XXI. Социокультурные основы власти и права

Нормы, мораль и право. Роль права в нормативной регуляции общества. Основные механизмы права. Культурные основания права. Особенности правовой культуры в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Ильин И.А.* О сущности правосознания. — М., 1993.
Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994.
Михайлов И.Ф. Социокультурные основания властных отношений // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. — М., 1989.
Мишин А.А., Бабабашев Г.В. Государственное право буржуазных и развивающихся стран. Учебное пособие. — М., 1989.
Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. — М., 1992.
Хойман СЕ. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Сов. государство и право. — М., 1991. — № 1.

Тема XXII. Культурные факторы формирования личности

- Место личности в системе духовной регуляции общества.
 Различия в подходе к личности в разных культурных системах Запада и Востока.
 Основные этапы и типы социализации личности.
 Какие изменения вносят факторы модернизации в процессы социализации личности? Характерные особенности маргинальной личности, социальные причины маргинальности. Концепция авторитарной личности в работах Т. Адорно.

ЛИТЕРАТУРА

- Адорно Т.* Избранные произведения. — М., 1999.
Замошкин Ю.А. За новый подход к проблеме индивидуализма // Вопросы философии. — 1989. — № 6.
 566
 Квинтэссенция. Философский альманах. — М., 1990.
 Квинтэссенция. Философский альманах 1991. — М., 1992.
Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. — М., 1984.
Кон И.С. Социология личности. — М., 1967.
Кон И.С. Открытие «Я» — М., 1978.
Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. — 1993. — № 3.
 Роль духовной культуры в развитии личности. — Л., 1979.
Серов Н.К. Личность и время. — Л., 1989.
 Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. — М., 1990.
Печчеи А. Человеческие качества. — М., 1990.
Соловьев Э. С. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. - М., 1991 (С. 403-430).
Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993.
Фромм Э. Душа человека. — М., 1993.
Фромм Э. Человек для себя. — М., 1993.
Шапиро Э.М. Культура и личность. — М., 1989.
Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969.
 Человек в зеркале культуры и образования. 1989.
 Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры., — М., 1990.
 Художественная культура и развитие личности. — М., 1987.

Тема XXIII. Культура как фактор этнической и национальной интеграции

- Многообразие классификаций культуры. Культура социально-исторических общностей: этнос, нация и цивилизация. Характеристики этнической культуры. Устойчивость и адаптивность этнических общностей. Роль дифференцирующих факторов. Функциональные рамки этнической культуры. Нация и культура. Культура как фактор коммуникативной общности в национальной жизни. Культурные механизмы национальной консолидации. Культурные рамки нации и проблема межнационального общения.

- Этнодифференцирующие и интегрирующие аспекты культуры. Полиморфизм национальной культуры как фактор развития общества. Принципы межэтнического и межнационального культурного общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов СА.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 3.
Арутюнов СА. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.
Арутюнов СА. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. — М., 1979.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М, 1983.
Бромлей Ю.В. Этнонациональные процессы в СССР: в поисках новых подходов. — М., 1988.
Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». — М., 1994.
 Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

567

Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. Духовная культура и этническое самосознание. — М., 1990.

Лурье С. В. Историческая этнология. — М., 1997.

Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.

Мыльников А. С. Основы исторической типологизации культуры. Уч. пособие. — Л., 1979.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. — М., 1988.

Национальный вопрос в СССР. — М., 1991.

Татунц С. А. Наступит ли «осень национализма»? — М., 1998.

Тишков В. А. Очерки теории и политика этничности в России. — М., 1997.

Фомичев П. Н. Социологические теории национализма. — М., 1991.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. — М., 1971.

Этнические процессы в современном мире. — М., 1987.

Дискуссионная литература

Абдулатипов Р. Г. Природа и парадоксы национального «Я». — М., 1991.

Вишневский А. Г. Единая и неделимая // Политические исследования. — 1994. — №2.

Галкин А. Суперэтнизм как глобальная проблема // Свободная мысль. — 1994. — №5.

Полемика между Бромлеем Ю. и Гумилевым — Л. // Вопросы философии, 1989, № 5, 12.

Тишков В. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 3.

Хесле В. Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Политические исследования. — 1996. — № 6.

Чешко С. Архетипы сознания и реальности бытия // Общественные науки и современность. — 1992. — № 6.

Юсуповский А. М. От национального кризиса к национальному созреванию: в поисках адекватной модели // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5.

Также материалы журнала «Этнографическое обозрение».

Тема XXIV. Культурные основы мировых цивилизаций

Определение цивилизации. Значение культуры в формировании цивилизации. Плюрализм мировых цивилизаций. Социокультурные функции цивилизации: дифференциация, интеграция и преемственность. Духовная и социальная структура цивилизации. Религия и цивилизация. Роль государства в цивилизации. Историческая динамика цивилизаций. Мировые цивилизации Запада и Востока.

Современные цивилизационные процессы в мире.

ЛИТЕРАТУРА

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. — М., 1986-1992.-Т. 1-3.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа.— М., 1994.

Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. Очерки общей теории. — М., 1990.

Сорокин П. А. Современные социологические теории. — М., 1993.

568

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Отв. ред. В. С. Ерасов. — М., 1998.

Тойнби А. Постигание истории. — М., 1882.

Формация или цивилизация? — М., 1993.

Цивилизации. Отв. ред. М. А. Барг. Вып. 1-5. — М., 1993, 1995, 1997, 1999.

Цивилизации и культуры. Научный альманах. (Под ред. Б. С. Ерасова) Вып. 1-3, 1994, 1995, 1996.

Тема XXV. Динамика культуры

Различие между формационным и социологическим подходами к объяснению культурных изменений. Понятия «прогресса» и «отсталости» в культуре. Принцип самостоятельности эволюции каждой культуры. Роль преемственности в культуре. Социологический смысл понятия «традиция». Что такое «культурная самобытность»?

Тема XXVI. Эволюция и цикличность в культурной динамике

Типы культурных изменений. Соотношение изменений и устойчивости в культуре. Значение эволюции; Содержание эволюционного развития. Что такое культурное наследие? Циклические изменения в культуре и их измерение во времени. Инверсия как вариант цикличности. Социокультурные характеристики революции.

Тема XXVII. Культурное наследие и культурная эволюция

Значение культурного достояния, его содержание и механизмы сохранения. Идеологические

интерпретации наследия. Проблема возрождения в разных культурах. Культурное наследие в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ XXV-XXVII

- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.
Гончаренко Н.В. Диалектика прогресса культуры. — Киев, 1987.
Гумилев Л. Ритмы Евразии? Эпохи и цивилизации. — М., 1993. Динамика культуры: теоретико-методологические аспекты. — М., 1989. *Ерасов Б. С.* Религия, культура и цивилизация на Востоке. Очерки общей теории. - М., 1990.
 Классическое наследие и современность. (Под ред. Д. С. Лихачева) — Л., 1981.
 569
 Культурное наследие народов Востока и современная идеологическая борьба. - М., 1987.
Лихачев Д.С. Проблемы изучения культурного наследия. — М., 1985.
Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — Таллинн, 1992.
Майданов А. С. Искусство открытия. Методология и логика научного творчества. — М., 1993.
Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия // Социальные проблемы инноватики. — М., 1989.
 Проблемы культурного наследования в философской теории и практике современного Запада. — М., 1989.
 Самосознание европейской культуры XX века. — М., 1991.
Сорокин П. Кризис нашего времени. Диагноз кризиса // П. Сорокин. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992.
 Социодинамика культуры. Вып. 1. Концептуальные основы социологического анализа культурных изменений. — М., 1991.
 Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Отв. ред. В.С. Ерасов. — М., 1998.
Ширшое И.Е. Динамика культуры. — Минск, 1980.
 Факторы и механизмы развития культуры. — М., 1984.
 Цикличность // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

Тема XXVIII. Государство как социокультурный институт

Роль государства в поддержании культурной жизни общества. Противоречия государственного регулирования сферой культуры. Принципы и механизмы государственного управления культурой.

Роль ЮНЕСКО как межгосударственного органа регуляции культурной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурлацкий Ф., Галкин А.* Современный Левиафан. — М., 1985, гл. 4.
Гаджиев К.С. Основы политологии. — М., 1994.
Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства. — М., 1992.
 Культура и политика в странах Азии и Африки. (Отв. ред. В.С. Ерасов) — М., 1986.
 Журналы «Культуры», «Курьер ЮНЕСКО» и др. публикации ЮНЕСКО.

Тема XXIX. Образование как социокультурный институт*

ЛИТЕРАТУРА

- Бестужев-Лада И.В.* К школе XXI века. — М., 1988.
 Культура, традиции, образование. Ежегодник. Вып. 1. — М., 1992.
Козлова О.Н. Национальные модели воспитания и гуманизм. — М., 1993.
 570
Мудрик А.В. Социализация в смутное время. — М., 1991.
Нечаев В.Я. Социология образования. — М., 1992. Новый человек и школа будущего. — М., 1989.
Саймон Б. Общество и образование. — М., 1989.
Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. — М., 1989.
Филиппов Ф.Р. Социология образования. — М., 1990.
Харчев Л.Г. Социология воспитания. — М., 1990.

Тема XXX. Интеллигенция и духовное производство

Интеллигенция как ведущий слой в духовном производстве. Факторы, формирующие ориентацию и деятельность интеллигенции. Проблемы и противоречия в деятельности интеллигенции. Интеллигенция, культура и власть.

ЛИТЕРАТУРА

В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. — М., 1992.

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Интеллигенция и общественный прогресс в развивающихся странах — М., 1981 (раздел «Интеллигенция и культура»).

На перепутье (Новые веки). — М., 1999.

Народ и интеллигенция. — М., 1991.

Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. — М., 1998.

Солженицын А.И. Образованщина // Из-под глыб. — М., 1992. Или // Новый мир. — 1991.-№5.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. — СПб., 1992. — Т. 1, 2.

Дискуссионная литература

Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. — 1992. — № 5.

Тема XXXI. Управление культурными процессами

А. Проблема управления культурой? Основные институты, регулирующие культурную деятельность: государство, церковь, образование, рынок.

Б. Интеллигенция и институты управления культурой.

В. Государственные принципы и механизм управления культурой. Г. Культура и рынок. Влияние коммерциализации на культуру.

Меценатство и фонды как формы регуляции культурной деятельности и жизни. Конкурсы. Опыт различных стран в государственной и рыночной регуляции культуры.

Д. Современная индустрия культуры. Культурный менеджмент и «шоу-бизнес».

571

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Л., Дубин Б. Конец харизматической эпохи. Печать и изменения в системах ценностей общества // Свободная мысль. — 1993. — № 5.

Дискин И.Е. Культура: стратегия социально-экономического развития. — М., 1990.

Культура и политика в странах Азии и Африки. — М, 1986.

Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. Сб. статей. - М., 1979.

Зоркая Н.М. Уникальное и тиражированное. — М., 1980.

Культурная деятельность. Опыт социологического исследования. — М., 1981.

Куценко В.А. Культура: испытание рынком // Социально-политические науки. — 1991. — № 12.

Рыбаков Ф. Ф. Культура в условиях рыночной Экономики // Российский экономический журнал. — 1992. — № 12.

Социальное проектирование в сфере культуры: методологические проблемы. — М., 1986.

Социодинамика культуры. Вып. 2. Социокультурная дифференциация. — М., 1993 (Ин-т социологии).

Социология культуры. Методология и практика культ.-просвет. деятельности. - Л., 1982.

Социология культуры. Методология комплексного социологического исследования. — М., 1980.

Социология культуры. Принципы организации комплексного социологического исследования. — М., 1980.

Социология культуры. Проблемы социальных показателей развития культуры. - М., 1982.

Фохт-Бабушкин Ю.У. Художественная культура: проблемы изучения и управления. — М., 1986.

Экономика культуры. Проблемы теории и практики. — М., 1987.

Дискуссионная литература

Гудков Л. Общество — культура — человек // Свободная мысль. — 1991. — № 7. Культура — рынок (Круглый стол) // Свободная мысль. — 1991. — № 8.

Онуфриенко Г. На перепутье. Развитие культуры и механизмы власти // Свободная мысль. — 1991. — № 15.

Также новые публикации в журналах «Социологические исследования» и др.

Тема XXXII. Социокультурные принципы доиндустриального общества

Различие типов социальности: межличностные отношения и товарно-денежные связи. Соотношение принципов солидарности и антагонизма в доиндустриальном обществе. Культурные основы социальной иерархии. Представления о богатстве, труде и власти в доиндустриальном обществе.

Тема XXXIII. Социокультурная структура западной цивилизации

Христианство и культура Запада. Аристократическая культура. Народная культура Европы. Структура духовной жизни. Соотношение религии и государства. Городская культура Западной Европы и социально-культурная роль бюргерства.

Какие изменения повлекла за собой религиозная реформация? Этические принципы частной собственности и предпринимательства. Этические основы отделения религии и государства. Социо-

культурный плюрализм и формирование гражданского общества. Историческое своеобразие западной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМАМ XXXII-XXXIII

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984.
 Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего меньшинства. — М., 1990.
 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Изб. произведения. — М., 1990.
 Драгунский Д.В., Цымбурский В.Л. Генотип европейской цивилизации // Политические исследования. — 1991. — № 1.
 Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. — М., 1982.
 Иванов В.Г. Этика средневековья. — Л., 1983.
 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М., 1992.
 Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения — М., 1982. (Введение и Общая характеристика эстетики Возрождения). С. 11—46, 79—137.
 Осовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. — М., 1987.
 Философия эпохи ранних буржуазных революций. — М., 1983.
 Фролова М.А. Западная цивилизация — доминанты становления и развития // Социально-политический журнал. — 1993. — № 12.
 Хейзинга И. Осень Средневековья. — М., 1989.

Тема XXXIV. Социокультурные характеристики индустриального общества

А. Капитализм и культура. Социокультурные следствия преобладания материально-технологических факторов производства. Функциональность предметного мира. Рациональность предметной деятельности. Принципы организации духовной культуры. Функциональные ценности индустриального общества. Социокультурные противоречия капитализма.

Б. Капитализм и национальная культура. Рост просвещения и развитие массового образования. Образование национального языка-

573

ка и художественной культуры. Принцип реализма. Гражданское общество и культура.

ЛИТЕРАТУРА

- Добрянское В.И., Радугин А.А. Христианская теология и революция. — М., 1990.
 Зомбарт В. Современный капитализм. — М., 1992.
 Маркс К. Капитал. Т. 1. - М., 1973 (гл. 14).
 Маркузе Г. Одномерный человек.: Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М., 1994.
 Маркузе Г. Человек в индустриальном мире. — М., 1993.
 Новая технологическая волна на Западе. — М., 1986.
 Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. — М., 1991.
 Проблема человека в западной философии. (Сост. П.С. Гуревич.) — М., 1988.
 Савицкая Т.Е. Человек в культуре современного Запада. — М., 1989.
 Современные концепции культурного кризиса на Западе. — М., 1976 (Реф. сб. ИНИОН).
 США глазами американских социологов. — М., 1988.
 Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.
 Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990.
 Человек: образ и сущность. — М., 1993 (ИНИОН).
 Художественная культура в капиталистическом обществе. Структурно-типологические исследования. — Л., 1986.
 Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. — М., 1985.

Тема XXXV. Массовая культура: содержание и социальные функции

Массовое общество и его культура. Технологические и социальные факторы, формирующие массовую культуру. Духовные аспекты массовой культуры. Функциональная ориентация. Функции массовой культуры: адаптация или манипуляция? Апологетика и критика массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. — М., 1980.
 Ашин Г.К. Буржуазная массовая культура. — М., 1988.
 Борее В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. — М., 1986.
 Гофман А.В. Дилеммы подлинные и мнимые, или о культуре массовой и немассовой // Социологические исследования. — 1990. — № 8.
 Кухаркин А.В. Буржуазная массовая культура. — М., 1985.
 Кухаркин А.В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. — М., 1977.
 Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 295 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Культура и идеологическая борьба. — М., 1979.

Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. — М., 1987.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. — 1989. — № 3, 4.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. — М., 1991.

574

Разлогов К.Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? — М., 1992.

Разлогов К.Э. и др. Дар или проклятье: Проблемы массовой культуры. — М., 1994.

Разлогов К.Э. Феномен массовой культуры // Культура, традиция, образование. Ежегодник. Вып 1. — М., 1990.

Семенов В.Л. Массовая культура в современном мире. — СПб., 1991.

Смольская Е.П. Массовая культура: развлечение или политика? — М., 1986.

Тартаковская И.Н. Феномен бестселлеров и массовая культура // Социологический журнал. 1994, № 1.

Терин В.П. Этот телевизионный мир. — М., 1992.

Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990.

Шестаков В. П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». — М., 1988.

Эскарпи Р. Революция в мире книг. — М., 1975.

Также новые публикации в журналах «Вопросы литературы», «Социологические исследования» и др.

Дискуссионная литература

Козлова Н.Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов/Общественные науки и современность. — 1994. — № 3.

Что нам Марианна? // Знание—сила. — 1993. — № 9.

Тема XXXVI. Взаимодействие культур

А. Уровни и механизм взаимодействия культур. Условия, влияющие на межкультурные контакты: степень готовности к восприятию и адаптации инородных элементов, политический контекст, характер контактов. Факторы, способствующие взаимному обогащению. Факторы конфликтности. Содержание «культурного империализма» и принципы борьбы за культурную самобытность.

Б. Современные тенденции межкультурного общения. Содержание международной культуры. Принципы культурной самобытности, право на самоопределение, диалог культур.

В. Межкультурное взаимодействие и диалог как фактор гармонизации международных отношений. Проблема мультикультурализма.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. — М., 1989.

Взаимодействие культур Запада и Востока. — М., 1987.

Завадская Е.В. Культура Востока в современном западном мире. — М., 1977.

Иконникова Н.К. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования — 1995. — № 8.

Каган М.С., Хилтухина Е.Г. Проблема «Запад-Восток» в культурологии. — М., 1994.

Курьер ЮНЕСКО: Антология. — 1990.

Культура в странах Азии и Африк / Отв. ред. Б.С. Ерасов. — М., 1986.

Культура и политика в странах Азии и Африки. Отв. ред. Б.С. Ерасов. — М., 1984.

575

Культуры: Диалог народов мира. — Париж, ЮНЕСКО, 1982-1986.

Малахов В.С. «Война культур» или интеллектуалы на границах // Октябрь. — 1997. - № 7.

Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. — 1997.-№11.

Ситарам К., Когделл Г. Основы межкультурной коммуникации // Человек. — 1993. - № 2-4.

Страны и народы. Т. 1. Земля и человечество. — М., 1978.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1. (См. также «Общественные науки и современность», 1995, № 3.)

«Цивилизационная модель международных отношений и ее импликации. (Научная дискуссия в редакции «Полиса») // Полис. — 1995. — № 1.

Фаликов Б.З. Неиндизм и западная культура. — М., 1993.

Чельшев ЕЛ. Сопричастность красоте и духу. Взаимодействие культур Запада и Востока. — М., 1991.

Также новейшие публикации в журналах «Азия и Африка сегодня», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Курьер ЮНЕСКО» и др.

Тема XXXVII. Социокультурные факторы модернизации

Сущность модернизации. Культурные факторы в процессах модернизации. Противоречия модернизационного процесса. Значение содержание принципов культурной самобытности. Социокультурные изменения в развивающихся странах; симбиоз, синтез, конфликт традиций и

Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, 296 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

современности. Изменения в религиозной жизни незападных обществ. Характер социокультурной реакции на противоречия модернизации.

Место интеллигенции в процессах модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. — М., 1982.

Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободен. — Спб., 1995.

Красильщиков В.А. Модернизация в России на пороге XXI века // Вопросы философии. — 1993. — № 7.

Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста. Развитие человека и экономический прогресс Запада, 1994.

Модернизация в России и конфликт ценностей (Отв. ред. Матвеева С.Я). — М., 1993.

Общественная мысль развивающихся стран. — М., 1988. — Гл. 12.

Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. — М., 1983. - Гл. XII-XIII.

Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Т. II. Раздел «Теория современности». — М., 1994.

Старостин Б.С. Освободившиеся страны: общество и личность. — М., 1984.

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. — М., 1997.

576

Тема XXXVIII. Социокультурные характеристики России

А. Этнические истоки культурного разнообразия России. Православие в структуре духовной жизни. Государство как формообразующее начало в социокультурной жизни. Противоречия русской культуры. Русские мыслители о противоречиях русской культуры (Бердяев, Лосский, Ильин, Федотов).

Сложилось ли в русской культуре ценностно-смысловое ядро? Поликонфессиональность российского общества. Противоречия модернизации. Роль русской интеллигенции. Инверсионный характер перемен в России.

Б. Социокультурное размежевание в социалистической революции. Социокультурные характеристики и структура советского общества. Механизм государственно-партийной системы. Культурные аспекты национального устройства. Причины и характеристики застоя в советском обществе.

В. Культурные факторы процессов модернизации в России. Преобразования в политической и хозяйственной культуре. Культурное обновление и сохранение самобытности. Роль культурных заимствований. Плюрализм социокультурных процессов и проблема обустройства России.

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. В 3 т. — М., 1991. — Т. 1. Новосибирск, 1997.

Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России. Философский аспект. — М., 1992. (И другие публикации А.С. Ахиезера)

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.

Бердяев Н.А. Русская идея. — М., 1990.

Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1990.

Биллингтон Дж. Ирония русской истории // Социум. — 1991. — № 10/11.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. В 2 частях. — М., 1994.

Гулыга А. Русская идея и ее творцы. — М., 1995.

Из глубины. Сб. статей о русской революции. — М., 1990.

Из-под глыб. — М., 1992.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. — М., 1997.

Культура в советском обществе. Проблемы и перспективы развития. — М., 1988.

Лихачев Д.С. Земля родная. — М., 1983.

Лосский Н.О. Характер русского народа. — М., 1990.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т.— М., 1993—1995.

Мир России — Евразия. Антология. — М., 1995.

Никольский Н.М. История русской церкви. — М., 1988.

Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. — М., 1995. (И другие публикации А.С. Панарина)

577

Пути Евразии. — М., 1992.

Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. Под ред. В.В. Ильина. — М., 1996. Русская идея. — М., 1992. Русский строй — М., 1997.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. — М., 1996.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию. — М., 1990.

Федотов Т.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1, 2.

Дискуссионная литература

- Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность — М., 1994.
Зиновьев А.А. Русский эксперимент. — М., 1995.
Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса IX— начала XX в. — М., 1991.
Кожин В. Судьба России. 1990. «Вторая Европа» или «Третий Рим» (Парадоксы европеизма в современной России) // Вопросы философии. — 1996. — № 10.
Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М., 1998. Пути Евразии — М., 1992.
 Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. — М., 1998.
 Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М., 1993.
 Русская цивилизация и соборность. Сост. Е.С. Троицкий. — М., 1994.
Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. — М., 1996.
 Цивилизации и культуры. Научный альманах // Под ред. В.С. Ерасова. Вып. 1—3. — М., 1994-1996. Новые публикации по этой теме можно найти практически во всех журналах.

Тема XXXIX. Социокультурные характеристики постиндустриального общества

Влияние новых технологий на дифференциацию производства и потребления. Последствия массового образования и влияния средств массовой коммуникации. Индустрия культуры. Плюрализация социальных отношений и политической жизни. Новый облик культурной жизни общества. Рост полиморфизма и ускорение темпов изменений. Новые ценностные ориентации и отношение к труду. «Раздвоение» культуры: принципы рациональности и эффективности против ориентации на гедонизм и развлечение.

Сущность постмодернизма в искусстве. Контркультура и альтернативные движения.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. — М., 1994.
Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М., 1993.
Борее В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. — М., 1986.
Деррида Ж. Постсовременное состояние. — М., 1994.
Зыбайлов Л.К., Шапинский В.А. Постмодернизм, — М., 1993.
Иноземцев А.А. За пределами экономического общества. — М., 1998.
 578
Кнабе Г.С. Феномен рока и контркультура // Вопросы философии, 1990, № 8.
 Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Социологические исследования. — 1991. — № 10.
 Кризис современной цивилизации: Выбор пути. — М., 1992.
Мельвил А.Ю., Разлогов К.Э. Контркультура и «новый консерватизм». — М., 1981.
Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможности и реальность // Политические исследования. — 1993. — № 3.
Моисеев Н.Н. XXI в. — век свершений // Политические исследования. — 1993. — №4.
Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973.
 На путях постмодернизма. — М., 1995.
 Научно-технический прогресс. Словарь. — М., 1987.
 Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
Нэбитт Д. и Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы? Мегатенденции. Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. — М., 1992.
Пестель Э. За пределами роста. — М., 1988.
Печчи А. Человеческие качества. Изменившееся положение человека в мире. — М., 1985.
Поляков Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. — М., 1990.
 Постмодернизм и культура. (Ин-т философии АН СССР) — М., 1991.
Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. — М., 1991.
 США глазами американских социологов. Политика, идеология, массовое сознание. — М., 1988.
Тоффлер О. Столкновение с будущим // Иностранная литература. — 1972. — № 3.
Тоффлер О. «Третья волна» // США: экономика, политика, идеология. — 1982. — № 7-11.
Федотова Л.Н. Массовая информация. Стратегия производства и тактика потребления. — М., 1996.
Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. — 1992. — №4.
 Человек и общество в эпоху глобальных перемен. — М., 1993.
Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Знамя. — 1996. — №3.

Дискуссионная литература

- Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: «Экономическое чудо» как воплощение мировой культуры // Полис. — 1996. — № 6.
 XXI век: конец культуры? Дискуссионная трибуна // Москва. — 1998. — № 9.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПО ПРЕДМЕТУ «СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

1. В чем различие между обыденным и научным пониманием культуры? Гуманитарный и социологический подходы к культуре.
2. Основные задачи социологии культуры как специальной дисциплины.
3. Какое значение имеют культурные нормы в жизни общества? Какие существуют типы норм? Проблема соблюдения и нарушения норм.
4. Что такое ценности? Назовите основные типы ценностей. Выявление ценностей в художественной культуре.
5. Труд и богатство как ценности в разных культурах.
6. Как соотносятся нормативно-ценностные ориентации и жизненные условия? Что такое аномия?
7. Знания как элемент культуры. Какие выделяют типы знаний? Как соотносятся знание, информация и мнение?
8. Значения как элемент культуры. Значения предметного мира и смыслы человеческого бытия. Как формируются значения?
9. Раскройте содержание основных функций культуры в общественной жизни.
10. Культура в функции поддержания преемственности. Соотношение традиций и изменчивости в культуре. Что такое самобытность?
11. Содержание и механизм коммуникативной функции культуры. Типы культурной коммуникации. Язык как средство коммуникации.
12. Социализирующая функция культуры. Использование культуры как престижного средства в разных социальных группах.
13. Культурное значение досуга.
14. Игровая функция культуры. Концепция Хейзинги «человека играющего».
15. Содержание и структура многообразия культуры. Раскройте разнообразие культуры разных народов. Как регулируется многообразие?
16. Доиндустриальный /традиционный/ и индустриальный /товарно-денежный/ тип социальности и их культурные характеристики. К.Маркс о «товарном фетишизме».

580

17. Культурно-исторические общности: этнос, нация и цивилизация.
18. Классификация мировых цивилизаций. Основные характеристики и функции цивилизаций.
19. Социокультурные характеристики нации. Существует ли «национальный характер»?
20. Мифология как компонент культуры. Как действует мифологическое сознание? Может ли культура обойтись без мифологии?
21. Соотношение культуры и религии. Градация сакрального и светского. Почему возникают противоречия между сакральным и светским началами в культуре?
22. Какие функции выполняют мировые религии в духовной жизни с точки зрения социологии? Типы мировых религий. Социальная и духовная структура мировых религий.
23. Какое ценностное и стилевое влияние оказывают мировые религии на художественную культуру?
24. Динамика культуры. Варианты изменений в состоянии культуры и движущие силы этих изменений.
25. Значение культурного наследия, формы обращения к нему различных культурных движений.
26. Содержание циклических процессов в культуре. Время как категория культуры. Формы измерения времени.
27. Социальные институты, обеспечивающие культурную деятельность. Роль государства в регуляции культурной жизни. Принципы государственной культурной политики.
28. Образование как институт культуры. Место образования в поддержании, расширении и дифференциации культурной жизни.
29. Интеллигенция как ведущий слой в духовном производстве. Место интеллигенции в общей системе социальной деятельности. Противоречия в деятельности интеллигенции. Интеллигенция и власть.
30. Динамика культуры в западной и восточных цивилизациях. Причины застоя восточных цивилизаций.
31. Специфика западноевропейской цивилизации. Соотношение религии и государства. Основные компоненты культуры средневековой Европы. Характер городской культуры в Европе.
32. Содержание религиозной реформации в европейской культуре. Социальные и культурные последствия реформации. М. Вебер о роли протестантской этики в становлении капитализма.
33. Социокультурные принципы индустриального общества. С какими ценностями соотносится частная собственность и техническое производство? Критика культурных основ капиталистического общества.
34. Роль культурных факторов в предпринимательской деятельности и в мотивации трудовой деятельности.
35. Противоречия между научно-технической и нравственно-эстетической сторонами жизни индустриального общества. Отражение этих противоречий в художественной культуре.
36. Взаимодействие культур. Уровни и принципы взаимодействия. Типы взаимодействия. Причины межкультурных конфликтов и пути утверждения межкультурного взаимопонимания.

581

37. Что такое модернизация? Как проявляется модернизация в культуре? Основные противоречия модернизации и судьбы культуры.
38. Содержание и роль массовой культуры. Позитивная и критическая оценка массовой культуры.
39. Культура и рынок. Влияние рыночных отношений на художественное творчество и культурную жизнь. Коммерциализация культуры. Принципы функционирования меценатства и фондов в сфере культуры.
40. Социокультурные особенности России. Н.Бердяев о противоречиях русской культуры.
41. Социокультурные аспекты модернизации российского общества. Проблема приобщения к культуре Запада и

сохранения культурной самобытности.

42. Что такое постиндустриальное общество и каковы его культурные характеристики?

43. Какие последствия для культуры имеет развитие новой информационной технологии?

44. Каково знаковое и социальное содержание постмодернистских тенденций в культуре?

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Азиатский способ производства» - 347, 456
- Аккультурация - 299, 424, 437-446
- Амбивалентность — 160, 340—341
- Аналитический подход к культуре — 25-30
- Аномия - 215-218, 398-399, 514
- Антропология культурная — 21
- Базар -315
 - и межличностное общение — 333
 - как явление культуры — 306—307
- Буддизм - 352, 355-367, 472, 473
- Вера религиозная (см. Спасение религиозное) — 360—362
- Взаимодействие культур — 418—453
 - в колониальных условиях — 422— 432
 - и конфликт культур — 440—441
 - и симбиоз культур — 463
 - и синтез культур - 466
 - межнациональное — 423
 - межцивилизационное 375-376, 423-428
 - межэтническое — 422
 - механизм взаимодействия - 424
 - самобытности и современности (см. Модернизация) — 454
 - структура взаимодействия - 420
- Взаимопонимание культурное - 442—454
- Возрождение культуры (см. Динамика культуры) - 278-303
 - возрождение в европейской культуре - 289, 384
- Время
 - как фактор культуры — 22-23
 - и цивилизация - 278, 286-289
- Государство в функции институтов культуры — 304
 - в традиционной системе отношений — 304—307
 - и государственная культурная политика — 310—316
- Гуманитарное культуроведение — 25— 28
 - и социальная культурология — 5— 10, 25-28, 39-41
- Декадентство — 403, 545—547
- Динамика культуры — 278-303
 - возрождение - 289, 384
 - инверсия - 286-289, 518-519
 - застой — 284
 - кризис — 286, 464
 - обогащение и дифференциация -284-285
 - преобразование (трансформация) -291
 - реформаторство в культуре - 367
 - смена стилей — 283
 - упрощение и упадок — 285
 - цикличность — 286, 518
 - этапная — 282 Динамика религии
 - возрождение — 180
 - генезис и распространение — 355-357
 - реформация — 178—180
 - традиционализм — 473—474
 - фундаментализм — 297, 474—476
- Динамика цивилизации
 - восточных - 301
 - западной — 301
- Доиндустриальное общество - 332—351
 - его социокультурная система -345-351
 - и роль государства — 346—348
 - и его место в культурной
 - 583
- деятельности - 72, 210-212, 228-230, 234, 325, 386, 396-398, 412, 543
- Духовенство (см. также Интеллигенция и духовенство) — 328
- Духовное производство — 78—88

- в доиндустриальном обществе — 337-345
- в индустриальном обществе -387-403
- в постиндустриальном обществе 526-544
- его отличие от материального производства - 88-89
- его содержание — 79
- как создание духовных ценностей и смыслов - 78-89, 199-209
- как сохранение духовных ценностей и смыслов — 83, 202— 209
- Заемствования культурные (см. Диффузия культурная) — 299
- Знания - 140-149
 - и вера - 146-147, 362
 - и идеология — 144
 - информация — 147—148
 - марксистская социология знания — 140
 - типы знания — 142—143 Значения (смыслы) (см. также
- Функция обозначающая) — 149— 155
- Идеальный тип — 50
- Идеология и культура — 181—188
 - и массовое сознание — 188
 - типы идеологии - 470-481
 - подходы к идеологии - 182—184
 - определение — 184
 - функции — 186
- Индуизм - 353, 370, 375
- Индустриальное общество — 378—406
 - духовная структура буржуазного общества - 381
 - его противоречия - 398-403
 - его тип социальности — 379-385
 - социокультурные характеристики зрелого индустриального общества — 384-387
 - ценностные ориентации — 387— 390
- Индустрия культуры — 321
- Инновация культурная - 330
- Институты религиозные - 368-371
- Институты социокультурные (см. также Государство в функции института культуры, Образование и культура; Праздник; Предпринимательство и культура; Рынок и культура; Семья; Управление культурой) - 304, 327-331
 - в доиндустриальных обществах -305-306
- Интеллигенция и культура - 328—331, 502-504
 - в развивающихся странах — 457— 459, 461-467
 - ее функции — 329-330
 - и духовенство - 329
- Информация - 147-148
- Информационное общество (см. также Постиндустриальное общество) — 525
- Информационные технологии — 16, 148, 203-205, 525-534
- Искусство (см. также Художественная культура)
 - и общество - 189-192
- Ислам - 353, 370, 375, 474-478, 490
- Католицизм - 373, 470-474, 490
- Классовая культура (см. Субкультуры) Колониализм и культура - 401, 426—438
- Коммерциализация культуры (см. Культура и рынок) Коммуникация культурная (см. Функция коммуникативная)
 - ее типы - 218-222, 444
- Контркультура — 536-544
- Конфуцианство - 353-356, 370-371
- Концепции культуры
 - в марксистской философии культуры - 29-31
 - как все, созданное человеком — 17
 - как духовное производство — 78— 87
 - как заученное поведение -17-19
 - как многообразие - 19-21
 - как особая сфера деятельности — 16-17
 - как уровень развития — 13—16
 - как этническая общность — 21—22
 - надстроечная - 279-282
 - просветительская -13, 41-43 Культ вождей - 359, 508
- 584
- Культ религиозный — 169, 177
- Культура
 - аудиовизуальная — 222, 408, 530-536, 547-548
 - бесписьменная и письменная -220-221
 - духовная и материальная — 78
 - и деятельность - 71—78

- и политика — 348—351, 420
- и право - 383, 387, 389, 428
- и религия — 164—172
- и спорт - 127, 213, 231, 322, 397, 544, 549
- и техника - 88-89, 384-387, 399-403
- как репрессивное начало - 84— 87, 144, 407, 415-418
- как творчество - 291-299, 329-331
- классическая — 403—404
- определение понятия — 34-35, 78-79
- повседневности — 136—140
- практически-действенная — 495
- светская (см. Священное — Светское) - 170-172, 360-366, 371-373
- специализированная — 210—212
- срединная - 135-136, 273, 518
- телесная - 127
- хозяйственная - 367-368, 380— 381
- Культура западноевропейского общества
- ее формирование — 376—378
- Культура российского общества (см. Цивилизация российская) — 481-524
- Культура советского общества — 504— 513
- и социокультурные проблемы модернизации — 513—524
- Культурная независимость — 436-437
- Культурная политика — 310—320
- Культурная экспансия Запада — 432-434
- Культурное наследие (см. Преемственность) - 294-295
- Культурные ареалы — 254
- Личность и культура — 236—251
- в восточных культурах — 241—246
- в западной культуре — 242—246
- маргинальная — 249
- Масс-медиа - 222, 386, 408-414
- Массовая культура — 403—406
- ее функции — 408—414
- ее критика — 415—418
- и мидкульт — 416
- и реклама - 395-397, 411-412
- Массовое общество — 385, 386, 406—418
- Межэтническая культура (см. Этническая культура)
- Меценатство — 499
- Мировая культура — 438—441
- Мистицизм в системе культуры — 177-178
- Мифология — 157—164
- в традиционном обществе — 157— 160
- и искусство — 160, 162—163
- и религия - 160-161
- механизм действия — 159—162
- определение — 158
- современное использование мифологии — 163—164, 359
- Многоукладность социокультурная — 462
- Мода как явление культуры — 101
- Модернизация — 454—480
- ее определение — 458
- ее противоречия — 462
- и идеология — 470—480
- и личность — 247—251
- и конфликт культур — 464
- и симбиоз культур — 463
- и синтез культур — 466
- Модернизм - 404—406
- Наследие культурное — 294—301, 515—518
- Наука и культура — 192—196
- Национальная культура — 265—272, 383
- и национализм — 271, 383, 493
- Нация как социокультурная общность — 265-272
- Нормы культурные — 104-114
- и нарушение норм — 108—114
- нормативная избыточность — 110
- Образование и культура — 324—326
- Обычай - 102-104
- «Осевое время» — 357
- Отчуждение - 215, 398

Память историческая (см. Преимущество культурная) — 202—207

585

Письменность - 220-222

Планирование культурное — 315

Плюрализм культурный (см. также Типология культур) — 19—20

— в доиндустриальном обществе — 345-346

— в Западной Европе — 375, 440, 442

— в постиндустриальном обществе — 530-544

— в развивающихся странах — 437, 440

Поведение аффективное и культурно-регулируемое — 99—102

Подходы к изучению культуры (см. также Концепции культуры)

— авангардистский — 61-63

— веберовский — 50-53

— диффузионизм - 48—49

— компаративистский - 50—53, 354

— марксистский - 28-31, 60, 72-73, 165, 207, 232, 281, 384, 398, 468

— незападные школы — 66

— символический интеракционизм — 57-59

— социологизаторский — 59-61

— структурно—функциональный -53-57

— формационный (см. Концепция надстроечная)

— цивилизационный — 65

— эволюционистский —43—48

— эмпирический — 67—69

Полиморфизм культуры - 64, 131—140, 291, 549

Политическая культура — 345—351

— в традиционном обществе — 346

Постиндустриальное общество — 525—550

— его концепции — 526—534

— и его характеристики — 535—541

— и роль культуры — 535-538, 545-550

Постмодернизм —545—546

Православие — 484—490

Праздник - 326-327

Предпринимательство и культура — 317-320, 380, 391-396, 538-544

Преимущество культурная (см. Функции культуры) Прогресс в культуре - 282, 291, 294

Просветительство, его роль в распространении культуры — 41—43, 382, 431

Протестантизм - 373-376, 479

Распространение культуры — 85, 221— 222, 299-300

Рациональность - 51, 105, 213-215, 362

Реклама и культура - 395-397, 411— 422

Религиозное — мирское (см. также Священное — светское) - 175—178

Религия и культура (см. также Динамика религии)

— восточные - 167, 352-355

— ее духовные функции —172—178, 356-359

— ее компоненты — 164—169

— и вера в Бога — 166—170

— и государство - 357, 370-371, 490-494

— и мистика -177—178

— и «осевое время» — 357

— и хозяйственная деятельность — 367-368

— как мотивация социального действия — 172

— как фактор интеграции и дифференциации общества — 175—176

— полиморфизм религиозный — 355-364

— Священное Писание и Предание — 175-176, 360-366, 371-373

— типы мировых религий - 352-355

Реформация религиозная (см. также Динамика религии)

— в западном христианстве — 373— 376

— в восточных религиях - 478

Рынок и культура - 316-320, 544

Самобытность культурная - 206-209, 280-281, 436, 467, 473

— ее определение - 208—209

Священное — Светское — 170, 360—366, 371-373

Сектанство религиозное — 364

— и типология сект — 365

Симбиоз и синтез — 463—466

Семья как институт культуры - 222-223, 305, 319

Социализация личности - 244-247

Социальная культурология - 5-10, 35-37, 39-41

— ее применение — 35—37

586

- и гуманитарное культуроведение
- 25-28
- формирование — 39—41
- Социология знания, ее задачи и принципы — 140—149
- Спасение религиозное и рационализация поведения — 174—175, 360—366
- типы спасения и их социальная функция - 360-366, 374
- Средства массовой коммуникации - 220-222, 385, 408-410, 434-436, 446
- Субкультуры - 258-261
- бедности — 258
- богатых - 259
- гендерная - 152—154
- городская и сельская — 258
- девиантная - 111-114, 216
- классовая - 256—258
- криминальная — 260, 285
- молодежная — 260
- периферийная — 260
- элитарная — 260
- Теория модернизации — 455—458
- Типология культур — 249—276
- историко-этнографические типы - 256
- культурные скопления — 256
- национальные типы — 265—272
- формационные типы — 256—258
- функциональные субкультуры (см. Субкультуры) — 258—261
- хозяйственно-культурные типы - 254
- цивилизация как социокультурный тип (см. Цивилизация) - 272-278
- этнические типы — 261—265
- Типы социальности
- аскриптивная и достижительная - 383
- в доиндустриальном обществе — 333-337, 345-346
- в индустриальном обществе — 379-380
- в постиндустриальном — 534
- межличностная (коммуналистская, коммунократическая) — 100—111, 333-337, 345-346
- рыночная (товарно-денежная) — 379
- Традиция культурная — 280—302
- ее определение - 280
- «перегрузка» термина - 282
- Универсализм социокультурный — 272-274, 390
- Управление культурой - 309-316
- в СССР - 314-315
- органы управления — 315 Учреждения культуры - 320
- Фольклорная культура - 305, 344 Функции культуры - 196—236
- дифференцирующая - 215—217
- игровая - 230-232
- интегративная - 221—222
- коммуникативная — 218-222
- компенсаторная — 229—230
- латентная — 232—236
- накопления и сохранения — 202— 209
- обозначающая (см. Значения) - 149-155
- преемственности — 232
- производство новых смыслов, норм, ценностей и знаний — 199-202
- рекреативная (см. компенсаторная) - 230
- социализирующая — 222—229
- целеполагания — 210—218
- Функция и дисфункция — 232—236
- Хозяйственная культура — 367—368, 380-381, 394-396
- в постиндустриальном обществе - 538-544
- и потребление (спрос) — 396—398
- и предпринимательство — 317— 320, 380, 391-396, 538-544
- Христианство (см. также Православие) - 484-490
- Художественная культура - 182-192
- Цель и средства - 213-214 Ценности — 114
- богатство как ценность - 116, 340-344, 374-375, 388
- в индустриальном обществе — 387-390
- витальные — 115
- в доиндустриальном обществе - 337-445
- механизм их действия - 129
- определение — 120

- солидаризм — антагонизм — 339
- 587
- стыд — вина — 338
- практицизм как ценность — 123— 125, 495
- телесность — 127
- типы ценностей — 114
- труд как ценность — 118—119, 374-375, 388, 494, 538
- эрос - 128
- эгалитаризм — иерархизм — 339
- успех — 388 Цивилизация — 272
- восточные цивилизации — 276, 371
- западная (евро-американская) -277, 405
- ее определение — 272-274
- ее функции — 274
- и государство — 272
- классификация — 276
- Цивилизация российская — 481
- ее противоречия — 486—490, 491— 492, 510-520
- ее этническое разнообразие — 483-484
- и интеллигенция — 502—506
- и роль государства - 492-495
- отсутствие сложившегося целостно-смыслового ядра — 489-490
- поликонфессиональность — 490— 491
- роль православия - 484—486
- циклический характер перемен (инверсионные повороты) — 518-519
- Шоу-бизнес - 315, 321
- Эмпирический подход к изучению культуры - 33-34, 74-78
- Эсхатология — 173
- Этническая культура - 21—22, 261—265
- Этноцентризм — 261—272
- Язык как явление культуры - 147, 149-152, 382
- Языки межэтнического общения — 263, 421

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверинцев С.С. - 174, 350, 360
- Арутюнов С.А. - 420, 425
- Ахиезер А.С. -519
- Беккер Г. - 170, 171
- Белл Д. - 406, 526, 534, 535
- Бенедикт Р. — 54
- Бердяев Н.А. - 65, 272, 403, 487, 508
- Богданов А. — 59
- Бродель Ф. - 47, 65, 137
- Бэкон Р. - 182
- Вебер М. - 25, 26, 33, 38, 50-53, 64, 65, 87, 97, 101, 117, 124, 126, 139, 141, 170, 174, 176, 193, 198, 213, 214, 343, 353, 354, 356, 359, 361, 374, 407, 457, 501, 539
- Вико Дж. — 41
- Виндельбанд В. - 26
- Вольтер Ф. - 41, 124
- Выготский Л.С. - 72, 238
- Гайденко П.П. - 53
- Гегель Г. - 45, 279, 294
- Гердер Й.Г. фон - 21, 41
- Гете И.В. - 41
- Гофман А.Б. - 416
- Гумбольдт В. — 41
- Гумилев Л.Н. - 44
- Гуревич А.Я. -95, 119, 226
- Давыдов Ю. - 53, 61
- Данилевский Н. - 39, 48, 65
- Дюмон Л. — 336
- Дюркгейм Э. - 38, 44, 49, 50, 75, 94, 97, 141, 168-171, 198, 210, 215
- Замошкин Ю.А. — 121
- Зиммель Г. — 213
- Зомбарт В. - 126, 337, 342, 343, 539
- Ильин И. - 65, 486
- Ильенков Э.В. - 73
- Каган М.С. - 189
- Кант И. - 294

- Карлейль Т. — 44
Карсавин Л. — 65
Кассирер Э. - 57, 158, 199
588
Келли В. - 22
Клакхон К. - 22, 34
Кон И.С. - 238
Кондаков И. — 519
Конт О. - 44
Крёбер А. - 34, 54, 272
Левада Ю.А. - 172, 294
Леви-Стросс Х. - 158, 160
Ленин В.И. - 38, 59, 60, 499, 506, 549
Леонтьев К. — 65
Лившиц М. - 59
Лихачев Д. С.-296
Лосев А.Ф. - 158, 289, 290
Лотман Ю.М. - 149, 163
Луначарский А.В. — 38
Маклуэн Г. - 197, 220, 221, 412, 547
Малиновский Б. — 38, 54
Маннгейм К. — 141
Маркс К. - 73, 94, 97, 117, 183, 210, 217, 232, 294, 380, 385, 400, 456, 457, 467, 549
Маркузе Г. - 61, 415, 526, 527, 549
Мелетинский Е.М. - 158, 159, 163
Мертон Р. - 38, 55, 68, 144, 145, 158, 159, 163, 214, 215-217, 232, 233, 235
Мид М. - 38, 54
Миллс Р. - 56, 57, 68
Моисеев Н. — 16
Моль А.-538
Монтескье Ш.Л. — 41
Морган Л. - 38, 44
Нидэм Дж. - 195 Ницше Ф. - 160, 162, 405
Нортроп Ф. - 272
Нусинов Н. - 59
Нэсбитт Д. - 528, 543
Ортега-и-Гассет Х. — 415
Парсонс Т. - 18, 38, 55, 56-58, 68, 77, 105, 210, 219
Переверзев В. - 59
Печчеи А. - 523
Плеханов Г.В. - 38, 59, 60, 506
Радклифф-Браун А. - 38, 54
Разлогов К.Э. - 408, 410, 411, 414
Рейч Ч.-61, 539
Риккерт Г. - 26
Роззак Т.-61, 539
Сорокин П.А. - 39, 68, 101, 141, 253, 256, 273, 280, 345
Спенсер Г. - 38, 44
Тайлор Э. - 38, 44
Теннис Ф. - 94, 213
Тойнби А. - 39, 44, 47, 65, 66, 273, 276, 279
Токарев С.А. - 159
Тоффлер О. - 526, 528, 533
Турен А. - 243
Уоллерстайн И. — 47
Фанон Ф. - 298, 307
Федотов Г.П. - 65, 486, 502
Франк Г. - 47
Фрезер Дж. - 44, 152
Фрейд З. - 38, 57, 74, 75, 101, 102, 158, 405
Фриче В.М. - 59
Фромм Э. - 101, 102, 117, 379, 387, 401, 402, 405, 537
Хабермас Ю. — 61
Хайдеггер М. - 405
Хёйзинга И. - 198, 199, 231
Шеллинг - 294
Шпенглер О. - 39, 47, 65, 195, 272, 279, 455
Шиллер Ф. — 41
Эбуддин П. - 528, 543
Эванс-Причард Б. — 54
Эйзенштадт Ш. - 47, 357, 458, 502
Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. — Издание третье, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

Элиаде М. - 158, 196, 203, 286, 287
 Энгельс Ф. - 45, 94, 183, 217, 232, 259, 456, 457
 Юнг К. - 38, 57, 159, 162, 403
 Ясперс К. - 355, 405

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	5
Часть I. Методологические основы социальной культурологии	
Глава I. Культура как предмет социальной культурологии.....	11
Глава II. Становление социальной культурологии.....	38
Часть II. Средства и структура социокультурной регуляции	
Глава III. Культура в системе производства и социальной регуляции.....	71
Глава IV. Содержательные элементы духовной жизни общества: обычаи, нормы, ценности, смыслы и знания.....	99
Глава V. Структурные компоненты духовной деятельности: мифология, религия, идеология, художественная культура, наука.....	157
Глава VI. Функции культуры.....	197
Глава VII. Культура и личность.....	237
Глава VIII. Типология культур.....	252
Глава IX. Динамика культуры.....	279
Глава X. Социальные институты культуры и управление культурой.....	304
590	
Часть III. Типы социокультурной регуляции	
Глава XI. Доиндустриальный тип социальности и культурная регуляция.....	332
Глава XII. Мировые религии в социокультурной системе.....	351
Глава XIII. Социокультурные характеристики индустриального общества.....	378
Глава XIV. Массовое общество и культура.....	406
Глава XV. Взаимодействие культур и межкультурная коммуникация.....	418
Глава XVI. Социокультурные аспекты модернизации.....	454
Глава XVII. Социокультурные характеристики российского общества.....	481
Глава XVIII. Социокультурные характеристики постиндустриального общества.....	525
Рекомендуемые темы семинарских занятий или рефератов с примерными вопросами к ним и литературой.....	551
Рекомендуемые экзаменационные вопросы по предмету «Социальная культурология».....	580
Предметный указатель.....	583
Именной указатель.....	588

Учебное издание Борис Сергеевич Ерасов

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ведущий редактор **Л.Н. Шилова**

Редактор Н.В. Евстигнеева

Технический редактор **Н.К. Петрова**

Корректоры М.П. Молокова, А.А. Барина

Компьютерная верстка **О.С. Коротковой**

ИД №00287 от 14.10.99

Подписано к печати 16.05.2000. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37.

Тираж 5000 экз. Заказ № 892.

Издательство «Аспект Пресс». 111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.

e-mail: Aspect.Press@relcom.ru

Тел. 309-11-66,309-36-00

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-7567-0132-X

Сканирование и форматирование: [Янко Слава](http://yanko.lib.ru) (Библиотека [Fort/Da](http://yanko.lib.ru)) || slavaaa@yandex.ru ||

yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека:

<http://yanko.lib.ru/qum.html> || Номера страниц - внизу

update 18.12.06
